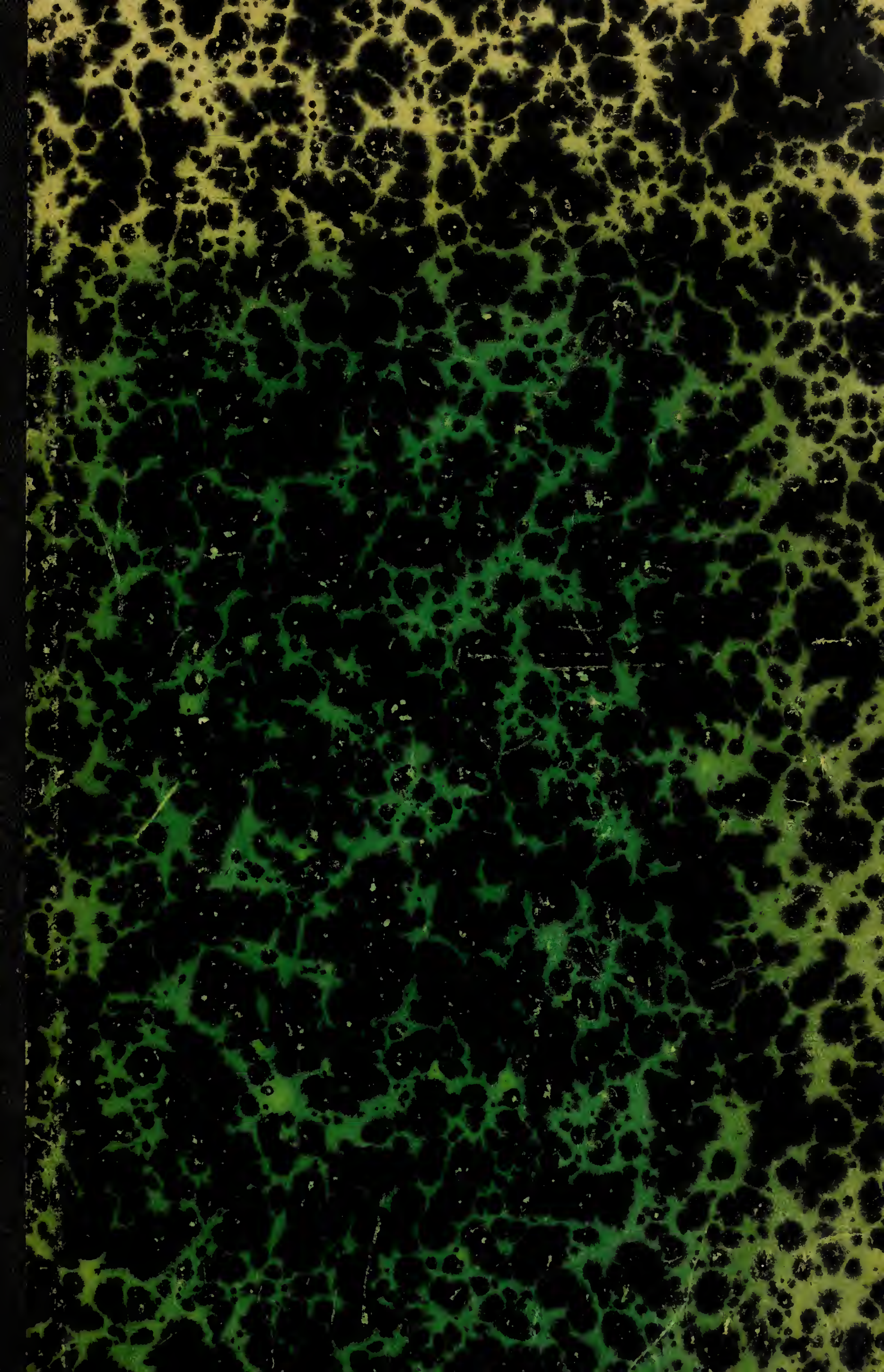
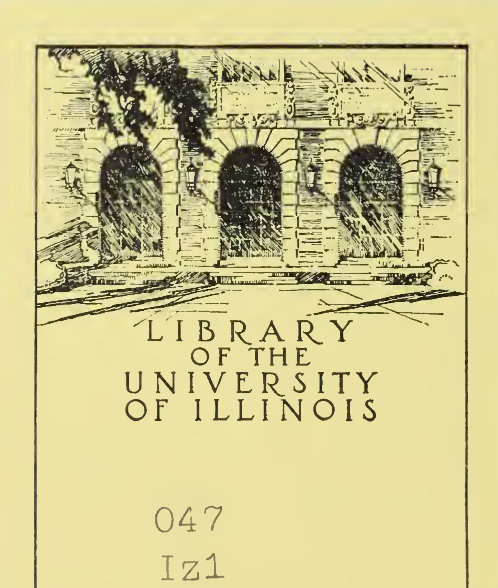

К҃Є

Изборникъ Кіевскій

КІЕВЪ.

҂АЦД.

Печатано по постановленію Совѣта Историческ. Общества Нестора-лѣтописца.
Предсѣдатель Общества *Н. Дашкевичъ.*

Въ типографіяхъ Т. Г. Мейнандера, И. А. Барскаго, И. И. Чоколова
и Кіево-Печерской Лавры.

ТИМОѲЕЮ ДМИТРІЕВИЧУ

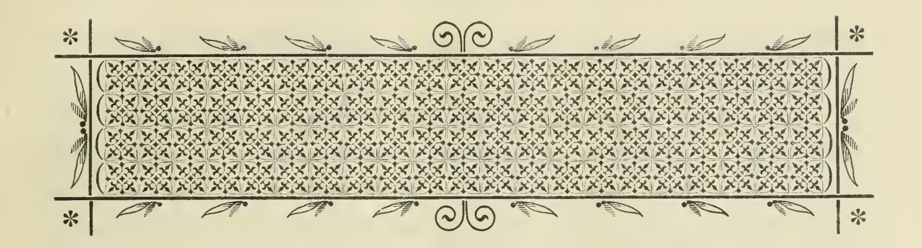
ФЛОРИНСКОМУ

ПОСВЯЩАЮТЪ

ДРУЗЬЯ И УЧЕНИКИ.

П. Флоринский

Римскій Патерикъ въ древнемъ церковно-славянскомъ переводѣ.

Древнее житіе славянскаго первоучителя Меѳодія, разсказывая о предпринятыхъ Меѳодіемъ переводахъ, упоминаетъ о переводѣ „отеческихъ книгъ“ (гл. XV). Такъ какъ въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ слово *кънигы* имѣетъ значеніе нашего *книга*, то большинство ученыхъ видитъ въ этихъ „отеческихъ книгахъ“—*πατερικὸν βιβλίον*, одинъ изъ греческихъ патериковъ.

Но какой именно? Синайскій Патерикъ, или „Лугъ Духовный“ Іоанна Мосха, самый извѣстный изъ патериковъ, былъ переведенъ на церковно-славянскій языкъ несомнѣнно не въ кружкѣ Меѳодія; то же можно сказать и о томъ Азбучномъ Патерикѣ, церковно-славянскій переводъ котораго дошелъ до насъ, между прочимъ, въ Румянцевскомъ спискѣ № 307. Остается Римскій Патерикъ, или Бесѣды папы Григорія Великаго.

Списки церковно-славянскаго перевода Римскаго Патерика не представляютъ особой рѣдкости [1]); но особенно древнихъ между ними нѣтъ. Изъ нихъ лучшій, на нашъ взглядъ,— Синод. Библ. № 265, XV—XVI в.; но намъ пришлось пользоваться спискомъ Имп. Публ. Библ. Погод. № 909, XVI в.,

---

[1]) Отъ этого перевода въ его первоначальномъ видѣ надо отличать переводъ исправленный, дошедшій, между прочимъ, въ двухъ южно-славянскихъ спискахъ XIV в.—Имп. Публ. Библ. Q. I. 275 и Виленск. Публ. Библ. № 3.

имѣющимъ свои достоинства, но съ перебитыми при переплетѣ листами [1]).

Переводъ Римскаго Патерика сдѣланъ, несомнѣнно, съ греческаго перевода латинскаго подлинника [2]); переводчиковъ было, повидимому, двое, оба одинаковаго достоинства. Ихъ трудъ исполненъ нѣсколько небрежно, обыкновенно буквально, мѣстами нѣсколько свободно, съ цѣлымъ рядомъ ошибокъ. Такъ, собственное имя Βουκόλος принято за нарицательное и переведено пастухъ 104 [3]); то же сдѣлано съ собственнымъ именемъ Θεόπρεπος боголѣпьнъ 50; ἐν τῇ πόλει Σπολήτης передано черезъ въ градѣ гражданина 72 об.; Ἀρμενταρίου τοῦ ἰλλουστρίου—черезъ нетии Арментаріевъ илутрьскаго 68 об.; τῶν στρατιωτικῶν βερέδων—черезъ воевода вередонескъ 58 об.; διδασκαλίας χάριν—черезъ учительныя ради благодѣти 7, и др.

Любопытны поясненія къ отдѣльнымъ словамъ перевода: патрикіи *сирѣчь боляринъ* 1 об. πατρίκιος; въ своемъ надрѣ *сирѣчь в лонѣ* 3 об. ἐν κόλπῳ; дѣлатель нѣкто *сирѣчь ратаи* 9 об. γεωργός τις; малъ съсудъ древянъ *сирѣчь хлѣбецъ* (?) вина наліавъ 16 об. μικρὸν σκεῦος ξύλινον; діакона своего *сирѣчь слугу* 20 об. τὸν διάκονον; ни на святительскыи степень не възлази, *сирѣчь въ санъ* не възлази 37 об. μηδὲ ἱερατικῷ βαθμῷ ἐπιβῇς; икономъ *сирѣчь смотреникъ* 45 οἰκονόμος; веліа тишина *сирѣчь яснина* 66 θαυμαστὴ εὐδία; мою версту прѣвъсходяаше *сирѣчь старѣи мене бѣ* 70 об., мало пчелиныихъ съсудъ, *сирѣчь ульицъ* 75 об. μελισσῶν σκεύη; къ искрьнему *сирѣчь къ ближнему* 89 ὁ πλησίον; умиленію его *сирѣчь покаанію* 98 τῆς κατανύξεως; землю полунощную *сирѣчь сѣверную* 98, τὴν γῆν τοῦ ἄρκτου; землю почрѣплемую *сирѣчь водную* 99 τὴν ὑδρευομένην.

Данныя языка, не смотря на позднее время Погодинскаго списка, представляютъ немало своеобразнаго.

---

[1]) Отрывокъ—въ Чудовскомъ сборникѣ XIV в. № 20, л. 294 сл.

[2]) Послѣдній, кромѣ отрывковъ, утраченъ. Мы пользуемся греческимъ текстомъ по *Migne'ю*, Patrologiae cursus completus, series latina, t. 77.

[3]) Цифры означаютъ листы Погодинскаго списка.

Въ области звуковъ можно отмѣтить: употребленіе *ѣ* на мѣстѣ греческаго *α* послѣ *ц* и *л* въ собственномъ имени Ц*ѣлѣ* Τζαλλᾶς (тъи *Цѣлѣ* преста, готфинъ *Ицѣлѣ* зовомъ 46 об., оного *Цѣлѣ*, грѫдаго *Цѣлѣ* 47); употребленіе *ѣ* послѣ *н:* сына Іоннафан*ѣ* υἱοῦ Ἰωανάθαν 9 об.; слѣды *юса большого* на мѣстѣ греческихъ сочетаній ον, ουν: *лу*говарди λογγοβάρδοι (часто; но: *лан*гуварди 9 об., съ *а*—по нѣмецкому произношенію?), Ф*у*дъ Φοῦνδη 2 и др. (мѣстное названіе), Ав*у*діи Αβοῦνδιος 75 (имя).

Въ области формъ обращаютъ на себя вниманіе многочисленныя формы творит. пад. множ. ч. на *ъми* и *ьми*: помысл*ъми*, образ*ъми*, глагол*ъми*, трус*ъми*, кvмвал*ми*, луговард*ъми*, дѣл*ъми*, врач*ьми*, раздѣлен*ьми*, знамен*ьми*, лиша*ими*; им. мн.: гоѳ*у* 61, гоѳт*у* 70 об., 71 Γότθαι; вин. ед. неплод*ы* (почто жену неплод*ы* поя 13 об. διατί σύζυγον στεῖραν ἔλαβε); дат. ед. врѣмен*е* (*врѣмене* обѣднему 96), отрочат*е* (аще ключися что *отрочате* 97 τῷ παιδίῳ); слѣдъ формы рѣдкаго аориста: *обрѣ* 17 εὗρε, нача*ся* 2 ἤρξαντο, вси въ домъ възлѣз*у*ть 96 ἀνῆλθον; сверхъ того, обычны нечленныя формы прилагательныхъ разныхъ падежей: кожами овчин'н*а*ми 7 об., въ Кампаніиск*а*хъ странахъ 67, человѣчьск*а*мъ душамъ 91 об. Въ области синтаксиса также есть кое-что любопытное: конець (μέρος) *томъ камени* приби 68 об., иже *праздницѣ* приближашеся день 15 об., *томъ часѣ* συντόμως.

Но особеннаго вниманія заслуживаетъ словарный матеріалъ. Только въ переводѣ Римскаго Патерика мы имѣемъ: *спруци*, *спрюци* 3 об. (нѣсколько разъ) Φράγκοι (срв. съ *фрянгы* μετὰ Φράγκων), въ *Равны* (вин. мн.) ἐν Ῥαβέννῃ, Валеріа*нь*ская страна 6, 9 об., 22 (съ *латинскимъ* суффиксомъ!) ἡ τῆς Βαλερίας χῶρα. Сверхъ того, стоитъ отмѣтить слова: *апостоликъ* (о папѣ) ἀποστολικός, *правая* вѣра ὀρθόδοξος, *правовѣрьнъ* 77 об. и др. ὀρθόδοξος, *кафоличьскъ* καθολικός, *огньная матица* γέεννα, *великыи дьнь* ἑορτή, *крестъ* крещеніе (отьць бѣ изялъ исъ *креста* ἦν ἀναδεξάμενος, срв. чешск. křest), *покаязньнъ*, *общеніе* κοινωνία, *вьсемогыи* παντοδύναμος, *ближика* ὁ πλησίον, *вѣкъ* κόσμος, *кумсъ и брѣгачіи* κόμης, *съвьрсть* γῆρας.

Словарныя данныя связываютъ переводъ Римскаго Патерика вообще съ древнѣйшими текстами, въ частности съ такими, какъ житія первоучителей, переводъ Номоканона Іоанна Постника и переводъ Бесѣдъ папы Григорія Великаго[1]), и дѣлаютъ вѣроятнымъ, что если при Меѳодіи былъ переведенъ какой-нибудь патерикъ,—такъ это Римскій Патерикъ.

Римскій Патерикъ заключаетъ въ себѣ рядъ цитатъ изъ книгъ священнаго писанія. Вотъ нѣсколько изъ нихъ.

ЕВАНГЕЛІЕ:

Мѳ. VI, 23: аще око твое лукаво будеть, все тѣло твое темно будеть.

Мѳ. VIII, 31: моляахуть и дуси глаголюще: аще изгониши ны, повели намъ въ стадо свиное внити.

Мѳ. IX, 31: они же шедше прославиша и по всеи земли.

Мѳ. XVII, 9: дондеже сынъ человѣчь изъ мертвыихъ въстанеть.

Мѳ. XX, 22—23: можета ли пити чашю, юже азъ хощю испити... чашю мою испиета, сѣсти же одесную мене, ли ошуюю, нѣсть мнѣ сего дати, но имъже уготовася.

Мѳ. XXV, 46: отидуть си въ муку вѣчную, правдивіи же въ жизнь вѣчную.

Лука XV, 11 сл.: шедшаго въ страну далече и своего имѣніа чясть изѣдша и единомъ тѣхъ гражданъ прилѣпившася, свиніа же пасша, яже видяше рожца ядуща, себе же гладомъ мруща, иже начатъ въ себе помышляти о благыихъ, яже погуби...... въ себе пришедъ рече: колико отца моего наимникъ въ дому его избыточьствують хлѣби, иже нынѣ съ нимъ суть....

Лука XVI, 15: вы есте оправдающе себе предъ человѣкы, Богъ же съвѣсть сердца ваша; еже бо высоко въ человѣцѣхъ, мерзость отъ Бога есть.

---

[1]) См. нашу статью о церковно-славянскихъ текстахъ моравскаго происхожденія въ *Русск. Филолог. Вѣстн.* 1900 г. № 1.

Лука XVI, 19 сл.: възрѣвъ, богатыи видѣ Авраама издалеча и Лазора въ пазусѣ его;... помяни, чадо, яко ты взя благая своя въ животѣ своемъ и Лазорь тако злая... Молю тя, отче, да пустиши ми въ домъ отчь...

Іо. I, 1—3: искони бѣ слово и слово бѣ у Бога и Богъ бѣ слово... вся имъ быша.

Іо. I, 9: бѣ свѣтъ истинныи, иже просвѣщаеть всякого человѣка грядущаго въ миръ.

Іо. I, 16: отъ избытка его вси пріахомъ.

Іо, III, 8: идѣже хощеть дышеть.

Іо. XII, 24: зерно пшенично, испадъ на земли, аще не умреть, само едино пребудеть, аще же ли умреть, многъ плодъ сътворить.

Іо. XII, 35: ходите доньдеже свѣтъ имате.

Іо. XVI, 7: аще азъ не иду, параклитъ не пріидеть къ вамъ.

АПОСТОЛЪ:

I Іо. III, 16: якоже самъ душю свою за ны положи, длъжни есмы и мы за братію нашю душю полагати.

I Коринѳ. II, 9—12: ихъже око не видѣ, ни ухо слыша, ни на сердце человѣку не взиде, яже уготовалъ есть Богъ любящимъ его, намъ же открылъ есть Богъ духомъ своимъ;... кто бѣ [1]) отъ человѣкъ въ человѣцѣ токмо духъ въ человѣцѣ, живыи въ немъ; тако и Божіихъ никтоже разумѣ, токмо духъ Божіи. Мы же не духа мира сего пріахомъ, но духъ, иже отъ Бога есть.

I Коринѳ. VI, 10: клеветници царства Божіа не наслѣдять.

I Коринѳ. VI,17: прилѣпивыися Господеви единъ духъ есть.

I Коринѳ. VII, 3: мужь должьную постелю [2]) женѣ да отдасть, тако же и жена мужеви.

I Коринѳ. IX, 22: всѣмъ всякъ быхъ, да вся нѣкыя спасу.

---

[1]) Описка, вмѣсто *вѣ*.

[2]) Греч. εὔνοιαν! Христинопольскій Апостолъ: *любъвь*.

ПСАЛТЫРЬ:

Пс. 85, 13: избави душю мою отъ ада прѣисподняго.

Пс. 117, 29: яко въ вѣкы милость его.

Пс. 118, 13: въ устну моею исповѣдахъ вся судбы устъ твоихъ (рядомъ: въ устну моею извѣстихъ вся судбы устомъ твоимъ).

Бытіе, XVII, 4: отца многымъ языкомъ положихъ тя.

Бытіе, XXI, 13: въ Исацѣ наречеть ти ся сѣмя.

Бытіе, XXII, 17: благословя благословлю тя и умножа умножю сѣмя твое, яко звѣзды небесныя и яко пѣсокъ въскраи моря.

Бытіе, XXV, 21: Исаакъ проси у Бога о женѣ своеи, понеже бяше неплоды, и послуша его и дасть зачятіе Ревецѣ.

Исаія, XLVII, 1: праведникъ погыбаеть, и никтоже помышляеть въ сердци своемъ, милостыня мужи събирають, яко нѣсть разумѣющаго.

Исаія, XLIX, 8: въ врѣмя пріатно послушахъ тебе.

Даніилъ, II, 29 сл.: ты, царю, на ложи своемъ мыслити нача, что хощеть быти, по семъ же и обавляаи таины явить и будущая;...се видяаше, яко икона стояше прѣдъ тобою, и образъ иконы твоея великъ и высокъ.

Даніилъ, VIII, 27: и азъ обнемощахъ на дни многы.

Сравненіе этихъ извлеченій съ книгами священнаго писанія въ древнемъ переводѣ показываетъ, что переводчики Римскаго Патерика были знакомы съ этимъ переводомъ, хотя и не вполнѣ слѣдовали ему.

Предлагая свои извлеченія изъ словарнаго матеріала Римскаго Патерика, мы преслѣдуемъ лишь одну цѣль—способствовать выясненію вопроса о размѣрахъ дѣятельности первыхъ славянскихъ переводчиковъ.

Абіе εὐθέως 3, —томъ часѣ παραχρῆμα 2.
адъ ᾅδης 83 и др.
аеръ ἀήρ 6 об. и др.
алкати νηστεύειν 65 и др.
алчьба πείνη 101, νηστεία 98, —велика μεγαλόπονος ἄσκησις 85 об.
амо ὅπου 79.
апостоликъ и папежь 1, 23 об. (заглавіе); отьцъ вашъ апостольскыи ликъ (чит.: апостоликъ) ὁ πατὴρ ἡμῶν ὁ ἀποστολικός 8 об.
апостольскъ столъ ἀποστολικὸς θρόνος 82.
апостольство ἀποστολή 23.
аргаліе ἐργαλεῖον 7.
аріанъ ἀρειανός 77 об.

Батогъ φλαγέλλιον 3 и др.
безъдушьнъ ἄψυχος 92.
бездождіе ἀβροχία 67.
безлобіе ἀκακία 9 об.
безраченъ ἀειδής 10 об.
безмолвіе ἡσυχία 13 и др.
безмолвствовати ἡσυχάζειν 4 об.
бестудно ἀναιδῶς 16.
безумное слово ἄκαιρος λόγος 1 об.
бесѣда συντυχία 42 об., 66 об., ὁμιλία 106.
бещестіе ἀτιμία 62 об.
бити μαστιγοῦν 70 об.
благовѣрьнъ εὐλαβής 5 об.
благодареніе εὐχαριστία 5 об.
благодать, благодѣть χάρις 11, 20, 72 и др., χάρισμα 7 об.
благодѣтенъ даръ εὐεργεσιῶν 53 об.
благородьнъ εὐγενής 4 об. и др.
благородство εὐγένεια 42 об.
благословеніе, —вленіе εὐλογία 69 об. и др., 63 и др.
благословити εὐλογεῖν 25 об.
благочьстьнъ εὐσεβής 1 об.
благоюханіе εὐωδία 78 об. и др.
благъ ἀγαθός 56 и др.
благыни ἀγαθωσύνη 66.
блаженъ μακάριος 73 и др., εὐλαβής 62 об. и др.
блазнитель ἐπιθέτης 62.
ближика ὁ πλησίον 9 и др., οἰκειότατος 18.
ближьнь γειτνιάζων 52, ὁ πλησίον 78.
близъ мене γνησίως μοι 70 об.
блудити πλανᾶσθαι 9.
блудъ πορνεία 80 об. и др.
блюсти βλέπειν 53 и др.
богатьство χρήματα 3 и об.
богодарьнъ τῷ Θεῷ δεδωρημένος 79.
болѣзнь πόνος 24 об., 89 и др., ὀδύνη 94 об., ἀῤῥωστία 60, ἀσθένεια 96; въ—въпасти ἀσθενεῖν 74 об.

Орѳографія оригинала сохранена за немногими исключеніями; титла раскрыты.

боляринъ πατρίκιος 29 об., 49 об., и др., ἀδβόκατος 104.
бракъ γάμος 72 об., γάμοι 62.
брань πόλεμος 3 об., 64 и др. διάτασις 88 об., πολεμήτωρ 76 и об.
брашно βορά 59 об.; брашьна (мн.) βρῶσις 76 об.
бразды (мн.) χαλινάριον 3 об.
врьху б р ь ж д ь к о в и ἐπάνω τοῦ μαρουλίου 7.
брѣгачіи κόμης 36 об.
брѣгъ κρημνός 25, 67 об. и др.
брѣжная упадь κρημνός 68 об.
брячница σίστρα 15 об.
бубнъ кvмбальскыи ἦχος τῶν κυμβάλων 15 об.
буи ὠμότατος 60 об.
бодръ ἄγρυπνος 14.
бдѣти γρηγορεῖν 82 и др.
болгарьскомъ языкомъ τῇ τῶν Βουλγάρων γλώσσῃ 104.
бывати συμβαίνειν 2 об., γίνεσθαι 73 об.; будяаше ἐγένετο 67, будущия жизнь μέλλουσα 1.
быліе βότανον 53 об.
бѣгъ δρᾶμα 73 об.
бѣда ἀνάγκη 37 об., 61 и др.; κίνδυνος 68 об., 109.
бѣденъ δύσβατος 68, δύσκολος 92, ἐπίπονος 89.
бѣлецъ λαικός 82.
мужь въ бѣлѣ образѣ ἀνὴρ εὐσχημονῶν 103.
бѣлчіи κναφεύς 58 об.
бѣситися δαιμονίζεσθαι 10 и др.
бѣсъ δαίμων 25, 45, 97 и др.
бѣсьнъ δαιμονιῶν 82; —духъ πονηρόν πνεῦμα 82 об.

Валяяся προσκυλινδούμενος 4 об.
варваръ βάρβαρος 56 об и др.
прежде варивыи ὁ προσλαβὼν 1.
великыи день пасхы ἑορτὴ τοῦ πάσχα 103 об.
величье εὐφροσύνη 64.
величьство μέγεθος 68 об.
вельблудъ κάμηλος 107 об.
велѣти κελεύειν 6 и др., βούλεσθαι 1 об., παραιτεῖσθαι 70 об.
вепрь χοῖρος 78.
да не дръжить тебе уже желѣзно, но Христовы в е р и г ы μή σε κρατέσει ἅλυσις σιδηρᾶ, ἀλλ' ἡ Χριστοῦ ἅλυσις 69.
веселитися εὐφραίνεσθαι 79.
весло ἄρμενον 100.
ветхъ παλαιός 94 об.
вечеръ ὀψία 88 об.
вещь πρᾶγμα 3 об. и др., εἶδος 76 и др., вещь брашенная εἶδος τῶν βρωμάτων 36, вещь добрая εἶδος κάλλους 98, вещи малы τὰ μικρά 17 об.
видѣніе θέα 1 об., ὀπτασία 74 об и др.
вина πρόφασις 6, ὑπόθεσις 1 об. и др., αἰτία 5 и др.
въ виноградѣ рѣжущю в и н о εἰς τὸ τὴν ἄμπελον κλαδεῦσαι 22 об.
виноградъ ἀμπελῶν 14, ἀγρός 47 об., 62 об.
винница ἀποθήκη 14 об.
виньнъ ὑπαίτιος 66.
висѣти κρέμασθαι 2 др.
владыка δεσπότης 53, ἀρχηγός 107.
власть ἡγεμονία 13, ἐξουσία 73 и др.
гоѳьскыи в о е в о д а с вои ὁ τῶν Γότθων στρατός 61.
вои (мн.) στρατός 3 и др.
воинъ στρατιώτης 19 об. и др.
воиньствовати στρατεύεσθαι 80.
волити ἐπιθυμεῖν 108 об.
воля θέλημα 15, βουλή 84 об.
врагъ ἐχθρός 64 и др., старыи в р а г ъ ἀρχαῖος πολεμήτωρ 78 об.

врачевьство ἰατρεία 6 об.
врачь ἰατρός 96.
врѣмя καιρός 70 об. и др.
врѣдьнъ βλαβερός 66 и об.
без врѣда ἀβλαβής 63.
врѣжденіе βλάβη 14 об.
врѣтище σακκίον 40 об.
вдовица χήρα 96 об.
въжадати διψᾶν 98 об.
въжделѣти ποθεῖν 62.
възбранити κωλύειν 12 об., διακωλύειν 70.
възбраняти κωλύειν 67 и об.
възбряцати κρούειν 15 об.
възвѣстити ἀναγγείλειν 1.
възъгражденіе οἰκοδομή 1.
възданіе ἀντάμειψις 65 об.
въздатель ἀνταποδότης 107.
въздвигнути κινεῖν 9.
въздвизати ἐγείρειν 75 об., въздвиже ἤγειρε 70.
въздрастъ ἡλικία 75 и др.
възъдръжаніе ἐγκράτεια 1 об. и др.
въздыханіе στεναγμός 39.
въздѣлати ἐργάζεσθαι 63.
възиздати οἰκοδομεῖν 81 об.
възискати ζητεῖν 88 об.
възлежати ἀνακεῖσθαι 2.
възлещи κατακλιθῆναι 57 об.
възлюбленикъ Ἀγαπητός (соб. имя) 54.
възлюбити ἀγαπᾶν 11.
възнакъ ὕπτιος 74.
възноситися ὑφοῦσθαι 70 об.
възрастъ ἡλικία 10 об.
взятся ἐπήρθη 9 об.
влазити ἐπιβαίνειν 78.
влѣсти εἰσέρχεσθαι 2.
влъшебная къзнь μαγικὴ τέχνη 18 об.
вмѣстити χωρεῖν 70 и др.
внезаапу αἰφνίδιον 9 об. и др., αἄφνης 61 и др.
внимати προσέχειν 72.
внозивъ ἐμπήξας 79 об.
внутрь ἔνδον 2 об.
вопити, въпити κράζειν 8 об., 16 и др.
вселеніе κατοίκησις 55.
въскраи πλησίον 61 об. и др.
въскресеніе ἀνάστασις 21 и др.
въскрьси ἀνέστησε 70.
въскрѣшеніе ἀνάστασις 70.
въспалатися συνάπτεσθαι 3 об.
въспитанъ ἀνατραφείς 89 об.,
въспѣтѣнъ ἀνατραφείς 59.
въспитѣвыи ἀναθρέψας 61.
въспитѣніе ἀναστροφή 61.
въспѣтиніе ἀναστροφή 13.
въспять εἰς τὰ ὀπίσω 5.
въставити ἀνυφοῦν 75.
въставляти διεγείρειν 1.
въсталъ еси ἀνέστης 74 об.
въстокъ ἀνατολαί 51.
въстребити ἀναστέλλειν 59 об.
въсторже ἐπεσπάσατο 69.
въсхватити προαρπάζειν 62 об.
въсходити ἀνέρχεσθαι 94.
въсходъ εἴσοδος 47.
всыпати βληθῆναι 12 об.
входъ εἴσοδος 63 и об.
въшедъ (о вознесеніи) ἀναληφθείς 83.
выину διαπαντός 14 и др.
вышніи ὁ ἄνωθεν 8 об.
выя τράχηλος 31 об. 88 об. и др.
верста χήρα 70 об. и др.
врътоградъ κῆπος 5 др., κηπάριον 12.
вертепъ σπήλαιον 25 и др.; въ врьтпѣ ἐν σπηλαίῳ 67.
връховныи апостолъ κορυφαῖος τῶν ἀποστόλων 69.
всегды πάντοτε 64 и др.
всемогыи παντοδύναμος 8 об. и др.
всеначальникъ ὁ πάντων ἀρχηγός 73.
всененавидныи πάγκακος 31 об.
всяко πάντως 6 об. и др.
вьсь χωρίον 42.
вѣдро σίκλα 2 и др.

вѣкъ κόσμος 82 об., ἡλικία 103 об.
побѣдныи вѣнецъ νίκης βαΐ 71 об.
вѣровати πιστεύειν 65 об.
вѣрьнъ πιστός 1.
вѣстъ γνωστός 16 об. и др.
без вѣсти бысть ἀφανὴς γέγονε 88 об.
вѣтрило κατάρτον 100.
вѣчьнъ αἰώνιος 62 об. и др.
вѣща ἀπεκρίθη 39.

Гадъ λύμη 66.
гвоздъ ἧλωμα 100.
главизна κεφάλαιον 42.
глаголъ ῥήματα 1 об.
глумитися σχολάζειν 48 об.
глумленіе ἀσχολία 64 об.
гнѣвъ ὀργή 60 об.
говѣинъ εὐλαβέστατος 4 и др.
говядо βοῦς 87.
година ὥρα 25, 62 и др.
годѣ есть ἀρέσκει 17 об. и др.
голубица περιστερά 95.
гоненіе διωγμός 76.
гонити καταδιώκειν 70 об.; иночьское житіе гоня τὸν μονήρη βίον ἑλόμενος 75 об.
гонѣти ἀρκεῖν 16 об.
горе тебѣ οὐαί σοι 58 об.
приведе въ горницю ἐξενοδόχησε 59.
на горніи странѣ ἐν τῷ τοῦ ὄρους πλαγίῳ 12; на мѣстѣ горнѣ ἐν τόπῳ ὀρεινῷ 97.
горьскъ τοῦ ὄρους 2.
въ господу свою εἰς τὸ ἄπληκτον αὐτοῦ 20 об.
господинъ κύριος 2 и др., господіе (мн. ч.) 95 об.
градарь κηπουρός 5 об. и др.
градъ πόλις, κάστρον; —коньскыи σταῦλος τῶν ἵππων.
гражданинъ πολίτης 100 и др.
гракати κράζειν 32.
грамотныи τῶν γραμμάτων 78 об.
гребуся τίθεμαι 86 об.
грездновіе σταφυλή 14 об.
гричь ξηρός 42 об.
гробъ μνῆμα 9 об. и др., ταφή 61 об.
гробница κοιμητήριον 85 об.
гроздіе βότρυες 14 об.
гроздъ σταφυλή 14.
громъ τάραχος 9 об., βροντή 61.
грубъ ἀπράγμων 76 об., грубыи ὁ χωρικός 46 об. (мѣстный житель).
грѣхъ ἁμαρτία 70.
грѣшьнъ ἁμαρτωλός 70 и др., πονηρός 83 об.
гряди (повел.) δεῦρο 13.
на губерѣ възлещи ἐν σαγίῳ 35.
гумно ἅλων 108 об.
горбатъ κεκυφώς 5.
грьдынею ὑπερφάνως 61.
на дрѣвянахъ гыжюлѣхъ ἐν τοῖς ξυλίνοις βασμιδίοις 74 об.

Далече ἐκ μήκους 62 об.
даровная вина δώρων ὑπόσχεσις 80.
даръ δῶρον 2 об. и др., ξενίον 72 об.
движеніе κίνησις 6.
дворъ οἶκος 55; предъ дворомъ ἐν τῷ προαυλίῳ 17 об.
двери (мн.) θύρα 71, θυρίς 68.
дверца (мн.) θυρίς 45 об., θύρα 74 об.
дебельство τραχύτης 20.
десная рука δεξιὰ χείρ 2 и др.
діаволъ διάβολος 6 и др.
дивьнъ θαυμαστός 64 об. и др.
діаконъ διάκονος 66 и др.
діякъ διάκονος 82 и др.
длань παλάμη 66.
добль σπουδαῖος 2 и др.
добровоньство ἀρώματα 104 об.
добръ καλός, δόκιμος 1 и др.; добро есть ἀναγκαῖόν ἐστι

70 и др.; идѣте съ добромъ μετὰ καλοῦ 3.
добрѣ καλῶς 66 об.
долъ βάραθρον 80 об.
долѣшняя часть τὸ κατώτερον μέρος 50 об.
домовитъ мужь οἰκοδεσπότης 22 об.
домъ οἶκος 62 об. и др., ἐμπόριον 7 об.
досаждати δελεάζειν 8.
досажденіе ὕβρις 16 и др.
достоаніе κληρονομία 66 и др., ἀξίωμα 76.
досыти εἰς κόρον 101 об.
дофоньсоръ δεφένσωρ 8.
подробну ἐπὶ λεπτοῦ 90 об.
другъ σύντροφος 74 об.
дружина συνοδία 5 и др., οἱ παρόντες 86 об.
davручити σφίγγειν 70 об.
дрѣвльнь ἀρχαῖος 71.
дрѣвосѣчь (топоръ) ξυλοκόπιον 30 об.
дрязга ὕλη 51 об.
дряхлъ στυγνός 63 об., σκυθρωπάζων 40 об.
дубъ δένδρον 63 об.
дуплина ὕλη 63 об.; въ церковьныихъ д—хъ ἐν τοῦ ναοῦ ἐνδοτάτοις 77 об.
дубъ дупль 63 об., —дуплятъ 109 об., δένδρον ὑπόκουφον.
духовное ученіе ἡ τοῦ πνεύματος διδαχή 2 об.
душа ψυχή 1 и др.
двовѣріе δυσπιστία 90.
двовѣрьствіе δυσπιστία 89 об.
длъготрьпѣніе μακροθυμία 11 об.
длъгъ κρέος 44 об.
длъжьнъ ὀφειλόμενος 70 об.
доска σανίς 100.
дыханіе ἀναπνοή 74.
делви тща бяше πίθος κενός 45 об.
дьньничная звѣзда ἑώσφορος ἀστήρ 24.
дръжати κρατεῖν 1 и др.
дръзновеніемъ παῤῥησιαστικῶς 88.
дръзновенникъ παῤῥησιαστικώτατος 3.
дѣва παρθένος 6 др.
дѣвьство παρθενία 32 об.
дѣлатель γεωργός 10 об. и др., ἐργάτης 63 и др.
дѣлати κάμνειν 63 и др.
дѣло ἔργον 16 и др. κάματος 12 и др., ἐργασία 12 об.
дѣловьныи трудъ ὁ τοῦ καμάτου κόπος 63.
добрыихъ дѣлма человѣкъ διὰ καλῶν ἀνθρώπων 1.
дѣтель ἀρετή 19 и др.
дѣтищь παιδίον passim.
малыхъ дѣтець (род.) παιδία 98.
дѣяніе ἐργασία 83 об., ἐνέργεια 42 об.

Еда бо рыбу тебѣ имавѣ μὴ γὰρ ἰχθύν σοι ἔχομεν 1 об.; вкусиве еда како изнеможевѣ на пути γευσώμεθα μή πως ἀτονήσωμεν ἐν τῷ ὁδῷ 36; еда како ищезнуть μή πως ἐκλείψωσι 71 об.
единако ἴσως 83 об.
единочадъ μονογενής 80 об. и др.
единою ἅπαξ 79.
еи, отче αἴ, πάτερ 74.
елма ἐπειδή 62 об. и др. ὅσον 35.
елми ὅσον 37.
епископія 14, епископьство 8 ἐπισκοπή.
ересь αἵρεσις 78 и др.
естьство φύσις 66 и др.
естественѣ οὐσιωδῶς 84.
етеръ нѣкто ἕτερός τις 75; что етера даетъ разу-

капля ῥανίς 60 об., νοτίς 67.
святыя кафаліискіа церкве (род.) 46 об.; католіиская наша правая вѣра ἡ καθολικὴ καὶ ὀρθόδοξος πίστις 80.
кафоликіиское чисмя καθολικὴ ψῆφος· 90 об.
кафиличьская вѣра ἡ καθολικὴ πίστις 79 об.
кедръ κέδρος 58.
въ келаріи ἐν τῷ κελλαρίῳ 45.
келіиное жилище ἡ τοῦ κελλίου οἴκησις 34.
келія κελλίον 5 и др.
керамидѣ црковнѣи раздвигшися τοῦ κεράμου τοῦ εὐκτηρίου 95; камень съ керемидою λίθος ἐκ τοῦ κεράμου 15 об.; въ керемидахъ ἐν τοῖς κεραμίοις 78.
въ киликѣ ἐν κιλικίῳ 79 об.
кладязь φρέαρ 69.
клеветникъ λοίδορος 65 об.
клепати σημαίνειν 91 об.
клирикъ 60, клиросникъ 7 об и др. κληρικός.
клопотъ κτύπος 78.
клюся ἵππος 7 об.
ключитися 3 об. и др., ключятися 8 συμβαίνειν.
клятва ὅρκος 3 об.
словеса клятвеная λόγος κατάρας 66.
кнафеи κναφεύς 58 об. Срв. бѣлчіи.
ковчегъ ἄρκα 9 об., ἄρκλη 16, σορός 88 об., μνῆμα 104 об.
кодимента (мн.) κοδίμεντα 53,
коеже еже съдѣя ἕκαστον ὅπερ εἰργάσατο 15.
козмикъ κοσμικός 66 об.
колесница βῆμα 53 об.
коло τροχός 61.
въ колнѣ крузѣ ἐν τῷ τοῦ τροχοῦ σφραγίσματι 61.
колѣно июдово φύλη 83.
комканіе κοινωνία 42 об., 95 и др.
комкати κοινωνεῖν 43 и др.
коньць τελειότης 64 об., τὸ ἄκρον 71.
кончина τα ἔσχατα 79 об., τὰ τελευταῖα 62.
копіе ῥομφαία 88 об.
копиище ἡ τῆς ῥομφαίας ἄστη 3.
кораблець πλοιάριον 60 об., ναῦς 60 об.
корабль πλοῖον 23 об. и др.
коренитьць φαρμακός.
коса δρέπανον 8 об.
косоръ ἐργαλεῖον 33.
кось (птица) κόσσυφος 26.
кошара ἡ τῶν προβάτων μάνδρα 73.
кошница σπυρίς 63 об.
кричь (крикъ) 112.
кровъ σκέπη 72.
кромѣ ἔξωθεν 61; кромѣ плоти ἔξω τῆς σαρκός 70 об.
кромѣшьнь ὁ ἔξω 52 об., ὁ ἔξωθεν 70 об.
кропива κνίδη 26 об.
кротити κολακεύειν 79.
кротость πραότης 4 об. и др.
кротъкъ κολακευτικός 16.
на многы крухы κλάσματα 12.
креститель βαπτιστής 2 об.и др.
крестъ σταυρός 2 и др.; самъ отьць бѣ изялъ исъ креста ὁ αὐτὸς πατὴρ ἦν ἀναδειξάμενος 6.
крѣпость ἰσχύς 98.
ктиторъ κτήτωρ 75.
кумсъ κόμης 61 об.
кумиръ εἴδωλον 34 об.
куновіа походи τὰ κοινόβια ἐγύρευσε 95.
куры кръмити ὀρνίθια 17 об.
куря ὀρνίθιον 17 об.
волъшебная кознь ἡ μαγικὴ τέχνη 6 об.; козни μηχανήματα 71 об.: лестныя козни ἀπατηλῆς ἐνέργεια 35.

книгы βίβλος 44 об., βιβλίον 43, θεία γραφὴ 85 об.; святыя— ἱερὰ γραφὴ 70 об.
книжныи источникъ ἡ τῆς γραφῆς πηγή 7 об.
князь ἄρχων 53 об, и др., κόμης 3.
кормительница ἡ τροφός 24: 43.
кърчии (кузнецъ) 118.
кыпѣти βρύειν 15 об.; виномъ кыпяща τὸν οἶνον ἐκχύνοντα 14 об.
кvмвалми звяцаеть κύμβαλα ἔκρουσε 15 об.

Лазити ἕρπειν 75.
за ланиту удари ῥαπίσματι ἔτυψε 62 об.
лаяніе ἔνεδρα 26, 72 и др.
лаяти ἐνεδρεύειν 72 и др.
левгvтѣнинъ λεβίτης 36 об.
ликъ χῶρος 64 об.; святительскыи—τὸ τῆς ἱερωσύνης τάγμα 17.
литургіиная служба ἡ τῆς θείας λειτουργίας ἀκολουθία 78 об.
литургія λειτουργία 15 об. и др.
лихъ смѣхъ γέλως ἄτακτος 81 об.; излиха περισσοτέρως 11.
лице πρόσωπον (=человѣкъ) 96 об.; на лица προσωπικῶς 1 об.
лицемѣръ προσποιητός 62.
лищаими (твор. мн.) ἐλεφαντία 44 об., 45.
лише περισσότερον 91 об.
лобызати καταφιλεῖν 60, λείχειν 60, περιπτύσσεσθαι 8.
ложе κοίτη 59 и др.
лоно κόλπος 16.
лужная часть τὰ ἄλση 83 об.
лука διορυγή 26 об.
лукавый духъ πονηρὸν πνεῦμα 55 и др.
лукавная сила ἡ τῆς πονηρίας δύναμις 26 об.
лукавствіе πονηρία 32 об.
лжа ψεῦδος 5, πλάνη 86 и др., τὸ ψευδές 83 об.
лыскарь λισγάριον 63.
лгота ἐλαφρότης 107 об.
легчина κουφισμός 5 об.
льсть πλάνη 2 об. и др., δόλος 63 об.
льстьнъ ἀπατηλός 80.
лѣпо есть δεῖ 81 об. и др.
лѣто ἐνιαυτός 96 об.
любити ἐπιθυμεῖν 83 об.
любо есть συνᾴδει 84 об.
любовное сътвореніе τὸ ποιῆσαι ἀγάπην 9.
любы πόθος 1 об. и др., φιλίαι 79, διάθεσις 1.
людие λαός 59 об, и др.
людинъ λαΐτης 53 об.
людскыи народъ τὸ τοῦ λαοῦ πλῆθος 78.
лютость ὠμότης 83 об.
лютъ θυμώδης 75 об., πικρός 59 об., ἐλεεινός 94 об.
лютѣ οὐαί 15 об., 109.
лядвія νεφρός 75.

Малодушіе ὀλιγοψυχία 40 об.
малъ μετρίος 1, οἰκτρός 77.
малы μετρίως 51.
манастріа μονάστρια 6 об. и др.
манастырь μοναστήριον 62 об. и др., монастырь 2 и др.
маслина, масличіе ἐλαία 12 об. и др.
масло ἔλαιον 10 и др.
огнена матица τὸ τῆς γεέννης πῦρ 93.
медвѣдица ἄρκος 59 об.
мечь μάχαιρα 58 об. и др., ξίφος 75 об. и др.
милостивно εὐμενῶς 100.
милостыни ἐλεημοσύνη 63 и др.
милосердіе συμπάθεια 3 об. и др., ἐλεημοσύνη 85.
милоть μηλωτή 4,

таибный миръ (?) κρυπτὸς ἐχθρός 85 об.
мирьскыи языкъ ἡ τῶν κοσμικῶν γλῶσσα 66 об.
мнихъ μοναχός 5 и др.
мнишьскъ μοναχικός 6 и др.
моленіе αἴτησις 1, δέησις 64 об., παράθεσις 6.
молитва εὐχή 3 и др.
молитвище εὐκτήριον 64 об.
молитвовати εὔχεσθαι 84.
молити παρακαλεῖν 9.
моръ θανατικόν 103 об.
мощи λείψανα 78; в сеи мощи ἐν τούτῳ τῷ πράγματι 15.
мощьнъ δυνατός 1 об. и др.
на мороморѣ ἐν τοῖς μαρμάροις 86 об.
мудрость πρᾳότης 4 об., σοφία; смиреная — ταπεινοφροσύνη 2 об. и др.
мужь ἀνδράποδον 2.
мука ἄλευρον 32.
мука κόλασις 21, βάσανος 70 об и др., μάστιξ 88 об.
муринъ Αἰθίοψ 29 об.
мучити μαστιγοῦν 3 об. и др.
млъва θόρυβος 87 и др., ταραχή 66 об.
множицею πολλάκις 77 и др.
въ мегновеніи очеснѣмъ ἐν μιᾷ καιροῦ ῥοπῇ 49.
мысль λογισμός 85 и др., γνώμη 63.
медлено βραδύ 67.
мьзда μισθός 12 об. и др., ξένια 60 об., γράμματα 86 об.
меньшина ὁ ὑποτεταγμένος 33.
мръзость φθόνος 33.
мерзѣти βδέλλυσθαι 7 об. и др.
мрьзъкъ βδελυκτός 9 и др.
мьртвець νεκρός 61 об.
мьстити ἐκδικεῖν 10 и др.; мьсти мене (защити) 118.
месть δίκη 33;—истина ἐκδίκησις τῆς ἀληθείας 80 об.
мщеніе ἐκδίκησις 80 и др.
мѣра μέτρον 88 и др.
мѣсяць σελήνη 89 об.
мѣхъ ἀσκός 100 об.
мятежь ταραχή 59 об.

Навыкохъ ἔμαθον 1 и др.
нагъ γυμνός 63 об.
надыматися φυσιοῦσθαι.
наказаніе παίδευσις 2 об., παραίνεσις 64 об.; вънѣшнее— ἡ ἔξω σοφία 94.
наказовати παραινεῖν 16.
напасть πειρασμός 5 об.. κολακεία 8; κίνδυνος 35.
напрасно αἴφνης 53 об.,—притече σπουδαῖος ἀνῆλθε 50.
напрасная смерть αἰφνίδιος θάνατος 86 об.
народъ ὄχλος 57, 106 об., πλῆθος 106 об.
нарокъ ψῆφος 82.
нарочитъ ἐπιτήδειος 12 и др.
наставляти κατευοδοῦν 62.
наставникъ ὁδηγός 4 об.
без наслѣдіа ἀκληρονόμητος 72 об.
наслѣдити κληρονομεῖν 66.
началникъ ἀρχηγός 66 об.
начинаніе ἀρχηγία 1 об.
небесьнъ ἐπουράνιος 1 и др.
невидимъ ἀόρατος 70.
неврѣдимъ ἀβλαβής 71.
невѣрьнъ ἄπιστος 84.
невѣрьствіе ἀπιστία 14.
невѣста νύμφη 18.
негли ὅπως 12 об., ἴσως 60 об.; негли понѣ καὶ εἰ 12 об.
не доста воды ὕδωρ παρέλιψε 2.
недомыслъ ἀπορία 34.
недостатокъ ἐλάττωμα 64.
недугъ νόσος 106 об., ἀῤῥωστία 81; прокаженъ—λέπρας νόσημα 65 об.
недужница νοσοκομεῖον 99 об.
недужьнъ ἄῤῥωστος 93 об.

овощь ὀπώρα 86 об.
овенъ κριός 73.
огавіе творити ἐνοχλεῖν 26 об.; агавія не дрьзну сътворити παρενοχλῆναι 26 об.
оглавіе обрьщьтено καπίστριον 7 об.
оградъ κῆπος 5 и др.
огнь πυρά 19, πυρετός 6 и др.
одежда στολή 74 об. и др., ἔνδυμα 67.
одръ κλίνη 4 об. и др., κράβατος 22 об.
оживленіе ζωοποίησις 70 об.
окааннъ, окаяннъ ἐλεεινός 15 об. и др., τάλας 66 об. и др.
окааннѣ ἀθλίως 43 об.
окаяти ταλανίζειν 66 об.
оклеветати κατηγορεῖν 71 об.
ократити στενοῦσθαι 2 об.
окрачати κυκλοῦσθαι 61.
окроченъ ὀχλούμενος 29 об.
окрестъ κύκλῳ 61; того града окрестъ сѣдѣ τὴν πόλιν ἐπολιόρκησε 61.
олово μολυβδός 81 об.
олтарь θυσιαστήριον 12 и др.
онсица манастріа ἡ δεῖνα μονάστρια 6 об.; жена — δούλη ἡ δεῖνα 58.
опаленъ φλογισθείς 71.
оплотъ φραγμός 5.
оправданіе δικαίωμα 80.
оправдати δικαιοῦν 9.
оруженосьць δορυφόρος 63 об.
оря νεμόμενος 88 об.
освященъ ἡγιασμένος 70.
осквернити μολυνθῆναι 66 об.
осклабитися ὑπομειδιᾶν 6 об.
осклабленіе ἱλαρότης 85.
оскрьбленъ πεπονημένος 88 об.
оскорьбляти θλίβειν 8 об. и др.
ослѣпленіе τύφλωσις 3 об. и др.
осля ὄνος 98 об.
основаніе θεμέλιον 78 об.
особь κατ' ἰδίαν 53 об.
оставити ἐᾶν 3 об.
останися (повел.) ἀπόστα 72.
остригъся (о монахѣ) ἀποταξάμενος 13.
островъ νῆσος 60.
осужденіе κατάκρισις 66 и др.
отаи κρυφῇ 81.
отвалився ἀνασπασθέν 68 об.
отверзати ἀνοίγειν 14 об.
отвѣтъ ἀπολογία 75 и др., ἀπόφασις 9 и др.
отданіе ἐκδίκησις 82 об.
откровеніе ἀποκάλυψις 51, 74.
отместіе ἐκδίκησις 58.
отмѣтатися ἀρνεῖσθαι 58.
отнудуже ἐκ τίνων 1.
отпущеніе συγχώρησις 98 об.
отрава (ядъ) φάρμακον 33.
отреченъ (о больномъ) ἀνελπισθείς 85 об.
отрокъ, отрочищь παιδίον 4, παῖς 8 и др.
отрѣшати (ремень отъ калигіа) λύειν 72.
отсуду ἐκ τῶν ἐνταῦθα 81 об.
отьць манастырю ἀββᾶς τῆς μονῆς 41 об.
отьчьство πατρίς 1 об. и др.
небесное отечьствіе ἐπουράνιος βασίλεια 1.
оцѣщеніе ἱλασμός 23.
очистити καθαρίζειν 73.
очищеніе καθαρισμός 82.
ошибь κέρκος.

Паденіе πτῶσις 6.
пажить βοσκή 65.
пакостивыи духъ παραδειγματίζον πνεῦμα 86.
память μνήμη 1 и др.
папежь 1 (заглавіе).
папиръ (въ лампадѣ) ἀπτρή 10.
въ папертѣ тоя же цркви ἐν τῇ εἰσόδῳ τῆς ἐκκλησίας 24 об. (тамъ же: входъ εἴσοδος).

парити (о птицѣ) πέτεσθαι 89 об.
пастися καταπίπτειν 2 об.
пастухъ ποιμήν 58 об., 75 и др.; Βουκόλος (собств. имя) 104.
пастушества власть ποιμαντικὴ ἡγεμονία 4 об.
пастырь 69.
пасха πάσχα 79 и др.
паче μᾶλλον 1 и др.
печаль ἀσχολία 9 об.. μέριμνα 67 об., φροντίς 75; бес печали ἀμέριμνος 69 об., ἀμερίμνως 60.
прилогъ печальнъ ἡ προσβολὴ τῆς ὀδύνης 3.
пещися μεριμνᾶν 6 об. и др.
пещь κλίβανος 72, κάμινος 72.
пиво ποτόν 15 об. и др.
пиръ συμπόσιον 1 об.
пирная служба ἡ τοῦ συμποσίου ὑπουργία 1 об.
писканіе (мышей) κλαγγή 55 об.
пискупъ ἐπίσκοπος 86 об.
пища τροφή 62 об. и др.
плаваніе морьское ὁ πλοός τῆς θαλάσσης 60 об.
въ платцѣ ἐν τῷ ἐπενδύτῃ 16 об.
пластове (мн.) θάμνος 68.
плащаница (въ алтарѣ) σινδών 18.
ножнѣи плеснѣ ἡ τῶν ποδῶν βάσις 11.
плодство καρποφορία 84.
плоть σάρξ 1 об. и др.
плотьскъ σαρκικός 2 об. и др.
плѣвы (мн.) ἄχυρον 95 об.
плѣнити παιδεύειν 87.
плѣнъ αἰχμαλωσία 52 об.
плѣнникъ αἰχμάλωτος 87 и др.
побити ἀποκτείνειν 79 об.
побѣда бурная ζαλώδης ἀνάγκη 39 об.
побѣдитель πολέμιος 73.
побѣдникъ νικητής 71 об.
повелѣніе κέλευσμα 77.
повиноватися ὑποτάσσεσθαι 2 об.
повиновеніе ὑποταγή 91 об.
повинникъ ἔνοχος 73 об.
повергнути ῥίπτειν 62 об.
повѣдати διηγεῖσθαι 1 об. и др.
повѣсть διήγησις 1 об. и др.; повѣстію пишетъ χαρακτηριστικῇ γέγραπται 98 об.
погыбель ἀπολεία 2 и др.
податель δοτήρ 33.
подвигъ ἀγών 3 об. и др., ἀγώνισμα 34.
подвизатися ἀγωνίζεσθαι 71 об.
подіаконъ ὑποδιάκονος 31 об. и др.
подобати ὀφείλειν 75 об.
подобіе μίμησις 1. ὁμοίωσις 92 об., ὑπόδειγμα 102.
подобитися μιμεῖσθας 92.
подобьнъ μεμητέος 2 об.
подражати περιέπειν 92 об.
подружіе ὁ σύζυγος 96 об., ἡ σύμβιος 19.
исхрамины ихъ подклепъ τῆς τοῦ οἴκου φλιᾶς 48 об.
подполатіе τὰ κατώγεια 49 об.
подножіе ὑποπόδιον 4 об.
подъяти ὑποδέχεσθαι 1 об.
пожрѣти (о причастіи) θύειν 43.
поздѣ бывшю ὀψίας γενομένης 109 об.
показаніе ἐπίδειξις 4.
плачь покаязньнъ κλαυθμὸς καὶ κατάνυξις 85.
покаяніе μετάνοια 23 и др.
покровъ ковчегу τὸ μάρμαρον τὸ ἐπάνω τοῦ μνήματος 104 об.
покрывати καλύπτειν 1.
полата τὰ ἀνώγεια 96, 99 об., τὰ κατώγεια 49 об.
поле κάμπος 56 об.
полина (?) πεδίον 51 об.
кая польза τί ὠφέλησε 81.
полезно ὀφείλει 87.
помощь βοήθεια 1 и др.

помощникъ βοηθός 97 об.
помыслъ λογισμός 4 и др., διαλογισμός 70, ἐπιθυμία 79.
понеже ἐπειδή 71 об. и др.
пономарь προσμονάριος 62.
понѣ κἄν 94 об.
попелъ κνίσσα 33 об.
попаляти κατανέμεσθαι 11.
попустити συγχωρεῖν 77 об.
поприще μίλιον 59 об. и др.
поруганіе ἐμπαιγμός 2 и др.
поруганное досажденіе τοῦ ἐμπαιγμοῦ ἡ ὕβρις 2.
поревновати ἕπεσθαι 80.
порѣзати κόπτειν 5.
порѣковати μέμφεσθαι 37.
порядовніими часьцы (тв.) κατὰ στιγμὴν ὥρας 97 об.
посинѣло лице μελανὸν πρόσωπον 5.
поскрежтати βρύχειν 79 об.
послабленъ παραχωρηθείς 81.
послухъ μάρτυς 50 и др.
послушаніе ὑπακοή 2 об.
послушьство μαρτυρία 2 об.
послушьствовати μαρτυρεῖν 93 и др.
послѣдніи ἔσχατος 74.
поспѣшьствовати συνεργεῖν 80.
постеля 70 об.
постигнути ἐπιλείπειν 1, καταλαμβάνειν 11 об.; постигъ (прич.) φθάσας 35.
поститися νηστεύειν 98 и др.
постъ ἐγκράτεια 1 об. и др.
посѣщеніе ἐπίσκεψις 6 об.
потреба χρεία 3 и др., φροντίς 4 об.
потрѣбити ἐξολοθρεύειν 64.
потеръ (3 л. ед. аор.) ἔτριψε 69 об.
потрьпѣти προσκαρτερεῖν 22 об.
похвалити Бога τῷ Θεῷ εὐχαριστεῖν 23.
похвальная пѣснь εὐχαριστήριος ὕμνος 14.
похвалятися ἐγκαυχᾶσθαι 70 об.
походити διάγειν 62, χορεύειν 88.
похоть ἐπιθυμία 7 и др.
похуленъ οὐδαμινός 77.
почитатися ἀναγιγνώσκεσθαι 2 об.
почрѣплемъ ὑδρευόμενος 89 об.
почерпати, почерповати ἀντλεῖν 2, 69.
почюдитися θαυμάζειν 2 и др.
правило κανών 25, 72 об.
преданіе правильное παράδοσις κανονική 35.
правовѣрная вѣра ὀρθόδοξος πίστις 77 об.; книги п—ны βίβλοι ὀρθότατοι 82.
правое житіе ὀρθὴ ἀναστροφή 2 об.; правая вѣра ὀρθόδοξος πίστις 79, 80.
правда δικαιοσύνη 10 и др.
правьдивъ δίκαιος 6 об. и др.
праведенъ δίκαιος 9 об. и др.
праведно δικαίως 13 об.
прадѣдъ (объ Адамѣ) προπάτωρ 89.
празднество τὰ ἑόρτια 78.
праздникъ ἑορτή 77 об. и др.
праздновати σχολάζειν 31 и др.
празднословесье ἀργολογία 29 об.
праздно слово ἀργὸς λόγος 66.
прати πλήττειν 3.
на пращахъ обѣсити ἐν τοῖς μαγγάνοις κρεμάσαι 93.
тя Богъ пращаетъ λυτρώσεται 102.
приближатися πλησιάζειν 58 об., γειτνιάζειν 75 об.
прибытокъ κέρδος 12 об. и др.
отъ вражія привидѣніа ἀπὸ τοῦ ἐχθροῦ φαντασιώδης 34 об.
приготованіе παροχή 72.
призвати ἐπικαλεῖσθαι 2.
прилѣжно ἐπιμελῶς 97.
прилогъ προσβολή 3.

прилѣпитися προσκολληθῆναι 2.
нозѣ къ земли прильпоста ἐκκολλήθησαν 73.
припятъ (3 л. ед. аор.) προέκοψε.
присно διαπαντός 65 и др.
приснодѣвая жена ἡ ἀεὶ παρθένος 40.
приснъ γνήσιος 94, συναΐδιος 15.
пристанище λιμήν 100 об.
пристрашенъ ἔμφοβος 9, σύντρομος 22 об.
присѣщеніе ἐπίσκεψις 72 об.
приды μέλλων 81 об. и др.
божественыихъ таинъ причащеніе μετάληψις 43.
причетанъ ἁρμόζων 95.
пришествіе παρουσία 2 об. и др.
пріазнь φροντίς 53, 68.
пробавленіе ἐπιμονή 94 об.
провѣщавати προλέγειν 35.
прогнати ἀπελαύνειν 62 об.
прозвvтеръ πρεσβύτερος 72 и др.
прокаженъ λεπρός 93 об.; — недугъ λέπρας νόσημα 65 об.
проклинати καταρᾶν 65 об.
промыслъ, промышленіе πρόνοια 68 об., 10.
пронарековати προορίζειν 13 об.
пронырство δολιότης 19, πονηρία 59 об.
прообразовати правило διατυποῦσθαι τούς κανόνας 51.
пропасть κρημνός 13, ὀπή 25 об.
проповѣданіе κήρυξις 70, κήρυγμα 1.
проповѣдати κηρύττειν 79 и др.
проповѣдь κήρυξις 7 об., κήρυγμα 95 —духовная προγνώσεως πνεῦμα 56.
проповѣдникъ κῆρυξ 80 и др.
пророкъ προφήτης 9 об. и др.
пророчьскыи духъ προφητικόν πνεῦμα 63 об. и др.
пророчьство προφητεία 58 об.
простіе προάστειον 72 об., 88 об.
просто ἀπλάστως 97.
пространный путь πλατεῖα ὁδός 77.
пространьствомъ (тв.) διὰ πλάτους 88.
простертъ (3 л. ед. аор.) ἐξέτεινε 69.
просфоръ подъемлеть προσφόρως ὑπεδέχετο 1 об.
просфура προσφορά 43, 76, εὐλογία 75 об., 76.
просіати διαλάμπειν 1.
протягнути παρατείνειν 98.
протязатися προτείνεσθαι 89.
прочее λοιπόν 2 и др.
прошеніе αἴτησις 4 и др.
пругъ κάμπη 16 об.
пребывалище μονή 5 и др., διαμονή 90 об.
прѣвалитися πίπτειν 5.
превознесенъ и гордъ ἐπαρμένος καὶ ὑπερήφανος 8.
прѣвъзнестися (о рѣкѣ) ὑπεραυξάνειν 71.
прегрѣшеніе ἁμάρτημα 22 об.
прѣгыни (горы) ἀκρώρεια 33 об., ἔκτασις 33 об.
епархово мѣсто прѣдръжаи τὸν τοῦ ἐπάρχου τόπον κατέχων 59.
прѣдложеніе πρόθεσις 64.
прѣдстати παρίστασθαι 72; прѣстоить παρέστη 50 об.
прѣити παρέρχεσθαι 5.
прѣклонити κλίνειν 4; дни преклонившуся τῆς ἡμέρας κλινούσης 18 об.
прѣлестникъ ἐμπαίζων 86.
прѣлщеніе τὸ ἀπατᾶν 72.
премудрость σοφία 2 об.
преподобничь вертепъ τὸ τοῦ ὁσίου σπήλαιον 25.
прѣпрость συντόμως 72, ἐν συντόμῳ 99 об.
приᴎрещи προλέγειν 86.
прѣспѣти προκόπτειν 2, προτερεύειν 38.

прѣставленіе θάνατος 95 об., διδαχή 3 об.
престати παύειν2.
престолъ θρόνος 7 об. и др. προέδριον 57; на п—ѣ людьсцѣмъ ἐν τῷ συνεδρίῳ τοῦ λαοῦ 59 об.
мѣсто престольное τόπος τῆς καθέδρας 76.
въдалем прѣстрѣлъ отъ града ἔνδον τοῦ τεσσαρακοστοῦ μιλίου 70 об.
прѣтити ἀπειλεῖν 2 и др.
уже... прѣтръзаашеся ἐκόπη 69.
черноризица язычна и прѣтеребива бяше τῆς προπετείας τῆς γλώσσης καὶ ἀκαιρολογίας 86 об.
прѣщеніе ἀπειλή 94 об.
псаломскіа пѣсни οἱ τῆς ψαλμῳδίας αἶνοι 78.
пустити ἀποστέλλειν 32.
пустошная слуга 61.
мѣсто пусто τόπος ἔρημος 62 об.
пустыни ἔρημος 2 об.
с пути ἐξ ὁδοιπορίας 72.
въ пучинѣ адріисцѣ ἐν τῷ πελάγει τῆς Ἀδρίας 100.
прьвая времена ἀρχαῖοι καιροί 61 об., прьвіи мужи ἀρχαῖοι ἄνδρες 22.
прьвосѣданіе мирьское συνέδριον τῶν κοσμικῶν 108 об.
перси στῆθος 4.
перстъ κονιορτός 69 об.
пря δισταγμός 23.
пшеница σῖτος 9 об. и др.
пытати ταλαντεύειν 73.
божіе пѣніе ἡ τοῦ Θεοῦ αἴνεσις 73.
пѣснь ὕμνος 63 и др., ψαλμῳδία 85.
пята πτέρνη 61.
пятница πενταετία 71.
пятны прати πτερνιστῆρα πλήττειν 3.

Рабичищь παῖς 56.
работа δουλεία 10 и др.
работати δουλεύειν 13 и др.
рабъ οἰκέτης 95 об. и др.; непоскорбѣніе о своемъ рабѣ ἀμέλεια τῆς φροντίδος τῆς φαμιλίας 81 об.
рабыни δούλη 6 об. и др.
равность ἰσότης 12.
въ Равны идяше, идущю въ Равны 3 об., въ Равны ити, въ Равны внидоста 16 об. ἐν Ραβέννῃ.
своеа ради дщере διὰ τῆς θυγατρός 53 об.
раждизатися πυροῦσθαι 62 об.
ражджену быти καταφλέγεσθαι 6 об.
разбивати ῥίπτειν 97.
развратити καταλύειν 88 об.
развращеніе διαστροφή 88 об.
разграбити διαρπάζειν 60.
разгнѣватися θυμοῦσθαι 8 об.
раздааніе ἀνάλωμα 62 об.
разумъ θεωρία 85, σύνεσις 70 об.
разумѣніе λογισμός 84 об.
разумѣтися σημαίνειν 83; не р—ти ἀγνοεῖν 1.
раискъ τοῦ παραδείσου 58 и др.
рака святыхъ κοιμητήριον τῶν ἁγίων 37 об.
рамо ὦμος 8 об. и др.
рана μάστιξ 75 об.; р—ми мучити διὰ βασάνων μαστιγοῦν 10.
раскаатися μετιγινώσκειν 79 об.
расслабленъ παραλυτικός 75.
располѣтися ἐξάπτεσθαι 71.
распря ἀμφιβολία 19 об.
распятъ ἐσταυρωμένος 70.
расточити σκορπίζεσθαι 66 об.
растерзати διασπαράσσειν 60.
расѣдеся (3 л. ед.) ἐρράγη 75 об.
ратникъ πολέμιος 81.
ратаи γεωργός 1 об. и др.
рачитель προσποιητός 62 об.

скытатися πλάζεσθαι 29 об., πλανᾶσθαι 51 об.
слава λαμπρότης 85, φήμη 3 об. и др.
славьнъ περιφανής 2.
въ сласть ἡδέως 53 и др.
слуга οἰκεῖος 11, ἀνδράποδον 72, λειτουργός 92 об.
служеніе ὑπηρεσία 71.
служити διακονεῖν 92 об.
служба ὑπουργία 14 и др.; нечистая — ἀθέμιτος ἱερουργία 79.
слезенъ σὺν δάκρυσι 40 об.
слезѣти δακρύειν 39.
слѣпота τύφλωσις 89.
сокалокъ μαγερεῖον 34 об.
сочиво ὄσπριον 44 об.
спруци, спрюци φράγκοι 3 об.
спудъ μόδιος 40 об.
срамъ ἐντροπή 63 об.
срачица ὑποκαμίσιον 17.
ставларіи σταυλάρης 58 об.
старость γῆρας 95 и др.
старъ ἀρχαῖος 59 и др.; вълшебныихъ дѣлѣхъ старъ сы ὁ ἐν τοῖς μαγικοῖς ἔργοις πρῶτος ὑπάρχων 6; манастырю старѣи бѣ προέστη 109.
старьць γέρων 80 об. πρεσβύτης 1 об. и др.
старѣишина πρωτεύων 72 об., προεστώς 57 об.
старѣишиньство ἡγεμονία 64 об.
степень βαθμός 58 об. и др.
стихарь στιχάριον 17 и др.
стихіа, стѵхіа (ж. р.) στοιχεῖον 23 об., 59 об. и др.
стопа ἴχνος 15.
страдати πάσχειν 62 об.
стража φυλακή 62 об.
страна χώρα 1 об.
странникъ, страньнъ ξένος 63, 19 и др.
страсть πάθος 76 об. и др.
страстьнѣ ἐμπαθῶς 57 об.
страхованіе δειλία 89 об.
страхъ φόβος 3 об., ἔκπληξις 80.
страшьнъ φρικτός 66.
строеніе διοίκησις 98.
строитель διοικητής 72, προεστώς 6, πρύτανις 40 об.
строити διοικεῖσθαι 68 об. и др.; жены строити ταῖς θηλείαις προΐστασθαι 6.
стропотливъ σκολιός 19.
стръпътъ λεπτότης 92.
стремина κρημνός 30.
стремъглавъ κατακέφαλα 5 об.
молніиное и стремное трсканіе ἀστραπῶν καὶ βροντῶν ἦχος 48 об. (срв. по громнѣмъ трѣсканіи τῆς βροντῆς 48 об.; молніинаго и громнаго тресканіа ἀστραπῶν καὶ βροντῶν 49).
стрѣла βέλος 32 и др.
стуждь ἀλλότριος 19.
столпъ κίων 93.
стъкляница ποτήριον 12.
стъклянъ ὑέλινος 27 об.
стѣна τεῖχος 59 и др.; подъ с—ми ὑπόκρημνος 11 об.
сувражіе ἀντίδικος.
сугубъ διπλοῦς 1.
судии δικαστής 66, κριτής 71 об. и др.
судище κρίσις 81 об.
судолжникъ χρεοφειλείτης (=заимодавецъ) 44 об.
судъ κρίσις 9 об. и др.
суетьнъ μάταιος 66 об. и др.
сумнѣніе δισταγμός 89 об.
супостатъ ἀντίδικος 64.
ꙟ супругъ воловыхъ ξεύγη βοῶν 12.
супружное ложе ἡ τῆς συζυγίας κοίτη 70 об.
суровьство ὠμότης 77 об.
събити μαστιγοῦν 4 об.
съблажненіе σφάλμα 33.
съблазнитися σκανδαλίζεσθαι 82 об.

съблазнъ πταῖσμα 3 и др., σφάλμα 64 и др.
съборъ συνοδία 70 об., σύλλογος 104 об.
соборная цьркы ἡ καθολικὴ ἐκκλησία 77 об.
събывъшия вещь τὸ γεγονὸς πρᾶγμα 58.
съврьсть γῆρας 9 об.
съврьшати τελεῖν 78.
съвершенъ τέλειος 1.
свѣдѣтель μάρτυς 57 и др.
свѣдѣтельствовати μαρτυρεῖν 17 и др.
свѣдѣти γινώσκειν 60 об. и др.
съвѣсть πεῖρα 89 об.
съвѣтъ βουλή 12, συμβουλία 36.
съгрѣшеніе πταῖσμα 82 об.
сдѣвати ἐργάζεσθαι 61.
сдѣяніе εὐεργεσία 44 об.
созданіе οἰκοδομή 4.
създати οἰκοδομεῖν 62 об. и др.
сказаніе ἐξήγησις 1.
съкрушити τύπτειν 4 об.
слунъ κορτός 5.
случитися συμβαίνειν 3 об. и др.
смиреніе ταπείνωσις 10 об. и др.
смотреніе οἰκονομία 77.
смущеніе ταραχή 68 и др.
смерть τελευτή 85.
смысленыи разумъ πεπολιωμένη σύνεσις 70 об.
нищій смыслъ ἡ τῆς πτωχείας φροντίς 62 об.
смѣреномудрьство ταπεινοφροσύνη 11 об.
смѣритися ταπεινοῦσθαι 1.
смястися συνταράσσειν 79 об.
снитися συνέρχεσθαι 4.
соніе ἐνύπνιον 85 об.
въ снѣ δι' ὀπτασίας 7 и др., ἐν δοκιμασίᾳ 10 об.
соньмище συναθροισμός 59.
снѣдъ βρῶσις 1 об.
снятіе мужьское νὰ- συμπλοκὴ δρός (coitus) 96 об.
списати γράφειν, συγγράφειν 1 об.
сподобитися ἀξιοῦν 9 об. и др.
съпричастникъ συμμέτοχος 77 и др.
спутникъ συνοδοιπόρος 36, 107.
срѣтеніе ὑπάντησις 75.
сряща мора συμφορὰ τοῦ θανατικοῦ 103 об.
съсудъ σκεῦος 14 и др.
стяжанія (мн.) χρήματα 62 об.
стязатися διαλέγεσθαι 8 об. и др., συζητεῖν 53 и др.
съузъ δεσμός 95 об.; съюзъ δεσμοί 13 и др.
съчетавати, съчетати ἁρμόζειν 58, 66 об.
сшествіе συγκατάβασις 92.
срьдоболя συγγενής 86 об.
въ сущій жизни τῆς παρούσης ζωῆς 15.
сыновь ἀνεψιός 14 и др.
сырище στόμαχος 98.
сѣверьнъ τοῦ βοῤῥᾶ 88 об.
сѣно косити, — сѣщи χόρτον θερίζειν 8, — сурово χόρτος χλωρός 8 об.
сѣнокосъ благоцвѣтома λιβάδιον 36.

Таина μυστήριον 53 об. и др.
таинъ μυστικός 95; въ т—ѣ μυστικῶς 69, ἐν τῷ κρυπτῷ 76.
тягость талантьная τὸ βάρος τοῦ ταλάντου 74 об.
тать κλέπτης 5 и др.
татьба κλοπή 75 об.
тварь κτίσμα 11 об. и др.
творецъ κτιστής 76 об. и др.
твердъ σταθηρός 79 об., ἀδάμαστος 33 об.
твердѣ ἑδραίως 79, ἀσφαλῶς 83.
теплица τὸ θερμὸν 82.
тетъка θεία 107.
тещи τρέχειν 62 об., ἀπέρχεσθαι 2 и др.

вся тимѣнна гора πᾶσα ἡ ὕλη καὶ τὸ ὄρος 109 об.
да явить тинь взята быти ἵνα φάνῃ λωρὶν ἐπαρθῆναι 61 об.; тинъ λωρίς 61; тин'ми крѣпками λώροις ἰσχυροῖς 46 об.
тихое пристанище ὁ γαλήνης λιμὴν 26 об.
тишюща (вин. ед.) περιτρέχοντα 78 (дважды!)
тольми—елицѣмъ τοσοῦτον—ὅσον 66 об.; толми τὸ τηνικαῦτα 88 об.
топорище 30 об.
точилище, точило (для винограда) ληνός 14 об.
травникъ λιβάδιον 8 об.
трапеза τράπεζα 53 и др.
трепетати τρέμειν 8 и др.
трепетенъ ἔντρομος 5 и др.
трудитися κοπεῖσθαι 9.
трудъ κόπος 9, ἀγών 85 об.
трупъ σκήνωμα 61 об. и др.
трусъ σεισμός 37 об.
тростіе καλάμη 81 об.
трость κάλαμος 1 об.
трепутица τριπέδικλον (tripedica) 46.
трѣбище βωμός 33 об. и др.
туга στενοχωρία 98 об.
тужилница νοσοκομεῖον 99 об.
тужити στενοχωρεῖσθαι 16.
тутенъ ἦχος 78 об.
ткатися πλάζεσθαι 51 об.
точно ἴσως 71.
тщаніе σπουδή 11 и др.; съ всяцѣмъ т—мъ πάνυ σπουδαίως 22.
тщатися σπεύδειν 62 об.
тщета ζημία 12 об. и др.
тщивъ σπουδαῖος 94 и др.
тща ради славы διὰ τῆς κενοδοξίας 9.
тъщьнъ σπουδαῖος 5 об. и др.
тезоименитъ ὡμόνυμος 39.
тлѣмъ человѣкъ φθαρτός 36 об.
темница φυλακή 79 и др.
трьніе ἄκανθαι 26 об.
тръпѣливъ καρτερικός 63 об.
тѣлище ἄγαλμα 33 об.
маслѣнныи тѣскъ τὸ ἐλαιοτριβεῖον 12 об.
тѣсныи путь στενὸς ὁδός 77.
тѣша (о маслинахъ) ἐκπιέζων 100 об.; тѣщимъ 'εκπιεζόμενος 101.
тяжькъ βαρύς 1.

Не у οὔπω 61.
убіица φονευτής 65 об.
убрусьць ἐγχείριον 40.
увѣщати κατηχεῖν 75 об.
угодити διαρκεῖν 13.
угодникъ θεράπων 66 и др.
угодно есть ἀρέσκει 4 и др.; угодно ми есть ἀρέσκομαι 27.
удоль (ж.) κοιλάς 68 и др.
въ удольихъ ἐν κοιλάσι 51 об.
удолѣти νικᾶν, κατισχύνειν 64, κυριεύειν 8.
удъ μέλος 75 и др.
удержати κρατεῖν 1.
уже σχοινίον 25, 69, ἅλυσις 68 об.
ужика ὁ πλησίον 54 об., γείτων 1 об.
узда χαλινάριον 7 об.
узы τὰ δεσμὰ 71 об.
укрутитися ἀποσπᾶσθαι 2; камень укрутися ἀπετμήθη 2.
укрухъ (хлѣба) κλάσμα 101 об.
укрущеніе каменное ἀπόσπασμα λίθου 68 об.
улаяти ἐνεδρεύειν.
прѣдъ улицами манастырьсками ἔμπροσθεν τῆς πύλης 40 об.; кромѣ улиць ἔξω τῆς πύλης 48 об.; въ улицахъ ἐν τῇ θυρίδι 49 об.; по улицахъ ἐν τῇ πλατείᾳ 107.
умаленіе ἰδιωτία 1 об.
умиленіе κατάνυξις 97.

умилити καταξιοῦν 52 об.;—енъ παρακληθείς 87.
уморити φονεύειν 72 об.
умъ νοῦς 1 об., λογισμός 61.
уностьнъ τῆς νεότητος 5 об.
унъ νέος 70 об., νήπιος 17 и др.
каменныи упадокъ τὸ τοῦ λίθου ἀπόκλασμα 68 об.
упатъ ὕπατος 96 об.
уподіаконъ ὑποδιάκονος 69.
уповати ἐλπίζειν 65 об.
уставити καταπαύειν 11 об.
устнѣ χείλη 66 об.
усмотрити οἰκονομεῖν 78.
въ усъмнѣ дисакіи ἐν δερματίνῳ δισακκίῳ 7 об.
утварь στολή 85.
утверженъ φκοδομημένος 64.
утокомъ δρομαίως 31, 62 об.
утро αὔριον 9.
утроба σπλάγχνα 70.
на утреніи ὑπὸ τὸν ὄρθρον 21 об.
въ утрѣи день τῇ ἐπιούσῃ ἡμέρᾳ 9.
нищетная утѣха τὸ τὴν τῆς πτωχείας ἔνδειαν παραμυθήσασθαι 16.
утѣшеніе παράκλησις 94 об.
ученіе διδασκαλία 15 и др., μαθησία 2 об.
ученикъ μαθητής 62 об. и др.
учитель διδάσκαλος 2 и др.
учительнъ παραινετικός 75 об.
уязвенъ πληγείς 77 об.

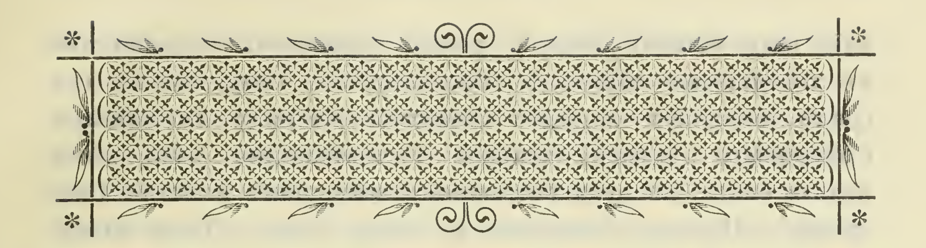
Съ Фрянгы μετὰ Φράγκων 3 об.

Хвалити εὐχαριστεῖν 95 об.
хвалная пѣснь εὐχαριστήριος ὕμνος 8 об.
хврастово мѣсто φρυγανώδης 30 об.
херотонисати χειροτονεῖν 73 об.
хлѣбъ (ед.), хлѣби (мн.) ἄρτος 63 об., 101.
два съсуда древяна, еже общею рѣчью глаголють, хлѣбци наричются σκεύη ἅπερ φλασκία 39 об.
ходатай πρόξενος 42 об.
ходити περιπατεῖν 71.
хопити δάκνειν 7.
храмъ ναός 57 об., οἶκος 32 об., 49 и др.
хранитель τροφεύς, φύλαξ 75.
хрупаніе (о свиньѣ) γρυγμός 55 об.
божіе хулити величіе τὴν τοῦ Θεοῦ βλασφημεῖν μεγαλοσύνην 108.
хызъ κελλίον 65.
хытрость τέχνη 53.
хытрець τεχνίτης 101.

Цата νόμισμα 16 и др. (срв. златица)
цвѣтіе ἄνθος 23 об.
церквица, церкы εὐκτήριον 33 об., 58 и др.
царствіе, царство βασίλεια 79, 80.
цѣвница σίστρος 15 об.
цѣлина врътоградная τὰ τοῦ κήπου λαχάνια 63.
цѣлованіе ἀσπασμός 11.
цѣловати, цѣловатися ἀσπάζεσθαι 25 об., 100 и др.
цѣльба ὑγιότης 12.
цѣна τιμή 52 об.

многа Чадь πολλοί 104 об.
чарованіе δηλητήριον 45.
чародѣиство μαντεία 86.
часъ ὥρα 16 об. и др.
чаща ὕλη 75 об., τὰ δάση 67 об.
единъ отъ чиготъ τῶν σπαθαρίων 56 об.; своихъ чиготъ σπαθάριος 36 об.
чинъ прозвѵтерьскыи τὸ τοῦ πρεσβυτέρου τάγμα 16 об., свои—τὰ ἑαυτοῦ μέτρα 8.
число, чисмя ψῆφος 9 об. и др., 90 об.
чисмя μέτρον 35 об.

А. Соболевскій.

ЭТЮДЫ ПО БОГОМИЛЬСТВУ.

Къ вопросу объ отношеніи апокрифовъ къ богомильству.

Было время, когда въ славянской наукѣ апокрифическую литературу ставили въ самую тѣсную связь съ дѣятельностью богомиловъ и чуть не въ каждомъ апокрифѣ усматривали отголоски богомильскихъ воззрѣній. Но болѣе глубокое изученіе, какъ богомильства, такъ и апокрифовъ привело позднѣйшихъ изслѣдователей къ заключенію, что богомиламъ принадлежитъ весьма ограниченная роль въ дѣлѣ составленія, перевода и распространенія апокрифическихъ сочиненій. Нѣкоторые же ученые и вовсе отрицали всякое участіе богомиловъ въ апокрифической литературѣ. Истина, кажется, какъ это часто бываетъ, лежитъ посерединѣ между взглядами старшаго поколѣнія ученыхъ и новѣйшихъ изслѣдователей. Есть много данныхъ въ пользу того, что богомилы сами не составляли апокрифовъ и, быть можетъ, не принимали участія въ переводѣ этихъ произведеній съ греческаго языка на славянскій, но несомнѣнно, однако, и то, что богомилы пользовались апокрифами, толковали ихъ въ духѣ своего ученія, иногда позволяли дѣлать вставки, въ особенности въ произведеніяхъ въ родѣ „Бесѣды трехъ святителей“, гдѣ можно было незамѣтно дѣ-

лать такія вставки. Низкій уровень образованія большинства въ тогдашнемъ обществѣ способствовалъ тому, что въ его средѣ апокрифы нерѣдко ставились на ряду съ книгами Священнаго Писанія, каковое обстоятельство было, какъ нельзя болѣе, на руку богомиламъ, умѣвшимъ и мѣста Священнаго Писанія толковать въ свою пользу. Такія толкованія еще съ большимъ удобствомъ они могли примѣнять къ апокрифамъ, слывшимъ въ полуобразованномъ обществѣ богодухновенными писаніями.

Иллюстраціей къ приведеннымъ положеніямъ о роли богомиловъ въ апокрифической литературѣ послужитъ дальнѣйшее изложеніе—по отношенію къ извѣстной компиляціи попа Іереміи, Слову о Адамѣ и Пренію Христа съ дьяволомъ.

1. Компиляція попа Іереміи.

Сравнительно не такъ давно никто изъ ученыхъ не сомнѣвался въ тождествѣ попа Іереміи съ болгарскимъ ересіархомъ попомъ Богомиломъ и еретическомъ характерѣ его компиляціи (по крайней мѣрѣ, въ ея первоначальномъ, не сохранившемся до насъ видѣ). Но въ настоящее время, послѣ появленія въ свѣтъ изслѣдованія М. И. Соколова, объ этомъ уже не приходится говорить. М. И. Соколовъ съ полной убѣдительностью доказалъ, что произведеніе Іереміи не только не богомильское по своему характеру, но скорѣе антибогомильское. Къ сожалѣнію почтенный ученый сосредоточилъ свое вниманіе преимущественно на доказательствахъ положенія, что сочиненіе Іереміи не богомильскаго происхожденія, и не развилъ обстоятельно своей мысли, что сочиненіе Іереміи—антибогомильское, скорѣе всего написанное съ полемическою цѣлью, противъ богомиловъ. Между тѣмъ, внимательное чтеніе „Слова“ Іереміи неминуемо приводитъ насъ къ этому заключенію. Становится ясно, что Іеремія, лицо, очевидно, начитанное, но по уровню образованія стоящее на одной ступени съ нашими начетчиками въ родѣ Іосифа Волоцкаго, въ простотѣ сердечной считалъ апокрифическія

писанія столь же священными и авторитетными, какъ и книги Священнаго Писанія. Задачей своей компиляціи онъ и поставилъ на основаніи апокрифовъ доказать законность и святость церковныхъ и государственныхъ учрежденій, противъ чего были направлены нападки богомиловъ. Утилизовалъ для своей цѣли апокрифы также, вѣроятно, потому, что ими пользовались, ихъ толковали и извращали въ свою пользу и богомилы.

Въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о главной цѣли произведенія Іереміи—прославленіи креста, мы находимъ тамъ статьи, посвященныя доказательству святости церковной іерархіи, законности работъ на властей, податей, разсказъ о нерукотворенномъ образѣ, оправдывающій иконопочитаніе. Трудно допустить, чтобы при господствующемъ тенденціозноморализующемъ направленіи старинныхъ славянскихъ литературъ (конечно, я разумѣю здѣсь православныхъ славянъ) была писана для одного развлеченія читателей статья о крещеніи костей Адама сначала Іорданомъ, затѣмъ моремъ и, наконецъ, кровью Христа. То же, полагаю, слѣдуетъ сказать и о разсказахъ о томъ, какъ Христосъ плугомъ оралъ, какъ Христосъ назвалъ Прова братомъ—въ послѣднемъ разсказѣ Христосъ помогаетъ цареву сыну Прову собирать подати и, благодаря именно Ему, Прову удается успѣшно выполнить свою задачу. А разсказъ о томъ, какъ Христа въ попы ставили, развѣ не звучитъ явной тенденціей придать высшее освященіе отвергаемой богомилами церковной іерархіи? Такимъ образомъ, по моему мнѣнію, изъ сказаннаго съ очевидностью явствуетъ, что сочиненіе Іереміи не только не богомильское, но писано противъ богомиловъ.

И, однако, богомилы пользовались компиляціей Іереміи для своихъ цѣлей, приспособляли ее къ своему ученію. Такимъ образомъ, недошедшая до насъ компиляція Іереміи представляетъ христіанскую обработку богомильскаго сочиненія, какъ думаетъ академикъ А. Н. Веселовскій, но богомилы перерабатывали или, по крайней мѣрѣ, истолковывали въ свою пользу христіанское и даже направленное противъ

нихъ сочиненіе. Указаніе на такое отношеніе богомиловъ къ Іереміиной компиляціи мы находимъ въ такъ называемой книгѣ Іоанна Богослова (по списку, изданному Döllinger'омъ въ его Beiträge zur Sektengesch d. Mittelalt. Bd. II). Болѣе подробно я останавливаюсь на этомъ въ другой своей статьѣ, почему здѣсь ограничиваюсь приведеніемъ мѣста, несомнѣнно, указывающаго на заимствованіе изъ „Слова“ Іереміи, и краткими замѣчаніями. „Cum autem cognovisset sathanas, quod descenderem in hunc mundum (говоритъ Господь Іоанну), *misit angelum suum et accepit de tribus arboribus et dedit Moysi prophetae ad crucifigendum me, quae ligna mihi custodiuntur usque nunc*“ (Beit. II, 89). Согласно съ представленіями богомиловъ о Ветхомъ Завѣтѣ и роли Мойсея, Богъ компиляціи Іереміи у нихъ обратился въ сатану, который и послалъ своего ангела доставить своему пророку Мойсею древо, на которомъ предстояло быть распятымъ Христу. Въ „Словѣ“ Іереміи мы находимъ подробный разсказъ о охранѣ древа.

2. Слово о Адамѣ.

Основаніемъ для приписыванія славянскихъ списковъ „Слова“ богомиламъ служитъ слѣдующее мѣсто, соотвѣтствія которому нѣтъ въ *извѣстномъ* греческомъ спискѣ: „Тогда диꙗволь прииде и ста прѣдь вольми и не дасть Адамоу землю работати и рече диꙗволь кь Адамоу· моꙗ ѥсть землꙗ а божиꙗ соуть небесьнаꙗ (и раи)· да аще хощеши мои быти, тогда землю работаи· аще ли хощеши божии быти, поиди себѣ вь раи. Адамь рече· божиꙗ соуть небеса и божии раи, божиꙗ землꙗ и море и вьса вьселеньнаꙗ. Диꙗволь рече· не дамь ти землю работати, аще не запишеши роукописаниѥ своѥ, да еси мои. Адамь рече· кьто земли господинь, томоу ѥсмь азь и чеда моꙗ. Диꙗволь вьзрадова се· Адамь бо знааше, ꙗко господь хощеть сьнити на землю и облѣщисе хощеть вь чловѣчь образь и попрати хощеть диꙗвола· и рече диꙗволь· запиши мьнѣ роукописаниѥ своѥ

и записа ѥмоу и рече· кьто земли господинь, томоу азь и чеда моꙗ“...[1]).

Замѣчу прежде всего, что мы могли бы съ увѣренностью говорить о богомильскомъ происхожденіи даннаго разсказа (resp. славянскихъ списковъ „Слова“) лишь въ томъ случаѣ, если бы въ этомъ разсказѣ было выразительно сказано о дьяволѣ, какъ творцѣ видимаго міра. Между тѣмъ, какъ разъ этого-то нѣтъ. Когда Адамъ говоритъ, что земля, небеса, море и вся вселенная—Божіи, дьяволъ не возражаетъ на это, но настаиваетъ только на томъ, что онъ *господинъ* земли. Собственно же въ представленіи дьявола, какъ господина земли, нѣтъ ничего специфически богомильскаго. Представленія о особенномъ могуществѣ дьявола въ ветхозавѣтномъ мірѣ не чуждо и средневѣковое христіанство. Приписывая этому представленію богомильское происхожденіе, мы должны были бы и въ извѣстномъ евангельскомъ разсказѣ объ искушеніи Христа дьяволомъ или въ выраженіяхъ евангелія Іоанна о князѣ міра сего усматривать отраженіе.... богомильскихъ идей!

Легенда о рукописаніи Адама дьяволу, несомнѣнно, древняго происхожденія и извѣстна помимо нашего разсказа еще въ двухъ варіаціяхъ. По одному списку „Слова“, относимому Ягичемъ ко 2-ой редакціи, Адамъ, когда наступила ночь, плачетъ, думая, что не увидитъ болѣе свѣта. Является дьяволъ и обѣщаетъ даровать свѣтъ, если Адамъ дастъ рукописаніе на себя, свой родъ и дѣтей—рукописаніе Адама дьяволъ скрылъ въ Іорданѣ подъ камнемъ. Дьяволъ обманулъ Адама. По другому варіанту легенды,[2]) пользовавшемуся большой распространенностью, отразившемуся даже въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ и молитвахъ и древней иконописи, дьяволъ получаетъ отъ Адама рукописаніе въ награду за то, что освободилъ Каина отъ двѣнадцати змѣиныхъ головъ, нестерпимо терзавшихъ грудь Евы. Сказаніе это весьма

[1]) Ягичъ—Slavische Beiträge zu den biblischen Apocryphen, Wien 1893, 32.

[2]) Тихонрав. I, 16—17.

древнее: указанія на него мы находимъ въ молитвѣ на водоосвященіе, приписываемой патріарху Софронію (VII вѣка), и въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ VIII вѣка, и, по мнѣнію Порфирьева, обязано своимъ происхожденіемъ ложно понятымъ словамъ апостола Павла (Посл. къ Колос. 2, 13—14) и, быть можетъ, словамъ церковной пѣсни: „и честнымъ его крестомъ рукописаніе грѣхъ нашихъ растерзалъ еси“ [1]). То же обстоятельство, что эпизодъ о рукописаніи встрѣчается во всѣхъ славянскихъ спискахъ „Слова“ обѣихъ редакцій, кажется, свидѣтельствуетъ ясно о томъ, что этотъ эпизодъ былъ и въ не дошедшемъ до насъ греческомъ подлинникѣ „Слова“.

Но богомилы, дѣйствительно, и сказаніе о рукописаніи примѣнили къ своему вѣроученію.

Какъ извѣстно, по ученію богомиловъ, сатана заключилъ съ Богомъ договоръ, по которому человѣкъ будетъ принадлежать имъ обоимъ при условіи, что Богъ вдохнетъ въ него душу и оживотворитъ его.

....διαπρεσβεύσατο πρὸς τον ἀγαθὸν Πατέρα καὶ παρεκάλεσε πεμφθῆναι παῤ αὐτοῦ πνοὴν ἐπαγγειλάμενος κοινὸν εἶναι τον ἄνθρωπον, εἰ ζωοποιηθῇ καὶ ἀπο τοῦ γένους αὐτοῦ πληροῦσθαι τοὺς ἐν οὐρανῷ τόπους τῶν ἀπορριφέντων Ἀγγέλων [2]). Богъ согласился, но вскорѣ увидѣлъ, что онъ обманутъ:

....τῶν ἀνθρώπων πικρῶς τυραννουμένων καὶ ἀπηνῶς ἀπολλυμένων μόγις ὀλίγοι τινὲς τῆς τοῦ πατρὸς μεριδος ἐγίνοντο, καὶ εἰς τὴν τῶν ἀγγέλων τάξιν ἀνέβησαν [3]). Между тѣмъ, Богъ далъ человѣку превосходнѣйшую часть—душу. Тогда Господь, сострадая вмѣстѣ съ тѣмъ о своемъ созданіи—душѣ, такъ бѣдственно страдающей и такъ порабощенной, изрыгнулъ изъ своего сердца—слово—Сына, который совершилъ дѣло спасенія, дѣлалъ и училъ, какъ писано въ Евангеліи, призрачно страдалъ, умеръ и воскресъ и посрамилъ сатану, котораго, въ заключеченіе, связалъ и затворилъ въ адъ.

---

[1]) Апокрифическія сказанія о ветхозав. лицахъ и событ. по рукоп. Соловецкой библ. Спб. 1877, 41.

[2]) Зигабенъ, изд. Гизелера, 12.

[3]) ib. 16.

И вотъ, въ одной народной болгарской легендѣ, несомнѣнно, богомильскаго происхожденія мы находимъ мотивъ *письменнаго* договора Бога съ дьяволомъ. Довольный своимъ другомъ дьяволомъ Господь выражаетъ готовность дать дьяволу все, что бы онъ ни пожелалъ. Дьяволъ захотѣлъ, чтобы міръ былъ раздѣленъ на двѣ половины: земля досталась бы ему, а небо было бы Божіе, также и люди—живые принадлежали бы ему, а мертвые Богу. Господь согласился на это, но дьяволъ потребовалъ отъ Него записи. Богъ далъ дьяволу и запись. Когда Богъ изгналъ Адама изъ рая, то позволилъ ему свободно обрабатывать землю. Но дьяволъ, увидѣвъ, что Адамъ и Ева пашутъ, запросилъ ихъ, какъ они смѣютъ пахать, не спросившись у него—хозяина земли, и запретилъ имъ пахать. Когда Богъ узналъ объ этомъ, Онъ сталъ сожалѣть, что далъ дьяволу запись. Между тѣмъ люди размножились, и дьяволъ мучилъ на ряду съ грѣшными и праведныхъ. Дальнѣйшее повѣствованіе о томъ, какъ была отнята у дьявола власть посредствомъ похищенія ангеломъ записи, уже представляетъ другой мотивъ, не имѣющій отношенія къ „Слову“ [1]).

3. Преніе Христа съ дьяволомъ.

Этому произведенію ученые также усваиваютъ богомильское происхожденіе. Съ правомъ ли? „Преніе Христа съ дьяволомъ“ извѣстно въ многочисленныхъ славянскихъ спискахъ и въ двухъ греческихъ. „Преніе“ составилось, несомнѣнно, подъ вліяніемъ евангельскаго разсказа объ искушеніи Христа дьяволомъ. Что же въ немъ можно усматривать богомильскаго? Я воспользуюсь здѣсь греческими текстами, изданными Васильевымъ [2]), и славянскими текстами по изда-

---

[1]) Драгомановъ. Забѣлѣжки върху славянскитѣ религиозно-етически легенди. II. Дуалистическото миротворение—„Сборникъ“ Болгарск. Мин. Нар. Пр., т. VIII, 261—262.

[2]) Anecdota graeco-byzantina. Москва 1893, 4—10.

нію Тихонравова, Новаковича[1]), Поливки[2]), а также старѣйшимъ изъ доселѣ извѣстныхъ спискомъ „Пренія“, помѣщеннымъ въ рукописи Вѣнской Придворной Библіотеки № 137—болгарскаго правописанія начала XIV вѣка—къ сожалѣнію этотъ списокъ безъ конца. Вотъ наиболѣе подозрительныя мѣста, которыя всѣ находятся въ первой половинѣ „Пренія“. Дьяволъ говоритъ Христу: ты иди на нб҃са, а моѣ есть землѣ, ꙗкоже мѧ ѿринѫ ѿць твои[3]). На угрозу Христа погубить дьявола послѣдній отвѣчаетъ: ты иди на нб҃са и сѧди на прѣстолѣ своемь, твоѣ сѫть нб҃са, а моѣ есть землѣ, имамь аг҃глы страшны, и изгоубѧть тѧ побѣдивше тѣло твое, ꙗко единого чл҃ка. Господь перечисляетъ дѣла дьявола: твоѣ сѫть дѣлеса разбои, татба, блѫдь, зависть, ревнос҃, *град трѫсь, ѡгнь, тма*, рать, браторазлѫченне, ненависть въ чл҃цѣхь—то сѫть дѣла твоѣ. Дьяволъ на это отвѣчаетъ: вь истинѫ вѣси, то сѫть дѣла моѣ, и паче англь твоихь вѧщи есмѫ и *паче тебе старѣи*. Въ текстѣ Новаковича находимъ: твоꙗ суть дѣла въса лукава, татіе, разбоиници, клѣвѣтници, блоудныихь дѣль, *градь, слана* и въса земла (sic) чловѣкомь. Дьяволъ отвѣчаетъ: ....нь паче тебѣ сvліемь (sic); аггель мои паче аггель твоихь. Текстъ, изданный Поливкой, даетъ: твоꙗ дела сут разбоинычаство, блуд, зависть, ревность, оганно ꙗрѣніе, *тма, трусы,* свары земльніе и раты и свазждѣніе между братіею, лажи, ненависть и всакаа неправда. Дьяволъ, подтверждая это, замѣчаетъ: нь паче тебѣ силны есам, а аггелы мои аггель твоих[4]).

Обращаюсь къ греческимъ спискамъ. Замѣчу, кстати, что всѣ извѣстные до сихъ поръ славянскіе списки восходятъ къ нѣсколько отличнымъ отъ изданныхъ Васильевымъ греческимъ текстамъ.

[1]) Starine XVI, 86—89.
[2]) Star. XXII, 200—201.
[3]) По Вѣнской рукоп.
[4]) Star. l. c., 201.

Для насъ интересъ представляетъ перечисленіе дѣлъ дьявола въ спискѣ XII вѣка: εἰσὶν οἱ μέτοχοι (σου) φόνοι, μοιχοί κλέπται, φυθιρισταί, γ ν ό φ ο ς, π ῦ ρ, χ ά λ α ζ α ι, τ α ρ α χ α ί, βάσεις (sic! στάσεις?) ἀδελφῶν, καταρήσεις, κακία, αἵρεσις, προαίρεσις. Дьяволъ отвѣчаетъ: ὅτι τὰ τοιαῦτα ἔργα ἐμά εἰσιν, ἀλλὰ πλείων σου ὑπάρχω καὶ τῶν ἀγγέλων σου γέγονα (стр. 5). Во второмъ спискѣ XIII в. (безъ начала) можно привесть только слѣдующія слова дьявола: σὺ βασιλεὺς ἐν οὐρανοῖς, ἐγὼ ἐπὶ τῆς γῆς. σὺ Χριστὸς κἀγὼ ἀντίχριστος (8—9).

Отмѣчу теперь мѣста „Пренія“, отражающія воззрѣнія, совершенно противоположныя богомильскимъ, такъ сказать, антибогомильскія. Оставляю при этомъ въ сторонѣ греческіе тексты, въ которыхъ такихъ мѣстъ еще больше.

Дьяволъ говоритъ Христу, что ангельскія воинства не могутъ зрѣть Сына Божія, и *земля* слушаетъ Его. Дьяволъ попрекаетъ Христа тѣмъ, что онъ сынъ человѣческій, родился отъ женщины. Христосъ, въ отвѣтъ на это, подтверждаетъ, что родился отъ женщины, чтобы исполнились писанія о Немъ, потому что Онъ одного только человѣка создалъ по образу Своему и не оставитъ его во вѣки. Дьяволъ объясняетъ свое низверженіе съ неба тѣмъ, что онъ не хотѣлъ поклониться человѣку, когда Господь создалъ послѣдняго. Христосъ повелѣваетъ облаку связать дьявола за пяты, что и исполняется безпрекословно облакомъ. Дьяволъ похваляется, что по его наущенію Иродъ велѣлъ казнить Іоанна Предтечу. Христосъ пророчествуетъ, что древу, на которомъ онъ распнется, будутъ поклоняться люди, а на дьявола будутъ плевать (по др. сп. будутъ его гнать).

Какъ же объяснить приведенныя выше мѣста „Пренія“, носящія, повидимому, отпечатокъ богомильскихъ воззрѣній?

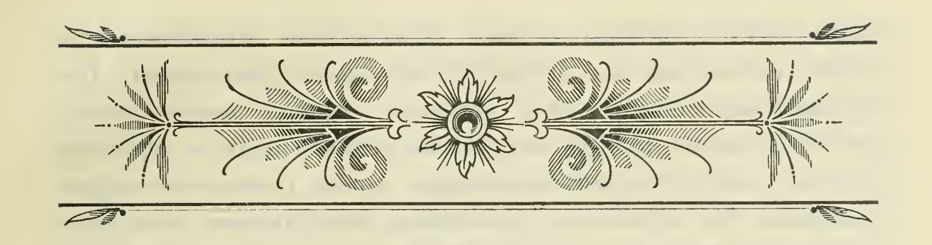
Собственно говоря, изъ всѣхъ славянскихъ списковъ только въ одномъ Вѣнскомъ находимъ, дѣйствительно, характеристичное для богомиловъ утвержденіе, что дьяволъ старше Христа. Но эту замѣну соотвѣтствующаго греческому πλείων славянскаго слова *сильнѣе* словомъ *старше* могъ сдѣлать и не заправскій богомилъ, а малообразованный писецъ resp.

переводчикъ, который, и не сознавая, что это богомильское ученіе, замѣнилъ слово *сильнѣе* словомъ *старше*. Утвержденіе дьявола „въ Преніи“, что земля его, никоимъ образомъ не можетъ служить доказательствомъ богомильскаго происхожденія даннаго мѣста. Въ греческомъ спискѣ самъ дьяволъ разсказываетъ о созданіи Богомъ Адама, насажденіи рая и т. д. совершенно въ согласіи съ Библіей. Далѣе, какъ мы видѣли, къ дѣламъ дьявола на ряду съ внушеніемъ людямъ дурныхъ мыслей и поступковъ причисляется и созданіе имъ вредныхъ явленій природы. И въ настоящее время у славянъ въ простомъ народѣ распространено представленіе, что явленія природы и животныя, приносящія вредъ благосостоянію человѣка, созданіе дьявола. Конечно это представленіе ведетъ свое начало отъ богомильства, но, какъ на основаніи его мы не можемъ назвать богомилами славянское простонародье, такъ нѣтъ основаній причислять къ богомиламъ и неизвѣстное лицо, приписавшее происхожденіе враждебныхъ человѣку явленій природы дьяволу въ „Преніи“. Кромѣ того, замѣчу, что это, очевидно, была позднѣйшая вставка въ текстѣ „Пренія“: въ греческомъ спискѣ XIII вѣка дьяволу исключительно приписывается внушеніе дурныхъ мыслей и дѣлъ людямъ; то же находимъ въ одномъ русскомъ спискѣ, правда, поздняго времени [1]).

Общій характеръ „Пренія“ не только не богомильскій, но скорѣе антибогомильскій, а многочисленныя частности, свойственныя при томъ въ большей или меньшей степени всѣмъ спискамъ „Пренія“, совершенно расходящіяся съ богомильскими воззрѣніями, свидѣтельствуютъ о томъ, что это произведеніе было писано никоимъ образомъ не богомилами, да, вѣроятно, возникло раньше появленія ереси. Нѣкоторыя же вставки, повидимому, богомильскаго характера могли быть сдѣланы и не богомиломъ, а человѣкомъ народной среды, въ которой подъ вліяніемъ богомильства или, быть можетъ болѣе ранней дуалистической секты сложились нѣкоторыя представленія, не согласныя съ христіанскимъ ученіемъ.

К. Радченко.

*) Тихонрав. II., 286.

Два текста.

На югъ отъ Мостара, тамъ, гдѣ узкая долина Неретвы расширяется и образуетъ цѣлую площадь, обрамленную бурыми, дикими каменистыми горами, въ полутора часѣ ѣзды по узкоколейной желѣзной дорогѣ отъ столицы Герцеговины—лежитъ за рѣкой у подошвы горнаго кряжа убогій по виду, но богатый воспоминаніями и славой, многострадальный, знаменитый монастырь Житомисличъ. Отъ небольшой желѣзнодорожной будки-станціи, мимо древней босанской могилы съ массивнымъ каменнымъ т. наз. „богомильскимъ" крестомъ и кубическимъ почти надгробіемъ—монолитомъ съ грубымъ, до половины уже изглаженнымъ вѣками изображеніемъ сцены охоты, выходимъ на берегъ бѣшеной голубой Неретвы, съ шумомъ и ревомъ пробивающей себѣ дорогу между камней и обломковъ ею же подмытыхъ скалъ. Переправившись на желѣзномъ паромѣ черезъ рѣку, по тропинкѣ, перелѣзая кое-гдѣ черезъ каменную невысокую ограду садовъ, доходимъ до монастырскихъ воротъ съ фонтаномъ-чесмой передъ ними. Невысокая бѣлая стѣна съ трехъ сторонъ окружаетъ монастырскій дворъ, служа задней стѣной келій, выходящихъ, по восточному обычаю, на галлерею, идущую вдоль всѣхъ келлій, галлерею бѣдную, деревянную, съ скрыпучими лѣстницами, гнѣздами ласточекъ подъ стрѣхой. Четвертую сторону прямоугольника занимаетъ подымающійся каменной террасой монастырскій садъ-кладбище, гдѣ погре-

бена братія и настоятели подъ небольшими каменными крестами и плитами съ церковнославянскими надписями. Посрединѣ заросшаго между камнями травой двора стоитъ убогая, простая по архитектурѣ, полутемная церковь, вросшая уже въ землю; къ ней примыкаетъ новая, грандіозная сравнительно съ церковью колокольня, выстроенная уже оккупаціоннымъ правительствомъ. Вокругъ монастыря—поля, и черезъ ложбинку, оканчивающуюся новой стѣной дикихъ горъ,—бывшее монастырское село „прняворъ"; между монастыремъ и стѣной ущелья, гдѣ онъ пріютился,—нѣсколько многовѣковыхъ „грмовъ"—дубовъ. Вотъ картина, которая осталась у меня въ памяти, когда я въ августѣ 1902 г. очутился въ Житомисличѣ. А влекло меня сюда и желаніе увидать воочію этотъ знаменитый въ исторіи монастырь, тѣсно связанный съ именами многихъ борцовъ за свободу, прославленный и въ литературѣ людьми, мнѣ близко знакомыми отчасти и лично, каковъ, былъ, напр., покойный архим. Дучичъ; влекло меня сюда и богатое, давно уже извѣстное по разнымъ описаніямъ и очеркамъ собраніе рукописей и памятниковъ старины; наконецъ, была у меня и опредѣленная цѣль: провѣрить надписи и записи рукописей и старинной утвари монастыря для новаго изданія сербской академіи наукъ [1]). Не безъинтересенъ казался этотъ монастырь и по своей судьбѣ: основанъ онъ былъ мѣстными землевладѣльцами, спахіями Храбренами, потомки которыхъ принадлежатъ—уже съ фамиліей Милорадовичей—къ числу русскихъ общественныхъ и государственныхъ дѣятелей [2]). Помимо этого въ такомъ видномъ центрѣ, какимъ до недавняго времени былъ Житомисличъ, легко могли найтись (они и нашлись) слѣды культурныхъ связей сербскаго племени съ Россіей, никогда не оставлявшей безъ

[1]) Зборник за историју, језик и књижевност српскога народа, прво оделење (Беогр. 1902).

[2]) Одинъ изъ русскихъ потомковъ Храбреновъ-Милорадовичей, помѣщикъ Черниговской губ., въ 1883 г. посѣтилъ „задушбину" своего предка, результатомъ чего явилась книжечка „Православный монастырь Житомысличъ въ Герцеговинѣ" (Черниговъ 1890).

нравственной и матеріальной помощи многострадальную Босну и Герцеговину, въ чемъ легко убѣдиться по тѣмъ остаткамъ старины, которые уцѣлѣли отъ старыхъ турецкихъ погромовъ и новой австрійской культуры, до сихъ поръ по церквамъ и монастырямъ оккупированныхъ земель, а также по воспоминаніямъ монастырскихъ старцевъ и по надписямъ на стѣнахъ монастырскихъ келлій и въ ризницахъ при церквахъ [1]). Такія сложныя побужденія и привели меня къ вратамъ Житомислича, дали мнѣ случай познакомиться съ нимъ и единственнымъ тогда калугеромъ Житомислича о. Христофоромъ Милутиновичемъ, который былъ и моимъ радушнымъ хозяиномъ, и интереснымъ собесѣдникомъ, и усерднымъ помощникомъ при занятіяхъ въ теченіи цѣлой недѣли. Главною цѣлью моего здѣсь пребыванія было, какъ я сказалъ, желаніе познакомиться непосредственно съ монастырской библіотекой, надежда найти что-либо для себя интереснаго. Хотя библіотека монастыря уже давнымъ давно была предметомъ вниманія и изслѣдованія ряда ученыхъ, всетаки и я не разочаровался въ своей увѣренности, что и на мою долю, да и другихъ еще, останется достаточно: нашлось, дѣйствительно, не мало, даже столько, что приходится задумываться о второмъ путешествіи туда же, въ Житомисличъ. Изъ того же, что удалось собрать въ короткое время пребыванія въ позапрошломъ году, кое-чѣмъ рѣшаюсь подѣлиться теперь же, избравъ два, какъ мнѣ кажется, не безъинтересные текста, найденные мною въ Житомисличѣ.

Прежде, впрочемъ,--нѣсколько словъ о самой библіотекѣ[2]) и работахъ моихъ предшественниковъ, связанныхъ съ нею. Библіотека, вмѣстѣ съ ризницею, помѣщается въ очень удобномъ сравнительно помѣщеніи—узкой, свѣтлой келліи; всѣ книги и рукописи размѣщены довольно аккуратно по полкамъ, занесены въ инвентарь, впрочемъ, не всегда точно и

[1]) Напр., въ старой Сараевской церкви, полной воспоминаніями о приношеніяхъ русскихъ, о путешествіяхъ настоятелей въ Россію, подаркахъ книгами, въ томъ числѣ самаго Петра Великаго.

[2]) Болѣе подробный отчетъ о ней отлагаю до иного случая.

умѣло составленный; рукописи всѣ сгруппированы, какъ собраны вмѣстѣ и старыя книги церковной печати отдѣльно отъ остальныхъ. Церковная утварь и предметы собственно церковные—въ отдѣльномъ шкафѣ. Лишь въ углу оказалась кучка обрывковъ рукописей и печатныхъ книгъ, по своей кажущейся ничтожности, не оказавшихся достойными лучшаго мѣста, но, все же, не выброшенныхъ къ счастью вонъ. [1]) Рукописей всѣхъ довольно много—около 40, всѣ на бумагѣ, [2]) дальше конца XVI, начала XVII вѣка не идутъ. Рукописями монастыря, частью теперь уже исчезнувшими изъ его библіотеки, [3]) пользовались многіе: первымъ былъ чуть-ли не покойный арх. Никифоръ Дучичъ, еще въ 1861 г. напечатавшій въ „Далматинскомъ Магазинѣ“ статью о Житомисличѣ (перепечатана въ его „Кньижевнихъ радовахъ“ (1891) I, 54—106); за нимъ слѣдуютъ: бывшій русскій консулъ Н. Иларіоновъ, напечатавшій въ „Чтеніяхъ“ Общ. ист. и древн. Росс. при Моск. унив. нѣсколько записей и надписей изъ рукописей монастыря (1870 г., кн. III-я.), Радивой Симоновичъ, который спеціально занялся рукописями въ 1891 (Летопис матице српске, кн. 168, 169), Б. Тиричъ, извлекшій нѣсколько записей изъ помянника монастыря (Споменик српске акад. XXXIV, 1894); наконецъ М. Вукичевичъ помѣстилъ въ „Гласникѣ земальск. Муз. у Босни и Херцеговини“ (XIII, 1901.)—рядъ записей изъ монастырскихъ книгъ. Какъ видно изъ перечисленныхъ статей [4]), ни одинъ изъ изслѣдовавшихъ рукописи къ содержанію ихъ, повидимому,

[1]) Это б. ч. отрывки изъ тѣхъ же рукописей, которыя помѣщены на полкахъ. Мною всѣ листки, какіе удалось, помѣщены, съ согласія о. Христофора, въ рукописи, изъ коихъ они вывалились.

[2]) Лишь въ печатной тріоди постной (Божидаръ, Венеція 1590; инвентарь № 163) оказались при переплетѣ вшитыми два пергаменныхъ листа изъ служебной минеи (февраль) сербскаго письма XIV—XV вѣка.

[3]) Извѣстный „Житомисличскій“ хронографъ (о немъ см. Н. Дучича „Кньижевни радови“, Беогр. 1895, IV, 149 и сл.), Псалтирь Стефана Храбрена (о ней см. М. Вукичевичъ въ Гласн. земальск. Муз., XIII (1901), 1, 45)—обѣ исчезли изъ монастыря, послѣдняя очень недавно.

[4]) Статьи Симоновича я подъ рукой не имѣю.

не присматривался внимательно; а скорѣе, дорожа ими, какъ матеріаломъ для дополненія историческихъ фактовъ мѣстной исторіи, изслѣдователи обратили вниманіе на записи и надписи, дающія, дѣйствительно, богатый по количеству, хотя и скудный содержаніемъ, сухой матеріалъ въ видѣ именъ, годовъ и т. п.. При этомъ, надо замѣтить, что и въ этомъ отношеніи извлеченное упомянутыми изслѣдователями оставляетъ желать многаго: не все исчерпано, а то, чтó приведено въ извѣстность, передано часто крайне не точно и произвольно: отъ этого упрека не свободны работы Н. Дучича, еще болѣе Иларіонова, а записи, изданныя Вукичевичемъ, кишатъ ошибками и опечатками. Поэтому не удивительно, что еще многое можетъ быть найдено въ рукописяхъ Житомислича, если присмотрѣться къ нимъ повнимательнѣе и при томъ со стороны ихъ содержанія. Правда, какъ всякое монастырское собраніе, да еще въ убогой, пережившей много горя и разоренія странѣ, при томъ жившей долгое время въ столь стѣсненныхъ условіяхъ, что по части духовной пищи приходилось ограничиваться необходимымъ, и Житомисличская библіотека состоитъ преимущественно изъ богослужебныхъ и церковныхъ четьихъ книгъ монастырскаго обихода; все же, въ ней есть не только минеи служебныя, евангелія и псалтыри: въ ней оказалась и Лѣствица, книга необходимая монаху, а также „Панегирикъ“, житіе Варлаама и Іоасафа, Златоустникъ, Преніе жида съ христіаниномъ, выборка изъ четьи-минеи и т. п. Вотъ, въ числѣ этихъ немногихъ рукописей и нашелся одинъ текстъ, о которомъ рѣчь будетъ ниже. Эта рукопись—упомянутый „Панегирикъ“, какъ она обозначена въ монастырскомъ инвентарѣ (№ 140), собственно сборникъ XVI вѣка, на 349 л. въ листъ, сильно пострадавшая рукопись, утратившая листы въ началѣ, срединѣ. Содержаніе этой рукописи очень любопытно: словно, составитель сборника намѣренно подбиралъ самыя рѣдкія, интересныя статьи, при томъ статьи, которыя и стали рѣдкими въ силу своего не всегда легальнаго положенія въ литературѣ—это апокрифы, апокрифическо-легендарные памятники. Чтобы дать нѣкоторое понятіе о характерѣ

сборника, укажу, не перечисляя всѣхъ его статей (ихъ болѣе 50, по тексту и оглавленію рукописи), лишь нѣкоторыя:

Л. 2. Мученіе Іакова персянина.

Л. 4. Чудо архистр. Михаила (видѣніе Архипа пономаря).

Л. 9 об. Мученіе трехъ отроковъ: Ананіи Азаріи и Мисаила.

Л. 32 об.—52 об. Аскетическія статейки.

Л. 65. Мученіе отроковъ въ Ефесѣ.

Л. 65 об.—89. Слова Златоуста и Епифанія.

Л. 105 обл. Похвала Иліи пророку.

Л. 113 об. Откровеніе Меѳодія Патарскаго.

Л. 137 об. Мученіе Георгія.

Л. 148 об. Плачъ Іереміи—откровеніе Варуха.

Л. 169—174 об. Слово о Іосифѣ благообразномъ, иже тѣло господа Бога и Спаса нашего погребе.

Л. 175. Повѣсть Афродитіана персянина.

Л. 179 об. Мученіе Димитрія Солунскаго.

Л. 184 об. Житіе Алексѣя Божьяго человѣка.

Л. 189. Чудеса Николы.

Л. 210 об. Никиты Студійскаго слово на латынянъ.

Л. 214—200. Видѣніе Исаіи.

Л. 230 об. Толкованіе ветхаго и новаго завѣта (апокрифическое).

Л. 233 об. Слово объ Іосифѣ прекрасномъ.

Б. 270 об. Житіе Василія Новаго.

Л. 319. Житіе Андрея Юродиваго.

Изъ этого перечня видно, какой драгоцѣнный сборникъ мы имѣемъ передъ собою. Наиболѣе же цѣннымъ въ немъ надо, несомнѣнно, признать „Слово объ Іосифѣ благообразномъ“ въ виду большой его рѣдкости въ славянской старинной литературѣ: это *второй*, становящійся теперь извѣстнымъ въ ученой литературѣ текстъ этого легендарно-апокрифическаго памятника на славянскомъ языкѣ. Первый же, бывшій единственнымъ до сихъ поръ, текстъ изданъ Ю. Даничичемъ въ Starinach юго-славянской академіи (кн. IV

(1872), 149—154) по Карловацкой патріаршей рукописи XVII в.[1]) Нашъ текстъ весьма близко подходитъ къ изданному раньше, отличаясь лишь мелкими особенностями: то дополняетъ читаемое въ изданномъ, то (чаще) пропускаетъ кое-что, такъ что мы имѣемъ право говорить объ одномъ первоначальномъ сдѣланномъ съ греческаго текста переводѣ [2]), отъ котораго независимо другъ отъ друга идутъ наши тексты. Не часто попадается нашъ текстъ—Ὑφήγησις τοῦ Ἰωσήφ—и въ оригиналѣ: Тишендорфу (о. с., LXXXI) удалось найти лишь четыре списка, изъ коихъ одинъ XII вѣка, остальные XIV и XV-го.

Что касается содержанія текста, то оно примыкаетъ къ циклу такъ называемыхъ „страстныхъ" легендъ, т. е. разсказываетъ нѣсколько событій, стоящихъ въ связи съ исторіей крестныхъ страданій Спасителя и лицъ, имѣющихъ то или другое отношеніе къ этимъ событіямъ; въ данномъ случаѣ дѣло идетъ главнымъ образомъ о преданіи Христа Іудой, о Гестѣ и Дизмѣ, зломъ и благочестивомъ разбойникахъ, объ Іосифѣ Аримаѳейскомъ, отъ лица котораго и ведется рѣчь. Въ виду общаго характера развитія и исторіи христіанской легенды, [3]) „Повѣсть Іосифа" должна быть въ частности отнесена къ числу дополнительныхъ легендъ апокрифическаго евангелія Никодима: она даетъ новыя подробности о лицахъ и событіяхъ, какъ разъ отмѣчаемыхъ

---

[1]) № 3473 (л. 157 об.—166 об.) по инвентарю библіотеки. Текстъ изданъ Даничичемъ по обыкновенію: съ нормировкой правописанія, раскрытіемъ сокращеній подлинника и вполнѣ исправно. Имъ не обращено лишь вниманія на сохраненіе паерка, вездѣ въ изданіи замѣняемаго черезъ ь, на разницу между є(=іє) и е, замѣчаемую въ рукописи, и стерта характерная черта сербской поздней графики—ъ въ предлогахъ и предлогообразныхъ слогахъ (съ, въ, къ, съвѣтъ, въсака, въсегда и т. д.).

[2]) Греч. текстъ изданъ у K. Tischendorf'a Evang. apocr. [2](1876), 459 и сл., ранѣе Birchius'омъ въ его Auctuarium codicis Fabriciani (1804), 181 и сл.

[3]) Нѣсколько данныхъ для этой характеристики см. въ моихъ „Апокрифическихъ евангеліяхъ" (М. 1895), 5, „Апокрифич. дѣяніяхъ ап. Андрея" [М. 1893, изъ XV т. „Древностей" Моск. Арх. Общ.], 10, „Памятникахъ древне-христіанской литературы въ нашей словесности" [Починъ, изд. Общ. Л. Рос. словесн. I [М. 1896], 232—233.

въ этомъ евангеліи: оба разбойника, тотъ же эпизодъ съ заключеніемъ въ тюрьму Іосифа и чудеснымъ освобожденіемъ его; даже содержаніе Никодимова евангелія, какъ будто, имѣется въ виду нашей легендой: предполагая извѣстнымъ это содержаніе, редакторъ письменной легенды лишь намекаетъ на эпизоды, знакомые изъ апокрифич. евангелія, обращая свое вниманіе на дополненія къ нимъ. Эта тѣсная связь между двумя легендами въ ихъ письменномъ изложеніи, основанная на близости содержанія ихъ, повидимому, сознавалась и въ древнее время: это выразилось внѣшнимъ образомъ въ томъ, что текстъ Ὑφήγησις τοῦ Ἰωσήφ встрѣчался не только въ однихъ и тѣхъ же рукописяхъ, гдѣ и Никодимово евангеліе, но даже и непосредственно за нимъ: въ cod. Paris. 770 (1315 года) на л. 7—21 помѣщенъ текстъ Ник. еван., на л. 21—25 „Повѣсть Іосифа", за которой слѣдуютъ обычные спутники Никодимова евангелія: Ἀναφορὰ Πιλάτου и Παράδοσις Πιλάτου,[1]) въ cod. Paris. 929 (XV в.)—группа текстовъ таже, что и выше: Никодимово ев., Παράδοσις Πιλάτου и Ὑφήγησις τοῦ Ἰωσήφ;[2]) наконецъ отраженіе той же традиціи мы видимъ и въ рукоп. Карловацкой библ. 3473, гдѣ нашъ текстъ идетъ за переводомъ такъ называемой поздней (греческой) редакціи Никодимова евангелія и письма Пилата (указанными въ cod. Par. 770 и 929) и озаглавленъ: „Повѣсть *другаа* Іосифа благообразнаго иже и тѣло Господа..."[3])

Если на основаніи рукописной традиціи, несомнѣнно, выражавшей частью представленіе и читателей, а также на основаніи содержанія, можно связывать другъ съ другомъ оба апокрифическіе памятника—Никодимово ев. и Повѣсть Іосифа Аримаѳейскаго—еще на почвѣ греческой, то можно видѣть отраженіе этой традиціи и этого же представленія

[1]) Ср. мои „Апокр. ев.," стр. 70—71.

[2]) См. Inventaire sommaire des manuscrits grecs de la Bibl. nationale par *H. Omont*, 1 [Paris 1886], p. 135, 178.

[3]) Starine, IV., 149; ср. также *C. Tischendorf*. Evang. apocr.², proleg., p. LXXXI, гдѣ Ὑγήφησις считается прямо: maximam partem ex ev. Nicodemi compilatam esse.

и на почвѣ славянской: Карловацкій текстъ можетъ служить на это указаніемъ; т. о. отдѣленіе Повѣсти отъ Никод. ев. и помѣщеніе ея среди иныхъ статей въ Житомислической рукописи приходится считать явленіемъ болѣе позднимъ и уже не первоначальнымъ. Подтвержденіе этому предположенію найдемъ и въ самыхъ текстахъ греческой ред. Никодимова ев. [1]) и Повѣсти: [2]) языкъ перевода представляетъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ сходныхъ явленій въ области морфологіи, лексикологіи въ обоихъ текстахъ, указываетъ на единство происхожденія того и другого; ближе присматриваясь къ языку этихъ текстовъ, мы замѣтимъ совпаденіе и въ отклоненіяхъ его отъ сербскаго языка, на которомъ дошли до насъ тексты и Никод. ев. и оба списка Повѣсти: какъ въ Никод. ев., такъ и въ Повѣсти въ основѣ лежитъ среднеболгарскій оригиналъ, отражающій, повидимому, и первоначальный текстъ, явившійся именно на болгарской почвѣ; такъ, въ сербскихъ текстахъ Никод. ев. (а также и въ русскихъ, идущихъ съ юга славянства) [3]) и въ Повѣсти находимъ слѣды смѣны ѫ и ѧ; въ первомъ: ѿ Галилею (т. е. ю=ѭ вм. ѥ=ѭ), до Галилею, ниѥдиною (gen. sg.), поють вм. поѧть, оузами вм. язями (νόσος—рус. списки); во второй: хоще, повелѣвае, вм. хощоу (ѫ), повелѣваю (ѭ), ѿ Галилею, отъ Галию, глаголашу (ѫ=ѧ)—3 plur. и др.; находимъ болгарское употребленіе ѣ=я (а) въ первомъ: кесарѣ (gen. sg.), при формѣ: кесара (135), прѣмо—прамо; во второмъ: творѣше (3 sg.), роугателѣ (gen. sg.), ѿганѣеши и т. д. Приведенныя соображенія, ясно, ведутъ къ такого рода представленію судьбы „Повѣсти“ на славянской почвѣ: переводъ ея сдѣланъ одновременно съ переводомъ греческой редакціи Никодимова ев., при томъ, по всей вѣроятности, съ такой греческой рукописи, гдѣ обѣ статьи были на лицо и, можетъ быть, даже стояли одна вслѣдъ за другой непосредственно, т. е. съ оригинала, аналогичнаго съ одной изъ указанныхъ выше греческихъ рукописей Па-

[1]) О ней см. мои „Апокр. ев.“, 62 и сл.

[2]) Тамъ же, 73.

[3]) Тамъ же, стр. 64.

рижской библіотеки; переводъ былъ сдѣланъ въ Болгаріи, при томъ, какъ показываютъ остатки болгаризмовъ въ языкѣ обоихъ текстовъ, на языкъ средне-болгарскій; стало быть, переводъ къ особенно древнему времени относимъ быть не можетъ; наконецъ, въ частности, то, что́ мы извлекаемъ для опредѣленія времени перевода Никод. ев., приложимо будетъ и къ исторіи „Повѣсти.“ Присматриваясь же ближе къ языку Никодимова ев. и дополняя эти черты языка на основаніи Повѣсти, мы замѣтимъ, что въ языкѣ оригинала ихъ особенности средне-болгарскія были уже развиты съ достаточной полностью: помимо указаннаго выше, мы найдемъ также вполнѣ выработанную пропажу j-отаціи (смѣаше, Ілїа, веліа знаменїа, безаконїа, записанїа; отсутствіе, почти полное, ѥ въ сербскомъ текстѣ),[1]) характерную смѣну оѫ черезъ ѫ (серб. оу): маньноу—маньноѫ и т. п., бѣдность древними формами, скудость древней лексики.[2]) Эти черты языка, а также отчасти существованіе болѣе ранняго перевода греческой же редакціи Никодимова ев., знакомой намъ по извѣстной рукописи собр. бывш. Михановича,[3]) заставляютъ насъ предполагать, что „Повѣсть,“ какъ и Никод. ев., переведенное съ нею вмѣстѣ, возникла на славянскомъ языкѣ едва-ли ранѣе XIV вѣка[4]).

Наконецъ, что касается взаимоотношеній греческаго и славянскихъ текстовъ „Повѣсти“, то нашъ текстъ новаго сравнительно съ тѣмъ, что объ этомъ извѣстно было[5]), не даетъ; оно и понятно: всѣ разночтенія, какъ это можно видѣть изъ нижеслѣдующаго изданія, не носятъ характера редакціоннаго. А потому остается въ силѣ положеніе, ранѣе

[1]) Какъ извѣстно, даже поздніе сербскіе тексты въ отдѣльныхъ случаяхъ долго сохраняютъ послѣдовательно ѥ, преимущ. въ случаяхъ, гдѣ и въ живомъ говорѣ того времени и теперь слышится мягкость: послѣ н: нѥмоу, нієго, оконч. ниіє, лиє, ієсть и т. д.

[2]) Ср. Апокр. ев., стр. 64.

[3]) Тамъ же, стр. 65 и сл.

[4]) Ср. *Polívka*. Evang. Nikodemovo v literaturách slovanských [Časop. M. kr. Česk. 1891, str. 101].

[5]) Мои „Апокр. ев.“, стр. 72—73.

мною высказанное: въ виду рѣдкости и неустойчивости самихъ греческихъ текстовъ, ряда отклоненій редакціоннаго свойства, представляемыхъ славянскимъ текстомъ „Повѣсти“, нашъ переводъ представляетъ существенное значеніе для возстановленія и изученія самого греческаго текста, какъ представитель той его редакціи, которая на греческомъ намъ до сихъ поръ неизвѣстна.

Второй, небольшой текстъ, показавшійся мнѣ заслуживающимъ быть напечатаннымъ, также пока не принадлежитъ къ числу часто попадающихся въ рукописяхъ: это—гадательныя приписки къ псалтири [1]). Интересующая насъ псалтирь библіотеки мон. Житомислича (здѣсь она по инвентарю № 144) представляетъ рукопись XVII в. въ 16 д. л., соединившую въ одномъ переплетѣ двѣ: псалтирь и „Послѣдованіе всего лѣта“ (Часословецъ). Рукопись, какъ видно, много испытала, была довольно часто употребляема, что̀ сказалось въ томъ, что уже въ XVIII ст. она сильно была потрепана, утратила много листовъ, такъ что понадобилось ее восполнять, что̀ и сдѣлалъ пользовавшійся книгой, какъ гласитъ при псал. 106 запись XVIII вѣка: „грѣшник и маньши Петарь дякь сеничанинь понови кни(гу)!“ Ему же, повидимому (судя по почерку), принадлежатъ и гадательныя приписки. Но и послѣ этого рукопись сильно трепали: она и теперь уже безъ начала, безъ многихъ листовъ въ срединѣ, не смотря на дополненія Петра сеничанина. Работа сдѣлавшаго приписки не была кончена и послѣдовательна: псалмы 61—150 не получили гадательныхъ приписокъ; нѣтъ приписокъ также при псалмахъ: 12, 13, 17—22, 29, 45, 46, 52, 53; возможно, что въ рукахъ писавшаго былъ уже не полный списокъ приписокъ: или дефектный экземпляръ псалтири, либо такой, гдѣ также не къ каждому псалму были припис-

[1]) Кромѣ изданныхъ мною въ изслѣдованіи „Изъ исторіи отреченныхъ книгъ“ (Спб. 1898), I, 1—14, двухъ текстовъ и изданнаго И. И. Срезневскимъ (Свѣд. и зам. XLII), извѣстны еще четыре, отмѣченные В. М. Истринымъ въ рецензіи на мою книгу „Къ вопросу о гадательныхъ псалтиряхъ“ (Одесса 1901), 9—10. Изъ нихъ этихъ послѣднихъ текстовъ два—югославянскіе: въ Дечанской псалт. и болгарск. рук. XV в. Румынской академіи.

ки [1]). Это внѣшнее описаніе Житомисличской псалтири подтверждаетъ еще разъ указанный ранѣе фактъ существованія гадательныхъ псалтирей и на югѣ славянства, позволяетъ, такъ сказать, археологически возстановить даже обликъ этой псалтири: какъ назначенная для практическаго, житейскаго, внѣ богослужебнаго, домашняго употребленія, и югославянская псалтирь даже по формату была приспособлена къ своей цѣли: она была преимущественно портативнаго формата: наша Житомисличская въ 16 долю листа, Дечанская и Слуцкая въ очень малую 8-ку [2]); наша псалтирь, какъ предназначенная для домашняго употребленія, оказалась соединенной съ такой же „домашней“ книжкой—Часословцемъ, чему можно указать параллель и въ другихъ текстахъ [3]). Эти сближенія лишь подчеркиваютъ характеръ такого рода псалтирнаго текста сравнительно съ церковнымъ обычной псалтири, указывая съ другой стороны на живучесть старинной бытовой традиціи, сохранившейся въ значительной свѣжести съ XI (для югославянъ фактически засвидѣтельствованной съ XIII-го: Дечанская псалтирь, текстъ П. Сречковича) и вплоть до XVIII-го (къ которому отнесены нами приписки Петра сеничанина) [4]). Эта живучесть традиціи въ обычаѣ находитъ себѣ полное подтвержденіе и въ традиціи текста: не смотря

---

[1]) Ср. псалтирь Букурештской Румынской академіи, гдѣ нѣтъ приписокъ къ пс. 4—73, 86, 88, 102, 113, 125, 130, 137—150.—Изв. Отд. рус, яз. IV, 2, стр. 442.

[2]) *И. И. Срезневскій*, Пам. юсов. письма (Спб. 1868), 143; его-же, Свѣдѣнія и замѣтки, № XLII.

[3]) Напр. въ Скорининской „Малой подорожной книжицѣ“ (около 1525 г.), книжкѣ также мелкаго (12⁰) формата; см.. *И. Каратаевъ*. Опис. славяно-русск. книгъ (Спб. 1883), стр. 59 и сл.. Болгарскій текстъ гадат. псалтири также съ Часословомъ; см. Изв. Отд. рус. яз. IV, 2, стр. 442 примѣчаніе.

[4]) Старшая изъ извѣстныхъ гадательныхъ псалтирей—XI в.—русская (Срезневскій, Свѣд. и зам., XLII); русскихъ же гадательныхъ псалтирей этого типа поздняго времени мнѣ неизвѣстно: м.-б. старая гадательная псалтирь въ русской письменности была позднѣе оттѣснена памятникомъ поздняго происхожденія, названнымъ мною („Изъ исторіи отр. книгъ“ I, гл. VI) спеціально гадательной псалтирью. Эта псалтирь, сколько мнѣ извѣстно, на югѣ славянства до сихъ поръ не попадалась.

на промежутокъ въ шесть вѣковъ, отдѣляющихъ старѣйшій сербскій текстъ гаданій (П. Сречковича—XIII в.) отъ поздняго ихъ текста (Житомисличской—XVIII вѣка), связь текстуальная между ними чувствуется еще настолько сильной, что можно говорить объ одномъ общемъ имъ первоначальномъ текстѣ югославянскомъ, не только греческомъ, т. е. видѣть здѣсь одинъ переводъ въ основѣ[1]): если порядокъ приписокъ въ томъ и другомъ текстѣ, въ общемъ, одинъ и тотъ же, еще не можетъ служить твердымъ основаніемъ для указаннаго сближенія текстовъ, какъ могущій восходить къ греческому тексту, то чтенія въ томъ и другомъ говорятъ въ пользу подобнаго утвержденія, почему часто лишь при сопоставленіи обоихъ текстовъ устанавливается испорченное чтеніе то того то другого изъ текстовъ.

Привожу сполна текстъ приписокъ Житомисличской псалтири, указывая (въ концѣ цитаты) соотвѣтствующій номеръ по тексту Сречковича и внося на основаніи его поправки:

Пс. 9. Дело твое васкоре буде ти. 10.
10. Зде ва радости пр....диши[2]). 11.
11. Превзносиши се, на повинуеши се, да улуч(иши) желание. 12.
12—13—нѣтъ приписокъ.
14. Длгъ животъ прити. 15[3]).
15. Са пакостию ти зриши многие твоеи. 16.
16. Победу имать дело твое. 17.
17—22 нѣтъ приписокъ.
23. Труд трьпиши, на обаче буде ти. Моли бога, не печалуисе. 23—24[4]).

---

[1]) Здѣсь я имѣю въ виду лишь югославянскіе тексты, оставляя въ сторонѣ русскіе, объ отношеніи коихъ къ югославянскимъ здѣсь говорить не мѣсто; ограничусь однимъ замѣчаніемъ, что приводимыя В. М. Истринымъ доказательства въ пользу двухъ переводовъ (ук. рец., стр. 17—18) не достаточно убѣдительны.

[2]) „Злѣ бѣдьнуеши вь радость прѣидеть ти“.

[3]) Сречк. испорчено, стерлось; букурештскій: „Много живо исцѣленіе имаши и добрѣ прѣде“ (?).

[4]) Двѣ приписки къ одному псалму; рук., вм. бога, читаетъ: богъ.

24. Ва светь дело твое изидеть. 25 [1]).
25. Преобрати мисал твою. 26.
26. Васем срцем молисе богу. 27.
27. Са тродомо дело твое исплунитсе. 28.
28. Нecть силно еже желаеши. 29 [2]).
29—приписки нѣтъ [3]).
30. Молисе богу дасть богъ. 31 [4]).
31. Богь печалуисе ти же не печалуисе. 32 [5]).
32. Еже желиши, буде ти. 33.
33. Покаисе, да не внидеши ва муку. 34 [6]).
34. Не дрзаи, не буде ти дело. 35.
35. Еже ощеши, садь не буде ти. 36.
36. Оть печали ва радости гредеши. 38.
37. Дело твое еже ощеши. 39 [7]).
38. Дело твое тврдо имаши еже ощеши. ?.
39. Останисе тога оскрбилъ еси. 40.
40. Моли бога еже ощеши. 41.
41. Дело твое светъ имать -42-.
42. В светъ приодитъ дело(тъ) твое. 43.
43. Да имать, да не боисе богъ.? [8]).
44. Велие [9]) дело твое животъ. 45 [10]).
45—46 безъ приписокъ.
47. Радость раждается в креще време [11]). 47.
48. Радость имать дело тво(е). ? [12]).

---

[1]) Сречк. испорченъ; ср. русск. и болгарскій-Букурештскій.

[2]) Также испорчены Среч. 26—29; нашъ возстановляетъ.

[3]) Въ видѣ приписки былъ написанъ, но зачеркнутъ: XXIX, 8.

[4]) Соотв. ближе русскому тексту.

[5]) Дополняетъ Сречковича.

[6]) Рук. покажу (Среч. покажи)... апи; Среч. конца нѣтъ; Букур.: „покаи (ся), да не вни(де)ши въ напасть.“

[7]) Повидимому, не дописано: Сречк.-труль и... (утрачено).

[8]) Испорчено; 44 Сречк. также не дописано, но иначе: „печаль имашь нь не будеть...“

[9]) Ркп. велилие.

[10]) Сречк. лежить.

[11]) Сречк.—вь срьдци.

[12]) Сречк. Кнежьское есть дѣло твое.

49. Имеiи света твоего. 49.
50. Саблазна има дело твое. 50.
51. Буде ти сада, еже ощеши. 52.
52—53 безъ приписокъ.
54. Мало дело буде ти, ино дело начни, не буде ти. 53—54 [1]).
55. Часть тебе належить са подвизаниемъ. 55.
56. Добро дело належить. 56.
57. Оть печали ва радость придеши. 60.
58. Дело сие не биваетъ. 61.
59. Таино дело лежить, не истина мислиши. 62—63 [2]).
60. Не [3]) измени света твоего. 64.

---

[1]) Сречк. 53—сохранилось двѣ буквы.
[2]) Среч. 59: „темно дѣло лежить.“
[3]) Согл. съ Среч. и русск.; рук. Се; Букур. опущено: не или се.

Сло ѿ іѡсіфе блгоѡбразнѣмь иже тѣло га ба и спса нашего погребе.

(I). (169). Азь іѡсифь иже ѿ аримаѳеи испросихь тѣло га іѵ ха ѹ пилата на погрѣбеніѥ [1]) въ тьмници затворень бых [2]) ѿ законопрѣстоѹпъникь и бгопротивъный іоѹдеи. за сицевѹю виноѹ ѥже [3]) законь имѣяхѹ мѡѵсеѡвь и томѹ [4]) мѡѵсею самомѹ скрьби изьходатайше. и законоположъника бга прогнѣваше, и не разоумѣше [5]), сна бжіа распеше. и тако не раскаашесе нь помрачишесе, и паче сице положише на явленіе хотѣщимь разоумѣти бга, въ днь оубо ѻнь [6]) ѥгда ѿсоудише [7]) распети сна бжіа прѣже, з. днехъ стрти хвѣхь [8]). приведоша кь пилатоѵ, два разбойника ѿ ѥрихона свѣзанна [9]) на ѿсоѹженіе. имъже бы [10]) вина сицева. прьви именемъ гевасть [11]) на поѹти сѣде мечемь [12]) члкы оубываѥ [13]) иниже съвлачаше, и-(ни?) же [14]) стрьмоглавь ѿбѣшаше. съсце и ѿрѣзаше [15]) и крьвопійца сіи. бга никакоже не вѣдоуѱіи [16]) (169 [2]) ни закона имоуѱіи лють бывь испрьва на такова дѣйствіа [17]). а дроугаго разъбойника сицева бы вина, именемь дизъмась ѿ галилѣю [18]) рѡдомь, имаше сь странънопріѥмъницѹ богатѹ. и яже на оугоженіе странънымь въса събираше, и нищимь и оубогымь млть твораше. потомь начеть тать быти [19]). и разъбойничаствовати начеть. и самь закн написанъныи вышь вь храминѹ оукраде вь ієрлиме, и каіафиноу дьщерь сьблѣче вь цркві яже [20]) блюдѣше храмь бжіи. то ѿ [21]) самое прѣложеніе соломоново тьинъствъноѥ. прѣложеніе мѣста ѿѥмь [22]). и тако

сицева быше дѣла ѿбоиⷯ сихь, и сего ради ѥше иⷯ и ѥше[23]) і҃са прѣжⷤе пасхы законныѥ трⷯ҃ вѣрь соущихъ бѣ̃ такова пасха іоудеѡ҃ⷨ[24]). нь҃ паче риданїе и сетованїе закона ради. юже[25]) оукрадень бы҃ ѿ храма и призваше[26]) іоудѹ скариѡтъскаго[27]), реше кь нюмоу блгородань сїи[28]) оуслыши нась ѿ брата бо бѣше каїафина. и беше[29]) испрьва оученикь і҃совь, нь҃ льстїю послѣдова вьслѣдь і҃са. а не вери ради или исповѣданїа, нь҃ прѣданїа ради послѣдъствова[30]) ѥмѹ, и рекоше аще хощеши сє дань даѥⷨ ти[31]) въсь народь іоудейскы вьсеⷢ҇а на въсь(170)кь д҃нь, тькмо[32]) оугодивъши върѣме ѥⷢ҇а боудеть і҃сь безъ народа да текь повѣси намь, ѥⷢ҇а на ѥдинѣ ѥ҃[33]) и да ни прѣдаси ѥго да имѣмь ѥго. и прежⷤе трѣхь д҃ни ѥтїа[34]) і҃сова. и рⷱ҇е іоуда кь іоудеѡмь, прїидете да сьтворимь сьвѣть и рьцѣте ꙗко не оукраде законь исъ цр҃кве закѡнь разъбойникь ѡнь нь҃ і҃сь оукраде єго[35]) и ѹгодань бы҃ имь сьвѣть сьвѣщанъный[36]), сице быше г҃лы бывъшиⷯ[37]), вьниде никодимь сь нымь[38]) вь храмь иже дрьжаше ключе ст҃го храма. и рⷱ҇е въсѣмь г҃лю ви[39]) ꙗко сицевоѥ дѣло да не сьтворите, бѣше бо никодимь истинънѣиши ч҃лкь, паче въсакого рода іоудейскаго. дьщи же каїафина имѣнънемъ саръра възьпи прⷺ҇е въсеми г҃лѥ, і҃сь[40]) рⷱ҇е на ст҃оѥ мѣсто сїе. ꙗко могѹ разорити храмь сь҃, и трьми д҃ьми сьзⷣ҇ати ю[41]). и рекоше іоудене. истинѹ г҃лєть сїа, ѥ҃ бо ть[42]) вѣрнѣиша паче вс҃ѣ нась имѣꙗхоу бо ю ꙗко прⷪ҇рчицѹ. и сьвѣтѹ семѹ бывъшомѹ оудрьжаше і҃са, (II) се же вь въторникъ бы҃ д҃немь[43]) вь оурей же д҃нь вь срⷣ҇ѣ, приведоше і҃са вь ,ѳ҃. ча҃, вь дворь ѡсла[44]) каїафи и рекоше кь нюмѹ аннаа и каїафа, вьскоую оукраде ис цр҃кве записанїа и законь.[45]) и мѡѷсеѡва завѣщанїа. и прⷪ҇рчьслаа ѿганꙗеши. [Ісоусь же] ничто же ѿвѣща, и пакы прⷺ҇е въсеми рⷱ҇е[46]) ѥмѹ (170) храмь сь҃ ѥгоже сьзⷣ҇а соломⷩ҇ѡ, вь .м҃ѕ. лѣ҃ како ти хотѣше[47]) разорити ѥго вь єдинь ча҃, і҃с же ничесоже ѿвѣща пакы, бѣше

же оукралъ закон ис цркве разбойникъ[48]). вечеръ же[49]) възыскаше въси дъщерь каіафину да огнемъ ижегуть ю пагоуби ради законъные. понеже не оумѣху[50]) како сътворити фаскоу.[51]) и рече имъ[52]) потръпете чеда и законъ да обрѣщетъсе и сты празникъ съвръшитъсе. анна же и каіафа даше мьздоу іоудѣ навадише его да речеть яко видѣ іса оукрадъша законъ[53]) яко да не дъвицу онъу погубѣть[54]) въсь народъ и сіа съвѣшаше іоуда. и рече къ нимъ да не оувѣсть народъ въсь яко азъ завѣщахъ съвѣтъ[55]), вѣсть[56]) бо яко нѣсть оугодно въсему народоу да іса оудръжить кто понеже имають пррка велика, да ныня молю ви оутайтесе и оумльчите, да оутолитъсе въсь народъ[57]). и по сѣмъ оугодивъши време особъно време и имѣте іса. и азъ въсь народъ наоучу нанъ. и тогда льстію отпоустише іса[58]). въ оутрѣи же днь въ четъвръткъ пріиде пакы іоуда посрѣде цркве. и рече къ въсемъ[59]) что ми хощете дати и азъ вамъ покажу его[60]), иже оукраде закон вашъ и пррчаскаго роугателя (171) и рекоше ему кто есть легеон, іоуда есть[61]) и оутаи име іисово от народа. старѣишини же[62]) вѣдѣахоу сьи іоудинъ съвѣтъ. и рекоше къ нюмоу іоудеіе, аще прѣдаси ни таковаго дамъ[63]) ти ,л. сребрьникъ. и рече къ нымъ оуготовите войни съ ороужіемъ[64]) да суть готови. и азъ егда поздѣ нощи настоещои и егда боудеть часъ пріиду за ви да не оуведеть людіе, яко на іса есть сіа[65]). вѣсть бо яко на[66]) іса мнози исповѣдають его сна бжіа бити. абіе поздѣ бывъшу по вѣчери, и нощію пріиде[67]) и възе ,л. сребрьникъ от архієрей, и старейшини[68]). и поеть онехъ[69]) съ воиныи, и да знаменіе рекъ. егоже аще[70]) лобъжоу тьи есть имѣте и име же іисово не рьцѣте[71]) къ въсемъ. нъ токмо архієреи вѣдѣаху[72]) и старешини въсе. и шьше нощію прѣдадимъ[73]) его рекше тать есть и ругатель законоу и пррком. и пристоупивъ цѣловавъ рече. радуисе равъвы и емъше его прѣдаше свѣзанъная архіє-

реⷱ҇ѣ и҆ старцемь. и҆ звáше і҆оудꙋ[74]) гл҃юще. сьи не҇ оу҆краль[75]) за-
конь и҆с цр҃кве. и҆ пррк҇ѡ роуга́ѥтсе, тогⷣа а҆рхі́ерені́е кь і҆с҃оу
глахꙋ, слыши почто̀ сі́а твориши. і҆с҃ь же ничтоже ѿвѣ́ща-
ваше. никоди́мъ же и҆ а҆зь і҆ѡ́сифь не пристоупихѡ҇ на сі́а сьвѣ-
щані́а. (171²) и҆ се́ ви́дѣвъше ѥ҆же сьтворише, а҆бі́е ѿстꙋпи-
хѡ҇ ѿ ни҇. и҆ ктомꙋ на сѣдалищи гꙋбительства нѣ сѣдо-
хѡ҇ никогⷣа же (III). и҆ многаа оу҆бо̀ злаӓ сьдѣ́ашесе[76]) на і҆с҃а
вь той нощи, бі́ені́а и҆ рꙋгані́а и҆ вь петъкь заоу҆тра вѣдоше
его̀[77]), и҆ два разбойника сь нымь. ѿдѣсноую ѥ҆го̀ ѡ҆бѣсише
ди́зъмаса, ѿ лѣвіѥ ѥ҆го̀ ѡ҆бѣсише[78]) гевъста. и҆ възва́вь, і҆с҃ь
ѥ҆лои ѥ҆лои[79]) ли́ма са́вадани, ѥ҆же сказа́ѥмо[80]) бж҃е[81]) бж҃е мои
почто ме ѡ҆стави. и҆ воиныи бывъшеи тоӱ соущей гр́ьци и҆
лати́нѣ. и҆ не вѣдеще ѥ҆врейскаго ѥ҆зы́ка глахꙋ сь̈ и҆лі́оу зо-
веть. ра́збойни́кь же ѿ лѣвіѥ[82]) гл҃а і҆с҃оу, вижⷣь коликаӓ злаӓ
сьтвори[83]) на зе́мли. да а҆ще бы҇ вѣдель ѣ҆ко цр҃ь ѥ҆си ти,
и҆ тебѣ хотѣ погоубыти. что ли гл҃еши ѣ҆ко сн҃ь бж҃іи ѥ҆си
а҆ себѣ нн҃ѣ, не можеши помощи. се бо и҆ного молиши[84]), а҆
ты̀[85]) како хо́щеши дроу́гомꙋ помо́щи. а҆ще ли ты̀ ѥ҆си хс҃,
сьниди сь кр҇та да вѣроуѥмь вь тебѣ и нн҃ѣ оу҆бо̀ [не] ѣ҆ко
чл҃ка ви́жоу те, нь̈ ѣ҆ко злодѣѣ[86]) сь мно́ погоу́бленънаа.
мно́гаа злаа оу҆бо̀ хоу́лені́а, глаше на і҆с҃а сь злобою̀ и҆ сеті́ю
ді́аволею̀ до конъца[87]) оу҆ловлюнь сь̈ ра́збойникь. а҆ и҆же ѿдес-
ноую і҆с҃а, и҆менемь дизъмась, по и҆зволені́ю своѥ҆мꙋ[88]) бл҃гомꙋ
(172) видѣ бл҃гть бж҃і́ю на́ і҆с҃ѣ. и҆ бл҃гть[89]) начеть кь нѥ́мꙋ,
видѣхъ те хс҃е ѣ҆ко сн҃ь бж҃іи ѥ҆си́ ты̀. бл҃а[90]) те видѣхь тъмами
а҆гг҃льскы́имы покланѣ́ѥма и сла́вима. и҆ ѿвѣщавь кь разбой-
никꙋ хоулѣщомꙋ на і҆с҃а. ре҇ почто не оу҆боишисе бг҃а ѿ ѡ҆ка-
анъне, нь̈ си́цеви глы вѣщаеши на праведъника и҆ гл҃ше кь і҆с҃ꙋ,
прости́ ми г҃и сьгрѣшені́а и грѣхь ѣ҆же сьдѣѣхь да не вь
оу҆жасѣ моѥмь повѣлиши звѣздамь падънꙋти на ме и҆[91]) лоу́не

и єгда хоштеши соудити въсеи твари, ꙗко ноштїю злїе съвѣти творах[92]). да не повѣлиши слнцу иже нны за те помрачe. и ꙗвити[93]) злаа срца моего и никакоже[94]) даръ не имамь вьзати ти ѿне бжїи и ѿставленїе грѣхь моих се бо сьмрьть грѣх моих постиже ме. твоеже ѥ еже ѡцѣстити влко, въсемь избавити[95]) страшнаго твоего соуда. не дажь власть врагу поглтитн ме и наслѣдїе ему быти дши моеи. ꙗко же висѣшта ѿ лѣвїе тїе[96]) вижоу бо ꙗко[97]) дїаволь рауюштїисе дшу его прїеть, и пльть его невидима бываеть, да вь чести їоудѣискыє не повѣлиши ми отити. вижоу бо мѡусеа и патрїархи вь плачи велицѣи соуштих[98]). прѣже оубо даже не изити[99]) дхь мои повели, ѡ влко, ѡцѣститисе моих грѣховь (172²) еже сьдѣахь[100]). егда на прѣстолѣ стмь[101]) своемь и страшномь хоштеши сести соудити, ві. колѣнѡ ісрлевѡм. многы бо мукы оуготовалъ еси нечьстивымь и грѣшнымь иже не покаютъсе. сїе глы молавъные. кь ісу изрє дизъмась разъбойникь. понеже по прѣложенїю его благому, и по оусрьдїю, ѡврьзосте се ѡчи ему дшевънеи, и зрѣше таини хвѣ бывшеє[102]). тѣмъ же ісь гла ему, амїнь амїнь глю тебѣ дизъмасе днь сь мною еси вь раи. снове же цртвїа ѡтроци авраамови іаковли мѡусеѡви, изъгнани боуть вь тъму кромѣшноую. идеже ѥ плачь и скрьжить зоубомь, ты же тьчїю единь вьселишисе вь раи[103]). егда хоштоу соудити не исповѣдающихъ ме, именемь моимь. нніа[104]) сьшь рьци херувимомь, силамь хранештїимь раи. из негоже адамь прьвозданъныи изъгнань бы, и никтоже оубо ѿ прьвозданных не вьнидеть[105]) вь таи раи тькмо нѣци немнози древъніи и нны[106]) ты единь. даже и до дне ѡного страшънаго моего пришьствїа. егда хоштоу соудити живымь и мрьтвымь. и егда достоинимь дароую нбны раи. цртвовати съ мною вь вѣкыи. (173) и рьци силамь хероувимьскымь, написанїе

іє [107]) і͠съ х͠съ с͠нъ б͠жїи сшⷣъ съ н͠бсъ изшⷣъ изъ ꙗдръ ѿчь-
скы͠ невидимо и неразлоучно. и сшⷣъ на землю въплъти-
висе и кр͠тоу пригвоздисе [108]), адама (ради) прьвозⷣанаго
и чл͠вѣкы ѿ тлѥ да избавлю. хощꙋ и повѣлѣваю [109]), да
вънидеть въ земльни ти [110]) рай. д͠нꙗ сїи иже съ мною рас-
петъ се и ѡставленїе грѣⷯ своиⷯ прїеть. мене ради нетлѣнъ-
нымь тѣлѡⷨ вънити въ раи ть. и тоу прѣбивати до
д͠нꙗ [111]) моего пришьствїа. и сїа рекь къ разбойникоу і͠сь,
пакы възва гл͠смь велїеⷨ гл͠с, авъва. въдаⷯ екыдоуль [112]) еже
ѥ͠ ѡче въ роуцѣ твои прѣдаю дх͠ь мой. и се рекь издасть
дх͠ь, и въ петъкь д͠не въ ,ѳ͠, ча͠ абїе помрьче с͠лнъце,
землꙗ вьса потрѣсесе и знаменїа вьсака быше страшьнаа. (IV)
азъ же іѡсифь шⷣь къ пилатꙋ испросиⷯ тѣло і͠сово. и сънѣхь
и погрѣбоⷯ нове [113]) ѡбъвивь плащаницею чистою и мѵрѡ
чт͠нымь помазавь его. еже [114]) прѣбише голѣни ѡбѣма
разбонико́ма висещїима на кр͠тѣ и егда прїидоⷯ сънѣти
тѣло і͠сво, видѣхь и се не бы͠ тѣло дизмасаво висещаго
ѡдѣсноую [125]) и і͠сова кр͠та. понеже оубо испросихь тѣло
і͠сво и погрѣбоⷯ и, завистїю (173[2]) испльнишесе іоудеїе,
затворише ме въ тьмьници мислѣщей мнѣ злаа, се же въ
пеⷦ ве͠рь. и въ д͠нь соуботьныи и къ полоунощи же въ ча
,е͠, нощи прїиде къ мнѣ і͠с съ дизмасоⷨ разбойникѡⷨ егоже
посла въ рай висеща на кр͠тѣ і͠свѣ ѡблыста ме [116]) и хра-
мина въ нейже беⷯ азь затворень ѡбеси се на въз͠ꙋсе. ѿ
четирехь странь изыдоⷯ вънѥ и прїемъ ме цѣлова ме, и абые
познаⷯ его. и пристоупивь разбойникь къ немꙋ вьда͠ емꙋ
писанїе. идоущїимь намь коупьно въ галилѣю свѣть вѣ-
лико, ѡбъсїаваше нась оуханїемъ же благооуханими мириса-
ше [116]) разбойникь. иже из раꙗ пришⷣь, сѣдѥщѣщоу же і͠соу
на мѣстѣ нѣкоемь прочьтошесе писанїа гл͠юща [117]) сице.
херꙋвимь и шестокрилата серафимь, имже повѣлѣль еси храниⷮ

исправа вь [118]) райское насажденіе. сіеь разъбойникѡм [119]), еже распетсе с тобою, твоимь сьмотреніемь. се авлаемь рани воздіе [120]) на разъбойнице вид'евъше. иже с тобою распетсе. сіаніе твоего словесе [121]) бжтва ѡгн'а непостоанъна не [122]) оугасихом до конъца, не мощи трьпети блистаніа аковаго [123]) и страхѡм веліемь оужасохъсе слышахъ бо [124]) нбоу и землы творъца, и зижителю нашего вьсеи твари. ако сь нбь сниде (174) на землю. прьвозданаго ради адама, и крть вид'ехѡм твои пречти сіающь [125]) паче слнъца, и мльви вь преисподъных) землю бывшеи и гласмь веліемь слугы адови вьпіюще съ нами, сть сть сть иже исправа сьи вь вышных. емоуже сили неныи пре ними [126]) вьзьсилаху глюще [127]) ги кто виль се [128]) еси на земли радость мирь [129]) подаю болъши си дарь паче еже ѿ мрьтвых изъбавивь [130]). (V) сіа ж(е) [131]) іѡсифь вид'евь идоущимь [132]) вь галилею сь ісомь [133]) и абіе преобразисе іс, и бы ако же не бе преже распетіа, нь бы св'етль сіаю [134]) паче слнъца, и вьсега агглы слоужахоу емоу, и беседоваше сь ными іс. сьтвори [135]) же сь нымь, г. дны и нощь не вид'ехѡм никако [136]), нь сіающе вькоупе вьсега и не беше сь нымь ниединь ѿ оученикь, тьчію разъбойникь дизъмась, и [137]) се оученикь его любими іѡань пріиде. исчезе разъбойникь ѿ очію нашію, и вьпроси га іѡань гль. кто бы сь ако не сьтвори ме вид'ети его. іс же ничесоже ѿвещавь емоу, припаде вь ісоу ре, вемъ бо ако исправа вьзлюбиль ме еси. и нна почто ми же авлаеми члка ѡного гла емоу гь, оутаенънаго почто ищеши. и еще не разоум'еши, (174²) не ѡщоущаеши блгооуханіе раиска. испльни дхь твои не веси [138]) ли ти, кто бе на крте сь мною. сесь и насл'едъникь раю бы аміньаминь глю ти, томоу единомоу бы [139]) се. донъдеже пріидеть днь ѡнь великыи. іѡань ре ги сподоби ме нна

ѥго видѣти и ѥще гл҃юще іѡанъноу, и ꙗвисе разъбойника іѡанънꙋ[140]) и оужасни бы іѡань паде на землю, и не бы видѣнїемь правымь разъбойника. нь ꙗвленїе (е)го бѣ ꙗко цр҃ско[141]) многыми силами. ѡдеꙗнь кр҃тѡм, и гл҃ь многь вьпїюща ѿ нюмь и гл҃юща. прїидохѡм слоужити тебѣ[142]) пришьль ѥси на оуготованъноѥ ти мѣсто раискоѥ ѿ пославъшаго те кь намь. и симь гл҃сѡм тако бывъшимь и абїе разъбойника и азь іѡсїфь не видими быхом и ѡбрѣтохъ се азь вь домꙋ своѥмь. и ктомоу же[143]) ѥга не видѣхом[144]). сїа же видѣхь и написахь, да вѣроую[145]) распетаго, ісу ха сн҃а бж҃їа. а не слоужити законꙋ мѡѷсеовꙋ. нь да вѣроуѥмь вь бывъшаа, знаменїа хв҃а и чю҃са. и тако вѣроующе вѣчны животь наслѣдъствоуѥмь вь цр҃твы нбн҃ѣмь ѡбрѣщемъ се сь гм҃ь нашимь іс҃ хм҃ь, ꙗко того ѥ слава и дрьжава, хвала и величьство. сь безъначелънимь ѡц҃емь и ст҃ым) и животворещїимь дх҃ом твоим и нн҃ѣ и пр҃но и вь вѣкы и вѣком аминь.

---

[1]) *доб.* и [2]) быва [3]) за сицевые вины иже [4]) по томоу [5]) разоумѣвше [6]) вь дьни оубо они [7]) соудише [8]) *доб.* и [9]) ета [10]) бѣ [11]) Гевьста [12]) седмьчедь, ἐν φόρῳ ὁδοπτοροῦντας μαχαίρας ἀπέκτεινεν. [13]) оубываааше. [14]) и жены—γυναῖκας [15]) *доб.* и дѣтемь оуды разьсѣцааше νηπίων μελῶν αἱμωπότης ὑπῆρχεν. [16]) *доб.* никогда же πώποτε [17]) дѣвства [18]) Галию Γαλιλαῖος [19]) *доб.* ꙗкоже Товить. ὡς Τωβίτ [20]) *опуск.* [21]) *опуск.* [22]) самое саломоново прѣдьложенїе мѣста ѡтемь таиньстьвьное прѣдложенїе αὐτὴν τὴν τοῦ Σολομῶντος παρατεθεῖσαν μυστικὴν παρακαταθήκην τῷ τόπῳ ἀφελόμενος. [23]) Еще же [24]) и тогда и не бѣ пасьха їоудеѡмь.—οὐκ ἦν δὲ τῷ Καϊάφᾳ καὶ τῷ πλήθει τῶν Ἰουδαίων πάσχα. [26]) призвавьше [27]) Искариѡта [28]) благородьныи сыне—εὐγενὴς γένος ὤν. [29]) и не бѣше—οὐκ

ἦν δὲ μαθητής [30]) послѣдьствоуеть—προετρέφατο. [31]) даеть ти [32]) да тькмо [33]) егда есть единѣ [34]) ета — πρὸ τοῦ κρατηθῆναι [35]) *доб.* азь же обличоу его—κἀγὼ ἐλέγχω αὐτόν. [36]) только: совѣштаніе — *всей фразы въ греч. нѣтъ.* [37]) сицевыихь глаголь быбьшыихь.— τῶν δὲ τοιούτων ῥημάτων ῥηθέντων. [38]) сь ними—μεθ ἡμῶν. [39]) *доб.* азь [40]) тьи Іисоусь Αὐτὸς γάρ... Ἰησοῦς [41]) сьзиждоу и —ἐγεῖραι αὐτόν *(ср. ев. Мѳ. XXVI,* 61; *Мр. XVI,* 58). [42]) та [43]) дьнь [44]) *опуск.* [45]) изь цркве написаныи законь—νόμων ἡμῶν [46]) реше [47]) хоштеши [48]) *доб.* онь [49]) *доб.* вь средоу—τῆς τετράδος [50]) имѣхоу—εἶχον [51]) безь законьнаго писаниꙗ [52]) *доб.* она—ἐκείνη [53]) его видѣхь Іисоуса и оукраде законь λέγοντες. εἰπέ, καθὼς προεῖπες ἡμῖν, ὅτι ἐγὼ οἶδα τὸν νόμον κλαπέντα παρὰ τοῦ Ἰησοῦ [54]) погоубить [55]) навештахь на сеи сьвѣть [56]) вѣсте [57]) да оутолимь народь—κἀγὼ πείθω τὸ πλῆθος [58]) и азь іса *нѣтъ;* въ греч. лишь: καὶ δόλῳ ἀπέλοσαν τὸν Ἰησοῦν [59]) *опуск.* πρὸς πάντα τὸν λαόν [60]) тата [61]) *мѣсто испорчено; соотв. въ изд. греч. нѣтъ*—и рѣкоше емоу: кто есть? Іоуда рече: нѣкыи юсть [62]) все [63]) даемъ [64]) обороужены [65]) кова сіа [66]) вѣсте бо ꙗко [67]) *доб.* Іоуда [68]) ѡть старць [69]) ихь [70]) *доб.* пріемь [71]) не рѣче [72]) *доб.* се [73]) предасть имь [74]) *опуск.* [75]) *только* оукради [76]) сьдѣаше [77]) *доб.* и прѣдаше и Пилатоу игемоноу и осоудивьше распеше его [78]) *опуск.* [79]) ельло, ельло (*ср. ев. Мѳ. XXVII, 46, Мр. XV, 34*) [80]) есть [81]) *доб.* мои [82]) иже бѣ распеть ѡть левие Іисоусоу [83]) сьтворихь—ἔδρασα [84]) се бо иномоу ты молишисе [85]) *доб.* самь [86]) θῆρα ἄγριον [87]) *опуск.* [88]) его [89]) *опуск. доб.* глаголати [90]) христа—Χριστόν σε ὁρῶ [91]) или ꙗ [92]) свое сьвѣти сьвѣштовалахь—ἔπραττον τὰς κακάς μου βουλάς [93]) и ꙗвить ми [94]) никакова же—οὐδὲν...δῶρον [95]) *доб.* ме — ῥῦσαί με [96]) ꙗко же....тіе *опуск.* ὡς τῶν ἐξ εὐωνύμων κρεμαμένου [97]) вижда бо како—θεωρῶ γὰρ πῶς... [98]) *опуск.* [99]) изи-

дѣть [100]) *доб.* и помѣни ме, господи, въ царьствии своемь [101]) *опуск.* [102]) таины страшьныє бывьшеє о Інсоусѣ [103]) *доб.* и боудеши тоу до вьтраго моего и страшнаго пришьствїа ἕως τῆς δευτέρας μου παρουσίας [104]) *доб.* оубо [105]) *доб.* тѣломь [106]) *опуск.* нѣцн....нѧга [107]) сє [108]) и крьтоу пригвоздисє *опуск.* καὶ σταυρῷ προσηλωθῆναί [109]) изБавлıаε хоще и повелѣваε—θέλω καὶ κελεύω [110]) тан [111]) дьне [112]) авьва вадахь єкудоунль [113]) въ гробѣ новѣ—ἐν μνήματι καινῷ [114]) *доб.* принеєє Никодимь. пришьдьше же ѓоудеїе прѣжде сьнетıа ѓнсоусова [115]) о десныє страны [116]) *испорчено:* и свѣть облиста—καὶ φῶς ἱκανὸν ἦν [116]) оухааше [117]) *опуск.* [118]) хранити [119]) разбоиникь [120]) гвоздьнньныє [121]) словєсь твоего [122]) сє *опуск.* [123]) огнıа сицевого [124]) слышахомь [125]) прѣсветын и сїаюштоу (sic) седморицею [126]) пѣсны [127]) вьпїюще [128]) сє *опуск.* [129]) *опуск.* [130]) еже невидимаго свѣта вѣкомь свое сьзданїе оть сьмрьти избавивь χαρὰν παρέχων τῶν αἰώνων τὸ ἴδιον πλάσμα θανάτου ρυσάμενος [131]) *доб.* азь [132]) идоушти [133]) *доб.* и сь разбоиникомь—μετὰ τοῦ Ἰησοῦ καὶ τοῦ λῃστοῦ [134]) *доб.* присно [135]) сьтворихь [136]) и не бѣ ношти никакоже [137]) *доб.* сице намь бывьшимь сь нимь [138]) знаеши [139]) есть [140]) *опуск.* [141]) и видѣнїе іако царь [142]) *доб.* поставлени быхомь тебе [143]) к томоу оуже [144]) видѣхь [145]) вѣроуємь.

Примѣчаніе. Въ виду отсутствія въ типографіи въ достаточномъ количествѣ значка для *паерка* (’), въ печатаемомъ текстѣ онъ вездѣ замѣненъ черезъ ъ (въ строкѣ). Въ рукописи же ъ не встрѣчается.

М. С.

АПОСТОЛЪ ИЗЪ СОБРАНІЯ ВЕРКОВИЧА.

Въ собраніи Верковича въ числѣ другихъ рукописей есть интересный списокъ Апостола, писанный на пергаментѣ XIV в. Q. п. I № 46.

Прежде всего въ немъ обращаютъ вниманіе многочисленныя приписки, писанныя тою же рукою, что и вся рукопись, и слѣдовательно относящіяся къ одному съ нею времени. Языкъ этихъ приписокъ, какъ это всегда бываетъ, заключаетъ болѣе народныя черты, чѣмъ самая рукопись: въ немъ замѣтны діалектическія формы. Вотъ эти приписки.

1 На л. 26: *прости бе ппа николѹ ере ми донесе бобець квашень.* 2. л. 31 + *доиде граматикь ѿ зьгоща та и писа: апла.* 3. л. 38 об. *доиде петрь мажь ге пишѣхь бь да го прости на сеи свѣ и на боудещи:* 4. л. 50 об. + *блговѣре аггль принесе димитра и ра. ге се пишѣше книга та помогохе со щимь можѣхоу. бь да хи прости на сеи свѣть и на боудещимь вѣкоу ами.* 5. л. 62 об. + *помени ги дшоу рабоу твоею магѹ вь црви си.* 6 л. 89 об. + *прости бе ѧна ере ни поможе та створи сиѣ хартице дад... апостоловь свръши го бе ппа ами:* 7 л. 91 об. *вѣдѣти же побаеть браѥ ѩко не ѡбрѣто изь сеѣ афиво .ві. мь апломь та*

ѠС... Въ этихъ припискахъ дважды употребленъ союзъ *ере*, который значитъ *потому что* и встрѣчается въ сербскихъ памятникахъ и въ живомъ сербскомъ языкѣ. Дважды встрѣтилась форма *ге* (надстр. *д*) въ значеніи *когда*, употребительная и въ сербскомъ и въ болгарскомъ языкахъ. Три раза встрѣтился союзъ *та* въ значеніи *и*, одинаково извѣстный и сербамъ, и болгарамъ. Цѣлый рядъ мѣстоименныхъ формъ представляетъ не малый интересъ. Винит. падежъ *го*, винит. множественнаго числа *хи*. Эта послѣдняя форма недавно отмѣчена была въ типикѣ переплетнаго дѣла Драгановымъ.

Любопытна форма творительнаго падежа отъ *чьто—со щимь*, въ которой вмѣсто *ч—щ*. Съ нею можно въ этомъ отношеніи сравнить *щомь* въ грамотѣ Іоанна Асѣня II. Отъ *азъ* дат. множ. встрѣтился въ формѣ *ни*.

Что касается носовыхъ, то вмѣстѣ нихъ вездѣ стоятъ чистые; но интересна непослѣдовательность въ ихъ замѣнѣ. Чаще всего вмѣсто ѫ—у: *николѹ, боудещи, можѣхоу, на боудещимь, дшоу*. Но въ то же время есть и *а*: *петрь мажь* (= Петръ мужъ). Особенность какъ текста всей рукописи, такъ и приписокъ представляетъ появленіе *е* вмѣсто ѫ въ такихъ примѣрахъ, каковы: *боудещи*, *помогохе*. Интересно то же самое привести для сравненія изъ лѣтописнаго разсказа изъ конца XVII в., въ которомъ *е* встрѣтилось въ суффиксѣ *нѫ—не;* въ окончаніи 3-го лица *ѫтъ — еть* и постоянно вмѣсто *хѫ—хе: дрьжехе, отидохе* и т. д. [1]). Въ окончаніи прошедшаго несовершеннаго *е* вмѣсто ѫ встрѣчается въ Дебърскомъ говорѣ: *паднахе* [2]), также въ Костурскомъ и Стружскомъ [3]). Что касается *е* въ причастной формѣ, то оно встрѣчается въ ихъ остаткахъ и въ современныхъ

1) Дриновъ М. Български лѣтописенъ разсказъ отъ края на XVII вѣкъ. Пер. Спис. (срѣдец.) I № 3 стр. 15.

2) См. тамъ же.

3) Лавровъ, Обзоръ, стр, 204.

болгарскихъ говорахъ особенно въ македонскихъ [1]). Малый юсъ ѧ передается *е*: *се*. Нѣсколько странной кажется форма: рабоу твоею магѹ, которая, судя по всему, должна представлять род. пад.; но въ такомъ случаѣ ее можно было объяснить только изъ средне-болгарскаго окончанія съ ѫ на концѣ: *рабѫ твоеѫ магѫ*, подобно тому какъ очень нерѣдко встрѣчаются род. *лоукѫ*, *николѫ* и т. д. Не вполнѣ ясно, какъ слѣдуетъ понимать: сиѣ хартице, есть ли это винит. единств. числа, или винит. множеств.; ср. *изь сеѣ*, гдѣ, если заключать по предлогу, должна быть форма родительнаго пад.

Что касается глухихъ, то вмѣсто *ь* находимъ *е* въ словахъ: *бобець*, *блговѣре* (н над строкой); вмѣсто *ъ*—*о*: *со щимь*.

Какъ и въ рукописи апостола, встрѣчаемъ *ѣ* послѣ *ж*, *ш*: *можѣхоу*, *пишѣхь*. Заслуживаетъ вниманія имя собственное Янъ, если ѩна есть вин. пад. муж. рода.

Въ согласныхъ отмѣтимъ ѿ (д над строкой) въ значеніи *отъ* съ конечнымъ *д* предлога, какъ въ сербскомъ яз.; ассимиляцію *к* въ *г*: *ге* (д над строкой).

Наконецъ интересна форма: *апостоловь*, напоминающая членную форму съ этимъ мѣстоименіемъ въ области западныхъ македонскихъ говоровъ. Что касается употребленія падежей, то слѣдуетъ отмѣтить колебаніе: *на сеи свѣ* (т над строкой) *и на боудещи* и *на сеи свѣть и на боудещимь вѣкоу*.

Въ словарномъ запасѣ приписокъ кромѣ отмѣченныхъ выше союзовъ можно отмѣтить *квасити* мочить, *граматикь*, *хартица* (ср. серб. хартиjца) и *афиво* (л над строкой). Этого послѣдняго слова нѣтъ въ славянскихъ словаряхъ. Приписка, въ которой оно встрѣтилось, относится къ 30 числу Іюня. Подъ этимъ чи-

[1]) Пер. Спис. стр. 17, Обзоръ стр. 213.

сломъ стоитъ: *л апла Павла и ві апль.* Слѣдуетъ чтеніе, послѣ котораго дѣйствительно оставленъ листъ недописаннымъ, и только на слѣдующемъ листѣ начинается мѣсяцъ Іюль.

По любезному указанію Л. И. Попадопуло-Керамевса *афивол* объясняется изъ ἀντίβολον, ἀνθίβολον, ἀθίβολον, ἀφίβολον н значитъ ἀντίγραφον, т. е. списокъ, копія. Значитъ, въ спискѣ, съ котораго переписывалъ писецъ, былъ пропускъ одного чтенія.

Собственныя имена стоятъ въ народной формѣ: *Николу, Димитра; Яна*, если мужское, то странная форма, необычная въ живыхъ юго-славянскихъ говорахъ. Некалендарныя имена: *рад, магу* (sic).

Имя собственное мѣста названо однажды: *ѡдзьгоща*, помогло бы точнѣе опредѣлить мѣстность, гдѣ писанъ апостолъ, еслибы его удалось найти.

Прежде чѣмъ отмѣтить особенности языка рукописи, скажемъ нѣсколько словъ о календарѣ апостола. Календарь начинается съ л. 63 об. Мы отмѣтимъ въ немъ только наиболѣе интересныя памяти. Подъ 15 сент. *памет стго сщеномчнка никита. и ѡбрещеніе мощемь. стго. а. мчнка стефана и памет Стихь ѡць снемься вь стѣмь соньмѣ.* Здѣсь любопытныя старыя выраженія для словъ: соборъ, собраться. Подъ 25 ноября *памет стомоу ѡцю клим(тоу) римьскаго папоу. и петра алеѯ... и стго мчнка меркоурию и стѣ катериноу* л. 75. Подъ 12 декабря: *Памет стго ѡца спиридона. памет ѿ ба даньнѣи побѣдѣ. вѣрномоу цроу на бгогнѣвца хросоѧ. бивьши вь перьсидьсцѣ градѣ* л. 76. Подъ 14 того же мѣсяца: *памет стго тоурьса и левгиѧ и филимона. и памет. Великаго сизмоу.* Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить оставленное безъ перевода σεισμοῦ, въ другихъ рукописяхъ: *трѫса.* Сравни еще разъ

подъ 17 Марта: *Паме(т) стго сизмоу* въ Шишатовацкомъ апостолѣ: *вьспоминаниѥ троуса.* Подъ 30 Января: *обрѣтениѥ мощемь стго клименьта папежа* л. 83 об. Подъ 14 Февраля: *стго кирила философа словѣньскаго* л. 85 об. Подъ 6 Апрѣля: *паме(т) стго ѡца нашего Евьтоухиꙗ архиѥпискоупа. костандина града. и прѣподобнаго ѡца методиꙗ. и оуспениѥ архиѥпискоупа моравьска. и оучителꙗ словѣньска.* л. 87. Подъ 15 Мая *стго ѡца архилию* л. 89. Подъ 22 того же мѣсяца *стго iѡ(н)а владимира. и василиска. и маркела.* Очень важно, что на первомъ мѣстѣ поставлена память славянскаго святого, судя по мѣсяцеслову преосвящ. Сергія рѣдко встрѣчающаяся въ святцахъ. У него отмѣчена лишь ссылка на синаксарь святогорца Никодима. Подъ 7 Іюля: *паме(т) стго полиѥкар'па. и ѥустатиꙗ и с(с)тоу м(ч)ницю недѣлю.* л. 93. Подъ16 числомъ *гi паме(т) стихь ѡць. г. соть и л еже въ калкидонѣ. д. го збора* 93 об.

Обращаемся наконецъ къ замѣткамъ о языкѣ. Разбирая приписки, сдѣланныя въ рукописи, мы уже отмѣтили, что фонетическія особенности указываютъ на ея происхожденіе изъ западной Македоніи. Тѣ же черты встрѣчаются и въ самой рукописи.

Что касается носовыхъ, то въ ней мѣстами сохранено старое средне-болгарское правописаніе, гораздо чаще однако ѫ замѣненъ *оу*, при чемъ эта замѣна нерѣдко указываетъ на средне-болгарскій оригиналъ, напр. *вѣровашоу, слишашоу* 75 об. *красни ноги блговѣщаѫщоую* 75 об., ср. *бѣшѫ, проидошѫ* 81; *вѣроуѭщѫ* 61 *да немощнию приѡбрѧщоу* 80 об.

Въ совпаденіи съ языкомъ приписокъ любопытны примѣры, гдѣ ѫ передается черезъ *е:* 1) въ 3 лицѣ множ. числа

прош. несоверш. и аориста: *послоушахе* 11, *послоушѣхе* 10, *искахе* 12, *бѣхе* 12 об. 2) въ наст. врем. въ первомъ лицѣ един. ч. *прѣпираѥ, ище* 44, *хвале* 31; въ 3 лицѣ множ. числа *ѡправдаѥтьсе* 26; ср. *кльнѫтьсѧ* 58; особенно часто въ причастіи: *чаѥщимь* 21 об.; *ѡправдаѥщаго* 26.; *крщаѥщоу* 81 об., *жидѫщимь—гредещи* 59; *изнемагаѥщаго* 55; *вѣроуѥщимь* 37 об.; *биваѥщаѩ* 45; *прѣвладещимь* 30; *противлѣѥщихь ми се* 32; *идещимь* 10 об.

Есть нѣсколько примѣровъ, гдѣ носовые стоятъ вмѣсто глухого и наоборотъ: *мѫздоѫ* 23; *бѣхь* 78; *проповѣдахь* 8.

Что касается глухихъ, то они или выпадаютъ, или замѣняются чистыми *о* и *е* въ огромномъ большинствѣ случаевъ. Поэтому въ этой чертѣ позволительно видѣть особенность выговора: *сотникь* 2, 22; *вь тои ча* 10; *вонь* 11 об.. 16; *поѹсось* 16; *начетокь* 34 об.; *со всакою* 44 об.; *оупованы* ib. *надо всѣми* ib.; 45 об.; *токмо* 46 об.; *избиточьствоующе* 39; *кождо* ib.; *ѡконьцемь* ib. об.; *оуповаиѥ* 58 об.; *во все* 26; *тога* 8, 28; *призовоу* 8; *въ сонъмищихь* ib. ср. 8 об.; *вьзопи* 10 об.; *тоижде* 41, *во вса* 45 об.; *на послѣдокь* 55; *созаниѥ* 31 об. *вѣнець* 70 об. *вьзмездиѥ* 56, 57; *срьдовѣдець* 10; *коренитець* 8; *перьци* 18; *прѣходець* 20; *пришедь* 22; об.; *лестьцы* 37 об.; *прочествиѥ* ib.; *младенець* 93; *повинень* 25 об.; *праведни* 26; *весь днь* 26 об., 43 об.; *меча* 30 об.; *павель* 31; *савель* 7 об.; *прошедьша* 8; ср. 8 об.; *весь народь* 10; *темницы* 11 об.; *весь ми бесчестны* 32, *весьде* 16, *везде* 32 об.; *мени (мьни)* 34; *лоукавествиѥмь* 43; *темничномоу* 11.

Въ связи съ этимъ можно отмѣтить *а* въ словѣ: *оусамарь* 3 об. вм. *оусмарѩ* Шиш. Микл. стр. 23, выше: *самара* 2.

Интересно, что передъ *и* обыкновенно отсутсвуетъ полугласный предлога *вь*: *вистиноу* 38, 21; *в иѥрлмь* 16 39 об.; *в иѥрданъ* 81 об.; *в июдеи* 32; *в иѥроусалимъ* ib.

Вмѣсто *ы* чаще встрѣчаемъ *и*, и наоборотъ *ы* иногда стоитъ на мѣстѣ *и*.

Послѣ шипящихъ часто вмѣсто *а—ѣ*: *стрѣжѣхоу* 6; *млъчѣти* 7 об.; *оутѣшѣніе* 7; *смѣшѣти се* 3; *вьпрашѣѥ* ib. об.; *множѣишимь* 22 об.; *граждѣнемь* 12; *ѡбичѣемь* 22; *ѡбличѣите* 24; *причещѣтисе* ib.; *тьщѣшесе* 15; *сьграждѣне* 43 об.; *оуграждѣти* 44; *избавлѣеть* 40; *тьщѣниѥмь* 29 об.; *тежѣниѥ* 31 об.; *чѣша* 60 об.; *ѡсоуждѣеть* 55; *оутѣшѣите* 56 об.; *римлѣнемь* 17 об.; 32 об.; *послоушѣѥть* 37 об.; *множѣише* 34; *ѡсвѧщѣеть* 59; *чѣꙗхоу* 21.

Но встрѣчается и *а*: *оужасоу се* 5; *обичꙗа* 17 об.; *чашоу* 60 об.; *часа* 32; *тоужаго* 55; *чакаѥ* 3; *причѧщающесе* 33 об.

Объ утратѣ мягкости плавныхъ можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ: *вишнаго* 63, *ближнаго* 36 об., *въ поустинахь* 26 об.; *вола гна* 24 об.; *волꙗ* 16, *вьзлюблѧ* 25; *цра* и *цръ* 9, *до ннѣшнаго часа* 32.

Наоборотъ мягкость согласныхъ обнаруживается въ написаніяхъ: *двдꙗ* рядомъ *двда* 9, *саулꙗ* 7; *ѥстѥ* и *ѥсте* 32; *ѥулѥ* 44; *ѿ роуки члвчѥ* 12 об.

Очень часты случаи уподобленія согласныхъ: *збора* 3; *тешъкомь* 14 об.; *тешьци* 15; *тѧшько* 23; *расоудить* 77 об. *расматрѣѧ* 60 об.; *зде* 11 об.

Что касается формъ, то старыя чередуются съ поздними. Въ глаголахъ напр. очень часты простые и сигматическіе аористы: *прѣидоу* 6, *придоу* 15, *вьзмогѧ* 15, *ѿврѣсе* 6, *ѿврѣсоу* 11, *привѣсоу* 15, *ѿвѣсомь* 18, *прѣѥсе* 11, *сниде се* 23 об.

Въ 1 л. множ. числа *е*: *ѥсме* 13, 11 об., 30.

Въ причастіяхъ во множ. числѣ муж. рода ѥ: *избѣглѥ соуть* 11 об.

Отмѣтимъ примѣръ условнаго наклоненія: *аще бо и единаче бимь члвкомь оугаждѣль, хоу рабь не бимь биль*; ср. Шиш. стр. 161: *быхь—бихь быль.*

Переводъ въ значительной степени сохранилъ старый характеръ, многіе грецизмы удержаны, но встрѣчаются и новыя чтенія; очень нерѣдки также искаженія текста, которыя отчасти могутъ быть объяснены пестротой правописанія рукописи, въ которой столкнулись особенности старо-славянскія, среднеболгарскія, сербскія.

Изъ грецизмовъ отмѣтимъ слѣдующіе:

1) *акровьстиꙗ ѡть рекомиѥ перитомиѥ вь пльти роукотворениꙗ.* Ефес. II, 11. Шиш. апост. изд. Миклошича, стр. 179.

2) *анатема да боуде марната* I Корин. XVI, 22, Шиш. стр. 110, *анаѳема* л. 44, Шиш. стр. 161.

3) *оупованиѥ ѥже ꙗко анькироу имамь дши тврьдь* (s) *же извѣстию* (s) *вьходеще вн̾трьне катапетазма* л. 58 об. Евр. VI, 19; въ Шиш. 224: *вь вьноутрьнѥѥ катапетазмѣ.*

4) *посрѣдѣ ариѥва леда* Дѣян. XVII, 22; выраженіе было, разумѣется, непонятно, оттого встрѣчаемъ такое искаженіе: *на зариѥвь ледь вѣсе* тамъ же ст. 19.

5) *и слов ихь ꙗко ганьграна жирь ѡбрѣщеть* л. 50 Тим. 17; Шиш. стр. 200.

6) *ѥанархь ареть црь* 39 об. вмѣсто: *ѥньфарьхь арети цара* II Корин. XI, 31; Шиш. стр. 137.

7) *помните игоумени вашꙙ иже глашоу вамь слово бжиѥ* 59 об. Евр. XII, 7; Шиш. стр. 226.

8) *идололатриꙗ* л. 47 Колос. III, 5; Шиш. стр. 179.

9) *катапетазма* см. *анькира.*

10) *марната* см. *анатема.*

11) *вь милотехь козиꙗхь кожа* л. 25 Евр. XI, 37. Шиш. стр. 51.

12) *ѡльтарь* 65 об. Евр. IX 5; Шиш. стр. 232.

13) *ѡлѣѥмь радости* Евр. I 9; Шиш. стр. 219.

14) *дхь патеньскь* л. 10 об. вмѣсто: *доухь пиѳоньскыи* Дѣян. XVI, 16; Шиш. стр. 32.

15) *перитомиꙗ* см. *акровстиꙗ*.

16) *скадѣль* л. 61 об. вмѣсто *сканьдаль* I Корин. I, 23; Шиш. стр. 228.

17) *стамна* 65 об. Евр. IX, 4; Шиш. стр. 232.

18) *темничномоу стратигоу* л. 11 въ Шиш. 33: *стражоу* Дѣян. XVI, 23; *стратизи* ib. ст. 22, Шиш. 33.

19) *тектонь* л. 31 об. I Кор. III, 10 вмѣсто *арьхитектонь* Шиш. 93.

Но есть и такіе случаи, когда въ апостолѣ Верковича вмѣсто греческаго выраженія стоитъ славянское. Напримѣръ вмѣсто *акровьствиꙗ* Гал. VI, 15 *краѥѡбрѣзаниѥ* 42 об.; вмѣсто *канонѣ* ib. ст. 16 *правилѣ* 42 об. Шиш. стр. 149. Вмѣсто *идололатрь* Ефес. V, 5: *идоложрьтвень* 47 об. Шиш. стр. 182; вмѣсто *оупостаси* Евр. I, 3, *лица* Шиш. стр. 219.

Что касается славянскихъ словъ, то отмѣтимъ *отокь* Дѣян. XIII, 6; *коренитець* ib. ст. 8 и выше: *коренитьца* вмѣсто *вльхьва* Шиш. стр. 29; *и бысть же лѣто цѣло сьнматисе има вь црквь* л. 7 вмѣсто *сьбиратисе* Шиш. 27; *страньнолюбиѥ терѣюще* 29 об.; *всегда доброѥ тѣрѣите* 49 *замоудѣтисе вь асы* вмѣсто *закьснѣти* Шиш. стр. 37, *незамоудно* вмѣсто *незакьсньно* Шиш. 50, *не замоудить* вмѣсто *не закьснить* Шиш. 222, но *закъшноу* Шиш. 206; *закьсню*.

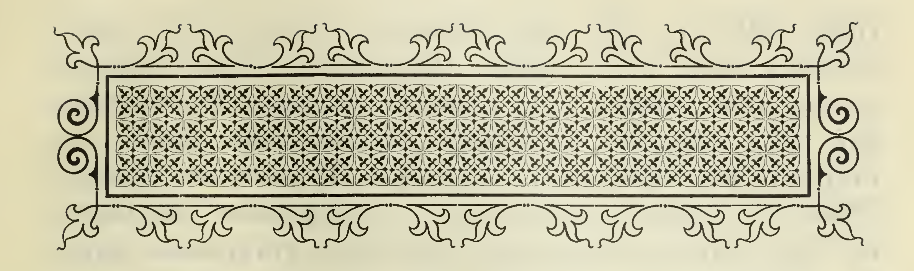
Эти замѣтки, не исчерпывая матеріала, который даетъ рукопись, въ достаточной степени даютъ понятіе о ея особенностяхъ. Прилагаемъ небольшой отрывокъ текста.

Евр. XI, 33—40; XII, 1—2.

Браꙗ сти вси вѣрою побѣдише црьств сьдѣꙗшоу правдоу. оулоучише ѡбѣтованиꙗ. затькноушоу оуста львомь. оуга-

сише силоу ѡ́гньноую бѣжашоу ѿ ѡстриꙗ мечꙗ́. и вьзмогѫ ѿ немощѣі. бишѧ крѣпци вь бра́не. и пльки же ѡ́братиш тоуждимь. прию̂шоу жени. ѿ вьскрѣшениꙗ мртвию своѥ, ини же избиѥни бише. не приѥмьше избавлениѥ, да оулоучьше вьскрѣшениѥ оулоучеть. дрѹзи роуганиѥмь рани искоушениѥ приѥше. и ѥще же ѥзамь и темницю. камениѥмь побиѥни бише, и оубиствомь мечꙗ оумрѣшоу. ходише вь милотехь козиꙗхожа (sic) *лишени скрьбеще ѡзлоблѥнѣі. имь же не бѣ достоѥнь весь ми. вь поустинахь скитающесе. вь горахь и вь врьтьпѣхь. и вь пропастехь земни и вси послоухованиꙗ вѣрою не приѥмьше. ѡбѣтованиꙗ боу ѡ нась. лоуче прозрѣвьшоу. да не без нась сьврьшени боудоуть. Тѣмьмже* (sic) *оубо и ми толиѣ имоуще ѡ́бложе ни облакь. свѣдѣтельство грьдости. ѿложьше всѧ и ѹдобь ѡбрѣтени грѣ трьпѣниѥмь течениѥмь прѣдь лежѧщь намь подвигь. вьзивающе на поконникѧ вѣрѣ. и сьврьшителꙗ іса.*

П. Лавровъ.

Нѣсколько данныхъ къ объясненію сказаній о провалившихся городахъ.

Сказанія о провалившихся и затонувшихъ городахъ давно уже интересовали западно-европейскихъ этнографовъ и историковъ литературы. Есть и посвященная этой темѣ статья русскаго ученаго, проф. Н. Ѳ. Сумцова: здѣсь авторъ, указавъ на „Révue des traditions populaires" (съ 1888 г.) и монографію Ахелиса о потопахъ, останавливается на малорусскихъ сказаніяхъ этого рода и пытается освѣтить ихъ „небольшимъ числомъ сравненій съ сходными иноплеменными сказаніями, изъ наиболѣе полныхъ и художественныхъ" [1]). Такихъ, собственно малорусскихъ сказаній, приводится Н. Ѳ. Сумцовымъ три. Они, и великорусскія (о градѣ Китежѣ) и польскія и др. европейскія, объясняются, какъ наказаніе этихъ людей и, такимъ образомъ, стоятъ въ тѣсной связи съ библейскимъ сказаніемъ о гибели Содома и Гоморы;—либо, съ другой стороны, возникновеніе сказаній имѣетъ причиной желаніе объяснить появленіе свайныхъ построекъ.

Уже названный ученый указалъ, въ заключеніи своей статьи (стр. 8.), что въ основаніи этихъ сказаній могутъ лежать дѣйствительно имѣвшія мѣсто въ исторіи земли явленія природы—и приводитъ два случая изъ недавняго прошлаго

---

1) *Н. Ѳ. Сумцовъ,* Сказанія о провалившихся городахъ, Сборникъ историко-филологич. общ. при Харьк. Унив. 1895 г. и отд. оттискъ. Харьковъ. 1896 г.

(1892—1893 гг.). Къ нимъ можемъ добавить еще одинъ, имѣвшій мѣсто въ д. Шари, Царевококш. уѣзда. Недавно жители этой деревни были страшно напуганы непонятнымъ для нихъ трескомъ и шумомъ, выходившими какъ будто откуда-то изъ-подъ земли и похожими на залпъ изъ пушекъ. Обыватели-черемисы бросились по направленію подушнаго ихъ лѣса, откуда, повидимому, пронеслись эти грозные звуки, и къ удивленію ихъ, увидѣли слѣдующее: среди лѣса образовался громадный провалъ земли въ 200—300 квадратныхъ саженъ, настолько глубокій, что большія деревья, которыя росли въ этомъ мѣстѣ, ушли подъ землю безъ слѣда; что еще болѣе удивительно, такъ это то, что на мѣстѣ провала образовалось озеро—тотчасъ же выступила изъ земли вода и теперь глубина достигла уже 8 саженъ; надъ водой поднимаются крутые въ нѣсколько саженъ берега. Мѣстность въ этомъ мѣстѣ, по словамъ „Волж. Вѣст.", высокая, покрытая, какъ сказано, еловымъ лѣсомъ; почва супесокъ. Около мѣста провала въ нѣсколькихъ верстахъ издавна существуетъ озеро, загадочнаго происхожденія; оно находится въ глухой чащѣ, имѣетъ воронкообразную форму, съ крутыми берегами, и глубина его очень велика; черемисы озеро это называютъ „глазомъ" (Кіевлянинъ 1903 г. № 309). „Молва о такихъ случаяхъ шла далеко; собственныя имена перепутывались, обобщались, исчезали, и получалось общее излюбленное сказаніе, съ разными мѣстными пріуроченіями и легендарной окраской. Легендарная окраска проистекла отъ введенія мотива—идеи наказанія за грѣхи"... Таковы выводы, къ которымъ привело Н. Ѳ. Сумцова разсмотрѣніе ряда разноплеменныхъ сказаній. Вполнѣ присоединяясь къ нему, не можемъ, однако, согласиться, что духовнымъ писателямъ принадлежитъ особая роль по распространенію подобныхъ сказаній. Къ тому же единственное извѣстное г. Сумцову сказаніе о погибели города черезъ провалъ—это разсказъ Серапіона, еп. Владимирскаго, о потопленія г. Драча (Дураццо) [1]); но этотъ разсказъ—не одинокъ. Въ др.-русскомъ

[1]) *Е. Пѣтуховъ,* Серапіонъ еп. Владимирскій, 1888 г., стр. 14 прибавленій

перев. житіи Саввы Освященнаго XII—XIII в. разсказывается, что земля разступилась и пожрала сарациновъ, искушавшихъ святого.

Въ Еллинскомъ лѣтописцѣ читаемъ (гл. 16, л. 277): „Въ тоже лѣто потопленъ бысть божиимъ гнѣвомъ водами рѣчными Едесъ градъ великыи...“ [1]) Хронографъ въ 50-й главѣ передаетъ разсказъ о потопленіи Атлантиды, заимствованный изъ хроники Конрада Ликостена (русскій переводъ ея относится къ 1599 г.): „О потопленіи града Лакриса. Въ лѣто отъ Адама 5075 во Атлянской земли потопило моремъ великой градъ именемъ Лакрисъ и на томъ мѣстѣ сталъ великой островъ“ [2]). Согласно Откровенію Меѳодія Патарскаго, долженъ былъ провалиться и покрыться моремъ Царьградъ за нечестіе и высокомѣріе царицы [3]). Приводимъ здѣсь также выписки изъ нѣкоторыхъ славянорусскихъ рукописей, сдѣланныя нами при занятіяхъ другими вопросами.

Въ рукописи Импер. Публ. библіотеки Q. XVII, № 15, представляющей сборникъ разныхъ статей, написанныхъ въ XVI—XVII вв., въ древнѣйшей его части, на л. 284 мы находимъ переводную, безъ сомнѣнія, статейку о наводненіи въ Неаполѣ 11 октября 1523 г., а вслѣдъ за нею, на л. 285 слѣдующую замѣтку:

„Стремин страна оугорская межꙋ дꙋная і савы рѣкы. к настоящеᷨ лѣте ,а. ф. кд ѿ гнского воплощенїа бы трꙋ толь велиⷦ, іа многи домы погыбоша, і црковь оубо поглощена быⷭ, еже преⷤ того не бы видимо, земля ѿверзеся на четыреⷯ верста тако іа ни единомꙋ члкꙋ преити мощно есть: +

Такое поглощеніе церкви землею находимъ въ двухъ разсказахъ въ „Révue des trad. popul., 1891, XI, 654 и X, 583, что же касается цѣлыхъ городовъ, по потопленіи коихъ образовалось озеро, издающее колокольный звонъ, то такихъ примѣровъ приводится у Н. Ѳ. Сумцова немало.

[1]) *Поповъ*, Обзоръ хронографовъ. М. 1869. Ср. *I. Malalae*, Chronographia, ed. Bonn. lib. XVII, p. 418.

[2]) *Поповъ*. op. cit. II, 113; р. *Царск*. № 459.

[3]) *Истринъ*, Откровеніе Меѳ. Пат., 1897, стр. 198.

Нѣсколько болѣе матеріала даетъ статья въ сборникѣ XV в. (1483 г.) Кіево-Михайловскаго монастыря № 493 (1655). Сборникъ содержитъ рядъ полемическихъ противъ латынянъ сочиненій, переводы трактатовъ по логикѣ, сдѣланные, вѣроятно, жидовствующими, и Лунникъ, изданный нами въ особомъ изслѣдованіи [1]). Статья о погибели городовъ читается въ этомъ сборникѣ, къ сожалѣнію, безъ начала (л. 171).

.. (с мѣ)стⷨѡ пропаⷣ, любіа горⷣѡ мѹрованыи из мѣстоⷨ пропаⷣ. поле светлое где люⷣи мноⷢ и самь паⷩ мѣста тоⷢ в землю пропаⷣ. алминѕіновѹ гѡроⷣ из местоⷨ пропаⷣ. в великоⷨѡ мѣстѣ несполи дивное паденіе полаⷮ и людеи. а гѡроⷣ изломи сѧ, а верса горⷣѡ такѹю жь шкодѹ терпѣла. капна гѡрⷣѡ в доумѣ многіиⷯ. испѹстошена. а плачеⷭ по мртвыⷯ. арыганьса горⷣѡ. також испѹстошена. арыганѹⷨ гѡрⷣѡ, великоⷢ дѣлѧ страха двѣ тысѧчи и двѣсте людеи ѹмрьши пало. падѹлосъ горⷣѡ весⷭ искаженъ, витюлѧноⷨѡ гороⷣ весⷭ в землю ис людми впаⷣ. цихрїа малаа цихрїа великаѧ пропали. тыназѹⷨ гороⷣ такоⷤ сѧ испортиⷣ. Ѳѹнды горⷣѡ терпѣло коли ламало, местечька д въ паньствѣ молиѕи, в землю пропаⷣ. пѣстосолнѣ гѡрⷣѡ, испортилсѧ в землю пропаⷣ. толко сѧ остало одинацеⷭ дворовъ. бока горⷣѡ в подолѣ пропаⷣ в землю. скѹра гороⷣ с треми великыми землѧми великіми мѣсты, такоⷤ в землю пропали. гора гѡрⷣѡ, вороⷩ горⷣѡ. такоⷤ зломилиⷭ. цикалѧ гороⷣ и ины городовъ и мѣстъ мн(ого) опроче тоⷢ занже гдѣ коли ни есⷮ столѣць влческіи какъ коли сотъ мѹрованⷩ. тѣсны мѣстечко, въ фрѧзскои земли. и такъ в наполіи горⷣѡ великіи и нѹтерь гороⷣ и троа горⷣѡ, впали в землю. а такъ сѧ то стало, в лѣтъ ,ѕ.ц.зз (1459) мⷭца деⷦ в д на стыа великомчници варвары днь за три годины до свѣта. передⷩ бжїимь нарожденїемь: +

Эта статья извѣстна была въ старинной русской литературѣ не въ единственномъ спискѣ: мы имѣемъ её въ

[1]) Матеріалы къ исторіи апокрифа и легенды 1901, вып. II.

полномъ видѣ въ рукописи Кирилло-Бѣлозерской библіотеки № 9/1086 XV в., описанной архим. Варлаамомъ, но, къ сожалѣнію, оставшейся намъ недоступной.

И позже, конечно, въ XVI и XVII в. русскіе люди съ большимъ вниманіемъ прислушивались къ подобнымъ извѣстіямъ, и заносили ихъ въ свои памятныя книжки. Намъ извѣстна одна такая отъ конца XVII и нач. XVIII в.—сборникъ Импер. Публ. Библіотеки до 1710 г., Q. XVII, № 46 (Толст. II, № 71.). Здѣсь на л. 2 читаемъ такого рода выписки изъ курантовъ—конечно рукописныхъ:

„Въ немецкихъ курантахъ ҂зса году [1]) сице пишутъ: Гишпанского королевства въ предѣлехъ, градъ Цыцылия, за злѣйшее пребеззаконие и съ нимъ ві пригородковъ с народомъ погрязоша сквозь землю. Народа же в нихъ всякого возраста погибло ҂҂рє“—т. е. 105 тысячь.

„Изъ вавизъ въ прошломъ сдм году писано: Въ нынѣшних числѣхъ въ немецкихъ государствахъ посѣщениемъ великого Бога г҃ города земля пожерла с людми, изъ горы пламя исходило и попалило, а в ыномъ городе подъ землею трясение и шумъ великой былъ и ис того города много людей от страха покинули домы свои и выбежали“.

Въ этихъ статейкахъ уже не видно хладнокровной объективности, какъ въ старшихъ извѣстіяхъ того же рода, почерпнутыхъ изъ аналогичныхъ же, вѣроятно, источниковъ изъ заграничныхъ летучихъ листковъ. Въ концѣ XVII в. является и истолкованіе причины изображаемыхъ событій: „злѣйшее пребеззаконие“ и „посѣщеніе великого Бога—также, подразумѣвается,—не за похвальные поступки жителей трехъ городовъ.

Наказаніе злыхъ—вотъ мотивъ, которымъ объясняются провалы въ письменныхъ извѣстіяхъ и литературныхъ памятникахъ старины. Извѣстія о нихъ, какъ и истолкованіе, могли проникать въ народную среду изъ литературныхъ источниковъ,

---

[1]) т. е. 7201=1693 г., ниже— 7204=1696 г.

въ родѣ указанныхъ, чрезъ посредство болѣе культурнаго слоя общества, интересовавшагося заграничными новостями и воспринимавшаго ихъ уже въ той формѣ, какая была вполнѣ обычна и подходила къ міровоззрѣнію читателя допетровской Руси.

Думается, результатомъ такихъ представленій, уже не реально воспринятыхъ, а возникшихъ подъ вліяніемъ прочитаннаго, слышаннаго—могла явиться легенда, записанная мною изъ народныхъ устъ въ 1893 г. во время лѣтней поѣздки по Тихвинскому у., Новгор. губ. для изученія говоровъ и собиранія памятниковъ народнаго творчества. Привожу эту легенду полностью:

„Быль о трехъ сыновьяхъ, што мать продали“ [1]).

Жили были три брата и была у ихъ мать старуха. Стали оны дилиццы, а матери никто брать не хочо. Вотъ оны жеребей бросили—она и досталась оннóму. Кой-какъ старуху кормилъ, за всякимъ дѣломъ гонялъ. Пріихалъ разъ какъ то торгошъ, купецъ, и сталъ у ихъ. Вели поставить самоваръ. Ужинали, пьютъ чай. И спрашива купецъ-отъ хозяина: „кто это у васъ у порога сиди? Роботница, али кто?“ А тотъ, нехотя такъ, отвёрнувши отвѣчае: „мать“—говори. „Накось я ей чашечку чайку налью“—„Куды тамъ ей чаю?“ закричали хозяинъ и невиска: „и безъ чаю ей ланно“!..“

Види купецъ, што не горазъ любя старуху. Онъ и спрашива: „а што, хозяинъ, не продашь ли мни-ка мать?—“ „Отчево-жъ не продать! говори—„Што жъ з меня спросите?“ —„Да, буде дашь, 100 рублей“.—„Вотъ теби-ка сто рублей, и старуха моя топерь“.

Другой братъ узналъ объ этомъ (жона старшово похвастала золовкѣ)—бѣжи и ругаетцы: „Ты какъ смилъ мать продать! Думашь она только твоя мать? А я нешто ей не сынъ?“—„И теби-ка на, получи“—говори купецъ и тоже

[1]) Записана отъ старухи Анны Павл. Пашниковой, ум. въ 1897 г. въ дер. Малой Будогощѣ. Другіе ея разсказы напечатаны мною въ Живой Старинѣ, 1894 г., вып. I. Особенности говора соблюдены не вездѣ.

ему сейчасъ сто рублей. „Ну то-то!“—И третей братъ прибѣжалъ—и тому купецъ столько же далъ.

Вотъ стали сбиратцы въ дорогу. И проси купецъ: „дайте, говори, чево нибудь обёрнуть старуху, штобъ по дорогѣ не замерзла“,—такъ нѣтъ же, не дали ничёво.

Привезъ купецъ старуху къ себи домой и хвастае женѣ „знашь, говори, сколько я за старуху далъ? триста рублей. Береги жъ ее“. Надо ему по торговымъ дѣламъ ѣхать на цѣлый годъ. Наказалъ онъ женѣ беречь старуху, а самъ уихалъ. А жена смотри: все старухѣ готово, живетъ въ теплѣ и въ холѣ, а нѣтъ-нѣтъ да и поплачо. Думала—думала, дождала хозяина и говоритъ ему, што старуха все плачо. Купецъ прямо къ старухѣ: „што, бабушка, по своимъ стоснула? На родину съѣхать хочошь?“ —„Да, кормилецъ, хошь разокъ поглядить“.—„Ну, ладно, поидемъ. Пріихали въ деревню, откуль онъ ее увезъ, и видя, гдѣ были дворы братьевъ—изгорода загорожена. Старуха и спрашива: „штожъ это такое?“—„А вотъ, говори купецъ, не оказывайся, а завернись платкомъ: мы людей роспросимъ“.

Остановились у мужика, стали пить чай; купецъ и спрашива у хозяина: „Какъ я годъ назадъ здѣсь проижжалъ, помнитцы, тутъ избы были, гдѣ изгорода-та?“—„Да, отвичае хозяинъ: да тутъ случилось недоброе—жили три брата, продали оны проижжому мать за 300 рублей, опосля насъ, всю деревню, трои сутокъ трясло, всю землю здымало. Мы то живы остались, а оны со всимъ—провалились, и не знать, што и были“. Купецъ къ старухѣ, а тая обмерши. Отпоили ее, привели въ себя и поѣхалъ купецъ съ ней обратно“.

Идея божескаго возмездія за грѣхи—является доминирующей въ этомъ народномъ сказаніи, оставшемся неизвѣстнымъ нашимъ собирателямъ памятниковъ народнаго творчества, и не имѣющемъ, какъ кажется, параллелей въ творчествѣ другихъ народовъ. Лишь нѣкоторое сходство съ нимъ имѣетъ разсказъ, записанный въ Конго, объ обиженномъ старикѣ; его пріютилъ и накормилъ добрый человѣкъ, а городъ и жители, обижавшіе старика, провалились. На этомъ

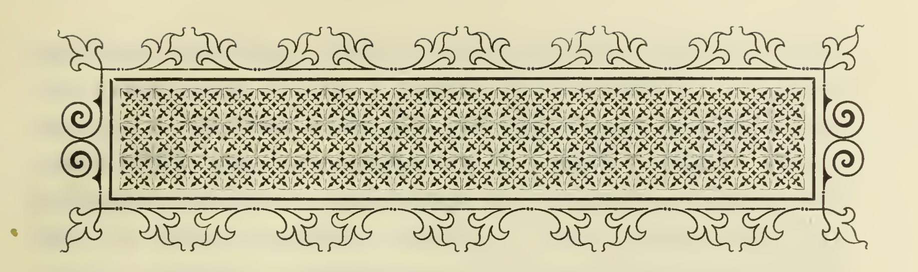
мѣстѣ явилось озеро Дилоло[1]). Но говорить о какой либо связи между африканскимъ и русскимъ сказаніемъ едва-ли возможно. Собранный же этнографическій матеріалъ съ разныхъ концовъ свѣта даетъ мысль, что преданіе о Содомѣ и Гоморрѣ возникло на почвѣ факта и есть одинъ изъ варіантовъ сказанія, свойственнаго народамъ на извѣстной ступени развитія[2]).

В. Перетцъ.

---

[1]) *Basset*, Révue, 1891, IX, 524; см. *Сумцовъ* op. cit. стр. 8.

[2]) Сравнительно близкую параллель имѣемъ у *Шапкарева*, Сборникъ отъ бълг. нар. умотвор., ч. I, отд. IV, кн. 5, № 585: девять сыновей и ихъ жены отдаютъ мать старуху на съѣденіе волкамъ; ср. *Качановскій*, № 76; *Караджичъ*, I, № 204, 205; ср. *Bar*ą*cz*, Fraszki, str. 152; домъ проваливается, потому что хозяева дурно приняли нищихъ, *Садовниковъ*, № 85; домъ проваливается въ наказаніе за разбой, *Аѳанасьевъ*, Сказки, № 203; кузнецъ, укравшій у св. Николы деньги, за жадность проваливается сквозь землю, *Садовн.*, № 88. Не чуждъ этотъ мотивъ и малорусскимъ думамъ, см. Кіевск. Стар. 1882 г., декабрь, 497—98; въ нѣмецкой легендѣ крестьянка за работу въ праздникъ проваливается со своимъ дворомъ, *Веселовскій*, Опыты по истор. христ. легенды. Ж. М. Н. Пр. 1876 г. мартъ.

ИЗЪ РУССКОЙ ДІАЛЕКТОЛОГІИ.

1. Къ вопросу объ отвердѣніи (неумягчительности) звуковъ *е* и *и* въ малорусскомъ нарѣчіи.

Выдающаяся особенность малорусскаго нарѣчія, которой оно рѣшительно отличается отъ великорусской и бѣлорусской рѣчи, это—неумягчительность звуковъ *е* (изъ основныхъ славянскихъ є и ь) и *и* (= основн. слав. и). Передъ этими звуками во всѣхъ малорусскихъ говорахъ согласные бываютъ немягкіе, чаще средніе, а иногда и совсѣмъ твердые: дерево, пень, лихо = đerevo, peń, licho—lycho. При изученіи этого явленія историка русскаго языка прежде всего интересуетъ вопросъ: исконна ли эта неумягчительность гласныхъ *е* и *и*, или же она развилась въ болѣе позднее время? Другими словами: кто отступилъ отъ старины—великоруссы съ бѣлоруссами, или малоруссы?

Обращаясь къ эпохѣ общеславянской, мы находимъ относительно *и*, что оно безусловно отличалось отъ *ы;* послѣдній звукъ, хотя, быть можетъ, и не такой твердый, какъ у великоруссовъ съ бѣлоруссами и поляковъ, въ старину былъ извѣстенъ всѣмъ славянскимъ языкамъ; и до сихъ поръ, кромѣ названныхъ народовъ, знаютъ его еще лужичане, нѣ-

которые говоры малорусскаго нарѣчія, изрѣдка болгарскіе говоры (Т. Д. Флоринскій, Лекціи, I, 82), въ извѣстныхъ случаяхъ чешскій языкъ (ďy, ňy, ťy); зналъ различіе *и* и *ы* и др. ц.-слав. языкъ. Звукъ *и* въ праславянскомъ дѣйствовалъ смягчающимъ образомъ на предыдущіе согласные, однако не въ такой степени, какъ *j*: зубные и губные передъ *и* лишь нѣсколько умягчались, но не подвергались полному смягченію, такъ какъ иначе на ихъ мѣстѣ явились бы звуки другихъ органовъ рѣчи. Вообще же всѣ согласные въ соединеніи съ *и* палатализировались.

Что касается *е*, то уже чисто физіологически можно доказать, что его умягчительность не могла быть таковой, какъ у *i*: щель, образуемая языкомъ и среднимъ нёбомъ, при произношеніи *е* больше, нежели при *i*; естественно, что соединявшіеся съ *е* согласные были на первыхъ порахъ только полумягкими (ср. А. А. Шахматовъ: Къ исторіи зв. русск. яз. Смягченные согласные. „Извѣстія", I, 1896 г.). Показанія живыхъ славянскихъ языковъ ведутъ къ тому же: болгарскій обыкновенно знаетъ *е* твердое; умягчительное *е* бываетъ лишь въ нѣкоторыхъ особыхъ случаяхъ и діалектахъ. То же и въ сербскомъ языкѣ, словинскомъ, чешскомъ, но словаки знаютъ и ě (мягкое—ňesu); польскому извѣстно и то и другое *е*, но чаще умягчительное; такъ же обстоитъ дѣло и въ лужицкомъ языкѣ. Великорусскіе и бѣлорусскіе говоры знаютъ исключительно умягчительное *е*. Памятники др. ц.-слав. языка кирилловскіе, знающіе ѥ, ясно выдѣляютъ случаи соединенія *е* съ *j* отъ тѣхъ, гдѣ *j* предположить нельзя; но и є въ нихъ тоже врядъ ли было сходно съ нашимъ *э*. Есть цѣлый рядъ памятниковъ, не говоря уже о глаголическихъ, которые написаніемъ є обозначаютъ даже такіе слоги, гдѣ, несомнѣнно, передъ є былъ *j* (єсть—Листки Ундольск.); а это возможно было лишь тогда, если є было вообще нѣсколько умягчительнымъ. Изъ сказаннаго само собой слѣдуетъ заключеніе, что склонность къ умягчительности у праславянскаго *е* уже была, но не во всѣхъ языкахъ-потомкахъ развилась въ одинаковомъ направленіи: въ однихъ она стала та-

кою же, какъ и у *і*, а въ другихъ отступила отъ этого звука. Говоря другими словами, въ однихъ славянскихъ языкахъ смягченные согласные были одинаковой палатальности передъ *і* и передъ *е*, при чемъ гласные и предшествующіе имъ согласные въ этомъ отношеніи вполнѣ ассимилировались одни другимъ; въ другихъ же языкахъ характеръ исконнаго умягченія передъ *е* (неполнаго) одержалъ верхъ: согласные были полумягки, вслѣдствіе чего и *і* стало приближаться къ *ы*.

Прарусскій языкъ получилъ умягчительные *і* и *е* въ одинаковой степени. Разсматривая древнѣйшіе паматники русскаго языка, въ нихъ мы не находимъ смѣшенія *и* и *ы*; значитъ, особый звукъ *і* былъ извѣстенъ древнерусскому языку. Но памятники содержатъ данныя, изъ которыхъ слѣдуетъ, что и *е* въ древнерусскомъ языкѣ было умягчительно. Это видно изъ того, что иногда въ нихъ вмѣсто *е* пишется ѥ, которое несомнѣнно обозначало умягчительное *е:* гнѥтѫть Остр. Ев., умножитѥ Свят. сб. 1073 г., камѥни Минея 1095 г. и т. д. (А. И. Соболевскій, Лекціи 2, 42). Къ такому же заключенію относительно *і* и *е* насъ приводятъ показанія современныхъ русскихъ говоровъ: великорусское и бѣлорусское нарѣчія знаютъ только умягчитальные *і* и *е* (*э* въ нѣсколькихъ словахъ этому не противорѣчитъ). Да и занимающее насъ малорусское нарѣчіе представляетъ такіе факты, которые свидѣтельствуютъ о позднѣйшемъ отвердѣніи въ немъ *е* и *і*. Если въ началѣ нѣкоторыхъ словъ въ немъ находимъ є (єсть, єю и под.), то здѣсь можно видѣть и слѣдъ *j*, бывшаго уже въ старину въ подобныхъ образованіяхъ (ѥсть, ѥѩ); на подобное же явленіе, пожалуй, указываетъ и є послѣ удвоеннаго согласнаго: зіллє, сміттє и т. д., такъ какъ и здѣсь въ окончаніи предполагается-ьѥ,-ьѩ и т. д. Но несомнѣнно въ пользу умягчительности всякаго древнемалорусскаго *е* говорятъ три обстоятельства: а) появленіе умягчительнаго *є* въ окончаніяхъ именъ прилагательныхъ: синєє и синє; б) возникновеніе въ извѣстныхъ случаяхъ *о* съ предыдущей мягкостью (*ё*) на мѣстѣ *е*, что въ зачаткахъ произошло еще на

почвѣ общерусскаго языка: лёнъ, слёза, трёхъ и под.: в) что особенно важно—сохраненіе мягкаго согласнаго въ формахъ повелительнаго, типа „робіть“ при „робіте“: если бы отпавшее *е* не было умягчительнымъ, то *т* было твердо.

Есть несомнѣнныя данныя, которыя свидѣтельствуютъ и о позднѣйшемъ отвердѣніи *и* въ малорусскомъ (ср. Шахмат. „Къ исторіи зв. р. яз.“ Извѣстія, I, 711—721). Если не упоминать о тѣхъ случаяхъ умягчительнаго *і*, гдѣ передъ нимъ можно предположить *j* (імъ, іхъ и т. д., а также послѣ гласныхъ—поіти, своіхъ и под.), то есть еще такіе факты, которые несомнѣнно говорятъ только объ умягчительности *і* въ старину: имѣю въ виду формы неопредѣленнаго на *т* мягкое рядомъ съ формами на *ти* (носить, хвалить). Отпаденіе *и* въ такихъ формахъ произошло еще тогда, когда *и* было умягчительно, иначе *т* было бы твердо; его поддерживала бы и аналогія формъ съ *т* твердымъ у образованій на *-ти* (нести). Сюда же относится—будь, сядь, изъ буди, сяди.

Значитъ, отвердѣніе въ малорусскомъ *е* и *и* произошло уже на глазахъ исторіи: они обнаружили тенденцію изъ передняго ряда перейти въ средній. Ставъ средненёбными, они начали ассимилировать себѣ предшествовавшіе имъ согласные, лишая ихъ мягкости. Затѣмъ и сами гласные перестали сохранять хотя бы слабую степень умягчительности.

Все сказанное до сихъ поръ въ настоящее время является, можно сказать, общепризнаннымъ фактомъ. Но вотъ вопросъ: какъ происходило отвердѣніе согласныхъ? Какіе изъ нихъ раньше испытали на себѣ эту перемѣну и передъ которымъ изъ двухъ разсматриваемыхъ гласныхъ? При рѣшеніи разныхъ фонетическихъ вопросовъ въ малорусскомъ нарѣчіи большую пользу приноситъ изученіе сѣверномалорусскихъ и сосѣднихъ бѣлорусскихъ говоровъ. Этимъ путемъ удалось болѣе или менѣе удовлетворительно опредѣлить, напр., процессъ перехода основныхъ *о* и *е*, стоящихъ въ закрытыхъ слогахъ, въ *і* при посредствѣ разныхъ дифтонговъ. Такъ и въ данномъ случаѣ, если обратимся къ бѣлорусскимъ говорамъ, пограничнымъ зъ сѣверномалорусскими, то

найдемъ тамъ слѣдующее: звукъ *е*, вообще умягчительный у бѣлоруссовъ, въ названныхъ говорахъ послѣ губныхъ часто бываетъ неумягчителенъ. Приведу примѣры изъ матеріаловъ, собранныхъ мною въ поѣздку лѣтомъ 1903 года: пэку, вэзу, но несу—м. Любечъ; умэрла, мэдъ, семэйны, ле себэ (=для себя), на цебэ, живэ, вэселе при пане, поле и т. д. с. Дятловичи Пинск. у.; забэрэ и даже заб*о*рэ—м. Лунинъ; мэне, удовэцъ, цепэра, бэрэ, мэдъ, вэдземъ при несемъ и т. д.—м. Шерешово; двэры, зубэръ, но несе, лецицъ—с. Бѣловѣжъ. Въ нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ мѣстностей рядомъ съ твердыми губными можно встрѣтить и мягкіе: процессъ отвердѣнія еще только начинается, но не завершился. Съ другой стороны, иногда можно встрѣтить *э* и послѣ *д* (въ м. Любечѣ и особенно въ с. Дятловичахъ: дощъ идэць, дэ вы дзѣли?). Такимъ образомъ можно предположить, что и въ малорусскомъ нарѣчіи въ такой же послѣдовательности шло отвердѣніе *е*: сначала при губныхъ, потомъ при *д* и наконецъ при остальныхъ согласныхъ. Что въ данномъ случаѣ отвердѣніе началось съ губныхъ, это вполнѣ естественно, такъ какъ они очень рано отвердѣли на концѣ словъ и утратили способность соединяться, съ умягчительными гласными и въ серединѣ словъ, иногда даже развивъ послѣ себя вторичный *j*, только бы избѣгнуть непривычнаго сочетаніи (ср. пъять, памъять, мъясо и др.). Но въ говорахъ всѣхъ отмѣченныхъ мѣстностей звукъ *і* до сихъ поръ продолжаетъ быть умягчительнымъ. Значитъ, и въ малорусскомъ утрата мягкости согласныхъ сначала произошла передъ *е*, затѣмъ уже отвердѣвшіе согласные ассимилировали себѣ и звукъ *и*; отвердѣніе *и* произошло не безъ вліянія также и того обстоятельства, что въ малорусскомъ приблизительно въ это же время и звукъ *ы* изъ задняго ряда перешелъ въ средній.

2. Звукъ *у* вмѣсто *ы* въ нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ говорахъ.

Особенность, о которой ниже рѣчь, если не ошибаюсь, впервые замѣчена Н. Янчукомъ во время его этнографической поѣздки по Минской губ. въ 1886 г. (ср. Труды этнографическаго отдѣла И. Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, кн. IX, 70): „Въ рѣчицкихъ говорахъ я знаю, говоритъ онъ, одну интересную особенность, которая на первыхъ порахъ можетъ показаться странною: это именно употребленіе *у* вмѣсто *ы*, напр. *му*, *сунъ*, *букъ*, *буйстрый*—мы, сынъ, быкъ, быстрый и т. п.“ Если обратиться къ записямъ изъ Рѣчицкаго уѣзда[1]), то тамъ найдемъ слѣдующее: штобу Ш. III, 398, рѣчки буйстрыя ib. 413, въ буйстрой рѣченьки ib. 423, путаць (= пытать — спрашивать) ib. 394, путався ib. 413, путае ib. 421, попутаць ib. 393, путаци Д.-З., 110, рядомъ съ—пыталася ib., копуцики Ш. I, 1 ч., 82,

Пушна чеща, пушна,
Процивъ зяця не вушла Ш. III, 409,

што-жъ ву не путаеце насъ, чаго му пришли ib. 393, ву ib. 394, 403, 407, новуми сѣнями Ш. I, 1 ч., 82, вувяў Ш. II, 640, вудае Ш. III, 425, вуйму ib. 414, вунимае ib. 410, вупиць Д.-З., 110, вупивши Ш. III, 395, 397, вупивае ib. 410, вупусьцили Ш. II, 54, рядомъ съ—выпусьціў ib., вурѣзывае Ш. III, 415, вускочили Ш. II, 469, вуходзиць Ш. III, 410, 411, вуцяну Ш. II, 54, вуѣздъ Ш. III, 417, добре здорову (=здоровы) ib. 393, перейдзи сѣни бацькову ib. 399, бацькову кони ib. 420, свёкрову к. ib., рушнички готову ib. 402, перезву (=перезвы) ib. 412, войтову сынъ ib. 416, сивуй собулечки ib. 413, кучаравуй повозничку ib. 420, часовуе стояли Ш. II, 52, му Ш. III, 395, 403, 407, 416, мусьлями Ш. II, 641, муютца Ш. III, 425,

[1]) П. В. Шейнъ: Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-Западнаго края, томы I, ч. 1, II и III; М. В. Довнаръ-Запольскій: Замѣтки по бѣлорусской этнографіи. Живая Старина, 1894 г. № 1, стр. 110—114. Записи относятся къ Якимовичской волости (с. Рудня), Дудичской, Дернавичской (с. Мухоѣды) и Дзяковичской (с. Дзяковичи).

изъ сол*о*́м*у* Ш. II, 53. Во время этнографической поѣздки истекшимъ лѣтомъ мнѣ пришлось встрѣтиться съ однимъ плотовщикомъ (плытникомъ) изъ м. Петрикова Мозырскаго уѣзда. Несмотря на то, что это былъ человѣкъ бывалый, послѣ губныхъ онъ рѣшительно произносилъ только *у* вм. *ы*: в*у*пиу, гарадав*у*я (= городовые), пошли м*у* у городзи Кременчугу, в*у*дуць и одберуць, пл*у*ты (=плыты—плоты), мой пл*у*тъ, аб*у* живого пусьцили. Изрѣдка подобное явленіе замѣчается и въ другихъ мѣстахъ (ср. А. И. Соболевскаго: Опытъ русской діалектологіи, 94—96, и наше: „Къ исторіи зв. и ф. бѣл. рѣчи, 221). Иного происхожденія нерѣдки въ разныхъ мѣстахъ Бѣлоруссіи б*у*у, б*у*ло и под. Ш. II, 52 и др. Какъ можно видѣть изъ приведенныхъ примѣровъ, разсматриваемое явленіе въ говорахъ Рѣчицкаго уѣзда и прилегающей мѣстности Мозырскаго наблюдается только послѣ губныхъ *б*, *п*, *в*, *м*; послѣ другихъ согласныхъ здѣсь вездѣ *ы*: сына, Ш. II, 53, тогды ib. 53, 469, чатыроста ib. 53, государыни ib 54, закрывай ib. 641, зыкъ Д.-З., 111, палтыну ib., 110, воды Ш. III, 399; сто злотыхъ ib., 395 и т. д. Это наблюденіе исправляетъ и неточность у Янчука. Но какая причина этого перехода? Янчукъ не прочь видѣть здѣсь дославянскую старину; но врядъ ли это такъ. Формы, въ родѣ сив*у*й, пл*у*тъ, м*у*ютца, представляютъ *у* на мѣстѣ *ы* не основного славянскаго, а ставшаго таковымъ уже на почвѣ отдѣльныхъ русскихъ нарѣчій (бѣлорусскаго и малорусскаго). Я думаю, что единственной причиной такого страннаго перехода является слишкомъ лабіальное (какъ при *о—у*) произношеніе губныхъ въ названныхъ говорахъ.

---

3. Звукъ *к* на мѣстѣ *х* у бѣлоруссовъ Ковенской губ.

Литовцы не знаютъ *х*; даже въ словахъ, заимствованныхъ у славянъ съ этимъ звукомъ, употребляютъ к: хъітръ—kytras. Подобное нерасположеніе къ звуку *х* замѣчается и въ бѣлорусскомъ говорѣ м. Видзъ Новоалександровскаго уѣзда Ковенской губ. По всей вѣроятности лица, не знающія

здѣсь *х*, обѣлорусившіеся литовцы. Вотъ пѣсня, записанная истекшей весною въ этой мѣстности В. А. Каминскимъ:

Эй старшы сватъ!
Кешомъ [1])—пирокъ точицця,
И намъ яго кочецця.
Кали не даси,
То й самъ не зьзяси.
Якъ ты будзешь ѣкаць,
Твой пирокъ адберець
И кешени адарвець.
Эй старшы сватъ!
Твой пирокъ смачненькій,
Только кусокъ маленькій.

---

4. Окончаніе *-тъ* въ 3 лицѣ ед. и мн. ч. вмѣсто *-ть* — *-ць*.

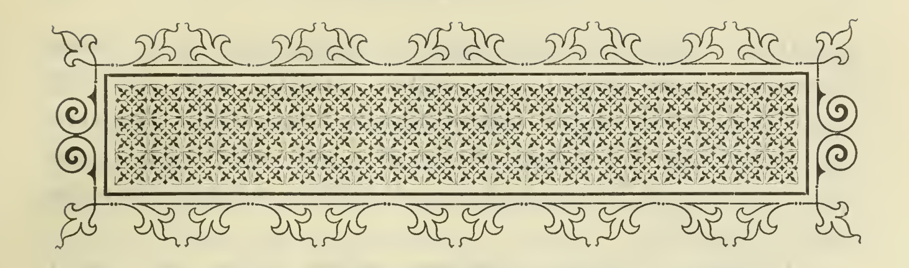
Бѣлорусскіе говоры, какъ и южновеликорусскіе, въ 3-мъ лицѣ един. и множ. чиселъ имѣютъ древнерусское *-ть*. Вслѣдствіе этого больше, чѣмъ неожиданностью для меня было найти *-тъ* въ народномъ бѣлорусскомъ говорѣ м. Шерешова Пружан. у. Гродн. г. Встрѣтивъ написанія: ходзитъ, спитъ, душытъ, говорытъ, лежитъ, отдастъ, ѣстъ, естъ, читаютъ, гуляютъ, несутъ, ходзятъ и т. д. въ отвѣтѣ г. Салтруковича на „Бѣлорусскую программу“, я полагалъ, что это обычный недосмотръ наблюдателя; однако, побывавъ въ Шерешовѣ, я лично убѣдился въ правильности записи: формы на *-ць* почти не встрѣчаются. Не знаю, какъ смотрѣть на подобныя же формы въ записяхъ, доставленныхъ мнѣ изъ м. Опсы Новоалекс. у. Ковен. г., гдѣ читаемъ: разгараитъ, расчвитаитъ, ѣдзетъ, везетъ и т. п. Не вліяніе ли здѣсь сѣверновеликорусскихъ говоровъ? Въ Шерешовѣ, вѣроятно, вліяніе сѣв.-малорусск. говоровъ, изрѣдка знающихъ и *т* твердое въ 3-мъ лицѣ ед. и мн. ч.

Е. Карскій.

Варшава. Октябрь, 1903.

---

[1]) Коровай. Замѣчаніе Каминскаго.

Новыя данныя для характеристики Гуцульскихъ говоровъ.

(*Материяли до украинсько-руськоi етнольогii, том V: „Гуцульщина“ написав В. Шухевич. Львiв 1902*).

Гуцулы живутъ въ прекрасной по своей природѣ мѣстности, въ Карпатскихъ горахъ. Живя въ горахъ своеобразной замкнутой жизнью, эти русскіе Черногорцы сохранили въ своемъ быту много любопытныхъ остатковъ старины. Любопытны и своеобразны ихъ живущіе полною жизнью еще и теперь обычаи, повѣрія и обряды, но любопытнѣе и своеобразнѣе всего ихъ звучныя пѣсни, которыя по всей справедливости составляютъ ихъ гордость и преимущество передъ миролюбивыми Лемками и пылкими, воинственными Бойками, съ которыми Гуцулы частенько не ладятъ. Особенной извѣстностью пользуются Гуцульскія пѣсни подъ названіемъ „коломиекъ“, весьма живыя, стройныя и звучныя, съ безконечной варіацiей содержанія. Поэтическое творчество Гуцуловъ, именно ихъ необыкновенную пѣвучесть, довольно мѣтко охарактеризовалъ галицкій поэтъ Федьковичъ, самъ родомъ Гуцулъ: „Гуцул, говоритъ онъ, з роду легкомислий, тому єму і про бувальщину байдуже, і ціла єго гадка тягнет за *будущим*. С тойі причини немає у него ни історічнейі думи, ни

традиційи, окрім хіба про одного Довбуша, да і у ті *більше фантазійи,* ніже правді, або лучче сказати, міти. За тото знов Гуцул *незрівняний імпровізатор,* і що нині станеться, тоє завтра уже і в пісні, і то не абы які, але гарні і поетичні“ (Житецкій „Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія“ стр. 322).

Пѣснямъ Гуцуловъ отведено видное мѣсто въ извѣстномъ сборникѣ Я. Ѳ. Головацкаго „Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси“, нашей же задачей является характеристика Гуцульскихъ говоровъ на основаніи новыхъ данныхъ, собранныхъ въ изданіи Львовскаго Общества имени Шевченка „Материяли до украінсько-руськоі етнольогіі“ Львів 1902, том V: „Гуцульщина“ написав В. Шухевич. Въ этомъ прекрасно изданномъ сборникѣ помѣщенъ цѣлый рядъ интересныхъ коломіекъ, числомъ 274, затѣмъ идутъ пѣсни подъ названіемъ „сьпіванокъ“, далѣе слѣдуютъ „жовнярські сьпіванки“, гдѣ въ поэтической формѣ изображаются: тоска и скорбь матери и невѣсты по взятомъ въ солдаты или ушедшемъ на войну, война и горькая доля солдата на войнѣ; въ концѣ идутъ пѣсни всевозможнаго содержанія подъ общимъ заглавіемъ: „поетичні оповіданя“. Пѣсни записаны главнымъ образомъ въ селеніяхъ: Криворівня, Жабє, Соколівка, Ростоки, затѣмъ въ сел.: Яворів, Ясенів город, Річка, Космач, Брустури, Голови и др. Всѣхъ вообще пѣсенъ въ сборникѣ около 400.

ФОНЕТИКА.

Въ области *гласныхъ* звуковъ можно отмѣтить слѣдующія явленія:

Гласный **а** послѣ **j** и *мягкихъ согласныхъ,* въ особенности же послѣ *шипящихъ,* которые въ говорахъ Гуцуловъ почти всегда мягки, даетъ широкое мягкое **и,** рѣдко узкое **і:** такое **и** сохраняетъ іотацію во всѣхъ положеніяхъ **(йи, ьи):**

йивір (явор), йиворовий, з йиворика, йик, йикий в мене любчік; йика була, така буде; йикас туга; украв два баранці, а трету йигницу, йигідки червоні; сірі воли в йирем запрьигати; йизик, йик йигница, йисна зброя, межи йиблінками, йирмарок, йиблушечка гіркіі, за пойисом; взьили, взьити, на свитого Йвана, на світу водицу; Богдай тебе вйилило, сушило; тьишка зимка, ий курочко-рібушечко, полігали спати, без всьикого віна, місіць, серце вйине, посійний овес, лихого зьитє маю; льижу, йик си опораю; не дьикую, тьишко, за девйитим двором, шовки прьила, тисьича, горівка заклььита, ни в порьидку, будем памйитати, бойила си, пйить (пять), заправйиют, горівка для пйиниц, тьигнути; рубай, стрильий, чельидь, раненько в пйитницу, попи й дьики, стрільити (стрѣлять), изньив він кресаночку, десьит десьитників, коні розпрьигати, топірці из самоі бльихи, вечеріти, не стрільиют, притульиют, тьигли за волосі, лише разок глььину, заблеіла вівця, кольидували, з усьикими квіті, здоровйичко, весільичко.

Рѣдко встрѣчается здѣсь **я:** як, в ямці, в пятницю, пять, зівяла, горівочка пяна, до ясноі зарі.

Явленіе это развито чрезвычайно широко и послѣдовательно выдерживается; помимо приведенныхъ примѣровъ можно отмѣтить нѣсколько случаевъ, гдѣ постоянно встрѣчается это явленіе. Такъ, въ суф. **ят** (основы на **т** и уменьшит. сущ.) является это **и:** тельита, оченьита, коровка з тельити, з утиньити, ластівйита, чоботьита, сокольитко, чорні очиньита, постольита, пирожьита, гадиньита, дівчьита; рѣдко: телята.

Затѣмъ это **и,** иногда **і,** является очень часто: въ *именит. пад. ед. ч. основъ на* **а,** мягкихъ (ja): висока топольи, кувала зазулицьи, добра би му дольи, земльи розступила, чужа чужениці; ни брат, ни сестриці; на ній сукньи зеленьива, буде газдині (сербо хорват.—газда), в саду кирниці, Божа вольи, стояла у саді травиці, принадила молодиці румйиного лиці. Рѣже: травиця, кирниця, сукня, палиця.

Въ *родит. пад. ед. ч.* мягкихъ основъ на **о:** спід білого каміньи (по осн. на jo), до схід сонцьи, до морьи, з місцьи,

пішов до тестьи свого, з коньи падав, доброго сумліньи, не боіт си потопліньи, по верха волосьи, она ме видіти мого чорнобривцьи, звожу із польи снопочки, най піде до богачьи (въ силу мягкости шипящихъ), я не питаю товарищьи твого.

Иногда—въ *винит. п. ед. ч.* тѣхъ же основъ: Йванка несут, коньи ведут, кінь голову клони.

Затѣмъ въ *творит. п. множ. ч.* послѣ мягкаго **ц** и *шипящихъ*: з йисними свічьими, з білими вівцьими, з трома камінцьими.

Особенно же часто наблюдается это явленіе послѣ *шипящихъ*: зачьило, зачьив, йикий кучьирьивий, держьили, жьити (жати, а гл. жить=жити), лежьити, скидают шьипочки, вівчьир (овчар), жьил ми молодички, прощьийте, шьипочка, пани моя не вінчьина, вирьижьила сина на війночку, чьисочок, жьилібно кувала, замішьити; рядомъ встрѣчаются: чьирі и чарі, дрижьити и дрижати; иногда встрѣчается: шапка.

Затѣмъ это же явленіе (ja=ьи) наблюдается въ словѣ: сажень, гдѣ с—мягкое: сьижінь, три сьижні.

Иногда начальное **а** принимаетъ іотацію: три янгели. Появленіе **и** вм. **а** послѣ **j** и *шипящихъ* имѣетъ мѣсто и въ южно-великорусскомъ нарѣчіи: иснѣть, чисы, шиги, ировой, питачек и т. д.

Звукъ Е.

Е чаще всего—*твердое, широкое*: весело, весна, зелененький, село, мене, молоденький и т, д.

Е *мягкое, узкое* (є) въ общемъ встрѣчается довольно рѣдко: оно наблюдается иногда въ *3-мъ л. ед. ч.*: дає, обіймає, цюлює, є у мене сусідонька, завіває; чаще здѣсь **е**: пасе, буде, тече; затѣмъ во *2-мъ л. ед. ч.* : учуєш, віддаєш, годуєш, літаєш; во *множ. ч.*: що дієм, сьпіваєте; въ *именахъ уменьшительныхъ*: Марієчко, нагаєчка, Гапієчка; затѣмъ послѣ *мягкихъ согласныхъ:* зернє, подвірє, камінє, сумлінє и, наконецъ въ слѣдующихъ формахъ: моє, твоє, заєц, гаєц, двоє, Єсус Христос, Єлена и Олена.

Є *мягкое* вмѣсто **я** встрѣчается очень рѣдко: чорне телє, лихого зьитє маю.

Е вмѣсто **я**—также рѣдко: за рідну неньку, стара ненька.

Въ другихъ мѣстностяхъ Гуцульскихъ говоровъ явленіе это развито такъ же широко, какъ развито здѣсь разсмотрѣнное уже нами появленіе **и** вм. **я.**

Праславянскому **ѣ** соотвѣтствуетъ исключительно *узкое* **і** со смягченіемъ предшествующаго согласнаго: не ріжте, горіла, я си разболіла. на сьвіті, бідна, дівчинонька, не хотіли, світа неділя, цілу нічку, сіно, сонечко сіло, вітер, віночок, сьпіваєте, в хліві, ліпше, хліб, сірі волі, лісі побіліли, лізти, сіяти, сусід, місто, невістка, діло, біле тіло, піна, сліпий. місіць, гріх, віра, біда, стрільити.

Вмѣсто **е** (широкаго и узкаго) чаще всего *послѣ шипящихъ* является *узкое* **і**, рѣже *широкое* **и:** за шию обіймає, у запічку, на Маковія, зілє, гаік зелененький, ремінь, перстінь, ище, жінка, сім раз, головонько камйиная, вечір, чиму дівку не віддаєш, літаєш, високо не литай, дрімаю, Іленочка, буде людім дивно, вісім, постіль, я йиго розволочу, дам самого коріньи, корінь, трівога, сьижінь, на бочічку вина, піску зачерпнула, пісочок, камінь.

Это явленіе наблюдается и въ *именит. пад. ед. ч, мягкихъ основъ на* **о,** *средн. рода*: з качурика пірьи, колюче терньи, твое питьи, весільи, зерньи, хотя здѣсь чаще встрѣчается **є:** зернє и т. д.; въ *родит. п. мн. ч.* въ окончаніи *ей*: гроший не ставати, дітий; въ *мѣстн. и дат. п. ед. ч.* въ склоненіи мѣстоименій и прилагательныхъ: на моій полонинці; въ словѣ: „слезы:“ слези, сьлози, слізи.

Звукъ О.

Вмѣсто **о,** чаще всего въ закрытыхъ слогахъ, является *узкое*, *чистое* **і,** рѣдко **и,** явленіе вообще широко распространенное въ южно-малорусскомъ нарѣчіи: основной причиной его является исчезновеніе глухихъ гласныхъ въ исходѣ словъ, повлекшее за собой удлиненіе чистыхъ гласныхъ въ рединѣ словъ, а затѣмъ явленіе это широко распространилось въ области звука **о** вообще. Передъ такимъ **і**

изъ **о** весьма часто развивается неорганическое **в:** Ніч, рік, грім, кінь, піп, віл, йивір (йив*о*ра), мід (м*е*ду), кіт, поклін, живіт, горіх, Біг (но Б*о*гдай), топір, потік, дзвін, рід, гість (въ г*о*сти); не діжде року, відповісти, він, дві доріжці, си не віддати (не отдаваться), запію в листочок, пізнавати, вівці, гіркий, мій, від ніг до голови, від гаю до гаю, доріжечка (но дор*о*га), відібрала и від*о*брала, післати, кізка (но коз*о*нька), віконце, вівчьирики вівці розгубили, вірли тай соколи, дрива, дривца, рідная мати, темна нічка, батьків син, підкови и підківки; пийте потрішки, шоби жиди не носили шовкові панчішки; домів заберит си, закінчила, супокійно, жовніри кінні, вівсьинов половов; війско, войско и восько; гірко невільнику, розбійники. Во флексіяхъ: *род. пад. мн. ч.:* волів, до гусарів, сім молодців; *мѣстн. п. ед. ч.* им. прилагательныхъ *м. р.:* на дубовім мості, по тихім Дунаю, в дорогім убраню, на своїм білім тілі; *мѣстн. и дат. п. ед. ч. ж. р.:* гордій молодиці, в чорній сорочці, на білій платині, малій дитині.

Звукъ У.

У является иногда *вмѣсто* **в** въ началѣ словъ (явленіе обще-малорусское, извѣстное хорошо и сербской штокавщинѣ): узьили, учора, усі любки, но и: взьили; въ предлогѣ „въ“: у садочокъ, но и: в листочок, в личко,

Затѣмъ *вмѣсто* начальнаго **у** является иногда **в,** именно когда это **у** безударное: вже не вмію, в мене такий кучирочок, вмирає, впаду, вдарив, вробила и уробила.

Передъ начальнымъ **у** развивается *неорганическій звукъ* **в:** коники вуздами накриті, на вулицу; иногда это **в** является и передъ **о:** бодай твоє задвірьичко вогником горіло, вочі чорні; выше мы видѣли, какъ часто такое **в** является при начальномъ **і** изъ **о.**

У является вм. **в** въ глагольныхъ формахъ съ основой неопредѣленнаго наклоненія на *ова*, *ева*, *ива*: радував си, дивував си, панували, верувала, пласувати, воювали, ночували.

Звукъ и.

Настоящаго широкаго **ы** Гуцулы не знаютъ, есть *узкое* **і** и *болѣе широкое* **и,** (но не *ы*): син, рибка.

Узкое **і**, какъ мы уже знаемъ, является всегда вм. **ѣ**, весьма часто вмѣсто **о** и **е** и иногда вм. **а** послѣ **j** и *мягкихъ согласныхъ*. Болѣе *широкое* **и** является, какъ мы тоже уже видѣли, весьма часто вм. **а** послѣ **j** и *мягк. согласн.* и иногда вм. **е**.

Вообще звукъ **и** очень распространенъ въ южно-малорускомъ нарѣчіи; особенно же любятъ его разсматриваемые нами Гуцульскіе говоры, гдѣ онъ является вм. **ѣ, о, е, а.**

Вслѣдствіе такого пристрастія къ звуку **и** являются такія слова, какъ: куч*ь*ир*ь*ивий, в*і*вч*ь*ирики, в*і*р*ь*иж*ь*ити и множество другихъ, разсмотрѣнныхъ нами выше.

Сравнительно рѣдко начальное **и** можетъ сокращаться въ **й:** Йванкова, Йвана, мого любка ймила, не йди до хати, ймили.

Въ области *согласныхъ звуковъ* можно отмѣтить слѣдующія явленія:

Мягкіе согласные не удваиваются, при чемъ **j** сливается съ согласнымъ, а не слышится передъ гласнымъ: зілє (не зілje), за тим зілєм; зернє, каминє, розлучінє; підгірє (подгорье), подвірє (подворье), в Підгірю, на гуляню, в дорогім убраню, із того жениханя; листє, мому житю, рускі братя; розівю волоку, два качури вют си, два ледіні бют си, Турки пют водицу; та ти не пєш, тай я не пю; найде си пяниченька; горівочка пяна, сметану віпю, дай здоровя, гроши пропє, жінку набє, твоя жінка пє медок.

Вмѣсто звука **л** является часто звукъ **в** въ исходѣ словъ и слоговъ: півроку, прийшов, купив, казав, любив, довгий, повний, в шовкову хустинку, понедівнок, сопівка, не боют си вовка, жовтий, подай води жовнирови, човен, відовбує очі, горівочки.

Л произносится *мягко* передъ *узкими гласными*, особенно узкимъ **і:** ліпше, в лісі; кромѣ того, мягкое **л** встрѣчается въ слѣдующихъ словахъ: цюлює, цюлювати, но и: цулує; стрільці и стрілці; мальований; сльози, слези.

Л исчезаетъ въ словѣ: сонечко.

Р обладаетъ способностью иногда *отвердѣвать*: гіркий, тепер, гірко, четвер (четверг).

Мягкое **р:** паперю не маю, на йивірю.

Вмѣсто формы „серебро“ является ф. *срібло*, вм. прилагательнаго „серебряный“—*срібний*: срібний перстінь, срібні сороківці, срібне сідельце.

Вм. слова „криница“ являются: к*и*рниці, к*е*рниченька.

Звуки Д и Т.

Сочетаніе **дж** встрѣчается, но рѣдко: вірьиджьию (вередую), мости споріджені, будеш догаджьити йик малій дитині, впроваджьити.

Сочетаніе **дз:** дзвінком подзвонила, дзвінці, кукурудзки сію, задзвонили.

Д является *вставочнымъ* звукомъ между **з** и **р** въ глаголѣ „зрѣти:“ го не уздрю, віночок уздріли, йик мого бідашечку вздріла; но и: йик взрів пиво; въ словѣ „генералъ“: еднорал (иногда просто—норал).

Д и *Т чередуются*: *д*анцує *д*анец, *т*анец.

Иногда вмѣсто **д** является гортанное **г:** ігіт в Чорногору, чотири негілі, легіники, хлопці мології, понегівнок, було ж тобі у лісі сигіти; весьма часто въ этихъ самыхъ словахъ сохраняется **д; г** является только изрѣдка. Аналогичное явленіе встрѣчается и въ Покутскомъ говорѣ Галицкаго нарѣчія.

Звуки Г, К, Х.

Гортанные во *флексіяхъ* всегда *смягчаются:* на тім боці, при потоці, на лузі, на порозі, въ молоці; на толоці, на головочці, на дорозі, в ріці, на березі, на тій книжці, шо ти мамці іказала, щуці-рибці, дай музиці рукавиці, на калинці.

Иногда **к** является вм. **т:** кьижко, кьижкого роду, служба кьишкая, но и: тьишко! на свікі (обыкновенно: на світі). Подобное явленіе знаетъ кайкавское нарѣчіе сербско-хорватскаго языка: kmica (tmica), svekli (svetli) и т. д. Вмѣсто **хв** и иногда вм. **х** является **ф:** шовкову фустинку,ківє фостом, форост, фалив си, ізфатили.

Губные звуки смягчаются чаще всего *непосредственно*, не принимая **л** эпентетическаго: купю хустку, зробю, я си дивю, подівю си, я тьи любю, сі загубю; голова мя болит,

дивючи си на ті горі; траву кошу, сіно робю; я в кулаки трубю, заправьиє, забавйиє, си розмовйила. Примѣры съ **л** *эпент.*: земльи розступила (въ этомъ словѣ *л* всегда), розмовльий до нього, розмовляти, не роблена, караблі, подивлю си, не боіт си потоплільи.

Сочетаніе **мн** рѣдко: давай муку мньити, шоби помньитали.

Вмѣсто сл. „пчела" являются формы: „бжоли, бжівка".

Звуки Ж, Ч, Ш.

Шипящіе преимущественно *мягки*; мы уже видѣли, какъ они вліяютъ на появленіе звука **и** вм. **а:** зачьило, дівчьита, шьипочка, жьити и т. д. (см. *а*); отмѣтимъ еще слѣдующія слова: хочю и хочу, де ночюєш.

Но есть и случаи *отвердѣнія* шипящихъ: ніч, не плач, чому ж, листочок, садочок, въ чорній сорочці, из нашого краю, учора, на службу Божу, Божа весна, бистрих річок.

Двойное **ж:** за*жж*ім свічку, за*жж*и свічку; з'іжжьиє сі вес рід (съѣзжается); виіжджає компанія.

Слово „дождь" произносится какъ: *дощ*, но дрібні *дожджі*.

Звуки З, Ц, С.

Ц обыкновенно *мягкое,* но въ концѣ словъ оно *твердое*: цюлює, хлопці, водиці, зазулицьи, у крісельцях, дверцями, старці, палці, двайцят, кровця, но и: на вулицу, цулував.

Въ концѣ словъ: данец, чорнобривец, старец, хлопец, отец, конец, коло пивниц, для пйиниц, но: місі*ць*.

Ц вм. **ч** въ союзѣ „чи" :ци би ми тут не побули; ци твоє, ци моє; ци спиш, ци чуєш?

Мягкое **с**—передъ губными: на сьвіті, засьвітило, сьпіваєте, сьмійте си.

Предлоги *съ*, *изъ*, *изъ-за*: *з* овечками, *зза* города, *із* кирнички, *зі* мною, *из* нашого краю, *изи* Львова.

МОРФОЛОГІЯ.

Склоненіе.

Отъ формъ *двойственнаго числа* уцѣлѣли жалкіе остатки въ родѣ: з чорними *очима*, за плеч*има*, обома очи*ма*, *очі*, не рушай плеч*им*а, да и то вм. формы „очі" употребляется форма „очка", образованная отъ ед. ч. „очко": очка чорні.

Послѣ числительнаго *два* употребляются всегда формы *множественнаго* числа: два качури, два леви (монета), дві доріжці, заплакали два ледіні, ночували два молодці, в два дзвони.

Формы *звательнаго падежа* живутъ полной жизнью, у основъ на **о** онѣ оканчиваются то на **е,** то на **у:** прийди ледінику, гіркий мій сьвіточку; ой богачу, богачу; гой ковалю, ковалику; мій солодкий мужу; ой ковале, ковалику; брате-товаришу, ой соколе-соколеньку; ой брате мій, побратиме; добра ніч, файна любко; дівчинонько, жінко, сестро; иди, вірний слуго; розступи сі, сира земле.

Въ области *основъ на* **о** можно отмѣтить слѣдующія особенности:

Родительный пад. ед. ч. чаще оканчивается на **у** (ст.-сл. основы на **у**): ані року, ні півроку; солодкого соку, від гаю до гаю, до гробу, из двору, від усего миру, но и:—з йиворика, зеленого листа.

Дательный пад. оканчивается чаще всего (изъ основъ на **у**): на **ови, еви:** Василькови купю хустку, дай коневи сіна, подай води жовнирови, одному вівчьиреви;

Изрѣдка дательный пад. смѣшивается съ *мѣстнымъ*: при потокові.

Мѣстный пад. оканчивается и на **і** (изъ **ѣ**), и на **у:** на столі, на тім боці, при потоці, в хліві, у лісі, на тім часі, по чоловіці; у городечку, на листочку, в гаю, в саду;

Въ *творит. пад. множ. ч.* довольно часто встрѣчаются *древнія формы* на **и:** коровки з тельити, з тими утиньити, з усьикими квіти, сто коров из теляти, сто овец из йигняти, оре голубими воли, іде за зерняти;

Въ *области основъ на* **а** заслуживаютъ вниманія творительные падежи ед. и множ. ч.:

Въ *творит. п. ед. ч.* широко распространено окончаніе **ов** (изъ ою): буду і поганьити тісарсков дорогов, погуляю з свойов невісточков, за хорошов дівков, з молодицев, за дівчинов, за любков, була би богачков, місочки попід лавов зацвіли муравов, перед хатов, з гуцулков любю си, з горівков, під межев, кум із кумов, брат із сестров йик з вінчанов ходьи, ішов він доріжечков, над ріков, із бабков говорила, татко з мамков, шовковов фустиночков, своіов білов ножков.

Окончаніе **ою** значительно рѣже: ногою, за мукою, якоюс бідою (здѣсь *я* въ словѣ „якоюс“, быть можетъ, это выраженіе и не чисто гуцульское), вербою колише, білою рукою, над рікою, за літн*ов* вод*ою*; основы на **і:** кровйов земля сповенила. Окончаніе **ов** въ старое время было распространено въ сербо-хорватскомъ языкѣ, да и теперь еще встрѣчается кое-гдѣ на сербо-хорватской территоріи; постепенность развитія этого окончанія вполнѣ основательно предполагается слѣдующая: *ою*, *оу*, *ов*.

Творительный п. множ. ч. интересенъ тѣмъ, что часто онъ образуется по аналогіи основъ на **о,** именно принимаетъ окончаніе **и,** и такія формы принимаются при согласованіяхъ за формы именительнаго падежа: прийшли вівчьирики з вівци біленькіі, заплакали сльози дрібненькіі; обычныя формы: дрібними сльозами!

Аналогія эта въ высшей степени любопытна, она указываетъ на живучесть этихъ формъ на **и.**

Мѣстоименія.

Мѣстоименіе *кто* звучитъ, какъ *хто*, *нихто*; мѣстоим. *что*—какъ *шо*, *що* и *чо*: чо головку клониш, чо такъ смутно стоиш? ничто=*нічо*.

Возвратное мѣстоменіе звучитъ какъ *си*, рѣже *сі*, при чемъ оно занимаетъ самое разнообразное мѣсто въ предложеніи: не бийте *си*, я *си* розболіла, тебе *си* не бою, я вже *си* не верну, зачьив *си* питати, тоби я *си* не дивила.

Въ *творит. пад. ед. ч. ж. р.* мѣстоименій личныхъ, притяжательныхъ, возвратнаго и мѣстоименія „вона“ (она—ж. р.) являются формы на **ов:** за мнов, з тобов, з собов, свою білу ручку із твоєв ізвяжу, з нев.

Въ *дат. пад. ед. ч.* мѣстоименій личныхъ и возвратнаго наблюдается нѣкоторое разнообразіе формъ: *ми, ти; мьи, тьи; мні, тобі, собі; міні, мені.*

Въ *винит.*: *мене*, йидну єс *мя* мала, тогди бес *мнє* убирала файно, *мні* в куми взьила, де *мні* мамка породила?

Въ области *указательныхъ* мѣстоименій интересно отмѣтить слѣдующія формы: *Тоти* гайдамахи, *тоту* розтоку; шо хочу, *тото* зробю, на що дала *тото* сіно взьити.

Сю дівчину, затѣмъ обычное: *цей*: у цей корови.

Интересныя формы: *ціса* мережит сорочку, а он *ціса* прибігає д'мини. Хто тебе на *сісе* нарадив?

Мѣстоименіе *він, вона, воно* въ женскомъ родѣ и затѣмъ во множ. числѣ имѣетъ иногда болѣе краткія формы: *вна, вни;* иногда встрѣчается форма: *йона.*

Въ *родит., дат. и мѣстн. п. ед. ч. ж. р.* мѣстоименій неличныхъ чаще всего является окончаніе **ій** въ силу появленія **і** вм. **о,** но иногда сохраняются и окончанія: **оі, єі,** в моєі бідашини, до котроі дівчиноньки; обычно же: на моій полонинці и т. д.

Имена прилагательныя.

Въ *родит., дат. и мѣстн. пад. ед. ч. ж. р.*, какъ и въ склоненіи мѣстоименій неличныхъ, является обыкновенно въ окончаніи—**ій**: в чорній сорочці, гордій молодиці, но иногда встрѣчается и—**оі, єі**: на зад хати побитоі, до староі баби, до ясноі зарі, з чужєі сторони; особнякомъ стоитъ:—в сирі земли.

Въ *именит. пад. ед. ч.* является: **ий, а, е:** старий, сліпий, широкий; висока, добра, чужа; чорне, зелене, золоте зернє, личко біле.

Въ *именит. пад. множ. ч.* являются или полныя формы на **іі,** или стяженныя на **і:** чужіі люде, ручки біленькіі, очка чорненькіі, рижіі конечкі, йиблушечка гіркіі; вороні коні, золоті сіти, нові ворота, сині озера.

Въ *родит. пад. ед. ч. муж. и ср. рода* окончаніе—**ого:** старого, сліпого, солодкого.

Изрѣдка попадаются остатки *именного склоненія прилагательныхъ*: сім молодців прибирала, за *нелюба* дала; а в *нелюба* гірка губа; *біл*-біленький.

Спряженіе.

Въ *3-мъ л. ед. ч.* наблюдается большое разнообразіе: **т** то *сохраняется*, что случается чаще всего, то *исчезаетъ*, причемъ оно преимущественно *твердое*; **е** въ случаѣ отпаденія **т** или передъ нимъ то *узкое*, мягкое, то *широкое*: сиди*т*, болит, молит, боронит, родит, біжит, йиграєт, перебираєт, пієт (поетъ), вмієт; боли*ть* головонька; цюлює, обіймає, данцує, дає, віє, завіває; буд*е*, тече, пасе, оре; носьи', родьи'.

1-е л. множ. ч. оканчивается на **м** или на **мо:** поспитає*м*, озмім, берім собі, не ходім, не робім; поіде*мо*, господаруймо, ми си полюбим.

Въ *3-мъ л. множ. ч.* **т**—*твердое*: зимую*т*, чуют, зложат, кажут; иногда **т** *отпадаетъ:* судільнички, шо іду з волами.

Иногда являются здѣсь интересныя формы на **ьи,** образовавшіяся въ силу проникновенія и сюда звука **и** вм. **я,** при чемъ **т** отпадаетъ: мене *судьи* судільнички; ничо не *робьи*, лиш Господа *просьи*; хліба доста мают тай файно сі *носьи*; хлопці сі *сходьи*; *приходьи* парубки.

Въ *повелительномъ наклоненіи* чаще всего во *2-мъ л. множ. числа* являются краткія формы съ исчезновеніемъ конечнаго **е:** *робит* ледіники, мосток; не дивіт си, молодці; не боіт си бистрих річок, озміт собі по дівчині; не плачте.

П*ричастіе* настоящаго времени дѣйств. залога встрѣчается въ дѣепричастной формѣ на **чи:** задзвонили ключі, понад море йдучі; заплакали два леді́ні, до цісаря йдучі; льигаючи; ішов співаючи; постільку стелючи.

Будущее время выражается чаще всего глаголомъ *маю* съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ, рѣже—*буду*: нагаєчка не *ме* вікувати, а рубочок від сли́зочок не ме вісихати; вона ме відити, шо ви мете давати; я маю весільи зробити; *буду*

вірьижьити, йик мут кури піти, ой шо мемо ми робити, мемо в карти грати, хто буде припадати.

П*рошедшія сложныя* встрѣчаются *часто*, при чемъ вспомогательный глаголъ въ своихъ сокращенныхъ формахъ можетъ занимать самое разнообразное мѣсто въ предложеніи: ци*с* не видів, ци*с* не бачив? сама*м* ночувала; любили *сте* ремінь повний; йидну *єс* мя мала; добре ізробила, шо*с* мні в куми взьила; не дала*с* мні за злісного, шобим панувала; ой котрого ж мала*м* любка; знав єс мою пору, любив *єм* тьи душко; добре*с* зробив; лиш *єс* слідки твоі лишив, жури*с* мині завдав; аж *єм* си страхала; гроши *єсме* (*е* вѣроятно—вокализація въ родѣ сербской) дала; шо *єс* убив, синку? іисти-є*м* ти дала; з'іисти-*м* тобі дала.

Условное (сослагательное) наклоненіе сохранило древнюю форму аориста *бих*, рядомъ съ которой есть и обычное *би; бим-рѣдко:* купив *бих* горівочки; ко*бих* була веселенька, пила *би* я водиці; пішла *бих* за него, так *бих* я здорова, ах ко*бих* си віддала; писав *би* я, не був *би* я на царини; забув *бих*.

Оригинальны тѣ случаи, гдѣ *бих* является и въ *3-мъ л. множ. ч.*: ко*бих* могли люде не грішити; ліпше було шо*бих* си не знали.

Остатки *давнопрошедшихъ* временъ: йик *би* я си та у него не *була просила*, уже би я молоденька на свікі не жила; Богдай тебе, любко, *була* біда *знала*.

Изъ отдѣльныхъ *оборотовъ* и *реченій* отмѣтимъ въ заключеніе слѣдующіе:

Глаголъ *волію* употребляется въ смыслѣ нашего нарѣчія „лучше", „лучше бы": *волію* я тій бідній дороги топтати, ніж я маю у богача лавиці шкребати. Нема синку відки дати, *волиш* ти там пропадати. *Воліла* бим вас всіх не бачіти, нижес те мали газду лишити. Подобная конструкція наблюдается и въ кайкавскомъ нарѣчіи сербо-хорват. языка.

Глаголъ *взьити, йити* (взяти, яти) употребляется въ значеніи—„начинать, стать:" *йив* казати, *взьили* подслухати, *взьила* казати, *взьив* питати, *йили* говорити; йик почули, *йили* голосити, *йив* кьишко здихати.

Глаголъ *стьити* = убить.

Глаголъ *лишити* (слідки) = оставлять (слѣды).

Существительное *Цара* означаетъ Россію и вообще заграницу.

Видко = видно.

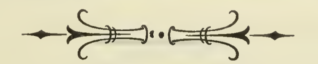
Лунчина = сѣно.

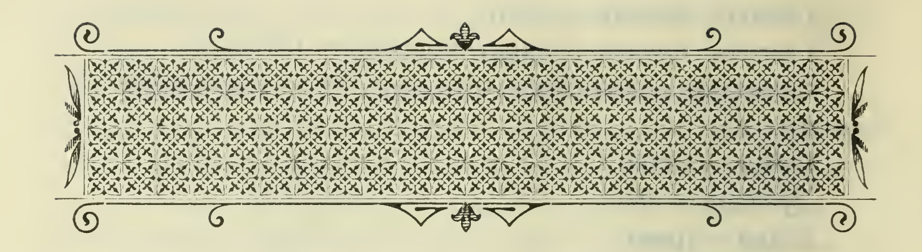
Багна = трава.

П*удний* = страшный.

Калюхатий = грубый.

А. М. Лукьяненко.

Объ этимологическомъ значеніи слова „Стрибогъ" въ связи съ индійскимъ Сарамеемъ и греческимъ Гермесомъ.

До насъ дошли очень скудныя свѣдѣнія о славянскомъ божествѣ Стрибогѣ. Изъ лѣтописи (изд. археолог. комиссіи, Петербургъ. 1871, стр. 52) мы узнаемъ, что при князѣ Владимірѣ въ Кіевѣ существовалъ идолъ Стрибога, и въ пѣсни о полку Игоревѣ читаемъ о Стрибожихъ внукахъ, какъ тамъ названы вѣтры. Изъ послѣдней замѣтки выводимъ, что и Стрибогъ былъ богомъ вѣтровъ славянской миѳологіи.

Насколько мнѣ извѣстно, этимологіей слова Стрибогъ до сихъ поръ никто не занимался, а потому рѣшаюсь пополнить этотъ пробѣлъ.

Слово Стрибогъ раздѣляютъ обыкновенно на двѣ части, а именно, или на Стри-богъ, или же на Стриб-огъ, въ послѣднемъ случаѣ по сравненію съ именемъ другого славянскаго божества Свар-огъ. Я начну съ перваго, а о второмъ скажу въ концѣ.

При первомъ дѣленіи требуетъ объясненія собственно только первая часть—Стри-. И это объясненіе очень просто. Моравскіе чехи называютъ вѣтеръ, приносящій непогоду, strī,

т. е. стри. Отсюда ясно, что Стрибогъ былъ дѣйствительно богомъ вѣтра.

Этимъ собственно исчерпана часть интересующаго насъ вопроса; остается еще изслѣдовать этимологическое значеніе слова стри и провѣрить данныя, имѣющіяся въ миѳологіи другихъ индоевропейскихъ народовъ, съ цѣлью отыскать тамъ божества, соотвѣтствующія славянскому Стрибогу, какъ по значенію такъ и по этимологіи ихъ названій.

Для этой цѣли надлежитъ прежде всего обратить вниманіе на начальную группу согласныхъ въ словѣ Стри-.

Славянская группа СТР можетъ быть двоякаго происхожденія: до-славянскаго (индоевропейскаго) или славянскаго.

Привожу примѣры до-славянскаго СТР.

1. СТРѢТИ, чеш. stříti;
основа *stérə-*: рус- сторо-на, греч. στορέ-ννυμι, инд. stara-ti, аор. a-starī-s; основа *stér-*: рус. про-стер-тъ, греч. στόρ-νυμι, στέρ-νον, двн. stir-na=нѣм. stir-n, лат. ster-no; основа *st(e)r*— СТЬР-ѫ; основа *strei-*: СТРѢ-ТИ, чеш. stří-ti, СТРѢ-ХА, чеш. stře-cha; основа *str(ə)*—; лат. strā-vi рус. стра-нá, нѣм. stra-nd, греч. στρα-τός; основа *str*—: str-tás, str-nati, stir-náh; основа *strou-*: греч. στρῶ-μα, στρώ-ννυμι, лат. struo изъ *struv-o, in-strū-mentum; основа *stroi-*: рус. строи-ть.
2. СТРИГѫ, чеш, stříhám, СТРИШТИ, рус. стричь;
основа *streig-*: СТРИГ-ѫ чеш. stříh-ám; основа *str(e)íg-*: лат. strig-a, stri-n-g-o, двн. strih-han.-нѣм. streich-en, гот. strik-s = нѣм. streich.
3. СТРУГАТИ, чеш. strouhati;
основа *streug-*: СТРУГ-АТИ, чеш. strouh-ati, лит. strũg-as, греч. στρεύ-γομαι, двн. strūh-hen—нѣм. strauch-eln, др. норд. strjuk-a.
4. СТРѢГѫ, чеш. střeh-u, СТРѢШТИ;
основа *strérəg-*: рус. стерег-у; основа *st(e)reig:* СТРѢГ-ѫ чеш. střeh-u; основа *str(e)íg-:* лат stri-n-g-o, нѣм. strick; *str(ə)*—: о-строг-ъ, греч. ἀ- στραβ-ής изъ ἀ-στραγF-.

5. СТРЪВО;

основа *strérэ-:* στέρι-φος, στεῖρα изъ *στερι-α, лат. steri-lis; основа *stér-*: стер-во, лит. ster-va, СТАР-Ъ, гот. stair-o, нѣм. star-k, starr; осн. *st(e)ré-:* чеш. stře-vo, лат. strenuus, греч. στρη-νής; основа. *str(э)* ': СТРЪ ВО.

6. СТРЪNЬ, чеш. strní;

основа *stér(э)*-: греч. στόρ-θη, двн. stor-ren; основ *st(e)r(э)* ' : лит. stìr-pati, СТРЪ-NЬ; основа *str*': чеш. str-ní; основа *(s)tér(э)-:* thaur-nus; *(s)tr*': инд. tr-nam, чеш. tr-ní.

7. СТРЪКЪ;

основа *stér(э)-:* лит. star-kus, двн. stor-ach=нѣм. stor-ch, основа *str(э)* ': СТРЪ-КЪ

8. СТРЪБЛЪ;

основа *st(e)rébh-:* пол. stróbić; основа *st(e)r(э)bh* ' : СТРЪБ-ЛЪ; основа *str(e)íbh* - : στριφ-νός; основа *streubh-:* двн. strub-en, нѣм. sträub-en.

9. СТРИЖЪ, чеш. střiž;

основа *streig-*: СТРИЖ-Ъ, чеш. střiž; основа *str(e)íg*': лат. strix (strig-is), strig-a, греч. στρί-γ-ξ, στρίβ-ος изъ στριγF—.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что всѣ три согласныхъ элемента перешли на славянскую почву изъ индоевропейскаго языка, при чемъ, однакожъ, группа str въ нѣкоторыхъ случаяхъ окончательно сформировалась только на славянской почвѣ; напр. стерегу и СТРѢГѫ, сторона и страна, стерво и СТРЪВО.

Но въ славянскихъ, а также балтійскихъ и германскихъ языкахъ, есть примѣры группы str, два звука которой, а именно s и r, до—славянскаго, или лучше индоевропейскаго происхожденія, третій же, t, развился на славянской, resp. балтійской и германской почвахъ.

Вотъ случаи славянского с-т-р—:

1. СТРУГА, СТРУꙑ, о-стровъ; лит. straumé, strovē, двн. stroum=нѣм. strom, при инд. sravati, sravas, др. ир. sruaim, греч. ῥέω, ῥόος изъ *σρεFω, *σροFος, ἀμφί-ρρυτος, изъ *ἀμφι-σρυτος, лат. sim-bruvium, sim-bruvīnus, изъ — sruvium, — sruvīnus; основа *s(e)reu-*: С-Т-Р-У-ꙑ, о-с-т-ров-ъ, лит. s-t-rau-mė s-t-rov-ē;

двн. s-t-rou-m=нѣм. s-t-ro-m, инд. srav-ati, srav-as, греч. *σρεϜ-ω, *σροϜ-ος, лат, — *sruv-ium, — sru(v)ı-nus; основа sr(e)ú —: др. ир. s-t-ru-im, греч. — σρυτος.

2. чеш. o-strużina, пол. o-stręga; при инд. sradź, греч. ῥᾶξ изъ *σραγ-ς лат. fragum изъ *srag-um;
основа *srág-*: инд sradź, греч. *σραγ-ς, лат. *srag-um.

3. чеш. stříz, пол. strysz, лит. strégti, латыш. strigele, при чреч. ῥῖγος изъ *σρῖγός, лат. frigus изъ *srigus; основа *sreig-:* чеш. s-t-říž, пол. s-t-rysz, лит. s-t-rég-ti; латыш. s-t-rig-ele, греч. *σριγ-ος лат. *srig-us.

4. СТРУПЪ, при греч. ῥύπος изъ *σρυπος;
основа *sreup-*: С-Т-РУП-Ъ; осиова *sr(e)úp—:* греч. *σρυπ-ος.

5. СТРАДА, чеш. stred', двн. strëdan, нѣм. strudel, при греч. ῥόθος изъ *σροθ-ος; основа *srédh-:* С-Т-РАД-А, s-t-red', двн. s-t-rëd-an, нѣм. s-t-rud-el, греч. *σροθ-ος.

6. СЄСТРА, гот. svistar, двн. svestar=нѣм. schwester, при инд. svasr-am (gen. pl)., лат. soror изъ *sosor, sobrınus изъ *sosrınus; основа приставки *(e)ré-:* СЄС-Т-РА; основа прист. *(e)r—:* готич. svis-t-ar, двн. sves-t-ar, нѣм. schwes-t-er изъ schves-t-(e)r; инд. svas-r-; лат. *sos-r-ınus; основа прист. *ér-:* лат. *sos-or.

7. ОСТРЪ, лит. aštrùs, при лат. acris, греч. ἄκρις, инд. açris; основа ак,-, прист. *(e)ré-:* ОС-Т-РЪ, лит. aś-t-rús, греч. ἄκ-ρις, лат. ac-ris, инд. ac,-ris.

8. ПЬСТРЪ, рус. пестрый, при греч. πικρός;
основа *peik,-:* греч. πείκ-ω, рус. пис-ать, греч. ποικ-ίλος; основа *p(e)k,—:* греч. πικ-ρός; основа прист. *(e)ré-:* ПЬС-Т-РЪ; основа *pk,—:* чеш. ps-áti.

Однакожъ, не всегда между С и Р вставляется Т; въ нѣкоторыхъ случаяхъ С успѣло еще раньше прерватиться въ Х; напр.

1. ХРОМЪ изъ *СРОМЪ, срав. индъ c,rama; основа *k,ré-*;

2. ХРАБРЪ изъ *СРАБ-РЪ, основа *s(e)rábh-;* срав. инд. sarbhami, основа *sér(э)bh-*;

3. ХРАМЪ изъ *СРА-МЪ, основа *k,(e)rá-*; срав. инд. c,arman, основа *k,ér(э)-*;

4. ХРЪТЪ изъ *СРЪ-ТЪ, срав. инд. sṛ-tá; основа *s(e)r(э)*-;

5. ХРАNИТИ—изъ *СРА-NИТИ, основа *s(e)ré-*; срав. лат. servare, инд. sarva др. пер. ḣarva, zg. ḣar, основа *sér(э)-*.

Съ другой стороны во многихъ случаяхъ группа sr не допускаетъ ни переходы s въ x, ни вставки T; вотъ примѣры:

1. СРЪБАТИ;

основа *s(e)rébh-:* слав. СРЪБ-АТИ. греч. ῥοφ-έω изъ *σροφ-έω; основа *sér(э)bh-*: русс. серб-ать, лит. serb-ti, лат. sorbēre.

2. СРЪДЬЦЄ;

основа *k,(e)réd-:* СРЪД-ЬЦЄ, лат. cred-o, др. пр. cret-im, инд. c,red-dha, греч. κραδία; основа *k,ér(э)d-*: лат. cor(d), рус. серд-це, гот. hair-to=нѣм. herz, греч. κῆρ(ὁ), лит. śerd-is.

3. СРЪШЄNЬ;

основа *s(e)ré-:* crabro изъ *cra-sro; основа *s(e)r(e)-:* СРЪ-ШЄNЬ; основа *sér(э)-:* рус. шер-шень; основа *s(e)r(э)-:* чеш. sr-šeň, лит. śir-šû, двн. hor-naz=нѣм. horniss.

4. СРЪКАТИ;

основа. *s(e)rék-:* греч. ῥέγκω изъ *σρέ-γ-κ-ω; основа *sér(э)k-* sark-ać; осн, *s(e)r(e)k-:* СРЪК-АТИ; *s(e)r(э)k-*: чеш. srk-ati.

5. СРЪПЪ;

основа *sér(э)p-*: рус. серп-ъ, лат. sarp-ere, греч, ἅρπη изъ *σαρπ-η, двн. sarf=нѣм. scharf; основа *s(e)r(e)p-* : СРЪП-Ъ, чеш. srp, лит. sìrp-e

6. СРАЧИЦА;

основа *s(e)rák-:* СРАЧИЦА; основа *sér(э)k-:* лат. sarcīre, греч. ἅρπ-ις изъ *σαρκF-ις, лит. śark-as, дв. норд. serk-r; основа *sérэk:* рус. сороч-ка.

7. СРАМЪ;

основа *k,(e)rám-*: слав. СРАМ-Ъ; основа *k,ér(э)m-;* нѣм. harm, лит. sarm-ata, перс. śerm, инд. c,ṛm-a; основа *k,érэm-:* рус. сором-ный;

8. СРЄБРО;

основа *c(e)léb-*: СРЄБ-РО изъ *СЛЄБ-РО; основа *sél(э)-b*:

нѣм. silb-er; основа *sélэb-:* рус. сереб-ро изъ *селебро, гот. silub-r, лит. sidab-ra изъ *silab ra.

Отсутствіе звука Т въ группѣ СР приведенныхъ примѣровъ свидѣтельствуетъ о томъ, что и въ слав. языкѣ были когда-то формы, въ родѣ русскихъ: сербатъ, сердце, сершень, серпъ, сорочка, соромный, серебро и польскаго sarkać, въ коихъ еще не было группы СР и оба эти звука отдѣлены были одинъ отъ другого гласнымъ, препятствовавшимъ развитію Т. Когда же въ силу перемѣны акцента (sér(э)-въ *s(e)ré-*) изъ начальной группы ser- образовалось СРЪ- или СРА-, то процессъ образованія Т въ группѣ СР въ общемъ уже былъ законченъ, хотя и послѣ того кое-гдѣ спорадически, какъ бы въ силу инерціи появляется вставка т, напр.: чеш, s-t-řebati=сербать, чеш. s-t-říbro=серебро, русс. діал. с-т-рамъ=срамъ, лит. s-t-rebti=сербать.

Для большой наглядности приведемъ выше описанныя явленія въ хронологическую связь.

Что касается до-славянской, или точнѣе, индоевропейской группы звуковъ s, t и r, мы должны замѣтить, что въ силу зависимости отъ акцента (st(e)ré- или stér(э) —) она въ индоевропейскую эпоху звучала или какъ stre или какъ ster, и что въ обоихъ видахъ перешла на славяно-балтійскую, а потомъ и на славянскую почву.

Относительно же группы звуковъ s и r вопросъ оказывается нѣсколько сложнѣе. Опять же въ силу зависимости отъ акцента (s(e)ré- или sér(э)—) эта группу является на индоевропейской почвѣ или въ видѣ sre- или же ser, и въ этомъ видѣ переходитъ сначала на славяно-балтійскую, а затѣмъ на славянскую почву. Но кромѣ sre- и ser- возникло въ индоевропейскомъ языкѣ изъ звуковъ k, и r еще k,(e)ré- и k,ér(э)-, которое на литовской почвѣ является какъ śre- и śer-,а въ славянскомъ какъ sre- и ser-. Такимъ способомъ индоевронейское sre и k,re, ser и k,er превращается въ славянскихъ языкахъ въ sre, ser, въ литовскомъ же въ sre и śre, ser и śer. Но на славянской почвѣ въ весьма многихъ случаяхъ s перешло въ x, въ томъ числѣ и въ

группѣ sre-, все равно, возникла-ли она изъ s(e)ré- или k,(e)ré-, какъ мы видѣли выше въ словахъ хромъ, храбръ, храмъ, хрътъ, хранить. Можно предположить, что переходъ s въ x начался и закончился въ славянскомъ языкѣ еще до раздѣленія на нарѣчія, что видно изъ того, что за малыми исключеніями с въ однихъ и тѣхъ же словахъ разныхъ нарѣчій или переходитъ въ х или же остается безъ измѣненія. Послѣ завершенія процесса перехода с въ х наступила эпоха вставки Т въ группѣ СР и съ тѣхъ поръ славянскій языкъ, обладавшій одной до-славянской, индоевропейской группой СТР, обогатился новой группой С-Т-Р, возникшей на славянской почвѣ, которую мы видѣли въ с-т-руя, střiž, с-т-рупъ с-т-рада, сес-тра, ос-т-ръ, пьс-т-ръ. По окончаніи эпохи вставки т въ группѣ ср. въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ сер въ эпоху вставки т не успѣло превратиться въ ср, послѣднее остается безъ перемѣны, какъ мы видѣли въ сръбать, срѣдьце, сръшень, сръкати, сръпъ, срачица, срамъ, сребро. Принявъ все сказанное во вниманіе, мы приступимъ къ изслѣдованію этимологическаго состава первой части слова Стри богъ.

Прежде всего необходимо рѣшить вопросъ, какого происхожденія звукъ т въ словѣ стри-, индоевропейскаго или славянскаго? Мы видѣли, что стри (морав. stří) означаетъ вѣтръ. Но среди основъ съ группой str въ началѣ—подходитъ къ значенію „вѣтеръ“ только одна, а именно основа въ словахъ: слав. СТРЬ-МЬ, чеш. str-mý, рус. стре-миться, стре-м-главъ, св. СТРѢ-ЛА, нѣм. stra-l, анг. сак. stor-m=нѣм. stur-m. Во всѣхъ этихъ словахъ заключается основное понятіе двигаться, стремиться впередъ Тоже самое понятіе заключается въ инд. словахъ, означающихъ движеніе вообще: sarāmi, sisarmi, sārajāmi, sara, sarana, sarıká, saraka, sariman, sranké, sṛti; затѣмъ движеніе воды, воду, жидкость: sarı, sāri, sarila, saras; и наконецъ движеніе вѣтра, вѣтеръ: saraṭi, (вед. saraṭ), saraju, saraṇju, sara, sṛ-ká. Въ смыслѣ „спѣшить“ въ зд. существуетъ ḣar, въ значеніи „дѣлать набѣги“ въ лит. sirt, въ значенія „порывъ“ въ греч. ὁρμή изъ *σορ-μη, въ смыслѣ „жидкость“

въ греч. ῥάμα изъ *σραμα, ῥανίς изъ *σρανις капля, въ лат. serum=гр. ὀρός изъ *σορος сыворотка, съ чѣмъ родственно и ῥόθος и прочія формы, приведеныя выше подъ СТРАДА.

Изъ этого сопоставленія мы заключаемъ, что въ славянскомъ словѣ стри (střı́) звукъ t группы стр происхожденія, не индоевропейскаго, а славянскаго, слѣдов. с-т-р. На этомъ основаніи къ восьми приведеннымъ примѣрамъ славянской группы с-т-р прибавляемъ еще девятую:

9. Стри(-богъ), чеш. střı́, СТРѢЛА, СТРЬМЬ, чеш. strmý, рус. стремглавъ, стремиться, анг. сак. storm=нѣм. sturm, нѣм. stral, при инд. sara-ti, sara(n)ju, sāra, sṛká, srak, sranke, зд. har, лит. sirt, греч. ὁρμή изъ *σορμη; основа *sérə-:* инд. sara-ti, sara(n)-ju, sara; основа, *sér(ə)-*: зд. har изъ *sar, греч. ὁρμή изъ *σορ-μη; основа *s(e)rá-:* инд. sra-k, sran-kē, сл. С-Т-РѢ-ЛА, нѣм. s-t-ra-l; основа *s(e)r(ə)ˊ-:* сл. С-Ṫ-РЬ-МЬ, рус. с-т-ре-м.-; осн. *sre͡i:* др. рус. С-т-ри- чеш. s-t-řı́; основа *s(e)r(ə)ˊ-:* чеш. s-t-r-mý, анг-сак. s-t-or-m=нѣм. s-t-ur-m, лит. sir-t.

Такимъ образомъ по этимологическому составу слову стри дѣйствительнно присуще значеніе порыва, вѣтра, бури.

Чтобы покончить съ этимологіей слова Стрибогъ я долженъ еще сказать, что для тѣхъ, которые дѣлятъ его на Стриб-огъ, по образцу Свар-огъ, единственной опорой могло бы быть инд. sarbhāmi двигаться, ити; но его основа sér(ə)bh- оказывается расширеніемъ черезъ bh основы *sér*(ə)-, которую въ видѣ *s*(*e*)*re͡i-* мы положили въ основаніе С-т-ри. А потому, если бы мы и производили Стриб-огъ отъ st(e)re͡ibh-og, то новаго результата не получимъ, такъ какъ всетаки основнымъ элементомъ слова Стриб-огъ останется стри (st(e)re͡i-), вѣтеръ.

Разъяснивъ этимологическую сторону названія бога Стрибога, мы перейдемъ ко вопросу объ отношеніи его къ божествамъ миѳологіи другихъ индоевропейскихъ народовъ, которыя соотвѣтствуютъ не только по значенію, но и по формѣ славянскому Стрибогу.

Въ индійской миѳологіи мы находимъ преданіе о сукѣ Сарамѣ (Saramā), посланницѣ бога Индры, и о ея двухъ сынахъ, четвереногихъ псахъ Сарамеяхъ (Sārameja), посланцахъ

подземнаго бога Ямы. Вотъ что передается о Сарамѣ въ Ригведѣ X. 108: Пани, богатое, но скупое, племя похитили у Индры стадо коровъ и спрятали ихъ въ пещерѣ далеко за рѣкой Расой. Сарама, перескочивъ рѣку, выслѣдила коровъ и сообщила о томъ Индрѣ. Индра явился со своей свитой и увелъ коровъ домой.—А о Сарамеяхъ читаемъ тамъ же X, 14 слѣдующее: Сарамеи охраняютъ подземное жилище Ямы отъ злыхъ людей, провожаютъ души умершихъ въ подземное царство Ямы и являются вообще посредниками между подземнымъ царствомъ и міромъ.

Если принять во вниманіе подвиги Сарамы, описанные въ ведійскомъ миѳѣ, то мы увидимъ, что главной характерной чертой ея была проворность и быстрота. Одаренная нюхомъ собаки Сарама выслѣдили коровъ Индры, съ быстротой вѣтра совершила въ мигъ путешествіе изъ Индіи къ рѣкѣ Расѣ (Волгѣ) и перескочила, или лучше сказать, перелѣтела ея многоверстную ширину. Все это указываетъ на быстроту движенія, чему соотвѣтствуетъ и ея названіе Sara-ma (основа *sérэ-*), быстрая. Это качество матери должны были унаслѣдовать и ея сыновья Сарамеи. И дѣйствительно, только быстрые, какъ вѣтеръ, псы могли быть проводниками душъ, этихъ воздушныхъ существъ.

Миѳъ о похищеніи коровъ греки принесли съ собой изъ индоевропейской прародины, допустивъ въ немъ, правда, нѣкоторые варіанты. На греческой почвѣ въ роли Индры является Аполлонъ, роль же похитителей Пани исполняетъ Гермесъ. Мотивъ какъ индійскаго такъ и греческаго миѳа неясенъ (видятъ въ стадахъ коровъ Индры и Аполлона небесныя облака, освѣщенныя солнцемъ), но въ обоихъ миѳахъ олицетворена быстрота, съ коей Сарама открыла мѣстопребываніе похищенныхъ коровъ Индры и съ которой Гермесъ на четвертый день послѣ своего рожденія похитилъ коровъ Аполлона. Вообще же и другіе миѳы приписываютъ Гермесу быстроту и даже дѣйствіе вѣтра. Извѣстенъ напр. миѳъ, возникшій изъ наблюденія чередованія солнца и луны на небѣ. Зевсъ (солнце) предслѣдуетъ Іо (луну), ревнивая Гера пору-

чаетъ ее надзору стоглазаго Аргоса (звѣздное небо), Гермесъ убиваетъ Аргоса (покриваетъ небо тучами), Гера превращаетъ Іо въ корову (фазисы луны). Кто не догадается, что Гермесъ, который, нагнавши тучи, покрылъ ими небо, олицетвореніе вѣтра?—Отсюда его эпитетъ—Аргоубійца (Ἀργειφόντης), т. е. свѣтогубецъ или ясноморъ (отъ ἀργε(σ)ι—свѣтлое и φονεύω убиваю).

Итакъ, основныя качества индійскихъ Сарамы и Сарамеевъ—проворность и быстрота вѣтра, перенесены и на греческаго Гермеса (Ἑρμεῖας), имя котораго оказывается ничѣмъ иннымъ, какъ эллинизованной формой прототипа индійскаго слова Sāramejas, т. е. *Σερεμεῖας, Ἑρμεῖας, при чемъ, относительно вида основы Σερ-(*sér*(э)-) или Ἑρ, можно ее сравнить съ ὁρμή въ ὁρμ(η)'ὀδυνάων (Hom. Il. 4, 117).

Гермесъ, какъ греческій Sārameja, принялъ на себя и остальныя функціи Сарамеевъ: онъ быль посланникомъ боговъ, особенно Зевса (Διὸς ἄγγελος), проводникомъ душъ умершихъ (ψυχόπομπος) и хранителемъ жилищъ. Этотъ ограниченный кругъ функцій Гермеса въ воображеніи грековъ постепенно расширялся и достигъ наконецъ того объема, который намъ извѣстенъ изъ древне-греческой миѳологіи.

Но гдѣ же то основаніе, на которомъ построено это дальнѣйше развитіе значенія Гермеса? По этому поводу приведу слова Рошера изъ его прекраснаго труда „Hermes der Windgott" (p. 4 seqq.):

„Значеніе, которое имѣлъ Гермесъ, какъ слуга боговъ, преимущественно же Зевса, объясняется совершенно просто изъ положенія, существовавшаго въ древности, особенно у Гомера и прочихъ поэтовъ, что вѣтеръ—орудіе боговъ, находящееся преимущественно въ распоряженіи Зевса. Подобно тому, какъ вѣтры спускаются съ эѳира и облаковъ или съ вершинъ горъ и представляются живущими въ горныхъ ущельяхъ, такъ Гермесъ, сынъ бога эѳира—Зевса, и богини облака—Маи, родился или на Олимпѣ или въ пещерѣ на горѣ Килленѣ. Крылатымъ богамъ вѣтровъ Бореадамъ уподобляется крылатый Гермесъ и представляется, какъ они, быстрымъ, проворнымъ и сильнымъ. Съ этимъ совпадаетъ

значеніе Гермеса, какъ бога гимнастики и агонистики. Сильно распространенному представленію о воровствѣ, хищеніи и обманѣ, качествахъ, приписываемыхъ вѣтрамъ, соотвѣтствуетъ воровскій, обманный характеръ этого бога, который, между прочимъ, является похитителемъ Аполлоновыхъ стадъ (облаковъ). Подобно какъ вѣтры вездѣ являются божескими свистунами и пѣвцами, такъ и Гермесъ считается изобрѣтателемъ авла и сиринги, какъ простѣйшихъ духовыхъ инструментовъ, а также и лиры. Также психопомпія Гермеса можетъ быть легко обяснена значеніемъ, какъ бога вѣтра, если допустить, что души представлялись искони воздухообразными и какъ такія при оставленіи тѣла должны были возвратиться въ царство вѣтра или воздуха, изъ котораго произошли. Родственныя душамъ сновидѣнія происходятъ изъ воздуха и при помощи послѣдняго являются спящимъ людямъ; потому Гермесъ считается проводникомъ душъ, богомъ сна и сновидѣній. Такъ какъ вѣтры приносятъ земледѣльцамъ и пастухамъ то оплодотворяющія тучи, то сухую погоду, а потому представляются сами оплодотворяющими, а такъ какъ, по нѣкоторымъ вѣрованіямъ пастуховъ, отъ вѣтра зависитъ оплодотвореніе стадъ, то Гермесъ считался виновникомъ богатства стадъ и богомъ пастуховъ, и изображался фаллически. Также считался онъ богомъ здоровья, такъ какъ вѣтры очищаютъ воздухъ отъ вредныхъ міазмовъ и такимъ образомъ избавляютъ отъ болѣзней и уменьшаютъ ихъ. Такъ какъ вѣтеръ, благодаря своей капризности и своему непостоянству, всегда и вездѣ считался символомъ счастья, то и Гермесъ, какъ богъ вѣтра былъ богомъ внезапнаго и неожиданнаго счастья, богомъ, которому посвящались жребіи. Очень просто объясняется значеніе его какъ бога пути и путешественниковъ изъ его первоначальнаго значенія вѣтра, такъ какъ путешественники находятся въ зависимости отъ вѣтра и погоды. О его отношеніи къ вѣтру свидѣтельствуетъ еще и то, что Гермесу посвященъ былъ четвертый день каждаго мѣсяца (онъ родился въ четвертый день мѣсяца), такъ какъ въ этотъ день мѣняется вѣтеръ и погода, и что ему посвященъ былъ пѣтухъ,

какъ птица, предсказывающая погоду, а также и то, что Гермесъ родился рано утромъ, когда дуетъ утренній вѣтерокъ. Наконецъ, Гермесъ, по значенію своему, совпадаетъ съ богами вѣтра разныхъ индоевропейскихъ народовъ, какъ напр. съ германскимъ Воданомъ, индейскими Ваю и Нарутами".

Эти доводы настолько убѣдительны, что едвали можно не согласиться съ основнымъ положеніемъ Рошера, что Гермесъ былъ богомъ силы вѣтра. И дѣйствительно кажется страннымъ и даже непонятнымъ предположеніе, что Греки, столь чуткіе къ мельчайшимъ явленіямъ природы, не создали себѣ кумира такой могучей стихійной силы, какой является вѣтеръ. Правда, у нихъ были боги вѣтровъ: сѣвернаго—Боррей, западнаго—Зефиръ, южнаго—Нотъ, восточнаго—Эвръ, были богини сѣверныхъ буръ—Гарпій и др., былъ даже властелинъ вѣтровъ—Эолъ; но олицетворенія всей силы вѣтра, подобно напр. олицетворенію силы солнца въ Аполлонѣ, луны въ Артемидѣ, какъ будто у нихъ не было.

Это предположеніе станетъ еще болѣе невѣроятнымъ, если принять во вниманіе ту особенную роль, которую Гермесъ играетъ по отношенію къ облакамъ. Онъ сынъ облачной нимфы, старшей плеяды Маи, при закатѣ которой (въ обществѣ ея сестеръ) въ осеннее время наступаетъ въ Греціи бурное, дождливое время. Это столь обычное у насъ явленіе производило на умы Грековъ сильное впечатлѣніе въ силу того, что ихъ взоры привыкли въ продолженіе почти всего года къ безоблачному небу, днемъ освѣщаемому яркимъ свѣтомъ солнца, ночью же покрытому миліонами звѣздъ, среди которыхъ въ опредѣленные сроки плыла луна. А вдругъ при закатѣ плеядъ осенью вся эта краса уничтожается налетѣвшими откуда-то тучами. Не могъ не показаться имъ виновниковъ всего этого богъ вѣтра, который, наводя черныя тучи, уничтожаетъ блескъ, какъ солнца такъ и луны и звѣздъ. Такимъ образомъ богъ вѣтра является губителемъ свѣта, ясномоморъ, Аргеифонтомъ.

Суммируя все сказанное, я прихожу къ тому выводу, что въ кругѣ функцій греческаго бога вѣтра необходимо раз-

личать два періода: одинъ, древній, въ которомъ фигурируетъ индоевропейскій репрезентантъ быстроты—Сарамея съ элленизованныхъ названіемъ Ἑρμείᾱς, какъ посолъ боговъ, проводникъ душъ и хранитель жилищъ, а другой, новый, въ которомъ воображеніе грековъ созыдаетъ греческаго бога вѣтра подъ именемъ Ἀργεϊφόντης.

Что Аргеифонтъ составлялъ первоначально самостоятельную миѳическую фигуру независимо отъ Гермеса, явствуетъ изъ того, что Ἀργεϊφόντης часто у Гомера употребляется какъ собственное имя съ эпитетомъ διάκτορος. Впослѣдствіи индоевропейскій Ἑρμείᾱς слился съ греческимъ Аргеифонтомъ въ одно божество, олицетворявшее въ себѣ силу вѣтра вообще.

Такимъ образомъ мы находимъ въ миѳологіи трехъ индоевропейскихъ народовъ: Индовъ, Грековъ и Славянъ, одно и тоже божество вѣтра: Sāramejās, Ἑρμείᾱς и Стрибогъ, равные между собой и по значенію и по этимологическому основанію; разница заключается только въ томъ, что въ то время, какъ индійское и греческое названіе, восходя къ общей основѣ *sér(э)-*, производятся отъ общей номинальной темы *ser(э)-mэ-*, славянское имя Стри-богъ образуется отъ другого вида тойже основы *s(e)ré-*, именно отъ *s(e)rei-*, но безъ номинальной приставки *mэ*.

Кіевъ, 12 декабря 1903 г.

В. Петръ.

О славянскихъ заимствованіяхъ въ сѣверныхъ германскихъ языкахъ.

1. Положеніе вопроса въ современной наукѣ. Цѣль предлагаемаго этюда.

Изслѣдованіе заимствованныхъ словъ представляетъ выдающійся интересъ для современнаго филолога; оно не только важно для выясненія лексическаго состава языковъ, но имѣетъ также громадное значеніе для ихъ исторіи: давно исчезнувшіе звуки и формы той или другой лингвистической группы или отдѣльныхъ ея членовъ могутъ быть порой возстановлены на основаніи словъ, попавшихъ къ другимъ народамъ. Равнымъ образомъ, историческая наука вообще, въ особенности же отдѣлъ ея, посвященный изслѣдованію культурныхъ общеній, можетъ построить не мало выводовъ на основаніи ближайшаго знакомства съ заимствованными словами: свѣдѣнія о древнѣйшемъ разселеніи племенъ, близости ихъ между собою въ отдаленнѣйшую эпоху, культурныхъ вліяніяхъ, которымъ они подвергались нѣкогда и пр., могутъ быть пополнены, а при отсутствіи другихъ источниковъ даже вновь пріобрѣтены благодаря этимъ словамъ.

Постараемся подтвердить сказанное фактами изъ области, наиболѣе близко лежащей къ нашей работѣ. Издавна съ особеннымъ рвеніемъ изучаются слова скандинавскихъ языковъ, зашедшія къ сосѣднимъ народамъ: финнамъ, славянамъ, англичанамъ; и нужно замѣтить, что такое изученіе успѣло уже принести свои плоды.

Такъ, многія формы старосѣвернаго языка, едва засвидѣтельствованныя древнѣйшими руническими надписями или только предполагаемыя на основаніи чисто филологическихъ соображеній, нашли свое подтвержденіе при изслѣдованіи скандинавскихъ словъ, заимствованныхъ финнами. [1])

Напримѣръ, именительный падежъ ед. ч. муж. рода основъ на -*a* оканчивается въ рукописныхъ памятникахъ старосѣвернаго языка на *r*; ожидаемый на основаніи сравнительныхъ лингвистическихъ данныхъ конечный звукъ основы *a* отсутствуетъ; но что онъ здѣсь былъ въ прасѣверномъ языкѣ, доказываютъ, съ одной стороны, немногочисленныя руническія надписи (гдѣ въ этомъ падежѣ—окончаніе *aR*), съ другой — финскія слова, заимствованныя у скандинавовъ: имен. пад. ед. ч. муж. рода въ нихъ—на *as* [2]). То же приходится сказать объ имен. и вин. падежахъ единственнаго числа средн. рода тѣхъ же основъ: не встрѣчающееся уже въ рукописяхъ окончаніе *a* сохранилось въ руническихъ надписяхъ и финскихъ словахъ [3]). Еще интереснѣе слѣдующій фактъ: въ имен. и вин. падежахъ множественнаго числа средняго рода основъ на -*a* въ историческую эпоху старосѣвернаго языка не сохранилось никакого окончанія; между тѣмъ въ означенныхъ формахъ принадлежащія сюда слова подвергаются *u*-umlaut'у. Это обстоятельство заставило предполагать, что названные падежи имѣли нѣкогда окончаніе *u*, хотя его не сохранила даже ни одна руническая надпись. Изученіе скандинавскихъ словъ, попавшихъ къ финнамъ, блестяще подтверждаетъ это предположеніе: нѣкоторыя изъ нихъ предстаютъ въ формахъ, тожественныхъ возстановленнымъ на основаніи чисто филологическихъ соображеній [4]).

---

[1]) При разборѣ руническихъ надписей Bugge сравнивалъ послѣднія съ скандинавскими словами, заимствованными лапландцами, и опирался на нихъ въ своихъ толкованіяхъ. См. W. Thomsen, Ueber den Einfluss der germanischen Sprachen auf die Finnisch-Lappischen, Halle 1870, S. 120 Anm.

[2]) Thomsen, тамъ же, S. 88; срв. Noreen I, S. 156, anm. 1.

[3]) Thomsen, тамъ же, S. 89; Noreen I, S. 156, anm. 2.

[4]) Thomsen, тамъ же, S. 91; Noreen I, S. 157, anm. 6. О другихъ древнихъ явленіяхъ старосѣвернаго языка, сохранившихся въ заимствованныхъ финнами словахъ, см. Thomsen, тамъ же, S. 56 ff. (фонетика), 89 ff. (морфологія), 118 (общій обзоръ). Срв. также результаты, добытые E. Brate въ его

Чтобы иллюстрировать результаты, добытые путемъ изслѣдованія заимствованныхъ словъ для исторіи, достаточно сослаться на тѣ выводы, какіе дѣлались на основаніи ихъ въ попыткахъ различныхъ школъ освѣтить темный вопросъ о происхожденіи русскаго государства [1]); и если они немногимъ могутъ способствовать рѣшенію именно этого вопроса, то при изученіи культурнаго вліянія Скандинавіи на Русь имъ принадлежитъ все-таки извѣстная роль [2]). Не менѣе интересны, особенно въ виду отсутствія другихъ источниковъ, добытыя Thomsen'омъ изъ разсмотрѣнія заимствованныхъ словъ данныя историческаго характера относительно финскихъ племенъ. Названный ученый показалъ, что они въ первыхъ столѣтіяхъ нашей эры не были такъ расчленены, какъ теперь, или, во всякомъ случаѣ, жили въ болѣе тѣсномъ общеніи; что народъ или народы германскаго племени, чей языкъ оказалъ столь сильное вліяніе на финскій, жили въ средней Россіи или еще раньше въ Остзейскихъ провинціяхъ, въ непосредственной близости съ финнами; что это были отчасти готы, отчасти представители сѣверныхъ германскихъ народностей и пр. [3])

Если скандинавскія слова, ставшія достояніемъ другихъ языковъ, изучены, какъ видно даже изъ приведенныхъ примѣровъ, въ достаточной степени и послужили матеріаломъ для различныхъ научныхъ выводовъ, то далеко нельзя того же сказать относительно чужеземныхъ словъ, проникшихъ въ сѣверные германскіе

работѣ: Nordische Lehnwörter im Orrmulum (PBB X, S. 66 ff.) для исторіи датскаго языка.

[1]) W. Thomsen, Der Ursprung des Russischen Staates, Gotha 1879, s. 134 ff.; С. Гедеоновъ, Варяги и Русь, СПб. 1876, ч. I, стр. 6 сл.

[2]) Гедеоновъ, стараясь доказать отсутствіе всякаго вліянія скандинавовъ на русскую культуру, совершенно неосновательно утверждалъ, «что русскій языкъ не принялъ отъ скандинавскаго ни одного слова» (тамъ же, стр. 26). Другія работы чисто филологическаго характера достаточно выяснили наличность скандинавскихъ словъ въ русскомъ языкѣ (см., напр., Я. Гротъ, Слова областного словаря, сходныя съ скандинавскими—въ Филологическихъ Разысканіяхъ, стр. 433 сл.; Fredr. Tamm, Slaviska lånord från nordiska språk въ Upsala universitets årskrift 1882; срв. рецензію Я. Грота въ AfsPh VII, s. 134—141). Нужно впрочемъ замѣтить, что филологическая сторона работы Гедеонова вообще крайне слаба.

[3]) Thomsen, тамъ же, S. 121 ff.

языки, — изслѣдованы они далеко не съ такой полнотой, да и то, что сдѣлано до сихъ поръ, заставляетъ желать много лучшаго.

Въ частности сужденіе это приложимо къ славянскимъ словамъ, зашедшимъ къ скандинавамъ. Можно сказать, что они только приведены въ извѣстность, да и то, есть основаніе предполагать, не вполнѣ [1]). Но вопросы о томъ, когда каждое изъ нихъ попало въ Скандинавію, отъ какого славянскаго народа, какими изъ сѣверныхъ языковъ было впервые заимствовано, далеко нельзя считать порѣшенными; по крайней мѣрѣ, попытки дать отвѣтъ на нѣкоторые изъ приведенныхъ вопросовъ, въ большинствѣ случаевъ, приходится признать неудачными. Конечно, нечего и говорить, что, при такомъ состояніи изслѣдованія интересующихъ насъ словъ, строить на основаніи ихъ какіе-либо выводы какъ для исторіи языковъ, такъ и для исторіи вообще является дѣломъ преждевременнымъ.

Указанными обстоятельствами опредѣляется смыслъ предлагаемаго этюда; онъ имѣетъ двоякую цѣль: 1) пересмотрѣть критически существующія работы о славянскихъ заимствованныхъ скандинавскими народами германскаго племени словахъ и показать, что̀ въ нихъ есть цѣннаго, и что̀ требуетъ исправленія; 2) сдѣлать попытку болѣе тщательнаго и всесторонняго изученія нѣкоторыхъ изъ этихъ словъ, преимущественно встрѣчавшихся еще въ старосѣверномъ языкѣ.

Намѣтивъ такія задачи, авторъ заранѣе отказывается отъ переработки всего матеріала; помимо прочихъ препятствій подобное изслѣдованіе невыполнимо въ виду отсутствія многихъ источниковъ. Тѣмъ не менѣе, онъ считаетъ свою работу небезполезной: проводя новый взглядъ на славянскія заимствованныя скандинавами слова, она, быть можетъ, побудитъ разсмотрѣть ихъ съ иной точки зрѣнія, болѣе интересной для насъ, русскихъ—съ точки зрѣнія славянской филологіи.

---

[1]) Главная работа о славянскихъ заимствованныхъ словахъ въ скандинавскихъ языкахъ имѣетъ въ виду лишь шведскій языкъ; a priori можно думать, что у датчанъ и норвежцевъ тоже найдется нѣкоторый запасъ славянскихъ словъ: вѣдь и они находились съ славянами въ тѣсныхъ сношеніяхъ.

2. Критическій обзоръ изслѣдованій славянскихъ заимствованныхъ словъ въ скандинавскихъ языкахъ.

Въ настоящее время, поскольку намъ извѣстно, существуетъ всего лишь двѣ работы о славянскихъ словахъ, проникшихъ въ Скандинавію. Одна изъ нихъ—обширное изслѣдованіе, принадлежащее извѣстному шведскому филологу проф. Tamm'у—была помѣщена еще въ 1881 году въ «Upsala universitets årskrift» подъ заглавіемъ: «Svenska ord belysta genom slaviska och baltiska språken»; другая—«Joos. J. Mikkola, Bidrag till belysning af slaviska lånord i nordiska språk» появилась въ формѣ небольшой статьи въ журналѣ: «Arkiv för nordisk Filologi» за 1903 годъ.

Остановимся сначала на первой.

Не давъ никакихъ пояснительныхъ замѣчаній общаго характера ни въ началѣ, ни въ концѣ своей работы, авторъ ограничился только обсужденіемъ каждаго изъ разсматриваемыхъ имъ словъ въ отдѣльности, раздѣливъ ихъ на слѣдующія четыре группы:

I. Слова, несомнѣнно или весьма вѣроятно заимствованныя изъ славянскихъ языковъ.

II. Слова, которыя, будучи сравнены съ сходными славянскими словами, могли бы считаться заимствованными отъ послѣднихъ, если бы ихъ тожество было несомнѣнно.

III. Слова неизвѣстнаго происхожденія, присутствіе которыхъ у германцевъ и славянъ по законамъ согласныхъ звуковъ оказывается основаннымъ на заимствованіи.

IV. Другія слова неизвѣстнаго происхожденія, объясненныя при помощи славянскихъ и балтійскихъ языковъ.

Къ первому отдѣлу принадлежатъ слѣдующія слова: *bulran* (болванъ), *lodja* (ладья), *pasma* (пасмо), *prestaf* (приставъ), *torg* (торгъ), *tulubb* (тулупъ), *besman* (безменъ), *droska* (дрожки), *gräns* (граница), *gurka* (огурецъ), *juft* (юфть), *kalesch* (коляска), *kantschu* (кунчукъ), *karbas* (плеть), *knut* (узелъ, срв. кнутъ), *krabat* (парень), *masurka* (мазурка), *piska* (бичъ), *pitschaft* (печать), *pråm* (паромъ), *riska* (рыжикъ), *siska* (чижъ), *sobel* (соболь), *steglitsa* (щеголъ),

stepp (степь), *tolk* (толмачъ), *ulan* (уланъ), *Polen*, *Pommern*, *Svante*.

Слова, относящіяся ко второму отдѣлу: *järpe* (рябчикъ), *mörk* (темный), *bister* (гнѣвный), *brits* (нары), *pistol* (пистолетъ), *rapphöna* (куропатка), *smörta* (боль), *katten* (катъ, палачъ).

Слова III отдѣла: *humle* (хмѣль), *kant* (кантъ), *karp* (карпъ), *katt* (котъ), *tramma* (барабанъ), *köpa* (купить), *läka* (лѣчить), *lök* (лукъ-растеніе), *plog* (плугъ), *silke* (шелкъ), *skatt* (сокровище), *stolpe* (столбъ), *stork* (аистъ), *särk* (сорочка), *dolk* (кинжалъ), *körsnär* (мѣховщикъ, скорнякъ), *sink* (цинкъ), *trapp* (драхва).

Слова IV отдѣла: *stuga* (изба), *barr* (игла хвойная), *gren* (вѣтвь), *lax* (лосось), *märg* (мозгъ), *sadel* (сѣдло), *sik* (сигъ), *sill* (сельдь), *stack* (куча), *vax* (воскъ), *älg* (лось), *drummel* (остолопъ), *dåre* (глупецъ), *grobian* (грубіанъ), *kaja* (галка) *lindare* (линь), *stagg* (штагъ).

Таковы слова, которыя, по мнѣнію проф. Tamm'a съ той или другой степенью вѣроятности, можно признать заимствованными сѣверными германскими языками у славянъ. Внимательно разсматривая доводы, приводимые имъ въ доказательство славянскаго ихъ происхожденія, нельзя не согласиться, въ большинствѣ случаевъ, какъ съ приведеннымъ спискомъ, такъ и съ самой классификаціей: опираясь на строгія данныя, обсуждая свой матеріалъ съ различныхъ точекъ зрѣнія, авторъ поступаетъ при окончательномъ выводѣ съ большою осторожностью: порой онъ отказывается отъ рѣшительнаго приговора и оставляетъ подъ сомнѣніемъ и самый фактъ заимствованія, и вопросъ о томъ, кто у кого заимствовалъ—германцы у славянъ или обратно [1]).

Но если съ этой точки зрѣнія работа г. Fredr. Tamm'a представляетъ крупныя достоинства, если за указанными словами, дѣйствительно, въ большинствѣ случаевъ, приходится признать славянское происхожденіе, то въ другихъ отношеніяхъ она обнаруживаетъ значительные недостатки.

---

[1]) Срв. Гротъ, По поводу двухъ сравнительно-филологическихъ изслѣдованій о славянскихъ и скандинавскихъ словахъ (въ Филологическихъ Разысканіяхъ, СПб. 1889, стр. 455 сл.).

Разсматривая то или другое слово, авторъ всегда приводитъ обильный матеріалъ: мы находимъ здѣсь формы, какія принимало оно въ различныхъ языкахъ (славянскихъ, германскихъ, литовскихъ, финскихъ и др.) и даже въ различные періоды. Этотъ богатый матеріалъ, собранный уважаемымъ ученымъ, сыгралъ громадную роль въ его работѣ при доказательствѣ вообще славянскаго происхожденія обсуждаемыхъ имъ словъ; но въ болѣе детальныхъ изслѣдованіяхъ онъ не получилъ надлежащей обработки: рѣшая вопросъ о томъ, отъ какого именно народа зашло въ Скандинавію извѣстное слово, г. Tamm совершенно непонятнымъ для филолога образомъ выпускаетъ изъ виду историческую точку зрѣнія; родиной заимствованнаго слова онъ считаетъ часто страну того народа, въ языкѣ котораго встрѣчается форма его наиболѣе сходная съ современной шведской. Онъ совершенно не принимаетъ во вниманіе, что въ болѣе отдаленную эпоху, когда произошло самое заимствованіе, оно и у шведовъ, и на своей родинѣ звучало совершенно иначе; что, восходя къ тому времени, можно найти въ другихъ языкахъ формы его, болѣе сходныя со шведской, или даже съ норвежской, либо съ датской, проникшей потомъ къ шведамъ. Однимъ словомъ, авторъ забываетъ, что при установленіи родины заимствованныхъ словъ ихъ необходимо сопоставлять въ тѣхъ формахъ, какія они имѣли въ эпоху заимствованія какъ въ своихъ родныхъ языкахъ, такъ и въ языкахъ заимствовавшихъ.

Несоблюденіе этого важнаго правила послужило причиной появленія двухъ крупныхъ недостатковъ въ работѣ шведскаго ученаго: 1) указанія родины заимствованныхъ славянскихъ словъ невѣрны или бездоказательны; 2) опредѣленіе времени заимствованія совершенно отсутствуетъ,—не принявъ во вниманіе исторіи языковъ, авторъ не имѣлъ для подобнаго изслѣдованія и точки опоры [1]).

Чтобы мои утвержденія не показались голословными, я приведу нѣсколько наиболѣе характерныхъ примѣровъ.

---

[1]) Впрочемъ, изрѣдка встрѣчаются хронологическія указанія, но они носятъ случайный характеръ и очень неточны. Напр., о словѣ gräns говорится (S. 8), что оно заимствовано изъ ново-верхне-нѣмецкаго языка.

Вотъ что говорится въ разбираемомъ нами изслѣдованіи о словѣ *tolk* (S. 15): «*Tolk* m., сш. *tolker*, и. *túlkr*, н. *tolk*, срнн. *tolk*, *tollik* m., нл. *tolk* въ томъ же значеніи; *tolka* v., сш. *tolka*, и. *túlka*.... То же слово находится въ балтійскихъ языкахъ [1]): лит. *tulkas* m., *tulkuti* v.; заимствовано изъ Россіи: отъ р. *толкъ*, *толковать*, цс. *тлъкъ*, *тлъковати*. Существуетъ также словинское *tolkovati*, но у остальныхъ славянскихъ народовъ слово, кажется, не встрѣчается (въ томъ же значеніи употребляется другое обще-славянское слово: цс. *тлъмачъ*—оригиналъ вн. *dolmetsch*). Въ сѣверную Германію могло слово ближайшимъ путемъ зайти черезъ восточную Пруссію, прежнія земли нѣмецкаго ордена (ссылка на Schade, Althochdeutsches Wörterbuch, Halle 1873—80). Очевидно, той же дорогой преимущественно проникло оно въ Швецію, хотя, особенно принимая во вниманіе старо-исландскую форму съ *u*, можетъ быть принято предположеніе о финскомъ посредствѣ (срв. ф. *tulkki* subst. и пр.), а для Швеціи можно допустить прямое заимствованіе изъ Россіи въ варяжскую эпоху».

Все это разсужденіе невѣрно—и не вѣрно именно отъ несоблюденія исторической перспективы.

Прежде всего, разъ ужъ придавать значеніе формамъ слова съ *o* и *u* при рѣшеніи вопроса о его родинѣ, какъ дѣлаетъ авторъ, то Россію придется исключить: будучи заимствовано шведами изъ нашего отечества въ эпоху Варяговъ, оно должно было бы звучать какъ *tulker*, потому что глухой (срв. др. *тълкъ*) произносился тогда въ русскомъ языкѣ закрыто, приближаясь къ *у* [2]). Далѣе, о заимствованіи черезъ финновъ не можетъ быть и рѣчи: Thomsen въ упомянутой работѣ (S. 51) призналъ, что слово *tulkki* (толмачъ) зашло къ финнамъ отъ скандинавовъ. Но различіе между шведской формой съ *o* и исландской съ *u* въ корнѣ вообще не можетъ служить критеріемъ ни для опредѣленія происхожденія разсматриваемаго слова, ни для выясненія путей перехода; *u* сильноударяемыхъ слоговъ перешло въ *o* подъ вліяніемъ прагерманскаго

---

[1]) Подъ балтійскими яз. авторъ разумѣетъ литовскій, латышскій и старо-прусскій.

[2]) Соболевскій. Лекціи по исторіи русскаго языка, СПб. 1891, стр. 43.

a-umlaut'а [1]), дѣйствовавшаго еще въ историческую пору въ скандинавскихъ языкахъ какъ въ западныхъ, такъ и въ восточныхъ. Поэтому первоначальная форма *tulkr* должна была на этомъ основаніи дать *tolkr* и въ однихъ, и въ другихъ. Но нужно замѣтить, что при формахъ съ *o* часто сохранились формы съ *u*, и употреблялись чаще то однѣ, то другія; отсюда выходитъ, что, если мы встрѣчаемъ обыкновенно въ исландскомъ *túlkr* [2]), а въ шведскомъ *tolker*, то подобное обстоятельство объясняется простой случайностью [3]) и никакъ не можетъ служить основой для какихъ-либо выводовъ о происхожденіи слова. Наконецъ, совершенно напрасно авторъ утверждаетъ, что слово *толкъ* «у остальныхъ славянскихъ народовъ не встрѣчается»: оно попадается въ латинскихъ памятникахъ, сохранившихъ кое-какіе обломки языка вымершихъ прибалтійскихъ славянъ [4]).

Приведенныя данныя показываютъ съ достаточной степенью ясности, насколько шатко и бездоказательно мнѣніе автора о родинѣ слова *tolk* и о пути его перехода въ Скандинавію—мнѣніе, высказанное безъ надлежащихъ справокъ съ исторіей языковъ.

Но обратимся къ другому примѣру. О словѣ *gräns* г. Tamm сообщаетъ слѣдующее (s. 8): «*Gräns*, м. ч. *gränser* вмѣстѣ съ архаическимъ *gränsor*, которое есть множественное число болѣе стараго шведскаго *gränsa*, отъ нвн. *grenze*, срвн. *grenitze*,—*icze*,—*itz*, которое по Weigand'у появляется въ литературѣ наиранѣе въ XIV столѣтіи вблизи польской области; заимствовано изъ п. *granica*»... Если бы утвержденіе автора о заимствованіи шведами слова *gräns* изъ нѣмецкаго языка было вполнѣ справедливо, тогда бы оно

---

[1]) Впрочемъ, насколько это явленіе можно считать прагерманскимъ. см. A. Kock, Der *a*-umlaut und der wechsel der endvokale *a*: *i* (*e*) in den altnordischen sprachen, въ PBB XXIII, S. 511 f.

[2]) Долгота *ú* въ и. *túlkr* болѣе поздняго происхожденія; она появилась въ XIII в. по общему закону. Noreen I, S. 68, § 111, 3.

[3]) Noreen II, S. 152 f., § 163, 2; срв. Noreen I. S. 86 f., § 141. Слѣдуетъ замѣтить, что въ шведскомъ, по крайней мѣрѣ, діалектически между прочимъ передъ сочетаніемъ *lk* обыкновенно находимъ *o*; См. Kock, PBB XXIII, S. 527; срв. S. 530, 532.

[4]) Срв. названія: *Tolkemize*, *Toltze* (см. А. Кочубинскій, Основная вокализація плавныхъ сочетаній, Одесса 1877, т. I, стр. 97).

звучало въ ихъ языкѣ съ закрытымъ *e*, которое сотвѣтствовало бы закрытому же нѣмецкому *e;* а что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло именно съ послѣднимъ звукомъ, видно изъ обычнаго правописанія слова (*grenze*) при сопоставленіи съ слѣдующей справкой изъ исторіи нѣмецкаго языка: открытое *e* (современное *ä*), возникшее изъ *a* подъ вліяніемъ *i*-umlaut'a, встрѣчается только передъ сочетаніемъ извѣстныхъ согласныхъ: *hs, ht*, *l*+ cons. и пр., задержавшимъ наступленіе этого явленія въ старо-верхе-нѣмецкій періодъ [1]); въ остальныхъ случаяхъ мы находимъ, при наличности тѣхъ же условій, *e* закрытое. Хотя данное слово и попало въ нѣмецкій языкъ, когда процессъ перехода *a* въ *e* закрытое былъ законченъ, но форма *grenze* возникала, очевидно, по аналогіи со словами германскаго происхожденія, подвергнувшимися указанному измѣненію въ болѣе раннее время [2]). Наконецъ, если бы ш. *gränsa* происходило отъ нвн. *grenze*, то мы были бы въ правѣ ожидать въ немъ окончаніе *e* (и множ. ч. *gränser*, по образцу основъ на *-in*) [3]), а не *a* (и множ. ч. *gränsor*, по образцу основъ на *-on*). На этихъ основаніяхъ я позволю себѣ не согласиться съ уважаемымъ изслѣдователемъ, который и въ данномъ случаѣ, высказывая свое мнѣніе, не принялъ во вниманіе исторіи языковъ.

Но перейдемъ къ слѣдующему примѣру.

«*Torg* n., сш. *torgh*, и. и н. *torg*, д. *torv*—старое заимствованное слово отъ др. *торгъ*» (s. 7).

---

[1]) Braune, Zur althochdeutschen Lautlehre, PBB IV, S. 540 ff; его же Althochdeutsche Grammatik, Halle 1891, S. 16 f.; H. Paul, Mittelhochdeutsche Grammatik, Halle 1900, S. 21 f.; срв. S. 7.

[2]) Образованіе того или другого *e* по аналогіи въ случаяхъ *i*-umlaut'a — явленіе, обычное въ нѣмецкомъ языкѣ; см. Heusler, Zur Lautform des alemannischen, Germania XXXIV, S. 115 f.

Въ виду географическаго положенія Скандинавіи гораздо вѣроятнѣе было бы допустить происхожденіе ш. *gräns* отъ срнн. *grens*, встрѣчающагося въ Нидерландахъ уже въ XV в. (Grundriss, B. I, S. 917, 925); но и такое предположеніе при провѣркѣ оказывается неосновательнымъ: въ старо-мекленбургскомъ діалектѣ, изъ котораго скорѣе всего могло быть сдѣлано это заимствованіе, передъ *n* находится вполнѣ закрытое *e*, приближающееся къ *i*. Luick, Die Qualität der mittelhochdeutschen *e* nach den lebenden Dialekten, PBB XI, S. 514).

[3]) Noreen II, S. 326. § 428.

Ясно видно, что авторъ, выводя слово изъ Россіи, руководился чисто внѣшнимъ сходствомъ; но оно сейчасъ же рушится, если мы вспомнимъ, что въ основѣ формы *torg* лежитъ *turg*, подобно тому, какъ *tolkr* предполагаетъ болѣе древнее *tulkr*. Правда, форма *turg* почти не выступаетъ въ памятникахъ—по крайней мѣрѣ, насколько помнится, мнѣ не приходилось ея встрѣчать, но это объясняется тѣмъ, что *u* передъ *r* подъ вліяніемъ *a*-umlaut'а какъ въ шведскомъ, такъ и въ исландскомъ, въ большинствѣ случаевъ, было вытѣснуто звукомъ *o* [1]). Кромѣ того, не одни только русскіе имѣли словъ *торгъ*—оно встрѣчалось также и въ языкѣ прибалтійскихъ славянъ [2]), которые не менѣе, если не болѣе, своихъ восточныхъ собратьевъ приходили въ соприкосновеніе съ германскими народностями, населяющими Скандинавскій полуостровъ и Ютландію. Это обстоятельство также не позволяетъ дѣлать столь категорическаго утвержденія, какъ проф. Tamm.

Вотъ еще одинъ и послѣдній примѣръ. *Besman* n., діалект. *besmar*, *besmal* m., сш. *bismari* m., *bisman* n., сс. *bismari* m., н. *bismar*, д. *bismer* и пр. произошло, по мнѣнію автора, отъ р. *безменъ* (s. 8). Если это такъ, то спрашивается, чѣмъ объяснить разницу между русскимъ словомъ и соотвѣтствующимъ шведскимъ; почему въ первомъ мы встрѣчаемъ гласныя *e* и *e*, а во второмъ—въ древнѣйшихъ формахъ, которыя только и должны быть принимаемы въ разсчетъ—*i* и *a*? На это авторъ не даетъ намъ никакого отвѣта; по неволѣ приходится признать, что его утвержденіе виситъ въ воздухѣ. Далѣе, возведя ш. *besman* къ р. *безменъ*, г.

---

[1]) Kock, PBB XXIII, S. 527, 530. Въ числѣ сочетаній: *r*+cons. (ð, *t*, *n* и пр.), особенно благопріятствовавшихъ переходу *u* въ *o*, A. Kock не отмѣтилъ группы *rg;* но что и она способствовала тому же измѣненію, видно уже изъ примѣровъ, приводимыхъ самимъ Kock'омъ (*torgh*, *borgh*, *morghin*; *burgh*, *murghin*—весьма рѣдко, см. Noreen II, S. 153, anm. 2; тѣ же формы встрѣчаемъ и въ норвежскихъ памятникахъ, срв. Тидрекъ-сагу, изд. Unger'a, гдѣ всюду находимъ *torg*, *borg*), число которыхъ можно значительно умножить. Впрочемъ, авторъ и самъ замѣчаетъ, dass in der sprache Upplandsgesetzes.... eine bestimmte tendenz durchgeführt worden ist, den *o*-laut vor *r*ð, *rt*, *rn* (und meistenteils auch sonst vor *r*).... zu benutzen (S. 527).

[2]) Кочубинскій, Основная вокализація плавныхъ сочетаній, ч. II, стр. 21 сл.; его же, Polabani, Зап. Новороссійскаго Унив., т. XXVII, стр. 114.

Tamm пытается выяснить этимологію послѣдняго, но, нужно сказать, опять очень неудачно. Не взирая на то, что Миклошичъ призналъ его въ числѣ заимствованныхъ славянами словъ (а это шведскому ученому извѣстно, какъ видно изъ его ссылки), что Гротъ доказалъ его тюркское происхожденіе [1]), проф. Tamm, примыкая къ Кольбергу и опираясь на польскую форму *przezmian* [2]), утверждаетъ, что *безменъ*—славянское слово, состоящее изъ предлога *без* и корня *мѣн*. Конечно, онъ совершенно забываетъ при этомъ, что въ такихъ словахъ, какъ указанное польское, приходится имѣть дѣло съ народной этимологіей, осмыслившей чуждое ей слово.

Приведенные выше примѣры, кажется, въ достаточной степени показываютъ, насколько слабы попытки г. Tamm'а выяснить родину заимствованныхъ славянскихъ словъ въ шведскомъ языкѣ путемъ чисто филологическихъ соображеній. Впрочемъ, порой съ той же цѣлью онъ прибѣгаетъ къ помощи историческихъ данныхъ, но и тутъ впадаетъ въ крупныя ошибки. Такъ, не будучи въ состояніи на основаніи лингвистическихъ данныхъ опредѣлить, кто у кого заимствовалъ слово *сельдь* (ш. *sill*)—германцы у славянъ или обратно, онъ заявляетъ: «Здѣсь, какъ часто бываетъ, одного изслѣдованія языка недостаточно: нужна помощь культурной исторіи, чтобы ближе подойти къ рѣшенію вопроса. Мы напомнимъ только, что большинство славянскихъ народовъ не живутъ, подобно скандинавамъ, у моря и потому не могутъ заниматься рыболовствомъ. Въ этомъ заключается, конечно, сильная поддержка тому мнѣнію, что слово *sill*, всего вѣроятнѣе, наше туземное, у славянъ же чужое» [3]).

Между тѣмъ у Giesebrecht'а во второй главѣ его Wendische Geschichten (B. I, Berlin 1843), озаглавленной: Arbeit der Wenden, читаемъ слѣдующее (стр. 16): Auf den Seen und Flüssen des Landes, auf dem Meere, das die Küsten bespült, trieben Fischer

[1]) Я. Гротъ, Сравнительно-филологическія и другія замѣтки о нѣкоторыхъ словахъ въ Филолог. Разысканіяхъ, стр. 449; срв. тамъ же, стр. 457 сл.

[2]) Замѣна перваго слога слова *безменъ* въ польскомъ языкѣ предлогомъ *przez*, однозначущимъ славянскому *без*, доказываетъ, по мнѣнію автора, что начальная часть его есть, дѣйствительно, предлогъ.

[3]) Это мнѣніе одобряетъ и Гротъ, тамъ же, стр. 457.

ihr friedsames Gewerbe: ganze Dorfschaften bestanden nur aus ihnen. Besonders ergiebig war Heringsfang, der in November, wenn der Wind heftig wehte, an der Küste von Rügen viele Menschen versammelte. Это сообщеніе нѣмецкаго ученаго всецѣло опирается на документальныя данныя; идя въ разрѣзъ съ тѣмъ, что высказано г. Tamm'омъ на основаніи одного только предположенія, оно въ корнѣ подрываетъ его мнѣніе о родинѣ слова *sill*.

Не имѣя намѣренія детально разбирать всю работу шведскаго ученаго, я считаю себя въ правѣ ограничиться приведенными примѣрами: они вполнѣ, кажется, убѣждаютъ, что она не дала удовлетворительнаго рѣшенія проблемы о родинѣ заимствованныхъ славянскихъ словъ и совершенно не затронула вопроса о времени ихъ проникновенія на сѣверъ.

Это признаетъ, очевидно, и другой изслѣдователь интересующихъ насъ словъ г. Mikkola, начинающій упомянутую выше (стр. 5) статью такимъ образомъ: «О языковыхъ соприкосновеніяхъ между славянскими и сѣверными языками проф. Fr. Tamm... далъ цѣнныя разъясненія. Но вопросъ о томъ, какой дорогой и когда старѣйшія славянскія слова вошли въ сѣверные языки, должно считать еще открытымъ». Желая восполнить до нѣкоторой степени этотъ пробѣлъ, онъ ставитъ себѣ задачу доказать въ своей работѣ, «что, по крайней мѣрѣ, часть славянскихъ заимствованныхъ словъ остзейско-вендскаго происхожденія» [1]). Къ такимъ онъ причисляетъ слѣдующія:

räka (ракъ);

gren (вѣтвь; сюда можно было бы причислить и сс. *grein*, если бы значенія лучше совпадали); то же слово встрѣчаемъ у сербовъ и словинцевъ—*grana*; мр. *гранокъ* представляетъ уменьшительное къ **гранъ* (основа на *-o*). Такъ какъ переходъ *a* въ *e* послѣ *r*, свойственный кашубскому языку [2]), рано встрѣчается въ славянскихъ діалектахъ къ югу отъ Балтійскаго моря—это видно изъ мѣстныхъ названій (*Bederanke* вм. *Baderanke*)—то можно думать,

---

[1]) AfnF XIX, S. 325; остзейско-вендскіе славяне=прибалтійскіе по терминологіи Гильфердинга (срв. Флоринскій, Лекціи II, стр. 551).

[2]) Тотъ же переходъ имѣетъ мѣсто и предъ *l*, но не послѣ этого звука, какъ утверждаетъ авторъ; срв. Флоринскій, Лекціи II, стр. 565.

что оба названныя слова звучали въ остзейско-вендскомъ съ *e* въ корнѣ и послужили такимъ образомъ оригиналами для соотвѣтствующихъ шведскихъ.

Собственное имя *Svante*—отъ вендскаго *Svąloch*; у кашубовъ было обычно имя *Svjąloch*; на происхожденіе отъ остзейско-вендскаго указываетъ *an*=вендскому *ą*=праславянскому *ę* [1]).

На томъ же основаніи приходится признать заимствованными изъ названнаго языка и слова: ш. *mänt*, *mänta* (путемъ *i*-umlaut'а изъ **mantja*), сс. *menta* — отъ предполагаемаго вендскаго *mąti* (= праслав. *męti*), имѣвшаго значеніе *мять*, *дубить кожи*; срв. мр. *кожемяка*, *мятникъ*, р. *сыромять*. Хотя этотъ глаголъ въ западно-славянскихъ языкахъ не встрѣчается, но можно предполагать, что онъ раньше не былъ имъ неизвѣстенъ: въ прусскомъ словарѣ Elbinger'а встрѣчается *mynix* (кожемяка) — заимствованное слово, въ основу котораго легло каш. **mitnik*; точно также и средневѣковое латинское *mantor* (coriarius), приводимое Du Cange'емъ изъ одного французскаго документа, происходитъ, вѣроятно, изъ вендскаго языка черезъ посредство исчезнувшаго нѣмецкаго слова.

Palt (сгустокъ крови), сш. (вин. мн. ч.) *palta* (куски разрубленнаго человѣческаго тѣла) —отъ остзейско-вендскаго **polt* (**palt?*); слово это находимъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ: словинск. *plat*, р. *полоть*, словакс. *polt* и пр.

Palta (кусокъ разорванной одежды) произошло изъ вендскаго черезъ форму **paltna* (цс. *платьно*, р. *полотно* и т. д.); въ шведскомъ языкѣ оно получило пейоративное значеніе.

Выводя два послѣднія слова отъ прибалтійскихъ славянъ, авторъ руководится слѣдующимъ соображеніемъ: праславянское сочетаніе: *o* + плавный + согласный дало въ языкѣ интересующихъ насъ племенъ группу: *a* + плавный + согласный; хотя въ полабскомъ и кашубскомъ встрѣчаются только сочетанія типа *tart*, но можно думать на основаніи мѣстныхъ названій, какъ *Pasewalk*, что въ остзейско-вендскомъ были распространены и формы вида *talt*; представителями же послѣднихъ являются *palt* и *palta*.

---

[1]) Срв. также Tamm, стр. 18.

По той же причинѣ географическое названіе *Bält* приходится признать происшедшимъ отъ балтійскихъ славянъ; предполагаемое *baltino* (= болото) черезъ *i*-umlaut дало *Bälten*, откуда впослѣдствіи, когда конечное *en* было принято за членъ, возникло *Bält*. Слѣдуетъ замѣтить, что слово *болото* въ славянскихъ языкахъ можетъ обозначать и большія водныя пространства; въ черногорскомъ, напр., оно=*море*.

Изъ предыдущаго видно, что соприкосновеніе между вендскимъ и сѣверными языками произошло еще въ ту пору, когда въ первомъ существовали глухіе, а въ послѣднихъ не началъ еще дѣйствовать *i*-umlaut, въ виду чего заимствованныя слова (*mänta*, *Bält*) были имъ затронуты; въ этомъ авторъ видитъ критерій для опредѣленія времени, когда балтійскіе славяне поселились по сосѣдству съ датчанами.

Къ заимствованнымъ у тѣхъ же народовъ словамъ причисляетъ далѣе г. Mikkola *stolpe*, *tolk* и *torg*, но для доказательства своего мнѣнія не приводитъ никакихъ данныхъ.

Оттуда же, вѣроятно, зашло въ Скандинавію и слово *Miollnir*. Въ славянскихъ языкахъ **mъlъnъji*, (цс. *млънии*, р. *молонья* и т. д.) весьма распространенное слово; встрѣчается оно также въ кашубскомъ и полабскомъ. На заимствованіе указываетъ долгое *l* (слово должно писаться съ двумя *ll*; см. A. Kock, Indogermanische Forschungen X, S. 110): послѣднее замѣнило собою твердое славянск. *l*; что касается глухого передъ *l*, то онъ былъ выраженъ черезъ дифтонгъ *io*; точно также и кашубское *möuna* прошло черезъ посредствующія стадіи: **mölnja* изъ **mъln—*.

О родинѣ слова *brakki*, *brakun* существуютъ прямыя указанія въ сѣверной литературѣ; Fritzner переводитъ его *Mægler*, *Mellemmand ved Handelsforretninger* и при этомъ сообщаетъ цитату изъ Fornmannasögur: „þeir voru þar (i Vendland) kallaðir brakkarnir, er vér köllum tulka“. Изъ двухъ приведенныхъ формъ *brakun* обнаруживаетъ свое происхожденіе суффиксомъ *un*, обычнымъ у славянъ. Тѣмъ не менѣе, слово требуетъ ближайшаго изслѣдованія: обычный смыслъ, какой имѣетъ оно въ русскихъ и другихъ славянскихъ языкахъ, слишкомъ разнится отъ указаннаго выше. Но приведенная въ словарѣ Срезневскаго [1]) изъ памятника XIV в.

[1]) Матеріалы для словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ, т. I, Спб. 1893, стр. 165.

цитата убѣждаетъ въ томъ, что слово *бракъ* имѣло и иное значеніе, близкое къ отмѣченному въ старо-сѣверной литературѣ: «Николи же прѣмѣне. ни пировъ ни брака (συμβόλαια) ни коупа съ еретикы творити. *Златостр. 2*». Какъ изъ связи, такъ и изъ соотвѣтствія греческому συμβόλαια видно, что *бракъ* здѣсь = торговая сдѣлка. Въ томъ же значеніи употреблено данное слово и въ стихѣ объ Акирѣ. Эти факты позволяютъ отнестись съ полнымъ довѣріемъ къ свидѣтельству старо-сѣвернаго произведенія: будучи = торговая сдѣлка, слово *бракъ* съ суффиксомъ *un* могло обозначать у остзейско-вендскихъ славянъ посредника при торговыхъ операціяхъ. Разсмотрѣніемъ слова *brakun* г. Mikkola заканчиваетъ свою статью.

Какъ ни сжато передано здѣсь ея содержаніе, но легко видѣть, что она, несмотря на всю свою краткость, имѣетъ крупныя достоинства: при изслѣдованіи каждаго почти слова авторъ стоитъ на строго исторической точкѣ зрѣнія; онъ указываетъ, какой оно имѣло видъ какъ въ родномъ языкѣ, такъ и въ заимствовавшемъ во время перехода на чужую почву. Поэтому работа г. Mikkola представляетъ большой шагъ впередъ сравнительно съ изслѣдованіемъ проф. Fredr. Tamm'a. Можно сказать, что онъ первый поставилъ изученіе славянскихъ заимствованныхъ словъ въ скандинавскихъ языкахъ на надлежащую дорогу.

Тѣмъ не менѣе, согласиться съ нимъ приходится не всегда: не всѣ слова, обозначенныя имъ какъ заимствованныя, можно признать за таковыя.

Обратимся прежде всего къ ш. *gren* (вѣтвь); совершенно напрасно онъ приписалъ ему, по слѣдамъ г. Tamm'a, славянское происхожденіе. Сопоставляя это слово съ готск. *garaideins*, его можно съ полнымъ правомъ признать чисто германскимъ и безъ натяжекъ выяснить всѣ измѣненія, результатомъ которыхъ оно явилось. Такъ какъ въ старо-сѣверномъ языкѣ 1) *a* въ приставкѣ *ga* выпало, какъ краткій неударяемый, находящійся передъ согласнымъ слѣдующаго слова [1]), и 2) прагерманскій дифтонгъ *ai* перешелъ въ *ei* [2]), то готскому *garaideins* должно

[1]) Noreen I, S. 81, § 131.
[2]) Тамъ же, S. 36, § 57.

было соотвѣтствовать сс. **græiðin*, которое подъ вліяніемъ формъ съ синкопированнымъ *i* (напр., род. п. **græiðnar*) превратилось въ **græiðn* [1]), откуда путемъ выпаденія ð передъ *n* [2])—*græin*; наконецъ, такъ какъ дифтонгъ *æi* далъ въ шведскомъ *e* [3]) (въ исландскомъ—*ei* [4]), возникло ш. *gren*.

Правда, нѣкоторымъ препятствіемъ къ принятію изложеннаго мнѣнія о происхожденіи даннаго слова является разница значеній: въ то время, какъ готск. *garaideins* соотвѣтствуетъ греч. διαταγή, κανών, δόγμα [5]), *gren*=вѣтвь. Сразу можетъ казаться, что послѣднее не имѣетъ ничего общаго съ первымъ, что, слѣдовательно, для ш. *gren* приходится искать иное, можетъ быть, даже славянское происхожденіе. Однако, внимательно разсматривая случаи употребленія этого слова и сродныхъ съ нимъ въ старосѣверномъ языкѣ, не трудно понять связь между двумя столь отдаленными смыслами и послѣдовательный переходъ одного къ другому: глаголъ того же корня *greiða* (готск. *garaidjan*= διατάσσειν)= 1) приводить въ порядокъ, распутывать (напр., волосы); 2) распутывать смыслъ чего-либо, т. е. толковать, устанавливать извѣстное пониманіе (напр., законовъ); совершенно параллельно этому и существит. *grein*= 1) раздѣленіе на части, разборъ; 2) разборъ смысла чего-либо, т. е. толкованіе. Но первая изъ указанныхъ сторонъ значенія слова получила широкое развитіе все въ болѣе и болѣе конкректномъ направленіи: оно стало служить для выраженія не только процесса самаго дѣленія, но и результата этого дѣйствія, вслѣдствіе чего *grein* также=часть, отдѣлъ, отвѣтвленіе и, наконецъ, просто вѣтвь. Изъ предыдущаго видно, что есть полное основаніе считать ш. *gren* чисто германскимъ; тогда какъ малая распространенность слова *grana* въ славянскихъ языкахъ [6]) дѣлаетъ слишкомъ сомнительнымъ предположеніе о принадлежности его языку прибалтійскихъ славянъ, а, слѣд., и о происхожденіи отсюда ш. *gren*.

---

[1]) Тамъ же, S. 84, § 136.
[2]) Тамъ же, S. 130, § 232.
[3]) Noreen II, S. 116.
[4]) Noreen I, S. 63, § 95.
[5]) G. Vigfusson, p. 213.
[6]) Miklosich, s. 76.

Точно также мало вѣроятна гипотеза г. Mikkola о генетической зависимости *Miollnir* отъ соотвѣтствующаго славянскаго слова. Прежде всего, далеко нельзя считать доказаннымъ присутствіе въ корнѣ этого миѳологическаго названія *ll*: существуетъ несомнѣнно родственное ему слово *myln*—съ однимъ *l*, и еще вопросъ, какой изъ способовъ написанія болѣе правильный [1]); но даже подтвердивъ рядомъ несомнѣнныхъ доводовъ, что *Miollnir* произносилось нѣкогда съ долгимъ *l*, нельзя тѣмъ самымъ опровергнуть его германское происхожденіе—наоборотъ, послѣднее становится вѣроятнѣе, какъ выяснилъ А. Kock [2]). Между тѣмъ, принимая мнѣніе г. Mikkola, наталкиваешься на слѣдующее затрудненіе: совершенно не понятно, почему глухой далъ въ старосѣверномъ языкѣ дифтонгъ *io*; откуда взялось гласное *i*, если въ праславянскомъ былъ здѣсь ъ (**мълнъja*), на мѣстѣ котораго находимъ въ кашубскомъ *ö*, въ полабскомъ—å, не смягчающія предыдущаго гласнаго. Но если даже допустить, что прототипомъ *Miollnir* послужила форма въ родѣ предполагаемой шведскимъ ученымъ кашубской **mölna*—съ мягкимъ *m*, то еще требуется доказать, что она восходитъ къ отдаленной древности, куда приходится отнести время заимствованія.

Равнымъ образомъ, признавая вполнѣ правильнымъ предположеніе автора, что въ языкѣ прибалтійскихъ племенъ существовали нѣкогда плавныя сочетанія вида *talt* [3]), трудно все-таки согласиться, чтобы ш. *palta* было славянскаго происхожденія-т. е. одного корня съ р. ***полотно:*** спрашивается, куда дѣвалось *n*; исчезновеніе его на славянской почвѣ предположить трудно, потому что слово во всѣхъ славянскихъ языкахъ звучитъ съ

---

[1]) Напомнимъ, что одинъ изъ лучшихъ знатоковъ старосѣвернаго языка А. Noreen пишетъ это слово черезъ одно *l*; Noreen I, S. 164, § 306.

[2]) Indogermanische Forschungen X, S. 110 f.

[3]) При бѣгломъ пересмотрѣ Codex'a Pomeraniae, В. I, мнѣ удалось найти слѣдующіе три примѣра этого вида плавныхъ сочетаній, изъ которыхъ, впрочемъ, одинъ сомнителенъ: *Wolsigore* (Haarberg, S. 190), собственное имя *Balto* (S. 878), *Bolta* (S. 880)=Болото; собственное имя *Goldon*—одного корня съ *голодный*(?) (S. 94); кромѣ того, въ Meklenburgisches Urkundenbuch hrsgg. v. dem Meklenburg. Verein, В. III, Schwerin 1865, S. 320 мнѣ попалось имя *Molteko* (Молотокъ).

этимъ суффиксомъ [1]); точно также немыслимо выпаденіе его и въ шведскомъ языкѣ. Поэтому для ш. *palta* приходится искать иной оригиналъ [2]).

Считая на основаніи выше приведенныхъ соображеній происхожденіе словъ: *gren*, *Miollnir*, *palta* изъ языка прибалтійскихъ племенъ недоказаннымъ, я полагаю, что въ остальныхъ случаяхъ вполнѣ можно согласиться съ мнѣніемъ уважаемаго автора; впослѣдствіи придется лишь сдѣлать кое-какія дополненія къ его изслѣдованію.

---

3. Прибалтійско-славянскія заимствованныя слова въ сѣверныхъ германскихъ языкахъ.

Разсмотрѣнная только что работа г. Mikkola представляетъ крупный интересъ для филолога-слависта; она невольно наталкиваетъ на слѣдующій выводъ: если у сѣверныхъ германскихъ народностей есть, дѣйствительно, нѣкоторый запасъ словъ, заимствованныхъ у прибалтійскихъ славянъ, то въ такихъ словахъ мы находимъ новый источникъ для изученія языка этихъ исчезнувшихъ за немногими исключеніями представителей нашего племени [3]).

Высказанная мысль пріобрѣтетъ въ нашихъ глазахъ полный смыслъ и значеніе, если мы обратимъ вниманіе на тѣ затрудни-

---

[1]) Miklosich, S. 256.

[2]) Невольно напрашивается попытка сблизить ш. *palta* съ тожественнымъ по значенію готск. *plats* (тряпка, заплата), нл. *plette*, срнн. *plat* и пр. (срв. Uhlenbeck, Etymologisches Wörterbuch der gotischen Sprache, Amsterdam 1896, S. 114); но какъ тогда объяснить перестановку: $l+a=a+l$? въ шведскомъ языкѣ подобный метатезисъ встрѣчается лишь въ слабоударяемыхъ слогахъ (Noreen II, S. 266, § 339,1).

[3]) Г. Mikkola интересуется славянскими словами, зашедшими въ Скандинавію, какъ изслѣдователь шведскаго языка; это можно заключить изъ того факта, что на свою статью онъ смотритъ, какъ на дополненіе къ упомянутому много разъ выше изслѣдованію проф. Tamm'a; срв. начало его работы, AfnF XIX, S. 325.

тельныя условія, въ какія поставлено изученіе названнаго языка. Онъ извѣстенъ намъ на основаніи слѣдующихъ матеріаловъ: 1) по памятникамъ нарѣчія вымершихъ полабскихъ племенъ XVII и XVIII вв.; 2) по собраннымъ въ XIX ст. свѣдѣніямъ о живыхъ говорахъ кашубовъ, словинцевъ и кабатковъ [1]).

Но оба эти источника даютъ намъ представленіе лишь о позднѣйшей стадіи его развитія, начиная съ XVII в. Что же касается исторіи его до этого времени, то о ней можно судить, съ одной стороны, на основаніи мѣстныхъ названій, съ другой—собственныхъ именъ да отдѣльныхъ словъ и выраженій, изрѣдка встрѣчающихся въ латинскихъ и нѣмецкихъ грамотахъ Помераніи, Мекленбурга и пр. Какъ видимъ, матеріалъ чрезвычайно скуденъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и крайне ненадеженъ. Мѣстныя названія сохранились, большею частью, въ искаженномъ видѣ—не всегда даже ясно, какое нарицательное имя легло въ ихъ основу; но и помимо этого они оказываются мало пригодными для упомянутой цѣли: если въ иномъ изъ нихъ и проглядываетъ ясно своеобразная черта создавшаго ихъ языка, то мы встрѣчаемся здѣсь только съ голымъ фактомъ; но когда онъ возникъ, въ какомъ отношеніи находится къ ряду сродныхъ явленій—все подобные существенные вопросы остаются безъ отвѣта. Гораздо болѣе цѣнныя данныя можно почерпнуть изъ грамотъ: кромѣ именъ и отдѣльныхъ словъ порой здѣсь попадаются цѣлыя выраженія, выхваченныя изъ живого языка и—что особенно важно—всегда извѣстно время, къ какому они относятся. Но несмотря на свое сравнительно богатое содержаніе, несмотря на строгую точность своихъ хронологическихъ указаній и этотъ источникъ оказывается недостаточнымъ въ другомъ отношеніи: переданные въ латинской транскрипціи

---

[1]) Разсматривая полабскій, а также и кашубскій языки, какъ нарѣчія нѣкогда существовавшаго языка прибалтійскихъ славянъ, я становлюсь на точку зрѣнія Гильфердинга, которая была вполнѣ оправдана рядомъ послѣдующихъ изслѣдованій; см. S. Romult, Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego, w Krakowie 1893 (эта работа извѣстна мнѣ лишь по цитатамъ); Бодуэнъ-де-Куртенэ, Кашубскій языкъ, народъ и вопросъ, Ж. М. Н. П. 197, май, стр. 124; Lorenz, Das gegenseitige Verhältniss der sogenannten lechischen Sprachen, AfsPh XXIV, S. 1—2, 65, 69.

безъ всякой системы остатки рѣчи вымершихъ племенъ представляютъ иногда почти непреодолимыя трудности для ученаго, пытающагося возстановить ихъ въ первоначальномъ видѣ: опредѣлить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, какіе славянскіе звуки слѣдуетъ разумѣть подъ тѣми или другими латинскими буквами—очень и очень нелегкая задача [1]).

Конечно, построить исторію языка на основаніи столь бѣдныхъ и шаткихъ матеріаловъ, какъ приведенные выше—дѣло чрезвычайно трудное, и не удивительно, что, несмотря на всю его важность и въ историческомъ [2]), и въ филологическомъ отношеніяхъ [3]), за него до сихъ поръ никто не взялся.

Возвращаясь послѣ этого отступленія къ славянскимъ словамъ, пришедшимъ изъ-за Балтійскаго моря въ Скандинавію, приходится отмѣтить, что знакомство съ ними можетъ оказать значительную помощь при выполненіи такой работы [4]).

Въ виду скудости матеріаловъ, какая наблюдается въ данномъ случаѣ, всякій новый источникъ, а, значитъ, и упомянутыя слова, имѣетъ большую цѣнность. Но этого мало: въ смыслѣ пригодности для цѣлей изслѣдованія языка прибалтійскихъ славянъ въ періодъ его развитія до XVII в., они не уступятъ ни

---

[1]) Срв. Кочубинскій, **Polabani**, Зап. Новороссійск. Универс., т. XXVII, стр. 105 сл.

[2]) Срв. тамъ же, стр. 77 сл.

[3]) Срв., напр., Кочубинскій, Основная вокализація плавныхъ сочетаній, ч. II, стр. 24. Для славянской филологіи было бы весьма важно выяснить, въ какихъ отношеніяхъ находятся встрѣчающіяся въ латинскихъ грамотахъ полногласныя формы (*Voronoriži*, *Kerlingorod*, *Zereżepani=Через-*) къ соотвѣтствующимъ русскимъ, особенно, въ виду того, что полногласіе считается однимъ изъ основныхъ признаковъ русскаго языка, отдѣляющимъ его отъ другихъ славянскихъ нарѣчій.

[4]) Славянскія слова въ сѣверныхъ германскихъ языкахъ преимущественно пригодны для такой цѣли: въ виду географическаго положенія, въ Скандинавіи могло отразиться, особенно въ древнее время, лингвистическое вліяніе, шедшее лишь изъ Россіи и отъ прибалтійскихъ славянъ; тогда какъ въ Германіи могли скрещиваться воздѣйствія различныхъ славянскихъ языковъ, и, слѣдовательно, точно опредѣлить родину каждаго отдѣльнаго слова, заимствованнаго нѣмцами отъ славянъ, гораздо труднѣе.

мѣстнымъ названіямъ, ни остаткамъ, извлекаемымъ изъ грамотъ, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, пожалуй, даже превзойдутъ ихъ.

Прежде всего они будутъ способствовать выясненію лексическаго состава языка, что̀ весьма важно: на основаніи другихъ источниковъ мы получаемъ о немъ весьма слабое представленіе. Равнымъ образомъ, и при построеніи исторіи звуковыхъ явленій имъ должна принадлежать извѣстная роль. Такъ какъ сѣверные германскіе языки изучены теперь довольно хорошо, то на основаніи фонетическихъ законовъ всегда возможно опредѣлить, съ той или другой степенью вѣроятности, когда данное славянское слово проникло въ Скандинавію—при недостаточности фонетическихъ данныхъ можно прибѣгнуть къ историческимъ—и какой видъ оно имѣло послѣ перехода на чужую почву. Получивъ такимъ образомъ первичную его форму, остается выяснить, почему ее приходится считать происходящей изъ языка прибалтійскихъ славянъ. Для рѣшенія этого вопроса, само собой понятно, требуется указать въ ней присутствіе звуковыхъ особенностей, свойственныхъ исключительно послѣднему; но здѣсь могутъ имѣть мѣсто три слѣдующихъ случая: фонетическія явленія, подмѣченныя въ томъ или другомъ заимствованномъ скандинавами словѣ, могутъ встрѣчаться на родной почвѣ 1) въ древнюю эпоху въ старыхъ грамотахъ, сохранившихъ остатки названнаго языка, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ позднѣйшій періодъ его развитія, начиная съ XVII в.; 2) только въ старыхъ грамотахъ; 3) только въ позднѣйшій періодъ. Отъ этихъ чисто внѣшнихъ обстоятельствъ зависитъ значеніе словъ, какъ матеріала для построенія исторіи интересующаго насъ языка: тѣ изъ нихъ, которыя подойдутъ подъ первую рубрику, могутъ играть лишь ничтожную роль при такой работѣ: они лишній разъ подтвердятъ то, что извѣстно и безъ нихъ. Гораздо интереснѣе слова, относящіяся ко второй группѣ: сохранивъ въ себѣ фонетическія явленія, которыя засвидѣтельствованы лишь находимыми въ старыхъ грамотахъ примѣрами, они заставятъ видѣть въ послѣднихъ не описки или какія-либо иныя случайности—подозрѣніе, могущее возникнуть особенно при ничтожномъ количествѣ подобныхъ примѣровъ—а факты языка, исчезнувшіе впослѣдствіи. Не менѣе важны и слова третьей группы: заключая въ себѣ ту или иную звуковую особенность, обычную

въ позднѣйшій періодъ, т. е. съ XVII в., но не засвидѣтельствованную въ болѣе раннюю пору, они помогутъ выяснить время ея возникновенія: моментъ заимствованія слова скандинавами имѣетъ въ данномъ случаѣ значеніе termini ante quem [1]).

Резюмирую вкратцѣ приведенныя соображенія о роли, какую могутъ играть при изученіи исторіи языка прибалтійскихъ славянъ, слова, зашедшія отъ послѣднихъ къ сѣвернымъ германцамъ: они будутъ способствовать выясненію лексическаго состава, установленію древнихъ звуковыхъ особенностей, изрѣдка лишь засвидѣтельствованныхъ въ историческихъ документахъ, выработкѣ хронологіи фонетическихъ явленій.

Теперь остается привести рядъ примѣровъ, чтобы подтвердить высказанныя выше положенія; отъ полнаго изслѣдованія, конечно, приходится здѣсь отказаться: оно потребовало бы огромнаго труда—пересмотра лексическаго состава сѣверныхъ германскихъ языковъ [2]) въ связи съ изученіемъ остатковъ рѣчи вымершихъ славянъ.

Имѣя въ виду намѣченную цѣль, я приведу въ алфавитномъ порядкѣ нѣкоторое количество словъ, проникшихъ въ Скандинавію отъ славянъ, населявшихъ южный берегъ Балтійскаго моря, и покажу въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, на какомъ основаніи приписывается имъ такое происхожденіе, а затѣмъ уже постараюсь иллюстрировать ихъ роль при выясненіи тѣхъ или другихъ чертъ создавшаго ихъ языка.

---

[1]) Отсюда видно, что насъ интересуютъ лишь слова, попавшія къ скандинавамъ до XVII в.; заимствованія, сдѣланныя позднѣе этого времени—впрочемъ, ихъ и трудно предположить въ виду вымиранія славянской рѣчи на южномъ берегу Балтійскаго моря—не могутъ имѣть такого значенія вслѣдствіе наличности болѣе надежныхъ источниковъ. Вотъ почему раньше (стр. 4) было отмѣчено, что въ настоящей работѣ будутъ подвергнуты болѣе тщательному изслѣдованію славянскія слова, встрѣчающіяся, главнымъ образомъ, въ старосѣверномъ языкѣ.

[2]) Особенно большой интересъ представляетъ не изслѣдованный еще въ этомъ отношеніи датскій языкъ; въ виду тѣснаго сожитія съ прибалтійскими славянами, германское племя, населяющее Ютландію, могло позаимствовать у нихъ не мало словъ.

Сш. *bisman*, *bismari*, современное ш. *besman*, діалектическое *besmar;* и. *bismari*, н. *bismar*. Первоначальная форма, къ которой восходятъ остальныя, сш. *bisman: i* перваго слога, вѣроятно, лишь въ позднѣйшее время было замѣнено черезъ *e* (откуда—ш. *besman*, *besmar*), прочія же формы совершенно правильно сохранили *i*, потому что *a*-umlaut, подъ вліяніемъ котораго могъ произойти переходъ *i* въ *e*, въ древній періодъ развитія сѣверныхъ германскихъ языковъ въ долгихъ слогахъ не дѣйствовалъ [1]); точно также и окончаніе *n* было лишь впослѣдствіи вытѣснено обычнымъ германскимъ суффиксомъ *r* (отсюда—сш. *bismari*, н. *bismar* и пр.). Это слово тюркскаго происхожденія [2]); проникло оно къ скандинавамъ черезъ посредство балтійскихъ славянъ. Раньше было уже указано (стр. 12), что у поляковъ народная этимологія преобразовала его на свой ладъ; то же самое произошло у насъ; то же самое могло произойти и въ языкѣ названныхъ славянъ. Въ такомъ случаѣ мы въ правѣ предполагать у нихъ существованіе слова **bizman*, вполнѣ соотвѣтствующаго п. *przezmian*, народному р. ***безмѣнъ***, т. е. состоящаго изъ предлога *biz* (=*без*) и корня *man* (=***мѣн***): ***ѣ*** въ языкѣ прибалтійскихъ славянъ во многихъ случаяхъ=*a*, не смягчающему предыдущаго гласнаго [3]); равнымъ образомъ, переходъ *e* въ *i* въ предлогѣ *biz* весьма вѣроятенъ: это явленіе встрѣчается въ полабскомъ языкѣ (именно, ударяемое праславянское *e* между прочимъ предъ *z*=полаб. *i* [4]) и не чуждо кашубскому [5]).

---

[1]) A. Kock, PBB XXIII, S. 546, 554.

[2]) Miklosich, S. 8; Гротъ, Филолог. Разысканія, стр. 449, 457.

[3]) Такое *a* встрѣчаемъ въ полабскомъ (Schleicher, S. 89, § 52, 2; срв. S. 85), кашубскомъ (Флоринскій, Лекціи II, стр. 565) и въ старыхъ грамотахъ (срв., напр., *Pana*, *Pena*=Пѣна—рѣка, *Sadlin*, *Sedlin*=Сѣдлинъ и др.; Pommersches Urkundenbuch hrsgg. von Prümers, B. I, Abth. 2, Stettin 1877, S. 615, 636). Можно думать, что *a*,=праслав. ***ѣ***, было первоначальнымъ въ языкѣ прибалтійскихъ славянъ; замѣна же ***ѣ*** другими звуками въ кашубскомъ и полабскомъ была явленіемъ вторичнымъ, явившимся уже какъ слѣдствіе измѣненія *a*. См. Флоринскій, тамъ же; срв. также Schleicher, отдѣлы, посвященные изслѣдованію звуковъ *a* (S. 68 ff.) и ***ѣ*** (S. 83 ff.).

[4]) Schleicher, S. 49 f., § 21, 5.

[5]) Флоринскій, Лекціи II, стр. 568. Срв. также имя *Bismast* = ohne Raum, der keine Stelle hat; см. Codex Pomeraniae diplomaticus, B. I, S. 300.

Оправданная такимъ образомъ прибс. форма **bizman* и послужила оргиналомъ для сш. *bisman*. Что касается времени заимствованія, то на основаніи лингвистическихъ данныхъ опредѣлить его невозможно; судя же по тому, что слово это всрѣчается въ позднѣйшей формѣ (*bismari*) въ памятникахъ начала XIII в. (напр., въ Gulapinglög [1]), проникновеніе его къ скандинавамъ приходится отнести къ болѣе ранней порѣ—XII, а, можетъ быть, и XI в.

Сс. *Bjálkaland*=Страна Бѣлокъ; названіе это встрѣчается въ Örvar-Oddssaga'ѣ и, слѣд., было въ употребленіи у скандинавовъ до начала XIV в. [2]) Первая часть его—*bjálka-* заимствовано у прибалтійскихъ славянъ, какъ можно судить на основаніи слѣдующихъ соображеній: замѣна *ѣ* черезъ *a*, смягчающее предыдущій гласный или несмягчающее его, встрѣчается уже рано въ ихъ языкѣ [3]); не чуждо ему было, вѣроятно, и слово *бѣлка*, какъ показываетъ мѣстное названіе: *Belzcowo*, *Belchovo*, *Belecowe*, *Beleczcoro* [4]); между тѣмъ вывести *bjálka-* отъ русскихъ—хотя это и заманчиво въ виду нѣкоторыхъ обстоятельствъ [5])—не представляется возможнымъ: *a* вм. *ѣ* въ старыхъ русскихъ говорахъ не встрѣчается [6]).

Сс. *brakun*; о происхожденіи его см. выше, стр. 15. Слово встрѣчается впервые въ сагѣ объ Олафѣ св., гдѣ и обозначено какъ чужое [7]); изъ этого факта вытекаетъ, что оно было занесено въ Скандинавію въ XIII в. [8]).

Báll. О происхожденіи см. выше, стр. 15. Въ дополненіе къ статьѣ г. Mikkola слѣдуетъ отмѣтить, что первоначальная

---

[1]) См. Vigfusson подъ словомъ *bismari*.

[2]) Grundriss, B. II, S. 836.

[3]) См. выше, стр. 24, прим. 3; срв. также слѣд. примѣры: *Bialcur* (Weissenberg), *Piacesne* (Песчаное), *Bale*, *Beale* (Бѣлое?); Codex Pomeraniae diplomaticus, B. I, S. 352, 612, 182, 185.

[4]) Тамъ же, стр. 215, 845, 847, 977.

[5]) Срв., напр., Grundriss, тамъ же.

[6]) Соболевскій, Лекціи по исторіи русскаго языка, Спб. 1891, стр. 37 сл.; срв. 42, 68 сл.

[7]) Приведенная въ словарѣ Fritzner'a цитата (см. выше, стр. 15) взята именно изъ этого произведенія; срв. Vigfusson подъ словомъ *brakun*.

[8]) Grundriss, B. II, Lief. 4, S. 807.

форма даннаго географическаго названія была *Bältin*, такъ какъ лишь *i* могло вызвать umlaut: *a*—*ä*; только впослѣдствіи *i* перешло въ *e* по общему правилу [1]). Проникло это слово къ сѣвернымъ германскимъ народностямъ ранѣе X в., потому что оно подверглось *i*-umlaut'у второго періода, наступившему около 900 г. [2]).

Ш. *gräns*, болѣе раннее *gränsa*; первоначальная шведская форма, къ которой можно возвести данное слово, звучала какъ *gränisa* или *gränsa* [3]), но не *granisa*, потому что оно было заимствовано сѣверными германцами значительно позже X в., т. е. въ ту пору, когда уже *i*-umlaut пересталъ дѣйствовать въ ихъ языкѣ [4]) и, слѣдовательно, *a* не могло перейти въ *ä*. Такъ какъ въ современномъ кашубскомъ языкѣ *a* послѣ *r* замѣняется часто черезъ *e* [5]), и такъ какъ то же явленіе встрѣчается и въ старыхъ документахъ [6]), то есть основаніе предположить, что въ языкѣ прибалтійскихъ славянъ существовала форма *grenica* [7]).

---

[1]) Noreen I, S. 76, § 124; впрочемъ, вѣроятно, такого перехода *i* въ *e* совсѣмъ не было; послѣ слога съ *æ* онъ рѣдко встрѣчается (см. тамъ же, срв. Noreen II, S. 126, § 137; Grundriss, B. I, S. 590, § 145 b.); но и безъ этого окончаніе *in* могло быть принято за членъ и отброшено.

[2]) Noreen I, S. 44; О періодахъ *i*-umlaut'a см. A. Kock, Der *i*-umlaut und der gemeinnordische Verlust der Endvocale, PBB XIV, S. 57 ff.

[3]) Хотя изъ *gränisa* могло произойти *gränsa* совершенно правильно, путемъ выпаденія гласнаго (въ данномъ случаѣ—*i*) послѣ ударяемаго слога, что́ наблюдается особенно въ иностранныхъ словахъ (см. Noreen II, S. 144, § 156, 2), но вторую форму можно скорѣе признать первоначальной: *gränisa*, насколько мнѣ извѣстно, нигдѣ не засвидѣтельствовано.

[4]) Noreen I, S. 44.

[5]) Флоринскій, Лекціи II, стр. 565; Бодуэнъ-де-Куртенэ, Ж. М. Н. П. 1897, апрѣль, стр. 356.

[6]) Въ Pommersches Urkundenbuch hrsgg. von Prümers, B. I, Abth. 2, Stettin 1877, находимъ имена: *Retiborius* (S. 564), *Redozlaus* (тамъ же) и многія другія подобныя. Аналогичное явленіе имѣло мѣсто въ полабскомъ языкѣ, гдѣ *ra* передъ ударяемымъ слогомъ=*rå*; см. Schleicher, S. 72, § 41.

[7]) См. I. E. Wocel, Památky Lutických Slowanů въ Časopis Českého Museum 1849, кн. II, стр. 104 сл., гдѣ какъ разъ приведена изъ старыхъ грамотъ форма *grenica*; ее же мы встрѣчаемъ въ Codex Pomeraniae, B. I, S. 234.

Съ другой стороны, въ кашубскомъ суффиксъ *ica* можетъ сокращаться въ *ca*, начиная съ отдаленнаго времени [1]), чѣмъ устанавливается также и форма **grenca*, какъ вполнѣ вѣроятная въ нарѣчіяхъ вымершихъ племенъ. Принявъ же во вниманіе, что славянское *e*, возникшее изъ *a* послѣ *r*, передается въ шведскомъ черезъ *ä*, какъ показываетъ, по крайней мѣрѣ, одинъ достовѣрный примѣръ: *räka* изъ прибс. *rek* (см. выше, стр. 13),—происхожденіе ш. *gräns* изъ языка прибалтійскихъ славянъ можно считать вполнѣ доказаннымъ.

Ш. *gurka*—слово восточнаго происхожденія, пришедшее изъ Византіи чрезъ славянъ къ германцамъ вмѣстѣ съ продуктомъ [2]). Въ Швецію проникло оно отъ прибалтійскихъ племенъ, какъ показываютъ слѣдующія соображенія: мы имѣемъ основаніе предполагать у нихъ существованіе діалектической, по крайней мѣрѣ, формы, тожественной шведской, т. е. *gurka*: исчезновеніе начальнаго *o* не чуждо полабскому языку [3]); точно также замѣна суфикса å*k* (=*цс.* ъ*k*) черезъ *ka* въ уменьшительныхъ именахъ муж. р. составляетъ одну изъ любопытныхъ его чертъ [4]). Правда, приходится сознаться, что подобная форма мало вѣроятна въ названномъ языкѣ: отпаденіе начальнаго *o* въ немъ чрезвычайно рѣдко [5]). Но съ другой стороны попытка вывести ш. *gurka* отъ

---

[1]) *Jazniza—Jazinza*, *Smirdeniz—Zmirdinza* и мн. др.; см. Pommersches Urkundenbuch, тамъ же, S. 603, 623; срв. Бодуэнъ-де-Куртенэ, Ж. М. Н. П. 1897, май, стр. 87.

[2]) Miklosich, S. 371.

[3]) Schleicher, S. 67, § 36, 1.

[4]) Schleicher, S. 35, § 11, Anm.; кажется, это явленіе довольно рано возникло въ языкѣ прибалтійскихъ славянъ: въ одной грамотѣ 1288 (Meklenb. Urkundenbuch, B. III, S. 320) встрѣчаются имена: *Molteko* (=р. молотокъ?) *Mosteko* (=р. мостокъ?). Впрочемъ, срв. ниже, стр. 35, прим. 3.

[5]) Обыкновенно такое *o* замѣнялось въ полабск. языкѣ черезъ *vå* или *vü* (Schleicher, S. 64 ff., § 33, 34); въ кашубскомъ языкѣ находимъ также передъ начальнымъ *o* придыхательное *v* (Флоринскій, Лекціи II, стр. 568); встрѣчается оно часто и въ латинскихъ грамотахъ (срв., напр., *ostrow—wustrow*, Codex Pomeraniae, B. I, S. 47); въ виду этого можно думать, что данное слово звучало у вымершихъ племенъ, обыкновенно, какъ *vugurka*, откуда ведетъ, очевидно, свое начало нѣмецкое діалектическое *wokurke*.

иного народа представляетъ значительныя трудности. Сходныя формы мы находимъ у нѣмцевъ—*gurke* и у сербо-лужичанъ—*gurka*; но считая первое оригиналомъ ш. *gurka*, какъ объяснить замѣну конечнаго *e* черезъ *a*? непосредственное же заимствованіе отъ лужичанъ трудно допустить по той причинѣ, что территорія ихъ была отдѣлена отъ шведской прибалтійско-славянскими и нѣмецкими землями. Выбирая изъ трехъ возможныхъ случаевъ самый вѣроятный, приходится признать, что оригиналомъ ш. *gurka* явилось діалектическое прибс. *gurka*.

Сс. *menta*, ш. *mänt*, *mänta*; о происхожденіи см. выше, стр. 14; заимствовано это слово ранѣе конца X в., ибо подверглось *i*-umlaut'у [1]).

Ш. *palt*, см. выше, стр. 14; судя по тому, что плавныя сочетанія вида *talt* попадаются, насколько мнѣ извѣстно, очень рѣдко въ латинскихъ грамотахъ, сохранившихъ остатки языка прибалтійскихъ племенъ, и при этомъ только въ собственныхъ именахъ (срв. выше, стр. 18 прим. 3), есть основаніе думать, что они исчезли очень рано, можетъ быть, до X в.; слѣд., это слово принадлежитъ къ числу самыхъ древнихъ заимствованій.

Ш. *pasman*, *pasma*; н. *pasn*, *passen* и *basma*, *basm*; основной формой, изъ которой возникли всѣ остальныя, приходится считать ш. *pasman*. Конечное *n* послѣ слабо-ударяемаго гласнаго отпало въ половинѣ XV в. [2]), и такимъ образомъ возникло ш. *pasma* [3]); далѣе, путемъ замѣны *p* черезъ *b*—явленіе, наблюдаемое въ заимствованныхъ словахъ [4])—появились н. *basma* и *basm*. Миклошичъ (S. 233) и проф. Fredr. Tamm (S. 6) полагаютъ, что это слово проникло въ Скандинавію при посредствѣ финновъ (ф. *pasma*). Но съ названными учеными, несмотря на весь ихъ автори-

---

[1]) Noreen I, S. 44.

[2]) Noreen II, S. 246, § 317, 3.

[3]) Возникнувъ діалектически, такая форма проникла потомъ въ литературный языкъ: воздѣйствіе народныхъ говоровъ на послѣдній продолжалось и послѣ его образованія; см. N. Beckman, въ Nyare Bidrag till Kännedom om de svenska Landsmålen, B. XIII, 3, S. 48 f.; срв. S. 15 ff.

[4]) Noreen II, S. 206, § 265, anm. 2.

тетъ, согласиться нельзя: если ихъ мнѣніе признать справедливымъ, то формы съ *n* на концѣ остаются совершенно необъяснимыми [1]). Это затрудненіе исчезнетъ, если ш. *pasman* считать основной формой: 1) изъ нея, какъ мы видѣли, совершенно правильно вытекаютъ всѣ прочія варіаціи этого слова, находимыя у скандинавовъ; 2) существуетъ какъ разъ соотвѣтствующій ей оригиналъ: въ полабскомъ языкѣ встрѣчается слово *postą* [2]), которое принадлежитъ къ основамъ на *ąt* (=ѦТ) средн. рода и имѣетъ, слѣдовательно, въ имен. пад. единств. числа окончаніе *ą*=цс. Ѧ [3])— звукъ, передаваемый въ шведскомъ языкѣ черезъ *an*, какъ показываетъ имя *Scanie* (см. выше, стр. 14). Различіе же коренныхъ гласныхъ не можетъ служить помѣхой къ принятію изложеннаго взгляда на происхожденіе ш. *pasman*: замѣну ударяемаго *a* черезъ *o* далеко нельзя считать исконнымъ явленіемъ въ языкѣ прибалтійскихъ славянъ (срв. выше, стр. 24, прим. 3) [4]). Проникло славян. *postą* въ Скандинавію ранѣе XV, какъ показываютъ формы безъ конечнаго *n*, возникшія изъ основной въ половинѣ названнаго столѣтія; но моментъ этотъ придется значительно отодвинуть назадъ къ XIII в. или дальше, если принять во вниманіе, что въ Hervararsaga'ѣ встрѣчается, очевидно, то же слово—*basmir* (вин. мн. ч.), хотя значеніе его здѣсь и довольно неясно [5]).

Ш. *riska* заимствовано у прибалтійскихъ славянъ: суффиксъ *ik* въ полабскомъ=*aika* [6]); на этомъ основаніи въ языкѣ названныхъ племенъ можно предполагать форму **ryzika* [7]) откуда воз-

---

[1]) На вопросъ о ихъ происхожденіи проф. Tamm не можетъ найти удовлетворительнаго отвѣта; срв. цитированную работу, S. 6.

[2]) Miklosich, S. 233.

[3]) Schleicher, S. 186, § 144, 2.

[4]) Въ Codex Pomeraniae встрѣчаемъ мѣстныя названія: *Babyn* (S. 131 и др.), *Caminiz* (S. 72 и др.), тогда какъ въ полабскомъ нарицательныя имена, отъ которыхъ произошли эти названія, звучатъ: *boba*, *komâi* (Schleicher, S. 69, 70); въ кашубскомъ—*bôbka* (Lorenz, AfsPh XXIV, S. 12). Впрочемъ, для точности слѣдуетъ отмѣтить, что при переходѣ *a* въ *o* въ кашубскомъ играетъ роль не удареніе, а количество--долгота и краткость; срв. тамъ же, S. 22 f.

[5]) Vigfusson, стр. 53.

[6]) Schleicher, S. 35 f., § 11, Anm.

[7]) Въ полабскомъ языкѣ должно предполагать сообразно его законамъ форму *râizaika*; но превращеніе въ дифтонгъ: *u*=*ai* и *ы*=*âi*, замѣчаемое въ

никло шведское слово путемъ обычнаго выпаденія гласнаго (въ данномъ случаѣ—*i*) послѣ сильно-ударяемаго слога [1]).

Ш. *räka*; См. выше, стр. 13.

Сс. *Serkr*, ш. *särk*, д. *særk*, англо-сакс. *serce* (панцырь). Первоначальная форма—**sarkr*; изъ нея подъ вліяніемъ *i*-umlaut'а возникло сс. *serkr*, при чемъ *e* (*ä*) въ корнѣ удержалось даже въ тѣхъ случаяхъ, когда въ падежныхъ окончаніяхъ отсутствовало *i*, могущее вызывать *i*-umlaut, и когда по правилу слѣдовало бы ожидать возстановленія первоначальнаго *a*—явленіе, обычное въ основахъ на -*i* [2]). Миклошичъ высказываетъ предположеніе, что это слово было занесено изъ Россіи въ Скандинавію, а оттуда въ Англію [3]). Но съ его мнѣніемъ согласиться нельзя: нѣтъ возможности объяснить на основаніи фонетическихъ законовъ, какимъ образомъ р. *сороч-*, *сорок-* дало у сѣверныхъ германцевъ *sark-*. Между тѣмъ, такое затрудненіе совершенно устраняется при предположеніи, что данное слово заимствовано у прибалтійскихъ славянъ; форму **sarka*, строго соотвѣтствующую сс. **sarkr*, съ полнымъ правомъ можно считать исконной въ ихъ языкѣ: плавныя сочетанія вида *tart* свойственны современному кашубскому [4]), вымершему полабскому [5]) и обычны въ старыхъ грамотахъ [6]). Про-

---

этомъ языкѣ и обязанное своимъ происхожденіемъ сильному нѣмецкому вліянію (Schleicher, S. 74 f.), далеко не свойственно всей области прибалтійскихъ славянъ: его мы не находимъ въ кашубскомъ языкѣ (Флоринскій, Лекціи II, стр. 565); не приходилось мнѣ его встрѣчать и въ грамотахъ—наоборотъ, здѣсь попадаются такія формы: *Dimin*, *Ribeniz* (Codex Pomeraniae, S. 36, 61), тогда какъ въ полабскомъ нарицательныя, составившія основу этихъ названій, звучатъ: *dåim*, *råibo* (Schleicher, S. 101, § 62). Этими фактами оправдывается возстановленная форма *ryzika*.

[1]) Noreen II, S. 144, § 156, 2.

[2]) Noreen I, S. 173, § 327, срв. S. 171, § 324; Noreen II, S. 307, § 409 ff.

[3]) Miklosich, S. 316.

[4]) Флоринскій, Лекціи II, стр. 566.

[5]) Впрочемъ, въ полабскомъ языкѣ почти исключительно господствуетъ *tort*, см. Schleicher, S. 153 f.; срв. Бодуэнъ-де-Куртенэ, Ж. М. Н. П. 1897, май, стр. 120.

[6]) *Belegard* (Бѣлгородъ), *Dargoslaus* (Драгославъ), см. Codex Pomeraniae, B. I, S. 55, 803.

никло *sarka* въ Скандинавію ранѣе X в., какъ можно судить на томъ основаніи, что оно подверглось *i*-umlaut'у.

Ш. *siska* можно считать заимствованнымъ у прибалтійскихъ славянъ на томъ же основаніи, что и *riska*.

Ш. *Srante*, см. выше, стр. 14.

Сш. *tolker*, ш. *tolk*, и. *túlkr*, н. и д. *tolk*, срнн. *tolk*, *tollik*, нл. *tolk*. Первоначальная старосѣверная форма звучала, какъ было уже указано (стр. 9), *tulkr*. Обращаясь къ опредѣленію родины слова, должно замѣтить, что филологическія соображенія не имѣютъ здѣсь рѣшающаго значенія: сс. *tulkr* одинаково можетъ восходить къ др. *тълкъ* (ср. выше, стр. 8) и прибс. **tulk* [1]). Но, принявъ во вниманіе, съ одной стороны, сравнительную отдаленность Россіи, съ другой—интенсивность сношеній сѣверныхъ германцевъ съ южнымъ побережьемъ Балтійскаго моря начиная съ ранняго времени и близкое ихъ сосѣдство черезъ датчанъ съ вымершими племенами славянъ, скорѣе можно склониться къ мнѣнію, что сс. *tulkr* ведетъ свое начало отъ послѣднихъ, равно какъ срнн. и нл. *tolk* [2]): нѣтъ надобности искать оригинала вдали, если его можно найти, при равенствѣ прочихъ условій, въ непосредственной близости.

И. и н. *torg*, сш. *torgh*, д. *torv*; основная форма—*turg*, (см. выше, стр. 11). Подобно предыдущему и это слово можно выводить и отъ др. *търгъ* и отъ прибс. *turg* [3]), но тѣ же самыя условія заставляютъ высказаться въ пользу послѣдняго предположенія.

Оба слова: сс. *tulkr* и *turg* принадлежатъ къ числу раннихъ заимствованій: они встрѣчаются въ древнѣйшихъ литературныхъ памятникахъ [4]).

---

[1]) Хотя мѣстныя названія: *Tolkemize*, *Toltze*, въ основу которыхъ легло данное слово, звучатъ съ *o* въ корнѣ, но форма *tulk* вполнѣ была возможна въ языкѣ прибалтійскихъ славянъ; см. Кочубинскій, Основная вокализація плавныхъ сочетаній, ч. I, стр. 96 сл.

[2]) Напрасно поэтому нл. *tolk* сближаютъ съ соотвѣтствующимъ русскимъ словомъ; срв. Grundriss, B. I, S. 925.

[3]) Въ латинскихъ грамотахъ встрѣчаемъ *Torgovostat*, *Torgua*, *Turgua*, *Thurgowe*; см. Кочубинскій, Основная вокализація, ч. II, стр. 21 сл.

[4]) Срв. Vigfusson подъ словами: *torg* и *túlkr*.

4. Нѣкоторыя черты прибалтійско-славянскаго языка до XVII в. на основаніи его словъ, заимствованныхъ сѣверными германскими племенами.

Какъ ни малъ приведенный выше списокъ словъ, проникшихъ отъ прибалтійскихъ славянъ къ сѣвернымъ германцамъ, но и онъ позволяетъ уже угадать нѣкоторыя черты языка древняго періода (т. е. до XVII в.) этихъ исчезнувшихъ почти совсѣмъ нашихъ соплеменниковъ.

Прежде всего онъ расширяетъ представленіе о лексическомъ составѣ названнаго языка. Правда, присутствіе въ послѣднемъ такихъ словъ, какъ *ballino*, *grenca, rek, turg* и др., можно было предполагать и заранѣе: они слишкомъ широко распространены въ славянскихъ нарѣчіяхъ. Но нельзя того же сказать о *bizman*, *brakun*, *bialka*, *sarka, tulk*, которыя лишь изрѣдка встрѣчаются у родственныхъ намъ народовъ [1]) (а слово *brakun* совсѣмъ отсутствуетъ); въ виду этого было бы вѣроятнѣе a priori отрицать наличность ихъ у прибалтійскихъ племенъ, и только знакомство съ заимствованными словами скандинавовъ убѣждаетъ окончательно въ противномъ.

Далѣе, на основаніи того же списка можно составить нѣкоторую характеристику звуковыхъ явленій интересующаго насъ языка. Сообразно тому, что говорилось раньше (стр. 22) о значеніи заимствованныхъ словъ для этой цѣли, я постараюсь сообщить особенности его, отразившіяся въ такихъ словахъ, по слѣдующимъ рубрикамъ: I) фонетическія черты прибалтійско-славянскаго языка, свойственныя ему въ болѣе ранній періодъ (до XVII в.) и въ послѣдующую эпоху; II)—только въ древнѣйшій періодъ; III)—только въ позднѣйшее время.

I. 1) Праслав. группа *tart*=*tart*: *serkr* изъ **sarkr*; сочетаніе вида *tart* составляетъ одну изъ самыхъ характерныхъ чертъ

---

[1]) Срв. Miklosich, S. 8, 12, 316, 368.

интересующаго насъ языка; она встрѣчается въ историческихъ документахъ (*Belegard*, *Dargoslaus* [1]), въ полабскомъ [2]) и кашубскомъ [3]).

2) Праславян. *ъl=al*, *ъr=ar*: *tulkr*, *turg*; то же въ латинскихъ грамотахъ (*Toltze*, *Turgua*); въ кашубскомъ эти сочетанія=*ar*, *or*, *ör*; *ol*, *öl* и др. [4]).

3) Праслав. *ѣ=a*, смягчающему предыдущій гласный или несмягчающему его; *bisman*, *Bjälkaland*; та же замѣна засвидѣтельствована въ старыхъ грамотахъ (*Pana*, *Bismast*, *Bialcur*=Bielgor, Weissenberg; *Piacesno*=Песчаное [5]); съ ней мы встрѣчаемся въ полабскомъ [6]) и кашубскомъ [7]) языкахъ.

4) Праслав. *ę=ą*: *mänt*, *mänta*, *pasman*, *Svante*; это явленіе было свойственно языку и въ древній періодъ, до XVII в. (*Svantoritus*, *Zwantos* [8]) и въ новѣйшее время [9]).

5) Праслав. *a* (послѣ *r*)=*e*: *räka*, *gräns*; тотъ же переходъ обыченъ въ латинскихъ документахъ (*greniza*, *Redoslaus*, *Redomir* [10]) и въ кашубскомъ [11]); подобная же черта наблюдается и въ полабскомъ, гдѣ *ra*=*rå* [12]).

6) Праслав. *e=i*: *bisman*: такое *i* имѣетъ мѣсто въ отдѣльныхъ словахъ, находимыхъ въ грамотахъ (*Bismast*, *Sirkuist*, *Circhowe* [13]), и въ полабскомъ языкѣ [14]).

7) Суффиксъ *ica=ca*: *gräns* изъ *gränsa*; такое сокращеніе встрѣчается въ старыхъ грамотахъ (*Jazniza—Jazinza*, *Smirdeniz—Zmirdinza* [15]) и въ кашубскомъ [16]).

---

[1]) Codex Pomeraniae, B. I, S. 55, 803.
[2]) Schleicher, S. 153 f.
[3]) Флоринскій, Лекціи II, стр. 566.
[4]) Тамъ же, стр. 567.
[5]) Codex Pomeraniae, B. I, S. 411, 300, 352, 612.
[6]) Schleicher, S. 83 ff.
[7]) Флоринскій, Лекціи II, стр. 565.
[8]) Codex Pomeraniae, S. 69, 471.
[9]) Schleicher. S. 115 ff.; Флоринскій, Лекціи II, стр. 564.
[10]) Codex Pomeraniae, S. 234, 603.
[11]) Флоринскій, Лекціи II, стр. 565.
[12]) Schleicher, S. 72, § 41.
[13]) Codex Pomeraniae, S. 300, 250, 584.
[14]) Schleicher, S. 48 f., § 21.
[15]) Pommersches Urkundenbuch, B. I, Abth. 2, S. 603, 623.
[16]) Бодуэнъ-де-Куртенэ, Ж. М. Н. П. 1897, май, стр. 87.

Отсюда видно, что слова первой группы, какъ было уже сказано и выше, могутъ играть лишь ничтожную роль при изученіи исторіи языка прибалтійскихъ славянъ: всѣ перечисленныя здѣсь особенности извѣстны и безъ нихъ.

Но обратимся къ прочимъ подраздѣленіямъ.

II. 1) Праслав.группа *talt*=*talt*: *Bält* (изъ **baltin*), *palt*. Въ позднѣйшій періодъ сочетаніе вида *talt* не встрѣчается: въ полабскомъ на мѣсто его явилось *tlåt* [1]), въ кашубскомъ—*tlot* [2]). Равнымъ образомъ не находимъ его и въ латинскихъ грамотахъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ названій: *Balto, Molteko, Wolsigore, Goldon* (срв. выше, стр. 18, прим. 3). Но при безнадежной путаницѣ письма, царящей въ историческихъ документахъ, при невозможности вполнѣ убѣдиться, какое нарицательное имя легло въ основу того или иного собственнаго, указанные примѣры, взятые сами по себѣ, внушаютъ извѣстное сомнѣніе. Будучи же сопоставлены съ аналогичными словами, заимствованными скандинавами отъ прибалтійскихъ славянъ, они пріобрѣтаютъ бо̀льшую степень вѣроятности и позволяютъ группу *talt* считать особенностью—и, нужно замѣтить, весьма характерной особенностью языка прибалтійскихъ славянъ, которая исчезла, вѣроятно, весьма рано—до X в., какъ можно судить на основаніи слѣдующихъ данныхъ: въ латинскихъ грамотахъ она попадается очень рѣдко, да и то лишь въ названіяхъ мѣстъ и лицъ и при этомъ, очевидно, только въ такихъ, первоначальный смыслъ которыхъ былъ уже непонятенъ для народа; въ другихъ случаяхъ, гдѣ основное значеніе было ясно, уже въ древнѣйшую пору находимъ на мѣсто *talt*—*tlot*: *Ploth*=*Bloto* (948 г.), *Poblote*=am Sumpf (1159) [3]). Вспомнимъ также, что и *Bält* было заимствовано скандинавами ранѣе X в., какъ показываютъ фонетическіе законы (см. выше, стр. 26).

2) Замѣтка праславянскаго ударяемаго *a* черезъ *o*, наблюдаемая въ полабскомъ и кашубскомъ (впрочемъ, срв. выше, стр. 29, прим. 4) сравнительно позднее явленіе: оно отсутствуетъ въ за-

---

[1]) Schleicher, S. 70, § 39.

[2]) Флоринскій, Лекціи II, стр. 567.

[3]) Codex Pomeraniae, S. 19, 56.

имствованныхъ словахъ (*pas man*) и въ старыхъ грамотахъ (*Babyn Caminiz*, *Kamino* и др. [1]).

III. 1) Суффиксъ уменьшительныхъ именъ муж. рода *ъk*—*ka*; эту замѣну, мы встрѣчаемъ въ позднѣйшую пору въ полабскомъ языкѣ [2]), въ грамотахъ же она мнѣ не попадалась [3]); но что она была свойственна рѣчи прибалтійскихъ славянъ ранѣе XVII в., свидѣтельствуетъ ш. *gurka*. Къ сожалѣнію, недостатокъ необходимыхъ пособій не позволилъ мнѣ точно установить, когда это слово зашло въ Скандинавію, а слѣдовательно—къ какой порѣ приходится отодвинуть присутствіе суффикса *ka*=*ъk* въ языкѣ вымершихъ племенъ.

2) То же должно сказать и о суффиксѣ *ika*=*ik*, выступающемъ въ ш. *riska* и *siska*.

3) Въ полабскомъ языкѣ встрѣчались уменьшительныя формы, образованныя при помощи суффикса *ąl* и принадлежащія къ основамъ на -*ąt*=сц.-ѦТ [4]). Примѣровъ подобныхъ образованій нѣтъ въ старыхъ документахъ, но ш. *pasman*, заимствованное сѣверными германцами, вѣроятно, въ XIII в. или раньше, показываетъ, что они были свойственны языку вымершихъ племенъ уже въ ту отдаленную эпоху.

4) Отпаденіе начальнаго *o* точно также было ему нечуждо въ періодъ до XVII в., какъ свидѣтельствуетъ ш. *gurka* (если только въ основѣ его лежитъ, дѣйствительно, прибалтійско-славянскій оригиналъ; срв. выше, стр. 27).

Выше приведенный обзоръ доказалъ, что заимствованныя слова, принадлежащія ко второй и третьей группѣ, могутъ способствовать установленію и выясненію ряда явленій, свойственныхъ языку прибалтійскихъ славянъ въ болѣе ранній періодъ: они подтверждаютъ существованіе въ немъ плавныхъ сочетаній вида *talt*, отсуствіе перехода ударяемаго *a* въ *o*, убѣждаютъ, что

---

[1]) Codex Pomeraniae, B. I, S. 131, 72, 74.

[2]) Schleicher. S. 35, § 11.

[3]) Приведенныя выше (стр. 27, прим. 4) *Molteko* и *Mosteko* внушаютъ сомнѣніе: уменьшительныя ли это, или фамиліи, образованныя при помощи суффикса *ko*, на подобіе малороссійскихъ?

[4]) Schleicher, S. 185 f., § 144.

замѣна суффикса *ъk* черезъ *ka*, *ik* черезъ *ika* въ именахъ муж. рода, а равно и отпаденіе начальнаго *o* (?) было присуще ему и ранѣе XVII в., что образованіе уменьшительныхъ при помощи суффикса *ąt* составляетъ одну изъ древнихъ его чертъ.

Сообщенныя въ настоящей главѣ данныя выясняютъ въ достаточной степени ту роль, какую могутъ играть слова, проникшія къ скандинавамъ отъ прибалтійскихъ славянъ, въ дѣлѣ изслѣдованія языка послѣднихъ, и оправдываютъ такимъ образомъ основную мысль предложеннаго этюда [1]).

Оканчивая свою работу, я долженъ сказать въ заключеніе, что, хотя она и требуетъ поправокъ и дополненій—недостатокъ времени, а главное—отсутствіе необходимыхъ матеріаловъ и новизна вопроса да послужатъ мнѣ извиненіемъ—все-таки основное положеніе ея остается въ силѣ: если изстрадавшіеся при жизни и часто несправедливо забываемые послѣ смерти прибалтійскіе славяне дождутся, наконецъ, изслѣдователя своего языка [2]), то знакомство со словами, заимствованными скандинавами отъ этихъ почти исчезнувшихъ представителей нашего племени, окажетъ ему, несомнѣнно, помощь въ предпринятомъ трудѣ.

---

[1]) Замѣчу также мимоходомъ, что тѣ же слова могутъ представить интересъ и для историка; напр., нѣкоторыя изъ нихъ (*bisman*, *brakun*, *tolk*, *torg*) съ очевидностью доказываютъ существованіе интенсивныхъ торговыхъ сношеній Скандинавіи съ южнымъ побережьемъ Балтійскаго моря начиная уже съ отдаленнаго времени; въ числѣ предметовъ вывоза были, какъ показываетъ слово *pasman*, издѣлія изъ льна и конопли—фактъ небезинтересный въ томъ отношеніи, что, хотя обработка этихъ растеній прибалтійскими славянами извѣстна изъ памятниковъ (Giesebrecht, Wendische Geschichten, B. I, s. 17), но торговля ими не засвидѣтельствована (ср. тамъ же, s. 34 f.).

[2]) Авторъ самъ надѣется впослѣдствіи съ бóльшимъ запасомъ свѣдѣній и матеріаловъ обратиться къ изученію исторіи прибалтійско-славянскаго языка.

Объясненіе сокращеній.

AfnF=Arkiv för nordisk Filologi, utgivet genom A. Kocke
AfsPh=Archiv für slavische Philologie, hrsgg. v. V. Jagi.
Флоринскій, Лекціи II=Лекціи по славянскому языкознанію Т. Флоринскаго, ч. II, СПб. и Кіевъ 1897.
Grundriss=Grundriss der germanischen Philologie, hrsgg. von H. Paul, zweite Auflage, Strassburg 1901 ff.
Miklosich=Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen von F. Miklosich, Wien 1886.
Noreen I=Altnordische Grammatik I. Altisländische und altnorwegische Grammatik von A. Noreen, Halle 1892.
Noreen II=Altnordische Grammatik II. Altschwedische Grammatik von A. Noreen, Halle 1897 ff.
PBB=Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur, hrsgg. v. H. Paul und W. Braune (jetzt unter Mitwirkung derselben v. E Sievers).
Schleicher=Laut und Formenlehre der polabischen Sprache v. A. Schleicher, St.-Petersburg 1871.
Vigfusson=An icelandic-english Dictionary by G. Vigfusson, Oxford 1874.
Ж. М. Н. П.=Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

д.=датское
др.=древне-русское
и.=исландское
каш.=кашубское
лит.=литовское
мр.=малорусское
нл.=нидерландское
нвн.=ново-верхне-нѣмецкое

н.=норвежское
полаб.=полабское
п.=польское
прибс.=прибалтійско-славянское
р =русское
срвн.=средне-верхне-нѣмецкое
срнн.=средне-нижне-нѣе
сс.=старо-сѣверное
сш.=старо-шведское
ф.=финское
цс.=церковно-славянское
ш.=шведское.

И. Шаровольскій.

Кіевъ,
10 ноября 1903 г.

Легенда о Хожденіи Богородицы по мукамъ.

I, Легенда о Хожденіи Богородицы по мукамъ на византійской почвѣ.

„Бывало“, разсказываетъ Тургеневъ въ романѣ „Дворянское гнѣздо“, „Агафья, вся въ черномъ, съ темнымъ платкомъ на головѣ, съ похудѣвшимъ, какъ воскъ прозрачнымъ, но все еще прекраснымъ и выразительнымъ лицомъ, сидитъ прямо и вяжетъ чулокъ; у ногъ ея, на маленькомъ креслицѣ, сидитъ Лиза и тоже трудится надъ какой-нибудь работой или, важно поднявши свѣтлые глазки, слушаетъ, что́ разсказываетъ ей Агафья; а Агафья разсказываетъ ей не сказки: мѣрнымъ и ровнымъ голосомъ разсказываетъ она житіе Пречистой Дѣвы, житіе отшельниковъ, угодниковъ Божьихъ, святыхъ мученицъ; говоритъ она Лизѣ, какъ жили святые въ пустыняхъ, какъ спасались, голодъ терпѣли и нужду,—и царей не боялись, Христа исповѣдывали; какъ имъ птицы небесныя кормъ носили, и звѣри ихъ слушались; какъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кровь ихъ падала, цвѣты выростали. „Желтофіоли?“ спросила однажды Лиза, которая очень любила цвѣты...» [1]) Въ этой тихой и ясной картинкѣ, отличающейся безусловной красотой, Тургеневу удалось не только очертить воспитательное значеніе христіанской легенды, но и подмѣтить, какъ зарождается легенда. „Желтофіоли?“ спрашиваетъ Лиза у своей няньки. Очевидно, Лиза, слушая извѣстную легенду

---

[1]) Тургеневъ, Полное собраніе сочиненій, Петербургъ 1898, т. III, стр. 306—307.

о цвѣтахъ [1]), считаетъ ее недостаточно яркой и трогательной и дополняетъ ее, украшая житіе святыхъ своими любимыми цвѣтами. Это— ясный образчикъ фантастическаго домысла, который непремѣнно лежитъ въ основѣ легенды и составляетъ ея зерно и сущность.

Какъ фантастическій домыслъ, пытающійся объяснить тайны бытія, легенда родилась въ глубокой древности, быть можетъ, на зарѣ человѣческой исторіи. „Теорія доисторическаго происхожденія,“ говоритъ Дашкевичъ [2]), „должна являться исходнымъ пунктомъ объясненія народныхъ сказаній“. Веселовскій возводитъ нѣкоторыя изъ легендъ къ Панчатантрѣ и къ древнимъ индійскимъ сказаніямъ о Буддѣ [3]). Такъ какъ легенда относится къ одному изъ видовъ коллективнаго творчества и совершенно не знаетъ автора, внѣшняя исторія, ея темна, и дѣленіе этой исторіи на періоды можно построить только гипотетически. Попытку раздѣлить исторію легендъ по періодамъ дѣлаетъ Кирпичниковъ [4]). Въ эпоху среднихъ вѣковъ церковь противополагала легенду актамъ о святыхъ, въ которыхъ только и возможно найти достовѣрныя историческія данныя, тогда какъ легенда представляетъ вымышленное повѣствованіе. Отсюда беретъ начало и обыденное пониманіе легенды, какъ вымысла, противоположнаго дѣйствительному, историческому происшествію. Этотъ взглядъ, повидимому, прочно установился въ исторіи мысли. Съ эпохи возрожденія наукъ и искусствъ

---

[1]) Веселовскій, Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, Петербургъ 1872, стр. 175. Здѣсь авторъ указываетъ на легенду о происхожденіи названія цвѣтка «василекъ», который, какъ разсказываетъ легенда, выросъ на томъ мѣстѣ, куда упала капля крови распятаго Спасителя. Этотъ мотивъ легенды о цвѣтахъ имѣетъ широкое развитіе и множество варіантовъ. Онъ былъ и у классиковъ (миѳъ о Полидорѣ).

[2]) Дашкевичъ, Средневѣковая греко-славянская литература (преимущественно поэтическая) и ея отношеніе къ западно-европейской поэзіи, Кіевъ 1887, стр. 25—26.

[3]) Веселовскій, Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ, Петербургъ 1872, стр. 1—51.

[4]) Кирпичниковъ, Легенда, Словарь Брокгауза. Здѣсь, между прочимъ, объясняется происхожденіе слова легенда. Легенда (lego, legenda) въ среднія вѣка обозначала житіе и похвалу святого, которую слѣдовало читать въ извѣстное время. Затѣмъ подъ легендой разумѣлось просто душеполезное чтеніе.

легенда отступила на второй планъ, но и до нашихъ дней роль легенды въ исторіи творчества и поэзіи очень велика [1]).

Въ числѣ христіанскихъ апокрифическихъ сказаній и легендъ очень видное мѣсто занимаютъ два апокрифическихъ откровенія: „Хожденіе Богородицы по мукамъ" и „Видѣніе Апо-

---

[1]) Не говоря уже о томъ, что на легендахъ основывается такое вѣчно неувядаемое произведеніе, какъ «Божественная Комедія» Данте, и другое не менѣе замѣчательное произведеніе: «Потерянный рай» Мильтона, легенда, не взирая ни на какія литературныя направленія и ихъ смѣну на протяженіи вѣковъ, была основой цѣлой эволюціи того или другого рода поэзіи. Какъ на яркій примѣръ, можно указать на эволюцію сюжета о Донъ-Жуанѣ. Романтики безъ конца черпали изъ легендъ матеріалъ для своихъ произведеній. «Фаустъ» Гете, произведенія Байрона, Томаса Мура, Ламартина, Шатобріана, Альфреда де Виньи, Виктора Гюго, а въ русской литературѣ цѣлыя поэмы Лермонтова, во главѣ съ «Демономъ», восходятъ къ легендѣ. Видѣніе Исаіи возсоздано Пушкинымъ въ «Пророкѣ», а «Пророкъ» Лермонтова какъ бы переноситъ насъ въ область древней христіанской легенды.

Завѣтъ Предвѣчнаго храня,
Мнѣ тварь покорна тамъ земная,
И звѣзды слушаютъ меня,
Лучами радостно играя.

Полухристіанскія - полуязыческія легенды воспроизведены у Гоголя. Реализмъ и натурализмъ средины XIX столѣтія, враждебный легендѣ въ принципѣ, едва ли менѣе цѣнилъ легенду, чѣмъ романтики. Тургеневъ въ повѣстяхъ: «Живыя мощи» и «Бѣжинъ лугъ» возродилъ цѣлый рядъ легендъ, придавши имъ очаровательную форму простыхъ разсказовъ и сновидѣній. Достоевскій воспроизводитъ и толкуетъ легенду о Хожденіи Богородицы. Левъ Толстой возрождаетъ легенды объ ангелахъ, восходящія къ индійскимъ сказаніямъ и изслѣдованныя у Веселовскаго. «Подъ пальмами» Соловьева, кажется, навѣяно «Опытами по исторіи развитія христіанской легенды» Веселовскаго (см. Ж. М. Н. П. 1875.). Лѣсковъ не только воспроизводитъ легенды, но старается писать стилемъ христіанской легенды. Воспитательное значеніе легенды ярко видно не только въ произведеніяхъ Тургенева, но и въ произведеніи Островскаго «Гроза». Упомянувъ о роли средневѣковой легенды у Вагнера, Ростана, Гауптмана, Анатоля Франса и шведскихъ писателей, мы не удивимся тому, что даже Зола отдалъ дань легендѣ въ романѣ «Мечта». А поэтому нельзя думать, что легенда въ настоящее время будто бы потеряла свое значеніе и имѣетъ только археическій интересъ. Равнымъ образомъ, легенда въ настоящее время не является поэтическимъ достояніемъ лишь простого народа и полуобразованной буржуазіи. Легенда—вѣчно живой и цвѣтущій родъ поэзіи и имѣетъ всеміpно-историческое значеніе.

стола Павла". Первое изъ нихъ дошло до нашихъ дней въ греческихъ спискахъ, второе—въ греческомъ и во многихъ латинскихъ. Первое получило широкое распространеніе на востокѣ и у славянскихъ народовъ; второе, хотя и извѣстно въ славянскихъ спискахъ, но гораздо глубже проникло въ сознаніе романскихъ и германскихъ народовъ, чѣмъ славянскихъ [1]). Первое можетъ быть названо византійско-славянскимъ, второе—латино-романо-германскимъ. Легенда о Хожденіи Богородицы по мукамъ можетъ быть названа апокалипсической, такъ какъ представляетъ собою откровеніе, данное Богородицѣ черезъ архангела Михаила. Такъ какъ это откровеніе знакомитъ Богородицу съ адскими муками, легенда можетъ быть отнесена, до нѣкоторой степени, къ эсхатологическимъ. Наконецъ, она имѣетъ форму вопросовъ и отвѣтовъ, касается во многихъ редакціяхъ чисто бытовыхъ сторонъ жизни и имѣетъ цѣлый рядъ позднѣйшихъ домысловъ, а потому можетъ быть названа апокрифической. Принадлежность легенды къ апокалипсисамъ и эсхатологическимъ апокрифамъ свидѣтельствуетъ о глубоко древнемъ происхожденіи легенды.

Къ сожалѣнію, дошедшіе до нашихъ дней списки Хожденія Богородицы относятся лишь къ XI—XII вѣку, и перво-

---

[1]) Основаніемъ для этого утвержденія являются слѣдующіе факты. Легенда о Видѣніи Павла такъ глубоко проникла въ сознаніе западныхъ народовъ, что достигла высшей художественной эволюціи въ творчествѣ Данте (см. этюдъ Веселовскаго: «Данте и символическая поэзія католицизма», въ которомъ указана связь видѣнія съ «Божественной Комедіей», а также Шепелевича «Этюды о Данте», ч. I). Легенда о Видѣніи была распространена у германцевъ, французовъ, англичанъ и датчанъ; легенда о Хожденіи Богородицы нашла распространеніе у болгаръ, сербовъ, русскихъ съ ихъ подраздѣленіями на вѣтви. Конечно, руководиться, въ данномъ случаѣ, списками нужно осторожно. Списки могли исчезнуть, могутъ быть просто неизвѣстны, но тѣмъ не менѣе, располагая доступнымъ матеріаломъ, можно прійти къ заключенію, что этотъ матеріалъ подкрѣпляетъ вышевысказанныя соображенія по поводу легенды и Данте. Легенда о Хожденіи была извѣстна и въ западной литературѣ (см. Веселовскаго, «Опыты по исторіи развитія христіанской легенды», Ж. М. Н. П. 1877, февраль, 233), но тамъ она носитъ особую окраску. Тамъ она восприняла въ себя цѣлый рядъ домысловъ изъ другихъ цикловъ легендъ (см. Сумцова Легенда о грѣшной матери, Кіевъ 1893; Тихонравова, Исторія древней русской литературы по лекціямъ 1881—82 акад. года, стр. 203).

начальная исторія этого памятника древней христіанской литературы можетъ быть воспроизведена лишь въ гипотетической формѣ.

Вопросъ о происхожденіи разсматриваемой легенды занималъ не только христіанскихъ, но и еврейскихъ ученыхъ. По мнѣнію Бараца, эта легенда представляетъ „свободную переработку двухъ еврейскихъ трактатовъ о гееннѣ“[1]). Основаніемъ для такого взгляда служитъ сближеніе легендарныхъ мотивовъ, встрѣчающихся въ разсматриваемой легендѣ, съ мотивами еврейскихъ легендъ. Эти мотивы распадаются на три вида. Во-1-хъ, въ легендѣ о Хожденіи встрѣчаются тѣ же грѣшники, что и въ еврейскихъ сказаніяхъ, какъ то: ростовщики, клеветники, прелюбодѣи, идолопоклонники и святотатцы[2]). Во-2-хъ, архитектоника еврейскаго ада, раздѣляющагося на семь мадоровъ или отдѣловъ (ровъ, думахъ, преисподняя, сѣнь смерти и др.), соотвѣтствуетъ архитектоникѣ ада Хожденія[3]). Въ-3-хъ, и въ Хожденіи, и въ еврейскихъ легендахъ VIII вѣка проглядываетъ милосердная идея. Въ Хожденіи Пресвятая Богородица молитъ Бога о прощеніи грѣшныхъ, въ еврейскихъ сказаніяхъ за грѣшниковъ молится „Тора“ и Праотцы. Однако такое сближеніе легендъ, свидѣтельствуя о несомнѣнномъ взаимодѣйствіи еврейской и христіанской письменности, ничего не доказываетъ въ вопросѣ о происхожденіи легенды. Такіе грѣхи, какъ ростовщичество, клевета, прелюбодѣяніе, идолопоклонство, святотатство были свойственны не однимъ евреямъ. Кромѣ того, въ Хожденіи упоминаются грѣшники, которыхъ не могло быть у евреевъ, какъ напр.: не вѣрующіе въ Тройцу; не признающіе Пресвятой дѣвы Богородицею; монахини, нарушившія обѣтъ; отступники отъ христіанства послѣ крещенія; наконецъ, сами евреи, не увѣровавшіе въ Христа. А поэтому сходство указанныхъ мотивовъ о грѣхахъ не можетъ служить доказательствомъ еврейскаго происхожденія христіанской легенды. Что касается второго основанія, т. е. сходства адской архитектоники, то и это сход-

---

[1]) Барацъ, «Слѣды іудейскихъ воззрѣній въ древне-русской письменности», Лѣтопись Историко-Филологическаго общества при Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ за 1894 г., IV, стр. 26.

[2]) Ibidem, стр. 26—28.

[3]) Ibidem, стр. 28—29.

ство нельзя признать рѣшающимъ. Адская архитектоника не только христіанскихъ, но и еврейскихъ легендъ можетъ быть возведена къ индійской миѳологіи. Уже индійцы знали огненную рѣку „Вайтарій" (Vaitarani). Общеарійскимъ является вѣрованіе въ Цербера. Огненная рѣка была и въ миѳологіи арабовъ и евреевъ. Сказанія о рвѣ или пропасти, какъ о мѣстѣ мученія грѣшниковъ, встрѣчаются въ Эддѣ и, конечно, не восходятъ въ ней къ еврейскимъ текстамъ (Stitr, Ζτύξ). По кельтскимъ вѣрованіямъ путь въ подземное царство лежитъ черезъ болото скорби и скелетовъ. Да и въ славянскихъ сказаніяхъ вѣрованіе въ то, что адъ находится въ ямахъ и пропастяхъ, существовало искони, гораздо раньше византійскаго вліянія на славянъ [1]). „Литературно-христіанскія сказанія о хожденіи по раю и аду," говоритъ Тихонравовъ [2]), „остаются въ основныхъ воззрѣніяхъ вѣрными первоначальнымъ представленіямъ арійской семьи. Они проводятъ однако одну общую мысль. Отцы церкви и всѣ христіанскіе писатели безъ исключенія затворяютъ язычникамъ доступъ въ мѣсто райскаго блаженства [3]). Ту же самую черту встрѣчаемъ мы доселѣ у евреевъ: раввины не даютъ мѣста въ раю ни одному народу, кромѣ іудейскаго." А отсюда слѣдуетъ, что возводить архитектонику Хожденія къ еврейскимъ памятникамъ нѣтъ основанія. Наконецъ, молитва Богородицы за грѣшниковъ у Бараца сближается съ „Книгой небесныхъ палатъ" VIII вѣка, гдѣ говорится о плачѣ Авраама, а между тѣмъ эта „Книга" восходитъ къ эѳіопской „Книгѣ Эноха", болѣе древней, чѣмъ тексты еврейскіе. Почему, именно, плачъ и заступничество Богородицы должны восходить къ текстамъ VIII вѣка, а не къ эѳіопскимъ, наконецъ, къ общеизвѣстнымъ въ христіанскомъ мірѣ библейскимъ текстамъ и къ

---

[1]) Тихонравовъ. Исторія древней русской литературы по лекціямъ 1881—82 г., стр. 169—193.

[2]) Ibid., стр. 192.

[3]) Исключенія есть; напр., легенда о Траянѣ, перенесенномъ въ рай по молитвѣ св. Григорія. Въ VI вѣкѣ существовало убѣжденіе, что даже язычники могутъ быть помилованы по молитвѣ христіанъ. Labitte. La divine comédie avant Dante, p. 102—104.

ветхозавѣтнымъ апокрифамъ объ Авраамѣ [1]) (на греческомъ языкѣ), остается неяснымъ. Плачъ и заступничество въ легендахъ объ адѣ— общее мѣсто всѣхъ сказаній, включая сюда и классическія, и потому не можетъ быть основаніемъ для возведенія образа плачущей Богородицы къ еврейскимъ текстамъ VIII вѣка.

Вообще при опредѣленіи происхожденія легенды нужно пользоваться не однимъ лишь методомъ сходства, но и методомъ различія данной легенды отъ другихъ подобныхъ. Вопросъ о происхожденіи легенды долженъ строиться на самобытныхъ и оригинальныхъ мѣстахъ сказанія и на именахъ дѣйствующихъ лицъ въ повѣствованіи. При опредѣленіи времени возникновенія легенды о Хожденіи, каковы бы ни были черты сходства ея съ другими, имя Пресвятой Дѣвы должно быть путеводной звѣздой изслѣдователя.

Земная жизнь Матери Божіей, какъ бы согласно съ высокимъ смиреніемъ Ея, мало извѣстна. Подробное житіе Богородицы принадлежитъ перу Іоанна Дамаскина, только лишь VIII вѣку. Сохранились извѣстія о томъ, что въ первые вѣка христіанства жизнь Пресвятой Дѣвы была предметомъ горячаго спора гностиковъ (Левкія Харина) съ представителями христіанской общины [2]). Но самые тексты этого спора утрачены. Въ V вѣкѣ явился извѣстный лжеучитель Несторій. Исходя въ своемъ вѣроученіи изъ манихейскихъ и павликіанскихъ догмъ, Несторій призналъ двойственность божественнаго и человѣческаго начала въ Христѣ. Послѣдовательно развивая этотъ взглядъ, Несторій пришелъ къ заключенію, что Матерь Божія не можетъ именоваться Богородицею (θεοτόκος), но должна называться Христородицею (χρηστοτόκος). Александрійскій патріархъ Кириллъ обвинилъ Несторія и его послѣдователей въ павликіанской ереси. Такъ какъ Несторій при-

---

[1]) Texts and Studies, contributions to Biblical and Patristic literature. Ed. by I. Armitage Robinson. Vol. II, Cambridge, 1893, Διαθήκη Αβρααμ 77—119.

[2]) Смирновъ, Апокрифическія сказанія о Божіей Матери и Дѣяніяхъ Апостоловъ, Православное обозрѣніе, 1873, апрѣль, стр. 569—614.

надлежалъ къ представителямъ антіохійской образованности, занималъ видное мѣсто константинопольскаго архіепископа, онъ нашелъ много сторонниковъ своего ученія. Споръ Несторія и Кирилла охватилъ весь тогдашній міръ и привелъ къ необходимости созвать вселенскій соборъ. Естественно, въ эту эпоху оживилась литература о Пресвятой Дѣвѣ. На ряду съ богословскими и философскими сочиненіями явился цѣлый рядъ художественныхъ сказаній о Божіей Матери. Одно изъ сказаній, приписываемое апологету Мелитону (II в.)[1]), повѣствовало о слетѣ апостоловъ къ смертному одру Богоматери на облакахъ воздушныхъ. Другое сказаніе, относящееся не позже, какъ къ VII вѣку, повѣствовало объ апостолѣ Ѳомѣ[2]). Оно приписывалось Іосифу Аримаѳейскому. Въ этихъ сказаніяхъ много прекрасныхъ легендарныхъ мотивовъ. Здѣсь повѣствуется и о райской пальмѣ, принесенной съ небесъ Пречистой дѣвѣ Архангеломъ Гавріиломъ передъ успеніемъ Ея, и объ Іоаннѣ Богословѣ, который при погребеніи Богоматери шелъ съ этой райской вѣтвью въ рукахъ впереди всѣхъ. Впослѣдствіи народныя легенды признали райскимъ цвѣткомъ Богоматери бѣлую водяную лилію. Назаретская церковь Богоматери до сихъ поръ усыпается лиліями, а въ народѣ существуетъ повѣрье, что получившій отъ кого-нибудь случайно букетъ водяныхъ лилій скоро умретъ. Еще прекраснѣе Флорентинская легенда, будто бы золотая пыль лиліи, падая на бѣлоснѣжные лепестки ея, начертываетъ на нихъ имя Маріи[3]). Легенды эпохи Несторія разсказываютъ о поясѣ, который Пресвятая Дѣва бросила Ѳомѣ, явившись ему на облакахъ воздушныхъ. Особнякомъ отъ этихъ легендъ стоитъ не менѣе поэтическое сказаніе объ апостольской дѣятельности Богоматери. Это сказаніе записано было сербомъ, въ XVII столѣтіи переведено на греческій языкъ и вставлено въ житіе (X в.) Петра Аѳонскаго,

---

[1]) Ibidem, стр. 578—588. Это сказаніе знали папа Геласій (496), Григорій Турскій (VI в.) и Беда (X).

[2]) Ibidem, 578—588.

[3]) «Фра Мино любилъ читать имя Маріи Дѣвы, начертанное на бѣлыхъ лепесткахъ лиліи золотой пылью». А. Франсъ, Санъ-Сатиро, Сѣв. Вѣстн. ноябрь 1895, стр. 254.

жившаго въ VII вѣкѣ. Когда апостолы послѣ пятидесятницы разошлись на проповѣдь, Пресвятая Богородица, по особому Божію повелѣнію, осталась въ Іерусалимѣ, хотя по жребію ей досталось проповѣдывать Евангеліе въ землѣ Иверской. Только однажды Пресвятая выѣзжаетъ въ Кипръ навѣстить Лазаря, котораго воскресилъ Христосъ. На пути въ Кипръ поднялась страшная буря и корабль съ Пресвятой Дѣвою былъ прибитъ къ Аѳону. Здѣсь Богородица проповѣдывала ученіе Христа. Предполагаютъ, что эта легенда есть искаженное сказаніе о Климентѣ, который въ IV вѣкѣ проповѣдывалъ христіанство на Аѳонѣ и принесъ туда икону Божіей Матери [1]). Однако, это сказаніе проливаетъ свѣтъ на отношеніе Богоматери къ виѳанскимъ друзьямъ Господа и, быть можетъ, было передѣлкой сказаній V вѣка о жизни Богоматери, когда, повидимому, оживился интересъ ко всему, что касалось Богородицы. Во всякомъ случаѣ, можно предположить, что уже въ V вѣкѣ Богородица выступаетъ въ сказаніяхъ въ качествѣ проповѣдницы Христова ученія. Быть можетъ, и апокрифическія ея посланія восходятъ къ этой эпохѣ [2]). Такимъ образомъ, поэтическія сказанія о Богородицѣ, народившіяся въ эпоху Несторія, касались, съ одной стороны, Ея жизни и успенія, съ другой же стороны—Ея проповѣди. Приблизительно въ V вѣкѣ укрѣпилось почитаніе Богородицы, какъ Присноблаженной Предстательницы за грѣшныхъ христіанъ предъ Престоломъ Божіимъ [3]).

Принявъ во вниманіе, несомнѣнно, бывшее въ эпоху Несторія оживленіе сказаній о Богородицѣ, естественно можно предположить, что въ это время и зародилась легенда о хожденіи Богородицы по мукамъ и о предстательствѣ ея со всѣми безплотными силами за грѣшныхъ христіанъ.

Это предположеніе подтверждается слѣдующими соображеніями.

Во-первыхъ, въ самомъ текстѣ Хожденія есть самобытный, не повторяющійся въ другихъ легендахъ о страшномъ судѣ,

---

[1]) Смирновъ, ibidem, стр. 582.

[2]) Codex Apocr. Nov. Test. a Johan. Alb. Fabricio, Ham. 1703.

[3]) Дебольскій, Дни Богослуженія, стр. 113.

эпизодъ, который ясно указываетъ на связь легенды съ ересью Несторія. Путешествуя съ архангеломъ Михаиломъ по аду, Богородица приходитъ къ грѣшникамъ, окутаннымъ вѣчною тьмою. По молитвѣ Богородицы разсѣялся вѣчный мракъ. Но никто изъ грѣшниковъ, привыкшихъ къ вѣчной тьмѣ, не могъ взглянуть на ослѣпительный ликъ Пресвятой Дѣвы. Это были грѣшники, не признававшіе Богоматери Богородицею (σὲ θεοτόκον μὴ ὁμολογήσαντες), какъ поясняетъ Михаилъ [1]). Изъ этого эпизода ясно видно, что легенда имѣетъ въ виду несторіанъ, не признававшихъ Пресвятой Дѣвы Богородицею. А слѣдовательно, и самое Хожденіе можно отнести къ эпохѣ Несторія и его спора съ представителями александрійской церкви.

Во-вторыхъ, разсматриваемая легенда сохранилась не только въ греческихъ и славянскихъ текстахъ, но и въ сирійскихъ, арабскихъ и эѳіопскихъ [2]). Существованіе легенды у сирійцевъ, арабовъ и эѳіоповъ мы не можемъ объяснить позднѣйшими литературными воздѣйствіями. Только въ эпоху Несторія и Кирилла, изъ которыхъ первый былъ представителемъ сирійской образованности, а второй александрійской, только въ эпоху объединенія сирійцевъ и александрійцевъ въ одномъ горячемъ философскомъ и богословскомъ спорѣ, легенда, тѣсно примыкавшая къ этому спору, могла облетѣть весь востокъ и зайти даже къ арабамъ и эѳіопамъ.

Въ-третьихъ, несторіане, изображенные въ только-что указанномъ эпизодѣ, выражаютъ Богородицѣ удивленіе, какъ Она могла посѣтить ихъ, когда ихъ не посѣтили ни Христосъ, ни праотецъ Авраамъ, ни Іоаннъ (Креститель), ни великій пророкъ Моисей, ни апостолъ Павелъ. [3])

---

[1]) Извѣстія Акад. Наукъ, т. X, 1861—1863, Текстъ Дестуниса, стр. 556, гл. 4. Texts and Studies Arm. Robinson, 1892, т. II, стр. 116—117. Ἀποκάλυψις τῆς ἁγίας Θεοτόκου.

[2]) Arm. Robinson, ibidem, Introduction to the Apocalyps of the virgin, стр. 109—113.

[3]) Texts and studies, Ἀποκάλυψις τῆς ἁγίας Θεοτόκου, стр. 116—117.

Не посѣтившіе несторіанъ Христосъ, Авраамъ, Іоаннъ Креститель, Моисей и апостолъ Павелъ были представителями апокрифовъ о загробной жизни. Съ именемъ Христа связанъ извѣстный апокрифъ о схожденіи Христа во адъ [1]). Съ именемъ Авраама связывался ветхозавѣтный апокрифъ о хожденіи Авраама (Διαθήκη 'Αβραάμ). [2]) Этотъ апокрифъ и былъ проводникомъ еврейскихъ легендарныхъ мотивовъ объ адѣ и о плачѣ праотцевъ въ христіанскую легенду. Но въ цѣломъ онъ такъ же далекъ отъ Хожденія, какъ и позднѣйшія еврейскія легенды о праотцахъ. Странно упоминаніе въ числѣ посѣтителей ада Іоанна Крестителя, а не Іоанна Богослова, которому были раскрыты тайны кончины міра. Моисей и Павелъ также посѣтили адъ въ апокрифическихъ сказаніяхъ. Упоминая о Христѣ, Авраамѣ, Іоаннѣ, Моисеѣ и Павлѣ, составитель легенды выдѣляетъ Хожденіе изъ ряда другихъ апокрифовъ, указывая ясно, что его апокрифъ построенъ на самобытномъ мотивѣ о Богородицѣ. А это подтверждаетъ высказанную выше гипотезу о происхожденіи легенды.

Кромѣ этого, изъ упоминанія о вышеназванныхъ посѣтителяхъ ада можно сдѣлать выводъ, что Хожденіе явилось не только позже ветхозавѣтныхъ апокрифовъ, но и позже Видѣнія Павла, которое ближе другихъ апокрифовъ стоитъ къ разсматриваемому сказанію, какъ по содержанію, такъ и по формѣ.

Болѣе раннее происхожденіе Видѣнія подтверждается историческимъ свидѣтельствомъ.

Блаженный Августинъ видѣлъ какой-то апокалипсисъ апостола Павла. [3]) Такимъ образомъ въ концѣ IV и въ началѣ V вѣка, т. е. раньше Несторія и его спора, уже былъ извѣстенъ апокрифъ о видѣніи Павла. Это совпаденіе текста Хожденія съ свидѣтельствомъ Августина говоритъ о правильности высказанной выше гипотезы. Хожденіе, повидимому, явилось вслѣдъ за Видѣніемъ въ V вѣкѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ VI и представ-

---

[1]) Онъ изданъ Булгаковымъ.

[2]) Texts and studies, vol. II, Cambridge 1893, Διαθήκη 'Αβραάμ, стр. 77—119.

[3]) Шепелевичъ, Этюды о Данте, ч. I, Апокрифическое видѣніе Павла, 1892.

ляло своеобразное подражаніе Видѣнію. Быть можетъ, уже въ то время Хожденіе было распространено преимущественно въ Византіи, Сиріи и Египтѣ, а Видѣніе—на Западѣ.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что легенда о Хожденіи Богородицы могла зародиться уже въ V вѣкѣ, что она родилась на почвѣ религіозно-философскихъ споровъ эпохи первыхъ вселенскихъ соборовъ, что она появилась послѣ Видѣнія Павла и была распространена на Востокѣ.

На Востокѣ эта легенда нашла радушный пріемъ въ Византіи. Здѣсь она получила своеобразную окраску и отсюда вмѣстѣ съ другими памятниками древней письменности перешла къ славянамъ.

Вѣроятно, уже въ древнія времена византійской исторіи легенда о Хожденіи подверглась значительнымъ измѣненіямъ. Въ отличіе отъ Видѣнія апостола Павла, легенда о Хожденіи совсѣмъ потеряла описаніе рая. Отголосками хожденія Богородицы по раю являются легенды о томъ, какъ Богородица показывала райскія блаженства какой-то дѣвочкѣ [1]), и народныя пѣсни черногорцевъ, но возводить ихъ къ древней легендѣ о Хожденіи нѣтъ возможности. И это отсутствіе рая въ легендѣ о Хожденіи не случайно. Хожденіе оканчивается замѣчательной картиной. Богородица со всѣмъ сонмомъ безплотныхъ силъ и святыхъ молитъ Сына Своего о помилованіи грѣшниковъ. По молитвѣ Матери Іисусъ Христосъ даетъ облегченіе мукамъ адскимъ въ теченіе срока отъ великой пятницы до дня всѣхъ святыхъ. Эта картина невольно приводитъ на память творенія святыхъ отцовъ восточной церкви, троицкія молитвы Василія Великаго, слово о памяти усопшихъ Іоанна Златоустаго и др. Легенда о Хожденіи въ отличіе отъ Видѣнія Павла, строго распредѣляющаго души въ адъ и рай, представляетъ домыселъ къ идеѣ о Божіемъ милосердіи и всепрощеніи. Предстательство Богородицы за грѣшныхъ и есть своеобразная часть легенды, скрывающая ея милосердную идею, та часть, которая отличаетъ Хожденіе отъ Видѣнія Павла. Вообще, легенда о Хожденіи привлекала вниманіе византійцевъ

---

[1]) Афанасьевъ, Апокрифы, 1862, стр. 117.

возвышеннымъ изображеніемъ Богоматери, заступницы усердной рода христіанскаго. Цѣлый рядъ сказаній о заступничествѣ Богоматери, связанныхъ съ влахернскимъ, халкопратскимъ и одигитрійскимъ храмами: сказаніе объ аварахъ, сарацинахъ, Аскольдѣ и Дирѣ, наконецъ, сказаніе о Покровѣ (903 г.) представляютъ какъ бы параллель изображенію Пречистой Дѣвы въ легендѣ. Самое явленіе Богородицы въ видѣніи Андрею и Епифанію напоминаютъ заключительную картину Хожденія [1]). Привѣтствія архангела въ началѣ Хожденія напоминаютъ акаѳисты Богородицѣ. Извѣстно также, что образъ Богоматери безъ предвѣчнаго младенца, какъ заступницы передъ престоломъ Сына Своего, занималъ видное мѣсто въ исторіи византійской живописи. Словомъ, легенда о Хожденіи Богородицы была, вѣроятно, любимымъ чтеніемъ византійцевъ, такъ какъ соотвѣтствовала духу религіозно-церковной ихъ образованности.

Къ X вѣку легенда о Хожденіи имѣла уже двоякій интересъ. Представляя своего рода поэтическое «величаніе» Богородицы, она пріобрѣла «учительный» интересъ, какъ повѣсть о загробныхъ наказаніяхъ за грѣхи. Чисто «учительный» интересъ эта легенда представляетъ въ той обработкѣ, въ какой она является въ твореніяхъ аввы Дороѳея, разсказывающаго о томъ, что Богородица предстала въ видѣніи Досиѳею и показала ему, какъ наказываются въ адскомъ огнѣ согрѣшившіе въ смертныхъ грѣхахъ. Въ такомъ видѣ легенда уже напоминаетъ тѣ знаменитыя поучительныя видѣнія, которыя вошли въ составъ Житія Василія Новаго, а именно сказанія о мытарствахъ Ѳеодоры и о страшномъ судѣ. Григорій, подобно Досиѳею, видитъ адскія мученія, только эти мученія ему показываетъ не Богородица, а Ѳеодора. Равнымъ образомъ и «Слово Кирилла-Философа» является учительнымъ памятникомъ X вѣка, подобнымъ видѣніямъ Григорія и Досиѳея. Впрочемъ, всѣ эти памятники могли восходить къ болѣе

---

[1]) Дебольскій, Дни Богослуженія Православной Каѳолической восточной церкви, Петербургъ, т. I, стр. 111—116, 142—145.

глубокой древности, какъ и Хожденіе [1]). Въ X вѣкѣ они, повидимому, приняли опредѣленную «учительную» форму апокрифовъ [2]). Но обратимся къ самому тексту Хожденія.

До нашихъ дней эта легенда сохранилась въ греческихъ спискахъ XII вѣка [3]). Содержаніе ея слѣдующее. Желая посмотрѣть адскія муки, Богородица отправляется на Елеонскую гору и тамъ молитъ Бога послать къ ней во имя Отца и Сына и Свят. Духа архангела Гавріила, чтобы онъ открылъ ей [4]) тайны загробной жизни. Въ отвѣтъ на ея молитву является Михаилъ съ ангелами отъ востока, запада, сѣвера и полудня [5]). Послѣ долгихъ привѣтствій, напоминающихъ акаѳистъ и сохранившихся преимущественно въ греческихъ текстахъ [6]), Пресвятая проситъ ангеловъ и Михаила показать муки ада. Богородица предварительно спрашиваетъ Михаила о числѣ адскихъ мукъ. «Безчисленны муки, о Пресвятая [7])», отвѣчаетъ архангелъ. Затѣмъ онъ повелѣлъ от-

---

[1]) Барацъ. Слѣды іудейскихъ воззрѣній въ древне-русской письменности, стр. 2; Денисовъ, Ученіе Православной церкви о мытарствахъ, изложенное въ откровеніи Макарію Александрійскому, Москва, 1900.

[2]) Есть попытки возвести Хожденіе къ Житію Василія Новаго (Словарь Брокгауза). Однако, нельзя думать, что Житіе Василія Новаго является первоисточникомъ легендъ о загробномъ мірѣ, какъ нельзя думать, что оно является первоисточникомъ легендъ о походѣ русскихъ на Цареградъ. См. Веселовскаго «Видѣнія Василія Новаго о походѣ русскихъ на Византію». Ж. М. Н. П. 1889, январь.

[3]) Извѣстія Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, листъ 260, стр. 552—574 (1861—1863). Texts and studies, Arm. Robinson, Cambridge 1892, т. II, стр. 115—126.

[4]) Вообще, вѣстникомъ Богородицы является Гавріилъ, но, вѣроятно, Михаилъ приходитъ, какъ завѣдующій адскими силами; Михаилъ водилъ и апостола Павла въ Видѣніи.

[5]) Въ славянскихъ спискахъ (болгарскомъ XII в.) указывается число ангеловъ, именно 400: 100 отъ востока, 100 отъ запада, 100 отъ сѣвера и 100 отъ полудня.

[6]) Архангелъ, обращаясь къ Богородицѣ, даетъ ей цѣлый рядъ названій, эпитетовъ, передъ каждымъ повторяя: Χαῖρε (радуйся); также и Богородица привѣтствуетъ Михаила. Texts and studies, Robinson, 1892, т. II, стр. 115. Такое ублаженіе Богородицы впервые появилось въ V вѣкѣ (см. Дебольскаго, Дни Богослуженія, стр. 113).

[7]) «ἀναρίθμητοι κολάσεις εἰσίν, παναγία». Изв. Акад., стр. 554. Кромѣ παναγία, Богородица называется и κεχαριτωμένη (=обрадованная).

крыть адъ, и предъ очами Богородицы предстаетъ страшная картина. Она видитъ множество мужчинъ и женщинъ въ страшныхъ мукахъ. На вопросъ Богородицы Михаилъ объясняетъ, что предъ нею тѣ, которые не вѣрили въ Отца и Сына и Святаго Духа, за что такъ и наказываются [1]). Въ другомъ мѣстѣ ада Пресвятая видитъ великую тьму. Не имѣя возможности разсмотрѣть заключенныхъ въ такой тьмѣ, она проситъ ангеловъ приподнять мракъ, окружающій души (ἀρθήτω τὸ σκότος). Но тѣ не могутъ удовлетворить просьбу Богородицы. Ангелы, стоящіе на стражѣ, заявляютъ, что они получили приказаніе отъ Бога Отца, чтобы эти грѣшники не видѣли свѣта, пока не явится въ блескѣ Его Сынъ возлюбленный [2]). Въ скорби Пресвятая сама возглашаетъ: «Во имя Отца, Сына и Св. Духа да откроется тьма!» Тотчасъ же разверзлась тьма и предъ очами Богородицы предстало множество стонущихъ грѣшниковъ обоего пола. И, увидѣвши ихъ, прослезилась Пресвятая и спросила, въ чемъ они согрѣшили. Но отъ нихъ не было никакого отвѣта[3]). «Чего же не привѣтствуете Богородицы?» сказали стражи. Оказалось, что грѣшники были ослѣплены (ἀπὸ τοῦ αἰῶνος). И заплакала Пресвятая, видя ихъ. Они же сказали ей: «Какъ насъ посѣтила ты, Пресвятая Владычица!» При этомъ прибавили, что ихъ не посѣтилъ ни Христосъ, ни праотецъ Авраамъ, ни Іоаннъ Креститель, ни великій пророкъ Моисей, ни Апостолъ Павелъ [4]). Въ этой тьмѣ, поясняетъ архангелъ, заклю-

---

[1]) οἱ εἰς πατέρα καὶ υἱὸν καὶ ἅγιον πνεῦμα μὴ πιστεύοντες καὶ διὰ τοῦτο οὕτως κολάζονται. Въ англійскомъ текстѣ: οἱ τὸν πατέρα καὶ υἱὸν καὶ ἅγιον πνεῦμα μὴ προσκυνήσαντες καὶ διὰ τοῦτο ὧδε οὕτως κολάζονται. Здѣсь ясны стилистическія отличія текстовъ. Приводимъ ихъ для примѣра. Такихъ отличій въ обоихъ текстахъ очень много. Отмѣченное здѣсь сходство (въ англійскомъ изданіи) съ Видѣніемъ совсѣмъ незначительно и ограничивается нѣсколькими словами. И тамъ указано множество мужчинъ и женщинъ.

[2]) Въ текстѣ Дестуниса есть прибавка, придающая повѣствованію болѣе апокалипсическій характеръ: παρὰ ἑπταπλάσιον τοῦ ἡλίου Λαμπρότερος.

[3]) Οὐκ ἦν φωνὴ οὐδὲ (καὶ οὐκ ἦν (Дестунисъ) ἀκρόασις.

[4]) Это замѣчаніе очень цѣнно; оно указываетъ на то, что апокрифы о схожденіи въ адъ (см. Булгакова о хожденіи Авраама (Διαθήκη Ἀβραάμ), о видѣніи Моисея и Павла явились раньше «Хожденія».

чены не вѣрующіе ни въ Тройцу, ни въ Богородицу, ни въ рожденіе Христа [1]), Господа нашего. И сказала Богородица, обливаясь слезами: «Несчастные! не слышали развѣ, что имя мое называетъ всякая тварь?» [2]) И снова упалъ мракъ на нихъ, какъ было раньше. Затѣмъ Михаилъ предложилъ Богородицѣ пойти или на «полудне», или на «полунощь». Богородица избрала первое. Здѣсь протекала огненная рѣка, въ которой было много мужчинъ и женщинъ, погруженныхъ въ огонь: одни—до пояса, другіе—до груди, третьи—до шеи и четвертые—цѣликомъ. Первые, объясняетъ архангелъ, тѣ, которые приняли клятву на себя [3]); вторые—покинувшіе дѣтей и впавшіе въ развратъ [4]); третьи—ѣвшіе человѣческое мясо (οἱ κρέα ἀνθρώπων φαγόντες). Богородица удивлена и спрашиетъ,ва какъ могли они ѣсть человѣческое мясо. Архангелъ объясняетъ переносный смыслъ этого грѣха. Тѣ, которые покинули собственныхъ дѣтей, которые выдавали своихъ братьевъ царямъ и правителямъ, ѣли такимъ образомъ человѣческое мясо [5]). Четвертые давали ложную клятву. Затѣмъ Богородица видитъ отдѣльныхъ грѣшниковъ: ростовщика, повѣшеннаго за ноги и съѣдаемаго

---

[1]) σὲ θεοτόκον μὴ ὁμολογήσαντες ὅτι ἐκ σοῦ ἐτέχθη ὁ κύριος ἡμεῶν Ἰησοῦς Χριστὸς καὶ σάρκα προελάβετο (англійскій текстъ; интересна форма Χριστός). Здѣсь ясно отражается вліяніе спора о Богородицѣ, отмѣченное нами выше.

[2]) Ταλαίπωροι, οὐκ ἠκούσατε ὅτι τὸ ἐμὸν ὄνομα ἐπικαλεῖται (ὀνομάζει(англ.) πᾶσα κτίσις: Изв. Ак. Наукъ, Ibid., 4 гл., стр. 556; Texts and studies, стр. 117. Аналогичное мѣсто есть въ Видѣніи Павла (Texts and studies, стр. 34, гл. 41) Ii sunt quicunque non confessus fuerit Christum venisse in carne et quia genuit eum Maria virgo: Эго указываетъ какъ на близость текстовъ, такъ, быть можетъ, и на то, что Августинъ видѣлъ другую какую-то редакцію апокалипсиса. Но весь эпизодъ Хожденія совсѣмъ не соотвѣтствуетъ 41 главѣ Видѣнія. Въ Видѣніи и не то наказаніе, и нѣтъ такого разговора о почитаніи Богородицы, какой есть въ Хожденіи.

[3]) οἱ κατάραν πατρὸς καὶ μητρὸς κληρονομήσαντες. Texts, стр. 117.

[4]) οἱ τοὺς ἰδίους συντεκνους ὑβρίσαντες καὶ εἰς πορνείαν ἐμπεσόντες. Въ англійскомъ: συνδέκνυς ἔριψαν καὶ εἰς πορνεάν ἐρύπωσαν. Изв. Ак., 557

[5]) οὗτοί εἰσιν οἵτινες κατέφερον τὰ ἰδία τέκνα ἐκ τῆς κοιλίας αὐτῶν, καὶ ἔρριψαν αὐτὰ βρώματα τοῖς κυναρίοις καὶ οἵτινες ἔδωκαν τοὺς ἀδελφοὺς αὐτῶν ἐνώπιον βασιλέων καὶ ἀρχόντων, οὗτοι ἔφαγον κρέα ἀνθρώπων. Изв. Ак. Н., V гл., стр. 558. Texts and stud., стр. 118, VII.

червями [1]), женщину, изъ устъ которой выползали змѣи и ѣли тѣло грѣшницы, и которая была такъ наказана за подслушиванія въ чужихъ домахъ, за сплетни и сѣяніе раздора [2]).

Видя все это, Богородица, подобно Апостолу Павлу «Видѣнія», восклицаетъ: „Лучше было бы человѣку не родиться!" А Михаилъ замѣчаетъ на это восклицаніе: «Аминь» [3]).

Отсюда Богородица отправляется на «полунощь». Здѣсь она видитъ огненное облако и на немъ множество грѣшниковъ обоего пола. Это были не встававшіе по воскресеніямъ къ утрени, но спавшіе мертвымъ сномъ [4]). Богородица хотѣла заступиться за нихъ. „Если кто не можетъ проснуться, что тогда дѣлать?" сказала она. Но Михаилъ отвѣтилъ, что въ данномъ случаѣ только тѣ не имѣютъ грѣха, кто не могъ бы проснуться во время пожара [5]). Далѣе, Пресвятая видитъ грѣшниковъ, горящихъ на огненныхъ столахъ за неуваженіе къ духовному сану; затѣмъ—клеветниковъ и разлучниковъ, повѣшенныхъ за языкъ на желѣзномъ

---

[1]) О немъ есть упоминаніе въ Апокалипсисѣ Петра: Texts and Studies. стр. 118.

[2]) Этотъ грѣхъ, какъ видно изъ рѣчей Златоуста, былъ сильно развитъ въ Византіи. Въ одномъ изъ старыхъ журналовъ была помѣщена статья безъ подписи: «Бытъ византійцевъ по Златоусту». Авторъ останавливаетъ въ ней вниманіе на мелочности интересовъ женщины эпохи Златоуста.

[3]) Texts and Studies, стр. 119; у Дестуниса нѣтъ. Эта замѣчательная мысль, вѣроятно, взята изъ Евангелія, хотя она была высказываема и греками. (Софоклъ, Эдипъ въ Колонѣ, стх. 1225, легенда о Мидасѣ (см. Нитче о трагедіи). Въ новое время ее высказывали Гете (Фаустъ), Байронъ и др. Шопенгауеръ въ ней видитъ смыслъ Евангелія. Но разсматриваемая легенда повторяетъ эту мысль, какъ основаніе для милосердія Божія. Глубокое сознаніе человѣческаго ничтожества въ этой и въ иной жизни, свойственное византійцамъ, умѣряется вѣрой въ милосердіе Божіе и въ благодать искупленія. Въ XVII вѣкѣ изъ того же сознанія исходилъ Паскаль въ доказательствахъ бытія Божія и въ апологіи христіанства (Pensées). Въ «Видѣніи» эта же мысль формулируется такъ: Ve hominibus, ve peccatoribus ob quid nati sunt? Но Михаилъ упрекаетъ Павла въ томъ, что онъ считаетъ себя болѣе сострадательнымъ, чѣмъ самъ Господь, благословенный во вѣки (стр. 33).

[4]) Здѣсь мы имѣемъ дѣло, вѣроятно, съ какимъ-то строгимъ уставомъ, а не съ народнымъ почитаніемъ воскресенья.

[5]) Это уже апокрифическая казуистика и свидѣтельствуетъ о связи легендъ съ особымъ видомъ апокрифовъ, съ «Вопросами и отвѣтами».

деревѣ. Здѣсь же Богородица видитъ служителя церкви, духовнаго святотатца, истекающаго кровью. Попы, не соблюдавшіе своего сана, ронявшіе Тѣло и Кровь Господню и сотрясавшіе тѣмъ престолъ Господень, повѣшены, а изъ ногтей ихъ и темени выходитъ огонь, сжигающій тѣло. Ученый, знавшій священное писаніе, но не увѣровавшій въ него и творившій блудъ и беззаконіе, снѣдается трехголовымъ зміемъ. Архангелъ самъ предлагаетъ показать, гдѣ предаются мученіямъ чины ангельскіе и апостольскіе. Богородица видитъ ихъ пылающихъ въ огнѣ, и черви съѣдаютъ ихъ. Попадьи, вышедшія вторично замужъ, повѣшены за ногти, пламя и змѣи выходятъ изъ ихъ устъ. Тому же наказанію подвергаются монахини, предававшіяся разврату. Богородица видитъ повѣшенную діакониссу, пожираемую чудовищемъ за несоблюденіе нравственной чистоты [1]). Каждая изъ пересказанныхъ картинокъ изложена въ формѣ разговора Богородицы и Михаила. Время отъ времени повѣствованіе сопровождается слезами Богородицы [2]).

Наконецъ, Богородица была приведена херувимами и серафимами въ лѣвую часть ада. Здѣсь она увидѣла огненную рѣку и въ ней множество грѣшниковъ. Стражи, какъ въ началѣ, обра-

---

[1]) Этотъ порокъ діакониссъ уже отмѣчаетъ Іоаннъ Златоустъ въ «Словѣ о живущихъ съ дѣвственными». Собраніе сочиненій. Приложеніе къ «Церковнымъ Вѣдомостямъ», т. I. стр. 272—294.

[2]) Та же форма вопросовъ и плача наблюдается и въ «Видѣніи». Однообразіе художественной формы какъ цѣлыхъ апокрифовъ, такъ и отдѣльныхъ эпизодовъ каждаго апокрифа объясняется чисто византійскимъ художественнымъ стилемъ творчества. Каждая часть византійскаго художественнаго произведенія закончена, окружена однимъ и тѣмъ же фономъ, какъ бы является въ одной и той же рамкѣ. Вмѣсто причинной связи эпизодовъ въ Византійскомъ искусствѣ наблюдается связь по аналогіи, сходству и различію. Такая форма творчества наблюдается и въ романахъ. Романъ Лонга «Дафнисъ и Хлоя» начинается двумя аналогичными картинами, одна изображаетъ козу, бѣгающую кормить брошеннаго мальчика, другая овцу, также бѣгающую кормить брошенную въ гротѣ дѣвочку. Такія картинки, вполнѣ законченныя, удовлетворяли въ свое время читателя, какъ теперь насъ удовлетворяетъ причинная послѣдовательность изложенія. Тотъ же принципъ и въ живописи. Все въ ней на золотомъ фонѣ, все закончено, золотой вѣнчикъ одинаково украшаетъ всѣхъ святыхъ, и Христосъ и Богородица изображаются на тронѣ и т. п.

щаются къ Богородицѣ съ привѣтствіемъ, но на ихъ лицахъ сквозь радость встрѣчи съ Богоматерью видны скорбь и уныніе. Происходитъ всеобщая молитва, сопровождающаяся плачемъ грѣшниковъ. На огненномъ морѣ поднимается буря. Качаются и вздымаются волны, и на нихъ показываются грѣшники. Здѣсь были жиды, мучившіе Христа, отпавшіе отъ христіанства послѣ крещенія, осквернители священныхъ чувствъ къ роднымъ, убійцы, отравители и дѣтоубійцы. „Да будетъ имъ по вѣрѣ ихъ!“ (Κατὰ τὴν πίστιν αὐτῶν γενηθήτω αὐτοῖς) сказала Богородица. А Михаилъ объяснилъ, что эти грѣшники забыты Богомъ. Затѣмъ Матерь Божія увидѣла геену огненную, гдѣ мучились христіане, исповѣдовавшіе на словахъ Христа, но творившіе дѣла діавола. Сердце Пресвятой исполнилось состраданіемъ, и она желаетъ сама принять мученія съ христіанами. Но Михаилъ останавливаетъ ее, сказавши: «Пребывай въ раю, Пресвятая Владычица Богородица». Тогда Пресвятая проситъ Михаила подвигнуть на молитву за грѣшниковъ все воинство небесное. И предстали всѣ херувимы и серафимы, и вознесли ее на высоту небесную, и поставили ее предъ престоломъ Господа. Тогда она подняла руки и воскликнула: «Помилуй, Господи, грѣшныхъ христіанъ!» И раздался голосъ въ отвѣтъ: «Какъ я могу ихъ помиловать, если они сами себя не помиловали?» И сказала Богородица: «Не за невѣрныхъ Іудеевъ, а за христіанъ молю тебя». «Какъ ихъ помиловать», раздался вторичный отвѣтъ: «если они не миловали братьевъ своихъ?». Тогда Богородица указала на то, что душа грѣшниковъ, выходя изъ тѣла, восклицала: «Пресвятая Владычица Богородица!» Но Господь отвѣтилъ Ей на это, что всѣ призывавшіе Ея имя не забыты имъ. Тогда Богородица зоветъ на молитву Моисея, всѣхъ пророковъ и праотцевъ, апостола Павла, Іоанна, Святое Воскресеніе (ἡ ἁγία κυριακή), Силу честнаго и житворящаго креста [1]). И воскликнули всѣ ангелы съ Михаиломъ: «Господи, помилуй грѣшныхъ!» и воскликнули

[1]) Въ нѣкоторыхъ текстахъ встрѣчается два Іоанна, Креститель и Богословъ. Вообще, это мѣсто легенды подверглось значительнымъ измѣненіямъ. Въ англійскомъ текстѣ Господь сначала отказываетъ этимъ святымъ, такъ какъ грѣшники потерпѣли заслуженную кару и по заповѣдямъ Моисея, и по евангелію Богослова, и по посланіямъ Павла.

всѣ святые угодники: «Господи, помилуй!» И послалъ Господь Сына своего къ нимъ. И увидѣвши его, грѣшники возопили: «Господи, помилуй!» И далъ имъ Господь отдыхъ отъ великаго четвертка до пятидесятницы. Тогда всѣ воскликнули: «Слава Царству Твоему, слава Смотрѣнію Твоему, слава Отцу и Сыну и св. Духу и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь!».

Въ такомъ видѣ дошла до нашихъ дней Византійская легенда о Хожденіи Богородицы. Она отличается простотою. Въ ней нѣтъ того символическаго тройственнаго дѣленія, какое наблюдается въ «Видѣніи Апостола Павла». [1]) Плачъ земли о грѣхахъ человѣческихъ, гнѣвъ солнца, жалобы луны и звѣздъ, крикъ моря, занимающіе видное мѣсто въ Видѣніи [2]), отсутствуютъ въ «Хожденіи». Равнымъ образомъ мы не находимъ въ Хожденіи описанія рая [3]) и той сложной архитектоники загробнаго царства Павла, которое послужило образцомъ для построенія «Божественной комедіи». Не ужасы ада, не поучительныя блаженства праведниковъ занимали умъ коллективнаго восточнаго составителя легенды о Богородицѣ, а Сама Пресвятая Дѣва. Она рисуется въ легендѣ, какъ Непрестанная Заступница Усердная рода христіанскаго. Ея состраданіемъ къ грѣшнымъ побѣждается суровый законъ мздовоздаянія, и пѣсня славы Царству Божію заканчиваетъ легенду. Окруженная сонмомъ херувимовъ и серафимовъ, пророковъ и апостоловъ Богородица является здѣсь въ томъ величественномъ видѣ, въ какомъ могли рисовать ее грезы жителя роскошной золотой Византіи, видѣвшаго торжественные выходы своихъ императоровъ и императрицъ, съ сонмомъ духовенства, въ толпѣ народной.

Легенда, повидимому, еще не оторвалась отъ, храма и нѣтъ ничего удивительнаго, что установленный впослѣдствіи на Востокѣ праздникъ Покрова Богородицы такъ же тѣсно примыкаетъ къ разсматриваемой легендѣ, какъ праздникъ Успенія примыкалъ къ преданіямъ о слетѣ апостоловъ на облакахъ воздушныхъ къ

---

[1]) Сумцовъ, Очерки исторіи южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ. Кіевская старина, 1887 годъ, Ноябрь, стр. 424—425.

[2]) Texts and Studies, Visio Pauli, стр. 12—13.

[3]) Ibidem. стр. 37—42.

смертному одру Богоматери и о райской пальмѣ, принесенной Пречистой Дѣвѣ съ небесъ.

Тѣмъ не менѣе, уже въ этомъ спискѣ XII вѣка есть слѣды осложненія сюжета не только церковными преданіями, но и чисто народными вѣрованіями. Богородица зоветъ на молитву Святую Недѣлю. Такимъ образомъ воскресенье разсматривается въ Хожденіи, какъ особое лицо, олицетворяется и должно являться на молитву, какъ и сила животворящаго креста. Принадлежитъ ли эта особенность легенды къ X вѣку, когда уже явилось ясное олицетвореніе Середы, Пятницы и Воскресенья [1]), или, быть можетъ, она представляетъ остатокъ языческой старины IV и V вѣка [2]), во всякомъ случаѣ она указываетъ на связь легенды съ цѣлымъ цикломъ сказаній о пятницѣ и о ея олицетвореніяхъ въ видѣ Параскевы, Берты, Анастасіи и, наконецъ, въ видѣ самой Богородицы.

Въ одномъ изъ греческихъ текстовъ намѣчается картинка разлуки души съ тѣломъ [3]). Богородица говоритъ, что душа грѣшниковъ при разлукѣ съ тѣломъ восклицала: «Пресвятая Владычица Богородица!» [4]) А какъ извѣстно, разлука души съ тѣломъ не только встрѣчается въ видѣніи Апостола Павла, но составляетъ особый циклъ сказаній, образцомъ которыхъ можно считать общеизвѣстныя мытарства Өеодоры. Какой то безыменный составитель или переписчикъ легенды пытался внести въ «Хожденіе» эпизодъ о разлукѣ души съ тѣломъ. Къ XII вѣку легенда впитала въ себя цѣлый рядъ эпизодовъ изъ другихъ легендъ. И, быть можетъ, то оживленіе апокрифической литературы, которое охватило Балканскій полуостровъ въ X вѣкѣ, было причиной эпизодическихъ вставокъ въ «Хожденіе», заимствованныхъ изъ другихъ цикловъ легендъ.

---

[1]) Веселовскій, Опыты по исторіи развитія христіанской легенды, Ж. М. Н. Пр. 1877 г., февраль, стр. 187—188.

[2]) Сумцовъ, Очерки исторіи южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ, Кіевская Старина, 1887 г., Ноябрь, стр. 415.

[3]) Texts and Studies, стр. 124.

[4]) Есть сказаніе, что императоръ Никифоръ II (963—968), умирая отъ мечей злоумышниковъ, взывалъ: «Спаси, Богородица!» Левъ Діаконъ V, 4. Дебольскій, дни Богослуженія, стр. 113.

Особенно интересна позднѣйшая вставка вопроса Богородицы о томъ, когда прощается непосѣщеніе заутрени въ воскресенье. Какъ самый вопросъ, такъ и отвѣтъ Михаила напоминаетъ отдѣльный апокрифъ о смертныхъ грѣхахъ, „которые не прощаются“. Въ этой вставкѣ ясно видна апокрифическая форма вопросовъ и отвѣтовъ. Самый вопросъ Богородицы является испытующимъ вопросомъ, подобно вопросамъ, связаннымъ съ именемъ Соломона и Іоанна Богослова.

Такимъ образомъ уже въ греческомъ текстѣ «Хожденія» XII вѣка можно замѣтить цѣлый рядъ наслоеній, свидѣтельствующихъ о томъ, что разсматриваемая легенда пережила какую-то эпоху, когда она тасовалась съ цѣлымъ рядомъ апокрифовъ, когда она впитывала въ себя эпизоды изъ другихъ цикловъ бродячихъ сказаній. Надо полагать, что легенда о «Хожденіи», какъ она представляется въ спискахъ XII вѣка, не только была въ обращеніи въ средѣ болгарскихъ еретиковъ, въ народной массѣ, но проникла далеко за предѣлы болгарскаго еретическаго движенія. Она проникла въ Италію и Францію; ясныя указанія на это есть какъ у Веселовскаго, такъ и у Робинзона, англійскаго издателя легенды.

Несмотря на то, что легенда о Хожденіи въ XII в. была доступна для наслоеній, въ ней однако почти совсѣмъ отсутствуютъ тѣ домыслы, которые въ большомъ количествѣ проникли въ «Видѣніе Павла» и придали ему особый западный колоритъ.

Къ такимъ домысламъ «Видѣнія» нужно отнести богатую разработку загробныхъ наказаній. «Павелъ видитъ въ преисподней семь наказаній, которымъ подвергаются ежедневно осужденныя души. Первое—голодъ, второе—жажда, третье—холодъ, четвертое—жаръ, пятое—червь, шестое—смрадъ, седьмое—такой большой дымъ, что одинъ не можетъ видѣть другого» [1]). „Потомъ онъ видѣлъ обнаженныхъ мужей и женъ во льду, которые наполовину

[1]) Cod. Berol. (lat. theolog. fol. 427). Шепелевичъ Приложенія, стр. 1. Порядокъ ихъ и наименованія не во всѣхъ редакціяхъ одинаковы. Въ текстѣ Paget Toynbee—такое распредѣленіе: 1) nix, 2) glacies, 3) ignis, 4) sanguis, 5) serpens, 6) fulgur, 7) fetor.

горѣли въ огнѣ, а наполовину замерзали». [1]) Какъ классификація наказаній, такъ въ особенности неоднократное упоминаніе о наказаніи холодомъ и льдомъ, являются отличительнымъ признакомъ «Видѣнія». Нѣтъ ничего удивительнаго, что Данте, находясь подъ вліяніемъ «Видѣнія», считалъ самымъ страшнымъ мученіемъ замерзаніе душъ въ ледяномъ царствѣ Луцифера [2]), хотя, конечно, въ этомъ отношеніе Данте въ равной мѣрѣ былъ въ зависимости и отъ другихъ легендъ какъ напр., отъ Хожденія Дритгельма, въ которомъ наиболѣе ярко рисуется область загробныхъ льдовъ. Легенда разсказываетъ, что, вернувшись съ того свѣта, Дритгельмъ могъ купаться зимою, приговаривая: «И холоднѣе этого видѣлъ» [3]). Ничего подобнаго нѣтъ въ «Хожденіи Богородицы». Отъ начала до конца эта легенда выдерживаетъ золотисто-огненный византійскій стиль.

Какъ въ греческихъ спискахъ Хожденія, такъ впослѣдствіи въ славянскихъ нигдѣ нѣтъ указаній на пытки инквизиціи, между тѣмъ въ «Видѣніи» Апостолъ со страхомъ смотритъ на инквизиціонное орудіе наказанія грѣшниковъ, представляющее собою огненное колесо съ тысячью острыхъ зубцовъ. На каждомъ изъ этихъ зубцовъ помѣщены грѣшныя души, пылающія въ такомъ огнѣ, что и алмазъ могъ бы расплавиться.

C'est la plus dure riens qui puis estre trouvee
Que pierre diamant einsint est appelee...

Равнымъ образомъ въ легендѣ о Хожденіи не затронутъ вопросъ о судѣ надъ душою послѣ разлуки ея съ тѣломъ [4]). Наконецъ, разсматриваемая легенда совсѣмъ чужда классическихъ реминисценцій. Въ Видѣніи Павла несоблюдавшіе постовъ подвергаются мученіямъ Тантала [5]). Западная легенда о Св. Сатирѣ

[1]) Ibidem, стр. 2.

[2]) Dante Alighieri, La divina Comedia, Inferno, XXIV.

[3]) Labitte, La Divine Comédie avant Dante, p. 108, Oeuvres de Dante Alighieri, Paris, 1891.

[4]) Щепелевичъ, Ibidem 39; Romania, juillet 1895, p. 366.

[5]) Romania, juillet 1895, p. 372, La Descente de Saint Paul en enfer, § 24 и 25.

представляетъ какъ бы сплошную реминисценцію классическаго міра. Ничего подобнаго нѣтъ въ Хожденіи Богородицы по мукамъ.

Отсутствіе только-что указанныхъ чертъ, свойственныхъ «Видѣнію», можетъ служить доказательствомъ, что Хожденіе Богородицы относится къ Византійскимъ памятникамъ древности, что исторія этого памятника самобытна и не можетъ быть смѣшиваема съ исторіей Видѣнія и другихъ западныхъ легендъ.

Не отличаясь въ цѣломъ такимъ воздушнымъ и легкимъ колоритомъ, какой наблюдается въ древнѣйшихъ легендахъ первыхъ вѣковъ христіанства, когда легенда была ясной грезой мученика (Видѣніе Стефана, легенда о Св. Карпѣ), Хожденіе Богородицы по мукамъ къ XII вѣку не только не успѣло обратиться въ учительный тенденціозный памятникъ, но даже сохранило свою первоначальную чистоту. Милосердная идея легенды далеко не заслонена эпизодическими описаніями мученій. И несмотря на тяжеловатый Византійскій стиль, читатель легко можетъ замѣтить въ Хожденіи слѣды древнехристіанскаго милосердія къ грѣшникамъ.

---

[1]) Romania, Jbidem, § 20 p. 370.

II. Сказаніе о Хожденіи Богородицы по мукамъ у южныхъ славянъ.

Нашествіе варваровъ, говоритъ Лабиттъ, [1]) должно было повсюду оставить свой отпечатокъ; мы найдемъ его и въ легендахъ о загробной жизни. Дѣйствительно, уже не встрѣтится въ нихъ дѣтскаго наивнаго экстаза; на мѣсто искренняго восторга святого является разсчетливая мечта политика... Мы вступаемъ въ новую эру: видѣніе сдѣлалось орудіемъ въ рукахъ епископовъ противъ князей, затѣмъ въ рукахъ монаховъ противъ епископовъ».

Король Дагобертъ, Карлъ Великій, Карлъ Лысый выступаютъ въ новыхъ легендахъ. Ихъ участь въ загробномъ мірѣ должна дать урокъ властителямъ, пребывающимъ на землѣ. Легенда о Карлѣ Толстомъ ясно заповѣдуетъ совершать мессы и дѣлать вклады за упокой души и обѣщаетъ за это царство небесное. Самая картина страшнаго суда начинаетъ служить средствомъ для запугиванія воображенія новаго человѣка. Всѣмъ извѣстно преданіе о томъ, какъ византійскій инокъ-философъ Константинъ представилъ князю Владиміру картину страшнаго суда и тѣмъ ускорилъ его обращеніе. [2]) Естественно, съ выступленіемъ новыхъ молодыхъ народовъ на исторической сценѣ, христіанская легенда не могла уже удержать ни того глубокаго восторженнаго чувства, которое было свойственно священному

[1]) Labitte, La divine comédie avant Dante, p. 106—107.

[2]) Тихонравовъ, Курсъ лекцій 1881—82 г., стр. 169.

преданію временъ апостольскихъ, чувства живой и глубокой «радости о Господѣ», ни той идеи о милосердіи Бога, «Благословеннаго во вѣки», которая была завѣтной и у отцовъ церкви и въ легендѣ IV и V вѣка. Это подтверждается и на разсматриваемой нами легендѣ о Хожденіи Богородицы по мукамъ. Уже у южныхъ славянъ она теряетъ свою милосердную идею, какъ бы оправдывая теорію Тэна о роковомъ вліяніи расовыхъ особенностей на ходъ исторіи литературы.

Какъ и когда проникла легенда о Хожденіи Богородицы къ славянамъ, неизвѣстно. Несомнѣнно, она появилась сначала у болгаръ, а потомъ перешла къ сербамъ: Болгарскіе списки ея ближе подходятъ къ Византійскому тексту и имѣютъ даты XII вѣка, тогда какъ сербскіе списки относятся лишь къ XV вѣку и далеко отступаютъ отъ Византійскаго списка легенды. [1]) На основаніи принадлежности древнѣйшей славянской редакціи къ XII столѣтію, на основаніи несомнѣннаго происхожденія ея изъ третьихъ рукъ и, наконецъ, на основаніи болгарскаго ея происхожденія, Ягичъ предполагаетъ [2]), что славянская легенда о Хожденіи могла относиться къ XI и даже къ X вѣку. Утвержденіе всѣхъ изслѣдователей по исторіи легендъ о томъ, что Болгарія въ X вѣкѣ была очагомъ апокрифической литературы, откуда легенды распространялись на сѣверъ, западъ и даже востокъ, позволяетъ признать гипотезу Ягича вполнѣ вѣроятной.

---

[1]) Мы имѣемъ двѣ редакціи юго-славянскаго Хожденія. Одна изъ нихъ относится къ XII вѣку и издана Срезневскимъ въ X томѣ Изв. Ак. Наукъ. Этою, именно, пользовался Ягичъ. Редакція XII вѣка выдержала еще два изданія. Она помѣщена въ «Памятникахъ старинной русской литературы» Кушелева—Безбородка 1862 г. и въ «Памятникахъ Отреченной литературы» Тихонравова т. II. Другая редакція относится къ XV вѣку и издана въ томъ же томѣ Тихонравова. Послѣдняя найдена Григоровичемъ въ Хиландарскомъ монастырѣ и относится къ памятникамъ Сербской литературы. Какъ добавленіе къ послѣднему списку можно разсматривать «Слово о. з. грѣсѣхъ непростенихъ, оче благослови!» Это слово помѣщено въ «Старинахъ» (Starine. Jugoslavanska akademija Znanosti i umjetnosti 1884, XVI). Сюда же относится отрывокъ «Вопроси прѣсвете Богородице о. 3. грѣховь», помѣщенный также въ Старинахъ (Starine, 1890, XXII).

[2]) Jagić, Historija Kniževnosti Naroda Hrvatskoga i Srbskoga 1867, стр. 90—91.

Возможно, что въ X вѣкѣ легенда о Хожденіи была уже извѣстна въ Болгаріи. Однако едва ли можно предположить, что она была распространена сначала въ устной передачѣ у богомиловъ и ихъ западныхъ послѣдователей, а потомъ была записана образованнымъ начетчикомъ. Въ томъ видѣ, въ какомъ легенда представляется въ спискѣ XII вѣка, она похожа на вольный переводъ съ греческаго, съ нѣкоторыми вставками. Да и по содержанію она почти ничѣмъ не связана съ мрачнымъ дуалистическимъ міровоззрѣніемъ богомиловъ. И въ болгарскомъ спискѣ легенда носитъ тотъ же характеръ, что и въ греческомъ. Въ Болгаріи она еще не успѣла потерять идею о милосердіи Божіемъ и о заступничествѣ Богородицы. На основаніи этого можно предположить, что Византійская легенда была переведена съ греческаго на болгарскій языкъ какимъ-то начетчикомъ, быть можетъ, уже въ X вѣкѣ. Работа древняго славянскаго начетчика была своеобразна, какъ и работа средневѣковаго скульптора. Онъ не мечталъ о созданіи чего-либо новаго, объ обновленіи литературнаго и художественнаго стиля и вкуса, и всю жизнь могъ отдать лишь на то, чтобы точно скопировать старое, внести какой-нибудь незначительный варіантъ въ подробностяхъ. Извѣстно, съ какой тщательностью переписывались священныя книги. Только безсознательно переписчикъ обнаруживалъ свою народность въ начертаніи словъ. Такъ работалъ, повидимому, и переводчикъ «Хожденія». Онъ внесъ въ переводъ только одну замѣчательную подробность, которая выдаетъ его, какъ знатока славянской жизни, быть можетъ, славянина по происхожденію.

Въ болгарскомъ спискѣ Хожденія Пресвятая Богородица посѣщаетъ грѣшниковъ, которые не вѣровали въ Отца и Сына и Св. Духа, но кланялись Трояну, Хорсу, Велесу и Перуну. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что составитель легенды въ данномъ случаѣ имѣлъ въ виду языческія вѣрованія славянъ, которыя глубоко коренились въ сердцѣ славянина того времени. Излишне говорить о принадлежности Хорса, Велеса и Перуна къ сонму коренныхъ славянскихъ Божествъ. Но какимъ образомъ въ число славянскихъ божествъ попадаетъ Троянъ? Упоминаніе о Троянѣ тѣмъ болѣе замѣчательно, что другіе древніе свидѣтели славянскаго двоевѣрія опускаютъ имя Трояна, хотя называютъ гораздо болѣе языческихъ

славянскихъ божествъ. Такъ въ „Словѣ Христолюбца“ по Паисіеву сборнику XIV вѣка говорится, что двоевѣрные люди вѣруютъ „въ Перуна в Хорса и Мокош; в Сима ї в Регла ї въ вилы, їже числомъ г҃ о“ [1]). Вѣроятно, имя Трояна относится къ числу тѣхъ бродячихъ именъ, которыхъ такъ много встрѣчается въ исторіи легендъ, начиная съ древнѣйшихъ временъ. Имя Трояна слишкомъ близко къ историческому имени императора Траяна. Дѣйствительно императоръ Траянъ былъ героемъ христіанской легенды. Одна изъ легендъ разсказываетъ, что папа Григорій Великій, прочитавши латинскихъ историковъ, удивился добродѣтели Траяна и вымолилъ у Бога освобожденіе души языческаго императора отъ вѣчныхъ мученій [2]). Эту легенду повторяетъ Данте въ десятой пѣснѣ Чистилища. Однако было бы большимъ рискомъ считать Трояна Хожденія легендарнымъ императоромъ Траяномъ. Въ одномъ изъ сербскихъ духовныхъ стиховъ разсказывается, что Богородицѣ достался для обращенія въ христіанство нечестивый городъ Троянъ, Индія проклятая [3]). Въ такомъ сочетаніи имя Трояна можетъ быть связано или съ знаменитой Троей или съ поселеніемъ на Балканскихъ горахъ. Славянская легенда уже не помнитъ императора и связываетъ имя Трояна съ городомъ. Надо полагать, что и въ легендѣ о Хожденіи имя Трояна совсѣмъ не связывается съ именемъ императора, а представляетъ осколокъ самобытнаго вѣрованія славянъ въ какое-то миѳическое существо, оставшееся до сихъ поръ въ географическомъ наименованіи на Балканахъ. Словомъ, легенда о Хожденіи даетъ своеобразный смыслъ имени Трояна, несомнѣнно интересный для характеристики міровоззрѣнія славянъ. Кромѣ имени Трояна разсматриваемая вставка интересна и своимъ разночтеніемъ. Передъ перечисленіемъ вышеуказанныхъ божествъ славянскій текстъ неразборчивъ, именно четыре слова. Срезневскій и Ягичъ читаютъ это мѣсто такъ: «тосетьнѣе и чело-

---

[1]) Веселовскій, Славяногерманскіе отрывки, Ж. М. Н. П., Іюль 1889, стр. 8

[2]) Labitte, La divine comédie avant Dante, p. 102.

[3]) Веселовскій, Опыты по исторіи развитія христіанской легенды, Ж. М. Н. Пр. 1877, февраль, стр. 189.

вчьска имена та утрія Трояна Хърса Велеса Пероуна" [1]). Тихонравовъ и Порфирьевъ вносятъ интересную поправку. Первый читаетъ это мѣсто такъ: «тосетьнѣе и члвчь окамената оутрія трояна, хърса, велеса, перуна" [2]). Второй—съ нѣкоторыми измѣненіями: «отъ камени ту устроя Трояна, Хорса, Велеса, Перуна» [3]). Естественнѣе всего предположить, что въ Хожденіи говорится о каменныхъ идолахъ Трояна, Хорса, Велеса, Перуна, устроенныхъ по человѣческому образцу. Упоминаніе объ идолахъ придаетъ болгарскому списку Хожденія особую цѣнность. Хожденіе свидѣтельствуетъ не только о вѣрованіи славянъ въ опредѣленныя божества, но и о своеобразномъ славянскомъ поклоненіи каменнымъ изображеніямъ этихъ божествъ. Наконецъ, разсматриваемая вставка говоритъ о другихъ особенностяхъ славянскаго религіознаго міросозерцанія. Вотъ полное опредѣленіе славянскихъ язычниковъ по болгарскому «Хожденію». „Они забыли Бога и вѣровали въ тварь, которую Богъ на работу сотворилъ. Все это они прозвали богами и солнце, и мѣсяцъ, и звѣзды, и воду, и звѣрей, и гадовъ, и выстроенныхъ по человѣческому образцу изъ камня Трояна, Хорса, Велеса и Перуна обратили въ боговъ, а также вѣровали въ бѣсовъ». Такимъ образомъ, передъ нами цѣлый конспектъ славянскаго языческаго міросозерцанія съ его обожествленіемъ природы, его политеизмомъ, идолопоклонствомъ, и, наконецъ, съ его опредѣленными олицетворенными богами, во главѣ съ какимъ-то миѳическимъ Трояномъ. Такъ какъ легенда говоритъ, что славянскіе язычники забыли Бога, можно предполагать, что въ ней имѣются въ виду славяне, когда-то знавшіе Истиннаго Бога, но впавшіе опять въ язычество, т. е. изслѣдователь имѣетъ здѣсь дѣло съ двоевѣріемъ славянскихъ народовъ. Легенда присуждаетъ грѣшниковъ, впавшихъ въ двоевѣріе, къ самымъ злымъ адскимъ мукамъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что болгарская легенда о Хожденіи имѣла открытую тенденцію произ-

---

[1]) Срезневскій, Изв. Акад. наукъ, Т. X. Jagić, Historija Književnosti Naroda Hrvatskoga i Srbskoga, 1867.

[2]) Тихонравовъ, Памятники отреченной литературы, Т. II.

[3]) Порфирьевъ, Новозавѣтные апокрифы.

вести впечатлѣніе на славянъ, впадавшихъ въ двоевѣріе, дать имъ урокъ. Подобно легендѣ о Владимірѣ, она пугаетъ воображеніе молодыхъ народовъ картиной страшнаго суда и имѣетъ проповѣдническую или учительную цѣль.

Въ остальномъ болгарская легенда о Хожденіи Богородицы очень близка къ Византійскому тексту. «Сличеніе славянскаго перевода съ греческимъ подлинникомъ» (по Вѣнскому списку), говоритъ Срезневскій, [1]) «ясно убѣждаетъ, что переводъ столько же необходимъ для возстановленія подлинника, сколько подлинникъ для возстановленія ошибокъ списка перевода». Сходство славянскаго текста съ греческимъ въ цѣломъ довольно значительно. Самый замыслъ, идея, литературные пріемы и эпизодическія подробности, въ большинствѣ случаевъ, восходятъ къ Византійскому первоисточнику, за исключеніемъ лишь эпизода молитвы Богородицы въ концѣ Хожденія, въ которомъ Пресвятая обращается съ упреками къ Гавріилу, Іоанну и др. за то, что они не являются на молитву. Изданный англичанами греческій списокъ Хожденія не измѣняетъ дѣла, и утвержденіе Срезневскаго о близости текста остается въ силѣ, даже подкрѣпляется англійскимъ спискомъ. Отсутствующій въ Вѣнскомъ спискѣ контекстъ къ болгарскому списку читатель можетъ найти въ текстѣ Хожденія, изданномъ въ Англіи. Въ послѣднемъ есть, напр., восклицаніе Богородицы: «Лучше было бы человѣку не родиться!» Между тѣмъ въ Вѣнскомъ спискѣ это восклицаніе отсутствуетъ. Къ сожалѣнію, ничѣмъ не пополняются пропуски и искаженія болгарскаго списка. По крайней мѣрѣ, сербскіе списки гораздо менѣе полезны для пополненія болгарскаго списка, чѣмъ вновь изданный греческій текстъ для пополненія Вѣнскаго списка.

Изъ всего сказаннаго о болгарскомъ спискѣ Хожденія видно, что разсматриваемое сказаніе въ Болгаріи еще не успѣло обратиться въ новый варварскій типъ легенды. И это надо объяснить не превосходствомъ болгаръ надъ сербами и другими

---

[1]) Срезневскій, Изв. Имп. Ак. Наукъ X. Срезневскій напечаталъ легенду о Хожденіи въ греческомъ и болгарскомъ контекстахъ, изъ которыхъ ясно видно, какъ греческій и болгарскій списокъ должны взаимно пополнять другъ друга.

славянами, а просто тѣмъ, что болгарское Хожденіе есть переводъ съ греческаго. Однако надо признать, что и въ болгарскомъ текстѣ есть зародышъ эмансипаціи разсматриваемой легенды изъ-подъ Византійскаго вліянія. Вставка переводчика о двоевѣріи, если оставить въ сторонѣ художественную цѣнность ея, свидѣтельствуетъ о пробужденіи національнаго самосознанія у славянъ, о стремленіи ихъ рѣшать вопросы чисто славянской жизни.

Изъ Болгаріи легенда о Хожденіи по мукамъ проникла въ Сербію. Къ сожалѣнію, сербскій списокъ легенды, сохранившійся до нашихъ дней, относится къ сравнительно позднему времени, именно, къ XV вѣку. А потому исторія распространенія легенды въ Сербіи темна. Даже самый переходъ легенды въ Сербію изъ Болгаріи, а не изъ Византіи можетъ опираться лишь на апріорныхъ соображеніяхъ.

Во всякомъ случаѣ, сербскій списокъ Хожденія далеко уклоняется какъ отъ болгарскаго, такъ и отъ Византійскаго списка. Въ сербскомъ спискѣ передъ нами совершенно новый варварскій типъ апокрифа.

Сербскій переписчикъ легенды не переводилъ ее съ греческаго и даже не записывалъ со словъ какого-нибудь слагателя легенды, а вѣроятно, самъ составлялъ ее по памяти, и при этомъ, пользуясь своей эрудиціей, дозволилъ себѣ присочинить кое-что для поддержки своихъ личныхъ убѣжденій.

Какова была эрудиція сербскаго переписчика, какіе вопросы занимали его,—это видно изъ прибавленія въ самомъ началѣ списка. Богородица при встрѣчѣ съ Михаиломъ задаетъ ему вопросъ о времени кончины міра. Но вопросъ остается почему-то безъ отвѣта. Конечно, этотъ вопросъ явился подъ вліяніемъ знакомства съ эсхатологическими легендами о концѣ міра. Однако, неумѣстная постановка его ясно свидѣтельствуетъ о томъ, куда направлялись интересы сербскаго начетчика. Читатель здѣсь имѣетъ дѣло съ особой любознательностью. Не идея милосердія Бога, «благословеннаго во вѣки», занимаетъ вниманіе серба, а неразгаданная апокрифическая тайна міра, и онъ при первомъ удобномъ случаѣ высказываетъ, что хотѣлъ бы онъ узнать отъ архангела.

Забвеніе идеи о безконечномъ милосердіи Божіемъ и даже какъ бы недовольство ею сквозитъ въ не менѣе неудачномъ разсказѣ сербскаго начетчика о семи смертныхъ грѣхахъ. Вслѣдъ за вопросомъ о концѣ міра приводится молитва Богородицы къ Господу и отвѣтъ Господа о непрощаемыхъ семи смертныхъ грѣхахъ. «Еже суть ꙁ҃ греси, иже не прощаютсе имъ (т. е. грѣшникамъ): 1) отверженіе отъ Христа, 2) грѣхъ противъ сосѣдей, 3) невѣріе въ Бога и оскверненіе души и тѣла, 4) несоблюденіе церковныхъ заповѣдей, 5) повальный грѣхъ, 6) неподаваніе милостыни и 7) непосѣщеніе храма въ страстную и свѣтлую седмицу. Ученіе о семи смертныхъ грѣхахъ существуетъ въ отдѣльныхъ редакціяхъ и въ лучшемъ подборѣ, чѣмъ только-что приведенный. Послѣдній, конечно, интересенъ только тѣмъ, что указываетъ на крайнее разнообразіе и случайность сказаній о семи смертныхъ грѣхахъ. Но гораздо интереснѣе узнать, зачѣмъ понадобилось сербскому начетчику привести въ Хожденіи сказаніе о семи непрощаемыхъ грѣхахъ и при этомъ въ неудачной формѣ, такъ какъ, благодаря помѣщенію этого сказанія въ началѣ, молитва Богородицы повторяется два раза. Надо полагать, что сербскій книжникъ принадлежалъ по своимъ убѣжденіямъ къ людямъ суровыхъ правилъ, къ ригористамъ, не сочувствующимъ идеѣ милосердія. Онъ не допускалъ всепрощенія даже въ царствіи небесномъ, даже по молитвамъ Богородицы. А такъ какъ изъ греческой легенды о Хожденія ясно вытекаетъ заключеніе, что по молитвамъ Богородицы всѣ получатъ облегченіе на томъ свѣтѣ, сербскій начетчикъ рѣшилъ ограничить Божіе Милосердіе въ легендѣ и для этого помѣстилъ сказаніе о томъ, что среди грѣховъ человѣческихъ есть такіе, которые не простятся вовѣки. Такимъ образомъ даже непосѣщающіе храма въ страстную седмицу не получатъ никакого облегченія отъ пятницы до пятидесятницы. Очевидно, ученіе о семи смертныхъ грѣхахъ вставлено въ сербскомъ спискѣ для того, чтобы исказить апокрифическую идею о безконечномъ милосердіи Божіемъ. Отсюда слѣдуетъ, что легенда о Хожденіи уже въ сербскихъ спискахъ XV вѣка теряетъ свою милосердную идею. И это происходитъ не случайно.

Какъ увидимъ ниже, въ народныхъ сербскихъ сказаніяхъ о Хожденіи совсѣмъ исчезаетъ молитва Богородицы за грѣшныхъ. Повидимому, славянское міросозерцаніе въ эпоху среднихъ вѣковъ не могло еще усвоить древней христіанской идеи о всепрощеніи, той замѣчательной идеи, которая только въ XIX вѣкѣ нашла наилучшее выраженіе въ произведеніяхъ Достоевскаго и Толстого.

Естественно, сербскій составитель легенды о Хожденіи отступаетъ отъ древнихъ списковъ въ тѣхъ мѣстахъ легенды, которыя потеряли для него живой интересъ. Онъ ничего не говоритъ о двоевѣріи славянъ, сокращаетъ описанія и понижаетъ тонъ, говоря объ еретикахъ, не почитавшихъ Богородицы, сокращаетъ рѣчь Іисуса Христа объ искупленіи, которая развита въ болгарскомъ спискѣ Хожденія и въ Вѣнскомъ греческомъ текстѣ. Въ этомъ отношеніи сербскій текстъ ближе къ англійскому списку Робинзона.

Зато сербскій текстъ пополняетъ болгарскій списокъ. Въ немъ ясно объясняется, какіе грѣшники упоминаются въ Хожденіи въ числѣ ѣвшихъ человѣческое мясо. „Тизы сѹт їалы мєа чл҃чка... слиши прѣчт҃а ты̀ сѹт отдавали бра́ть брата́ и҆ дрѹгь дрѹга на смрьть ѿц҃ь чедо̀ про́клиналъ.“ Эти слова представляютъ переводъ отсутствующаго въ болгарскомъ спискѣ темнаго разсказа въ Хожденіи о ѣвшихъ человѣческое мясо.

Сербскій текстъ яснѣе проводитъ принципъ: in eo quo quis peccat et punitur. Авторъ сербскаго списка рисуетъ читателямъ дерево, увѣшанное множествомъ грѣшниковъ, каждый повѣшенъ за членъ, которымъ грѣшилъ. Конечно, эта картина представляетъ грубое приложеніе принципа, сравнительно съ Божественной Комедіей. Но она характерна для автора сербскаго Хожденія.

Оставивъ въ сторонѣ мелкія черты отличія въ сербскомъ и болгарскомъ спискѣ Хожденія, можно сдѣлать заключеніе, что сербскій списокъ далеко отступаетъ какъ отъ болгарскаго, такъ и отъ Византійскаго первоисточника. Отъ XII до XVI вѣка въ Сербіи могъ появиться цѣлый рядъ передѣлокъ Византійскаго Хожденія, которыя предшествовали только-что разсмотрѣнному списку. Направленіе въ этихъ передѣлкахъ Хожденія опредѣля-

лось забвеніемъ древне-христіанской милосердной идеи и новымъ поучительнымъ варварскимъ стилемъ изложенія.

Во всякомъ случаѣ до нашего времени сохранились отрывки подобныхъ передѣлокъ Хожденія. Въ 1884 году въ «Старинахъ» (XVI) [1]) напечатанъ отрывокъ сербскаго текста, представляющій свободную импровизацію на мотивъ Хожденія, подобную вышеразсмотрѣнному сербскому списку. Въ этомъ отрывкѣ Богородица молитъ Христа о прощеніи грѣшниковъ. Но молитва ея прерывается вопросами и отвѣтами. Она задаетъ Христу рядъ вопросовъ. Первый вопросъ касается семи смертныхъ грѣховъ. Второй вопросъ—«отъ коего ангела градь падае и избивае жита человѣкомъ»; третій —«Господи, повежди ми, што есть црьковь"? Но здѣсь текстъ обрывается. Въ концѣ самъ Христосъ разказываетъ о мукахъ. Новаковичъ предполагаетъ, что этотъ отрывокъ восходитъ къ «слову о семи смертныхъ грѣхахъ». [2]) Но въ «Старинахъ» высказывается предположеніе и о томъ, что отрывокъ этотъ могъ восходить къ сказанію о Хожденіи, такъ какъ въ индексѣ ложныхъ книгъ нѣтъ упоминанія о вопросахъ Богородицы, какъ объ отдѣльномъ апокрифѣ. Повидимому, мотивъ Хожденія въ этомъ отрывкѣ органически сливался съ апокрифомъ о семи смертныхъ грѣхахъ. Комментаторы напрасно оставляютъ безъ вниманія плохо вяжущіеся съ Хожденіемъ и семью грѣхами вопросы о градѣ и о церкви. Принимая во вниманіе послѣдніе, можно прійти къ заключенію, что мотивъ Хожденія въ Сербіи не только стремился къ сліянію съ апокрифомъ о грѣхахъ, но переходилъ въ излюбленную варварскую форму вопросовъ и отвѣтовъ на разныя мало связанныя темы. Однимъ словомъ въ указанномъ отрывкѣ предъ изслѣдователемъ открывается эволюціонный процессъ распаденія литературной формы легенды о Хожденіи Богородицы, влѣдствіе котораго легенда явилась въ такомъ странномъ соединеніи съ другими апокрифами.

Въ «Старинахъ» же за 1890 годъ (XXII) помѣщенъ еще одинъ отрывокъ, [3]) въ которомъ къ мотиву о смертныхъ грѣхахъ

---

[1]) Starine 1884, XVI, стр. 91—92.

[2]) Starine, XXII, 189 стр. 203.

[3]) Starine, 1890 г. стр. 203—204.

присоединена молитва. «Неразумне человѣче: и отстани се грѣхъ творити. О обрати се къ Богу постомъ молитвою усердно со слезами и съ воздыханіемъ и крѣпкою любовью, понеже» и т. д. [1]) Возможно, что уже на сербской почвѣ легенда о Хожденіи служила поучительнымъ цѣлямъ, подобно тому какъ «Сонъ Богородицы» на русской почвѣ.

Изъ всего сказаннаго о сербскихъ спискахъ Хожденія слѣдуетъ, что разсматриваемая нами легенда на сербской почвѣ потеряла свой Византійскій колоритъ, подверглась разложенію и усвоила варварскій учительный стиль.

Такая судьба Хожденія въ исторіи славянской письменности достойна вниманія. Самостоятельная письменная переработка Хожденія у славянъ является показателемъ глубокаго проникновенія легенды въ народъ. И у тѣхъ самыхъ сербовъ, которые такъ исказили древній стиль легенды, существуютъ народныя пѣсни о Хожденіи, превосходящія по своему достоинству пѣсни другихъ славянскихъ народовъ о Богородицѣ.

---

[1]) Jbid. стр. 353.

III. Сказаніе о Хожденіи Богородицы по мукамъ въ русской литературѣ.

Изъ Византіи, Болгаріи и Сербіи отъ XI до XVI вѣка апокрифы широкой волной двинулись на Русь. Съ одной стороны, странники и богомольцы, путешествуя по святымъ мѣстамъ, разсказывали, да и до нашихъ дней разсказываютъ множество легендъ, слышанныхъ на Востокѣ и въ славянскихъ земляхъ; съ другой стороны, вмѣстѣ съ апологетическими, экзегетическими и историческими книгами пришли на Русь и апокрифическія легенды. [1]) Въ допетровской Руси были даже любители и собиратели апокрифовъ, какъ напр., Галятовскій, собравшій много сказаній о Богородицѣ въ сочиненіи: «Небо Новое». [2]) Православная русская церковь на протяженіи вѣковъ вела жестокую борьбу съ вѣрой въ апокрифическія сказанія. Вмѣстѣ съ другими апокрифами на Русь явилась и разсматриваемая легенда о Хожденіи Богородицы по мукамъ. Болгарскіе и сербскіе списки ея ходили по рукамъ. Разсмотрѣнные выше тексты Хожденія были извѣстны въ древней Руси. Кромѣ этихъ сохранился списокъ Хожденія въ Троицкой лаврѣ, относящійся къ XIV вѣку. Списокъ Троицкой лавры отличается отъ болгарскаго списка въ подробностяхъ. Въ немъ нѣтъ нѣкоторыхъ

---

[1]) Сумцовъ, Очерки исторіи южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсень, Кіевская Старина, 1887 года, стр. 17.

[2]) Ibidem, стр. 452.

эпизодовъ и славословій. Наконецъ, до нашихъ дней уцѣлѣлъ списокъ 1602 года. Этотъ памятникъ описанъ Пыпинымъ въ статьѣ „Старинные апокрифы". „Видно что сказаніе", говоритъ Пыпинъ объ этомъ спискѣ, [1] „было въ рукахъ простонароднаго грамотѣя, который не сумѣлъ справиться съ славянскими формами, искажалъ ихъ или давалъ имъ иногда народный оттѣнокъ; при этомъ измѣненіи первоначальной редакціи теряются и самыя подробности разсказа". Пыпинъ считалъ, однако, эту редакцію за лучшую. Но въ настоящее время это мнѣніе можно считать устарѣвшимъ, такъ какъ новые списки Тихонравова и англійскій списокъ далеко оставляютъ за собой полуграмотную работу начетчика XVII вѣка. Интересно также отмѣтить, что Пыпинъ пытается объяснить упоминаніе легенды о Троянѣ, сближая Трояна съ миѳомъ о Всеславѣ изъ „Слова о Полку Игоревѣ" и съ былиной объ Иванѣ—гостинномъ сынѣ. Между ними онъ нашелъ сходство въ мотивѣ побѣга ихъ отъ солнца, „прерысканіи волкомъ пути Хорсу" въ поѣздкѣ „промежу обѣдни и заутрени". Эта гипотеза Пыпина проливаетъ яркій свѣтъ на вѣру славянъ въ Трояна. Троянъ, повидимому, принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ славянскихъ божествъ.

Говоря о распространенныхъ на Руси рукописныхъ спискахъ Хожденія, Пыпинъ замѣчаетъ: „Ничего подобнаго (тому, что есть въ спискѣ 1602 года,) нѣтъ въ новыхъ рукописныхъ тетрадяхъ, которыя намъ случалось видѣть: грубый вкусъ грамотѣевъ отбросилъ эпизоды и остановился на грозной сторонѣ картины. Старое преданіе своимъ благочестивымъ настроеніемъ напоминаетъ страницы древнихъ русскихъ проповѣдниковъ; новѣйшее Хожденіе сдѣлалось какъ будто пересказомъ лубочной картинки страшнаго суда безъ всякой примирительной мысли» [2]. Совершенно естественно, ученики болгаръ и сербовъ, русскіе, еще болѣе удалились отъ Византійскаго стиля повѣствованія въ разсказахъ о Хожденіи Богородицы. Однако едва ли можно

---

[1]) Стр. 350.
[2]) Ibid, стр. 353.

согласиться, что новые русскіе списки вообще отличаются лубочнымъ колоритомъ.

Подтвержденіемъ только-что сказаннаго является недавно напечатанная новая редакція сказанія о Хожденіи Богородицы по мукамъ, принадлежащая XVIII столѣтію. Эта редакція носитъ вышеуказанныя черты перенесенія центра поэзіи съ повѣствованія о хожденіи на картины ада. Она такъ же, какъ и сербская и новѣйшія лубочныя, главный интересъ видитъ въ вопросѣ о грѣхѣ и мздовоздаяніи. Наконецъ, она лишена великаго эпическаго мотива противоположенія христіанства язычеству, но зато она приближается къ знаменитымъ художественнымъ описаніямъ ада.

Эта редакція записана въ 1747 году однимъ сельскимъ священникомъ Ильею Яремецкимъ - Билахевичемъ и напечатана въ Львовскомъ журналѣ „Жите и слово", за іюль, августъ, сентябрь и октябрь мѣсяцы 1894 года. Здѣсь предпосланъ тексту маленькій историческій очеркъ этой редакціи и дано заглавіе: „Откровеніе мукъ тяжкихъ поганыхъ царей нечестивыхъ и иныхъ злосливихъ грѣшниковъ чрезъ ангела Михаила пресвятой Дѣвѣ Богородици, матери Господа нашего Іисуса Христа отъ Геронима Визнавца". Она также носитъ слѣды несомнѣннаго происхожденія отъ вышеразсмотрѣнной нами Византійской легенды. Тотъ же архангелъ Михаилъ является путеводителемъ Богородицы. Здѣсь тѣ же классы грѣшниковъ, какіе мы встрѣчали въ болѣе древнихъ редакціяхъ нашей легенды. Какъ въ греческой редакціи, въ послѣдней нѣтъ начала, о чемъ выражено сожалѣніе издателя въ предисловіи [1]). Едва ли это начало включало въ себя грандіозную картину молитвы Богородицы и разговоръ ея съ ангелами. Въ редакціи, теперь разсматриваемой нами, мы находимъ отдѣльныя главы, соединенныя не эпическимъ повѣствованіемъ о путешествіи Богородицы, а классификаціей видовъ грѣшниковъ. Повѣствованіе о каждомъ видѣ представляетъ отдѣльную главу. Такихъ главъ 35. Изъ нихъ 11 имѣютъ описаніе тѣхъ же мукъ, которыя мы видѣли въ древнѣйшихъ спискахъ, но другія даютъ нѣчто новое. Двѣнадцатая повѣствуетъ о мукахъ царей Нерона, Декія, Максиміана, Діоклетіана, Несторія, Пилата, Каіафы, Ирода,

[1]) Жите і Слово, Іюль—Авг., стр. 81.

Анны и прочихъ грѣшниковъ. 15-я глава повѣствуетъ о проклятомъ Скимнѣ, рыкающемъ на душу грѣшныхъ, 16-я—о мукахъ воиновъ, избившихъ младенцевъ, 17-я—о мукахъ Каина и воина, ударившаго распятаго Христа, 18-я имѣетъ дѣло съ народнымъ сюжетомъ и говоритъ о мукахъ мельниковъ и мѣрочниковъ грѣшныхъ, 21-я—о мукахъ завоевателей, 22-я—о кузнецахъ, 23-я—о ткачахъ, 24-я—о кравцахъ, 25-я—о кушнѣряхъ, шевцахъ и римаряхъ, 26-я—о крадущихъ соль, 27-я—о крадущихъ пчелъ, 28-я—о пьяницахъ, 29-я—о судьяхъ, 31—о работающихъ въ воскресенье. Особенно интересны, въ виду полнаго отсутствія въ другихъ спискахъ сказанія, разсказы о душахъ праведныхъ (32, 33 и 34) и о чистилищѣ (35). Нѣсколько начальныхъ картинъ утеряно. Какъ видимъ, списокъ XVIII-го вѣка носитъ печать бытовой жизни. Бытовая жизнь отразилась здѣсь едва ли съ меньшей полнотою, чѣмъ на сербскихъ пѣсняхъ, имѣющихъ тотъ же сюжетъ. Вотъ какъ описывается здѣсь адская кузница [1]: „Видѣ святая Богородица человѣки мучаща ся в огненнихъ пещерахъ, бѣси под ними огнь димяху, а інія бѣси горящія желѣза у рот бютъ, а інія уха вертять горящими рожнами, а інія тѣло им щипаютъ огненными клѣщами, а інія млатами бютъ непрестанне. Крикъ ихъ велій: Горе, горе нам грѣшним.“ Мельники подвергаются мученіямъ въ раскаленномъ дворцѣ. На шеѣ у нихъ висятъ жернова, а внизу бѣсы раздуваютъ огонь. „Видѣ [2]) святая Богородица человѣки у огни стоять, а птица им тѣло зобаше, шершеница, оси, комари тѣло их кусаютъ немилостиве“. Такимъ мученіямъ подвергаются тѣ, которые крали пчелъ и птицъ. „Видѣ [3]) святая Богородица человѣка огненными юзами опутані до столповъ, а бѣси имъ прѣти, уста раздираютъ и нитки имъ изъ очій падутъ, и одежда на нихъ непрестанне горитъ“. Это—ткачи. Такимъ образомъ мы находимъ здѣсь довольно колоритныя картины быта. Послѣдній отражается, какъ на подборѣ грѣшниковъ, такъ и на способѣ ихъ наказанія. Христіане въ этомъ сказаніи подвергаются тяжкимъ мукамъ, но въ концѣ нѣтъ имъ прощенья, какъ въ древнихъ спискахъ. Идея милосердія и

---

[1]) Ibid. стр. 232.
[2]) Ibid. стр. 233.
[3]) Ibid. стр. 232.

искупленія не выступаетъ уже такъ въ разсматриваемомъ спискѣ, какъ въ древнихъ, проникнутыхъ мыслью о предпочтеніи христіанства язычеству. Наивное сказаніе оставляетъ для жидовъ, эллиновъ и иныхъ еретиковъ мѣсто въ аду съ классическимъ наименованіемъ „Тартаръ". Однако, мы находимъ здѣсь нѣкоторый отголосокъ предпочтенія христіанъ язычникамъ. „Недостойно тебѣ, говоритъ архангелъ Михаилъ, [1]) святая Богородице, такихъ мукъ окрутних и страшнихъ и смрадних оглядати." Разсматриваемый списокъ носитъ на себѣ отпечатокъ книжности. Здѣсь упоминаются лица историческія, даже не сдѣлавшіяся предметами легенды, какъ Декій и др. Образъ Іуды, сидящаго на рукахъ у сатаны, есть въ разсматриваемомъ спискѣ. Въ такомъ видѣ онъ нерѣдко встрѣчается на картинахъ страшнаго суда. Въ составѣ жителей ада мы встрѣчаемъ характерный для списка, разсматриваемаго нами, образъ Скимна [2]). „На брезѣ кладокъ тих сидит великій зѣло, яко гора муж бѣсовскій именемъ Скименъ: смрад вельми страшній от пащеки ему походитъ, і рознялъ пащеку, яко пропасть; глава его яко змія, а на главѣ ему роги яко въ тура, очи страшни блискаютъ якъ огнем розно очи его [sic!]; губи ему яко дебели, зуби ему яко серпи, языкъ ему долгій яко пламень огнистій; ноги ему яко у лва долгія; руки ему зощрени, уди ему яко серпъ; рука ему десная простерта на воздусѣ, беретъ нечестивыя душѣ ушѣтся ихъ под ноги своя въ пропасть." Въ двадцать первой пѣснѣ ада Данте мы находимъ такое же наказаніе. Скименъ самый непокойный бѣсъ и напоминаетъ бѣсовъ Данте той же пѣсни. Какъ указываетъ само сказаніе, образъ Скимна восходитъ къ псалтырю: „О немъ же Давидъ написалъ въ псалмѣ ꙁ҃і: поспах смущен." Несомнѣнно, въ нашемъ сказаніи образъ Скимна носитъ отпечатокъ легендарной обработки. Имя Скимна встрѣчалось нерѣдко въ народной литературѣ. Въ заклинаніяхъ, называемыхъ змѣевиками, пересчитываются имена діавола. Тамъ онъ называется „львь з скоумень" [3]).

---

[1]) Ibid., Іюль—авг. 86.

[2]) Ibid., Сент.—окт. 228.

[3]) М. И. Соколовъ, Апокрифическій матеріалъ для объясненія амулетовъ, называемыхъ змѣевиками. Ж. М. Н. П. 1899 г., стр. 339—369.

Въ мукахъ, изображающихся въ разсматриваемомъ спискѣ, проводится все тотъ же принципъ: in eo quo quis peccat et punitur. Фантазія сильно изощряется надъ ихъ изобрѣтеніемъ, но нерѣдко притупляется и не можетъ установить различія въ градаціяхъ. Вопреки мнѣнію Пыпина объ упадкѣ поэзіи въ позднѣйшихъ переработкахъ сказанія, мы находимъ въ разсматриваемой нами образцы поэзіи, достойные пера Мильтона: „И рече Михаилъ херувиму", говорится въ сказаніи, „Возми клѣщѣ и пойди въ тую охлань и возьми огню страшнаго. Въ той час херувим полетѣл паче стрѣли яко молнія блиснетъ и ухватил угль еден клѣщами и винес его воскорѣ, нѣжъ святая Богородица вимовила псаломъ. Тогда огнь оній санул аж под небо. Тогда небеса распалятся кануша (?), земля страхом потрясеся, а клѣщѣ яко воскъ растопилися".

Самая картина ада значительно превосходитъ описанія древнихъ списковъ. Все повѣствованіе древнихъ редакцій находится въ огнѣ. Въ южно-русскомъ сказаніи картины постепенно охлаждаются. Въ аду Данте самое ужасное мѣсто покрыто льдомъ. Въ разсматриваемомъ нами сказаніи, адъ уже неноситъ страшнаго Византійскаго колорита. Онъ здѣсь довольно разнообразенъ. „Видѣ [1]) святая Богородица на сѣвери дебрь глубину велею з обох бокѣвъ стѣни ледяніе, а з верху зацѣпнено люто люто мразомъ, яко на триста сажень въ глубину мрази. Тамъ зима несогрѣемая тма неосвѣтимая и там скрежутъ грѣшници зубами"... „Видѣ святая Богородица таможде подъ ледомъ множество мужей и женъ, оцѣпноша мразомъ, яко лед, нагіе сѣдяще на днѣ, искри мразніа от них исхождаше". Эта картина сближаетъ разсматриваемое сказаніе съ Данте и западными сказаніями объ адѣ.

Кромѣ картины ледяного ада, мы находимъ еще другую. „Видѣ святая Богородица ту жъ дебрь глубокую, а въ той дебрѣ лютія звѣри триглавія крилатія, тамже со ними лютая птица и муравлѣ и коморѣ, якъ орли великія, шершеница і оси, имже не

---

[1]) Jbid., с.—о. стр. 225.

бѣ числа“. Въ описанiи этой части ада есть мотивъ народной сказки о живой водѣ.

Но, что всего замѣчательнѣе, въ разсматриваемомъ нами памятникѣ есть описанiе судьбы праведниковъ. Здѣсь описываются узкiя врата въ царство небесное, перелетъ праведныхъ душъ чрезъ очистительную рѣку и ихъ собранiе у воротъ Асафатовыхъ. Послѣднее носитъ на себѣ печать наивности. „Видѣ Святая Богородица души грѣшныя и праведныя въ вратахъ Асафатовыхъ, едини, яко ластовици, ввѣлять, едини, яко голуби, гукаютъ, едини, яко пчели, гудутъ, едини единих на себѣ носятъ“ и. т. д.

Наконецъ въ послѣдней главѣ упоминается о мытарствахъ, описывается огненная рѣка, гдѣ души умершихъ погружены однѣ по колѣни, другiя выше и т. д. Здѣсь же упоминается объ очищенiи душъ огнемъ.

Самое хожденiе въ данномъ спискѣ не является внутренней связью повѣствованiя и вполнѣ основательно названо „откровенiемъ“. Такимъ образомъ въ русской литературѣ „хожденiе“ возвращается къ своему первообразу, апокалипсису, цѣль котораго рѣшенiе загадочныхъ и темныхъ вопросовъ загробной жизни, и представляетъ собою не столько описанiе путешествiя, сколько отвѣты на упомянутые выше вопросы. Этотъ процессъ представляется довольно сложнымъ, Условiями его являются историческiя воздѣйствiя. Послѣднiя можно подраздѣлить на два вида. Съ одной стороны, мы встрѣчаемъ отраженiе книжнаго образованiя составителей, которые вводили эпизоды и лицъ подъ влiянiемъ знакомства съ историческими сочиненiями. Возможно предположить, особенно относительно послѣдней редакцiи, что въ исторiи нашего сказанiя могла отразиться профессiональная вражда составителей къ какому-либо классу общества. Такъ могли возникнуть отдѣльные эпизоды сказанiя. Съ другой стороны, мы видимъ здѣсь значительное количество наслоенiй подъ воздѣйствiемъ литературныхъ теченiй. Наше сказанiе перетасовывалось съ другими.

Кромѣ того, здѣсь отражались народныя произведенiя, какъ сказки, бродячiе миѳы (напр. о поганомъ царѣ Фемазкiи, о Скимнѣ) и др. произведенiя народной фантазiи. Такъ сложилась новая редакцiя XVIII вѣка. Ей, вѣроятно, предшествовали другiя, до

насъ не дошедшія и принадлежавшія къ числу произведеній южно-русской литературы. Какъ видно изъ предыдущаго, южно-русскій списокъ значительно отличается отъ болгарскаго, сербскаго и русскихъ редакцій. Самый языкъ его носитъ слѣды южно-русскаго нарѣчія.

Изъ всего сказаннаго видно, что идея милосердія Божія исчезла изъ новѣйшихъ списковъ Хожденія. Зато самыя картины адскихъ мукъ сдѣлались живѣе. Грѣшники, изображаемые въ новѣйшихъ спискахъ, взяты изъ дѣйствительной жизни. Да и самая вѣра въ адъ ослабѣваетъ въ позднѣйшихъ спискахъ легендъ. Авторы сказанія не смущаясь наполняютъ свои тексты житейскими мелочами, картинками грѣха и истязаній. Они какъ бы забываютъ, съ какимъ страшнымъ и таинственнымъ вопросомъ они имѣютъ дѣло. Нѣсколько больше смѣлости, и легенда отца Ильи Яремецкаго - Билахевича могла бы превратиться въ произведеніе, близкое по духу къ „Энеидѣ“ Котляревскаго, который, вѣроятно, и почерпнулъ свои картины ада изъ народныхъ южно-русскихъ сказаній.

Такое перерожденіе легенды о Хожденіи указываетъ на то, что на славянской почвѣ она оторвалась отъ круга религіозно-церковныхъ произведеній. Она превратилась здѣсь въ литературный памятникъ, очень близко подходящій къ тому роду произведеній, въ которыхъ содержаніе, взятое изъ дѣйствительной жизни, облекается въ символическую древнюю форму. Образцомъ такого стиля можно считать Божественную Комедію Данте. Такимъ образомъ легенда о Хожденіи Богородицы по мукамъ обратилась въ Божественную Комедію своего рода. Особенно ярко замѣтно это превращеніе Хожденія въ устной народной поэзіи.

IV. Сказаніе о Хожденіи Богородицы по мукамъ на народной почвѣ.

Легенда о хожденіи Богородицы глубоко проникла въ сердце народной массы. Она сдѣлалась любимымъ сюжетомъ народнаго искусства, поскольку представляла сказаніе о загробной жизни.

Перешедши на народную почву, сказаніе о хожденіи подверглось двоякому процессу: во 1-хъ, вырожденію, начало котораго мы уже усматривали выше въ сербской легендѣ, и, во 2-хъ, дальнѣйшему развитію въ томъ направленіи, которое мы уже наблюдали въ болгарской легендѣ (разумѣемъ введеніе національныхъ элементовъ). Масса менѣе способна къ моральнымъ концепціямъ, чѣмъ къ вопросамъ, служащимъ предметомъ любопытства и предметомъ чувства. Уже Пыпинъ отмѣтилъ вліяніе нашего сказанія на народный сербскій эпосъ въ вышеупомянутомъ своемъ сочиненіи [1]). Но Пыпинъ видѣлъ только изданіе пѣсенъ Караджича 1845 года, гдѣ онъ нашелъ пѣснь о хожденіи Богородицы. Теперь мы имѣемъ двѣ пѣсни. Одна та, которую видѣлъ Пыпинъ въ 1857 году. Она записана Вукомъ Стефановичемъ Караджичемъ [2]) въ Черногоріи и извѣстна подъ именемъ: „Огнена Марија у паклу". Другая записана въ Босніи Боголюбомъ Петрановичемъ [3]) и носитъ

---

[1]) 353.

[2]) В. С. Караджичъ, Српске пјесме, 1875.

[3]) Српске Народне Пјесме изъ Босне и Херцеговине, 1867.

заглавіе: «Пречиста Марија и свети Арханджео у рају и паклу". Онѣ описываютъ хожденіе Богородицы по мукамъ и дополняютъ одна другую. Первая изъ нихъ имѣетъ всего 4 картины. Вторая даетъ 11, включая сюда и картину райскаго блаженства. Одна изъ картинъ—общая въ обѣихъ пѣсняхъ. Въ обѣихъ выведена карчмарица, хотя наказанія ея варіируются. Въ остальномъ обѣ пѣсни имѣютъ болѣе различія, чѣмъ сходства. Въ бóльшей зависимости отъ сказанія находится вторая пѣсня. Первая же имѣетъ болѣе самобытныхъ народныхъ элементовъ. Обѣ имѣютъ настолько народную форму, какъ по эпическимъ повтореніямъ, такъ по оборотамъ и языку, что съ полнымъ правомъ могутъ быть отнесены къ виду самобытнаго народнаго творчества. Онѣ, повидимому, пѣлись или произносились речитативомъ. По крайней мѣрѣ, въ концѣ черногорской пѣсни мы находимъ своего рода рефренъ: «То је било а Боже помози".

Трудно установить хронологію этихъ пѣсенъ, а поэтому мы будемъ держаться порядка изложенія на основаніи близости пѣсенъ къ сказанію. Этотъ порядокъ долженъ приблизительно совпадать съ хронологическимъ. Первой въ такомъ случаѣ является пѣсня, записанная Петрановичемъ.

I.

Эта пѣсня начинается, какъ и легенда, молитвой Богородицы, но не на горѣ Елеонской, а предъ каменнымъ престоломъ Бога.

Молитъ Бога пречистая Госпожа
Предъ каменнымъ престоломъ Божіимъ,
Молилася въ продолженіе семи лѣтъ.

Образъ каменнаго престола, быть можетъ, имѣетъ извѣстный миѳологическій смыслъ, связанный съ цѣлымъ цикломъ сказаній о бѣломъ горючемъ камнѣ „алатырѣ". Молится Богородица семь лѣтъ и проситъ послать къ ней архангела, который носитъ души.

„Дай мнѣ, Боже, ключи отъ твоего рая!
Отъ твоего рая и чернаго пекла

И дай мнѣ милаго брата моего,
Брата моего святого Архангела,
Который носитъ и оставляетъ души,
Чтобы я увидѣла въ твоемъ раю души
И во адѣ ненасытномъ".

Архангела, носящаго души, нѣтъ въ нашемъ сказаніи. Очевидно, онъ попалъ въ пѣсню изъ какого-нибудь другого источника. Мы не будемъ возводитъ его ни къ арабскимъ, ни къ классическимъ легендамъ. Вѣроятнѣе всего, образъ такого архангела восходитъ къ легендѣ о видѣніи Павла и къ циклу „разлуки души съ тѣломъ". Говоря объ адѣ и раѣ, Богородица присоединяетъ къ нимъ эпитеты „чернаго" и „свѣтлаго". Адъ носитъ также названіе „ненасытнаго". Но мы находимъ какъ въ этой, такъ и въ пѣснѣ Караджича полное отсутствіе привѣтствій Богородицѣ. Такимъ образомъ, уже въ самомъ началѣ мы наблюдаемъ интересный процессъ кристаллизаціи всевозможныхъ легендъ въ народной фантазіи. Этотъ процессъ можно подраздѣлить на двѣ части, уже отмѣченныя выше въ исторіи легенды на славянской почвѣ, именно: вырожденіе книжныхъ мотивовъ и явленіе новыхъ, которые на народной почвѣ представляютъ не непосредственное отраженіе эпохи, а цѣлый конгломератъ всевозможныхъ воздѣйствій на народную жизнь.

Дальнѣйшее повѣствованіе имѣетъ своимъ предметомъ картины мученій. Эти картины отличаются образностью и детальной разработкой. Среду грѣшниковъ составляютъ опредѣленныя лица, а не группы и классы. Такимъ образомъ мы наблюдаемъ въ народной легендѣ индивидуализацію, обязанную своимъ происхожденіемъ живости народной фантазіи.

Ахъ! тамъ плыла прекрасная дѣва.
Она плыла по ненасытному аду.
Мальчика несла она на рукахъ.
Тогда сказала пречистая Госпожа:
„О мой братъ, святой Архангелъ,
Что это за прекрасная Дѣва?
Чѣмъ она люто согрѣшила передъ Богомъ?

Когда была на томъ свѣтѣ,
На томъ свѣтѣ лживомъ,
Чѣмъ она предъ Богомъ согрѣшила?

Образъ прекрасной грѣшницы представляетъ уже нѣчто новое по сравненію съ списками легенды. Въ немъ чувствуется нѣчто родственное съ Франческой и Паоло да-Римини V пѣсни ада Данте. Это совершенно новый типъ грѣшной матери, о которомъ даже нѣтъ упоминанія въ письменныхъ легендахъ о грѣшной матери [1]).

Самые грѣшники ужъ не тѣ, что въ сказаніи. Здѣсь нѣтъ согрѣшившихъ противъ Тройцы и Богородицы и т. д. Прежніе мотивы даже не являются въ видѣ литературнаго переживанія. Въ виду этого позволимъ себѣ предположить, что и два старца, владыки, едва ли должны считаться остаткомъ Византійской легенды.

Плывутъ два епископа.
Горятъ у нихъ волосы до очей,
Синее пламя уста ихъ лижетъ.
Горятъ руки у нихъ до плечъ.
Горятъ ноги до колѣнъ.
. . . .
Богу нашему тяжко согрѣшили,
За что и горятъ волосы до очей.
Сиротъ тяжко штрафовали и т. д.

Въ пѣснѣ обрисовываются предъ нами новыя лица.-Во 1-хъ, здѣсь мы видимъ дѣвицу, пастушку, съ убитымъ ею на этомъ свѣтѣ ребенкомъ, во-2-хъ,—юношу, бывшаго въ сожительствѣ съ кумою, въ-3-хъ—отвергнувшую нищенствующихъ Петра и Николая, въ-4-хъ,—мельника, обижавшаго вдовъ и сиротъ, въ-5-хъ,—корчмарицу-распутницу, въ-6-хъ,—скаредную богачку, въ-7-хъ,—разбойника, въ-8-хъ,—дѣтей, несущихъ на себѣ грѣхи распутныхъ матерей, въ-9-хъ,—поповъ-разстригъ, въ-10-хъ, — двухъ

---

[1]) Сумцовъ, Легенда о грѣшной матери. Кіевъ, 1893.

епископовъ. Въ этомъ составѣ мы наблюдаемъ опять конгломератъ бытовыхъ чертъ жизни и народныхъ вѣрованій. Съ одной стороны, народная фантазія подвергаетъ осужденію людей, причиняющихъ соціальное зло, съ другой—нарушающихъ народную нравственность, какъ напр., не соблюдшихъ началъ гостепріимства и милосердія по отношенію къ нищенствующимъ странникамъ. Здѣсь же сказывается знакомство народа съ легендой о хожденіи Петра и Николая.

Какъ по немъ одна баба плыла,
Прислонивъ зубы до колѣна.
Въ зубахъ овсяный кусокъ
. . . .
Не дала Петру и Николаю
Ни бѣлаго хлѣба, ни молока,
Но собаками потравила (60—85).

Что касается до наказанія, то въ его основѣ лежитъ принципъ возмездія. Подъ вліяніемъ сказанія повѣствованіе все въ огнѣ. Мы не будемъ останавливаться на видахъ наказаній и истязаній. Принципъ ихъ тотъ же, что и въ сказаніи. Зато въ пѣснѣ мы наблюдаемъ полное отсутствіе свѣта отъ Богородицы и ангеловъ. Интересъ читателя сосредоточенъ на умиротвореніи совѣсти не милосердіемъ, но загробнымъ воздаяніемъ. Нельзя не отмѣтить отраженія давленія со стороны духовенства на сербскій народъ.

Сиротъ тяжко штрафовали
. . . .
Христіанъ православныхъ арестовывали,
Неправильно свой народъ учили,

говоритъ о нихъ легенда.

Въ заключеніе, подъ вліяніемъ сказанія о видѣніи Павла въ пѣсню привходитъ новый элементъ, именно, картина рая. Замыселъ—тотъ же, что и въ видѣніи, но выполненіе другое. Души праведниковъ

Играютъ по роспстому лугу,
Играютъ всѣ праведныя души.

Эта картинка имѣетъ наивный колоритъ. Здѣсь выразилось своеобразное представленіе народа о блаженствѣ по контрасту съ огненными муками.

Главнымъ отличіемъ пѣсни отъ легенды является полное отсутствіе въ ней религіозно-философской идеи (примиренія, милосердія и правосудія Божія) и связанныхъ съ ней картинъ и молитвъ Богородицы. Идея эта совершенно выродилась на народной почвѣ. Въ пѣснѣ Богородица играетъ роль безстрастной созерцательницы. Народная жизнь осталась совершенно чужда высшимъ вопросамъ Византійскаго богословія. Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ вышеуказанныхъ процессовъ легенда о хожденіи настолько измѣнилась, что сдѣлалась совершенно непохожей на первоначальный свой видъ. Пѣсня и сказаніе имѣютъ только единство сюжета и замысла.

Гораздо больше отклоненій отъ легенды представляетъ Черногорская пѣсня. Въ ней Богородица ходитъ съ апостоломъ Петромъ, а не съ архангеломъ, какъ въ легендѣ и въ пѣснѣ Петрановича; грѣшниковъ здѣсь только четыре вида. Грѣхи носятъ на себѣ слѣды исключительно бытовой жизни. Три друга наказываются вмѣстѣ за грѣхи: у одного горитъ голова за то, что онъ не далъ ничего куму, у другого—рука за то, что онъ убивалъ ею барана-вожака; у третьяго—нога за то, что онъ билъ ею и отца и мать. Двое судей горятъ за несправедливый судъ, взятки и деморализацію общества. Корчмарица подвергается укушеніямъ змѣй за разбавленіе вина и за развратъ. И, наконецъ, старая баба, проклятая матерью за побои, подвергается самымъ страшнымъ мученіямъ. Она всю свою жизнь была несчастна. Мужья ея умирали. Сама она имѣла сводныхъ дѣтей, которыхъ она мучила, не давая имъ хлѣба и не одѣвая ихъ. Исторія этой женщины представляетъ цѣльную бытовую картину. Она такъ разсказываетъ свою жизнь Богородицѣ.

Когда я была еще цвѣтущей дѣвушкой,
Однажды рано утромъ въ воскресенье
Моя мать пошла въ церковь,
Меня же оставила хозяйничать.
Когда же она вернулась домой,

Нашла мена неодѣтой въ постели.
Она ударила меня рукою,
А я ее ударила о стѣну.
Тогда она прокляла меня
И т. д....
Младшій сынъ мой просилъ: „Дай мнѣ хлѣба!"
Я дала ему комъ черной земли.
. . . .
Еще баба хотѣла жаловаться,
Но ей не далъ апостолъ Петръ,
А схватилъ за руки,
Но видитъ ее между дьяволами.

Здѣсь нѣтъ ничего общаго съ легендой о Хожденіи, кромѣ литературнаго скелета, кромѣ схемы. Мотивъ же объ Апостолѣ Петрѣ, пытающемся освободить грѣшницу, ясно указываетъ, что эта часть пѣсни восходитъ къ итальянской сказкѣ о грѣшной матери апостола Петра, распространенной въ Сициліи, Умбріи, Калабріи, въ Сьенѣ и Венеціи, откуда она, быть можетъ, и проникла въ Черногорію (см. Сумцовъ, Легенда о грѣшной матери, стр. 8). Самый языкъ легенды мѣстами вульгаренъ. Богородица въ одномъ мѣстѣ ругается „сучкой". Идея милосердія Бога совсѣмъ отсутствуетъ. О раѣ нѣтъ упоминанія.

Отраженіе легенды на русской народной почвѣ уже отмѣтилъ Пыпинъ. „Въ малорусскихъ и червонно-русскихъ пѣсняхъ Лукашевича, говоритъ Пыпинъ[1]), мы встрѣчаемъ, „Щедровку", которая предполагаетъ легенду о Хожденіи.

„Ой сѣвъ Христосъ вечеряти,
Добрый вечоръ, щедрый вечоръ!
Добрымъ людямъ
На здоровье!
Пришла къ нему Божа мати:
Сѣдай, мати, вечеряти.

---

[1]) Пыпинъ, От. З. 1857, Ноябрь, стр. 354.

Да спасибо, сыну, за сю вечерину,
Отдай, сыну, райски ключи
Отомкнути рай и пекло,
Выпустити грѣшны души,
Только одноеи не пустити,
Бо та душа согрѣшила,
Отца и матку налаяла
Вона ихъ налаяла и не подобала".

Вообще, въ русскихъ пѣсняхъ мотивъ Хожденія развитъ довольно слабо. Въ одной изъ малорусскихъ пѣсенъ Богородица изображена молящейся передъ Христомъ [1]). Въ русскихъ пѣсняхъ встрѣчается отдѣльно молитва грѣшниковъ къ Богородицѣ о помилованіи, т. е. тотъ мотивъ, который имѣется въ виду уже въ Византійскомъ спискѣ [2]). Въ Бѣлорусскихъ пѣсняхъ Богородица въ своемъ Хожденіи встрѣчается съ тремя апостолами, но говоритъ съ ними совсѣмъ не о загробной жизни [3]). А въ одной пѣснѣ Богородица даже отказывается отъ грѣшныхъ [4]). Наконецъ, въ русскихъ легендахъ (о св. Меркуріи) и въ русскихъ пѣсняхъ Богородица въ своихъ жалобахъ и молитвахъ сопоставляется съ землею [5]). Быть можетъ, этотъ мотивъ восходитъ къ Хожденію и Видѣнію Павла и произошелъ отъ смѣшенія этихъ двухъ легендъ.

Гораздо яснѣе отраженіе легенды о Хожденіи въ стихѣ: „О нынѣшнемъ вѣкѣ и о будущемъ".

И расплачутся многіе грѣшные.
Госпожѣ Владычицѣ Богородицѣ:
„Ой ты, мати наша Всепѣтая
Госпожа, Владычица и Богородица.
Помолися ты о насъ, о грѣшникахъ,
У своего сына у распятаго,
У Христа Царя Небеснаго,

---

[1]) Етнографічный збірник, у Львові 1900, т. III, стр. 124.
[2]) Безсоновъ, Калѣки Перехожіе, Москва 1863, т. II, стр. 130.
[3]) Романовъ, Бѣлорусскій сборникъ, Витебскъ 1891, стр. 414.
[4]) Безсоновъ, Ibidem, стр. 159—161.
[5]) Безсоновъ, стр. 137. 145.

Дабы насъ, Господи, грѣшныхъ рабовъ помиловалъ
Отъ злыя муки вѣчныя,
Отъ огня—пламя неугасимаго,
Отъ пропасти неисповѣданныя.

Въ отвѣтъ на молитву Богородицы о помилованіи грѣшныхъ Господь проговорилъ:

Могу ради тебя грѣшныхъ рабовъ помиловать...
Да можешь ли, мати, меня видѣти
Во вторыя на распятіи?

Богородица отказывается видѣть второе распятіе. Тогда Христосъ сядетъ самъ на престолъ, Судья Праведный.

Задернетъ грѣшныхъ рабовъ
Св. Духомъ Господнимъ,
Землей, травой и муравой,
Чтобы отъ грѣшныхъ отъ рабовъ не слышати
Не писку, не визгу, не взраду
И не зубнаго скрыданія,
И не слезнаго рыданія [1]).

Но тонъ сказанія здѣсь совершенно не имѣетъ ничего общаго съ древней милосердной легендой.

Такимъ образомъ легенда о Хожденіи, перешедши въ устную народную литературу, обратилась въ своеобразную Божественную комедію, въ которой народъ отразилъ свою собственную жизнь, свои радости и страданія и придалъ имъ живую поэтическую форму. Но не всепрощенія, не безконечнаго милосердія ищетъ творческая фантазія народа. Въ загробномъ мірѣ народъ ищетъ удовлетворенія за тѣ горькія обиды, которыя выпали на его долю на землѣ. Онъ сулитъ страшныя мученія тѣмъ, кто обижаетъ его нравственность, кто разрушаетъ вѣковѣчный уставъ его жизни,

[1]) Тихонравовъ, Лекціи по исторіи древней русской литературы, стр. 200—201.

кто грязнитъ и мараетъ его святыню. Въ своихъ пѣсняхъ онъ, кажется, показываетъ Пресвятой дѣвѣ, какъ хорошо онъ распорядился со своими врагами. Безстрастная и спокойная предстоитъ Владычица Небесная предъ вымышленными муками, какъ бы ожидая въ каждой картинѣ увидѣть послѣднее слово Правды Божіей.

V. Отголоски легенды о Хожденіи Богородицы въ русской художественной литературѣ XIX вѣка.

Милости и правды искали составители легенды о Хожденіи Богородицы на протяженіи слишкомъ десяти столѣтій.

Поэтому не удивительно, что легенда о посѣщеніи ада Матерью Божіей не умираетъ, а снова оживаетъ въ литературѣ XIX столѣтія.

Величайшій поэтъ милосердія и всепрощенія Ѳ. М. Достоевскій вводитъ легенду о Хожденіи Богородицы по мукамъ въ романъ „Братья Карамазовы". Иванъ Карамазовъ, излагая брату Алешѣ свой взглядъ на идею всепрощенія, разсказываетъ ему, откуда онъ взялъ эту идею. „Есть напримѣръ", говоритъ Иванъ Карамазовъ [1]), „одна монастырская поэмка (конечно съ греческаго): Хожденіе Богородицы по мукамъ, съ картинами и со смѣлостью не ниже Дантовскихъ. Богоматерь посѣщаетъ адъ и руководитъ ее „по мукамъ" архангелъ Михаилъ. Она видитъ грѣшниковъ и мученія ихъ. Тамъ есть, между прочимъ, одинъ презанимательный разрядъ грѣшниковъ въ горящемъ озерѣ: которые изъ нихъ погружаются въ это озеро такъ, что уже и выплыть болѣе не могутъ, то „тѣхъ уже забываетъ Богъ"—выраженіе чрезвычайной глубины и силы. И вотъ, пораженная и плачущая Богоматерь падаетъ предъ престоломъ Божіимъ и проситъ всѣмъ въ адѣ помилованія, всѣмъ, которыхъ она видѣла, безъ различія.

---

[1]) Достоевскій, Полное собраніе сочиненій, Петербургъ 1892. т. XII, стр. 286—287.

Разговоръ ея съ Богомъ колоссально интересенъ. Она умоляетъ Она не отходитъ, и когда Богъ указываетъ Ей на пригвожденныя руки и ноги Ея Сына и спрашиваетъ: какъ Я прощу его мучителей, то Она велитъ всѣмъ святымъ, всѣмъ мученникамъ, всѣмъ ангеламъ и архангеламъ пасть вмѣстѣ съ Нею и молить о помилованіи всѣхъ безъ разбора. Кончается тѣмъ, что она вымаливаетъ у Бога остановку мукъ на всякій годъ отъ великой пятницы до Тройцына дня, а грѣшники изъ ада тутъ же благодарятъ Господа, что такъ судилъ». Достоевскій устами Ивана Карамазова признаетъ за легендой Дантовскія достоинства, онъ ужасается при мысли о возможности попасть въ число „забытыхъ Богомъ" и поражается безконечному милосердію Богоматери, а слѣдовательно, и милосердной идеѣ самаго сказанія. Но этимъ блестящимъ отзывомъ и удивленіемъ не ограничивается работа Достоевскаго надъ легендой. Съ глубокимъ знаніемъ сердца Достоевскій въ своемъ романѣ даетъ анализъ человѣческому милосердію. Иванъ Карамазовъ, этотъ типичный представитель русской интеллигенціи, какъ кажется ему, понялъ легенду. Онъ сочинилъ поэму о Хожденіи Христа на землѣ, озаглавленную въ романѣ „Великимъ Инквизиторомъ". „Ну вотъ и моя поэмка", говоритъ Иванъ Алешѣ, была бы въ томъ же родѣ, еслибы и явилась въ то время. У меня на сценѣ является Онъ, Онъ ничего и не говоритъ, а только появляется и проходитъ". Какъ извѣстно, въ поэмѣ Ивана Карамазова, Христосъ, арестованный Великимъ Инквизиторомъ, выслушиваетъ отъ послѣдняго критику на Божественное ученіе, отрицающую свободу воли у человѣчества и оправдывающую церковно-католическій имперіализмъ. Выслушавши эту критику, Христосъ цѣлуетъ Великаго Инквизитора, какъ бы прощая ему его костры, обманъ и деспотизмъ за честность убѣжденія или просто за убѣжденность. Вотъ это-то прощеніе человѣка за то, что онъ, хотя и плохо, но поступалъ по своему крайнему разумѣнію и убѣжденію, и есть основная Карамазовская черта русской интеллигенціи. Однако, напрасно Иванъ Карамазовъ воображаетъ, что въ основѣ его „Инквизитора" лежитъ идея христіанской легенды. Такое Карамазовское всепрощеніе вызываетъ у Алеши, у монашенка, шутку. Алеша съ улыбкой поцѣловалъ Ивана. Карамазовское всепрощеніе—это не христіанское прощеніе. Это—прощеніе, свойствен-

ное извѣстному классу общества, прощеніе детерминистовъ, сторонниковъ суда съ его соціально-экономическимъ методомъ оправданія на основаніи обстоятельствъ преступленія. Въ своемъ последовательномъ дальнѣйшемъ развитіи Карамазовское всепрощеніе обращается въ Ницшеанскій принципъ: „все позволено". Смердяковъ такъ и понялъ Ивана Карамазова. Всепрощеніе же христіанской легенды совсѣмъ не опирается на теоріи Карамазова. Оно покоится нъ живомъ сочувствіи человѣческому страданію. Вѣдь у Богородицы Хожденія нѣтъ ни одного оправдательнаго довода. Приводимые въ различныхъ редакціяхъ доводы всѣ разбиваются отвѣтами Бога. Да эти доводы приводились не для того, чтобы склонить Бога къ помилованію, а для того, чтобы показать, какъ мало родъ человѣческій достоинъ помилованія, и все таки онъ милуется Всеблагимъ Творцомъ, Благословеннымъ вовѣки. Словомъ, по христіанской легендѣ, всепрощеніе дается человѣческому роду за его страданіе. Понимая эту страшную мистическую мысль, Достоевскій блестящимъ образомъ поправилъ Ивана Карамазова и передалъ читателю духъ легендарнаго всепрощенія въ знаменитой сценѣ въ келіи отца Зосимы. Неожиданно для всѣхъ присутствующихъ старецъ Зосима поднялся со своего мѣста и рухнулъ въ ноги Митькѣ Карамазову, поклонившись страданію этого по истинѣ забытаго Богомъ грѣшника. Въ этой сценѣ Достоевскій обдаетъ читателя ужасомъ предъ величіемъ всепрощенія старца. Вотъ истинный духъ легенды о Хожденіи по Достоевскому.

Въ этомъ взглядѣ есть доля справедливости. Нѣтъ сомнѣнія, что въ душѣ древнихъ составителей легенды при творчествѣ являлась своего рода mania grandiosa, теперь намъ непонятная. Она то и придавала сказанію особый живой интересъ. Достоевскій, повидимому, сумѣлъ воскресить зерно древняго литературнаго вкуса. Его работа надъ легендой есть какое-то ясновидѣніе сквозь тьму временъ.

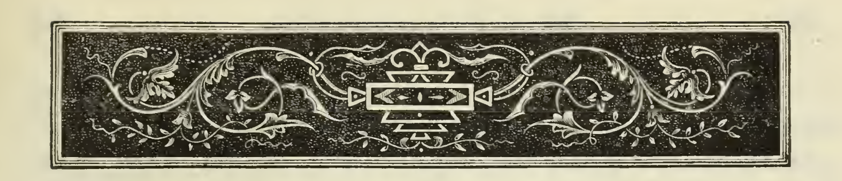
Такимъ образомъ легенда о Хожденіи Богородицы по мукамъ, представляя остатокъ религіозно-мистической Византійской старины, у славянъ первоначально была памятникомъ учительной

литературы, затѣмъ обратилась въ своеобразную Божественную комедію и, наконецъ, сдѣлалась выраженіемъ народнаго идеала возмездія и справедливости. Въ художественной же литературѣ эта легенда является темой для религіозно-философскихъ построеній, для выясненія истинно-христіанскаго взгляда на милосердіе и состраданіе къ ближнему.

Вообще, было бы несправедливо думать, что легенды и, въ частности, разсматриваемая легенда уже отжили свой вѣкъ и не достойны вниманія. Въ каждой легендѣ есть нѣчто вѣчное, безсмертное, общечеловѣческое. Каждая изъ нихъ подъ своей символической и условной формой высказываетъ завѣтныя и лучшія мечты человѣчества. Золотыя грезы объ Индіи, объ этомъ сказочномъ легендарномъ царствѣ, распространенныя въ эпоху среднихъ вѣковъ, предшествовали великому открытію Христофора Колумба, который пустился въ путь отыскивать несмѣтныя индійскія богатства. Легенды о раѣ и райскомъ блаженствѣ возбуждали мужество моряковъ, скитавшихся на рубежѣ среднихъ вѣковъ и новой исторіи среди необитаемыхъ острововъ. Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что Канарскіе острова въ теченіе столѣтій пользовались репутаціей земного рая. Да и самая дорогая для новаго человѣка утопія всеблагой природы и наступленія золотого вѣка, всемірнаго блаженства, не скрываетъ ли свои корни за таинственными вратами потеряннаго Эдема? Не есть ли также и разсматриваемая легенда о Богородицѣ ясная утренняя греза человѣчества о милосердномъ и праведномъ судѣ, который, какъ таковой, до сихъ поръ остается общечеловѣческой утопіей?

Міръ легенды—это міръ практическаго разума человѣка. Онъ долженъ быть гдѣ-то, потому что человѣчество хочетъ, чтобы онъ былъ. Да и вся мудрость человѣческая не представляетъ ли собою одинъ великій домыселъ къ безконечному непознаваемому объекту, а весь міръ со всѣми его солнцами и звѣздами не есть ли въ такомъ случаѣ—величайшая легенда?

Н. Бокадоровъ.

Къ вопросу о ѳемахъ Византійской Имперіи.

Ѳемный строй Византійской имперіи, извѣстный для X вѣка главнымъ образомъ по сочиненію Константина Порфиророднаго *De thematibus*, вызвалъ за послѣдніе годы цѣлый рядъ изслѣдованій, въ которыхъ отдѣльные ученые дѣлали попытки общаго разсмотрѣнія вопроса, ставили его на принципіальную почву или освѣщали отдѣльныя его детали [1]. Вопросъ о ѳемахъ, ихъ происхожденіи и существѣ настолько сложенъ и теменъ, что, по справедливому замѣчанію нашего извѣстнаго византиниста Ѳ. И. Успенскаго, онъ „можетъ съ пользою для дѣла быть поставленъ на очередь еще много разъ“ [2]. Обыкновенно ѳемный строй разсматривается, какъ оригинальное созданіе политической мысли византійцевъ. Но такъ какъ Византійская имперія была непосредственнымъ продолженіемъ Римской, то ея учрежденія нерасторжимыми узами связаны со своимъ далекимъ прошлымъ и не рѣдко только тогда становятся намъ понятны, когда удается выяснить эту связь. Для меня лично вопросъ о ѳемахъ интересенъ именно съ этой точки зрѣнія.

---

[1]) *Bury*, History of the later Roman Empire. 1888. II, 339—351; *Diehl*, L'origine du régime des thèmes dans l' Empire Byzantin (Etudes d'histoire du Moyen âge, dédiées à Monod. Paris. 1896); *Gelzer*, Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung. 1899; *Успенскій*, Военное устройство Византійской имперіи (Изв. р. Арх. Инст. въ Константинополѣ, томъ VI. 1900); *Панченко*, Памятникъ славянъ въ Виоиніи VII вѣка (ib. т. VIII. 1902).

[2]) О. с. стр. 194.

Въ появившихся за послѣднее время работахъ ученыхъ византинистовъ въ разсмотрѣніи этого вопроса господствуетъ и обусловливаетъ направленіе изслѣдованія не эта точка зрѣнія; въ виду этого, считаю не лишнимъ остановиться на разъясненіи нѣкоторыхъ занимавшихъ меня сторонахъ и деталяхъ общаго вопроса, которыя, какъ мнѣ кажется, заслуживаютъ спеціальнаго разсмотрѣнія, а въ видахъ большей опредѣленности и конкретности ограничусь въ частности ѳемой „оптиматовъ“ [1]).

Ѳема оптиматовъ, въ смыслѣ области, занимаетъ сѣверо-западную оконечность материка Малой Азіи. Константинъ Порфирородный перечисляетъ пять городовъ въ предѣлахъ этой ѳемы: Никомидія, Еленополь, Прэнетъ, Астакъ и Парѳенополь [2]). Положеніе послѣдняго неизвѣстно; что же до остальныхъ, то три изъ нихъ расположены были на южномъ побережьи Астаканскаго, нынѣ Исмидскаго, залива Мраморнаго моря, если направляться съ запада на востокъ, въ такой послѣдовательности: Еленополь, Прэнетъ, Астакъ; Никомидія, главный городъ ѳемы, нынѣ Исмидъ, расположена въ сѣверо-восточномъ углу залива. Этнографическій составъ населенія области царственный авторъ опредѣляетъ такъ: Βιθυνοί, Ταρσιᾶται, Θυνοί. Древніе географы помѣщали племя Ѳиновъ на сѣверо-восточный уголъ материка, полуостровъ, омываемый съ сѣвера Чернымъ моремъ, а съ юга н. Исмидскимъ заливомъ; главное же племя, Виѳинянъ, давшее имя всей области,—къ югу и востоку отъ н. Исмидскаго залива [3]); что касается до Тарсіатовъ, то какъ племя они намъ неизвѣстны; но имя Ταρσία засвидѣтельствовано у Никиты Хоніата, Георгія Акрополиты и въ памятникахъ агіографическихъ въ смыслѣ обозначенія мѣстности

---

[1]) На исторіи оптиматовъ остановился во введеніи ко второму тому своей Μεσαιωνικὴ Βιβλιοθήκη греческій ученый *Саѳа*, стр. 36. Но произвольныя толкованія и ни на чемъ не основанные домыслы, которыми испещренъ этотъ экскурсъ, лишаютъ это разсмотрѣніе научнаго значенія. *Bury* поминаетъ эти домыслы въ примѣчаніяхъ на стр. 344 второго тома своей исторіи, исправивъ только одну ошибку.

[2]) *Const.* de them. p. 27 B.

[3]) *Strabo*, XII 3, 3; 4.

на нижнемъ теченіи рѣки Сангарія, къ востоку отъ Никомидіи [1]). Такъ какъ городъ Пилы на Астаканскомъ заливѣ и Никея, расположенная въ столь недалекомъ разстояніи отъ Никомидіи, входили въ предѣлы другой ѳемы, Опсикія; то, очевидно, южная граница ѳемы оптиматовъ шла не въ далекомъ разстояніи отъ городовъ Еленополя, Прэнета и Астака. Въ своемъ дальнѣйшемъ направленіи къ востоку она проходила чрезъ рѣку Сангарій и, охвативъ мѣстность Тарсію, подымалась затѣмъ къ сѣверу до морского берега, оставляя къ востоку округъ города Прусы (или Прусіады, Προυσιάς у Константина) на рѣкѣ Гиппіи, входившаго въ предѣлы сосѣдней ѳемы Букелларіевъ [2]). Такимъ образомъ, ѳема оптиматовъ, въ смыслѣ области, составляла лишь незначительную часть древней римской провинціи Виѳиніи, а позднѣйшей Понтики, ἐπαρχία Ποντικῆς, подъ какимъ именемъ знаетъ эту область Гіероклъ [3]).

Въ общемъ обзорѣ ѳемъ Константина Порфиророднаго ѳема оптиматовъ занимаетъ особенное и, можно сказать, загадочное положеніе. Хотя въ общемъ счетѣ она оказывается пятой ѳемой, но царственный авторъ замѣчаетъ о ней, что съ остальными ѳемами она не имѣетъ ничего общаго (οὐδεμίαν ἔχει κοινωνίαν πρὸς θέματα) и даже не считается ѳемой (οὐδὲ εἰς θέματος τάξιν λελόγισται). Командиръ ея носитъ титулъ *доместика*, состоитъ въ рангѣ ниже стратига и даже подчиненъ стратигу (ὑπὸ χεῖρα ὢν στρατηγοῦ). Къ сожалѣнію, авторъ не сказалъ, какому именно стратигу подчиненъ доместикъ оптиматовъ.—Она не подѣлена на турмы и друнги, какъ другія ѳемы. Службу, которую несутъ оптиматы, Константинъ называетъ рабствомъ (δουλεία) и даетъ поясненіе, что оптиматы привлекаются на службу въ томъ случаѣ, если царь выступаетъ въ походъ со сво-

---

[1]) *Ramsay*, Historical Geografy of Asia Minor. 1890. стр. 191. *Tomaschek*, Zur historischen Topographie von Kleinasien im Mittelalter (Sitzungsberichte der Wiener Akademie, hist.-phil. Klasse. 1891), стр. 8. Св. Евстратій (Acta SS. 17 января, 1 p. 598)—происходилъ—ἐκ τῆς Ταρσίας, κώμης Βιτζιανῆς τοῦ θέματος τῶν Ὀπτιμάτων; Св. Елевѳерій погребенъ—ἐν Ταρσῷ τῆς Βιθυνίας; *Georg. Acrop.* p. 173: ἡγεμονία Βιθυνίας καὶ Ταρσίας; *Nic. Chon.* p. 553: κατὰ τὴν ἄγχουρον Νικομηδεῦσι Ταρσίαν.

[2]) *Const.* de Them. p. 29 B. .

[3]) *Hieroclis* Synecdemus, ed. *Burckhardt*, p. 30.

ей гвардіей. Царскую гвардію, какъ извѣстно, составляли четыре полка (τάγματα): схолы [1]), экскувиты [2]), иканаты и ариѳмъ. По словамъ Константина, каждый изъ воиновъ этихъ полковъ беретъ себѣ оптимата для личныхъ услугъ. Состояніе это онъ приравниваетъ положенію класса „кортелиновъ" [3]). Въ той-же связи Константинъ дѣлаетъ замѣчаніе и о томъ, что такую-же личную службу (τοιαύτην δουλείαν) оптиматы несутъ при особѣ царя. Нѣкоторое разъясненіе къ этому общему замѣчанію можно извлечь изъ подробнаго описанія парскаго похода на восточную границу имперіи, помѣщеннаго въ приложеніи къ первой книгѣ сочиненія *De caerimoniis*.—Мѣстомъ высадки царя на малоазіатскомъ берегу была гавань Пилы. Доместикъ ѳемы оптиматовъ долженъ былъ являться туда «со всѣми оптиматами» и доставлять нужное число погонщиковъ изъ своихъ людей; для этой службы люди должны быть занесены въ особый списокъ съ обозначеніемъ имени и принадлежащаго каждому участка земли (р. 476). Кромѣ того, подъ начальствомъ комита оптиматовъ, должна была являться особая команда въ 200 человѣкъ; изъ нихъ сто вмѣстѣ съ комитомъ поступали въ распоряженіе стольника (ὁ ἐπὶ τραπέζης) и доместика прислуги (р. 477) и несли службу погонщиковъ при царской кухнѣ (р. 487); а другіе сто отряжались въ распоряженіе конюшаго (κόμης τοῦ στάβλου) и хартуларія, которые принимали людей по точному списку (р. 474).—Таковы данныя, которыя даетъ объ оптиматахъ Константинъ [4]).

---

[1]) По своему началу этотъ полкъ восходитъ ко временамъ Константина Великаго. См. *Mommsen*, Das römische Militärwesen seit Diocletian (*Hermes*, XXIV. 1889), стр. 222.

[2]) Отрядъ этого имени основанъ имп. Львомъ (457—474)—*Lyd.* de mag. I 16, p. 134—въ количествѣ 300 человѣкъ.

[3]) Gloss. Basilic. Κορτελίνων τῶν εὐτελῶν. Κορτελῖνοι εὐτελεῖς, θυρωροὶ τοῦ πραιτωρίου.—*Du Cange*, Gloss. med. et inf. Latin. s. v. *cortis* 3.—Κορταλῖνοι= *cohortales*. Такъ назывались *officiales* чиновъ гражданскаго управленія, praesides provinciarum. См. *Cod. Theod.* 16,5,48; 63,4; *Cod. Just.* 1,5,12,6 (отъ 527 г.); XII 57.

[4]) Рамзай въ своемъ смѣломъ исправленіи одного мѣста *De caer.* p. 444—445 (Hist. Geog., стр. 202) прибавилъ еще одно свѣдѣніе; будто «стра-

Въ хроникѣ Ѳеофана оптиматы помянуты только два раза. Первый разъ въ разсказѣ о походѣ имп. Константина Копронима противъ болгаръ въ 774 году съ огромной арміей въ 50 тысячъ человѣкъ. Царь выступилъ со своими тагмами, которыя были усилены оптиматами: ἑνώσας τοῖς τάγμασι τοὺς ὀπτιμάτους [1]). Такимъ образомъ, въ этомъ свидѣтельствѣ какъ-бы подтверждается показаніе Константина, что оптиматы не составляютъ во время похода самостоятельной военной части, подобно другимъ ѳемамъ. Императоръ лишь *присоединяетъ* ихъ къ регулярнымъ полкамъ византійской арміи, которые, имѣли пребываніе въ Константинополѣ и составляли царскую гвардію. Но во всякомъ случаѣ нельзя заключить изъ словъ Ѳеофана, будто оптиматы принимали участіе въ походѣ только лишь въ качествѣ личной прислуги при стратіотахъ и офицерахъ гвардіи. Скорѣе слѣдуетъ представлять себѣ дѣло такъ, что для укомплектованія и численнаго увеличенія состава этихъ четырехъ полковъ былъ вызванъ контингентъ оптиматовъ.—Въ другой разъ, занеся въ свою хронику подъ 799 годомъ извѣстіе о пораженіи, которое нанесли арабы комиту Опсикія Павлу, Ѳеофанъ поминаетъ, что его армія состояла изъ „всей" его ѳемы и оптиматовъ [2]). Такимъ образомъ, и здѣсь какъ-бы подтверждается свидѣтельство Константина о томъ, что оптиматы не составляли особаго военнаго командованія, а лишь служили для усиленія другихъ военныхъ частей. Въ данномъ случаѣ ими командуетъ комитъ сосѣдней съ ними ѳемы Опсикія.

Оба упоминанія оптиматовъ у Ѳеофана не давали-бы даже сами по себѣ права утверждать, что оптиматы составляли особую ѳему. Если-же тѣмъ не менѣе всѣ изслѣдователи вопроса о ѳемахъ видятъ въ показаніи Ѳеофана подъ 774 годомъ первое историческое свидѣтельство о существованіи ѳемы оптиматовъ,

тигъ» оптиматовъ встрѣчалъ царя на пути его на востокъ въ Малагинахъ. Гельцеръ, о. с. p. 110, исправлявшій по своему этотъ текстъ, указалъ на ошибку Рамзая. Г. Панченко, о. с, p. 57, принялъ вставку Рамзая за подлинное свидѣтельство Константина.

[1]) *Theoph.* p. 447, 20. De Boor

[2]) ib. p. 473, 30.

то такое представленіе основано прежде всего на показаніи Константина Порфиророднаго и подтверждается свидѣтельствами арабскихъ источниковъ. Такъ, оптиматы названы въ первомъ по времени арабскомъ спискѣ Византійскихъ ѳемъ: Ибнъ Хордадбега (ок. половины IX вѣка) [1]). Не лишено интереса отмѣтить, что Ибнъ Хордадбегъ, въ текстѣ котораго имя оптиматовъ звучитъ „офтимати“, даетъ народную этимологію этого слова: „уши и глазъ“ [2]). Въ описаніи Византійской имперіи Кодамы число войска ѳемы оптиматовъ показано въ цифрѣ 4000 человѣкъ [3]). Таже цифра дана у Кодамы для Арменіаковъ, Каппадокіи и Хальдіи, для другихъ ѳемъ она выше; отсюда слѣдуетъ, что эта ѳема, по свѣдѣніямъ арабовъ, принадлежала къ меньшимъ и менѣе значительнымъ.

Константинъ Порфирородный представляетъ дѣленіе военныхъ силъ имперіи и ея территоріи на ѳемы, какъ процессъ послѣдовательнаго раздробленія болѣе крупныхъ цѣлыхъ на меньшія единицы, и это представленіе имѣетъ за себя историческую достовѣрность. Въ интересномъ документѣ 687 года, посланіи имп. Юстиніана II къ римскому папѣ Іоанну, весь востокъ имперіи раздѣленъ на четыре командованія: Опсикій, анатолики, арменіаки и флотъ [4]). Такимъ образомъ, тогда еще не существо-

---

[1]) *De Goeje*, Bibl. geogr. Arab. VI, стр. 77.

[2]) ὠτὶ (=ὠτίον) и ματι (=ὀμμάτιον)—изъясненіе, предложенное Гельцеромъ: о. с. стр. 82, прим. 2.

[3]) *De Goeje*, Bibl. geogr. Arab. VI, стр. 197.—Проф. Васильевъ, въ своей рецензіи на книгу *Gelzer'a* (*Виз. Врем.* X. 1903) называетъ статью *Brooks*'a: Arabic lists of fhe Byzantine themes, помѣщенную въ изданіи: The Journal of Hellenic Studies, vol. XXI (1901), p. 67—77, которой я, къ сожалѣнію, не могъ воспользоваться за отсутствіемъ этого журнала въ библіотекѣ нашего университета.

[4]) *Mansi*, Collectio conciliorum, XI 737—38. Направляя къ папѣ акты вселенскаго собора, императоръ сообщаетъ о составѣ собранія, въ какомъ они были приняты въ его присутствіи. Помянувъ патріарховъ, папскаго апокрисіарія, Константинопольскій сенатъ, пребывавшихъ въ столицѣ епископовъ, императоръ называетъ затѣмъ гвардію, димы и представителей арміи: quosdam de Christo dilectis exercitibus, tam o Deo conservando Obsequio, quamque ab Orientali... similiter et ab Armeniano... deinde ex Cabarisianis (слѣдуетъ читать: Carabisianis, поправка Диля).—Этотъ документъ привлекъ къ изслѣдо-

вали въ качествѣ особыхъ ѳемъ ни букелларіи, ни оптиматы. Очевидно, территоріи этихъ ѳемъ входили въ Опсикій. Прямого указанія на время возникновенія этихъ ѳемъ нѣтъ въ нашихъ источникахъ, и впервые помянуты оптиматы, какъ уже сказано, подъ 774 годомъ. Гельцеръ выставилъ предположеніе, что возникновеніе обѣихъ этихъ ѳемъ слѣдуетъ привести въ связь съ событіями перваго года правленія Константина Копронима, сына и преемника имп. Льва Исавра. Близкій родственникъ императорскаго дома, Артаваздъ, вѣрный сотрудникъ почившаго императора, поднялъ въ 741 году противъ его наслѣдника большое возстаніе, опираясь на силы ѳемы Опсикія, которымъ онъ командовалъ. Константину удалось подавить возстаніе къ концу 743 года [1]). Такъ какъ подъ 767 годомъ встрѣчается первое упоминаніе о ѳемѣ букелларіевъ, а подъ 774 годомъ—оптиматовъ, то Гельцеръ предполагаетъ, что выдѣленіе этихъ обоихъ командованій и территорій изъ ѳемы Опсикія призведено было Константиномъ послѣ подавленія возстанія Артавазда съ цѣлью уменьшить могущество командира этой ѳемы [2]). Гипотезѣ Гельцера нельзя отказать въ вѣроятности; но во всякомъ случаѣ она оставляетъ не разрѣшеннымъ другой вопросъ, гораздо болѣе трудный и неясный, который ставятъ предъ нами самыя имена этихъ ѳемъ. Смыслъ именъ „букелларіи“ и „оптиматы“ могутъ открыть намъ только свидѣтельства V и VI вѣковъ. Появленіе ихъ въ VIII вѣкѣ въ значеніи именъ византійскихъ ѳемъ—является своего рода загадкой, разрѣшеніе которой можетъ бросить широкій просвѣтъ въ скрытое отъ насъ прошлое ѳемъ, и, быть можетъ, повести къ разгадкѣ самаго происхожденія этого учрежденія. Оставляя на этотъ разъ въ сторонѣ интересный вопросъ о букелларіяхъ, остановимся на оптиматахъ.

ванію вопроса о ѳемахъ Диль; подробный его анализъ см. въ названномъ сочиненіи Гельцера.

1) *Muralt*, Chr. Byz. p. 350.

2) *Gelzer*, o. c. p. 79. Забывая о продолжительности борьбы Константина съ Артаваздомъ, Гельцеръ датируетъ возникновеніе новыхъ ѳемъ 741 г.

Древнѣйшее сохранившееся для насъ упоминаніе имени оптиматовъ относится къ началу V вѣка. Оно дошло въ извлеченіяхъ, сдѣланныхъ Фотіемъ изъ историческаго труда Олимпіодора, писателя временъ Аркадія и Θеодосія II, и гласитъ такъ:— ὅτι τῶν μετὰ Ῥοδογάϊσον Γότθων οἱ κεφαλαιῶται ὀπτίματοι ἐκαλοῦντο, εἰς δώδεκα συντείνοντες χιλιάδας, οὓς καταπολεμήσας Στελίχων Ῥοδογάϊσον προσηταιρίσατο [1]). — Нашествіе Родогайса, или Радагайса, на Италію, счастливо отраженное Стилихономъ, относится къ 405 году. Краткое сообщеніе объ этомъ событіи сохранилъ Зосимъ (V 26), нѣсколько полнѣе—Орозій (VII 37, 4—17), расцвѣтившій свое изложеніе своеобразной риторикой, помянули о немъ блаж. Августинъ [2]) и хронисты: Марцеллинъ Комитъ, Исидоръ, Просперъ [3]). Всѣ свидѣтельства единогласны въ томъ, что вторгшіеся съ Радагайсомъ варвары потерпѣли страшный разгромъ. Хронисты и Орозій поминаютъ о продажѣ въ рабство огромнаго множества плѣнныхъ по невѣроятно низкой, по тѣмъ временамъ, цѣнѣ. У Зосима есть замѣчаніе, подтверждающее свидѣтельство Олимпіодора: ὥστε μηδένα σχεδὸν ἐκ τούτων περισωθῆναι, πλὴν ἐλαχίστους, ὅσους αὐτὸς τῇ Ῥωμαίων προσέθηκε συμμαχίᾳ.

Пріемъ варваровъ на службу въ римскую армію могъ въ ту пору совершаться въ различной формѣ. Издавна уже варвары, свободно или по принужденію, поступали въ одиночку или партіями въ регулярные полки имперіи. Въ роковой 378 годъ, ознаменовавшійся переходомъ въ придунайскія провинціи вестготовъ, готскіе контингенты во множествѣ состояли на службѣ между прочимъ въ полкахъ, расположенныхъ далеко отъ Дуная, на восточныхъ границахъ имперіи. Амміанъ Марцеллинъ съ признаніемъ поминаетъ заслугу командовавшаго въ тѣхъ предѣлахъ генерала по имени Юлія. Узнавъ о событіяхъ во Θракіи, Юлій

[1]) *Olympiodori* fragmenta, 9—*Müller*, F. H. G. IV p. 59.

[2]) *August.* De civ. Dei V 23; Serm. 105 c. 10.

[3]) *Marc. Com.* p. 68—69. Mommsen, Chr. min. XI 1; *Isid.* p. 272, Mom. ib. XI 2; *Prosp.* p. 406. Mom. Сопоставленіе всѣхъ данныхъ и нѣкоторыя догадки о ходѣ событій см. *Wiethersheim-Dahn*, Geschichte der Völkerwanderung. 1881. II, 132—138. *Mommsen*, въ своей статьѣ: Stilicho und Alarich (*Hermes.* 1903) не остановился на этомъ эпизодѣ, хотя и отмѣтилъ его, стр. 114 пр. 2.

отдалъ секретный приказъ всѣмъ начальникамъ частей перебить въ опредѣленный день всѣхъ готовъ, состоявшихъ подъ ихъ командой. Приказъ былъ исполненъ „безъ шума и замедленія, и восточныя провинціи были этимъ исторгнуты изъ великихъ опасностей", какъ выражается Амміанъ [1]). Этотъ эпизодъ не измѣнилъ условій на будущее время, и варвары по прежнему во множествѣ служили въ римскихъ войскахъ. Варваризація арміи особенно усилилась при Ѳеодосіи [2]).

Другой видъ службы варваровъ въ имперской арміи—поставка военныхъ отрядовъ подъ командой національныхъ вождей въ силу договора между имперіей и представителемъ цѣлаго племени или его части. Имперія давала племени территорію для поселенія въ ея предѣлахъ съ возложеніемъ обязательства поставки военныхъ контингентовъ опредѣленной численности подъ римскія знамена, за что государство съ своей стороны уплачивало выговоренную сумму денегъ. При Ѳеодосіи точнѣе опредѣлились эти отношенія, и въ его арміи и той, которую онъ оставилъ своимъ сыновьямъ, состояли весьма значительные по своей численности отряды варваровъ и прежде всего готовъ, подъ общей командой своихъ національныхъ вождей. Кровавый эпизодъ, связанный съ именемъ Гайны, разыгравшійся въ восточной половинѣ имперіи въ 399 году, опредѣленно говоритъ о силѣ и численности варварскихъ контингентовъ на службѣ римскаго императора [3]). Такъ какъ эти отношенія устанавливались на основаніи договора, *foedus*, то производное отъ этого слова—*foederati* явилось общимъ обозначеніемъ варваровъ, состоящихъ на службѣ имперіи. Въ случаяхъ поселенія цѣлаго племени въ предѣлахъ имперіи терминъ *foederati* прилагался къ нему въ цѣломъ его составѣ въ смыслѣ общаго обозначенія его правового положенія въ имперіи. Оглядываясь на прошлое остготовъ, Прокопій говоритъ о немъ въ такихъ словахъ:—μετὰ δὲ

---

[1]) *Amm. Marc.* 31, 10, 8. Болѣе подробное сообщеніе о томъ-же эпизодѣ см. *Zosim.* IV 26.

[2]) *Zosim.* IV 30; *Paneg. Pacati* c. 32.

[3]) *Zosim.* V 13—22. О численности готовъ подъ командой Гайны краснорѣчиво говоритъ тотъ фактъ, что истребленіе за одинъ разъ 7 тысячъ человѣкъ было только однимъ изъ эпизодовъ въ ходѣ событій.

δόντος βασιλέως ᾠκήσαντο ἐς τὰ ἐπὶ Θράκης χωρία, καὶ τὰ μὲν συνεμάχουν Ῥωμαίοις, τάς τε συντάξεις ὥσπερ οἱ ἄλλοι στρατιῶται πρὸς βασιλέως κομιζόμενοι ἀνὰ πᾶν ἔτος καὶ φοιδερᾶτοι ἐπικληθέντες (οὕτω γὰρ αὐτοὺς τῇ Λατίνων φωνῇ ἐκάλεσαν Ῥωμαῖοι... [1])

На ряду съ этой формой опредѣленія постоянныхъ отношеній между имперіей и варварами существовала другая, столь-же древняя въ государственномъ строѣ римскаго государства, какъ и договоръ, но менѣе почетная для варваровъ, *deditio*, т. е. признаніе подданства, откуда терминъ *dediticii*, какъ правовое понятіе. Въ одномъ указѣ отъ 406 года, на ряду съ федератами, помянуты *dediticii*, причемъ содержаніе указа не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что подъ обоими терминами разумѣются германцы. [2])

Въ началѣ V вѣка существовала еще одна форма службы варваровъ имперіи. Терминомъ для нея было слово *bucellarii*. Древнѣйшее свидѣтельство о букелларіяхъ сохранилъ намъ Олимпіодоръ въ такихъ словахъ: Ὅτι τὸ Βουκελλάριος ὄνομα ἐν ταῖς ἡμέραις Ὁνωρίου ἐφέρετο κατὰ στρατιωτῶν οὐ μόνον Ῥωμαίων, ἀλλὰ καὶ Γότθων τινῶν [3]). Этотъ терминъ обозначалъ военныя и вооруженныя дружины, которыя составляли на свой страхъ и на свои средства частныя лица. Будучи по существу преступленіемъ, какъ нарушеніе главной прерогативы государственной власти, злоупотребленіе это не только было терпимо въ имперіи въ V вѣкѣ, но настолько вошло

---

[1]) *Procop.* b. G. IV 5, p. 477—78.

[2]) *Cod. Theod.* VII 13, 16 Contra hostiles impetus non solas ubemus personas considerari, sed vires et licet ingenuos amore patriae credamus incitari, servos etiam huius auctoritate Edicti exhortamur, ut cum primum se bellicis sudoribus offerant, praemium libertatis, si apti ad militiam arma sumpserint, Pulveratici etiam nomine binos solidos accepturi: Praecipue sane *eorum servos, quos miltia armata detentat, Foederatorum nihilominus et Deditiorum: quoniam ipsos quoque una cum dominis constat bella tractare.*—О томъ, что у германцевъ рабы сражались вмѣстѣ съ господами, имѣется цѣлый рядъ свидѣтельствъ.—Фактъ сдачи на волю побѣдителя предполагаетъ, какъ свое послѣдствіе, дальнѣйшее опредѣленіе условій пребыванія въ предѣлахъ имперіи. Таково начало института летовъ, *laeti*, *terrae laeticae* въ западной половинѣ имперіи. Но въ данномъ случаѣ текстъ указа подъ терминомъ *dediticii* разумѣетъ *состояніе*.

[3]) *Olymp.* fg. 7, p. 59 Müller.

въ обычай, что получило видъ особаго учрежденія, которое несло свою службу государству [1]. Источники наши для V вѣка далеко не на столько полны и обильны, чтобы возможно было съ точностью прослѣдить исторію отдѣльныхъ учрежденій и формъ быта, получившихъ свое развитіе среди смутныхъ событій внѣшней и внутренней исторіи того времени. Какъ въ возникновеніи, такъ и въ развитіи института букелларіевъ сказалось воздѣйствіе германскихъ нравовъ и формъ быта на имперію. Прототипомъ кондотьеровъ римскаго происхожденія были, несомнѣнно, германскіе князья, служившіе имперіи въ качествѣ и званіи федератовъ. По свидѣтельству Олимпіодора дружины букелларіевъ набирались изъ людей разныхъ національностей, но преобладали въ нихъ готы и вообще германцы, какъ въ ту пору, такъ и при Юстиніанѣ, какъ это видно изъ сообщеній Прокопія въ его описаніяхъ войнъ того времени. Между федератами и букелларіями не было рѣзкой грани по условіямъ жизни того времени и во многихъ свидѣтельствахъ источниковъ институты эти, различные по существу, объединяются въ одномъ терминѣ—foederati. Таково для примѣра, слѣдующее мѣсто Малалы въ повѣствованіи о событіяхъ 471 года, когда императоръ Зенонъ отдѣлался отъ Аспара съ его сыновьями: εἶχε γὰρ (sc. Aspar) πλῆθος Γότθων καὶ κόμητας πολλοὺς καὶ ἄλλους παῖδας καὶ παραμένοντας αὐτοῖς ἀνθρώπους οὓς ἐκάλεσε φοιδεράτους, ἀφ ὧν καὶ φοιδερατικαὶ ἄννωναι κατάγονται [2].—Въ языкѣ Прокопія терминомъ для обозначенія установленія отношеній дружинника служило слово ἑταιρίζεσθαι [3].

Возвращаясь послѣ этихъ общихъ разъясненій къ эпизоду 405 года и въ частности къ вопросу о принятіи на службу им-

---

[1] О букелларіяхъ см. *Mommsen*, Das röm. Militärwesen seit Diocletian. (*Hermes*. XXIV. 1889), стр. 233—239; *Lecrivain*, Les soldats privés au Bas Empire (*Mélanges d'archéologie et d'histoire*. X. 1890), стр. 267—283; *Beniamin*, De Justiniani temporibus quaestiones militares. Ber. 1892; *Seeck*, Das deutsche Gefolgswesen auf röm. Boden (*Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte*. XVII. (1896. Germ. Abth., стр. 97—119) и *Pauly-Wissowa*, *Realencycl*. s. v.

[2] *Hermes*. VI, стр. 369.

[3] *Proc*. b. P. I 25, p. 130 B.

періи остатковъ полчищъ Радагайся, приходится признать, что, по ихъ положенію оставшихся безъ главы и покинувшихъ свою родину людей, ихъ отношенія къ имперіи естественнѣе всего могли быть установлены по третьей или четвертой изъ указанныхъ выше формъ. Зосимъ называетъ дѣло Стилихона словомъ—προσηταιρίσατο. Если употребленіе здѣсь этого слова не случайно, то можно прійти къ мысли, что оптиматы вошли въ составъ личной дружины Стилихона. По тогдашнему положенію Стилихона—фактическаго главы государства—включеніе въ его личную дружину было равносильно принятію въ составъ имперской арміи. Но съ другой стороны нельзя не прибавить, что отъ начала V вѣка нѣтъ у насъ свидѣтельства о существованіи столь значительныхъ личныхъ дружинъ, какъ въ пору Юстиніана, когда дорифоры и ипасписты Велизарія составляли дружину въ семь тысячъ человѣкъ. Да и самое положеніе Стилихона устраняло всякую надобность для него заботы о созданіи себѣ личной дружины, когда онъ располагалъ средствами и силами всей западной половины имперіи. Вѣроятнѣе поэтому будетъ признать, что оптиматы Радагайса остались въ имперіи, какъ *dediticii*. Весьма возможно, что и въ самомъ текстѣ упомянутаго выше указа отъ 406 года подъ названными тамъ *dediticii* слѣдуетъ разумѣть не кого другого, какъ именно *оптиматовъ*, принятыхъ не задолго до того на римскую службу. Въ указѣ они названы на ряду съ федератами, какъ совершенно однородная группа живущихъ въ предѣлахъ имперіи варваровъ. Въ позднѣйшихъ свидѣтельствахъ, какъ въ законодательныхъ актахъ, такъ и у писателей, терминъ *dediticii* въ примѣненіи къ германцамъ, поселившимся въ предѣлахъ имперіи болѣе не встрѣчается. Единство національности и однородность положенія естественно могли повести къ тому, что исчезла и самая память о весьма существенномъ различіи между племенными группами, служившими имперіи въ силу договора и принятыми ею въ качествѣ сдавшихся на милость побѣдителя съ возложеніемъ той-же службы.

Олимпіодоръ въ своемъ сообщеніи опредѣляетъ общее количество Готовъ, принятыхъ на службу имперіи Стилихономъ, въ 12 тысячъ человѣкъ. Такъ какъ нашествіе Радагайса, по всѣмъ свидѣтельствамъ объ этомъ событіи, имѣло характеръ не грабительскаго набѣга, а народнаго переселенія, то эта цифра не пред-

ставляетъ сама по себѣ ничего невѣроятнаго. Но весьма странно наименованiе варваровъ, принятыхъ Стилихономъ на службу, главарями Готовъ—κεφαλαιῶται τῶν Γότθων, слово, которымъ Олимпiодоръ передаетъ ихъ латинское названiе *optimates*.

Въ языкѣ того времени слово *optimates* примѣнялось нерѣдко для обозначенiя знатныхъ лицъ и знати у варваровъ. Такъ, напр. Орозiй называетъ этими словами гальскую знать времени Цезаря (VI 7, 4), для обозначенiя которой самъ Цезарь въ свое время пользовался словомъ *nobiles*. Амміанъ Марцеллинъ употребляетъ слово *optimates* въ примѣненiи къ германцамъ (XXXI 3, 5), но лишь въ отношенiи нѣсколькихъ лицъ. Между тѣмъ остатки готовъ Радагайса во всемъ количествѣ 12 тысячъ именуются *оптиматами*. Этой загадки мы не умѣемъ разрѣшить. Затруднительнымъ представляется и слѣдующiй вопросъ: гдѣ была отведена территорiя оптиматамъ для постояннаго ихъ поселенiя? Въ 405 году Стилихонъ стоялъ во главѣ западной половины имперiи; армiя, съ которой онъ разбилъ полчища Радагайса, была расквартирована въ сѣверной Италiи, и центромъ ея расположенiя былъ городъ Тицинъ (нынѣ Павiя), какъ сохранилъ о томъ свѣдѣнiе Зосимъ [1]). Очевидно, мѣста для поселенiя оптиматамъ Стилихонъ могъ отвести только въ западной половинѣ имперiи, въ предѣлахъ своей власти. Но никакихъ слѣдовъ существованiя оптиматовъ на западѣ нѣтъ въ нашихъ источникахъ, и такой богатый свѣдѣнiями о составѣ военныхъ силъ имперiи памятникъ, какъ *Notitia dignitatum utriusque imperii*, въ которомъ названо столько постоянныхъ частей имперской армiи, составленныхъ изъ варваровъ разныхъ нацiональностей, не даетъ никакихъ указанiй на то, подъ какимъ терминомъ можно-бы отгадать оптиматовъ Радагайса. Проще всего было-бы предположить, что они не удержались въ своей особности и растворились въ огромной массѣ германцевъ, служившихъ подъ знаменами римскаго императора [1]). Но одинъ источникъ конца

[1]) *Zosim.* V 26: ἀναλαβὼν ὁ Στελίχων ἅπαν τὸ ἐν τῷ Τικήνῳ τῆς Λιγυστικῆς ἐνιδρυμένον στρατόπεδον.—p. 249. Mendelsohn.

[2]) Возможно было бы предположить, что, будучи лично связаны съ Стилихономъ, оптиматы оказались тъ числѣ тѣхъ варваровъ, которые оставались вѣрны Стилихону и послѣ его смерти соединились съ Аларихомъ. Разсказъ объ этихъ событiяхъ см. у Зосима, V 30—35.

VI вѣка ставитъ дѣло иначе. Разумѣемъ „Стратегику“ Маврикія [1]).

Армія, находящаяся подъ командой военачальниковъ, въ поученіе которымъ составлена Стратегика этимъ одноименнымъ современникомъ императора Маврикія (582—602), очень далека отъ той, какую имѣла имперія въ цвѣтущую пору своего могущества; но она не похожа также и на арміи, которыя прославили побѣдами имя Юстиніана. Она имѣетъ характеръ ополченія, которое собирается по мѣрѣ надобности и по приказу правительства въ опредѣленномъ мѣстѣ и получаетъ свою организацію, а также и выправку отъ главнокомандующаго. Люди, обязанные военной службой, получаютъ денежное довольствіе отъ казны, которое называется χρυσικὴ ῥόγα [2]). Они являются для похода съ конемъ и оружіемъ. Во время уплаты жалованья подлежащіе чины должны имѣть наблюденіе за наличностью и исправностью боевого снаряженія людей.

Главнокомандующій самъ формируетъ свою армію въ отряды, которые носятъ общее обозначеніе тагмъ, τὸ τάγμα, и могутъ имѣть различную численность, не выше 400 и не меньше 200 [3]). Изъ тагмъ образуются бо́льшія строевыя и боевыя единицы: миры (μοῖρα) и меры (μέρος). Въ этой новой и отличной отъ прошлаго арміи, охранявшей имперію отъ славянъ на западѣ и персовъ на востокѣ, лучшими и наиболѣе надежными частями являются *тагмы федератовъ и оптиматовъ.* Тѣ и другіе входятъ въ составъ арміи, какъ интегральныя ея части, и рѣзко отличаются отъ «союзниковъ», σύμμαχοι, подъ которыми разумѣются инородцы—ἐθνικοί. Въ боевомъ

---

[1]) Свидѣтельства этого богатаго разнаго рода данными источника далеко не въ достаточной степени введены въ общій оборотъ, быть можетъ отчасти потому, что единственное изданіе Маврикія—Scheffer. Upsalae. 1664, составляло библіографическую рѣдкость еще въ XVIII вѣкѣ. Въ 1903 году появился русскій переводъ Маврикія, принадлежащій капитану Цыбыщеву. Позволю себѣ сослаться на свою рецензію перевода въ *Жур. Мин. Просв.* 1903, декабрь

[2]) p. 24 (II 2).

[3]) Слово τάγμα имѣетъ у Маврикія значеніе техническаго термина, тогда какъ въ предшествующую пору, напр. въ языкѣ имп. Юліана и у Зосима и даже Созомена, оно употребляется въ видѣ общаго обозначенія военной части. Sozom. II 8. τὰ Ῥωμαίων τάγματα, ἃ νῦν ἀριθμοὺς καλοῦσιν.

построеніи тѣ и другіе имѣютъ свое опредѣленное мѣсто, а именно федераты занимаютъ центръ первой линіи (πρόμαχος), а оптиматы строятся во второй линіи (βοηθός) [1]). Какъ оптиматы, такъ и федераты выступаютъ въ походъ съ оруженосцами: у первыхъ они зовутся арматами, ἄρματοι [2]), у вторыхъ—отроками, παῖδες. Каждая тагма имѣетъ опредѣленное число оруженосцевъ, которые принимаютъ участіе въ бою, выстраиваясь на опредѣленныхъ мѣстахъ въ своихъ тагмахъ [3]). Рядъ у оптиматовъ строится по семи человѣкъ, изъ нихъ пять воины и два—оруженосцы [4]). Оптиматы имѣютъ нѣкоторыя свои особенности, въ отличіе какъ отъ остальныхъ частей, такъ и федератовъ. Такъ, ихъ тагмы не подлежатъ ограниченію въ численномъ составѣ, примѣняемому ко всѣмъ другимъ [5]), а равно и офицеры, командующіе нѣсколькими тагмами, зовутся, у нихъ не мирархами (μοιράρχαι), какъ въ другихъ частяхъ, а *таксіархами*, ταξίαρχοι [6]). Неискусный писатель и скупой на разъясненія Маврикій нигдѣ не оговаривается на счетъ народности оптиматовъ и федератовъ. Въ одномъ лишь мѣстѣ, въ изложеніи о боевомъ построеніи первой линіи въ трехъ мирахъ, онъ помѣщаетъ федератовъ въ центръ, отводитъ правое крыло тагмамъ, которыя называетъ Ἰλλυρικιανοί, а лѣвое—вексилляціямъ, βηξιλλατίονες τῶν ἀριθμῶν (p. 60). Vexillatio—старый терминъ, который въ *Notitia Dignitatum* служитъ для обозначенія регулярнаго кавалерійскаго полка. Изъ того-же источника извѣстны намъ Иллирійцы, въ значеніи особыхъ

---

[1]) p. 60 (II 5).

[2]) p. 28. Καὶ ἄρματος προσαγορεύεται ὁ σύμμαχος τοῦ ὀπτιμάτου, ἤτοι ὁ αὐτοῦ ὑπασπιστής (I 3).

[3]) p. 61. τοῖς μὲν ὀπτιμάτοις τάγμασιν οἱ ἄρματοι συντάσσονται, τοῖς δὲ φοιδεράτοις οἱ ἐν δυνάμει εὑρισκόμενοι εἰς αὐτοὺς παῖδες (II 5).

[4]) p. 60. Τὰ μὲν τῶν ὀπτιμάτων τάγματα ὡς ἐν δευτέρᾳ τάξει τασσόμενα καὶ ἐν ἐπιλογῇ ὄντα, ἀπο πέντε μὲν στρατιωτῶν, δύο δὲ ἀρμάτων ποιεῖν ζ ἄνδρας τῆς δεκαρχίας ὀφειλούσης ἔχειν (II 5). У федератовъ рядъ имѣетъ также семь человѣкъ, одинъ изъ нихъ παῖς, p. 59.

[5]) p. 31. Χρὴ μηδὲ τάγματα πλέον τετρακοσίων ἀνδρῶν γίνεσθαι δίχα τῶν ὀπτιμάτων βάνδων (I 4).

[6]) p. 28. Ταξίαρχοι δὲ λέγονται οἱ μοιράρχαι τῶν ὀπτιμάτων (I 3).

кавалерійскихъ отрядовъ [1]). Такимъ образомъ это, мѣсто Маврикія позволяетъ съ большой вѣроятностью догадываться, что федераты и оптиматы времени Маврикія были германцы и главнымъ образомъ готы, осѣвшіе въ предѣлахъ имперіи и сохранившіе тотъ характеръ военнаго сословія, какой они получили съ самаго начала прямыхъ сношеній съ имперіей и установили въ видѣ нормальнаго порядка въ Италіи, когда прочно устроились въ этой странѣ подъ властной рукой Θеодориха Великаго [2]).

Въ пору имп. Юстиніана федераты были давнимъ и опредѣленно сложившимся учрежденіемъ. Времена нашествія въ самыя нѣдра имперіи цѣлыхъ народовъ были въ далекомъ прошломъ. Въ пограничныхъ областяхъ жили германскія племена: эрулы, гепиды, лангобарды; занятіе ими имперской территоріи совершалось на началѣ договора и Прокопій называетъ ихъ ἔνσπονδοι; но къ нимъ не примѣнялся старый римскій терминъ foederati, измѣнившій въ ту пору свое значеніе. Онъ обозначалъ людей другого состоянія: осѣвшіе въ разныхъ мѣстностяхъ имперіи германцы составляли классъ военныхъ людей и обозначавшій ихъ терминъ *foederati* подводился подъ понятіе milites. Это сказалъ самъ императоръ въ одномъ указѣ сенату въ такихъ словахъ: milites autem appellamus eos, qui tam sub excelsis magistris militum tolerare noscuntur militiam, quam in undecim devotissimis scholis taxati sunt, nec non eos, qui sub diversis optionibus foederatorum nomine sunt decorati [3]). Въ этомъ опредѣленіи устанавливаются три категоріи военныхъ людей съ точки зрѣнія подчиненія ихъ различнымъ вѣдомствамъ: на пер-

---

[1]) Вопроса объ «иллирійцахъ» въ арміи коснулся *Ritterling* въ своей статьѣ: Zum röm. Heervesen des ausgehenden dritten Jahrhunderts (Beiträge zur alten Geschichte. Festschrift zu Otto Hirschfeld 60--tem Geburtstage. 1903, стр. 345—349.)

[2]) *Mommsen*, Ostgothiche Studien. *Neues Archiv für Geschichts kunde* XIV. 1886).—Sie (die Gothen) gelten... auch als Angesiedelte, sämmtlich als Soldaten. Es liegt im Wesen der sesshaften Soldatesca, dass jeder Dienstfähige angesehen wird als ienend; aber auch auf Frauen, Kinder, Greise muss diese Auffassung sich erstreckt haben (стр, 529); die Gothen zeigen sich... recht deutlich was sie sind, Soldaten und Offiziere des römischen Kaiserreichs (стр. 540).

[3]) *Cod. Just.* IV 65, 35.

вомъ мѣстѣ названа регулярная армія, которая состоитъ подъ командой высшихъ военныхъ чиновъ—magistri militum; на второмъ одиннадцать сходъ, т. е. личная гвардія императора, состояшая въ вѣдѣніи высшаго придворнаго чина—magister officiorum [1]); въ качествѣ третьей категоріи являются федераты, наличность которыхъ вѣдаютъ чиновники, выплачивавшіе имъ жалованье, optiones.

Исконный въ римской арміи солдатскій чинъ optio, означавшій помощника центуріона въ пѣхотѣ и декуріона въ кавалеріи, имѣлъ уже въ арміи временъ Константина Великаго особое и спеціальное значеніе, а именно: завѣдывать полученіемъ и раздачей солдатскаго довольствія въ своей части [2]). Такъ оставалось это при Анастасіи [2]) и при Юстиніанѣ [3]). По аналогіи со строевыми частями, федераты имѣли своихъ оптіоновъ, которые являлись промежуточной инстанціей въ самомъ жизненномъ и существенномъ отношеніи между ними и центральнымъ правительствомъ. Въ этой связи интересно свидѣтельство указа Юстиніана отъ 542 года. Императоръ борется противъ злоупотребленія, ослаблявшаго военныя силы государства: отвлеченія частными лицами солдатъ и федератовъ на личную себѣ службу. Грозя тяжкими наказаніями виновнымъ, императоръ повелѣваетъ солдатамъ возвращаться въ свои полки, а федератамъ — къ своимъ оптіонамъ: οἱ μὲν στρατιῶται εἰς τοὺς ἰδίους ἀριθμοὺς, οἱ δὲ φοιδεράτοι πρὸς τοὺς ἑαυτῶν ὀπτίονας ἐπανέλθωσι[5]). Отсюда слѣдуетъ заключить, что оптіоны каждаго контингента федератовъ имѣли свое опредѣленное мѣстопребываніе, гдѣ и исполняли лежащія на нихъ обязанности [6]).

---

[1]) О состояніи сходъ при Юстиніанѣ и количествѣ людей въ нихъ см. *Procop.* Hist. arc. 24 p. 135 B.—Званіе *magister officiorum* впервые помянутъ въ указѣ Константина Великаго, *Cod. Theod.* 16, 10, 1—отъ 320 года.

[2]) *Cod. Theodos.* VIII 4, 1 (указъ имп. Константина отъ 325 года) съ примѣчаніемъ Годофреда.

[3]) *Cod. Just.* XII 37, 19.

[4]) *Novell.* 130, 1: καὶ τοὺς μὲν ἑκάστου τάγματος ὀπτίονας ὑποδέχεσθαι τὰ εἴδη δίχα τινὸς διαστροφῆς καὶ ῥογεύειν τοῖς ἐξάρχοις καὶ τοῖς στρατιώταις τὰς ἐν εἴδει χορηγουμένας ἀννόνας.—Ср. *Procop.* b. V II 20, p. 498: Γέζων ἦν ἐν τοῖς στρατιώταις πεζὸς, τοῦ καταλόγου ὀπτίων... οὕτω γὰρ τὸν τῶν συντάξεων χορηγὸν καλοῦσι Ῥωμαῖοι.

[5]) *Novell.* 116.

[6]) По аналогіи съ государственными оптіонами создались и частные въ сферѣ института букелларіевъ—δορυφόροι и ὑπασπισταὶ Прокопія. Таковъ оптіонъ

Источники наши, къ сожалѣнію, не даютъ возможности точно выяснить, было-ли вообще централизовано управленіе федератами. Правда, изъ времени Юстиніана извѣстны имена двухъ лицъ, носившихъ званіе Κόμης τῶν φοιδεράτων: Артабанъ, соединявшій это званіе съ командованіемъ военными силами столицы, т. е. magister militum praesentalis [1]), и Евсевій, занимавшій этотъ постъ въ 562 году [2]). Изъ предшествующаго времени это званіе поминается при имп. Анастасіи [3]), а изъ позднѣйшаго—въ послѣдній годъ правленія Тиберія, когда въ этомъ званіи состоялъ будущій императоръ Маврикій [4]). Эти немногіе случаи упоминанія титула комита федератовъ не достаточны сами по себѣ, чтобы дать опредѣленный отвѣтъ на поставленный выше вопросъ.

Институтъ федератовъ удовлетворялъ своему назначенію усиливать военныя средства государства. Какъ при Юстиніанѣ отряды федератовъ составляли главную силу его армій, такъ къ наиболѣе надежнымъ боевымъ силамъ причислялъ ихъ и Маврикій въ своей „Стратегикѣ“. Имперія имѣла въ ихъ лицѣ военное сословіе, которое содержала на своемъ иждивеніи, уплачивая имъ жалованье, именовавшееся ῥόγα.

Совмѣстная жизнь съ населеніемъ другого языка и другой культуры должна была имѣть своимъ послѣдствіемъ устраненіе той рѣзкой грани, которая существовала нѣкогда между туземцами и германцами. Уже во времена Юстиніана въ составъ федератовъ могли попадать туземцы. Замѣчаніе объ этомъ обронилъ Прокопій въ слѣдующихъ словахъ: ἐν δὲ δὴ φοιδεράτοις πρότερον μὲν μόνοι βάρβαροι κατελέγοντο, ὅσοι οὐκ ἐπὶ τὸ δοῦλοι εἶναι, ἅτε μὴ πρὸς Ῥωμαίων ἡσσημένοι ἀλλ' ἐπὶ τῇ ἴσῃ καὶ τῇ ὁμοίᾳ ἐς τὴν πολιτείαν ἀφίκοντο. φοίδερα γὰρ τὰς πρὸς τοὺς πολεμίους σπονδὰς καλοῦσι Ῥωμαῖοι· τὸ δὲ νῦν ἅπασι τοῦ ὀνόματος τούτου ἐπιβατεύειν

Велизарія Іоаннъ—τῶν ὑπασπιστῶν τριακοσίους ἀπολέξας (Βελισάριος)... Ἰωάννῃ παρέδωκεν, ὅς οἱ ἐπεμελεῖτο τῆς περὶ τὴν οἰκίαν δαπάνης· ὀπτίωνα τοῦτον καλοῦσι Ῥωμαῖοι.—b. V. I 17, p. 381

1) *Procop.* b. G. III 31, p. 406, 20.

2) *Theoph.* 237, 26.

3) ib. 156, 11—Патриціолъ, отецъ Виталіана, поднявшаго бунтъ противъ имп. Анастасія въ 513 году.—Отмѣтимъ, что у *Кедрина*—p. 599—это званіе дано Ареобинду, прославившемуся въ войнѣ съ Персами при Θеодосіи II въ 422 году.

4) Ib. 251, 27.

οὐκ ἐν κωλύμῃ ἐστὶ, τοῦ χρόνου τὰς προσηγορίας ἐφ' ὧν τίθενται ἥκιστα ἀξιοῦντος τηρεῖν [1])...

Естественный ходъ вещей долженъ былъ привести къ тому, что германцы смѣшались съ туземцами, и, столѣтіе спустя послѣ Маврикія, мы не слышимъ больше именъ федератовъ и оптиматовъ, а ему на смѣну является военная сила подъ именемъ Γοτθογραῖκες. Этотъ замысловатый, хотя и ясный по своему словесному составу терминъ для обозначенія военныхъ людей употребленъ всего одинъ разъ у Θеофана и не встрѣчается у другихъ хронистовъ. Подъ 715 годомъ Θеофанъ разсказываетъ о возстаніи противъ имп. Артемія, въ результатѣ котораго византійскій престолъ занялъ на самый короткій срокъ Θеодосій, низвергнутый вскорѣ Львомъ Исавромъ.—Артемій снарядилъ большой морской походъ противъ арабовъ. На корабли царскаго флота былъ посаженъ десантъ изъ θемы Опсикія, ταξάτοι ἐκ τοῦ Ὀψικίου θέματος, который и направился къ сборному пункту для всѣхъ эскадръ, участвовавшихъ въ походѣ, острову Родосу. Тамъ была объявлена цѣль похода. Опсикіане возмутились, убили главнокомандующаго, логоθета Іоанна, эскадры разошлись по своимъ мѣстамъ, а бунтовщики прибыли въ Адрамитій. Тамъ они нашли, въ лицѣ чиновника финансоваго вѣдомства по имени Θеодосія, человѣка, которому и предложили императорскій вѣнецъ. Бунтовщикамъ удалось привлечь на свою сторону всю свою θему и „Готогрековъ", Γοτθογραίκους. По морю и сухимъ путемъ бунтовщики собрались въ Хризополѣ—портовый городъ сѣвернѣе Халкидона на азіатскомъ берегу, напротивъ Византіи. Шесть мѣсяцевъ шла борьба. Наконецъ бунтовщикамъ удалось переправиться. Еще задолго до того покинулъ Артемій столицу, чтобы организовать борьбу съ бунтовщиками изъ Никеи, главнаго города θемы Опсикія. „Нечестивые люди", παράνομοι αοί, Опсикія вмѣстѣ съ Готогреками проникли въ Константинополь черезъ Влахернскія ворота, врывались ночью въ дома сановниковъ и простыхъ гражданъ и совершали разныя безчинства [2]). Такъ разсказываетъ объ этомъ событіи Θеофанъ; у Никифора этотъ бунтъ выставленъ, какъ дѣло однихъ опсикіанъ, и дѣйствуетъ у него ἅπας ὁ τοῦ Ὀψικίου στρατός [3]).—На основаніи сообщенія Θео-

[1]) *Proc.* D. I. 11, p. 359.
[2]) *Theoph.* 385—386.
[3]) *Nic. br.* 50, 16. de Boor.

фана можно вывести заключеніе, что „Готогреки“ были такими-же солдатами имперіи, какъ и опсикіане, и далѣе, что мѣсто ихъ расположенія находилось въ сосѣдствѣ съ Опсикіемъ [1]).

Къ этому, остававшемуся долго единственнымъ, упоминанію о Готогрекахъ съ самого недавняго времени можно прибавить второе. Оно дано въ недавно (1899 г.) опубликованномъ болландистами текстѣ житія трехъ лесбосскихъ святыхъ, Давида, Симеона и Георгія, подвизавшихся въ концѣ VIII и началѣ IX вѣка [2]).— Φίλου γάρ τινος ἐν τοῖς τῆς Γοτθογροικίας (sic) μέρεσι νοσήματι δεινοτάτῳ περιπεσόντος... καὶ τῷ ἁγίῳ μὴ κατοκνῆσαι παρελθεῖν εἰς αὐτὸν ἱκετικῶς διαμηνυσαμένου, ἡ θαυμασία... ψυχὴ μήτε πρὸς τὸ τοῦ καιροῦ χειμέριον ἀπιδών, ἢ τὸ τῆς ὥρας ὀψέ, τῶν τε εἰς ἀπαγωγὴν ἐλθόντων αὐτοῦ καὶ τῶν φιλικῶς αὐτῳ συνοδεῦσαι προθυμηθέντων, ἐπὶ τῇ τοῦ ὑετοῦ καὶ χειμῶνος συνοχῇ δειλανδρισάντων, μηδὲν ἀναμείνας λόγοις τε τούτοις (читать слѣдуетъ τούτους) παραθαρρύνας, δυσὶν ἡμέραις καὶ ἐπὶ τοσαύταις νυξὶν ὑετοῦ ῥαγδαιοτάτου ἀστραπῶν τε καὶ βροντῶν καὶ κεραυνῶν καταφερομένων ἐν ὅλῃ (очевидно вмѣсто ὅλῃ) τῇ περιγείῳ τῆς νήσου... τὴν ἐπὶ τὸν φίλον ἀόκνως καὶ μετὰ προθυμίας ἐβάδισεν... [2]).

Издатель этого текста прочелъ имя страны Γοτθογροικίας и сдѣлалъ такое примѣчаніе: „Hoc nomine rarius usurpato Gotthiam seu Chersonesum Tauricam designari putaverim“. Не подвергая сомнѣнію, что издатель прочелъ вѣрно и въ рукописи стояло такое именно написаніе, мы готовы однако безъ малѣйшаго колебанія сдѣлать поправку и читать Γοτθογραικίας. Что-же до предложеннаго издателемъ объясненія, будто подъ этимъ именемъ слѣдуетъ разумѣть Таврическій полуостровъ, то это простое недоразумѣніе, которое изобличаетъ самый текстъ. Рѣчь идетъ о морскомъ путешествіи: въ теченіи двухъ полныхъ сутокъ, при бурной погодѣ, путешественники, отправившись изъ Лесбоса, достигли области Готогреціи. Нельзя не видѣть, что этого срока слишкомъ мало для разстоянія, какое приходится между Лесбосомъ и Тавридой.

---

[1]) *Loewe*, Die Reste der Germanen am Schwarzen Meere. Halle 1896, стр. 1—12, подробнымъ анализомъ единственнаго свидѣтельства о Готогрекахъ пытается установить положеніе, будто въ нихъ слѣдуетъ видѣть остатки поселенія готовъ на берегахъ Пропонтиды въ пору первыхъ грабительскихъ походовъ, которые предпринимали они во второй половинѣ III вѣка. Предположеніе совершенно невѣроятное.

[2]) *Analecta Bollandiana*, XVIII fasc. III. 1899, стр. 256.

Очевидно, слѣдуетъ искать Готогрецію гораздо ближе. И такъ какъ нельзя не отожествить этой области съ тѣми мѣстностями, гдѣ жили Готогреки, грабившіе дома жителей столицы въ 715 году, то естественно прійти къ мысли, что св. Георгій ѣздилъ въ какой-нибудь городъ малоазіатскаго побережья къ сѣверу отъ области ѳемы Опсикія, т. е. въ предѣлы ѳемы оптиматовъ, какъ она описана у Константина Порфиророднаго. Отсюда дальнѣйшій выводъ, что Готогреки Ѳеофана тожественны съ оптиматами Константина.

Если имя „оптиматы“ являлось въ значеніи особой ѳемы въ концѣ VIII вѣка, то, очевидно, оно никогда не выходило изъ употребленія и оффиціальнаго языка, такъ какъ этотъ неизвѣстный византійцамъ терминъ не могъ воскреснуть, разъ бы онъ вышелъ изъ употребленія. Появленіе этого имени на данной территоріи вынуждаетъ предположить, что въ этой мѣстности поселены были нѣкогда оптиматы, являвшіеся со своимъ военнымъ строемъ въ пору Маврикія въ походы имперской арміи, имѣвшіе въ ней значеніе „отборныхъ“ частей и разнившіеся кое въ чемъ и отъ близкихъ къ нимъ федератовъ. Когда и почему оптиматы были здѣсь именно поселены, гадать объ этомъ трудно и безцѣльно; но устойчивость имени ручается за самый фактъ. Давность и непрерывность съ тѣхъ поръ оптиматовъ доказываетъ и самый титулъ ихъ начальника въ смыслѣ ѳемы — „доместикъ“. Константинъ Порфирородный видитъ въ этомъ званіи ихъ начальника свидѣтельство о приниженности ихъ положенія въ общемъ ряду ѳемъ. Врядъ-ли однако это такъ. Титулъ доместика носили командиры гвардейскихъ полковъ, какъ перваго по рангу, т. е. схолъ, такъ и экскувитовъ, иканатовъ, а равно и «нумера» [1]). Въ общей табели ранговъ доместикъ оптиматовъ стоялъ на 43 мѣстѣ [2]). При Юстиніанѣ титулъ доместикъ принадлежалъ ближайшему послѣ главнокомандующаго генералу, его помощнику. Во время похода противъ вандаловъ его носилъ Соломонъ. Прокопій упоминая объ этомъ, опредѣляетъ положеніе Соломона въ арміи такими словами: ὃς τὴν

[1]) *Const.* de caer. p. 731.

[2]) ib. 714, 1.

Βελισαρίου ἐπετρόπευε στρατηγίαν· δομέστικον τοῦτον καλοῦσι Ῥωμαῖοι [1])--Изъ того, что командиръ ѳемы оптиматовъ носилъ титутъ доместика, можно заключать не къ приниженному ея состоянію, а къ другому, а именно, что выдѣленіе оптиматовъ въ особое командованіе, хотя и не равносильное по значенію съ сосѣднимъ τὸ βασιλικὸν Ὀψίκιον, было непрерывной традиціей того прошлаго, когда этотъ титутъ сохранялъ еще свой исконный смыслъ, когда въ обѣихъ половинахъ имперіи существовали *domestici pedites* и *domestici equites*, состоявшіе подъ начальствомъ лицъ, именовавшихся *viri illustres comites domesticorum* [2]).

Въ томъ-же смыслѣ, т. е. какъ свидѣтельство давности и непрерывнаго существованія оптиматовъ, можетъ быть понято показаніе Константина, что эта ѳема не подѣлена на турмы и друнги. Сравнительно незначительные по своему пространству предѣлы территоріи ѳемы оптиматовъ заставляютъ предположить, что количество людей военнаго сословія, удержавшихъ отъ старины это свое историческое имя, было не особенно велико; съ другой стороны дѣленіе ѳемъ на турмы и друнги, т. е. перенесеніе терминовъ боевого строя на территорію, было болѣе позднимъ фактомъ, чѣмъ возникновеніе оптиматовъ, которые уже въ пору Маврикія имѣли кое-какія свои особенности тактическихъ дѣленій въ боевомъ строю. Сообщеніе Константина о томъ, будто оптиматы исполняли только службу деньщиковъ гвардіи во время царскаго похода и служили прислугой царю, не находитъ, какъ было указано, подтвержденія въ свидѣтельствахъ Ѳеофана объ ихъ участіи въ военныхъ предпріятіяхъ имперіи. Но во всякомъ случаѣ остается въ силѣ связь оптиматовъ съ лицомъ императора и его гвардіей. Показаніе въ томъ-же смыслѣ даетъ и титулъ ихъ главнаго начальника, доместикъ. Какъ въ концѣ VI вѣка оптиматы принадлежали къ лучшимъ боевымъ силамъ имперской арміи, такъ въ VIII вѣкѣ они привлекались къ укомплектованію императорской гвардіи Весьма возможно, конечно, что въ X вѣкѣ боевыя качества оптиматовъ ослабли, въ виду отдаленности ихъ отъ границъ имперіи

---

[1]) *Procop.* b. V. I 11, p. 359.

[2]) *Notitia dignitatum*, I 45, II 55. Böcking.

и мирнаго положенія ихъ области въ противоположность напряженной боевой жизни пограничныхъ ѳемъ съ ихъ ежегоднымъ опытомъ „курсовъ“, τὰ κοῦρσα, какъ назывались набѣги арабовъ и аналогичныя предпріятія византійцевъ. Оптиматы, по своему удаленному положенію, были свободны отъ этихъ постоянныхъ тревогъ военнаго времени и могли въ X вѣкѣ уступать другимъ ѳемамъ въ военномъ духѣ и опытѣ. Но какъ-бы то ни было, трудно повѣрить Константину въ томъ, что вся ихъ служба въ царской гвардіи сводилась къ роли деньщиковъ или хотя-бы оруженосцевъ. И тутъ, очевидно, Константинъ допустилъ недоразумѣніе, какихъ много въ его сочиненіи *De thematibus*.

Представленная въ предшествующемъ попытка углубиться въ розыски на счетъ оптиматовъ приводитъ насъ невольно къ той общей мысли, что ѳемный строй, какъ организація военныхъ силъ византійскаго государства, не былъ созданіемъ политической мудрости того или иного императора, не имѣетъ опредѣленной хронологической даты для своего начала, а былъ въ самомъ своемъ существѣ наслѣдіемъ давняго прошлаго, когда вмѣсто регулярной арміи, основанной на системѣ набора изъ всего населенія государства, въ имперіи оказалось *сословіе военныхъ людей* и притомъ какъ на границахъ—въ видѣ milites limitanei или castellani, владѣвшихъ землей и обрабатывавшихъ ее, съ обязательствомъ наслѣдственной военной службы на мѣстѣ, такъ и внутри государства—въ видѣ военнаго сословія, какимъ являлись проникавшіе и принимаемые въ предѣлы имперіи варвары и прежде и больше всего—готы. Когда имперія еще въ VI вѣкѣ растеряла мало по малу свою регулярную армію, comitatus, какъ гласило общее ея обозначеніе со временъ Константина Великаго, жалкіе остатки которой еще какъ-бы проявляются у Маврикія; когда убійца императора Маврикія, имп. Фока, окончательно разстроилъ военныя силы государства; —то возстановленіе ихъ совершилось путемъ возведенія въ общую систему принципа военнаго сословія, наличность котораго была унаслѣдована имперіей отъ прошлаго. Эта заслуга принадлежитъ императору Ираклію и относится ко вре-

мени подготовленія войны съ Персами. Константинъ не безъ основанія называетъ нѣсколько разъ его имя, говоря о началѣ ѳемъ. Но, по своему полному невѣдѣнію о прошломъ своей имперіи, онъ совершенно неправильно представляетъ дѣло Ираклія и послѣдующихъ императоровъ, какъ праздную забаву дробленія территоріи государства на малыя части.

Юліанъ Кулаковскій.

Нѣсколько слѣдовъ общенія южной Руси съ югославянами въ литовско-польскій періодъ ея исторіи, между проч.—въ думахъ.

Двадцать два почти года назадъ, 9 марта 1882 г., въ день, когда Т. Д. Флоринскій вступилъ на каѳедру славяновѣдѣнія въ университетѣ св. Владиміра, составитель предлагаемаго очерка вошелъ впервые въ научное общеніе съ этимъ достойнымъ дѣятелемъ славянской науки. Авторъ настоящей статьи сохранилъ живое воспоминаніе о первой бесѣдѣ, которую онъ вмѣстѣ съ Ю. А. Кулаковскимъ велъ съ Т. Д. Флоринскимъ послѣ вступительной лекціи послѣдняго, любуясь съ горы памятника св. Владиміра видомъ, открывающимся на Подолъ и далекое Заднѣпровье. Предметомъ бесѣды являлось славянство, его судьбы въ прошломъ и въ ближайшей современности. Собесѣдники Т. Д. Флоринскаго не раздѣляли нѣкоторыхъ воззрѣній молодого въ то время энтузіаста-слависта, но авторъ настоящей статьи не могъ не отнестись сразу съ полной симпатіей къ его задушевной и горячей проповѣди славянскаго общенія на поприщѣ лучшихъ идей и добрыхъ чувствъ братства.

Съ того времени авторъ, увлекавшійся тою же мечтой, не разъ возвращался къ ней и все болѣе и болѣе убѣждался въ великомъ значеніи братскаго единенія личностей и народовъ. Подтвержденіемъ такого значенія является исторія дружества какъ геніевъ творчества (Гете и Шиллера, Байрона и Шелли и др.), такъ и цѣцѣлыхъ народовъ—между прочимъ славянскихъ.

Общеніе славянскихъ племенъ въ вѣка раздѣльнаго существованія ихъ ознаменовалось цѣлымъ рядомъ весьма благотворныхъ послѣдствій. Въ частности и южная Русь не разъ испытывала всю благодѣтельность такого общенія.

Со времени обособленія южной Руси въ ряду славянскихъ племенъ она не переставала пребывать въ постоянномъ общеніи съ нѣкоторыми изъ нихъ.

Нечего распространяться здѣсь о тѣхъ или иныхъ связяхъ южной Руси съ ближайшимъ и постояннымъ сосѣдомъ ея—Польскимъ народомъ, съ которымъ у нея были непрерывныя соотношенія уже съ первыхъ моментовъ русской и польской государственности [1]). Нечего говорить также и о томъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ благотворномъ, но въ большинствѣ случаевъ тяжеломъ отпечаткѣ, какой наложило на исторію южно-русскаго племени болѣе чѣмъ четырехвѣковое господство Польши надъ южною Русью. Все это выяснено болѣе или менѣе обстоятельно въ исторической наукѣ.

Цѣль предлагаемаго очерка намѣтить нѣсколько *догадокъ* касательно культурныхъ соотношеній южной Руси со славянскими племенами, у которыхъ она не состояла въ политическомъ подчиненіи.

Въ ряду этихъ племенъ видное мѣсто занимали чехи, о связяхъ южной Руси съ которыми подробно говорилъ профессоръ Первольфъ въ своихъ работахъ по исторіи „славянской взаимности" [2]). Не менѣе изслѣдованы культурныя, въ особенности литературныя связи южной Руси съ юго-славянскими племенами. Вопросъ о литературныхъ воздѣйствіяхъ славянскаго юга на русскую письменность былъ отчетливо и въ болѣе или менѣе полномъ объемѣ поставленъ въ трудахъ Н. И. Петрова [3]), А. И. Соболев-

---

[1]) См. о томъ въ монографіи *И. А. Линниченка*: Взаимныя отношенія Руси и Польши, ч. I, К. 1889.

[2]) См. прежде всего статью *Первольфа*: «Чехи и русскіе»—въ журналѣ «Бесѣда» 1872, кн. VII, и затѣмъ отдѣльную монографію того же Первольфа: Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи, Варш. 1886—1893, т. I, 196, п. 396 и сл., и др.

[3]) Историческій взглядъ на взаимныя отношенія между сербами и русскими въ образованіи и литературѣ. Рѣчь. К. 1876. Стр. 26 и слѣд.

скаго [4]) и другихъ. Русско-сербскія культурныя и литературныя связи въ цѣломъ указаны также недавно П. А. Кулаковскимъ [5]).

Трудами этихъ и другихъ ученыхъ доказано, что южная Русь издавна находилась въ болѣе или менѣе тѣсномъ общеніи съ греко-славянскимъ югомъ и пребывала въ таковомъ и въ самый критическій и поворотный моментъ своей исторіи въ концѣ XVI и въ началѣ XVII-го вѣковъ. О томъ свидѣтельствуетъ между прочимъ исторія литературной дѣятельности князя Курбскаго Іоанна Вишенскаго и другихъ. Въ особенности заслуживаютъ вниманія приглашенія юго-славянъ княземъ Константиномъ Константиновичемъ Острожскимъ. Указаніе на то, находящееся въ предисловіи къ знаменитой Острожской библіи 1580—1581 гг. [6]), нѣсколько выясняетъ пребываніе юго-славянъ во владѣніяхъ князя Острожскаго (въ Острогѣ и Дермани) и въ послѣдующее время. Дѣло, для котораго они были первоначально приглашены, именно изданіе славянской библіи, было выполнено, можно сказать, при участіи всего славянства, въ томъ числѣ всей Руси,

---

[4]) Южно-славянское вліяніе на русскую письменность въ XIV—XV вѣкахъ. Рѣчь. Спб. 1894.

[5]) Начало русской школы у сербовъ—Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. Академіи Наукъ 1903, кн 2, стр. 247 и слѣд., 253 и слѣд. (въ отдѣльномъ оттискѣ стр. 3 и слѣд., 8 и слѣд.) Здѣсь между проч. сообщены свѣдѣнія и о книгахъ, жертвованныхъ въ Сербію изъ южной Руси въ XVI в.

[6]) Библіа сирѣч книги ветхаго а новаго завѣта, по языку словенску и т. д. і҃с ҳ҃а ҂аф п҃а. Здѣсь вначалѣ, л. III, между прочимъ читаемъ: ...«посланьми и писаньми своими много странъ далекихъ вселен'ныя проходя. яко рим'скія предѣлы, тако и кан'дійскія островы. паче же много монастырей грец'кихъ, сербъских и болгарских. даже и до самаго апслом намѣстника. и всея црква восточныа строенію чиноначалника. пречстнаг іеремія архи епспа кон'стантина града, новаго рима, в'селен'ныа патріарха, высоко прстолныя цркве доидохъ. требуя съ тщаніемъ, и моленіемъ прилежнымъ. тако людіи наказаных въ писаніах стыхъ еллин'скихъ и словен'ских. якоже изводовъ добрѣ исправленыхъ, и порока всякаго кромѣ свѣдительствованыхъ. и сицевымъ всесилныи по обычнои своей блгости сподобитимися блго изволи. книгъ бо и книгочіи якоже предречеся настоащему дѣлу нрестму, по достоанію изобрѣтох сиимиже купно, и съ инѣми многими наказаными добрѣ въ писаніах бжственых доволно совѣтовавъ» и т. д.

и имѣло значеніе для всей Руси, т. е. не только для западной ея половины, но и для Московской, и даже для всего восточно-славянскаго міра [7]), потому что до выхода Острожской библіи въ свѣтъ не было такой печатной книги „во всѣхъ странахъ роду языка словенскаго".

Не касаясь въ подробности этихъ болѣе или менѣе извѣстныхъ фактовъ, мы желали бы остановить — также, впрочемъ, вскользь—вниманіе читателей еще на нѣсколькихъ слѣдахъ общенія южной Руси съ юго-славянами, усмотрѣнныхъ въ южно-русской исторической письменности и въ народной исторической словесности, именно въ такъ называемыхъ «думахъ».

Подъ малорусскими думами надлежитъ разумѣть не только козацкія, но и другія историческія пѣсни, отличающіяся элегическимъ характеромъ и напряженіемъ скорбнаго чувства. Нѣкоторыя изъ этихъ пѣсенъ весьма стары, и отдѣльныя черты ихъ своеобразія могли восходить не только къ первымъ моментамъ развитія козачества, но и къ болѣе древней эпохѣ, напримѣръ ко времени походовъ противъ Половцевъ.

Съ XV-го столѣтія, когда началъ слагаться свой литературный обликъ въ западной Руси, стали, вѣроятно, явственно обозначаться своеобразныя черты южно-русской исторической поэзіи и принимать то направленіе, которое находимъ въ позднѣйшихъ думахъ. До извѣстной степени оно окончательно водворилось подъ тѣмъ южно-славянскихъ вліяніемъ, которое обусловило поворотъ и во всей русской письменности со второй половины XIV-го вѣка [8]).

Какъ названіе, такъ и техника произведеній, получившихъ названіе думъ, сложились, можно полагать, подъ вліяніемъ ближайшихъ сношеній, каковыя установились съ того времени между

[7]) «Въ народѣ русскомъ сыномъ церкве восточныя и всѣмъ согласующимся языку Словенскому соединяющимся тояжде церкве Православію», говорится въ предисловіи. Ср. статью *С. М. Сольскаго:* «Острожская библія въ связи съ цѣлями и видами ея издателя»—Труды Кіевской дух. Академіи, 1884, іюль. Новѣйшая работа объ Острожской Библіи—*С. Л. Пташицкаго:* Иванъ Федоровъ. Изданіе Острожской Библіи въ связи съ новыми данными о послѣднихъ годахъ его жизни, Спб. 1903.

[8]) См. цитов. выше брошюру А. И. Соболевскаго «Южно-славянское вліяніе» и проч.

южною Русью съ одной стороны и румынами, болгарами и сербами съ другой.

У румынъ были свои думы, обозначаемыя названіемъ, буквальный смыслъ котораго—подобіе. Такое наименованіе румынскихъ думъ объясняется, вѣроятно, тѣмъ что уподобленія, преимущественно положительныя, занимаютъ видное мѣсто въ этихъ румынскихъ пѣсняхъ [9]). Этими подобіями Румынскія думы нѣсколько напоминаютъ южно-русскія, называвшіяся въ XVI в. Подольскими. Еще ранѣе, чѣмъ съ Румынами, уже со временъ Святослава Русскій югъ пришелъ въ тѣсное общеніе съ болгарами. Оно не прекратилось даже въ первую пору татарскаго владычества, какъ то показываютъ извѣстія объ участіи русскихъ въ болгарскихъ событіяхъ XIII и XIV вѣковъ [10]).

Быть можетъ, уже съ того отдаленнаго времени ведетъ свое начало въ южно-русской народной словесности обозначеніе повѣствовательной исторической пѣсни словомъ дума, напоминающимъ въ этомъ спеціальномъ значеніи тожественное болгарское слово. При такомъ объясненіи малорусское названіе дума означало бы не размышленіе, а пѣсенное сказаніе, представляя аналогію германской «сагѣ» и средневѣковому нѣмецкому обороту singen und sagen. Но, конечно, могло войдти въ употребленіе названіе дума и въ позднѣйшій періодъ южно-русской исторіи, когда, по одному польскому извѣстію XVI в., думы были наигрываемы передъ войскомъ и когда началось замѣтное проникновеніе юго-славянъ въ южную Русь [11]).

О такомъ проникновеніи имѣется цѣлый рядъ свидѣтельствъ начиная со времени переселенія въ Литву Деспотъ-Зеновича. Довольно стары были въ южной Руси дворянскія фамиліи Серби-

---

[9]) Телескопъ, ч. XIV, № 8 (1833), статья *А. Хыждеу*: Румынскія народныя пѣсни, стр. 522—523.

[10]) *Брунъ*, Черноморье II: Догадки касательно участія русскихъ въ дѣлахъ Болгаріи въ XIII и XIV столѣтіяхъ.

[11]) Болгарское слово дума означаетъ слово. Ср. «Слово о полку Игоревѣ», которое, какъ увидимъ, иные ученые называютъ древнѣйшею думой. Какъ извѣстно, среди янычаръ были южные славяне, и сербскій яз. въ XVI в. былъ въ ходу даже при султанскомъ дворѣ.

новъ, Болгариновъ. Свидригайлу въ борьбѣ его съ Сигизмундомъ помогали въ качествѣ гостей „Ракушане, Слезаки и Чехи“ [13]). Подъ Ракушанами литовско-русскій лѣтописецъ, передавшій это событіе, врядъ ли могъ разумѣть не только Австрійцевъ, но и славянъ, примыкавшихъ къ Австріи и Угріи [14]).

Какъ бы то ни было, для XVI-го вѣка имѣются уже вполнѣ опредѣленныя свидѣтельства: въ бояхъ съ татарами около Слуцка въ началѣ XVI-го вѣка участвовали въ литовскомъ ополченіи рацы, т. е. сербы. Юго-славяне замѣчаются въ составѣ ю. р. населенія.

Тотъ вѣкъ былъ эпохой, когда южно-русское козачество, вступивъ во второй періодъ своего существованія, начало получать опредѣленную организацію и окончательно выяснило программу своихъ дѣйствій въ борьбѣ со своимъ главнымъ врагомъ, т. е. татарами и турками.

Южно-русское козачество слагалось по типу, аналогичному юго-славянскимъ удальцамъ, каковыми были ускоки и гайдуки. Нѣкоторые считали и самыя наименованія козаковъ, гайдуковъ, гайдамаковъ и ускоковъ сродными по значенію. Насъ здѣсь могутъ болѣе всего интересовать гайдуки, потому что они, повидимому, явились довольно рано у болгаръ и не остались безъ вліянія на южную Русь [15]). Иные считаютъ названіе гайдукъ мадьярскимъ, про-

---

[12]) Въ Несвижской рукописи хроники Стрыйковскаго говорится о Зеновичѣ:

Zienowica, którego z Serbskich był despotów
Przodek do Litwy przyszedł z Wołoskich kłopotów и т. д.—

St. Ptaszycki, Wiadomość bibliograficzna o rękopisie nieświeskim kroniki Macieja Strykowskiego—Pamiętnik literacki, str. 243.—О Сербинахъ и Сербиновичахъ см. въ указателѣ къ изданіямъ Временной Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ *И. П. Новицкаго*, К. 1878, стр. 654. См. еще Архивъ Ю. З. Россіи ч. VIII, т. 4, стр. 101 и др. и *Boniecki*, Poczet rodów, Warsz. 1883, 310. О Болгаринахъ—Арх., ч. IV, т. I, 36; ч. VII, т. 2. стр. 401.

[13]) *Narbutt*, Pomniki do dziejów litewskich (2-я литовско-русская лѣтопись) Wilno, 1846, стр. 47.

[14]) Названіе «Ракушьска земля и Штирьска» встрѣчается уже въ галицко-волынской лѣтописи для обочначенія Австріи и Штиріи. Rakus-омъ называли два города: Rötz и Raabs или Raps. Rakousy—чешское названіе. См. *Pawla Jos. Šafaříka* Sebrané spisy, III, U Praze 1864, str 73. Cf. ibid. 17—18.

[15]) *Г. Г. Раковскій*, Български тѣ хайдути. Тѣхно то начяло и тѣхна та постоіана борба съ Турцы тѣ, отъ паденія Българий де днѣшны тѣ времена.

изводя его отъ слова haidú—погонщикъ, съ чѣмъ какъ бы согласуется толкованіе слова гайдукъ въ латино-польскомъ словарѣ 1564 г., какъ „nomades" etc. [16]). Но сюда же надо привлечь слово гайда, встрѣчающееся и въ малорусскомъ нарѣчіи, и болгарское гайда—пастушья волынка. Въ вопросѣ о происхожденіи гайдучества ничего не значитъ, что гайдуки появились съ XVI-го в. въ Венгріи, и тамъ ихъ именемъ обозначался даже особый комитатъ, называвшійся по латыни Oppida Heidonum.

Въ южную Русь гайдуки могли проникнуть не только изъ Венгріи и угро-русской области, но и изъ обособившейся въ томъ столѣтіи Трансильваніи, а также изъ Болгаріи и изъ сербскихъ земель и поселеній въ Венгріи. Они выникли въ Польшѣ, можетъ быть, уже въ первой половинѣ XVI в., несомнѣнно были тамъ при Сигизмундѣ-Августѣ, но временемъ рѣшительнаго ихъ утвержденія въ Польшѣ надо признать царствованіе Стефана Баторія. Баторій желалъ воспользоваться южно-русскимъ козачествомъ для обороны юго-восточныхъ границъ польскаго государства [17]) и привлекъ для такой же приблизительно цѣли гайдуковъ, между прочимъ—изъ страны, изъ которой самъ прибылъ въ Польшу. Такъ, при Стефанѣ Баторіи въ 1576 г. во время осады Гданска бывшіе на службѣ у короля „omnes villas in Zolava vastaverunt hayduci" [18]). Послѣ 1576 г. извѣстія о гайдуцкихъ отрядахъ въ Польшѣ идутъ непрерывно до второй половины XVII в. Это были, вѣроятно,

---

Книжица пьрва. Букурешъ 1867. *И. Н. Смљьницкій*, Гайдуцкій эпосъ: значеніе его; причины гайдучества и время возникновенія его—Филологическія Записки 1899, вып. III и IV, стр. 7 и слѣд. Ср. *К. I. Иречка* Исторія болгаръ, Од. 1878, стр. 615 и слѣд. О сербскихъ гайдукахъ см., между прочимъ, Вѣстникъ Европы 1827, № 16, стр. 297—305.

[16]) Это толкованіе приведено уже у Linde, Słownik języka polskiego, t II. 166, изъ Mączyńskiego Lexicon Latinopolonicum 1564: „Hajdukowie, hajducy, tak zwać możem *nomades*, ludzi nie mających pewnego mieszkania, tylko sie z bydłem tam i sam tluką małe chałupki z sobą wożąc".

[17]) См. Kwartalnik historyczny 1903, zesz 4, ст. *W. Iaros*-a: «Legenda Batoryańska, krytyczny szkic z dziejów Zaporoża». Ранѣе того же вопроса касался *А. В. Стороженко* въ статьѣ: «Сводъ данныхъ о Орышевскомъ Янѣ, Запорожскомъ гетманѣ временъ Стефана Баторія», Кіевская Старина 1897 г. № 1. См. его же книгу: Козаки и Стефанъ Баторій, К. 1904. См. еще *Boratyński*, Stefan Batory i plan ligi przeciw Turkom (1576—1584)—Rozprawy Akad. Umiejętności, ser. II, T. XIX (1903), 302.

выходцы разнаго происхожденія, въ томъ числѣ и славянскаго [19]), люди въ родѣ служилыхъ козаковъ, которые могли поступать на службу и къ тѣмъ или инымъ частнымъ владѣльцамъ въ польско-литовскомъ государствѣ. Въ одномъ документѣ 1610 г. упоминаются гайдуки, отбивавшіе русскія церкви [20]). Въ документѣ 1639 г. о Іереміи Вишневецкомъ читаемъ: „также гайдуковъ, янъчаровъ поводовыхъ одныхъ на смерть позабияли“ [21])...

По образцу пришлыхъ гайдуковъ могли возникнуть русскіе гайдуки. Въ „Inwentarz części dobr Ostrogskich 1620“ [22]) находимъ рубрику, между прочимъ, въ отдѣлѣ: „Siolo Bialobrzezie“ „Włoki wolne Boiarskie Haiduckie“, при чемъ названо нѣсколько гайдуковъ [23]). „Hayducy“ упомянуты далѣе въ Заславлѣ. Въ с. Борышовѣ перечисляются [24]), между прочимъ, „Hayducy Piechotni“ [25]) и т. д. и въ другихъ селахъ. Очевидно, это были люди, приравнивавшіеся къ служилымъ шляхтичамъ и отличавшіеся отъ хлоповъ. Это подтверждается и позднѣйшими документами XVII в. Гайдуки изъ русскихъ упоминаются въ польскомъ войскѣ подъ 1630 г. [26]).

На проникновеніе знакомства съ гайдуками въ народъ какъ бы указываютъ южно-русскія пѣсни. Былъ, повидимому, танецъ, носившій названіе гайдука, какъ есть южно-русскій танецъ, называемый „козакомъ“. Найдена музыка этого танца въ польской рукописи 1541 г. Намъ извѣстенъ припѣвъ къ танцу гайдуку, начинающійся словами:

---

[18]) Monum. Pol., V, 395.

[19]) У Линде, t. II, 166, приведена выдержка изъ Kłokockiego Monarchia Turecka: „Przychodzą hajdukowie... wielkiemi kupami na rozbój z Siedmiogrodzkiej ziemi, z Multańskiej, z Węgier i innych stron.»

[20]) Вѣстникъ Юго-западной и западной Россіи 1862, іюль, отд. I, 7.

[21]) «Чтенія въ Истор. Общ. Нестора-Лѣтописца», кн. XIV, вып. 3 стр. 154

[22]) Рукопись Института Оссолинскихъ во Львовѣ № 3669—Summaryusz praw i przywilejów domu XX Ostrogskich: Jnwentarz anno 1620 przez rewisorów spisany», fol. XVII вѣка.

[23]) Fol. 118.

[24]) Fol. 210.

[25]) Fol. 213.

[26]) См. Львовскую лѣтопись, изданную Петрушевичемъ въ «Наук. сборн.», стр. 269 и 270.

Ходѣмъ, хлопцѣ, гайдука!
То нашъ танець правый и т. д. [27]).

Въ одной пѣснѣ изъ записанныхъ по нашей просьбѣ воспитанниками Волынской духовной семинаріи жена говоритъ мужу:

Ой, муже мой, муже! чинижь мою волю,
Да попляши гайдука, да передо мною.
Дурной мужичище, взявшись за бочище,
Бѣда моя, жонка моя, спляшетъ гайдучище [28]).

Отмѣтимъ, далѣе, слѣды юго-славянскаго воздѣйствія въ польскомъ костюмѣ XVII-го вѣка: „Ioseph *Caruatkam* et *Saravari*, abiecto habitu ordinis, induit" [29]). Если Caruatka вышла отъ Хорватовъ, то мы имѣли бы въ приведенныхъ словахъ намекъ на проникновеніе Хорватовъ въ Польшу XVII-го столѣтія.

Въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, потому что южнорусское козачество XVII в. пополнялось, повидимому, славянскими пришельцами съ юга, впервые зашедшими, вѣроятно, въ числѣ гайдуковъ и помимо послѣднихъ.

У князя Януша Острожскаго въ 1617 г. были „паны жолнере, козаки Сербы", которые „лежу маютъ въ маетности Фалимицкой, въ Сядмерикахъ", и которые разбойничали по дорогамъ [30]). Интересно въ связи съ этимъ, что на Волыни есть села Сербы (въ Новоградволынскомъ уѣздѣ), Сербиновка (въ Житомирскомъ) [31]).

Въ гетманство Выговскаго находимъ немало южныхъ славянъ, Сербовъ и Хорватовъ съ Хорватской границы, въ ряду окружавшихъ его преданнѣйшихъ козаковъ, чѣмъ объясняется появ-

---

[27]) Вѣнокъ пѣсней малорусскихъ, Львовъ 1880, стр. 19—23.—Музыку «гайдука» 1541. г., напоминающую южно-славянское коло, см. въ Encyklopedia staropolska Glogera, t. II.

[28]) Эта пѣсня записана со словъ 20-лѣтняго малоросса, родившагося въ Раковичахъ Августовскаго уѣзда Сувалкской губерніи.

[29]) Monum. Pol., V, 379. Ср. *Linde*, Słownik języka polskiego, t. II, Lw. 1855, 327.

[30]) Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. III, т. I, К. 1863, № LX, стр. 204—205.

[31]) См. еще Новицкаго Указатель къ изданіямъ Временн. коммиссіи, т. II, стр. 724. Поселенія съ такими названіями въ другихъ южно-русскихъ мѣстностяхъ могли возникнуть позднѣе.

леніе тамъ и Юрія Крижанича. Во главѣ ихъ стоялъ Иванъ Сербинъ, достигшій званія Брацлавскаго полковника. Съ козаками на Москву приходилъ „Атаманъ Милошь Сербинъ". Тѣ же славяне выступали потомъ въ свитѣ и посольствахъ Юрія Хмельницкаго [32]).

Понятно, быть можетъ, почему еще у Шевченка кобзарь поетъ о „Сербинѣ у шинку з парубками". Малорусскія пѣсни насмѣшливаго характера о Сербинѣ въ ходу доселѣ.

Благодаря указаннымъ сношеніямъ южной Руси съ юго-славянскимъ міромъ и проникновенію южныхъ славянъ въ среду народнаго малорусскаго козачества открывалась дорога вліянію юго-славянской поэзіи на эпосъ думъ. Юнацкія пѣсни могли быть извѣстны и въ южной Руси, и въ ряду другихъ воздѣйствій историческія южно-русскія пѣсни могли испытать вліяніе также сербскаго и болгарскаго эпоса, на параллели съ которымъ въ думахъ уже было обращено вниманіе въ наукѣ [33]).

Но, конечно, не это вліяніе было исходнымъ пунктомъ въ развитіи украинскихъ думъ. Послѣднія выникли прежде всего изъ мѣстныхъ условій, и есть значительная доля правды въ отзывѣ о нихъ г. Франка, называющаго малорусскій козацкій эпосъ „такимъ орігінальнимъ з погляду на форму, зміст, кольорит, проникаюче его глибоке та щире чутє" [34]).

Подъ вліяніемъ борьбы съ степняками, начавшейся, можно сказать, на зарѣ русскаго государства и продолжавшейся непрерывно въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ сплошь до XVIII-го, уже въ старо-русскомъ былевомъ эпосѣ нѣкоторые изъ образовъ принимали характерныя черты козачества, напримѣръ образъ Ильи Муромца.

Съ другой стороны нѣкоторыя сказанія о новыхъ событіяхъ, происходившихъ въ эпоху козачества, принимали былевую окраску, напримѣръ пѣсня о взятіи Азова.

---

[32]) *Безсоновъ*, Юрій Крижаничъ, ревнитель возсоединенія церквей и всего славянства въ XVII вѣкѣ—Правосл. Обозрѣніе 1870, № 12, стр. 802—803.

[33]) См., между прочимъ, замѣчаніе у *Н. Ѳ. Сумцова*: Современная малорусская этнографія, вып. 2, К. 1897, стр. 4.

[34]) Житє і слово, т. I, Льв. 1894, стр. 300.

Южно-русскія историческія пѣсни козацкаго періода не могли не унаслѣдовать нѣкоторыхъ пріемовъ творчества отъ старо-русскаго былеваго эпоса,—тѣмъ болѣе, что въ начальные періоды развитія южно-русскаго козачества старый эпосъ, повидимому, еще существовалъ въ западной и южной Руси [35]).

Быть можетъ, даже первыя историческія пѣсни козацкаго періода возникли въ средѣ пѣвцовъ, подобныхъ тѣмъ, которые издавна существовали на Руси и были хранителями стараго былиннаго эпоса: думы роднились съ древнимъ эпосомъ между прочимъ—прославленіемъ воинскихъ подвиговъ патріотизма и героизма [36]).

Такимъ образомъ на технику южно-русскихъ думъ могъ отчасти повліять древнерусскій эпосъ княжескаго періода [37]).

Но въ эпосѣ думъ произошло немало и перемѣнъ по сравненію съ прежними „старинами."

Эти перемѣны коснулись прежде всего внѣшности изложенія. Въ „Словѣ о полку Игоревѣ" упоминается музыкальный аккомпаниманъ былевыхъ пѣсенъ. Онъ сопровождалъ послѣднія и въ козацкое время, но тогда въ качествѣ музыкальныхъ инструментовъ, употреблявшихся при пѣніи исторической пѣсни, выдвинулись кобза и бандура, обѣ иноземнаго происхожденія, какъ то показываютъ уже самыя названія ихъ. Бандура--это южно-славянская пандура, тамбуринъ. Кобза—татарскій музыкальный инструментъ,

---

[35]) См. мою монографію: »Былины объ Алешѣ Поповичѣ и о томъ, какъ перевелись богатыри на святой Руси», К. 1883.

[36]) Изъ значительнаго размѣра думъ, состоящихъ иногда изъ нѣсколькихъ сотъ стиховъ, и изъ мелодіи ихъ г. Нейманъ (Dumy ukraińskie—въ Ateneum 1885, Październik, str. 109) справедливо вывелъ, że lud nie mógł ich spiewać; stanowily one rerertoar specyalnych piewców, którzy im dluższe studya poświęcali i zupelnie im się oddawali.

[37]) Объ аналогіяхъ техники думъ со «Словомъ о полку Игоревѣ» см. въ ст. Неймана стр. 120, 123 и слѣд. См. еще въ статьѣ *Ю. Тиховскаго* въ «Кіевской Старинѣ» 1893, № 10: Прозою или стихами написано «Слово о полку Игоревѣ»? Объ аналогіяхъ думъ съ былинами см. въ рефератѣ *О. Ѳ. Миллера*: «Великорусскія былины и Малорусскія думы» въ трудахъ III-го археологическаго съѣзда, т. I, К. 1878, стр. 285 и слѣд. См. еще этюдъ *М. Павловскаго*: «Де що про русскі билини і думи», Льв. 1893.

встрѣчающійся, между проч., у киргизовъ [38]). Было бы не безынтересно въ связи съ этимъ выяснить степень оригинальности мелодій въ малорусскихъ думахъ. О музыкальномъ вліяніи славянскаго юга какъ будто свидѣтельствуютъ выраженія старыхъ памятниковъ „скрипка сербска“ и т. п. [39]).

Насъ здѣсь занимаетъ лишь вопросъ объ оригинальности литературной формы и содержанія думъ.

Что до техники думъ, то она, роднясь съ былинною, заключаетъ также нѣкоторыя аналогіи съ сербскимъ эпосомъ [40]), понятныя въ связи съ польскими извѣстіями о проникновеніи сербскихъ пѣвцовъ въ концѣ XVI в. и въ началѣ XVII-го въ Польшу и южную Русь [41]). При этомъ думы представляли возвращеніе къ первичной и исконной формѣ эпическаго изложенія, изъ которой могли выйдти и нѣкоторыя первоначальныя былины, напр. о гибели богатырей въ бою на Калкѣ, т. е. къ преимущественно лирическому изложенію событій, разсчитанному на подъемъ чувства у слушателей.

На югѣ народныя историческія пѣсни послѣ татарскаго нашествія были живою лѣтописью народныхъ чувствъ горя и скорби. Потому-то по содержанію думы въ цѣломъ являлись эпосомъ новымъ, развившимся на югѣ въ вѣка татарской и затѣмъ польской неволи. Это было новообразованіе въ исторіи русскаго народнаго творчества, наполнившее послѣднее свѣжимъ содержаніемъ соотвѣтственно новымъ грознымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ иногда велича-

---

[38]) О происхожденіи названія «бандура» см. *А. Н. Веселовскаго* Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха, VI—X, 160. О кобзѣ—*Фаминцынъ*, Домра и сродные ей музыкальные инструменты русскаго народа, Спб. 1891, 95 и слѣд. Ср. *П. И. Житецкаго* Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ, К. 1893, стр. 168—169, примѣч. О лирѣ см. ст. *Маслова*: «Лирники Орловской губерніи, въ связи съ историческимъ очеркомъ инструмента Малороссійской лиры,—Этнограф. Обозрѣніе XVII (1900, № 3).

[39]) О вліяніи сербовъ на мелодію думъ говорилъ *Фаминцынъ*, Домра и сродные ей музыкальные инструменты, Спб. 1891, стр. 152.

[40]) См. нѣсколько отрывочныхъ замѣчаній о томъ въ упомянутой выше статьѣ Неймана, 120 и слѣд.

[41]) Эти извѣстія, упомянутыя у *Пыпина* и *Спасовича*—Исторія славянскихъ литературъ, т. I, Спб. 1879, 265, приведены въ монографіи *И. В. Ягича*:

вымъ событіямъ, заслонявшимъ постепенно и вытѣснявшимъ память о прежнихъ временахъ удѣльно-вѣчеваго уклада и самостоятельнаго существованія Руси. Народная душа южно-руссовъ воспринимала все новыя и новыя впечатлѣнія и поэтически воспроизводила ихъ. Вѣдь и теперь еще возникаютъ постоянно новыя историческія пѣсни въ разныхъ углахъ южной Руси начиная съ юго-западнаго. Такъ въ Коломыѣ „ кожде село мае свои пѣсни, що переходятъ отъ рода въ родъ, а мало не кожда родина мае зновъ свои. Всякû важнѣйшû событія въ селѣ маютъ своихъ поэтôвъ, всякû историческû событія о войнахъ и битвахъ выспѣвуе Коломыйскій воякъ, повернувши до дому, съ своими товарышами мужескимъ хоромъ“ [42]).

Такъ же, повидимому, было и встарь на протяженіи всей западной и южной Руси. Въ подвластныхъ Литвѣ русскихъ земляхъ уже съ XIV-го вѣка историческія условія благопріятствовали возникновенію новаго лирическаго эпоса.

Нѣкоторые ученые готовы были усматривать слѣды пѣсенъ въ «Похвалѣ о великомь князи Витовте», внесенной въ 1-ю литовско-русскую лѣтопись. Открытіе А. И. Соболевскимъ источника этой похвалы въ записи переписаннаго въ Смоленскѣ въ 1428 г. рукописнаго сборника [43]) нѣсколько подрываетъ это предположеніе [44]), но не вполнѣ устраняетъ его въ виду такихъ эпическихъ выраженій въ лѣтопискомъ распространеніи этой похвалы, какъ, напр., слѣдующее: «немощно исповѣдати ни писанию

Gradja za slovinsku narodnu poeziju въ Rad jugoslavenske akademie znanosti i umjetnosti, kn. XXXVII 1876 (и отдѣльно), 118—119. Въ особенности интересно свидѣтельство въ Swiatowa Roskosz“ H. Morstina 1606: Drudzy zaś co to lata na żołdziech trawili, Trąb iuż y bębnow syci: kozla polubili: Przy nim *Serbin żałosny długi smyczek wlecze*, łeb skrzywiwszy po połciu a Rywułę siecze, graiąc im starodubskie *dumy, iak przed laty Turkow bili Polacy y mężne Horwaty.*

[42]) «Наука» (Галицкій журналъ), рочникъ IV, стр. 267.

[43]) Чтенія въ Истор. Общ. Нестора-лѣтописца, кн. IX., 219 и сл.

[44]) *М. Грушевскій*, «Похвала В. кн. Витовту»—Записки науковаго Товариства імени Шевченка, т. VIII, Льв. 1895, стр. 15—16. Г. Грушевскій утверждаетъ, что «Похвалу» неможна уважати осібним утвором, що мав становити окрему літературну цілість»; ср. 10—11.

предати дела великаго государя, яко бы не мощно комоу испытати высота небесная и глоубина морьская, тож бы мощно исповѣдати сила и храбрость того славнаго государя». Ср. запѣвъ (прелюдію) къ былинѣ о Соловьѣ Будиміровичѣ:

Высота ли высота поднебесная и т. д. [45]).

«Похвала о великомъ князи Витовьте» кажется намъ своего рода „славою», т. е. словеснымъ произведеніемъ въ томъ родѣ, который былъ въ ходу на Руси уже въ до-татарское время, какъ о томъ свидѣтельствуетъ «Слово о полку Игоревѣ», и также въ вѣка литовскаго владычества [46]).

Во всякомъ случаѣ Витовтъ былъ героемъ не только преданій, долго жившихъ послѣ него, но и пѣсенъ. По крайней мѣрѣ извѣстна пѣсня о немъ, начинавшаяся словами:

Witold idzie po ulicy...

У польскаго историка первой половины XVI-го вѣка Мѣховскаго находимъ извѣстіе, что еще въ его время пѣли въ Литвѣ пѣсню объ убіеніи великаго князя Сигизмунда русскими князьями [47]).

У поляковъ, съ которыми южная Русь совмѣстно выносила на своихъ плечахъ натискъ враждебныхъ иноземцевъ, было свое мѣстное творчество историческаго характера. Такъ, у нихъ были пѣсни о битвахъ Танненбергской и Варнской [48]). Отзывались, повидимому, польскія пѣсни и на событія козацкаго времени. Въ ряду польскихъ пѣсенъ есть, напр., пѣсня объ убитомъ жолнерѣ, который „leży w polu na Podolu...“ Его конь гребетъ возлѣ него копытомъ землю, скорбя о своемъ панѣ; онъ выкопалъ долъ по

[45]) Ср. замѣчаніе *Потебни*: Малорусская народная пѣсня, по списку VXI вѣка. Ворон. 1877, стр. 49. А. М. Лободы. Былины о сватовствѣ К. 1904, стр. 131.

[46]) Ср. замѣчаніе *Ю. Тиховскаго*: «Такъ называемая краткая Кіевская лѣтопись»—«Кіевская Старина» 1893, № 9, стр. 372 (о «поэтическихъ замашкахъ»).

[47]) De hoc carmen singulare usque in aetatem meam concinnebant: „Audaces principes Russiae occiderunt Sigismundum ducem Lithuaniae». Эту пѣсню цитуетъ и Стрыйковскій: t. II, Warsz. 1846, str. 204.

[48]) См. о нихъ у *Zeissberg*, Die polnische Geschichtsschreibung des Mittelalters, Leipz. 1873, 183—185.

колѣни и будитъ своего пана [49]). Эта картина напоминаетъ подобныя же въ козацкихъ пѣсняхъ. Наконецъ, въ польской рукописи конца XVI-го или начала XVII-го вѣка, хранящейся въ Краковскомъ музеѣ Чарторыйскихъ, найдены польскія „Dume ukrainne"[50]). Очевидно, слово дума было хорошо извѣстно полякамъ XVI и XVII-го столѣтій [51]).

Такимъ образомъ важнѣйшія событія времени вызывали въ Польшѣ и Литвѣ непосредственные отклики въ пѣснѣ.

То же было и въ южной Руси, пребывавшей въ единомъ съ ними политическомъ организмѣ, въ особенности—со времени развитія козачества.

Такъ называемыя думы начали развиваться одновременно съ козачествомъ, если не существовали въ зародышѣ уже ранѣе, въ древнее время начиная съ эпохи „Слова о полку Игоревѣ", которое иные ученые (со времени Максимовича) считаютъ первою думою, какая дошла до насъ. Статья Буслаева «объ эпическихъ выраженіяхъ украинской поэзіи" [52]) вслѣдъ за сближеніями, сдѣланными Максимовичемъ, отмѣтила „существованіе многихъ нынѣшнихъ эпическихъ формъ народной поэзіи уже въ XII в." и вообще „древнѣйшее происхожденіе" „эпическихъ выраженій украинской поэзіи". Несомнѣнно, что въ думахъ уцѣлѣло много далекой старины. Въ этомъ отношеніи не лишено было значенія, напр., указаніе Костомарова [53]) на то, что въ одной старой думѣ изображается разговоръ Днѣпра Словуты (ср. «Днѣпре Словутицю» въ „Словѣ о полку Игоревѣ") съ Дунаемъ.

Какъ бы то ни было, думы—лучшій поэтическій цвѣтъ тяжкаго безвременья, наступившаго послѣ прекращенія самостоятельнаго существованія южной Руси. Думы съ несказанною трогатель-

---

49) *Gloger*, Starodawne dumy i pieśni, Warsz. 1877, №8.

50) См. Biblioteka Warszawska, 1900 Styczeń, 190, о рефератѣ Tretiak-a „O nieznanym rękopiśmiennem zabytku poezyi polskiej" и т. д.

51) Выборку нѣкоторыхъ польскихъ упоминаній о думахъ см. у Linde.

52) *Буслаевъ*, Историческіе очерки русской народной словесности и искусства, т. I, Спб. 1861, стр. 210—230.

53) Историческое значеніе южно-русскаго народнаго творчества—Бесѣда 1872, кн. V, стр. 151. Ср. у Буслаева о. с., 215.

ностію оплакивали печальную судьбу южно-русскаго народа и выражали высокіе порывы его героизма въ борьбѣ съ заклятыми его врагами и въ перенесеніи бѣдствій, сопутствовавшихъ той борьбѣ.

При этомъ уцѣлѣвали, конечно, и старыя пѣсни о древнихъ бѣдствіяхъ южно-русской земли. Такъ, въ одномъ сказѣ Руликовскій усматривалъ переработку древней пѣсни о разрушеніи Кіева татарами. Равнымъ образомъ и Костомаровъ считалъ первымъ „памятникомъ до-козацкаго періода" легенду о Михайликѣ и Золотыхъ воротахъ, приведенную Кулишомъ въ I-мъ томѣ „Записокъ о южной Руси" [54]).

Главнымъ предметомъ думъ, можно полагать, служили на первыхъ порахъ народныя бѣдствія времени, когда онѣ слагались. Остатками тѣхъ древннхъ пѣсенъ о народныхъ бѣдствіяхъ являются лишь нѣкоторыя пѣсни объ уводѣ въ полонъ и неволю. Дума о бѣгствѣ трехъ братьевъ изъ Азова, полагаютъ, возникла ранѣе конца XV-го вѣка и не позднѣе половины XVI-го [55]). Пѣсня о Коваленкѣ [56]) относится къ тому же разряду полныхъ глубочайшей грусти пѣсенъ объ уводѣ въ полонъ. Ея мелодія кажется весьма типичной.

Такой грустный тонъ составлялъ исконную отличительную черту думъ, какъ то доказываютъ названіе ихъ элегіями у Сарницкаго и другія данныя, давно уже приведенныя Линде и Ягичемъ [57]).

Извѣстіе Сарницкаго показываетъ также, что во второй половинѣ XVI в., когда онъ писалъ, думы исполнялись хорами и достигали всенароднаго распространенія [58]). Хоровое испол-

---

[54]) Разборъ этой легенды, вышедшей изъ думы, см. въ сейчасъ цитов. статьѣ Костомарова—Бесѣда 1872, кн. XII. А. Н. Веселовскій иначе объяснилъ эту легенду.

[55]) Кобзарь Остапъ Вересай, 41.

[56]) Болѣе древнимъ варіантомъ этой пѣсни А. А. Котляревскій считалъ текстъ, напечатанный Максимовичемъ въ «Кіевлянинѣ» 1841 г. Котляревскій назвалъ этотъ послѣдній «болѣе замѣчательнымъ», потому что онъ «менѣе искаженъ» (Рец. на «Историч. пѣсни», изд. В. Б. Антоновичемъ и Драгомановымъ).

[57]) *Linde*, Słownik, t. I, 556, и *Jagić*, Gradja, 107. См. также переводъ этого изслѣдованія въ Кіевскомъ «Славянскомъ ежегодникѣ» 1878.

[58]) Ихъ распѣвала, по словамъ Сарницкаго, tibiis inflatis rustica turba passim modulis lamentabilibus.

неніе съ особою жестикуляціею напоминаетъ такое же распѣваніе пѣсенъ о Чурилѣ и вообще былеваго эпоса въ другихъ мѣстностяхъ и свидѣтельствуетъ, что старѣйшія думы, о которыхъ говорятъ польскіе писатели, т. е. Подольскія, были создаваемы не тѣми шпитальными старцами, коимъ усвояетъ позднѣйшія думы П. И. Житецкій.

Нѣжностью чувства малорусскія думы сближались съ болгарскими и сербскими пѣснями, и пѣвецъ-бандуристъ уподоблялся соколу, о которомъ говорится въ старой думѣ о бурѣ на Черномъ морѣ:

На Чорному морі на билому камені
Ясненькій сокілъ жалібно квилить-проквиляе,
Смутно себе має, на Чорнее море спильна поглядае,
Що на Чорному морю не добре ся починає,
Що на небі усі звизды потмарило,
Половину місяця въ хмари вступило.
А изъ низу буйний вітеръ повівае,
А по Чорному морю супротивна хвиля вставае,
Судна козацькі на три часті розбивае [59]).

Въ думахъ уцѣлѣли драгоцѣнные отзвуки того самаго настроенія, которое одушевляло первыхъ пѣвцовъ, современниковъ и непосредственныхъ участниковъ и свидѣтелей событій, воспѣтыхъ въ думахъ, свидѣтелей уводовъ въ полонъ и козацкихъ подвиговъ на морѣ, мужества козаковъ въ борьбѣ съ татарами, турками и съ самой природой [60]).

Словомъ, это лиро-эпическія произведенія, о которыхъ Костомаровъ совершенно вѣрно замѣтилъ: «Самый важнѣйшій признакъ, побуждающій признавать думы пѣснями, есть тотъ, что всѣ онѣ проникнуты чувствомъ, и главною ихъ цѣлью возбуждать

---

[59]) *Антоновичъ и Драгомановъ*, Историческія пѣсни т. I, К. 1874, 185-186

[60]) Объясненіе одной думы на основаніи разсказа изданнаго нами d'Ascoli см. въ 14-мъ примѣчаніи г. Бертье-де-ла-Гарда къ переводу мемуара этого миссіонера—Записки Одесскаго общества исторіи и древностей, т. XXVI, 1903.

чувство. Этотъ признакъ въ думахъ бросается въ глаза даже болѣе, чѣмъ въ пѣсняхъ, гдѣ иногда чувство скрывается подъ свойственными народной поэзіи символическими изображеніями» [61]).

Повтовяю, малороссійскія думы—это пѣсни тихой, но глубокой печали, которою онѣ роднятся съ юго-славянскими.

Конечно, эта печаль—не навѣянный пріемъ вдохновенія: она выливалась непосредственно изъ самой глубины народнаго сердца какъ юго-славянъ, такъ и южно-руссовъ въ вѣка народнаго горя среди страшныхъ бѣдъ ставшаго обычнымъ изъ года въ годъ увода въ неволю и постоянной борьбы для отстаиванія самой личности человѣка.

Но именно въ силу общности страданій и постоянной борьбы за неотъемлемыя, вѣчныя права личности возможно было для южно-руссовъ общеніе съ юго-славянами между прочимъ и на почвѣ одинаковой лиро-эпической поэзіи, выражавшей тѣ страданія, на которое указываетъ „Swiatowa Roskosz“.

Слѣды такого общенія уцѣлѣли, повидимому, въ тѣхъ или иныхъ выраженіяхъ малороссійскихъ думъ, напримѣръ, въ «Бутурлакѣ» думы о Самуилѣ Кошкѣ. Названіе бутурлакъ восходитъ скорѣе къ болгарскому „Турлаку“, чѣмъ къ „Потурнаку“, къ какому возводилъ его В. П. Науменко. Въ болгарскихъ пѣсняхъ доселѣ уцѣлѣли слѣды презрительнаго употребленія этого обозначенія [62]).

Еслибы изложенныя соображенія были приняты наукой, то въ нихъ можно было-бы усматривать новое и немалое подтвержденіе великаго значенія, принадлежащаго общенію родственныхъ племенъ въ исторіи славянства. Въ особенности выработка думъ была событіемъ великой важности въ исторіи южной Руси, потому что она подняла народное самосознаніе на высоту осмысленнаго патріотизма, соединявшагося съ христіанскимъ одушевленіемъ

[61]) Бесѣда 1872, № IV, Историческое значеніе южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества, стр. 15.

[62]) См. статью г. *Сирку*: «Рупаланы или Рупци»—Филологическія Записки 1893, вып. IV.

какъ то видно изъ моральнаго начала, проникающаго нѣкоторыя думы. Буде же изложенныя выше предположенія касательно юго-славянскаго вліянія на созданіе малорусскихъ думъ останутся лишь гипотезой, то авторъ будетъ счастливъ, если послѣдняя приведетъ къ дальнѣйшей, болѣе успѣшной разработкѣ вопроса о возникновеніи тѣхъ произведеній. Задача настоящей замѣтки состояла только въ указаніи чисто историческихъ данныхъ о *возможныхъ* путяхъ юго-славянскаго вліянія и участія въ созданіи украинскихъ думъ, а не въ самомъ выясненіи „сродныхъ и сходныхъ явленій" въ этихъ пѣсняхъ и въ юго-славянскомъ эпосѣ, на которыя уже обращала вниманіе наука и которыя предстоитъ еще изслѣдовать съ бо̀льшею обстоятельностію.

Н. Дашкевичъ.

Польско-русскія параллели.

Широкое международное литературное общеніе-фактъ общеизвѣстный. Достаточно установлена въ немъ и роль Польши, какъ фактора, вобще сильно вліявшаго на литературное развитіе Руси и въ частности служившаго проводникомъ между Западомъ и Русью. Особенно разработана эта роль Польши въ области книжной литературы, сравнительно менѣе—въ области устной словесности.

Въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ, напримѣръ, южно-славянскій эпосъ былъ привлеченъ проф. Халанскимъ при сравнительномъ изученіи нашего эпоса, польская пѣсня не затрагивалась русскими изслѣдователями. До извѣстной степени это находитъ себѣ оправданіе въ томъ, что Польша почти не сохранила пѣсенъ въ родѣ южнославянскихъ юнацкихъ или русскихъ былинъ; но и при всемъ томъ, какъ ужъ показали разысканія проф. Созоновича и др., даже изслѣдователямъ былинъ приходится считаться съ польскимъ матеріаломъ, что, съ своей стороны, позволю иллюстрировать предлагаемыми ниже замѣчаніями.

Далеко не лишни польскіе варіанты при изслѣдованіи русскихъ сказаній о невѣрной женѣ и соблазнителѣ. Относящіяся сюда былины про Чурилу и Катерину разсмотрѣны А. Н. Веселовскимъ [1]); родственныя имъ пѣсни о гостѣ Терентіи вызвали спеціальную статью проф. Сумцова, гдѣ эти пѣсни включены въ цѣпь

---

[1]) Южно-русскія былины III—XI стр. 101—124.

индоевропейскихъ переходныхъ сказаній о невѣрной женѣ [1]). Напомнимъ сначала содержаніе тѣхъ и другихъ. Въ отсутствіе мужа, Катерина зазываетъ къ себѣ Чурилу, забавляется съ нимъ, какъ вдругъ нежданно-негаданно возвращается предупрежденный мужъ; жена встрѣчаетъ его впопыхахъ, растрепанная, „не снарядна", и по нѣкоторымъ пересказамъ объясняетъ это тѣмъ, что ей „не можется и хворается»; слѣдуетъ обыкновенно діалогъ:

Ужъ ты гой еси, N. N.
Ай кака у тебя на спицьки вѣснетъ шуба соболиная?
—Ишше были у меня бабушки, ребятушка.
Што оставили вѣдь шубу соболинную...
—У тя цья-то на спицьки вѣснетъ пухова шляпа?

Отвѣтъ прежній, какъ и на слѣдующій вопросъ о сафьянныхъ сапогахъ. Посмотрѣлъ мужъ подъ кровать, лежитъ женинъ милый другъ [2]). По разнымъ пересказамъ предметы, выдающіе преступныхъ, довольно размообразны: кромѣ отмѣченнаго,—конь, кафтанъ, мундиръ, вообще платье, перчатки, сабля, санки и плетка и под.; любовникъ иногда оказывается на кровати, за печкой, въ ларцѣ. Ср., наконецъ, такой пересказъ: мужъ спрашиваетъ:

У тя гость въ гостяхъ, да быдто братъ родной,
Быдто братъ родной, да быдто мужъ съ женой?
—Ты повыслушай, Пермянъ да сынъ Васильевичъ:
Еще была калика перехожая;
Накормила, напоила, на перинки отдохнулъ (Г. 189).

Дѣло оканчивается иногда смертью только невѣрной женѣ, иногда смертью обоихъ.

Жена гостя Терентьища (по Киршевскому вар. Авдотья; то же имя по Б. Б. № 19 носитъ невѣрная жена предыдущей группы пѣсенъ) расхворалась: «расходился недугъ в голове, разыгрался утинъ в хрепте пустился недугъ къ серцу, а пониже ея пупечка» (Кирша); ср. болѣзнь Катерины:

---

[1]) Этногр. Обозрѣніе, XII.

[2])Б. Б. № 19; см. прежніе пересказы у А. Н. Веселовскаго.

Болитъ у меня буйная голова,
Опустилась поясница ниже пупа и до пояса,
Во тѣ ли во нижнія во черева (Р. III № 27).

Терентьища послала жена докторовъ добывать; встрѣтилъ онъ скомороховъ, и тѣ взялись вылѣчить его жену. Спрятавъ Терентьища въ мѣхъ, скоморохи пришли къ его женѣ, сообщили ей, будто мужа ея нѣтъ уже въ живыхъ. Жена встрѣтила эту вѣсть съ радостью и съ бранью по адресу мнимаго покойника; тогда тотъ вдругъ вылѣзъ изъ мѣха и „сталъ молоду жену лечить", а также и любовника ея, который оказался на ея постели и подъ ударами Терентьища „не путемъ в окошко скочилъ чуть головы не сломилъ на корачкахъ ползаетъ ѣдва от окна отполозъ", оставивъ кафтанъ, камзолъ и денегъ 500 р. (Кирша).

Приводя иноземныя параллели къ этой пѣснѣ про Терентьища, г. Сумцовъ указываетъ лишь соотвѣтствующія сказки, въ томъ числѣ также польскія, и даже между прочимъ упоминаетъ: „въ западно-европейскихъ варіантахъ не замѣчено стихотворнаго склада" (стр. 116). Не касаясь этихъ послѣднихъ, отмѣчу, однако, небезынтересныя польскія пѣсни.

Co się stało we dworze,
nasza pani nie może (chora).
Chciała pani winno pić,
nie miał ij kto utoczyć.

Панъ бросился исполнять желаніе жены; pani sługa doskoczył, или żołnierz łóżko obraca.

I pytał się pan pani,
co za mundur na ścianie?
Był tu żołnierz z Warszawy,
napił winna i kawy;
I niémał czém zapłacić,
musiał mundur zastawić.
I pytał się pan pani,
co za żołnierz za drzwiami?
Jest to żołnierz ubogi,
połamał mu koń nogi.

Trzeba nam się zlitować,
dukata mu darować.

Жолнеръ получилъ дукатъ (или два), съ тѣмъ, чтобы убирался „do kata“; уходя онъ запѣлъ:

Śtery roczki s panią spał,
jeszcze mi pan dukat dał [1]).

Распространеннѣе слѣдующая версія [2]). Панъ выѣхалъ съ хортами на охоту, а пани тотчасъ послала po krawczyka, po Jasia. Молодой пахолокъ, котораго панъ оставилъ домъ стеречь, поѣхалъ за паномъ и сообщилъ ему объ измѣнѣ жены:

Wróć się, ponie, bo mosz w domu goście:
krowczyk z ponią w kómorze.

Панъ не хотѣлъ-было вѣрить, но пахолокъ настаивалъ,

Jeżeli mi jeszcze nie wierzycie,
ręcę, nogi mi tu obetnijcie
i za pos mi wetchnijcie.

Панъ тяжко засмутился, быстро вернулся домой и, пріѣхавъ къ дому, застучалъ въ окошко. Тутъ

Krawczyk od jejmości okienkiem wyskoczył;

пани же

Hanusia się tak ciężko wylękła,
aż na ręby (na nice) spódniczkę oblękła,
wyszła pona przywitać.

Мужъ обличаетъ ее въ измѣнѣ; она всячески пытается вымолить себѣ прощеніе, но тщетно.

---

[1]) Kolberg Lud XII, 4 №№ 458–460.

[2]) Kolberg, Piesni ludu polskiego I № 7, стр. 84—114; Lud. IV № 216; XII 4 № 431; цит. преимущественно по вар. і. № 7.

Już ci Hanuś na marach leżała;
o Hanysiu nieboże
miołaś krowca w komorze.

Во всѣхъ этихъ пѣсняхъ, русскихъ и польскихъ, героиня по типу одна и та же,—невѣрная жена, пользующаяся отсутствіемъ мужа для того, чтобъ принимать любовника. Завязкой дѣйствія въ пѣсняхъ о гостѣ Терентіи является притворная болѣзнь жены, служившая поводомъ услать мужа изъ дому; ту же завязку находимъ и въ польской пѣснѣ. Этою стороною первая изъ отмѣченныхъ двухъ польскихъ версій сближается съ пѣснями о гостѣ Терентіи и родственными имъ сказками, приведенными г. Сумцовымъ. Близка она къ нимъ еще нѣкоторыми подробностями. Заставъ жолнера у жены, мужъ, однако, какъ будто вѣритъ оправданіямъ жены и безнаказанно отпускаетъ застигнутаго любовника, что находитъ себѣ полную аналогію въ параллеляхъ г. Сумцова. Но, выбравшись изъ дому оскорбленнаго мужа, любовникъ потомъ самъ выдаетъ себя и невѣрную жену, распѣвая о своихъ отношеніяхъ къ ней и объ обманутомъ мужѣ, что также извѣстно въ тѣхъ же параллеляхъ, напримѣръ, въ малорусской пѣснѣ Чубинскаго II № 38, гдѣ казакъ поетъ:

Слава тоби, Боже,
Що ся вырвавъ зъ хаты!
Якимъ бувавъ перше,
Такъ буду буваты.
Принадочку мини дала
И ще мини такъ сказала:
Прибувай, миленькій,
Мини молоденькій.

Ср. любовника индійской сказки [1]), разболтавшаго на улицѣ всю исторію и смѣявшагося надъ мужемъ. Въ нашихъ польскихъ пѣсняхъ нѣтъ скомороховъ и имъ под., открывающихъ глаза обманутому мужу; но ихъ нѣтъ и во многихъ изъ параллелей г. Сумцова.

---

[3]) Изъ Камаона, Минаевъ, см. г. Сумцова.

Съ другой стороны, въ послѣднихъ иногда намѣчается подробность, которая уже вполнѣ рельефно выражена въ польскихъ пѣсняхъ, но вовсе отсутствуетъ въ пѣсняхъ про Терентьища, зато не менѣе рельефно, чѣмъ въ польскихъ пѣсняхъ, развита въ бѣлинахъ про Чурилу и Катерину: это именно—уловки, къ которымъ прибѣгаетъ жена, чтобъ оправдать присутствіе въ домѣ посторонняго человѣка. Такъ, въ Хитопадешѣ разсказывается, что у замужней женщины, имѣвшей двухъ любовниковъ, сына и отца его, однажды былъ сынъ, когда вошелъ отецъ. Она спрятала сына въ амбаръ. Когда пришелъ мужъ, она дала отцу палку и сказала, чтобы онъ шелъ въ дверь съ видомъ разсерженнаго человѣка. На вопросъ мужа, съ какой стати въ его домѣ очутился злой человѣкъ, жена отвѣчаетъ, что онъ разыскиваетъ бѣжавшаго сына. Этотъ разсказъ, по указанію проф. Сумцова, повторяется въ Шукасаптати и въ Тутинаме, въ повѣсти о 7 мудрецахъ, въ Gesta Romanorum, въ Disciplina Clericalis Петра Альфонса и въ средневѣковыхъ фабльо, съ участіемъ то нѣсколькихъ любовниковъ, то одного только. Здѣсь-то, вѣроятно, литературный источникъ тѣхъ объясненій, которыми въ польскихъ пѣсняхъ и въ былинахъ невѣрная жена старается объяснить присутствіе чужихъ вещей и чужого человѣка, и если въ былинахъ эти объясненія не достигаютъ цѣли, то въ польскихъ варіантахъ, какъ и у г. Сумцова, они оказываютъ свое дѣйствіе.

Своимъ исходомъ и общей схемой, однако, былины про Чурилу и Катерину подходятъ уже ко второй польской версіи изъ отмѣченныхъ. Обманщица жена казнена мужемъ, любовникъ удалился безнаказанно. Измѣну жены въ польскихъ пѣсняхъ обнаружилъ малый, вѣрный пахолокъ, оставленный стеречь дворъ и пани;

Małe pachole ze snu się porwało,
jak w pokoju łoskot usłyszało,
i za panem bieżało (№ 7, 1).

Въ былинахъ совершенно ту же роль играетъ «дѣвка дворовая, тая ли дѣвка челядинна“, которая, замѣтивъ неладное, съ такой же поспѣшностью, какъ и пахолокъ, бѣжитъ предупредитъ обману-

таго мужа. Нахолокъ, мы видѣли, жизнью ручался въ справедливости своей вѣсти; въ былинахъ доносчицѣ также грозитъ, въ случаѣ лжи, смерть:

„Правду говоришь, дѣвка,—пожалую;
А нѣтъ,—тебѣ дуры срублю голову" (Р. III, 27).

Возвратившійся мужъ польскихъ пѣсенъ стучитъ въ окошко, мужъ былинъ стучится въ ворота; жена и тамъ и здѣсь выбѣгаетъ растерянная, не одѣтая, думая обманутъ мужа притворной радостью при видѣ его:

«Ише шьто же ты, N. N.,
Ты ушолъ-то долго? я сижу соскучилась» (Б. Б. 19)
—Przyjechał-ci pan pod pierwsze progi,
ona go wita: «Witaj mężu z drogi
witaj mężu kochany,
coś taki sturbowany» (№ 7 n).

Но мужъ не обманывается этой притворной нѣжностью и напускной невинностью.

Такимъ образомъ, дачныя польскія пѣсни пополняютъ западныя параллели интересными варіантами „пѣсеннаго склада", представляютъ очень близкія параллели къ русскимъ текстамъ и, взаимно переплетая въ себѣ въ одномъ цѣломъ тѣ отдѣльныя подробности, какія представляются намъ значительно обособленными въ былинахъ про Чурилу съ невѣрной женой и пѣсняхъ про Терентьища, служатъ ближайшимъ связующимъ элементомъ между темами послѣднихъ.

Какъ замужняя женщина невѣрностью оскорбляетъ честь мужа, такъ дѣвушка податливостью нарушаетъ честь своей семьи и оскорбляетъ хранителей этой чести. Отсюда—нѣкоторое сходство между проступками обѣихъ и отношеніемъ къ нимъ, что отчетливо видно въ былинахъ и пѣсняхъ про Алешу Поповича и Сбродовичну [1]). Провинившаяся дѣвушка здѣсь навлекаетъ на себя

[1](См. мои «Русскія былины о сватовствѣ», стр. 78.

не меньшую кару, чѣмъ провинившаяся жена; по нѣкоторымъ пересказамъ, братья не только грозятся убить ее, но и приводятъ свою угрозу въ исполненіе, что напомнило А. Н. Веселовскому польскую пѣсню о томъ, какъ братъ убилъ дѣвушку-сестру, заставъ ее по возвращеніи съ ребенкомъ; преступница опозорила семью и нарушила завѣтъ брата:

„Siostro moja, masz w czem chodzić,
Niedaj że się chłopcom zwodzić.
Do roczeczku do siódmego,
Do przyjazdu do mojego.“ (Kolberg, Pieśni, I № 18, v. n.)

Параллель г. Веселовскаго можно дополнить любопытнымъ указаніемъ на близкій русскій пересказъ Курской губ., совпадающій съ отмѣченной польской пѣсней какъ въ общей схемѣ, такъ и во многихъ подробностяхъ: пошелъ братъ „во служебку“ (польск. вар.: поѣхалъ братъ на войну), сестрѣ наказалъ:

„Не ходи, сестра, на вулицу,
Не грай, сестра, съ Большимъ королемъ:
Большой король—насмѣшникъ злой“.

(Ср. выше наказъ брата въ польск. п.). На третій (польск. вар., на седьмой) годъ вернулся братъ домой, нашелъ „дитя дробнешенька“ и срубилъ сестрѣ голову [1]).

Соблазнитель остался безнаказаннымъ, какъ и Алеша Поповичъ. Извѣстна, однако, и другая развязка,—правда, въ пѣсняхъ уже нѣсколько иного рода.

Начинаются онѣ [2]) по типу распространенныхъ пѣсенъ о подговорѣ и уводѣ дѣвушки. Ремесленники, шевчики и под., канониры, вообще молодые люди и пр. пили пиво (вино, медъ) и подбили дѣвушку отправиться съ ними. Мать проснулась, дочери нѣтъ; она будитъ сыновей и шлетъ ихъ въ погоню, причемъ, по значительному числу пересказовъ, отдаетъ такое приказаніе:

---

1) «Великоруссъ», Щейна, I 1 № 899.

1) Kolberg, Pieśni I № 25.

«Wstańcie, wstańcie, syny moje,
gońcie, gońcie siostrę swoję,
A jk ci ją dogonicie,
ręce, nogi obetnijcie» (25 в).

Братья (ихъ иногда два, какъ и въ русскихъ варіантахъ) находятъ сестру, но ея не наказываютъ, а требуютъ только чтобы она выдала любовника, котораго затѣмъ и убиваютъ. Месть слѣдовательно направлена въ нѣсколько иную сторону; но быть можетъ, въ словахъ матери сохранился намекъ на первоначальный исходъ,

По поводу близости данныхъ пѣсенъ къ пѣснямъ о подговорѣ, соблазнѣ и уводѣ дѣвушки замѣтимъ, что и въ первой изъ разсматриваемыхъ группъ (т. е. № 18) замѣчается подобная же близость: многіе пересказы ея начинаются не отъѣздомъ брата, а развитіемъ мотива соблазненія дѣвушки, поддающейся увѣщаніямъ парня, (pójdżmy dziewcsyno w ten ciemny las, tam ptaszek śpiewa pieśni o nas»,) и теряющей вѣнокъ. Видимо, мотивъ мести сестрѣ или соблазнителю сплетается съ мотивомъ подговора, соблазненія, какъ и въ былинахъ, пѣсняхъ про Алешу Поповича-соблазнителя.

Обычнымъ вступленіемъ во многихъ изъ пѣсенъ второй группы (т. е. № 25) служитъ: „A w Lubawie (w Chochołowie, Lublineczku, Warsczawie) na ryneczku"... и т. д. Не отсюда ли и въ бѣлор. вар. къ былинамъ про Алешу и Сбродовичну начало: «Ай у Тлуцку на рынку"? Ср. дальше тамъ же просьбу дѣвушки, когда братья собираются снять ей голову:

„Ня сымиця у суботу,
А снимиця у нядзѣлю,
Якъ дзѣвоньки зъ утрыни идуць,
Стары бабы зъ обѣдни,
Дзѣвонькамъ на покояння"...

Почти то же и въ польской пѣснѣ первой группы (№ 18, n.):

Nie scinaj mi o północy
bo to ciężko duszy w nocy.
Zetnij mi ją śród biały dnia
Wszystkim pannom na widziadła".

Ср. у Шейна (цит. вар. № 899):

„Не руби мнѣ, братецъ, во горенкѣ,
Отруби мнѣ, братецъ, на вулицы,
Штобы всѣмъ было на дивища,
(Большому королю на позорище)...

Дѣвушка „думала“, добавила пѣвица: „что Большой король заступится, а онъ посмотрѣлъ да прочь пошелъ“. Ср. заступничество Алеши Поповича, когда братья хотѣли казнить сестру.

Заслуживаетъ вниманія еще одна подробность: хранителями семейной чести являются братья; изъ родителей въ отмѣченныхъ польскихъ пѣсняхъ выступаетъ только мать, распоряжающаяся своими сыновьями такъ же властно, какъ Часовая русскихъ былинъ, когла она посылаетъ братьевъ Часовичны противъ оскорбителя Хотѣна, и обѣимъ имъ безпрекословно повинуются дѣти; обѣ же онѣ представляются женщинами властными, рѣшительными, привыкшими распоряжаться и не встрѣчать отпора; характерно для польскихъ пѣсенъ, что эта мать-домоправительница ни разу не называется вдовой, хотя о мужѣ ея нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія. Это даетъ лишнее основаніе для предположенія, что въ лицѣ братьевъ Сбродовичны и Часовой съ сыновьями предъ нами не случайные персонажи, а пережитки той системы семейныхъ отношеній, какая носитъ имя матернитета.

Какъ видимъ, польская пѣсня тѣснѣйшимъ образомъ соприкасается съ русской, и въ интересахъ русскаго фольклора можно только пожелать систематическаго сравнительнаго изученія той и другой.

А. Лобода.

---

[4]) См. подробнѣе въ «Русскихъ былинахъ о сватовствѣ,» стр. 192--3.

Письмо черногорскаго владыки Василія Петровича 1757 г.

Найденное нами между отдѣльными документами Центральнаго Архива (при университетѣ св. Владиміра) письмо черногорскаго владыки Василія Петровича адресовано имъ къ Ивану Ивановичу, фамилія котораго нигдѣ не означена; судя по тону письма, нельзя не видѣть, что оно предназначалось лицу, занимавшему какой-то важный постъ въ государствѣ и близко заинтерисованному въ томъ дѣлѣ, которому посвятилъ себя на служеніе глава Черногорскаго народа; этимъ дѣломъ его была забота о сближеніи съ Россіей, переселеніи въ нее черногорцевъ и службѣ ихъ въ русскихъ войскахъ; о немъ только и говорится въ приводимомъ нами ниже письмѣ; если же при этомъ мы примемъ во вниманіе, что для поселенія черногорцевъ, съ ихъ же выбора и согласія, былъ назначенъ Оренбургскій край, генералъ-губернаторомъ котораго состоялъ въ это же время Иванъ Ивановичъ Неплюевъ, то станетъ несомнѣннымъ, что письмо было послано черногорскимъ владыкой Василіемъ не иному кому, какъ только И. И. Неплюеву. Письмо, по всей вѣроятности, было принесено въ Кіевъ переселявшимися въ Россію черногорцами; датированное въ Тріестѣ въ концѣ іюля 1757 г., оно могло по чему-либо запоздать и явиться въ Кіевѣ лишь въ слѣдующемъ 1758 г., когда И. И. Неплюевъ былъ уже назначенъ сенаторомъ и выѣхалъ изъ Оренбурга, сложивъ съ себя и заботы объ устройствѣ быта переселенцевъ съ Черной Горы; неудивительно, поэтому, если письмо осталось неотправленнымъ изъ Кіева.

Приводимъ ниже текстъ этого письма, съ соблюденіемъ всѣхъ особенностей его правописанія кромѣ пунктуаціи.

Высокопревосходителный гдпъ,

милостиви гдръ мой,

Јванъ Јвановичъ!

Ея јмператорскаго величества, нашея всемилостивѣйшей г(с)дрни, къ єдінодушно вѣрному Всероссійской імперій Черногорскому народу нейсчерпаемое милосердие толико въ сердцахъ нашцхъ вселіло́ся, что всякъ и кажди јзъ нась послѣднюю каплю крови къ услугамъ ея веліцества жертствоватъ съ радостию себе предявляеть, а найпаче когда увидили знаки ея веліцества, на нашемъ смірени јзобилно јзлиянія, такожде й ревностное о насъ ея високаго министерства милистивое попеченіе; между про(т)чими несказанно я одолженъ вашего высокопревосходітелства особливо о(т)мѣнною ко мнѣ милостию, на которую, твердо оперwисе, приемлю дерзновеніе вашему высокопревосходітельству ніже следующее представитъ:

Какъ по вицочайшему государственному указу бытъ съ гдномъ полковнікомъ Степаномъ Јюстиновичемъ ј нашимъ племенікомъ примеръ-маеоромъ Степаномъ Петровичемъ секунтъ-маеору Писчевичу къ здешнімъ граніцамъ Римской јмперіи для приня(ті)а нашіхъ черногорцовъ [которімъ препятствовало турецкое нападеніе ј наглое Венеціанские республіки противленіе, о чемъ, уповаю, не безъ јзвѣстно вашему высокопревосходітелству, которое ј по сіе время немалое препятствие дѣлается, для чево ј другое учинено о(т) меня оной репубдіке представленіе, о(т) косго по ихталіанскому діялекту при сей точную копию сообщаю] [1]) *маеору Писчевичу определено было в' Петроварадіне бытъ ј осматрива(т) черногорцевъ, которимъ чрезъ глубой Турецкой земли о(т) меня приказата проходітъ къ граніцамъ венгерскимъ в' Земуну ј тамъ обявлятъ себе російскому офицеру в' Петроварадіне; ј по разбіти турецкой войски на Чорную Гору, когда реке зам....., а командіри турски ј янічари на квартере были, черногорци... тне чрезъ целую зиму приходіли къ Земуну, а не било, кто приныималъ; ј такъ назадъ о(т)-*

---

[1]) Этой копіи при письмѣ не оказалось.

ходiли, а некотори iз нихъ j пр.... а маеоръ Писчевичъ на государску казну по свойхъ приятъ..... съ женою j дети гулялъ j старалсе о(т) кого взять лаживые.... ти, аки бы его фамилiя пройзшла о(т) сербских деспотъ j го....., а дѣло гусадарственное бросилъ еще бы j радъ былъ что о(т).... цовъ не би нiчево было, за что о(т) гдна полковнiка Ст...пановича съ партию нашихъ черногорцовъ, котори чр.... j Фицюмъ пришли, велено ему следовать в' Киевъ j на пер...... у команду генерала Шевича самому быть здесъ сли.... в' Питербу(р)гу отяхалъ. Можетъ быть, что по своеи приро....дно представитъ, какъ они j у Цесарию навикли канфу..... они неблагодарни что о(т) простихъ безнiкаковие з.....ю милостию щапъ-офицеромъ иожаловатъ да п......рилъ о(т) нашихъ Алексея Јоановича, котори рождени..... жилъ 54-го года, кодъ преосщенаго Савве писаром.....56-м году въ мце сетебрiй пришелъ въ Черную Гору проси....шихъ черногорцовъ его принятъ j отпуститъ с' нiма..... в' Россiю, что по сго прошенiю j зделато. На которомъ з..... мора и на плате j кормлю моихъ особливихъ денегъ jждивен.... червенцовъ, окромя суми государственной j какъ онъ ма.... можетъ осмелится таковую конфузiю у государство .....восудiе владеетъ. Но таковие они природи; за то прош .... стиви гсдръ мой не позволитъ jмъ того чинiтъ и того.... вича jз наши(х) людей нi у каковую команду другу не о(т)п.....го другаго что приходящи не бы в сумненiе каково..... j что бысте jзволiли где надлежитъ, о всемъ представитъ А слава Богу, какъ jз Варадiна маеоръ Писчевичъ пошолъ, а на его мѣсто другой определенъ, дѣло благополучно ходiтъ, j наши черногорци партиями приходятъ также j здесъ в' Трестъ помало чрезъ Рагузу i Делмацию, о чемъ вашему высокопревосходiтелству чрезъ посилаемихъ jзвѣстно. Ј тако, завещавая себѣ всегдашной благосклонности, пребiваемъ.

Вашего высокопревосходiтелства, милостиваго гсдря моего, усердни слуга j богомолецъ, смирени митрополiтъ черногорски и прiморски Зете j Скендерiе j фрона Сербскаго ексархъ Василiй Петровичъ.

Iз Трести, iюлiя 27-го дня, 1757-го года.

(Post scriptum на отдѣльномъ листкѣ:

Вашему высокопревосходiтелству доношу за Лазара Вукава Кнежевича: до нашего тамъ приезда, еже уповаю скоро будетъ,

пройзводітъ ему жаловане вахмистра; Игняцию Кончаревичу—капларско, Марку Чолановичу—вицекапларско, для них заслуги; Михайло Георгиевъ--кадето.

.....стъ, іюля 27, 1757, м. В. П. [2]).

Сближеніе Неплюева съ правителями Черногоріи могло начаться тотчасъ же по назначеніи его резидентомъ въ Константинополь въ 1721 году, т. е., вскорѣ послѣ того, когда черногорцы пріобрѣли симпатіи у великаго преобразователя Россіи, отозвались на его призывъ въ 1711 г. и стали его союзниками во время Прутскаго похода противъ Турціи, вскорѣ послѣ того какъ владыка и правитель Черногоріи Даніилъ Щенчевичъ Нѣгошъ лично пріѣзжалъ въ С.-Петербургъ (въ 1715 году), былъ щедро одаренъ царемъ, а его народу дана милостивая царская грамота, разрѣшено переселеніе черногорцевъ на свободныя земли въ Россіи и дозволенъ пріѣздъ за милостыней для православныхъ монастырей и церквей на Черной Горѣ, постоянно разоряемыхъ турками [3]). Кромѣ черногорцевъ, въ это же время, стали приходить переселенцы и изъ другихъ славянскихъ земель, напримѣръ, Далмаціи, Сербіи, образуя въ русской арміи особые полки, хотя число такихъ переселенцевъ было еще очень невелико [4]). Какъ русскій резидентъ въ Константинополѣ, Неплюевъ, само собою разумѣется, долженъ былъ принимать участіе въ дипломатической перепискѣ по поводу такихъ переселеній турецкихъ подданныхъ. Но въ 1742 г. Неплюевъ былъ назначенъ въ Оренбургъ генералъ-губернаторомъ (до этого года онъ на такой же должности находился въ Кіевѣ), гдѣ и занялся колонизаціей своего пустыннаго края. Узнавъ хорошо и отличивъ изъ среды другихъ славянъ черногорцевъ еще въ ту пору, когда онъ былъ въ Турціи, Неплюевъ и старался привлечь ихъ на поселеніе въ Оренбургскій край, имѣя, конечно, въ виду ихъ мужество и необходимость вести непрерывную борьбу съ сосѣдними за-ураль-

---

[2]) Письмо въ правой своей половинѣ сильно подгнило, и пострадавшія части отвалились; поэтому недостающія слова замѣнены точками.

[3]) С. М. Соловьевъ: «Исторія Россіи», Спб., кн. IV, стр. 61—63, 99—101 295—296.

[4]) Нилъ Поповъ: «Военныя поселенія сербовъ въ Австріи и Россіи». См. Вѣстникъ Европы 1870, № 6, стр. 604.

скими кочевниками. Но и безъ этого старанія привлечь южныхъ славянъ къ переселенію въ Россію, постоянной причиной, побуждавшей ихъ двигаться сюда, были тяжкія притѣсненія и разоренія со стороны турокъ; особенно тяжело было положеніе черногорцевъ, этой горсти славянъ, мужественно отражавшей всѣ попытки турецкаго правительства, стремившагося подчинить своему игу этотъ храбрый народъ и дѣлавшаго частыя нападенія на его территорію. Поэтому, въ 1745 году, снова возникаетъ дипломатическая переписка о переходѣ въ Россію южныхъ славянъ, а въ томъ числѣ и черногорцевъ; переходъ могъ бы принять широкіе размѣры, но препятствіемъ къ нему служилъ, по донесеніямъ бывшаго Константинопольскаго резидента Вешнякова, формализмъ русскихъ пограничныхъ властей, требовавшихъ непремѣнно отъ приходящихъ славянъ нредъявленія цаспортовъ. При томъ же отношеніе русскаго правительства къ вопросу о переселеніи въ это время славянъ въ Россію было сдержанно, нерѣшительно, и посланнику Вешнякову приходилось въ своихъ донесеніяхъ убѣждать Коллегію иностранныхъ дѣлъ, а въ письмахъ доказывать государственному канцлеру выгодность и полезность для Россіи допущепія свободнаго переселенія; вмѣстѣ съ тѣмъ, Вешняковъ указывалъ и на благопріятное настроеніе славянъ, жившихъ подъ властью Турціи. Они, писалъ онъ въ своихъ донесеніяхъ, горячо привязаны къ Россіи, смотрятъ на нее, какъ на свою избавительницу и заступницу, готовы жертвовать своей жизпью и помогать Россіи въ ея войнѣ съ Турціей и умираютъ съ именемъ Россіи на устахъ. Такая привязанность славянъ къ Россіи обходилась имъ очень дорого: турки усиливали гнетъ и рязоряли ихъ всякими поборами; доказательствомъ этому можетъ послужить письмо черногорскаго владыки Саввы Петровича въ 1752 году къ русскому послу въ Турціи Обрѣзкову, занявшему мѣсто Вешнякова, съ просьбой оказать защиту его Цетиньскому монастырю; но посолъ въ своемъ отвѣтѣ владыкѣ ничего другого не могъ ему посовѣтовать, кромѣ терпѣнія, такъ какъ русское правительство своимъ заступничествомъ за славянъ боялось вызвать неудовольствіе сильной еще въ то время Турціи [5]). Если послѣ указанныхъ выше настояній и совѣтовъ Веш-

[5]) С. М. Соловьевъ; «Исторія Россіи», кн. V, стр. 380—381 и 734—735.

някова вопросъ о переселеніи въ Россію славянъ и подвинулся впередъ, то благодаря лишь тремъ, не зависѣвшимъ отъ русскаго посла въ Турціи причинамъ. Первой такой побудительной причиной былъ примѣръ Австріи, принявшей на свою территорію, по сообщенію владыки Василія въ своей «Исторіи», болѣе 80000 сербскихъ переселенцевъ, оказавшихъ потомъ поддержку правительству въ его борьбѣ съ Турціей и Венгріей. Другой причиной явилось ухудшеніе положенія славянъ въ Турціи и особенно въ Австріи; въ этой последней Венгрія изъ мести за поддержку австрійскаго правительства, стала сильно тѣснить сербовъ, и они обратились съ ходатайствомъ къ русскому правительству о разрѣшеніи имъ поселиться на свободныхъ земляхъ; только теперь, убѣжденное примѣромъ Австріи, русское правительство милостиво отнеслось къ переселенцамъ и отвело имъ земли по теченію рѣкъ Синюхи, Выси и Тясмина съ крѣностью св. Елисаветы (теперь г. Елисаветградъ), получившія названіе Новой Сербіи, и земли между рѣками Донцомъ и Луганью, названныя Славяно-Сербіей. Третьей, наконецъ, причиной мы считаемъ энергію лицъ, ставшихъ во главѣ эмиграціоннаго движенія въ Турціи и Австріи, каковы, напримѣръ, Хорватъ, Шевичъ, Депрерадовичъ, Пищевичъ, владыка Василій Петровичъ и другіе. Изъ нихъ въ настоящемъ случаѣ, т. е. для болѣе яснаго пониманія вышеприведеннаго письма, для насъ важна лишь личность и дѣятельность Василія Петровича, этого горячаго патріота-черногорца и приверженца Россіи; она остается до сихъ поръ мало выдвинутой въ исторіи русской колонизаціи, и на ней мы, главнымъ образомъ, сосредоточимъ далѣе свое вниманіе, такъ какъ общіе вопросы и подробности славянской колонизаціи не входятъ въ нашу задачу, и мы касаемся ихъ лишь на столько, на сколько это необходимо для нашей темы.

Послѣ того какъ черногорскій владыка Савва Петровичъ, о которомъ мы упомянули раньше, окончательно отказался отъ свѣтской власти и ушелъ въ монастырь, онъ всѣ свои прерогативы и гражданское управленіе страной передалъ родственнику Василію Петровичу, который поэтому въ 1750 г., и былъ посвященъ сербскимъ патріархомъ Аѳанасіемъ въ санъ митрополита черногорскаго и приморскаго, Зеты и Скендеріи и экзарха сербскаго трона. Полный энергіи, новый черногорскій владыка близко принимаетъ къ

къ сердцу страданія своего народа и все стараніе употребляетъ на то, чтобы пріобрѣсти для Черногоріи союзника и защитника въ ея борьбѣ съ Турціей; онъ обращаетъ поэтому свои взоры къ Россіи и старается оказать ей такую заслугу, которая давала бы ему надежду на помощь въ трудную минуту борьбы за свободу своего народа. Не задолго до этого началось переселенческое движеніе сербовъ изъ Австріи подъ предводительствомъ Хорвата, Шевича и друг.; примѣромъ ихъ и воспользовался владыка Василій Петровичъ, предложивъ русскому правительству переселить нѣсколько тысячъ черногорцевъ, изъ которыхъ могли быть сформированы особые полки. Съ этой цѣлью онъ, вскорѣ послѣ своего посвященія, именно, въ 1752 г., пріѣзжаетъ въ Россію и ведетъ здѣсь энергично дѣло о переселеніи черногорцевъ; [6]) необходимо было только обезпечить для нихъ свободный проходъ чрезъ австрійскія владѣнія; русскому послу въ Вѣнѣ графу Кейзерлингу поручено было испросить у австрійскаго правительства разрѣшеніе на проходъ черногорцевъ; соглашаясь дать такое разрѣшеніе, правительство Австріи указывало тѣмъ не менѣе на опасность, которая грозила обоимъ государствамъ со стороны Турціи, такъ какъ будто-бы Черногорія уступлена ей по договору съ Венеціанской республикой; въ рескриптѣ гр. Кейзерлингу, между прочимъ, сообщалось изъ Петербурга, что такой договоръ не имѣетъ значенія, такъ какъ свободный народъ не можетъ быть уступленъ безъ его согласія; рѣшительно также сообщалось гр. Кейзерлингу, что въ Трі-

---

[6]) Въ докладахъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ отъ 17 сентября 1753 г., напечатанныхъ въ «Архивѣ князя Воронцова» (Спб. 1875 г. кн. VII, стр. 323 и 329), мы находимъ, между прочимъ, сообщеніе, что черногорскій владыка предлагалъ прямо о признаніи черногорцевъ подвластными Россіи. По мнѣнію Коллегіи, съ этимъ признаніемъ надо было обождать до формальнаго прошенія отъ черногорцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, владыка хлопоталъ и о заведеніи въ Черногоріи славянскихъ школъ, къ чему и Коллегія и императрица Елисавета Петровна отнеслись вполнѣ сочувственно. Будучи образованнымъ человѣкомъ своего времени, владыка Василій первый сталъ заботиться о распространеніи среди своего народа образованія и съ этой цѣлью привезъ въ Петербургъ и помѣстилъ въ кадетскій корпусъ 12 молодыхъ юношей изъ знатныхъ черногорскихъ семей; о поддержкѣ этихъ кадетовъ говорится и въ приведенномъ нами выше письмѣ владыки.

естъ будетъ отправлено довѣренное лицо для пріема выходцевъ. Все время, пока шли эти дипломатическіе переговоры, владыка Василій Петровичъ былъ удерживаемъ въ Россіи; здѣсь онъ пріобрѣтаетъ расположеніе вице-канцлера графа М. И. Воронцова, для котораго и пишетъ «Исторію о Чорной Горы», поднесенную ему при письмѣ отъ 10 марта 1754 г.; въ письмѣ владыка выражаетъ желаніе, чтобы исторія была напечатана [7]), дабы «съ народомъ Черногорскимъ и другіе славяносербскіе народы усерднѣйшее желаніе имѣли къ высо̀кославной Россійской имперіи". Съ гр. Воронцовымъ владыка Василій Петровичъ не прекращалъ сношеній и по возвращеніи на родину; такъ, въ 1755 г., онъ описываетъ ему войну съ Турціей, говоритъ о побѣдахъ храбрыхъ черногорцевъ и проситъ о заступничествѣ Россіи; но русское правительство не рѣшалось въ ту пору выступать на открытую борьбу съ Турціей. Черногорскій владыка получилъ разрѣшеніе возвратиться къ своему народу лишь тогда, когда имъ было окончательно организовано дѣло переселенія, т. е., когда были назначены лица въ Черногорскую коммисію по пріему выходцевъ. Такими лицами черногорскій владыка пригласилъ своего племянника секундъ-маіора Степана Петровича, состоявшаго въ командѣ только что перешедшаго на русскую службу изъ Австріи генерала Шевича, и другого секундъ-маіора Семена Пищевича, прибывшаго въ Россію также съ намѣреніемъ выгодно здѣсь устроиться. Въ своихъ запискахъ, [8]) „Извѣстіи о похожденіяхъ", Пищевичъ подробно разсказываетъ, какъ шли переговоры между нимъ и владыкой относительно участія его въ переселенческой коммисіи. Отъ начала до конца разсказъ его проникнутъ враждебнымъ чувствомъ къ владыкѣ Василію Петровичу; это видно съ первыхъ же словъ разсказа: „таперъ зачи-

---

[7]) Извѣстія о напечатаніи этой «Исторіи» разнорѣчивы: по Сопикову, она появилась въ свѣтъ въ С. Петербургѣ, а по Смирдину—въ Москвѣ; на заглавномъ же листѣ мѣсто напечатанія не означено. «Исторія» вторично издана О. М. Бодянскимъ въ «Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей Россійскихъ» въ 1860 г., книга 2-я.

[8]) «Чтенія въ Импер. Обществѣ ист. и древн. Рос., кн. 4-я за 1881 г.: «Извѣстіе о похожденіи Симеона Степанова, сина Пишчевича, генерала-маіора и кавалера ордена св. Георгія» etc. подъ редакціей Н. А. Попова.

най, мой читателю, обо мнѣ сожалѣть". Далѣе онъ продолжаетъ въ томъ же тонѣ: „въ то время какъ я въ Москву пріѣхалъ первый разъ и опредѣленъ на службу, о чемъ выше значитъ, тогда засталъ я въ Москвѣ пріѣхавшаго изъ Черной Горы владыку Василія Петровича; оны оттелъ пріѣзжаютъ въ нѣсколько лѣтъ за милостыней, какъ обыкновенно безстидние калугеры вездѣ шатаются и изискиваютъ способы какъ бы набогатиться; то и сей владыка, послѣдуя тому, подалъ отъ себя въ Сенатъ прожектъ, объявивъ, что онъ можетъ учинить пользу Россіи и вывесть изъ Чорной Горы народа до нѣсколько тысящъ на службу, прописавъ о себѣ, что есть въ Чорной Горы самовласный повелитель и ни отъ кого независимъ, и что весь тамошнїй народъ повынуется его повеленыю, и что онъ, какъ скоро, пріѣхавши туда, о семъ выходѣ публикуетъ, то весь народъ, по его повеленыю, готовъ будетъ подняться и въ Россію выходитъ, а только бы опредѣлено было на путевое содержаные казну и офицеровъ для препровожденыя и принятыя ихъ на цесарскихъ границахъ, гдѣ способно будетъ". Причина недоброжелательства со стороны Пищевича къ митрополиту Василію Петровичу станетъ вполнѣ понятна, если мы примемъ во вниманіе, что Пищевичъ, пріѣхавъ въ Москву, имѣлъ въ виду заявить о себѣ, какъ о самостоятельномъ руководителѣ славянскимъ колонизаціоннымъ движеніемъ въ Россію, подобно Хорвату и Шевичу; просьба же митрополита принять на себя трудъ пріема въ Тріестѣ переселяющихся черногорцевъ окончательно разстраивала его планы; но Пищевичу также было неудобно не исполнить порученія владыки, потому что затѣянное послѣднимъ дѣло находило себѣ поддержку и сочувствіе всюду: и у государыни, и въ Сенатѣ, и у вице-канцлера графа М. И. Воронцова, и исполнители дѣла тѣмъ самымъ выдвигались изъ общаго уровня служащихъ; при томъ же и владыка, въ свою очередь, ссылаясь на связи съ вліятельными людьми, обѣщалъ Пищевичу награды и всякія блага; послѣднїй заявляетъ въ своихъ запискахъ, что онъ принялъ на себя порученіе владыки противъ своего желанія, не рѣшаясь, конечно, своимъ отказомъ огорчить владыку и тѣмъ вызвать съ его стороны противодѣйствіе своимъ цѣлямъ. Сенатъ назначилъ Пищевича въ Петроварадинъ; но, какъ онъ исполнялъ это порученіе, показываетъ найденное нами письмо къ И. И. Не-

плюеву черногорскаго владыки, по словамъ котораго Цищевичъ только то и дѣлалъ въ Петроварадинѣ, что посѣщалъ своихъ пріятелей да заботился о собираніи ложныхъ доказательствъ своего происхожденія будтобы отъ сербскихъ „деспотовъ"; приходившихъ же переселенцевъ некому было принимать; только съ удаленіемъ Пищевича и назначеніемъ на его мѣсто полковника Пучкова дѣло переселенія пошло успѣшно и непрерывно. Пищевичъ былъ отозванъ изъ Петроварадина указомъ Сената въ началѣ 1757 г. а въ октябрѣ, какъ отмѣчено въ его «Извѣстіи о похожденіи», онъ выѣхалъ уже изъ Петербурга въ Кіевъ, направляясь отсюда въ Австрію за покупкой для императорской конюшни лошадей. Въ г. Бердичевѣ Пищевичъ встрѣтился съ черногорскимъ владыкой, который вторично ѣхалъ въ Россію въ сопровожденіи многихъ переселявшихся сюда черногорцевъ; въ бесѣдѣ съ Пищевичемъ владыка сообщилъ будто-бы ему, что коммиссія по пріему выходящихъ въ Россію черногорцевъ закрыта вслѣдствіе нерадѣнія полковника Пучкова; при этомъ Пищевичъ въ своихъ замѣткахъ прибавляетъ, что онъ всегда предвидѣлъ неисполнимость задачъ этой коммиссіи, не объясняя, однако, причинъ неисполнимости [9]). Но сообщеніе Пищевича не подтверждается оффиціальными данными. На самомъ дѣлѣ коммиссія была закрыта вслѣдствіе начинавшейся войны съ Турціей; 18 мая 1758 г. данъ былъ высочайшій рескриптъ Иностранной Коллегіи, въ которомъ предписывалось: 1) объявить благоволеніе владыкѣ Василію Петровичу и всему Черногорскому народу за ихъ усердіе и расположеніе къ Россіи и сообщить первому, что формальная постановка дѣла переселенія отлагается „до будущихъ лучшихъ временъ"; 2) послать въ Черногорію милостивую грамоту народу и 3) выдать владыкѣ Василію и пріѣхавшимъ съ нимъ знатнымъ черногорцамъ медали и деньги на возвратъ въ Черногорію (1000 руб. владыкѣ и 2000—его спутникамъ).

Въ этотъ свой второй пріѣздъ въ Россію владыка Василій указывалъ на необходимость административной и судебной реформы въ Черногоріи, необходимость, засвидѣтельствованную, какъ

---

[9]) «Чтенія въ Об-вѣ ист. и древн. Рос.» за 1881 г., кн. 4-я, и за 1882 г. кн. 2-я, подъ 1754—1767 гг.

русскимъ посломъ въ Константинополѣ Обрѣзковымъ, такъ и полковникомъ Пучковымъ, спеціально командированнымъ въ Черногорію для ознакомленія съ внутреннымъ состояніемъ княжества. Владыка Василій находилъ, что реформа потребуетъ ежегоднаго расхода въ 15000 рублей, и ходатайствовалъ о выдачѣ ему этой суммы; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ о назначеніи въ Цетинье постояннаго дипломатическаго агента. Первое ходатайство владыки о субсидіи въ 15000 признано заслуживающимъ удовлетворенія, а второе не только было найдено неудобнымъ, такъ какъ могло вызвать подозрѣнія со стороны Турціи, чего Россія очень опасалась тогда, но даже сдѣлано было распоряженіе объ отозваніи по той же причинѣ Пучкова изъ Тріеста.

Къ политическому препятствію для колонизаціоннаго черногорскаго движенія присоединились и другія, именно, 1) недовольство самихъ черногорцевъ условіями новой для нихъ жизни въ Россіи и 2) проявившееся въ концѣ 1750-хъ годовъ несочувствіе русскаго правительства къ черногорцамъ, вообще, и къ личности ихъ владыки Василія, въ частности, какъ результатъ, быть можетъ, взаимныхъ чрезмѣрныхъ требованій другъ къ другу.

Чѣмъ были недовольны въ Россіи черногорцы рѣшить опредѣленно трудно; можно думать, что 1) Оренбургскій край былъ выбранъ ими для поселенія благодаря лишь внимательному и сочувственному отношенію къ черногорцамъ начальника этого края И. И. Неплюева, съ отъѣздомъ котораго измѣнилось и отношеніе къ переселенцамъ; они рѣшили переселиться въ Юго-Западный край, гдѣ въ это время возникли новосербскія поселенія; 2) недовольны были черногорцы и содержаніемъ, находя его скуднымъ, а также, по мнѣнію Соловьева, и аммуничными вещами, потому что, явившись въ Москву, они посбрасывали съ себя эти вещи и кричали: «Больше служить въ Россіи не хотимъ, пойдемъ въ свою землю!» 3) по мнѣнію же Бодянскаго, черногорцы были недовольны назначеніемъ начальникомъ надъ ними какого-то хорвата (цинцара, т. е. греко-румына) и просили дать имъ другого начальника; когда же имъ было отказано, они всѣ ушли въ Черную Гору. Недовольство свое черногорцы выразили въ Самарѣ и Москвѣ буйствами и разбоями и отказались присягать на вѣрность Россіи безъ воли своего владыки Василія. Въ виду этого Сенатъ

поручилъ владыкѣ успокоить черногорцевъ по обычаямъ ихъ страны [10]). Само собою разумѣется, что вслѣдствіе всякаго рода недоразумѣній, возникавшихъ между черногорцами и русскими властями, переселеніе ихъ не могло принять широкихъ размѣровъ, и если оно не прекращалось совершенно, то благодаря лишь хлопотамъ и вліянію на своихъ подданныхъ владыки Василія.

Несочувствіе къ черногорцамъ мы встрѣчаемъ прежде всего въ донесеніяхъ полковника Пучкова, которому въ 1759 году поручено было отвезти въ Черную Гору обѣщанныя 15000 рублей и ознакомиться съ существующими тамъ порядками; въ своемъ донесеніи Иностранной Коллегіи объ исполненіи даннаго ему порученія Пучковъ рисуетъ положеніе Черногоріи мрачными красками: отсутствіе власти, недостатокъ дисциплины въ войскѣ, бѣдность его вооруженія, произволъ высшихъ классовъ, порабощеніе низшихъ, отсутствіе судовъ и законовъ, полное самоуправство всюду, невѣжество и слабое знаніе основъ православнаго вѣроученія; въ заключеніе Пучковъ приходитъ къ предположенію, что учредить порядокъ среди народа и поднять его умственно, нравственно и матеріально могутъ только ихъ повелители, митрополиты Савва и Василій Петровичи, но послѣдняго онъ считаетъ мало пригоднымъ къ этому дѣлу, характеризуя его какъ человѣка „неспокойнаго, невмѣстно честолюбиваго, сребролюбиваго и возмутительнаго клеветника », который возводитъ на Венеціанскую республику ложное будто бы обвиненіе въ преслѣдованіи православія и распространеніи католицизма. Такую же характеристику даетъ владыкѣ Василію и русскій посолъ въ Константинополѣ Обрѣковъ, собиравшій о немъ

[10]) Когда происходили безпорядки въ Москвѣ, туда прибылъ въ это время и Пищевичъ и еще разъ встрѣтился съ черногорскимъ владыкой. Пищевичъ расказываетъ въ своихъ запискахъ, что владыка просилъ его принять начальство надъ черногорскимъ полкомъ; но онъ будто бы не согласился; тогда его назначили командиромъ противъ его воли; между тѣмъ, говоритъ далѣе Пищевичъ, взять подъ свою команду черногорцевъ очень желалъ генералъ Хорватъ, колонизаторъ Новой Сербіи; хлопоты его увѣнчались успѣхомъ, и черногорцы переселились въ Новую Сербію изъ Оренбургской губерніи; вмѣстѣ съ тѣмъ Хорватъ перезвалъ къ себѣ и Пищевича, женившагося потомъ на его племянницѣ. Этотъ фактъ несомнѣнно послужилъ основаніемъ для сообщенія Бодянскаго о причинѣ недовольства черногорцевъ Россіей.

свѣдѣнія у разныхъ лицъ; по его мнѣнію, преосвященный Василій «по бѣглому его разуму и неспокойному его духу, Черногорскій народъ всемѣрно чрезъ непродолжительное время въ совершенное разореніе приведетъ», а потому совѣтъ ему въ письмѣ государственнаго канцлера—«имѣть мирожитіе со своимы сосѣдями"— вполнѣ находитъ умѣстнымъ и подтверждать его „не безнужно есть".

Эти неблагопріятныя донесенія сдѣлали свое дѣло: въ 1762 г., когда пріѣхали въ Петербургъ Николай и Иванъ Петровичи и подали въ Иностранной Коллегіи грамоты своихъ владыкъ Саввы и Василія, просившихъ разрѣшенія пріѣхать Василію въ Россію и молившихъ объ освобожденіи Черной Горы отъ турецкаго ига, то Коллегія въ пріѣздѣ Василію отказала, находя необходимымъ его присутствіе дома, а по отношенію къ Турціи совѣтовала поддерживать миръ и согласіе; вообще же Коллегія высказалась, что, пока въ Черногоріи не будетъ установленъ порядокъ, а установить его трудно, отъ этого народа никакой пользы для Россіи ожидать нельзя, кромѣ хлопотъ и охлажденія съ Турецкимъ дворомъ и Венеціанской республикой. По-видимому, императрица Екатерина не была согласна съ вышеприведеннымъ мнѣніемъ, потому что, говоритъ Соловьевъ, прямо выражалась, что «Иностранная Коллегія съ черногорцами въ ссорѣ».

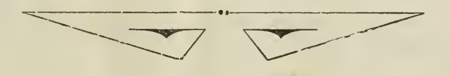
Не смотря на это охлажденіе, владыка Василій Петровичъ въ третій разъ пріѣхалъ въ Россію въ 1765 г. подъ предлогомъ поздравленія Екатерины съ восшествіемъ на престолъ и просилъ снадбить его ризницею и денежнымъ пособіемъ; просьба его была удовлетворена Екатериной; но 10 марта 1766 г. владыка Василій внезапно умеръ въ Петербургѣ, какъ говорятъ,—отъ яда, поднесеннаго ему тайнымъ агентомъ Венеціанской республики, которая всюду преслѣдовала своего энергичнаго противника. Владыка Василій погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ. Въ сентябрѣ этого же 1766 г. сопровождавшіе покойнаго черногорскаго владыку іеромонахъ Іосифъ Вукачевичъ и іеродіаконъ Петръ Петровичъ возвращались чрезъ Кіевъ въ свою землю; они везли съ собой пожалованныя владыкѣ облаченія и митру и всемилостивѣйшую грамоту императрицы Черногорскому народу [11]). Ясно, что въ

[11]) «Историч. матеріалы изъ Архива Кіев. Губерн. Правленія», изд. А. Андріевскимъ, Кіевъ 1888 г., книга 9.

этомъ случаѣ импер. Екатерина расходилась съ Иностранной Коллегіею и въ оцѣнкѣ личности владыки Василія Петровича и во взглядѣ на характеръ храбрыхъ защитниковъ своей родины, расходилась, не смотря ни на донесенія Пучкова и Обрѣзкова, ни на безпорядки, которые произвели черногорскіе переселенцы, не пожелавшіе оставаться въ Оренбургской губерніи. Императрица Екатерина, лично узнавъ черногорскаго владыку Василія, поняла конечно, что его энергія и настойчивость въ достиженіи одной изъ главныхъ цѣлей всей своей дѣятельности—сближенія съ Россіей и, благодаря этому сближенію, пріобрѣтенія независимости для своего народа отъ турецкаго ига,--надоѣла, въ концѣ концовъ, представителямъ русской власти и въ Петербургѣ и въ Константинополѣ и создала ему враговъ, ставшихъ отзываться о немъ неблагопріятно. И безпристрастный историкъ также не можетъ, мы думаемъ, не остановиться съ почтеніемъ предъ этимъ энергичнымъ политическимъ дѣятелемъ, передъ его горячей любовью къ своей родинѣ и искренней привязанностью къ Россіи, не смотря даже на охлажденіе къ нему въ послѣдніе годы русскихъ правителей; не можетъ не помянуть добрымъ словомъ его стремленія къ объединенію славянъ въ союзѣ съ Россіей, стремленія, побудившаго владыку и къ написанію „Исторіи о Чорной Горы", «чтобы», какъ поясняетъ Василій Петровичъ въ своемъ письмѣ къ графу М. И. Воронцову, разъ уже цитированному нами выше, „съ народомъ Черногорскимъ и другіе славяносербскіе народы усерднѣйшее желаніе имѣли къ высокославной Россійской имперіи».

Сказаннымъ выше мы имѣли въ виду лишь пояснить печатаемое письмо черногорскаго митрополита, такъ какъ полная біографія послѣдняго, а равно и обстоятельная исторія переселенческаго черногорскаго движенія въ Россію, требуютъ собранія всего о нихъ архивнаго матеріала, что мы имѣемъ въ виду предпринять лишь въ будущемъ.

И. Каманинъ.

Къ окончанію родительнаго п. ед. ч. именъ существительныхъ женскаго рода основы на-ā.

Происхожденіе окончанія родительнаго пад. ед. ч. женскаго рода именъ на -а, какъ извѣстно, представляетъ одинъ изъ нерѣшенныхъ еще вопросовъ славянской сравнительной грамматики. Свидѣтельство почти всѣхъ индоевропейскихъ языковъ указываетъ, что въ литовско-славянскомъ языкѣ это окончаніе звучало какъ -ās и, дѣйствительно, рефлексы этого окончанія въ литовскомъ, прусскомъ и латышскомъ языкахъ вполнѣ подтверждаютъ это предположеніе. Напротивъ, славянскія окончанія G[1] -у (въ твердомъ склоненіи) и -ę, -ě (въ мягкомъ), которыя фонетически нельзя вывести изъ -ās, находятся съ нимъ, повидимому, въ противорѣчіи.

Такъ какъ другіе индоевропейскіе языки не заключаютъ въ себѣ ничего подобнаго упомянутымъ славянскимъ флексіямъ [1]), то изслѣдователи справедливо считаютъ противорѣчіе мнимымъ, объясняя наши окончанія какъ новообразованія праславянскаго языка. Факторъ, который, по мнѣнію этихъ ученыхъ, могъ сыграть въ образованіи флексіи *рѣшающую* роль, есть аналогія и именно или Ac^3_f или L^1_f именъ существительныхъ.

---

[1]) Древнелит. формы G^1_f на—ąs (Bezzenberger, Beitr. 129) въ настоящее время обыкновенно разсматриваются какъ описки. Wiedemann, Handquch der lit. Spr., 49.

Первую гипотезу высказалъ еще Шлейхеръ въ Comp.[3] 543, впрочемъ, какъ простое только предположеніе. Подробнѣе ее формулировалъ Шереръ въ Geschichte der deutschen Sprache 291,474: окончаніе G^1_f, по отпаденіи конечной согласной, совпало съ окончаніемъ N^3_f. А такъ какъ послѣдняя форма еще въ праславянскую эпоху была замѣнена соотвѣтствующей формой Ac^3_f, то она же стала отправлять функціи и G^1_f.

Хотя относительно этой гипотезы еще въ 1876 г. Лескинъ выразился: „Unwahrscheinlich ist aber das im höchsten Grade: Analogiebildungen halten sich überall, auch im Slavischen, immer im Kreise der Bedeutungsverwandtschaft die hier vollständig fehlt" (Declination, 43), однако эта гипотеза была повторена проф. В. А. Богородицкимъ въ его книжкѣ «Склоненіе въ аріо-европейскихъ языкахъ» (Каз. 1902), стр. 27, гдѣ, между прочимъ, указывается (какъ на толчокъ къ образованію нашей флексіи) на сходство въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ окончанія G^1 съ N^3 (наприм. дьне, кости, окна) «Привычка къ одинаковости окончанія въ этихъ падежахъ распространилась и на первое склоненіе такимъ образомъ, что каково было окончаніе въ N^3, таково же стало и въ G^1, т. е. -ы, (-ѧ)» (т. ж. 27). Ср. также Mikkola BB. XXII, 249. Намъ думается однако, что какъ ни сильна была эта привычка, она едвали могла преодолѣть такое могущественное препятствіе для образованія флексіи, какъ абсолютное различіе значеній G^1 и N^3. Поэтому, и общее положеніе проф. В. А. Богородицкаго, что „для пропорціональной аналогіи и нетребуется смысловой близости", нуждается въ болѣе вѣскихъ доказательствахъ. „Крайне сомнительно, говоритъ проф. И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ (Лингвистическія замѣтки и афоризмы ЖМНП. 1903, № 5, стр. 5 отд. отт.), и мнѣніе автора, что въ такихъ выраженіяхъ, какъ «барашка убить, не душа погубить», „безъ денегъ вода пить", „думаетъ крѣпкая думушка" (т. ж. стр. 28—29), въ окончаніи именъ *вода*, *думушка*, *головушка* скрывается древнее окончаніе $\bar{a}s$". Не говоря уже о томъ, что такія формы едва ли можно назвать очень древними, всѣ онѣ находятъ себѣ простое объясненіе въ синтаксическихъ условіяхъ развитія т. н. nominativus cum infinitivo.

Взамѣнъ гипотезы Шлейхера—Шерера Лескинъ предложилъ новую теорію, которая вкратцѣ состоитъ въ слѣдующемъ. Въ

праславянскомъ яз. было окончаніе L^1—*ām*, напр. въ *rankām*; это -*ām* фонетически могло дать -*y*, которое затѣмъ было перенесено при извѣстныхъ синтаксическихъ условіяхъ въ форму G^1_f. Ср. Miklosich Vgl. Gr. III², 4. Косвенное доказательство существованія флексіи -*ām* въ склоненіи именъ женскаго рода въ праславянскомъ языкѣ Лескинъ видитъ въ древне-инд. формѣ *L tasjām*, которой будто бы точно соотвѣтствуетъ слав. *toję* (Declination, 123—124). Полная фонетическая невозможность этой теоріи ясна съ перваго взгляда; отказался отъ нея, повидимому, и самъ Лескинъ, ни однимъ словомъ не напоминающій о ней въ своемъ Handbuch der altbulgarischen Sprache.

Итакъ, ни аналогія Ac^3_f, ни аналогія L^1_f не объясняетъ нашей лингвистической загадки. Однако, есть еще одинъ падежъ, вліяніе котораго не встрѣчаетъ, кажется, никакихъ синтаксическихъ, морфологическихъ или фонетическихъ препятствій. Этотъ падежъ Ac^1_f. Какъ извѣстно, въ праславянскомъ языкѣ Ac. постоянно чередовался съ G^1 какъ въ утвердительныхъ оборотахъ (ср. объ этомъ Audouin, De la déclinaison, p. 361 и сл.), такъ и въ отрицательныхъ (ср. наши Сложныя мѣстоименія, 174 и сл.,). Это чередованіе съ теченіемъ времени могло привести и къ формальному сближенію обоихъ падежей въ видѣ *контаминаціи* ихъ окончаній. Т. е. взаимное вліяніе, напр., формы Ac^1 **rankām* и формы G^1_f **rankās*, могло породить третью форму **rankāms*, откуда, по законамъ праславянскаго конца слова, могла возникнуть форма *rąky*. Почему форма **rankāms* стала обозначать исключительно форму G^1, а не Ac^1, объясняется просто: форма G^1 **rankās*, по отпаденіи конечной согласной, должна была бы совпасть съ формой N^1: *rankā*, и языкъ, контаминируя первую форму съ Ac^1, этому помѣшалъ. Изъ этого однако вытекаетъ не то, что въ изслѣдуемомъ явленіи мы имѣли случай т. н. прогибитивной аналогіи, а только то, что флексивное сближеніе обоихъ падежей произошло на подготовленной почвѣ.

Если бы можно было доказать, что конечное -*m* стало произноситься какъ -*n* еще въ ту эпоху праславянскаго языка, когда старое окончаніе -*ās* еще помнилось, то предкомъ нынѣшней фор-

мы G^1 можно было бы считать и форму *$rank\bar{a}ns$, т. е. форму, лишь случайно совпавшую съ формой Ac^3_{mf} [1]).

Приведенное объясненіе окончанія G^1_f именъ существительныхъ твердаго склоненія вполнѣ приложимо и къ окончаніямъ того же падежа -ě и ę въ мягкомъ склоненіи, а также къ древне-литовск. ок. -ąs, если только оно не представляетъ описки. Въ случаѣ тождества прасл. и древнелит. формы образованіе ея слѣдовало бы отнести еще къ общелитовскославянской эпохѣ.

Заканчивая настоящую замѣтку, мы должны оговориться, что не претендуемъ *рѣшить* поставленный въ началѣ ея вопросъ. Наша задача была гораздо скромнѣе,—замѣнить менѣе вѣроятную гипотезу происхожденія ок. G^1_f болѣе вѣроятной. Какой падежъ скорѣе могъ повліять на окончаніе G^1_f: Ac^3_f или Ac^1_f, — читатель рѣшитъ самъ. Предполагать вліяніе какого-нибудь третьяго падежа едва-ли мыслимо вообще. Единственная попытка, которую сдѣлалъ Бецценбергеръ (Beiträge zur Geschichte der litauischen Spr., 131), объяснявшій окончаніе -*ąs* изъ ок. G^3 -*nam* (въ *$pan\bar{a}nam$, $merg\bar{a}n\bar{a}m$), образовавшаго ок. G^1_f -$\bar{a}nas$ по примѣрной пропорціи $akmen\bar{a}m$ (G^3): *$akmenas$ (G^1), не можетъ считаться удачной: помимо многихъ другихъ трудностей, она нуждается въ доказательствѣ своей основной посылки,—что въ литовско-славянскомъ языкѣ было извѣстно окончаніе G^3 -$\bar{a}n\bar{a}m$. Не получило права гражданства въ наукѣ и единственное чисто-морфологическое объясненіе ок. G -*ns* изъ суфф. сравнител. степ., предложенное Бенфеемъ въ его ст. „Ueber die indog. Endungen des genit. sing. *ians*, *ias*, *ia*“ (Götting. 1874). Скептически относятся къ вопросу Зубатый Zur Declination ASPL XV 512—514 и Бругманнъ Kurze vergl Gr. 380

Г. Ильинскій.

Спб.

---

[1]) Обыкновенно форму Ac^3_f объясняютъ какъ новообразованіе по аналогіи Ac^3_m, однако, ок. -у могло возникнуть изъ $\bar{a}ns$ и фонетически. Ср. Фортунатовъ, Лекціи 169; Соболевскій, Др. церк. сл. яз. 94. Впрочемъ ок. $G^1_f\bar{a}ns$ могло измѣниться въ -*ans* (-*ons*) по аналогіи ок. G^3- on, давшаго въ праслав. яз., какъ извѣстно -*on* (откуда -ъ). Смѣлое объясненіе предложилъ Миккола т. ж. 250), по мнѣнію котораго ок -у въ Ac^3_f заимствовано отъ именъ женскаго р. на-$\bar{o}n$.

Разборъ языка Фрейзингенскихъ отрывковъ.

I. Исторія памятника.

Въ 1803 году въ Баваріи при разборѣ рукописей, находившихся прежде въ библіотекахъ упраздненныхъ католическихъ монастырей, между прочими сокровищами древне-германской письменности, были найдены среди рукописей Фрейзингенскаго монастыря три отрывка, писанныхъ на славянскомъ языкѣ латинскимъ шрифтомъ. Первый и третій представляютъ изъ себя формулы исповѣди, а второй—отрывокъ поученія. Впервые изданы они были въ 1807 году (Neuer Litterar. Anzeiger № 12). Затѣмъ ихъ издалъ Добровскій (Slovanka 1814). Послѣ него Копитаръ собрался издать ихъ по тексту, переписанному съ подлинника самимъ хранителемъ монастырскихъ библіотекъ І. Б. Бернгартомъ, издателемъ Равеннской рукописи. Но Копитара предупредили Кеппенъ и Востоковъ, издавшіе въ 1827 г. на средства графа Румянцева на ряду съ другими памятниками и наши Фрейзингенскія статьи. Наконецъ и Копитаръ издалъ ихъ въ своемъ трудѣ «Glagolita Clozianus» въ 1836 году, снабдивши ихъ историческою справкою о времени ихъ написанія, а также и комментаріемъ отчасти Востокова, отчасти собственнымъ.

Въ 1896 г. вышло въ свѣтъ новое ихъ изданіе съ фототипическимъ воспроизведеніемъ рукописи въ трудѣ Д-ра Вацлава Вондрака: „Frisinské památky, vznik a vyznam v slovanském písemnictví“.

II. Текстъ памятника.

I.

1. Glagolite Ponaz. Redka Zloueza.

2. Bose gozpodi miloztiuví otze bose. tebe izpovuede.

3. Vuez moi greh. I zuetemu creztu. I zuetei marii. I zue.

4. temu michaelu. Iuuizem crilatcem bosiem. I zuetemu pe-

5. tru. I územ zelom bosiem. I územ musenicom bosiem.

6 Iúzem vuernicom bosiem. I územ devuám praudnim. I úze

7. praudnim. Itebe bosi rabe. chokú. biti. izpovueden. uzeh. moih.

8. greh. I vueruiú. da mi ie. nazem zuete. beusi. iti se. na oń

9. zuet. pakise uztati. na zodni̇ den. Imeti mi ie. sivuot.

10. pozem. Imetimie. otpuztic moih grechou. Bose.

11. miloztiuvi. primi moiv. izpovued. moih grechou. Ese

12. iezem ztuoril zla. pot den pongese bih nazi zvuet.

13. vúuraken. i bih crisken. Ese pomngu. ili ne pomngu. Ili

Глаголите по нас рѣдка словеса. Боже, Господи милостивы, отче Боже! Тебѣ исповѣдѣ вьс мои грѣх, и светему крьсту, и светѣи Маріи, и светему Михаелу и вьсѣм крылатцем Божіем, и светему Петру и всѣм сълом Божіем, и всѣм мученикoм Божіем, и всѣм вѣрником Божіем, и всѣм дѣвам правдным, и всѣм правдным, и тебѣ, Божи рабе, хоћу быти исповѣдьн всѣх моих грѣх. И вѣрую, да ми, на сем свѣтѣ бывши, ити же на он свѣт, пакы же встати на содны дьн, имѣти ми ѥ живот по сем, имѣти ми ѥ отпустьк моих грѣхов. Боже милостивы, прими мою исповѣд моих грѣхов, еже ѥсьм створил зла по т дьн, понѥже бых на сь свѣт урођен и бых крьсћен; еже помню или не помню, или волю, или не волю, или вѣдѣ, или не вѣдѣ, или в неправднѣи ротѣ, или в лжи, или татбѣ, или зависти,

14. vúolu. ili ne vúolu Ili
vúede ili ne vuéde Ili ú nepraud
15. nei rote. ili úisi. Ili tatbe.
ili zavuizti. ili ý uzmazi.
16. Ili vzinistue. ili ese mize-
tomu. chotelo. emuse mibi. ne doz
17. talo. choteti. Ili vpogla-
golani. ili zpé. ili nezpé. Ili ese
18. iezem. ne zpazal. nedela.
ni zúeta vuécera. ni mega
19. pozta. I inoga. mnogoga.
ese protiu bogu. í protiu me
20. mu creztu. Tí edin bose.
vuéz. cacó mi iega potre
21. ba vúelica. Bose gozpodi
miloztiví. tebe ze mil
22. tuoriý. od. zih postenih
greh. I odineh mnozeh
23. I vuénsih. í minsih. Ese
iezem ztvoril. teh ze tebe
24. mil tuoriý. I zvetei ma-
rii. I ýzem zvetím.
25. Idabim nazem zuete. ta-
coga grecha pocazen ýzel.
26. ácose ti mi zadenes. ia
cose tuá milozt. i tebe liubo.
27. Bose ti pride zenebeze.
ýse ze da v moku. za vuiz
28. národ. Dabini zlodeiu otél.
otmime vzem zlo
29. deiem Miloztivui bose·
tebe poronso me telo. I
30. mó dusú. I moia zloueza.
Ime delo. I mó vuoliu.
31. I mo vueru. ímoi sivuot
da bim uzlissal na zodni

или в усмаси, или в сьничьствѣ, или еже ми се тому хотѣло, емуже ми бы не достало хотѣти, или в поглаголаніи, или спе, или не спе, или еже ѥсьм не спасал недѣля, ни света вечера, ни мега поста и инога многога, еже против Богу и против мему крьсту. Ты един, Боже, вѣс, како ми ѥга потреба велика. Боже Господи милостивы, тебѣ се мил творю од сих почтеных грѣх и од инѣх мнозѣх и вѧчих и мьнших, еже ѥсьм створил, тѣх се Тебѣ мил творю, и светѣи Маріи и всѣм светым. И да бим на сем свѣтѣ такога грѣха показьн взел, акоже Тва милост и Тебѣ любо. Боже, Ты приде съ небесе уже се да в моку за вьс народ, да бы ны злодѣю отел. Отми ме всѣм злодѣѥм. Милостивы Боже, Тебѣ порѫчо ме тѣло и му душу и моя словеса, и ме дѣло и му волю и му вѣру и мои живот. И да бим услышал на содны дьн тву милост велію с тѣми, ѥже взовеш Твоими усты: Придѣте, отца мега изволѥни, примѣте вѣчне веселіе и вѣчны живот, еже вы ест уготовлѥно из вѣка в вѣк. Амен.

32. den tuó milozt vueliu. Z temi iese ẃzovues tvoí
33. mi vzti. Pridete otza mega. izvuolieni pri
34. mete vúecsne vúezelie. í vúecsni sivuót Ese v
35. iezt. ugotoulieno iz uueka ẃ uuek. Amen.

II.

1. Eccę bi detd nas neze
2. gresil tevuekigemube
3. siti starosti neprigem
4. lióki nikoligese pet
5. sali neimugi nislzna
6. telezeimoki nuúvnę
7. kigemubesiti bone
8. sezavuiztiubui ne
9. priiazninu uvignan
10. Odszlauuibosigę Potom
11. nanarodzlovuezki
12. strazti Ipetzali boi
13. do neimoki Ibzzre
14. duzemirt Ipagi bra
15. tri ia pomenem ze
16. dai zino uuebosi na
17. resemze botomu Oz
18. stanem zich mirzcih
19. del Ese sunt dela soto
20. nina Esetrebu tuorim
21. bratra Oclevuetam Ese
22. tatua Ese raszboi Ese pulti
23. ugongenige Eseroti Choi
24. se Ih nepazem nugepre

Ече бы дѣд наш не сългрѣшил, тъ в вѣкы ѥму бѣ жити, старости непріѥмлюћи, николіѥже печали не имы, ни слзна тѣлесе имући, нъ в вѣкы ѥму бѣ жити. Понеже завистіу бы неприязнину выгнан од славы Божіѥ, потом на народ чловѣчскы страсти и печали пойдо и немоћи и б(е)з реду съмьрт. И пакы, братрія, поменѣм се, да и сынове Божи наречем се Потому останѣм сих мьрзцих дѣл, еже сѫт дѣла сотонина: еже трѣбу творим, ' братра оклеветам, еже татва, еже разбои, еже пълти угоѥніѥ, еже роты, кои же их не пасем, нъ ѥпрѣстопам, еже ненавист. Нич же тѣх дѣл мьрзнѣе пред Божима очима. Можете потому, сынци, видѣти и сами разумѣти, еже бѣше прьвѣе чловѣци в лица таціе, акоже и мы ѥсьм, тере непріязнина взне-

25. stopam Esene nauuizt
26. nizce teh del mirzene
27. pred bosima ozima mo
29. sete potomu zinzi uvi
29. deti Izami ıazumeti
30. esebese priuuae zlou
31. uezi Uliza tazie aco
32. se imuigezim tere ne
33. priiaznina uznenauvi
34. desse A bosiu uzliubise
35. da botomu nine Ucircu
3‥. vah ich clanam ze I mod
37. lim ze im Izesti ich
38. pigem I obeti nasse im
39. nezem Ozcepasgenige
40. telez nasich idus nasich
41. Tigesemosem imui este
42. buiti eccę tage dela
43. nasnem delati iaseo
44. ni delase Onibo las
45. na natrovuechu seg
46. na naboiachu bozza
47. obuiachu naga ode
48. achu malo mogoncka
49. uime bosie bozzekacho
50. mrzna zigreahu stran
51. na bod crovvi zuoge
52. uvedechu Utim
53. nizah iuzelezneh
54. vvosich Uclepenih
55. bozcekachu I u ime
56. bosie te utessachu
57. temi temitize deli
58. bogu briplisaze taco
59. zinzi i nam ze mod
60. liti tomuge vuirch

навидѣше, а Божію (благодѣт) взлюбише, да потому нынѣ в цьрквах их кланям се и модлим се им и чьсти их пієм и обѣти наше им несем о съпасеніє тѣлес наших и душ наших. Тієже можем и мы еще быти, ече таѥ дѣла начнем дѣлати, яже они дѣлаше. Они бо лачна натровѣху, жейна напояху, боса обүяху, нага одѣаху, маломогѫћа в име Божіе посѣћаху, мрзна сьгрѣаху, странна подъ кровы своѥ введеху в тьмницах и в желѣзнѣх вожих вклепеных посѣћахо и в име Божіе ты утѣшаху. Тѣми, тѣми ти се дѣлы Богу приближаше. Тако, сынци, и нам се модлити томуѥ вьрхнемо Отцу, Господи, дож да ны тамоѥ вседли в цесарство своѥ, еже ѥст уготовлено искони докони изволеником Божіем. И ѥсм, братріа, позвани и побѣѥни, егоже не можем никиже лица ни укрыти, никакоже убѣгати, нъ ѥ стати прѣд столом Божіем съ сопьрником нашим, съ злодьѥм старым и ѥст се прѣд Божима очима всакому своими усты и своим глаголом исповѣдати, еже ѥ на сем свѣтѣ кыждо створил, либо боди добро, либо ли си зло. Да к тому дьни, сынци, мыслите, иде некамо се уклонити, нъ ѥ пред

61. nemo Otzu Gozpodi dos
62. dani tamoge vzed
63. li vzezarstuo suoge
64. Eseiest úgotouleno iz
65. coni doconi izvvo
66. lenicom bosiem I gezm
67. bratria bozuuani ib
68. bgeni Egosenemosem
69. nikise liza niucri
70. ti nikakosé ubega
71. ti nugestati pred
72. stolom bosigem ze
73. zopirnicom nasim
74. zezlodgem starim
75. igestze pred bosi
76. ma osima vzaco
77. mu zuoimi vzti
78. izuoim glagolom
79. izbovuedati Esege
80. nasemszuete chisto
81. stuoril libobodi do
82. bro libolizi zlo
83. Dactomudini zinzi
84. muzlite ide neca
85. moze vcloniti nu
86. ge pred bosima osima
87. stati izio prio imeti
88. iusegezim bovvedal
89. Nas gozbod zueticruz
90. isegest bali teleznassih
91. izpasitel dus nassih ton
92. bozzledine balouvani
93. ge posledge pozstavv
94. iucazalge im seze nam
95. dozstoi odgego zavue
96. kati igemuzeototi
97. preise nassi zes ztoco

Божима очима стати и сьо прьо имѣти, юже ѥсьм повѣдал. Наш Господ светы Крист, иже ѥст бали тѣлес наших и спаситель душ наших, тон послѣдьне балованіѥ послѣдѥ поставив и указал ѥ, имже се нам достои од ѥго завѣћати и ѥму се отети. Прѣйше наши жестоко страдаху, небо ѥ тепѣху метлами и принизше огни печаху и мечи тнаху и по лѣсу вѣшаху и желѣзны ключи ѥ растргаху. А то пак мы нынѣ нашу правдну вѣрѫ и правдну исповѣдю тоѥ можем створити, еже они ту велику страстіу створише. Да потому, сынци, Божіе рабы призвавше, тере им грѣхы ваша почтѣте, им исповѣдни бодѣте грѣхов ваших.

98. stradacho nebo ie te
99. pechu metlami ipri
100. nizse ogni petsachv
101. imetsi tnachu ipolezv
102. vuesachu iselezni cliusi
103. ge raztrgachu atobac
104. mui ninge nasu prau
105. dnu vuerun ipraudnv
106. izbovuediu toiemosim
107. ztoriti eseoni to vue
108. lico strastiu stuorise
109. dapotomuzinzi bosi
110. raba prizzлause tere
111. im grechi vuasa poste
112. te íim izpovvedni bo
113. dete grechov uuasih.

III.

1. Jazze zaglagolo
2. zlodeiu. Iuzem iego
3. delom. Iuzem iego
4. lepocam. Tose uue
5. ruiu ubog uze mo
6. goki. Iu iega zin;
7. Iu zuueti duh. Data
8. tri imena. edin bog
9. gozpod zuueti.
10. ise zuori nebo. Iz
11. emlo. Tose izco ie
12. ga milozti. I sce
13. mariae. I sce mic
14 hahela. I sce pe
15. tra. Iuseh bosih zil
16. Iuzeh bosih mose
17. nic. Iuseh ѣ za

Яз се заглаголу злодѣю и всѣм нєго дѣлом и всѣм нєго лѣпоћам. Тоже вѣрую в Бог всемогоћи, и в нєга сын и в светы Дух. Да та три имена един Бог Господ светы, иже створи небо и землу. Тоже иску нєга милости и св. Маріе, и св. Михаела, и св. Петра, и всѣх Божих сьл и всѣх Божих моченик, и всѣх законник, и всѣх светых дѣвиц, и всѣх моћи, да ми рачите на помоћь быти кь Богу моих грѣхов, да бим чисту исповѣд створил и одпустьк от Бога пріел. Богу всемогоћему исповѣдѣ все моє грѣхы

18. connic. Iuseh zu&ih
19. deuuiz. Iuzeh ŧ moki
20, Da mirasite napomoki
21. biti. Kibogu moih gre
22. chou. Dabim cisto iz
23. pouued ztuoril. Iod
24. puztic otboga priel.
25. Bogu uze mogokemu.
26. izpouuede uze moie
27· greche. I sce marie.
28. Uzeh nepraudnih del.
29. inepraudnega pomislenia.
30. Ese iezem uuede ztuo
31. ril. ili neuuede. nudmi
32. ili lubmi zpe ili bde
33. Uzpitnih rotah. Vlisnih
34. resih. vtatbinah. Uznicistvę.
35. Ulacomztue. Vlichogedeni.
36. Vlichopiti. Uuzmaztue.
37. Iuuzemlichodiani. Ese
38. iesem ztuoril protiuuo
39. bogu. odtogo dine
40. ponese χ̃pen bih. dase
41. dodiniz negodine. Togo
42. uzego izpouueden bodo.
43. Bogu. I sce marii. I sco
44. laurenzu gozpodi.
45. Iuzem zuetim. Itebe
46. bosi rabe. Caiuze
47. moih grechou. Iradze
48. chocu caiati. elicose
49. zimizla imam eche
50. me bose postedisi. Daimi
51. bose gozpodi. tuuoiu
52. milozt. dabim nez
53. ramen. ineztiden
54. nazudinem dine.

и светѣи Маріе всѣхъ неправдных дѣл и неправднега помышленіа, еже ѥсьм вѣды створил или не вѣды, нудми или любми, спе или бде, в спытных ротах, в льжных рѣчьх; в татбинах, в сничьствѣ, в лакомствѣ, в лихоѥденіи, в лихопитіи, в усмаствѣ и въ всем лиходіаніи, еже ѥсьм створил противо Богу, од того дьне, понеже χ̃рен бых, даже до дьньшнего дьне, того всего исповѣдьн бодо Богу и светѣи Маріи, и светему Лаврєнцу, Господи, и всѣм светым и тебѣ, Божій рабе, каю се моих грѣхов, и рад се хоћу каяти, еликоже сьмысла имам, ече ме, Боже, поштедиши. Дай ми, Боже Господи, Твою милост, да бим несрамьн и нестыдьн на судьнем дьнѣ прѣд Твима очима стоял, игдаже придеш содит живым и мртвым, комуждо по свем дѣлѣ, Тебѣ, Боже милостивы, поручо вса моя словеса и моя дѣла и моѥ помышленіе, и мои живот, и мою душу. Кристе, Божій Сыну, иже ѥси рачил на сь свѣт прити грѣшникы избавити от злодѣине области, ухрани ме от всега зла и спаси ме в всемъ блазѣ. Амен,

Амен.

55. predtuima osima
56. stoial. igdase pri
57. des zodit. Sjuuim.
58. I mrtuim. comusdo
59. pozuem dele. Tebe
60. bose miloztivui
61. poruso uza moia
62. zlouuez I moia
63. dela. Imoie pomis
64. lenie. Imoie zridze.
65. I moie telo. Imoi
66. siuuot. I moiu dusu.
67. Criste bosi zinu.
68. ise iezi razil. nazi
69. zuu& priti. gres
70. nike isbauuiti. ot
71. zlodeine oblazti.
72. Uchranime otuzega
73. zla. Izpazime
74. vuzem blase.
75. AMEN.
76. amen.

III. Графическія особенности памятника.

Первый отрывокъ написанъ такъ называемыми длинными строчками, т. е. поперекъ всей страницы, не раздѣляясь на два столбца, какъ второй и третій отрывки. Почеркъ послѣднихъ, хотя и отличается нѣсколько отъ почерка перваго, тѣмъ не менѣе въ общихъ чертахъ сходенъ съ почеркомъ другихъ латинскихъ текстовъ открытаго памятника.

Первый и третій имѣютъ сходную между собою пунктуацію, а второй не только лишенъ всякой пунктуаціи, но даже почти не знаетъ раздѣльнаго начертанія словъ.

Пользуясь латинскимъ алфавитомъ, переписчикъ нашего памятника естественно долженъ былъ чувствовать значительныя затрудненія при передачѣ нѣкоторыхъ сдавянскихъ звуковъ. Этимъ объясняется разнообразіе и сбивчивость въ начертаніи тѣхъ или иныхъ звуковъ въ нашемъ памятникѣ. Обращаясь къ ближайшему обзору начертанія буквъ въ Фрейзингенскихъ отрывкахъ, мы замѣчаемъ слѣдующія черты: славянское *в* передается латинскими *u*, *uu*, иногда *v* и *vu*; *ж*—*s* и *z*; *з*=*s*, *sz*, *z*; *j*—*i* и *g*; *к*—*c*, *к*, (*ск*.?), (*g*.?); *с* чаще всего передается черезъ *z*, затѣмъ черезъ *s*, *sz*, *zs*, *sc*, *zz*; *у*—*u*, *v*; *x* въ началѣ и въ серединѣ словъ большею частью передается черезъ сочетаніе *ch*, а въ концѣ словъ черезъ *h* (*ch* въ серединѣ и въ началѣ словъ стоитъ 32 раза, въ концѣ словъ 5 разъ только во второмъ отрывкѣ; *h* въ концѣ словъ 43 раза, а въ серединѣ одинъ разъ II. 56); *ц*—*c*, *z*; *ч*—*c*, *s*, *cs*, *z*, *ts*, *tz*; *ш*—*s*, *ss*, *z*. Латинское s чаще всего передаетъ шипящіе звуки *ж*, *ч* и *ш*; z= слав. *с*. Глухіе въ концѣ словъ въ нашемъ памятникѣ почти совершенно

отсутствуютъ, такъ какъ не видно здѣсь никакихъ знаковъ для ихъ обозначенія, если не считать надъ послѣдней буквой какого либо знака напримѣръ ṽ, которое Копитаръ произвольно передаетъ черезъ *въ*. Послѣдній знакъ при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается знакомъ ударенія, что дѣлаетъ нашъ памятникъ глубоко интересныхъ по вопросу о славянскомъ удареніи. Въ серединѣ словъ глухіе, или соотвѣтствующіе имъ въ языкѣ нашего памятника звуки, передаются слѣдующимъ образомъ: старославянскій ъ— черезъ *e* (8 разъ), *u* (5 разъ) и черезъ *i* (4 раза); старославянскій ь черезъ *i* (28 разъ), *e* (17 разъ) и *u* (1 разъ). Кромѣ того въ одномъ мѣстѣ II. 66., гдѣ-бы мы ожидали встрѣтить хоть какое-нибудь обозначеніе старославянскаго ъ, ничего не стоитъ кромѣ согласныхъ. Старославяиское ы большею частью передается черезъ *i*, затѣмъ черезъ *ui* (8 разъ), *ϊ* (2 раза), *ugi* (1 разъ), *e* (3 раза), *u*— (разъ), а (?) (1 разъ II. 110). Старославянское ѣ передано черезъ *e*, *ie*, *ge* и даже черезъ *i* (2 р.) Iichodiani. Іотировка гласныхъ передается черезъ *i* и черезъ *g*. Звуки, соотвѣтствующіе старославянскимъ носовымъ ѫ и ѧ, переданы слѣдующимъ образомъ: ѫ черезъ *u* (37 разъ), *o* (34 раза), *v* (4 раза), *on* (2 раза) и черезъ *un* (2 р.); ѧ обыкновенно передается черезъ *e*, кромѣ того черезъ *en* (1 разъ), *a* (1 разъ).

Обратимся теперь къ особенностямъ въ начертаніи каждаго отрывка въ отдѣльности.

Въ первомъ отрывкѣ отмѣтимъ слѣды обозначенія носовымъ звуковъ ѫ=*on* (1 разъ); ѧ=*en* одинъ разъ въ словѣ vuensih—вѧ—чих I. 23.

На мѣстѣ старославянскаго ъ стоитъ *e* (2 раза), на мѣстѣ ь— *e* (11 разъ), *i* (5 разъ).

Кромѣ того звукъ, соотвѣтствующій старославянскому ы, выраженъ одинъ разъ черезъ *ui* и три раза черезъ *e*. Впрочемъ, послѣднее, т. е. употребленіе *e* вмѣсто ы въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ мы увидимъ ниже, можетъ быть объяснено чисто морфологическими причинами.

Второй отрывокъ также имѣетъ слѣды обозначенія носовыхъ звуковъ. ѫ выраженъ два раза черезъ *un* и одинъ разъ черезъ *on*; ы выражено черезъ *ui* шесть разъ, черезъ *ϊ* 2 раза, *ugi*— одинъ разъ, *u*—одинъ разъ, *e*—одинъ разъ, *a*—одинъ разъ (?).

Обозначеніе звуковъ, соотвѣтствующихъ глухимъ, имѣетъ такой видъ: ъ выраженъ черезъ *и* пять разъ, *е*—шесть разъ; ь—черезъ *і* тринадцать разъ, по одному разу черезъ *е* и *и* и, наконецъ, въ одномъ мѣстѣ, гдѣ оно стояло-бы въ старославянскомъ языкѣ, здѣсь совершенно опущено; ѣ выражено черезъ *іе* и *ge*.

Въ этомъ-же отрывкѣ мы встрѣчаемъ обозначеніе іотировки гласныхъ въ особенности *е* черезъ *g*.

Кромѣ того необходимо отмѣтить, что въ этомъ отрывкѣ правописаніе отличается нѣкоторой небрежностью, напримѣръ, здѣсь, какъ и въ другихъ памятникахъ германскаго письма той эпохи, нерѣдко встрѣчаемъ смѣшеніе губныхъ *в* и *p* между собою, чего въ первомъ и третьемъ отрывкахъ вовсе нѣтъ. Еще въ одномъ замѣтно здѣсь уклоненіе отъ ихъ орѳографіи, а именно *х* въ концѣ словъ пять разъ обозначено черезъ *ch* и одинъ разъ черезъ *h* въ серединѣ слова.

Въ третьемъ отрывкѣ мы совершенно не встрѣчаемъ слѣдовъ носовыхъ звуковъ ѫ и ѧ. Звукъ, соотвѣтствующій старославянскому ь, выраженъ черезъ *і* девять разъ и черезъ *е* пять разъ. Вообще, необходимо замѣтитъ, что третій отрывокъ во многомъ сходенъ съ первымъ по пунктуаціи, раздѣленію словъ и другимъ чертамъ. Отмѣтимъ также своеобразное начертаніе х҃рьи.

IV. Фонетическія особенности языка Фрейзингенскихъ отрывковъ.

1. Явленія въ области гласныхъ.

Прежде всего здѣсь бросаются въ глаза общеславянскія черты: несомнѣнное присутствіе носовыхъ ѫ и ѧ, глухихъ ъ и ь и ы. Но эти общія черты въ нашемъ памятникѣ имѣютъ свои особенности, къ ближайшему разсмотрѣнію которыхъ мы сейчасъ приступимъ. Носовое произношеніе ѫ или не вполнѣ точно ощущалось переписчикомъ памятника, или почти утратилось въ современномъ ему языкѣ. Поэтому мы встрѣчаемся здѣсь съ большимъ разнообразіемъ въ передачѣ звука, соотвѣтствующаго старославянскому ѫ, какъ то— *u*, *o*, *v* и, наконецъ, *on* и *un*, которые ясно намекаютъ на слѣды носового произношенія разсматриваемаго звука. Отсюда съ нѣкоторой долей вѣроятности можно вывести предположеніе, что уже въ X столѣтіи славяне, для которыхъ были написаны наши отрывки, начинали постепенно терять носовое произношеніе ѫ, приближая его къ простому *у* или *о* съ самымъ легкимъ оттѣнкомъ ринезаціи, слѣды которой можно видѣть въ двухъ окончаніяхъ *un* и *on* въ серединѣ словъ, такой легкой, что ее съ трудомъ могло уловить непривычное ухо иностранца, какимъ, по всей вѣроятности, былъ переписчикъ нашего памятника.

Старо славянскій ѧ, или замѣняющій его звукъ, какъ мы видѣли, въ нашемъ памятникѣ почти всегда передается черезъ *e* и только одинъ разъ онъ обозначенъ черезъ *en* въ словѣ vúensih—вѧчих. Кромѣ того одинъ разъ встрѣчается начертаніе *a* вмѣсто

ожидаемаго *е* въ словѣ vuasa—ваша (ѧ) II. 111. Въ виду такой установившейся въ нашемъ памятникѣ системы въ передачѣ ѧ черезъ *е*, мы, опуская исключенія, ничтожныя по своему количеству, смѣло можемъ сказать, что въ языкѣ отрывковъ ѧ совершенно замѣнился звукомъ *е*, какъ въ современномъ словинскомъ языкѣ. Если и встрѣчаются у насъ два исключенія, то они могутъ быть объяснены заимствованіемъ этихъ словъ цѣликомъ изъ старославянскаго, или же сохраненіемъ нѣкоторыхъ словъ въ живомъ языкѣ съ ихъ древнимъ произношеніемъ. Первое изъ этихъ объясненій можетъ быть примѣнено и къ звукамъ, замѣнившимъ ѫ.

Обращаясь къ глухимъ ъ и ь, мы прежде всего должны констатировать ихъ несомнѣнное существованіе въ нашемъ памятникѣ, что видно изъ начертанія нѣкоторыхъ словъ, въ которыхъ звукъ, стоявшій тамъ на мѣстѣ старославянскаго глухого, всякій разъ, передается чистымъ гласнымъ и притомъ не однимъ какимъ-нибудь опредѣленнымъ, а разными звуками: очевидно, переписчикъ колебался въ обозначеніи этихъ звуковъ, не находя для нихъ подходящихъ буквъ въ латинскомъ алфавитѣ. За исключеніемъ носовыхъ, *ы* и *ѣ*, гласныя славянскаго алфавита вполнѣ точно передаются латинскими. Остаются только глухіе, которые не имѣютъ себѣ аналогіи въ романскихъ языкахъ, а потому и отсутствуютъ въ латинскомъ алфавитѣ ихъ знаки. Такимъ образомъ выходитъ что эти различно изображенные звуки и есть старославянскіе глухіе ъ и ь. Въ виду того, что иностранный переписчикъ никоимъ образомъ не могъ уловить рѣзкой разницы въ произношеніи ъ и ь, онъ и колеблется въ ихъ передачѣ. Но отсюда, по нашему мнѣнію, отнюдь не слѣдуетъ заключать о полномъ смѣшеніи въ языкѣ нашего памятника ъ и ь, какъ это кажется съ перваго взгляда. Ближе присматриваясь къ тексту, мы замѣчаемъ, что въ передачѣ глухихъ есть какая-то, хоть и не вполнѣ выдержанная, но все-таки система. Это видно изъ того, что ь предпочтительнѣе выражается черезъ *i* (28 разъ), нежели черезъ *е* (17 разъ). Въ особенности это замѣтно во второмъ отрывкѣ, гдѣ *i* поставлено вмѣсто ь тринадцать разъ, а *е* только одинъ разъ, ъ—же выражается черезъ *е* (8 разъ), u (5 разъ) и даже черезъ *i* (4 раза). Какъ видно изъ этихъ данныхъ, переписчикъ ощущалъ ь, какъ особый звукъ, что и выражалъ нѣкоторой системой въ его изо-

браженіи, а для выраженія ъ онъ никакъ не могъ найти подходящей буквы и поэтому такъ колебался*). Впрочемъ, можно допустить, что въ ту эпоху уже начиналось въ языкѣ нашего памятника смѣшеніе глухихъ, что и отразилось, напримѣръ, на передачѣ ъ черезъ *i*.

Кромѣ того уже въ X столѣтіи конечные глухіе въ языкѣ нашего памятника въ произношеніи совершенно утратились. Это видно изъ того, что въ нашихъ текстахъ въ концѣ словъ начертанія звуковъ, соотвѣтствующихъ глухимъ, совсѣмъ отсутствуютъ. Неизвѣстно, на какомъ основаніи Копитаръ иногда ставитъ въ своей славянской транскрипціи памятника латинскими буквами иногда послѣ v–ъ. Звукъ *ы*, какъ мы уже выше замѣтили, въ большинствѣ случаевъ передается черезъ *i*. Это можно объяснить нѣкоторою близостью старославянскаго *ы* съ общеевропейскимъ твердымъ *i*, близостью, слѣды которой можно видѣть въ современныхъ западно-славян. языкахъ и даже въ малорусскомъ нарѣчіи. Но очевидно въ языкѣ нашихъ отрывковъ еще сохранилась нѣкоторая разница между этими звуками, потому что переписчикъ, особенно во второмъ отрывкѣ, колеблется между различными способами начертанія звука *ы*. Онъ пишетъ то *ui*, то *ri*, то *ugi*, то *u*, то *e*, то даже, быть можетъ, *a* (?). Изъ этихъ колебаній можно вывести заключеніе о существованіи въ языкѣ нашего памятника звука *ы*.

Тоже самое нужно сказать и относительно звука *ѣ*, на мѣстѣ котораго въ нашихъ отрывкахъ, въ большинствѣ случаевъ встрѣчается *e*. Но наряду съ такой транскрипціей, правда, въ видѣ исключенія, преимущественно во второмъ отрывкѣ, стоитъ иногда *ie*, *ge* и, наконецъ *i*. Слѣдовательно *ѣ*, какъ особый звукъ, по всей вѣроятности, существовалъ въ языкѣ нашего памятника. Это предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что и въ современномъ словинскомъ языкѣ существуютъ говоры, гдѣ *ѣ* произносится, какъ долгое *e* съ оттѣнкомъ *i*, или даже просто какъ *i*. Произношеніе это могло восходить и ко времени написанія нашего памятника.

---

*) Въ силу этого въ нашей транскрипціи текста Фрейзингенскихъ отрывковъ мы вездѣ глухой, выраженный черезъ *i*, всегда передаемъ черезъ ь.

Въ такомъ случаѣ остается только удивляться, съ какой точностію переписчикъ старается передать этотъ звукъ черезъ *ie* и *i*.

Особенно характерными явленіями въ разсматриваемыхъ нами Фрейзингенскихъ отрывкахъ служатъ гласные *р* и *л*, присутствіе которыхъ переписчикъ отмѣтилъ съ удивительной для иностранца точностью. Гласный *л* встрѣчается одинъ разъ во второмъ отрывкѣ въ словѣ slzna—слзна II. 5. Гласный *р* встрѣчается три раза въ словахъ: mrzna II. 50., raztrgachu II. 103, и mrtuim Ш. 58. Другимъ еще болѣе характернымъ явленіемъ служитъ стяженіе слоговъ *аѥ* въ *а*: кланям—clanam II. 36; *оѥ*—*е* мега—mega I. 18; *ою*—*о* (у), мо—mo I. 30; *ая*—а тва—tuá I. 26; *ои*—*и*, твима—tuima Ш. 55.

Явленіе это очень распространено и въ современномъ словинскомъ языкѣ. Изъ мелкихъ явленій въ области гласныхъ необходимо отмѣтить отсутствіе постоянной въ старославянскомъ іотировки начальнаго *е*, какъ напримѣръ ѥдинъ, ѥгда и т. п. Въ отрывкахъ нашихъ большею частью стоитъ простое *е*. Зато здѣсь мы встрѣчаемъ случай іотировки начальнаго *а* въ мѣстоименіи азъ, которое звучитъ въ отрывкахъ какъ яз—iaz Ш. 1. Явленіе это въ памятникахъ русскаго извода встрѣчается не раньше XIII столѣтія.

Кромѣ вышесказаннаго можно отмѣтить слѣды придыханія передъ начальнымъ чистымъ гласнымъ въ словѣ вожих—vvosich II. 54.=старославянскому ѫзахъ. Аналогичное явленіе наблюдается и въ нѣкоторыхъ современныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, напримѣръ, въ малорусскомъ встрѣчаются формы: він, вікно, гострий и даже вострый. Этимъ и ограничиваются въ нашемъ памятникѣ главнѣйшія явленія въ области гласныхъ.

---

2. *Явленія въ области согласныхъ.*

Согласные въ Фрейзингенскихъ отрывкахъ, въ большинствѣ случаевъ, подчинены тѣмъ же фонетическимъ законамъ, какъ и въ языкѣ старославянскомъ. Нѣкоторыя уклоненія представляетъ смягченіе зубныхъ *д* и *т* передъ узконебнымъ согласнымъ *j*. Смягченіе

dj въ нашемъ памятникѣ выражается обыкновенно просто черезъ *i* (j) *g*, какъ въ современномъ словинскомъ языкѣ, напримѣръ: жейна—segna II. 45. и т. д. Только одинъ разъ результатомъ этого смягченія является какой-то звукъ, изображенный посредст-омъ *к* въ словѣ vuuraken I. 33—урођеn.

Востоковъ вездѣ вмѣето *j* и ђ пишетъ старославянское *жд*, а вмѣсто ћ—щ. Но такую транскрипцію этихъ звуковъ едва ли можно считать правильной, потому что переписчикъ для обозначенія *жд* не прибѣгалъ-бы къ знакамъ *к*, *i*, *g*, когда у него имѣются для этого *s*, *z* и *d*, *t*, какъ напримѣръ въ словѣ chisto—кыждо II. 80, и къ знаку *к*, когда у него есть для обозначенія *шт*—*st*, какъ напримѣръ, въ словѣ este—еште II. 41. Въ нѣкоторыхъ словахъ старославянское щ замѣняется черезъ *ч*, какъ напримѣръ, въ словѣ ече—ecce II. 1.

Изъ другихъ фонетическихъ особенностей Фрейзингенскихъ отрывковъ нельзя также не отмѣтить сочетанія *дл* модлити—modliti и др. Явленіе это встрѣчается и въ современномъ словинскомъ языкѣ, преимущественно, въ западныхъ его говорахъ. Наконецъ относительно сочетанія плавнаго *л* съ гласнымъ мы встрѣчаемъ слѣдующіе случаи: въ словѣ лачна—lasna II. 45, замѣчается старославянское сочетаніе *ла*, не соотвѣтствующее общеевропейскому и болѣе древнему *ал*. Эта форма гораздо новѣе древнѣйшихъ формъ славянскихъ памятниковъ русскаго извода: *алчный*.

Въ словахъ: *чловѣци*—zlouuezi II. 30, и *чловѣчски*—zlovezki II. 12, слогъ *ло* соотвѣтствуетъ старославянскому и русскому *ело*. Сочетаніе *ло* свойственно, по преимуществу, польскому и чешскому языкамъ. Но, по свидѣтельству Урбана Ярника, и теперь встрѣчаются въ Каринтіи формы *цѣлови*, или вслѣдствіе перехода *ѣ* въ глухую: *цьльовц*, слѣдовательно, въ X столѣтіи также могли быть у словинцевъ подобныя формы.

Укажемъ еще одну мелкую фонетическую особенность, а именно замѣну *ж* черезъ *р* въ словѣ тере—tere II. 32, соотвѣтствующемъ старославянскому ѥже и *теже*. Особенность эта довольно распространена и въ современномъ словинскомъ языкѣ.

Отмѣтимъ также выпаденіе *в* въ словѣ сторити—ztoriti II. 107, по аналогіи съ современными словинскими формами.

Наконецъ въ нашемъ памятникѣ встрѣчается еще одна особенность, которую можно замѣтить въ современномъ русскомъ языкѣ, а именно кснечный звучный могъ приближаться къ отзвучному, какъ мы видимъ изъ своеобразнаго начертанія слова дѣд—detd II. 1.

V. Морфологическія особенности Фрейзингенскихъ отрывковъ.

Разсматривая Фрейзингенскіе отрывки въ морфологическомъ отношеніи, мы замѣчаемъ на ряду съ чистыми старославянскими формами нѣкоторыя уклоненія. Отмѣтимъ главнѣйшія изъ нихъ.

---

1. Склоненіе.

Прежде всего мы видимъ въ нашемъ памятникѣ слѣды *смѣшенія твердыхъ основъ съ мягкими въ первомъ и второмъ старославянскомъ склоненіяхъ*; такъ напримѣръ, на ряду съ правильной формой винительнаго падежа множественнаго числа отъ слова *кров—кровы*—crovvi II. 51, мы видимъ тотъ-же падежъ отъ слова *грѣшник—грѣшнике*—gresnike III. 69—70 и др.; родительный падежъ единственнаго числа женскаго рода *злодѣйне*—zlodeine III. 71. на ряду съ *славы*—szlauui II. 11. Это *е* служитъ замѣной старославянскаго ѧ, являющагося въ мягкомъ склоненіи вмѣсто носового *ы* твердаго склоненія; напримѣръ *рабы, конѧ*.

Кромѣ того на ряду съ правильной старославянской формой родительнаго падежа множественнаго числа *грѣх*—greh I. 22, мого разъ встрѣчается форма *грѣхов*—grechou I. 10, которую можно разсматривать какъ *смѣшеніе темы на* **о** *съ темой на* **у**.

Въ нашемъ памятникѣ, какъ и въ современномъ словинскомъ языкѣ, встрѣчается *двойственное число*. Кромѣ того вездѣ сохра-

няются *формы звательнаго падежа*, составляя особенность старославянскаго языка. Изъ формъ этого падежа заслуживаетъ вниманія старая форма на *у* въ словѣ *сыну*—zinu III. 67.

Главнѣйшую же особенность нашего памятника представляютъ *стяженныя формы нѣкоторыхъ падежей въ склоненіи именъ существительныхъ, прилагательныхъ и мѣстоименій*, законы сокращенія которыхъ указаны въ нашемъ обзорѣ фонетическихъ особенностей въ томъ мѣстѣ, гдѣ шла рѣчь о стяженіи слоговъ. *Имена прилагательныя* встрѣчаются въ нашихъ отрывкахъ *и въ простой и въ членной формѣ* безъ всякаго различія въ ихъ значеніи. Въ именительномъ падежѣ единственнаго числа членныхъ прилагательныхъ переписчикъ ставитъ обыкновенно одно *i*. *Въ склоненіи этихъ прилагательныхъ на ряду съ полными формами встрѣчаются и сокращенныя.*

Склоненіе мѣстоименій личныхъ совершенно сходно съ формами старославянскими, если не считать нѣкоторой разницы, обусловливаемой фонетическими причинами, напримѣръ *me*—*te* (старос. *мѧ*) и др. Только въ родительномъ падежѣ единственнаго числа членныя прилагательныя и мѣстоименія на ряду съ наиболѣе частыми сербо-хорватскими и *словинскими формами на га* имѣютъ *параллельныя формы старославянскія на го* (Въ третьемъ отрывкѣ шесть разъ, во второмъ одинъ разъ).

Такъ же склоняются и мѣстоименія притяжательныя за исключеніемъ формъ, сокращенныхъ по общимъ фонетическимъ законамъ языка нашего памятника. Большой интересъ представляетъ форма указательнаго мѣстоименія *тон*—*ton* II. 91, несомнѣнно чешско-словацкаго происхожденія.

---

2. *Спряженіе.*

Изъ обзора глагольныхъ формъ, встрѣчающихся въ нашемъ памятникѣ, мы наряду съ наиболѣе частымъ употребленіемъ сложныхъ формъ прошедшаго времени изъ несклоняемаго причастія на *л* вспомогательнаго глагола, встрѣчаемъ одинъ разъ *форму безъ вспомогательнаго глагола.*

Спряженіе *настоящаго времени* отличается тѣмъ, что *во второмъ лицѣ* единственнаго числа *чаще встрѣчаются формы на* **ш** *чѣмъ на* **ши**, хотя и послѣднюю можно найти, напримѣръ, въ словѣ *поштедити*—postedisi III. 50. и др.

Кромѣ того заслуживаетъ вниманія форма перваго лица исповѣдѣ—izpovvede I. 3.

Формы преходящаго чаще всего встрѣчаются въ третьемъ лицѣ множественнаго числа, изъ нихъ замѣчательна форма *натровѣху* по своей связи съ такими же формами глаголическихъ Евангелій. Кромѣ того въ нашемъ памятникѣ довольно часто встрѣчаются *формы аориста*.

Изъ остальныхъ глагольныхъ формъ заслуживаютъ вниманія *причастныя*; *наряду съ правильными формами старославянскаго языка*, каковы *имы—imugi* и др. имѣются еще *дѣепричастныя окончанія*, какъ напримѣръ: *имоћи—imoki*, или *пріємлюћи—prigemloki*, по аналогіи съ современными словинскими формами: *gredoc*, *bojec* и проч.

Заслуживаетъ также вниманія *форма достигательнаго наклоненія на* **т** въ словѣ *содит—zodit* III. 57. Остальныя формы ничѣмъ не отличаются отъ старославянскихъ.

А. Вспомогательный глаголъ **быти**.

Въ частности спряженіе вспомогательнаго глагола *быти* вполнѣ сходно съ старославянскимъ.

Изъ формъ этого глагола въ Фрейзингенскихъ отрывкахъ встрѣчаются слѣдующія: всѣ формы настоящаго времени за исключеніемъ второго лица множественнаго числа; первое лицо будущаго времени; третье лицо единственнаго и множественнаго числа аориста *бѣх* въ значеніи имперфекта; первое и второе лица единственнаго числа аориста *бых*; первое и второе лица условнаго наклоненія *бим*, *би*; второе лицо единственнаго и множественнаго числа повелительнаго наклоненія и, наконецъ, причастная форма прошедшаго времени *бывши—beusi* I. 8, которую Востоковъ читаетъ *бѣвши*, по аналогіи съ *бѣх*. Но чтеніе это едва-ли правильно, такъ-какъ здѣсь *e* можно разсматривать, какъ простое изображеніе

звука *ы*, какъ мы видѣли изъ обзора орѳографіи Фрейзингенскихъ отрывковъ. На ряду съ *быти* въ значеніи вспомогательнаго глагола встрѣчается для выраженія будущаго времени хоћу.

Изъ мелкихъ особенностей укажемъ мужескій родъ слова *недѣл*—nedel, какъ въ современномъ словинскомъ языкѣ.

Изъ мелочей отмѣтимъ также древнюю форму братра—bratra II. 21, и употребленіе уменьшительныхъ, напримѣръ, *сынци.* [1])

---

[1]) Для большей наглядности морфологическихъ особенностей Фрейзингенскихъ отрывковъ даемъ полную парадигму.

1. Склоненіе именное.

I.

Единственное число.

Твердое скл.	Мягкое. скл.
Им. потрѣб*а*	
Род. рот*ы*	*Род.* Марі*е* Ш. 13, (*е* вм. ѧ)
Вин. вѣр*у*	*Дат.* Марі*и* и Марі*ѣ* Ш. 27. (Смѣш. основъ).
Мѣст. рот*ѣ*.	
Твор. вѣрѫ (сокращ. ф.)	

Множеств. число.

Род. ду*ш*
Дат. дѣв*ам*
Мѣст. рот*ах*.
Твор. метл*ами*

II.

Единствен. число.

И. Бог дѣло	Балій, Спасител, угонєніє
Р. Бог*а*	помышленія
Д. Бог*у*	злодѣ*ю*
В. Бог, бос*а*	помышленіе

З.	Бож*е*, сын*у*		
Т.	стол*ом*		злоді*ем*
М.		дѣл*ѣ*	лихопиті*и*

Множеств. число

И.	сын*ове*, дѣл*а*	
Р.	грѣх, трѣх*ов*	
Д.	изволеник*ом*, дѣл*ом*	злодѣ*ем*
В.	грѣх*ы*, грѣшник*е*, дѣл*а* (смѣш. осн.)	
З.	сынц*и*	
Т.	дѣл*ы*	

Двойств. число.

Д. Т. очи*ма*.

III.

	Единств. число.	Множеств. число.
И.	милост.	страст*и*
Р.	милост*и*	
Д.	чьст*и*	лѣпоѣ*ам*
В.	милост	
Т.	завист*іу*	
М.	завист*и*	рѣчь*х*

Разносклоняемыя.

[Дьн]

Единств. число

Р. дьн*е*
Д. дьн*и*
В. дьн

[црькы]

Д. мн. црькв*ам*

[име]

В. ед. ч. име
И. мн. имен*а*.

М. дьнѣ.

[Небо]	[Тѣло]	
В. небо	*В.* тѣло	
Р. небесе	*Р.* тѣлесе	*Р. мн. ч.* тѣлес

Мѣстоименія.

яз.

И. яз		мы
Д. ми		нам
В. ме	ны	
М.	нас	

Ты.

И. ты	
Д. тебѣ	вы

Возвр. мѣстоим. [*себе*]

Дат. си.
Вин. се.

Указат. [*и*]

Единств. число.

Р. кга и кго
Д. кму

Множеств. число.

И. они
Р. их
Д. им
В. к

[он]

В. он.

[сь]

В. ед .ч. сь, сіо.
М. ед. сем
Р. множ. сих.

[тъ]

Единств. число.	Множеств. число.
Р, того	*И.* ты
Д. тому	*Р.* тѣх
В. т—то	*В. ты* (те)
Т. *то* (сокр. ф.)	*Т. тъми*

[Вьс]

Единств. число.	Множеств. число.
Р. все*га*, все*го*	*всъх*
В. вьс	*всс* (муж. р.) вса (ср. р.)
М. всем	*Д. вьсьм*

[Сам]

И. множ. сам*н*

[мой]

Единств. число.	Множеств. число.
Р. ме*га* } сокр. ф.	мо*их*
Д. мему } сокр. ф.	
В. мои, *мою, мо* (сокр. ф.) моѥ и *ме* (сокр. ф.)	моѥ моѥ

[твой]

Единств. число.	Множеств. число.
И. тва сокр. ф.)	
В. твою. тво (сокр. ф.)	*Т.* тво*ими.*
Т. двойств. ч. твима (сокр. ф.)	

[свой]

Т. сво*им* | *В.* своѥ
М. *свем* (сокр. ф.) | *Т.* сво*ими*

Наш.

Единств. число. | Множеств. число.

И. *наш* | *И.* наш*и*
Т. наш*им*, наш*у* (сокр. ф.) | *Р.* наш*их*
| *В.* на*ше*

[Ваш:]

Р. Ваших
В. ваша (ѧ)

Иже

И. *и*же
Р. *его*же
Д. *ему*же
В. *ю*же, е*ж*е | ѥже, яже.
Т. *им*же

Кыждо

И. *кыждо*
Д. *комуждо*

[Такы (и)]

Р. такога | *И.* та*ціе*

Тон.

И. *тон.*

Членныя прилагательныя.

Единств. число.

(*И*). милостивы.
Р. дьньшнѥ*го* многог*а*, Божіѥ.

Д. свет*ему*, свет*ѣи*
В. светы, Божіу Божіе
Т. Божін*ем*, непріязнин*у* (сокращ. ф.), стар*ым*
М. неправдн*ѣи*

Двойств. число.

Д. *Т*. Бож*има*.

Множеств. число.

И. Бож*іи*
Р. Бож*ихъ*
Д. Бож*іем*, свет*ым*
В. Бож*и*

Степени сравненія.

Сравн. ст.	прьв*ѣе*	прѣйше
	мрьзн*ѣе*	
	[вѧч*е*]	
	вѧчих	

2. Спряженіе глаголовъ.

Настоящее время.

	Единств. число.	Множеств. число.
1.	вѣру*ю*, иск*у*, им*ам*, испов*ѣдь*,	мож*ем*, модл*им*. клан*ям* (сокр. ф.).
2.	взове*ш*, поштеди*ши*, вѣс	мож*ете*
3.	достои (*ть* опущено)	

Повелительное наклоненіе.

1.		остан*ѣм*
2.	от*ми*, всед*ли*, *дай*	глаго*лите*

Причастіе наст. вр.

имы, имо*ћи* спе, бде, вѣды.

Переходящее.

3. вѣша*ху*, сьгрѣя*ху*, натровѣ*ху*

Аористъ

2. приде
3. да взлюби*ше*

Прич прош. вр.

Несклон. оте*л*, доста*ло*.
Склон. цостав*ив*, призва*вше*.

Прич. прош. вр. страд. зал.

выгн*ан*, исповѣд*ьн*, уро*ђен*, уготовлѥ*но*, позва*ни*

Будущ. стр.

1. буду исповѣд*ьн*.

Неопредѣл. накл.

вста*ти*, жи*ти*, видѣ*ти*.

Достиıат. накл.

сод*ит*.

Вспомогат. глаг. *быти*.

Наст. время.

1. ѥсьм	ѥсьм
2. ѥси	
3. ѥст	сѫт

Будущ. вр.

1. бодо

Аор. въ знач. преход.

3. бѣ бѣше

Аористъ.

1. бых
2. бы

Условное накл.

1. бим
2. би

Повелит. накл.

2. боди бодѣте

Прич. прош. вр.

бы*вши*.

Неопред. накл.

бы*ти*.

VI. Вопросъ о происхожденіи и языкѣ Фрейзингенскихъ отрывковъ.

На основаніи того, что въ X столѣтіи въ предѣлахъ Фрейзингенской эпархіи жили задунайскіе славяне, Добровскій предполагаетъ, что статьи эти написаны для жителей Истріи, или Каринтіи, или самой Баваріи, т. е. для предковъ нынѣшнихъ словинцевъ. Съ этимъ вполнѣ соглашается и Копитаръ. Древнѣйшимъ изъ этихъ отрывковъ, по мнѣнію Добровскаго, нужно считать III. Jazze zaglagolo, за нимъ первый Glagolite po naz, какъ взаимно поясняющіе другъ друга. На послѣднее мѣсто онъ ставитъ второй Ecce bi, видя въ немъ слѣды чешскаго языка и приписывая ему происхожденіе, отличное отъ первыхъ двухъ. Этотъ отрывокъ, по его мнѣнію, составленъ впервые мерзебургскимъ епископомъ Бозономъ въ 970 году, затѣмъ онъ былъ обработанъ для чеховъ святымъ Адальбертомъ. Отсюда, наконецъ, онъ былъ приспособленъ для хорутанъ Фрейзингенской эпархіи. Если отнести написаніе этого отрывка къ 1020 году, то всетаки онъ будетъ древнѣе чешскаго отрывка Viginti vocabulorum 1058 г. и Остромирова Евангелія 1057 года. Первые же два памятника написаны около 950 г. и даже, можетъ быть, 900 г. Копитаръ же на вышеупомянутыхъ основаніяхъ считаетъ всѣ эти отрывки несомнѣнно принадлежавшими епископу Аврааму. Что же касается чешскаго вліянія на языкъ II отр., которое выражается въ словахъ *тон*, *модлити*. *выган* и др., то формы эти, по его мнѣнію, могли встрѣчаться въ тогдашнемъ словинскомъ языкѣ, въ нѣкоторыхъ говорахъ котораго они сохра-

нились до нашихъ дней. Если даже фактъ перехода этого отрывка отъ одного народа къ другому мы признаемъ несомнѣннымъ, то, помня, что Бозонъ и Адальбертъ были младшими сверстниками епископа Авраама и близкими къ нему лицами, то съ большимъ основаніемъ можно полагать, что это поученіе они заимствовали у него, а не наоборотъ. Остается еще звукъ ћ, выражаемый въ нашихъ отрывкахъ черезъ *к*. Онъ, повидимому, указываетъ на сербское происхожденіе памятника. Но и это предположеніе должно бытъ отвергнуто на томъ основаніи, что ћ встрѣчается и въ нѣкоторыхъ нынѣшнихъ словинскихъ говорахъ. Тѣмъ болѣе въ X вѣкѣ должно было быть общихъ чертъ въ языкахъ словинскомъ, сербскомъ и даже чешскомъ. Такимъ образомъ памятникъ нашъ, по мнѣнію Копитара, написанъ въ X столѣтіи на словинскомъ языкѣ для Фрейзингенской паствы епископомъ Авраамомъ и его сподвижниками. Первоисточниками его были нѣмецкіе или латинскіе тексты, такъ что онъ, по мнѣнію Копитара, составляетъ только переводъ или пересказъ латинскаго или нѣмецкаго текста. Что же касается сходства II отрывка съ русскимъ прологомъ на 25 апрѣля, въ день памяти св. Апост. и Евангелиста Марка, то, опираясь на мнѣніе Востокова, которому „слогъ и манеръ поученія кажутся не греческими“. Копитаръ и прологу этому совершенно справедливо приписываетъ германское происхожденіе. По его словамъ, еще св. Ольга могла получить это поученіе отъ Адальберта Траверенскаго, впослѣдствіи Архіепископа Магдебургскаго. Этотъ фактъ сношенія св. Ольги съ германскими христіанами подтверждаетъ и митр. Макарій въ своей „Исторіи Русской Церкви“. Такого же мнѣнія держится Миклошичъ. Теперь остается только провѣрить ихъ. Для этого мы обратимся къ сравненію нашихъ отрывковъ съ двумя текстами, изъ которыхъ одинъ несомнѣнно латинскаго происхожденія, какъ-то „Publica confessio bohemica seculi XIII—XIV“, а другой поученіе Климента, епископа Болгарскаго. При сравненіи отрывковъ съ „Publica confessio bohemica“ мы будемъ указывать только тѣ мѣста, которыя имѣютъ хоть какое-нибудь сходство между собою. Въ первомъ столбцѣ мы будемъ приводить мѣста изъ Фрейзингенскихъ отрывковъ, а во второмъ изъ Publica confessio.

1. Гааголѣте по нас рѣдка словеса.	...rzkucz pomnye nabozuye a pokornye...
2. Отче Боже, Тебѣ исповѣдѣ вьс мои грѣх... и светѣи Маріи...	Ia hrziessny czlowyek, spowyedam se k bohu otczu k swate Kralownye matczye bozye... y
и всѣм правдным и тебѣ, Божій рабе...	ke wssyem swatym, y tobye Knejezye mych wssyech hrzyechow...
III. 5—9. вѣрую в Бог всемоґћи и в Его Сын и в Светы Дух, ди та три имена Един Бог...	...k bohu otczu, k synu y k swatemu duchu wssye gednomu Hospodynu...
I. 12. еже ѥсьм створил зла по т дьн понеже бых на сь свѣт урођен. III. 40. доже до дьнешнего дьне...	...hrzyechow, coz gsem shrzyessyl z me mladosti... az do dnesnyeho dne
III. 35. в лакомствѣ...	...w lakomstwy...
II. 45. лачна натровѣху жейна напояху, маломоґоћа посѣћаху...	toho mylosrdenstwye nykdy sgem nemyel k syemu blyznyemu .. k lacznemu, k nemocznemu.
III. 20. Да мы рачите на помоћи быти... да бим... отпустьк отъ Бога пріел	by my raczyl mylostyw byti, by me hrzyechy odpustyty... pana marya by raczyla sa wssyemi swatymi.

Какъ видно изъ вышеприведенныхъ примѣровъ, сходство между двумя этими памятниками ограничивается только отдѣльными очень рѣдкими случаями, объ общемъ же сходствѣ, которое указывало-бы на общность происхожденія того и другого памятника трудно сдѣлать какое-нибудь положительное заключеніе. Сходство это можно обяснить развѣ только общностью темы того и другого текста и нѣкоторой взаимной близостью древнечешскаго и словинскаго языковъ, чѣмъ объясняются выраженія: *лакомствѣ, лачный, рачил* и др. общія для обоихъ текстовъ. Гораздо ближе ко второму отрывку стоитъ часть поученія Климента, епископа Словѣньска, по русскому изводу XII вѣка, принадлежащему Троицкой Лаврѣ. Поученіе это вошло въ русскіе прологи XV и XVI вѣковъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, какъ поученіе на 25 апрѣля въ день памяти св. Апостола и Евангелиста Марка. Сходство, ограничи-

вающееся, правда, только одной частью Климентова поученія, было замѣчено еще Востоковымъ, который, не зная еще о принадлежности этого поученія непосредственному ученику святыхъ славянскихъ Первоучителей, пришелъ къ заключенію, что оно имѣетъ своимъ первоисточникомъ латинскій или нѣмецкій текстъ. Нашъ знаменитый славистъ Измаилъ Ивановичъ Срезневскій въ своемъ трудѣ „Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ", I—XL 1868 г. стр. 58. впервые указываетъ на принадлежность этого поученія Клименту, епископу Словѣньскому († 916 г.) какъ значится въ русскомъ сборникѣ XII вѣка. Приводимъ оба параллельныхъ текста такъ, какъ они приведены Срезневскимъ.

Аще бо бы (Адамъ) ю (т. е. заповѣдь Божію) съхранилъ, то въ вѣкы ѥмоу было бы житиѥ.

бес печали и бе смьрти. старости не приѥмлюще ни сльзна тѣла имоуще. нъ завистию дьаволѥю отлоучисѧ от славы б҃ж бжия

оттолѣ нападоша на родъ ч͠лвчьскыи печали и стр͠ти и смьрть преминоующа житиѥ ч͠лвчьско... Нъ въспрѧнѣмъ понѣ отселѣ и не лишаимъсѧ самохотию неиздречьньныя славы б͠жи и радости вѣчьныя· аще г͠люще. отрицѧюсѧ сотоны и вьсѣхъ дѣлъ ѥго си же соуть дѣла сотонина идоложьртвия. братоненавидѣния. клеветы. гнѣводьржания зависть ярость. ненависть татьбы. разбои пьяньство. объяданиѥ

Ече бы дѣд наш не сългрѣшил

т в вѣкы ему бѣ жити

старости не прiѥмлюћи николиѥже печали не имы, ни слзна телесе имући, нъ в вѣкы ему бѣ жити, понеже завистiю бы непрiязнину выгнан од славы божиѥ; потом на родъ чловѣчскы страсти и печали поидо и немоћи и б(е)з реду съмьрт; и пакы братрия поменѣм се, да и сынове Божи наречем се.

еже сѫт дѣла сотонина, еже трѣбу творим, братра оклеветам

еже татва, еже разбои, еже пълти угоѥнiѥ, еже роты кои же их не пасем, нъ ѥ престопам; нич же тѣх дѣл мързнѣе прѣд Божима очима

еже бѣше прьве чловѣци в

плъти оугожению. обидѣния. нѣ бѣсовьскыя... чьто бо ють мързъчѣю тацѣхъ дѣлъ...	лиша таціе, акоже и мы юсьм, тере непріязнина взненавидѣше а Божия взлюбише.
Да потъщимъсѧ отселѣ вънити тѣсьными двьрьми въ жизнь вѣчьноую: ими же сь блажный и мір подвигноусѧ... и тъ бо члкъ же бѣ. якоже и мы	
нъ вьсакоу зълобоу возненавидѣ. а благдть бжиню и млтъ възлюби	

По словамъ Срезневскаго, разница въ концѣ между этими двумя изводами произошла оттого, что въ поученіи Климента имѣлся въ виду всякій мученикъ, а въ Фрейзингенскихъ отрывкахъ вообще люди древняго счастливаго времени. Изъ приведенной параллели видно, что сходство между этими двумя текстами доходитъ даже до того, что въ нихъ встрѣчаются одни и тѣ же отступленія отъ старославянскаго языка, какъ напримѣръ дѣепричастія *непріемлющи* и *neprigemloki*, *имоущіе* и *imoki*. Слѣдовательно, какой-нибудь изъ этихъ текстовъ служилъ первоисточникомъ для другого. Остается рѣшить вопросъ, какой изъ нихъ былъ написанъ раньше. Если Климентъ, епископъ Болгарскій, умеръ въ 916 году, то поученіе его не могло быть написано позже этого года, а Фрейзингенскіе отрывки, какъ мы уже раньше упоминали, могли быть написаны только отъ 957—994 г. Слѣдовательно, первоисточникомъ второго отрывка нужно считать поученіе Климента, какъ предшествовавшее ему. Впрочемъ, Миклошичъ полагаетъ, что Климентъ для своего поученія воспользовался какъ матеріаломъ латинскимъ текстомъ.

Въ статьѣ по вопросу о происхожденіи Фрейзингенскихъ отрывковъ въ VII кн. Archiv für slav fil. В. Вондракъ приводитъ текстъ Синайскаго эвхологія, который во многомъ совпадаетъ съ III. отрывкомъ. Приводимъ оба текста, какъ ихъ предлагаетъ Вондракъ. Euchologium sinaiticum (p. 72 a).

Гі бже вьсемогы тебѣ бѫдѫ азъ исповѣденъ вьсѣхъ моихъ грѣхъ і моего лиха сътворениѣ (в)сего еже колижъдо изглахъ, и лихосътворихъ, і лихо мыслихъ гломь ли, дѣломь ли, помышлениемь, всего еже азъ помьнѭ любо не помьнѭ, ѣже азъ съвѣды съгрѣшихъ, любо не съ вѣды, нѫждеѭ любо ненѫждеѭ съпа, ли бьда, лихо клатвы, і лъжа, і въ помышленьи неправедьнѣ, поустоши і блади, ѣкоже азъ колижъдо сътворихъ і всѣ из лиха въ ѣденьи і въ питьи і въ неправедьнѣмь съпаньи. молѭта гн бже мои, да ты ми рачилъ животъ и милость подати, да и азъ не посрамленъ прѣдъ очима твоима бѫдѫ, і да азъ еще на

72 в.

семь свѣтѣ моихъ грѣхъ покаѭса і достоино покаание имѣти могѫ, ѣкоже твоѭ щедроты сѫтъ всевлкоі гі, троице бже всемогы, бѫди ми помощьникъ і бѫди ми подавы силѫ і мѫдрость і правденъ замыслъ і добрѫ волѭ съ праведъноѭ вѣроѭ на твоѭ слоужьбѫ гі, ты единъ на съсвѣтъ приде грѣшъникъ ізбавитъ. бѫди ма спсъ і ізбави ма гі бже сне гі ѣкоже ты хощеши, ѣкоже ти любо, сътвори съ мноѭ рабомь твоимь, милостивы, еи бже, рачи

Богу всемогоћему исповѣдѣ все моѥ грѣхе (2527—)... (ср. также 41—43: того всего исповѣдьн бодо Богу)

всѣх неправдных дѣл и неправднега помышленіа, ѥсьм вѣды створил или не вѣды '

нудми или любми, спе или бде в спытных ротах в льжных рѣчьх (в татбинах в сничьствѣ в лакомствѣ)

в лихоѥденіи в лихопитіи (в смаствѣ и в всем лиходіяніи 28—37) дай ми, Боже Господи, Твою милост да бим несрамьи (и нестыдьн на содьнем дьнѣ) прѣд Твима очима стоял (55—56).

каю се моих грѣхов и рад се хоћу каяти... (ече ме, Боже, поштедиши 46—50).

(Кристе, Божіи Сину) иже ѥси рачил на сь свѣтъ прити грѣшнике избавити (от злодѣине области, 67—73)

Тебѣ, Боже милостивы, порѫчу вса моя словеса и моя дѣла и моѥ помышленіѥ и моѥ срьце и мои живот и моѥ тѣло (и мою душу 59—66).

ухрани ме отъ всега зла (и спаси ме в всем блазѣ 72—74).

ми помощи твоему рабоу, ты единъ вѣсн г҃ї, какы моѩ сѫтъ бѣды. въ твоѭ ми҃лсть прѣдаѭ азъ мое срце і моѭ мысль і моѭ любовь і мои животъ і моѭ грѣхы отъ ложи(!) моѣ словеса і мое дѣло. сконьчаи г҃ї і твоѭ ми҃лсть въ мнѣ грѣшънѣ рабѣ твоимъ ави(!) і избави мѧ г҃ї отъ всега зъла

Изъ приведеннаго Вондракомъ сравненія особенно замѣчательно то, что въ обоихъ текстахъ встрѣчается форма *бодо исповѣдьн*, которая, по его мнѣнію, даетъ основаніе относить эти оба текста къ одному болѣе древнему неславянскому первоисточнику. Кромѣ того заслуживаетъ вниманія, что съ приведенной формулой Синайскаго Эвхологія во многихъ частностяхъ совпадаетъ и первый отрывокъ, напримѣръ: Euch. sin. 60а. ѥже съвѣды и не розоумѣѥ съ грѣшихъ волеѥ или не волею. Fr. I. 14. или волу или не волу, или вѣды, или не вѣды. Euch. sin. 72 а. 11: еже изъ помьню любо не помьню. Fr. I. 13.: еже помню или не помню. Euch. sin. 68 в. 23: азъ мил сѧ дѣю боу—Fr. I 21—24: Тебѣ се мил творю. Интересно, что въ обоихъ сравниваемыхъ памятникахъ вмѣсто обыкновеннаго въ старославянскихъ Евангеліяхъ слова „миръ“ всегда рпотребляеелся болѣе новое „свѣтъ“. Первоисточникомъ нашихъ отрывковъ и Синайской формулы Вондракъ считаетъ такъ называемую молитву св. Эммерама, которая существуетъ въ двухъ изводахъ: 1) въ изводѣ Теплеровскомъ (А) который былъ написанъ въ Баваріи около 826—876 г., 2) въ изводѣ Кор. библ. въ Мюнхенѣ (Cod. lat 14345) XI ст. (изв. В). По послѣднему тексту была издана эта молитва Мюлленгофомъ и Шереромъ въ «Памятникахъ нѣмецкой поэзіи и прозы VIII—XII вв.“ въ 1864 году. Въ третьемъ изданіи этой книги въ основаніе текста былъ положенъ изводъ А (стр. 248—249), а также указаны разночтенія по изводу В. формула Синайскаго Эвхологія болѣе соотвѣтствуетъ изводу В. и только въ концѣ приближается

къ A. Приводимъ оба текста формулу Синайскаго Эвхологія и молитву святого Эммерама, какъ ихъ предлагаетъ Вондракъ.

Молитва св. Эммерама Müllenhoff и Scherer, Denkm. 64. s. 187—188.) Trohtîn, dir uuirdu ih pigihtîg allero mînero suntôno enti mînero missatâteô alles des ih eo missasprâhhi (лучше missa sprah A) oda missatâti oda missadâhti, uuortô enti uuerchô enti gadanchô. des ih kihugku oda ni gihugku, des ih uuizzanto geteta oda unuuizzanto, nôtag oda unnôtag, slâffanto oda uuahhento, meins uertô enti lugîno, kiridôno enti unrehterô vizusheitô, hûrôno sô uuê sô ih siô giteta enti unrehterô firinlustô in mûsa enti in trancha enti in unrehtero slâffa; daz dû mir, trohtîn, kenist enti ginâda farkip, daz ih fora dînên ougun unscamanti môzzi uuesan enti daz ih in desaro uueraltî mînerô missatâtô riuûn enti harmscara hapan môzzi sôlîho sô dîno miltadâ sîn, alles uualtanto trohtîn, got almahtîgo, kauuerdô mir helfan enti gauuerdô mir fargebun keuuizzida enti furistentida cûtan uuillun mit rehtan galaupon za dînemo deonosta. trohtîn, dû in desa uurolt guâmi, suntîga za generieanna, kaucrerdô mih gahaltan enti ganerien. Christ

Исповѣдная формула по Синайск. Эвхологію (P. 72 a). Гї бж҃е вс҃емогы, тебѣ бѫдѫ азъ исповѣденъ вс҃ѣхъ моихъ грѣхъ и моего лиха сътворениѣ (в) сего еже колижъдо изгл҃ахъи, лихо сътворихъ и лихо мыслихъ, гл҃омь ли дѣломь, ли помышлениѥмь, (всего) еже азъ помьнѭ любо не помьнѭ ѣже азъ съвѣды съгрѣшихъ любо не съвѣды, нѫждеѭ любо ненѫждеѭ съпѧ ли бьдѧ, лихо клѧтвы и лъжѧ и въ помышленьи и неправедьнѣ поустоши и блѧди, ѣкоже азъ колижъдо сътворихъ и вс҃хъ изъ лиха вь ѣденьи и въ татви и в неправедьнѣмъ съпаньи; молѭ тѧ, г҃ї боже мои, да ты ми рачилъ животъ и милость подати, да и азъ непосрамленъ предъ очима твоима бѫдѫ и да азъ (еще) на семь свѣтѣ моихъ грѣхъ покаѭсѧ и достоино покаание имѣти могѫ, ѣкоже твоѭ щедроты сѫтъ, всвлко г҃ї, (троице), бж҃е вс҃емогы, бѫди ми подавы (силѫ и) мѫдрость и правденъ замыслъ и добрѫ волѭ съ праведъноѭ вѣроѭ на твоѭ слоужъбѫ, г҃ї, ты (един) на съ свѣтъ приде грѣшъникъ избавитъ г҃ бѫди мѧ сп҃съ и избави мѧ и

cotas sun trohtîn, sôso dûuuellés enti sôso dir gezeh sî, tua pî mih scalh dînan, (trohtîn) ganâdîgo kot, kauuerdô mir helfan dînemo scalhe. dû eino uuêst, trohtîn, uuemo durfti sint; in dîno genâdâ, (trohtîn). pifilhu mîn herza. mina gadancha, mînan uuillun, mnan môt, mînan lîp, miniu uuort, mîniu uuerh, leisti trohtîn, dîno ganâdâ uper mih suntîgan dînan scalh, kaneri mih, trohtîn, fonna allemo upila.

бж҃е сп҃е ꙩ҃, ѣкоже ты хощешъ ѣкоже ти любо сътвори съ мноѭ рабомь твоимь милостиви (еи) бж҃е рачи ми помощи твоемоу рабоу, ты единъ вѣси, и какы моѩ сѫтъ бѣды; вьтвоѭ милсть прѣдаѭ (азъ) мое ср҃це и моѭ мысль (и) моѭ любовь (и) мои животъ (и моѩ грѣхы) отъ лъжи (скорѣе и тѣло же ср Fr. III. 65), моѣ словеса (и) мое дѣло оконьчаи, г҃ı, и твоѩ милость въ мнѣ грѣшьнѣ рабѣ твоимь; ави и избави мѧ, г҃ı (скорѣе рачи избавить мя отъ всего зъла.

При сравненіи германскаго и славянскаго текстовъ оказывается, что встрѣчаются въ старославянскомъ текстѣ вставки, которыхъ нѣтъ въ германскомъ, напримѣръ моліѫ тѧ г҃ı Боже мой и др. Кромѣ того переводъ мѣстами не вполнѣ точенъ, напримѣръ *kiridono—помышленіе*, *rizusheito — поустошь*. Очевидно переводъ былъ уже исправленъ и болѣе приспособленъ къ церковнославянскому языку, напримѣръ слово *прѣдаѭ—pifilhu* согласно соотвѣтств. мѣсту Ев. Луки XXIII. 46; въ рѫцѣ твои предаѭ дх҃ъ мой Въ Фрейзингенскихъ отрывкахъ мы читаемъ вмѣсто *прѣдаѭ*—порѫчу I. 29 и III, которое болѣе соотвѣтствуетъ германскому pifilhu. Приведенная Вондракомъ исповѣдная формула Синайскаго Эвхол., какъ справедливо замѣчаетъ Ягичъ (Arch. VII. s. 132), встрѣчаетъ аналогіи и въ другихъ старославянскихъ текстахъ, какъ напримѣръ въ требникѣ Григоровича. Остается только ближе сравнить эти тексты. Опираясь на сочиненія Гоара Goar. Euchologion sive Rituale Graecorum. Lutetiae Parisiorum 1647 г.), Свенсона (Swainson. The greek liturgies, Cambridge 1884) и Красносельцева (Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ литургическихъ рукописяхъ Ватиканской библіотеки 1884 г.), Вондракъ находитъ въ требникахъ греческаго

обряда только одну молитву (Swanson. стр. 331—332, сокр. Goar стр. 673) подъ названіемъ εὐχὴ ἐπὶ τῶν μετανοούντων, которая напоминаетъ формулу исповѣди, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно не соотвѣтствуетъ Синайской формулѣ. Отсюда Вондракъ дѣлаетъ заключеніе, что греческая церковь не знала исповѣдныхъ формулъ. Мы съ этимъ едва-ли можемъ согласиться, зная что въ современныхъ полныхъ православныхъ требникахъ существуютъ не только молитвы передъ исповѣдью, но и исповѣдныя формулы. На какомъ же языкѣ написанъ разсматриваемый нами памятникъ? Прежде всего остановимся на несомнѣнныхъ чертахъ церковно-славянскаго языка, которыя встрѣчаются здѣсь на каждомъ шагу.

О вліяніи старославянскаго языка на языкъ нашихъ отрывковъ указываетъ еще Шлейхеръ въ 1858 г. (Beiträge zur vergl. Sprachf. I. s. 321—324). Спеціально въ окончаніи *м* перваго лица множ. вмѣсто ожидаемаго *мо* видѣлъ онъ подтвержденіе своей теоріи. Шафарикъ, признавая вліяніе старославянскаго языка., на основаніи слова *патровѣху*, подтверждалъ свою македонскую гипотезу и искалъ родину старославянскаго языка въ Панноніи (Ueber den Ursprung und die Heimath des Glagolismus, Prag 1858, s. 25, 28, 31). По мнѣнію Вондрака, если бы не было церковно-славянской письменности, то и Фрейзингенскихъ отрывковъ не существовало бы. На основаніи параллели третьяго отрывка съ формулой Синайскаго Эвхологія можно съ еще большей достовѣрностью утверждать старославянское происхожденіе нашего памятника, какъ полагаетъ И. И. Срезневскій, основываясь на сходствѣ только второго отрывка съ поученіемъ Климента. Даже въ ороографіи нашего памятника видны слѣды старославянскаго языка. Ихъ первоначальное глаголическое начертаніе обнаруживается въ передачѣ глухихъ. Какъ мы видѣли, они мѣстами обозначены, а иногда совершенно отсутствуютъ. Послѣднее, вѣроятно, подъ вліяніемъ родного языка ихъ переписчика. Интересно, какъ передается въ отрывкахъ слово съ ничьство I. 16, v zinistue—в сънич(с)твѣ, ъ выражено, а ь опущено. III. 34. и znicustve—в сничьствѣ, ъ опущено, ь выражено. Равнымъ образомъ различные способы выраженія *ы* указываютъ на старославянское вліяніе. Среди старославянскихъ формъ нашего памятника мы замѣчаемъ, съ одной

стороны, самыя древнія, какъ напримѣръ, *балій, балованіѥ*, Glagol. Cloz. II. 118. *натровѣху*, см. *Мар.* Ев. и *Зогр.* Мо. XXV 37. *натроухомъ, искони, спытны*,—съ другой болѣе новыя, какъ напримѣръ, *соперником, дожди* и др. Кромѣ элементовъ старославянскаго языка въ языкѣ нашего памятника Вондракъ видитъ слѣды чешскаго (со стороны словаковъ) вліянія. Сюда онъ причисляетъ: *од нєго завѣщати се* II. 95. и *яз се заглаголу злодѣю* III. 1. (ср. мол. Эммер. ih intsago mih demo tiufele unde allen sînen uuerchen 3 Ausg s. 292). Въ кириловскихъ текстахъ, какъ напримѣръ, поученіи Климента, вмѣсто *заглаголу* стоитъ *отрицаѭсѧ* сотоны; въ Синайской формулѣ на стр. 6866 стоитъ: *всего того отърицаѭсѧ*. Оба эти глагола по своимъ префиксамъ напоминаютъ чешское: *zareknouti se čeho. Поглаголани* I. 17. напоминаетъ чешкое *pomluva* Болѣе-же всего обнаруживается чешское вліяніе въ словѣ обѣт. *(бѣты наше им несем;* въ старославянскомъ языкѣ этому слову соотвѣтствуетъ *жрътва*, а въ чешскомъ всегда obêt. Также чешскимъ словомъ Вондракъ считаетъ *тон* II. 91. Интересно, что въ отрывкахъ вслѣдъ за старославянскимъ словомъ иногда ставится мѣстное пояснительное, какъ напримѣръ, III. 52: *несрамьн и нестыдьн*. Гораздо рѣже вмѣсто перевода употребляется парафразъ, напримѣръ, поуч. Клем. *клѧтвопрестоуплениѥ*. II. 23. *роты кои же не пасем*.

Принимая во вниманіе, что въ отрывкахъ есть несомнѣнные слѣды чешскаго языка (словацкаго) и съ другой стороны замѣтны новообразованія на почвѣ старославянскаго языка, Вондракъ полагаетъ, что они по всей вѣроятности, написаны въ Венгріи. Тамъ славянскій священникъ, не вполнѣ знакомый съ церковно-славянскимъ языкомъ, перевелъ на этотъ языкъ нѣмецкіе тексты и оставилъ въ переводѣ слѣды своего родного языка. Далѣе они подвергались различнымъ измѣненіямъ и дошли до насъ съ элементами восточно-болгарскаго и словинскаго языка. Старославянскій языкъ входитъ въ нихъ преимущественно въ тѣ мѣста, которыя представляютъ изъ себя тексты изъ священнаго писанія.

Кромѣ того замѣтны въ языкѣ нашего памятника слѣды чешскаго (словацкаго) языка, на которомъ, вѣроятно, былъ написанъ

или вѣрнѣе переведенъ съ церковнославянскаго ихъ первоначальный текстъ. По своему происхожденію равно, какъ и по нѣкоторымъ особенностямъ графики и языка, первый и третій отрывокъ занимаютъ мѣсто отличное отъ второго. Можно допустить, что первый и третій отрывки имѣютъ своимъ первоисточникомъ древнегерманскій текстъ молитвы св. Эммерама.

Южно-русская школьная драма о св. Екатеринѣ.

Мы избрали эту драму предметомъ нашей статьи въ «Кіевскомъ Изборникѣ» по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, она еще неизвѣстна наукѣ и, слѣдовательно, представляетъ интересъ новизны. Во-вторыхъ, она является однимъ изъ произведеній, порожденныхъ культурнымъ взаимодѣйствіемъ славянскихъ племенъ, и такимъ образомъ соотвѣтствуетъ общему характеру сборника. Написанная на польскомъ языкѣ, отражая на себѣ литературное вліяніе Польши, она была сочинена малоруссами въ Кіево-Могилянской Академіи и откликается на современныя ей событія, разыгрывавшіяся на сѣверѣ Россіи.

Задача нашей статьи—сжато изложить выводы, къ которымъ привело насъ изученіе этой драмы. Ея сводный текстъ и обстоятельное изслѣдованіе о ней, вѣроятно, появятся въ печати въ самомъ близкомъ будущемъ.

Мы знаемъ два списка нашей піесы. Одинъ, болѣе полный находится въ Московской Синодальной библіотекѣ въ рук. №1016, лл. 282—318. Другой хранится въ библіотекѣ Кіево-Софіевскаго собора въ рук. № 479, лл. 371—402 об. Въ немъ не достаетъ дѣйствій 8-го, 9-го, 10-го и части 7-го, зато примѣчанія переписчика здѣсь болѣе подробны. Сохранившійся текстъ обоихъ списковъ почти буквально сходенъ.

Честь находки этой піесы принадлежитъ профессору Импер. Универ. Св. Владиміра Степану Тимофеевичу Голубеву, указавшему намъ ея синодальный списокъ. Софіевскій же разысканъ лично нами.

Драма озаглавлена: „Declamatio de sanctae Catharinae Genio» [1]) и написана на польскомъ языкѣ. Однако національность ея авторовъ и отчасти содержаніе ея даютъ намъ право причислить ее къ произведеніямъ южно-русскаго театра.

Оба списка піесы являются приложеніями къ риторикѣ, озаглавленной: «Arbor Tuliiana» [2]). Къ сожалѣнію, отъ хронологической даты, имѣющейся на заглавномъ листѣ синодальной рукописи, сохранились только три первыя цифры 170... и нижняя часть послѣдней, въ которой можно по желанію видѣть 3 или 5. Въ Софіевской же рукописи даты нѣтъ вовсе. Извѣстный знатокъ южно-русской литературы проф. Н. И. Петровъ отнесъ ее къ $168^5/_6$ г. [3]) Эта противорѣчивость и неопредѣленность датъ побудила насъ привлечь къ изслѣдованію и другіе извѣстные намъ учебники того-же названія. Одинъ изъ нихъ находится въ библіотекѣ Кіево-Печерской Лавры въ рук. XI, 112, лл. 1—76 об. [4]), другой—въ библіотекѣ Кіевской Духовной Семинаріи въ рук. VIII. 1. 88, лл. 1—338 [5]). При тщательномъ сличеніи ихъ между собою выяснилось, что не только сами риторики, поскольку онѣ сохранились, буквально тождественны другъ съ другомъ, но и приложенія къ нимъ по своему составу весьма сходны. Въ наиболѣе исправномъ видѣ заглавный листъ сохранился въ семинарскомъ спискѣ: Arbor Tulliana Iasinsciano de Caelo illustrissimis gratiarum syderibus collustrata et inundata ad gemmeas Borysthenis undas ampliata mystico Iordanis per ss. Triadem fluvio tunc sacrata, dum lignum aeternae vitae crux virgineum in tempore Fru-

---

[1]) Моск. Син. библ. ркп. № 1016 л. 282. Въ рук. Кіево-Соф. соб. заглавія нѣтъ.

[2]) Моск. Син. библ. ркп. № 1016, л. 1; ркп. Кіево-Соф. соб. № 479, л. 237 об.

[3]) См. его «Кіевская Академія во второй половинѣ XVII вѣка", Кіевъ 1895 г. стр. 139,

[4]) См. Н. И. Петрова «Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ городѣ Кіевѣ», Вып. II, Москва 1897 г., стр. 101—102. № 301. Рукопись отнесена здѣсь къ концу XVII вѣка.

[5]) Ibidem. Вып. I, Москва 1892 г., стр. 280. № 243.

ctum semper boni nunquam mali contulit Christum Anno 1703. Septembri 21" [1]).

Такимъ образомъ наша риторика относится къ $170^3/4$ уч. году. Но, можетъ быть, драма ничѣмъ съ ней не связана и только случайно попала въ одинъ переплетъ съ нею? Странно однако, что такая случайность встрѣчается дважды. Къ тому же въ Семинарской рукописи, хотя нѣтъ самой пiесы, зато имѣется „Conceptus de s. Catharina" [2]). Эта неразлучность имени святой Екатерины съ данной риторикой показываетъ, что и драма въ честь ея попала въ число ея приложенiй не случайно. Далѣе, на поляхъ пiесы отмѣчены фамилiи лицъ, принимавшихъ участiе въ ея обработкѣ. Приводимъ ихъ по Софiевскому списку, такъ какъ тутъ называются и личныя имена авторовъ: Helias Lewicki, Reverendus, Seraphion, Thomas Zbrzyski, Joannes Wolczanski, Joannes Chominski, Josephus Daszkiewicz, Czerniachowski, Alexius Galachowski, Josephus Sieniutowicz, Nicolaus Ilaszewicz, Joannes Nowicki, Gregorius Jasnopolski minor, Bazilius Horlenko, Reverendus Clemens Niedzwiedzski, Simeon Jarmirkowski, Joannes Runowski, Symeon Horlenko minor, Helias Lomikowski, Theodorus Gniewuszewicz, Basilius Bogacki, Daniel Szramczenko, Theodorus Jasnopolski, Waskowski, Andreas Wolanski, Stephanus Ternawski. Въ Синодальн. спискѣ названы, кромѣ того, Lisieniewicz, Skalibow, Holowczyc, Reverendus Barlaam. Тѣже фамилiи мы встрѣчаемъ и на поляхъ риторическихъ упражненiй, приложенныхъ къ учебнику. Такъ, въ Софiевской рукописи находится статья: «sitis xristi felle et aceto potata" [3]) Въ составленiи ея принимали участiе слѣдующiя лица *Lomikowski, Horlenko(ma)ior*, *Horlenko novus*, *Jasnopolski (ma)ior*: Pasiukiewicz, *Szramczenko,* Turanski, *Nowicki*, Mokriewicz minor, *Wolczanski*, Sawicz, *Daszkiewicz, Lisiniewicz*, Maximowicz, Terlecki, *Galachowski*, Kozlowski.

Мы видимъ, «Declamatio de sanchae Catharinae genio" попала подъ одинъ переплетъ съ «Arbor Tulliana» не случайно: тѣже

[1]) Библ. Кiев. Дух. Сем. ркп. VIII 1. 88. л. 1.

[2]) ib. лл. 284—286.

[3]) Библ. Кiево-Соф. соб. ркп. № 479, лл. 420 об.—429 об. См. также ркп. библ. Кiев. Дух. Сем. VIII 1. 88, лл. 272 об.—279 об. Но здѣсь нѣтъ фамилiй составителей упражненiя,

лица, которыя обрабатывали піесу, принимали участіе въ составленіи и другихъ упражненій, приложенныхъ къ этой риторикѣ.

Наконецъ, мы постарались прослѣдить фамиліи авторовъ [1]) драмы по другимъ учебникамъ Академіи тѣхъ же годовъ. Относительно Іоанна Хоминскаго [2]) и Өедора Яснопольскаго [3]) наша попытка имѣла успѣхъ. Если принять во вниманіе условія прохожденія курса въ Академіи, оказывается, что оба они въ 170³/₄ уч. году должны были состоять слушателями риторическаго класса.

Итакъ связь нашей піесы съ „Arbor Tulliana" вполнѣ установлена. Она написана слушателями этой риторики одновременно съ другими практическими упражненіями, составленными для примѣненія усвоенныхъ правилъ, почему и вошла въ одинъ сборникъ съ ними и самой риторикой. Слѣдовательно, и сама драма относится къ тѣмъ-же 170³/₄ годамъ.

Мы знаемъ уже десятки авторовъ. Однако, литературное произведеніе требуетъ единства плана, а это немыслимо при множествѣ самостоятельныхъ авторовъ. Очевидно, у нихъ былъ общій руководитель, давшій имъ сюжетъ и планъ, распредѣлившій между ними обработку отдѣльныхъ частей піесы. Въ данномъ случаѣ такого руководителя естественнѣе всего видѣть въ учителѣ піитики и риторики. По вопросу о томъ, кто тогда преподавалъ означенныя науки въ Академіи, вполнѣ соглашаемся съ Д. Вишневскимъ [4]). Онъ авторомъ „Arbor Tulliana" считаетъ Иларіона Ярошевицкаго или Ярошевскаго. Въ немъ-то, кажется, и слѣдуетъ видѣть главнаго автора нашей драмы. Мы не будемъ излагать здѣсь подробно содержаніе піесы. Ее можно назвать послѣдовательнымъ преложеніемъ въ драматическую форму житія св. Екате-

[1]) О томъ, что мы въ этихъ лицахъ должны видѣть именно авторовъ, хотя бы и второстепенныхъ, свидѣтельствуютъ встрѣчающіяся въ обоихъ спискахъ драмы выраженія переписчиковъ: «такой-то composuit». См., напримѣръ Моск. Син. библ., ркп. № 1016, л. 286; библ. Кіево-Соф. соб. ркп. № 479, л. 390.

[2]) См. Н. И. Петровъ, „Опис. рук. собр., наход. въ г. Кіевѣ», Вып. I, М. 1892 г., стр. 248—249, № 157.

[3]) Ibid. Вып. II, М. 1897 г., стр. 50, № 145.

[4]) См. его «Кіевская Академія въ первой половинѣ XVIII столѣтія», Кіевъ 1903, стр. 131—132, 151—152, 190—191.

рины, какъ мы его встрѣчаемъ хотя бы въ Анѳологіонѣ 1660 г. и въ Минеяхъ св. Димитрія Ростовскаго. Немногія аллегорическія фигуры, дѣйствующія въ піесѣ, и кое-какія отступленія отъ легенды, вызванныя особыми задачами автора, не измѣняютъ житія въ существенномъ. Наиболѣе знаменательныя изъ нихъ будутъ указаны при дальнѣйшемъ разборѣ драмы.

Обыкновенно панегирическія произведенія въ честь святого имѣли въ виду какое-либо высокопоставленное лицо того-же имени. Въ данное время было три Екатерины: дочери Алексѣя Михайловича и Іоанна Алексѣевича и будущая императрица Скавронская. Первая, сестра и сообщница Софьи, вліяніемъ при дворѣ не пользовалась. Вторая была еще ребенкомъ. Въ жизни обѣихъ никакихъ выдающихся событій за это время, которыя могли-бы подать предлогъ къ чествованію ихъ, мы не знаемъ. Наоборотъ звѣзда третьей ярко восходила: именно въ это время произошло ея сближеніе съ Петромъ [1]). Нѣкоторыя измѣненія въ легендѣ, допущенныя Ярошевскимъ, повидимому, подтверждаютъ, что онъ имѣлъ въ виду именно будущую императрицу. Напримѣръ, Екатерина легенды, гордая своей красотой, мудростью, знатностью и богатствами, ищетъ себѣ супруга, который-бы превосходилъ ее во всѣхъ этихъ отношеніяхъ. Какъ ни льстить Екатеринѣ Скавронской, но придать ей богатство и знатность было невозможно. Нашъ авторъ нашелся: гордость богатствомъ онъ замѣнилъ презрѣніемъ къ нему, а благородство происхожденія благородствомъ добродѣтели [2]). Эти и нѣкоторыя другія измѣненія легенд , допущенныя піесой, странны и непонятны безъ предположенія, что она имѣетъ въ виду Екатерину Скавронскую.

Переходимъ къ литературнымъ отношеніямъ піесы. Для насъ особенный интересъ представляло сличеніе ея съ драмой того же наименованія репертуара Натальи Алексѣевны. Оказалось, что произведенія эти совершенно различны. Текстъ проф. Шляпкина близко

---

[1]) См. Соловьевъ «Исторія Россіи», изд. 3-ье, М. 1882 г., т. 16, стр. 65. См. также „Историч. Вѣстн.» 1903 г. V. Н. А. Бѣлозерская: „Изъ жизни Петра Великаго. Первые годы сближенія Петра I съ Екатериной Алексѣевной 1702—1709 г.г.» стр. 466—469, 471.

[2]) См. Моск. Син. библ. ркп. № 1016, л. 284; библ. Кіево-Соф. соб. ркп. № 479 лл. .372 об—373.

слѣдуетъ житіямъ Анѳологіона [1]) и Миней св. Димитрія Ростовскаго [2]). Въ немъ поэтому встрѣчаемъ двѣ сцены со „старцемъ“. Въ одной Екатерина получаетъ отъ него икону. Она предшествуетъ бывшему святой видѣнію, въ которомъ Христосъ отвращаетъ отъ нея, какъ отъ язычницы, свой взоръ. Другая происходитъ уже послѣ этого видѣнія и представляетъ оглашеніе и крещеніе мученицы. Въ нашей драмѣ „Eremita“ появляется лишь въ одной сценѣ, послѣ упомянутаго видѣнія. Тѣмъ не менѣе въ ней представляется не крещеніе святой, а лишь врученіе ей иконы съ наставленіемъ чтить ее. Самыя рѣчи дѣйствующихъ лицъ лишь очень отдаленно напоминаютъ діалоги, изданные г. Шляпкинымъ [3]).

Печатныя церковно-славянскія житія Екатерины, помѣщенныя въ Анѳологіонѣ и Минеяхъ 1689 г., повидимому, нельзя считать источниками нашей піесы. Правда, въ главномъ всѣ три памятника согласны другъ съ другомъ, что легко объясняется общностью легенды; однако, въ частностяхъ наша драма не слѣдуетъ полностью ни одному изъ названныхъ житій. Отъ миней она отличается именемъ императора [4]), отъ Анѳологіона—формою имени полководца [5]) и подробностями мученій Августы [6]). Кое въ чемъ она отступаетъ отъ обоихъ: мать и родственники мученицы, склоняющіе дѣву по обоимъ житіямъ къ браку, въ піесѣ отсутствуютъ.

---

[1]) См. Анѳологіонъ, изданный въ Москвѣ въ 1660 г., стр. 9—12.

[2]) Онѣ изданы въ Москвѣ въ 1689 г. Мы пользовались изд. 3-ьимъ 1852 г., Ноябрь, лл. 108—109.

[3]) См. его «Царевна Наталья Алексѣевна и театръ ея времени»—«Памятники древней письменности», CXXVIII, Спб. 1898 г., стр. XVIII—XX и 1—2. См. также Моск. Син. библ., ркп. № 1016, лл. 284об.—288 об. и библ. Кіево-Соф. соб., ркп. № 479, лл. 373об—377об.

[4]) Въ минеяхь императоръ именуется Маѯїмїнъ, а въ драмѣ Maxentiusz. См. «Книга житій святыхъ» изд., 3-е, Ноябрь, л. 107 об.; Моск. Син. библ. ркп. № 1016, л. 296 об.; библ. Кіево-Соф. соб., ркп. № 479, л. 384 об.

[5]) Въ Анѳол. стр. 39 онъ названъ Порфѵрїѡнъ, въ драмѣ Porfirius. См. Моск. Син. библ., ркп. № 1016, л. 306 об.; библ. Кіево-Соф. соб., ркп. № 479, л. 396.

[6]) См. Анѳол. стр. 48; Моск. Син. библ,, ркп. № 1016, л. 315; въ Соф. рук. конца нѣтъ.

Ихъ замѣняетъ аллегорическая Amor Terrestris [1]). Префектъ Александріи въ ней названъ Chursasaden [2]); упоминается философъ Harpocrates [3]) или Hypocrates [4]); нѣтъ сцены съ народомъ, когда мученицу ведутъ на казнь [5]); не упоминается о превращеніи ея крови въ молоко [6]), о перенесеніи ея тѣла ангелами на Синай [7]). О другихъ отступленіяхъ мы уже отчасти говорили.

Повидимому, источникъ «Declamatio de sanctae Catharinae genio» нужно искать въ какой-либо западной, скорѣе всего латинской, обработкѣ этой легенды, но и она подверглась нѣкоторымъ передѣлкамъ, чтобы приспособиться къ спеціальнымъ задачамъ нашего автора.

Вл. Розовъ.

---

[1] См. Моск. Син. библ. ркп. № 1016, лл. 282—286; библ. Кіево-Соф. соб., ркп. № 479, лл. 371—375. Въ Анѳол. стр. 7—8, въ Минеяхъ—см. изд. 3-е, ноябрь, л. 107—107 об.

[2]) См. Моск. Син. библ. ркп. № 1016, л. 317. Въ Анѳол. стр. 45, стоитъ хурсаса́демъ, въ Минеяхъ—хурса́денъ—см. изд. 3-ье, Ноябрь, л. 116 об.

[3]) Библ. Кіево-Соф. соб., ркп. № 479, л. 390 об.

[4]) Моск. Син. библ., ркп. №1016, л. 301.

[5]) Моск. Син. библ., ркп. № 1016, л. 318; Анѳол., стр. 52—53; Минеи, 3-ье изд., Ноябрь, л. 118 об.

[6]) Моск. Син. библ., ркп. № 1016, л. 318; Анѳол., стр. 55; Минеи, 3-ье изд., Ноябрь, л. 119—119 об.

[7]) Ibidem.

Казиміръ Бродзинскій и чехи.

Двадцатые годы минувшаго столѣтія въ исторіи славянскихъ изученій имѣютъ выдающееся значеніе. Знаменитое славянское путешествіе П. И. Кеппена (1821—1824) положило начало нашимъ ученымъ поѣздкамъ на Западъ, въ славянскія земли, открывало новую эпоху въ изученіи славянства, а его обстоятельная „Записка о путешествіи по Словенскимъ землямъ и архивамъ“ [1]) явилась драгоцѣннымъ руководствомъ для послѣдующихъ ученыхъ путешественниковъ по славянству. Она, несомнѣнно, сослужила хорошую службу не одному изъ нихъ.

Вслѣдъ за Кеппеномъ, такъ сказать, по пятамъ его и слѣдуя въ извѣстной степени указаніямъ его замѣчательной Записки, на славянскій Западъ отправляется избранникъ Королевскаго Варшавскаго университета, полякъ Андрей Кухарскій, путешественникъ неутомимый, настойчивый въ своихъ стремленіяхъ, усидчивый въ работѣ, но къ сожалѣнію необыкновенно увлекающійся, приступающій къ рѣшенію самыхъ разнообразныхъ и рискованныхъ задачъ съ весьма незначительными научными средствами.

Какъ для Кеппена, такъ и въ славянскомъ путешествіи Кухарскаго Прага была однимъ изъ важнѣйшихъ этаповъ. Кеппенъ закончилъ здѣсь кругъ славянскихъ поѣздокъ, Кухарскій началъ ихъ изъ Праги. Отправившись въ концѣ 1825 года въ путь, Кухарскій уже въ январѣ 1826 г. прибылъ въ Прагу. Но онъ былъ

---

[1]) Библіогр. Листы, 1825, № 33—34.

не первый польскій ученый гость въ кругу пражскихъ подвижниковъ науки и литературы.

Значительно раньше Кухарскаго Прагу посѣтилъ професоръ варшавскаго университета, извѣстный поэтъ Казиміръ Бродзинскій. Правда, онъ пробылъ здѣсь недолго, заѣхавши въ Прагу только по пути, направляясь въ Италію, но остановка эта вызвана была желаніемъ ближе познакомиться съ представителями чешской науки и литературы. Славянство, прежде всего—славянская народная поэзія давно уже привлекали его вниманіе, и онъ охотно посвящалъ ей свои поэтическіе досуги. При содѣйствіи Б. Раковецкаго и В. Скороходъ—Маевскаго онъ переводитъ на польскій языкъ нѣкоторыя пѣсни „морлацкія", сербскія и чешскія и, увлеченный изданіями произведеній народнаго творчества русскими и чешскими, выражаетъ мысль о необходимости издать сборникъ польскихъ народныхъ пѣсенъ, со включеніемъ въ нихъ пѣсенъ и другихъ народовъ. [1]) Въ этомъ отношеніи Бродзинскій высказывалъ желаніе, къ осуществленію котораго какъ разъ въ это время приступалъ Челаковскій, издавшій въ 1822 г. первый томикъ своихъ „Славянскихъ народныхъ пѣсенъ". Съ дѣятельностію чешскихъ ученыхъ и литературныхъ дѣятелей Бродзинскій былъ знакомъ еще до прибытія въ Прагу, и Бродзинскаго, какъ поэта, знали въ Прагѣ до встрѣчи съ нимъ.

Бродзинскій прибылъ въ Прагу въ самомъ концѣ марта 1824 г. [2]) и здѣсь ближе всего сошелся, повидимому, съ Челаковскимъ и Ганкой. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ болѣе подробныхъ свѣдѣній о ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, и только нѣсколько незначительныхъ замѣчаній о нихъ сохранилось въ письмахъ Челаковскаго къ другу Камариту. [3]) Изъ этихъ писемъ мы

[1]) См. его «Uwagi nad potrzebą wydania wyboru poezyj dla młodzieży, zbioru pieśni duchownych i narodowych», представленныя въ 1821 г. варшавскому Towarzystwu Królewskiemu Przyjaciół Nauk, у A. Kraushara, Tom. Krói Przyj. Nauk, ks. III, 1904, str. 433—439.

[2]) Въ письмѣ къ Камариту, писанномъ «posledniho března» (послѣдняго числа марта), Челаковскій говоритъ; «Včera práve večir mne navslívil Brodzinski». Sebrane listy, 154.

[3]) Sebrané listy, p. 154, 160, 171.

узнаемъ, что Бродзинскій подъ руководствомъ Ганки занялся чтеніемъ Краледворской рукописи, которую тогда же задумалъ перевести на польскій языкъ. Съ Челаковскимъ онъ велъ бесѣды по волновавшему въ это время чешскихъ писателей вопросу о стихосложеніи, такъ какъ самъ занимался вопросомъ о польской просодіи и сдѣлалъ нѣкогда опытъ замѣнить неуклюжій силлабъ тоническимъ размѣромъ.[1]) Но эти собесѣдованія и практическія упражненія съ Челаковскимъ въ чтеніи чешскихъ „часомѣрныхъ стишковъ" не принесли Бродзинскому пользы. Напротивъ, въ письмѣ изъ Варшавы отъ 13 января 1825 г. Бродзинскій прямо жалуется на чеховъ, что они разрушили его недостаточно прочные принципы просодіи. „Nie mam nadziei, aby ią Polakom przywrócić można", писалъ онъ Челаковскому.[2]) Познакомившись и подружившись съ Челаковскимъ, Бродзинскій узналъ отъ него о его литературныхъ проектахъ и особенно живо интересовался его изданіемъ славянскихъ народныхъ пѣсенъ. Изъ Карловыхъ Варовъ онъ проситъ своего друга прислать ему отпечатанные листы второго томика: это будетъ для него пріятнѣйшее чтеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ упражненіе въ чешскомъ языкѣ и дастъ ему возможность поскорѣй ознакомить съ изданіемъ польское общество. Дружба двухъ поэтовъ скрѣплена была посвященіемъ Челаковскимъ Бродзинскому вышедшаго въ 1825 г. второго томика славянскихъ народныхъ пѣсенъ.[3]) Бродзинскій въ первые дни знакомства съ Челаковскимъ написалъ ему на память слѣдующее стихотвореніе:[4])

---

[1]) См. Арабажина, Каз. Бродзинскій. Кіевъ, 1891, стр. 285.

[2]) „Zoufal nad vši moznosti časomĕrnych polskych veršu, blahoslaviv nás", сообщалъ Челаковскій о результатахъ своихъ бесѣдъ по этому вопросу Камариту. Sebr. listy, 171.

[3]) Slowanské národnj pjsnĕ. Djl druhy. W Praze. 1825. Посвященъ: „Přjteli swému wáženému a milému, Kazimjrowi Brodzińskému, Professorowi krasowĕdy a literatury Polské, spoly tagemnjku při universitátu Waršawském".

[4]) Сообщаемъ его въ точной копіи съ подлинника, сохранившагося въ бумагахъ Челаковскаго. Оно напечатано было въ ж. Tygodnik liter., 1842, str. 355, но съ нѣкоторыми отступленіями отъ оригинала.

Czelakowskiemu.

Czyli ciebie anioł wodził,
Gdyś lube Sławiańskie wianki,
Podobne tchnieniom kochanki
Na swoyskich polach znachodził?

Z silnych piersi wydawane
Przebrzmiały iuż oyców pienia,
Grody w rumach rozsypane
Płaczą dawnego znaczenia.

Ale nagrodzą te straty
Spiewy Sławianek nadobne
I uwieńczą w polne kwiaty
Głazy oyczyzny nagrobne.

Gdzie pieśń tak miłą i czystą
Jeszcze miłość wydać zdoła,
Tam kiedyś sławę oyczystą
I Bojan z grobu wywoła.

Niewinność pieśni twych cechą,
Ocal ie Sławian plemieniu
Po stratach i w ucisnieniu
Niewinność iedną pociechą.

3 kwietnia 824. **K. B.**

* * *

Въ тотъ же день онъ записалъ въ знаменитый альбомъ Ганки слѣдующія строки, свидѣтельствующія о глубокомъ уваженіи польскаго поэта къ дѣятельности второго пражскаго друга и наставника.

„Czech i Polak, po iednéy idziemy kolei,
Sława nasza w przeszłości, oyczyzna w nadziei.
Jedne są nasze straty i cele, i chęci,

Żyymy dla dobra synów, dla ojców pamięci.
Tyś wzbudził męzkie pienia, chwałę męzkich czynów,
Tyś bozki ięzyk Sławian przechował dla synów.
Ja i za to uwielbiam moie przeznaczenie,
Że co możesz ia czuię, co czynisz ia cenię".

3 kwietnia 24. **K. B.**

Рукой Ганки сдѣлана приписка: „Kazim. Brodziński", не позволяющая сомнѣваться въ авторѣ этого стихотворенія.

* * *

Пребываніе Бродзинскаго въ Прагѣ было кратковременно. Какъ свидѣтельствуетъ Челаковскій, онъ предполагалъ пробыть здѣсь недѣлю.[1]) Поѣздка Бродзинскаго въ Италію неожиданно была прервана. 27 мая Челаковскій извѣщалъ уже Камарита о томъ, что „двѣ недѣли тому назадъ" онъ получилъ письмо отъ Бродзинскаго изъ Карловыхъ Варовъ. Бродзинскій, какъ оказывается, доѣхалъ только до Флоренціи, разболѣлся въ пути и вернулся въ Чехію, лѣчиться въ Карловыхъ Варахъ. Письмо это, какъ слѣдуетъ заключать, должно было быть написано Бродзинскимъ въ началѣ мая. Такимъ образомъ, отъ времени выѣзда Бродзинскаго изъ Праги въ Италію до вторичнаго возвращенія его въ Чехію прошелъ бы приблизительно мѣсяцъ. Сообщая Камариту вкратцѣ содержаніе письма Бродзинскаго, Челаковскій нѣкоторыя строки его передаетъ весьма точно, какъ бы цитируя ихъ. „Cesta do Rima mu nehrubě posloužila. Došel do Florencie, tam se rozstonal, a jak piše, má té cesty až po krk; česká voda pži vžidle mu prý lépe chutná, než červené vlašské vino", пишетъ Челаковскій. Эти строки какъ бы цѣликомъ взяты изъ сообщаемаго ниже письма, сохранившагося въ бумагахъ Фр. Л. Челаковскаго, только лѣтомъ минувшаго 1903 г. поступившихъ въ библіотеку Чешскаго Музея. Въ виду того, что до сихъ поръ оно нигдѣ

[1]) „Celý týden se tu zdrži". Sebr. listy, 154.

еще не было напечатано въ полномъ видѣ, мы сообщаемъ его здѣсь въ точной копіи съ оригинала. [1])

I.

Karlsbad, 2 Lipca 1824.
Jm weissen Löwen, auf dem Markt.

Zdziwi cię zapewnie, czcigodny Panie! że zamiast z Rzymu z Karlsbadu, z ziemi Czeskiéy przesyłam Ci serdeczne pozdrowienie. Tak chciały losy! Zdrowie moie niedozwoliło mi daley się zapuszczać, doiechałem tylko do Florencyi i na tém, prawdę powiem, mam dosyć. Ruiny sławian więcéy mię obchodzą, niżeli Włoch. Za czerwone włoskie wino piię teraz wodę Karlsbadzką i myślę, że to iest pokarm naszéy spólnéy matki. Z serca dziękuię za odebrane w Wiedniu poezye Kollára, ktúre mi tyle radości sprawiły, pozdrów go Panie odemnie, niech się nam mnożą podobni Poeci, niech się mnożą ci co słyszą, aby dzwięk pięknéy lutni nie przebrzmiał daremnie. Ja teraz przy wodach niewiele się trudnie książką i piórem, ale niecierpliwy iestem doczekać się drugiego Tomu pieśni Sławiańskich, abym ie prędźey mógł moim czytelnikom udzielić. Jeżeli nie iestem za smiały, proszę cię, dobry Panie! racz mi co udzielić, ieżeli iuż który arkusz wyszedł z druku, na teraz było by to dla mnie nayprzyiemnieyszą rozrywką, coś kolwiek przełożyć i pzytém w czeskim ięzyky daléy postąpić. Nigdy nie zapomnę naymilszych dni z podróży, które w Pradze między zacnemi Czechami przepędzilem, obym mógł tak na ich przyiaźń zasłużyć, iak iéy pragnę, iak ią cenię.

W Karlsbadzie zostanę ieszcze naymniéy trzy tygodnie. Jeżeli będę tak szczęśliwy odebrać twoie wyrazy, będę wdzięczen nieskończenie.

Pozdrowienie i szczera przyiaźń.
Kazimierz Brodziński.

Carlsbad. An Herrn Herrn Czelakowsky. Prag. Altstadt. Graf Thunische Haus. № 578.

---

[1]) Часть этого письма и извлеченіе изъ сообщаемаго ниже второго письма Бродзинскаго помѣщены были самимъ Челаковскимъ въ его хрестоматіи Všeslovanské počatečné čteni, částka I, 1850 str. 29.

Но страннымъ образомъ письмо это имѣетъ дату „2 Lipca“ (іюля). Между тѣмъ письмо Челаковскаго, въ коемъ онъ цитируетъ письмо Бродзинскаго, дважды помѣчено датой: „27 máje 1824“,[1]) и сомнѣній относительно времени написанія не должно, такимъ образомъ, возбуждать. Какъ свидѣтельствуетъ самъ Челаковскій, въ теченіе 1824 года онъ получилъ отъ Бродзинскаго единственное письмо изъ КарловыхъВаровъ,[2]) и оно для насъ сохранилось въ числѣ весьма немногихъ уцѣлѣвшихъ обломковъ корреспонденціи Челаковскаго въ не возбуждающемъ сомнѣній оригиналѣ.

На просьбу Бродзинскаго прислать ему листы Славянскихъ народныхъ пѣсенъ Челаковскій отвѣтилъ, очевидно, немедленно. По крайней мѣрѣ во второмъ письмѣ къ Челаковскому Бродзинскій прямо упоминаетъ о польскомъ письмѣ своего пражскаго друга, полученномъ еще въ Карловыхъ Варахъ. Послѣ обычнаго періода карловарскаго лѣченія Бродзинскій покинулъ Чехію. Въ Прагѣ его ожидали, полагая, что черезъ Прагу онъ проѣдетъ на родину,[3]) но путь Бродзинскаго лежалъ въ Швейцарію, а оттуда во Францію. Только къ 1825 г. онъ вернулся въ Варшаву. Найдя дома нѣмецкое письмо Челаковскаго отъ 6 ноября 1824 г., Бродзинскій 13 января 1825 г. отвѣчаетъ ему тонкимъ замѣчаніемъ за нѣмецкій языкъ письма и сообщаетъ ему нѣкоторыя подробности о своемъ путешествіи и литературныхъ проектахъ. Изъ этого письма Бродзинскаго видно, что онъ писалъ Челаковскому послѣ приведеннаго выше письма (I), но лицо, которому онъ поручилъ передать письмо въ Прагѣ, очевидно, не доставило его по назначенію. Такимъ образомъ, мы имѣемъ точныя данныя относительно трехъ писемъ Бродзинскаго къ его пражскому другу. Приводимъ здѣсь этотъ интересный отвѣтъ на ноябрьское письмо Челаковскаго.

---

[1]) Sebr. listy, 158 и 159.

[2]) Письмо къ Камариту отъ начала февр. 1825: „Z Karlových Varu, odkud mi *ponejprv a posledně vloni psal,* se odebral do Helvetska“... и пр. Далѣе приводитъ нѣсколько строкъ изъ второго сообщаемаго нами письма. Sebr. listy, 171.

[3]) „Čekáme jej do Prahy, nejspiše nastoupi tydyto cestu zpět do své vlasti“. Sebr. listy, 160.

II.

z Warszawy d. 13 Stycznia 1825.

Szanowny Przyiacielu!

Otóż z długiéy wędrówki wróciwszy, zastaię Twóy list datowany 6. Listopada, i po niemiecku pisany. Poznałem z niego, że móy odpis przez niepewnego oddawcę posłany nie doszedł, i za to ukarany zostałem listem niemieckim. Jeżeli nayprzód zechcesz mię ieszcze udarować odezwą, pisz po czesku albo po polsku, bo nie znać prawie, że Polakiem nie iesteś, gdy twóy list Karlsbadzki odczytuię.

Od Warów Karlowych puściłem się ieszcze na wędrówkę do Szwaycaryi, z tamtąd przez Francyą dopiero wróciłem oddać się moim zatrudnieniom i Muzom, a naywięcey przyiaciolom, do których liczby rad ciebie, móy drogi, naypierwéy policzam. Niecierpliwie wyglądam drugiego Tomu pieśni Sławiańskich, racz mi donieść, czy wyydzie Tomik trzeci, który podobno ma i polskie zawierać. Nader ubogi zbiór tychże mogę ci tylko obiecać. Nieszczęścia wieśniaków Polskich, stan rycerski, zbytki dworskich ludzi i tym podobne okoliczności zniszczyły i nas te polne kwiaty naydelikatnieyszey poezyi; cóżkolwiek bądź, poślę co zdołam z małem objaśnieniem, ieżeli ie do swoiéy przedmowy wcielić raczysz. Ja pracuię nad długiem Poematem z Polskiéy Historyi, ale zaledwo nie płaczę na was Czechów, żeście mi zburzyli moie niedość gruntowne zasady o Prozodyi, niemam nadziei, aby ią Polakom przywrócić można. Jeżeli tak dobrym będżiesz przysłać mi drugi Tom twoiego dziełka, racz to sprawić prosto przez *Diligence* pocztowy, bo przez księgarnią Lwowską nie tylko iest wielkie opóźnienie, ale nadto niepewność. My tu z księgarnią Lwowską bardzo mało mamy stosunków, i to dużo było by z drogi. Jeżeli zaś masz w Pradze znajomość z Uniwersytecką Kancellaryą, naylepiéy byłoby pod pieczęcią Uniwersytecką przesłać wprost pod adressem: *An die königliche Warschauer Universität*, tak niezawodnie mię doydzie. Pragnę z serca, aby się nasze związki listowne odnowiły,

abym wiedział o twoiém zdrowiu i powodzeniu, a ile można o stanie Czeskiey Literatury, przyrzekaiąc na wzaiem podobną gotowość z méy strony. Teraz bardzo po powrocie zatrudniony, kończyć muszę móy krótki list z zapewnieniem serdeczney przyiaźni i szacunku.

Brodziński.

WW. Hance i Jungmanowi szczére pozdrowienie i życzliwość.— An Herrn Herrn Fr. L. Čelakowský Wohladelgeboren in Böhmen à Prag.

Заключительныя строки этого письма, въ коихъ Бродзинскій выражаетъ горячее желаніе возобновить письменныя связи съ другомъ, чтобы знать о его здоровьѣ, житьѣ-бытьѣ и имѣть по возможности непосредственныя и столь авторитетныя сообщенія о чешской литературѣ, даютъ основаніе полагать, что переписка между ними продолжалась. Трудно допустить, чтобы Челаковскій послѣ столь торжественныхъ обоюдныхъ завѣреній въ расположеніи и дружбѣ отказался отъ сношеній съ всегда интереснымъ и полезнымъ варшавскимъ другомъ. Къ сожалѣнію, никакихъ слѣдовъ этой переписки не сохранилось.

Въ 1826 г. Бродзинскій напечаталъ извѣстное письмо къ редактору Dziennika Warsz. (1826, Tom III) о народныхъ пѣсняхъ и присоединилъ къ этому письму переводъ различныхъ славянскихъ пѣсенъ, взятыхъ имъ изъ изданія Челаковскаго [1]).

Спустя одиннадцать лѣтъ, въ 1835 г. Бродзинскій вновь посѣтилъ Карловы Вары. Больной и разслабленный, онъ искалъ исцѣленія у здѣшнихъ „чудотворныхъ водъ" [2]). О томъ былъ ли онъ теперь въ Прагѣ, навѣстилъ ли онъ своихъ старыхъ друзей, мы не встрѣтили никакихъ указаній.

---

[1]) „Obdrželi jsme opět Dziennik Warszawski, kde v čisle Maj. 1826. se nalezá sbirka národnich slov. pisni překlád. z našich Brodzinským".— такъ писалъ Челаковскій Камариту въ сент. 1826 г. Sebr. listy, 195.

[2]) См. Rozmaitości (Lwowskie), 1835, № 38, str. 303: Wyjątek z listu z Karlowych Waru.

Вл. Францевъ.

Нѣсколько замѣчаній о матеріалахъ по исторіи Ливоніи, содержащихся въ Метрикѣ Литовской Московскаго Архива Министерства Юстиціи.

Мнѣ приходилось не разъ убѣждаться, что даже бѣглыя замѣтки о содержаніи цѣлыхъ архивовъ или отдѣльныхъ группъ документовъ бываютъ весьма не безполезны для занимающихся наукой и ищущихъ матеріалъ въ архивахъ. Это соображеніе побуждаетъ меня публиковать нижеслѣдующее сообщеніе. Къ этому надо присоединить и еще одинъ мотивъ. Въ *Трудахъ* Рижскаго Археологическаго Съѣзда Н. Ф. Бѣляшевскій напечаталъ статью о ливонскихъ документахъ Варшавскаго архива Казенной Палаты. Важнѣйшая группа документовъ Метрики аналогична тѣмъ, какіе находятся въ Варшавѣ, и изслѣдователь, для болѣе или менѣе широко задуманной работы, долженъ воспользоваться обоими архивами.

Метрика Литовская представляетъ собою богатое собраніе документовъ, касающихся исторіи Ливоніи. Документы эти отличаются древностью, разнообразіемъ содержанія и особеннымъ богатствомъ данныхъ, характеризующихъ экономическую жизнь страны.

Въ общемъ, пользуясь отчасти хронологическимъ принципомъ, отчасти систематическимъ, всѣ источники, касающіеся Ливоніи, могутъ быть раздѣлены на 4 группы.

Въ 1-ую группу войдутъ документы, относящіеся къ Ливоніи до Ливонской войны. Ихъ сравнительно немного, и состоятъ они большею частью изъ жалованныхъ гросмейстерскихъ и епи-

скопскихъ грамотъ, судебныхъ актовъ, папскихъ буллъ и др. за время съ половины XIII в. (Сюда, напр., относятся Кн. Публ. Дѣлъ Лит. № 3 и множество актовъ, разбросанныхъ въ другихъ книгахъ).

Ко второй группѣ слѣдуетъ отнести документы съ конца 50 годовъ XVI ст., т. е. съ момента переговоровъ Ордена съ Литвой о подчиненіи, и до начала XVII в. Этотъ рядъ актовъ охватываетъ дѣятельность польско-литовскаго правительства въ періодъ борьбы за Ливонію и установленія здѣсь новыхъ порядковъ. Содержаніе этихъ документовъ отличается большимъ разнообразіемъ: дѣла, касающіяся переговоровъ польско-литовскаго правительства съ Орденомъ, замѣтки о военныхъ дѣйствіяхъ, инструкціи, наконецъ грамоты городамъ на вольности, подтвержденія прежнихъ привилегій дворянству, раздача ему же новыхъ земель, судебныя дѣла и пр. Документы этого отдѣла не сосредоточены въ одной какой-нибудь книгѣ (впрочемъ, можно назвать книгу декретовъ среди кн. Зап. Лит., № 105, кн. Пер. Кор. № 31), но разбросаны среди чисто литовскихъ дѣлъ въ книгахъ Записей и Судныхъ дѣлъ. Въ виду этого не легко опредѣлить количество названнаго рода документовъ.

Въ третью группу можно отнести документы, хронологически совпадающіе съ первой, но представляющіе по содержанію своему отдѣльный разрядъ; это—ревизіи ливонскихъ замковъ. О значеніи этого отдѣла будетъ сказано ниже.

Наконецъ, къ 4-ой группѣ за время XVII ст.,—документы самаго разнообразнаго содержанія и разбросанные въ разныхъ книгахъ (напр. Пер. Лит. № 23, Нов. Дѣлъ, № 109, 80, 124, 106, 107, 108). Изъ этого схематическаго обзора ливонскихъ документовъ видно громадное ихъ значеніе для исторіи края; значеніе это еще должно увеличиться въ глазахъ занимающихся Ливоніей, если поставить на видъ то обстоятельство, что книгами Метрики вовсе не пользовались до настоящаго времени изслѣдователи исторіи Ливоніи. Кромѣ того названные документы рисуютъ положеніе страны въ разное время и съ разныхъ сторонъ и особенно представляютъ великолѣпный матеріалъ объ экономическомъ строѣ страны въ концѣ XVI в. Послѣдняго рода данныя находятся въ 3 группѣ документовъ.

Самымъ важнымъ отдѣломъ среди ливонскихъ документовъ является группа ревизій, т. е. описаній ливонскихъ замковъ, присоединенныхъ къ Литвѣ. Значеніе этой группы обусловливается тѣмъ, что ревизіи заключаютъ въ себѣ самое точное описаніе почти всей Ливоніи въ концѣ XVI в. (ревизія производилась въ 1581—1595 г.г.). Изъ общей схемы произведенной ревизіи видно, какой матерьялъ она представляетъ.*)

Ревизоры описывали каждый замокъ и окружающее его староство отдѣльно. Описавъ замокъ съ военной точки зрѣнія—его укрѣпленія, расположеніе, количество и качество военныхъ и провіантскихъ запасовъ, ревизоръ переходитъ къ городу. Здѣсь сообщаются имена домовладѣльцевъ, ихъ занятія и промыслы, свѣдѣнія о зажиточности населенія, его податяхъ и повинностяхъ, о городской торговлѣ, привилегіяхъ, путяхъ сообщенія и пр.; за описаніемъ города слѣдуютъ села и имѣнія землевладѣльцевъ.

Каждое селеніе описывается опять-таки весьма подробно. Сообщаются имена крестьянъ, ихъ хозяйственное (количество земли, скота, орудій) и семейное положеніе, подати и повинности и пр. Весьма интересны подробности о размѣрахъ запашки, урожаевъ, какъ на казенныхъ, такъ и на крестьянскихъ земляхъ, замѣчанія ревизоровъ о положеніи крестьянъ и т. п. Далѣе ревизія, описавъ королевскіе дворы—фольварки и ихъ хозяйство переходитъ къ частнымъ землевладѣльцамъ. Тутъ сообщаются свѣдѣнія объ ихъ имѣніяхъ. Послѣдняго рода сообщенія весьма важны еще и тѣмъ, что ревизоры приводятъ копіи или содержаніе грамотъ, на основаніи которыхъ помѣщики владѣютъ имѣніемъ. Такимъ образомъ получается возможность прослѣдить исторію мобилизаціи земельной собственности съ XIV в. (такъ какъ къ тому времени относятся древнѣйшія грамоты), т. е. почти за все время самостоятельнаго существованія Ливоніи.

---

*) См. мою ст. „Къ ист. поземельной реформы въ Ливоніи въ 1580—1592 г.г.“ въ Трудахъ 10 Археол. Съѣзда въ Ригѣ; зам. г. Гаусмана въ Sitz.—Ber. d. gelehrt. Estn. ges., 1901.—„Ueber d. Jnventar der Starostei Dorpa im Jahre 1582“.

Вотъ тѣ данныя, которыя можно извлечь изъ богатаго матеріала ливонскихъ ревизій. Ко всему этому надо присоединить еще то обстоятельство, что ревизіи Литовской Метрики представляютъ собою б. ч. черновыя бумаги, составленныя ревизорами. Это не только не уменьшаетъ значенія документовъ, но еще увеличиваетъ его. Въ экземплярахъ ревизіи заключаются весьма важныя свѣдѣнія о самомъ процессѣ описанія земель, приводятся различные документы, протоколы засѣданій и пр.—всѣ такіе акты, которые не могли попасть въ бѣловые экземпляры, представлявшіеся въ скарбъ. Такимъ образомъ ливонскія ревизіи, находящіяся въ Метрикѣ, представляютъ особый интересъ, такъ какъ даютъ рядъ указаній для провѣрки дѣятельности ревизоровъ, а слѣдовательно и степени достовѣрности памятника, и кромѣ того протоколы и замѣтки ревизоровъ тѣмъ замѣчательны, что подобныхъ документовъ вовсе не сохранилось при другихъ литовскихъ ревизіяхъ: какъ не нужные для государственной канцеляріи, они въ нее не поступали и не дошли до насъ.

Указавъ въ общихъ чертахъ значеніе ревизій, какъ историческаго источника, перехожу къ обзору тѣхъ книгъ, въ которыхъ онѣ находятся.

1) *Кн. Пер. Лит. № 17:* Книга ревизіи 1582 г. на 182 л. Въ ней описаны слѣд. замки: Dünamünde, Nowy Młyn, Zegwolt, Cremen, Treyden, Wenden alias Kies, Wolmaria, Szmilthen, Trykath, Runenborgk, Serbin, Szwien, Bebell, Nitava, Lemburg alias Malopill, Lurgenburg alias Iawnopill, Bodenpeis.

2) *Кн. Пер. Лит. № 21:* Великолѣпное описаніе Дерптскаго староства, изобилующее хозяйственными подробностями, 1616 г., на 131 л.

3) *Кн. Пер. Лит. № 20:* Ревизія Инфлянтскихъ замковъ 1590 г., на 418 л. Въ ней находится описаніе слѣд. 40 замковъ: Риги, Дюнамюнде, Новаго Млына, Жегволта, Кремона, Трейдена, Икскуля, Кирхгольма, Kiesi, Nitavy, Румборка, Шмельтына, Ermes, Helmef, Ruyn, Lemsel, Фелина, Иберполя, Новогродка, Маріенборка, Kierempec, Сванемборка, Adzla, Sesveia, Somla, Люцына, Рѣжицы, Маріенгаузена, Lawdan, Кокенгузена, Asskarat, Леновар-

та, Лаиса, Дерпта, Пернова, Wanzel, Dzierbin, Skuyno, Лембурга Эти три книги и заключаютъ въ себѣ статистическое описаніе той части Орденскихъ владѣній, которая въ концѣ XVI в. оказалась въ рукахъ поляковъ.

Къ нимъ самымъ тѣснымъ образомъ примыкаютъ книги ревизорскихъ протоколовъ съ записями жалованныхъ грамотъ, представленныхъ дворянами въ доказательство правъ ихъ на владѣніе имѣніями. Такова книга Revisio generalis literarum provinciae Livoniae, Rigae, anno Domini 1583 peracta; на 304 л.л. (Кн. Переп. Лит. № 18).

Въ Метрикѣ есть также другой экземпляръ той же книги въ отд. Переп. Кор. № 28.

Обѣ книги обнимаютъ въ себѣ привилегіи Венденскаго, Перновскаго и Дерптскаго praesidatus и заключаютъ въ себѣ описаніе слѣд. замковъ. *Praesidatus Wendensis:* Маріенгаузенъ, Шваненбургъ, Люцынъ, Rositensis, Динабургъ, Seszweiensis, Laudunensis, Creytzburgensis, Кокенгаузенъ, Oerlensis, Pebalgensis, Rodenpeysensis, Siessegalensis, Sontzelensis, Dalensis, Szmiltensis, Runenburgensis, Suiensis, Кирхгольма, Икскуля, Леновардена, Ашерадена, Nowa Mola, Nitaviensis, Vendensis, Lumburgensis, Jurgenborgensis, Жегвольта, Trycatensis. *Praesidatus Dorpatensis*: Дерптъ, Маріенбургъ, Adzelensis, Layssensis, Odempeyssensis, Neyhausensis, Kirempecensis, Sanguicensis, Raudenensis. *Praesidatus Pernawiensis:* Вольмаръ, Перновъ, Salis, Иберполь, Фелинъ, Carkussiensis, Helmetensis, Ruynensis, Burtnicensis, Лемзель, Ermessensis, Кремона, Трейденъ, Pernigel, Allendorfensis, Ropen et Pappendorfensis, Obenormensis.

Къ этимъ двумъ книгамъ относится еще одна *(Пер. Лит. № 19)* на 161 л., заключающая въ себѣ протоколы ревизора Ст. Пекославскаго 1584—1586 г.г. Въ нихъ находятся подробныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ дворянскихъ имѣніяхъ, грамоты судебныя и жалованныя, рѣшенія самого ревизора и пр. Такъ здѣсь между прочимъ встрѣчаются документы объ имѣніяхъ отд. дворянъ и цѣлыхъ округовъ напр., документы объ имѣніяхъ: Achaty et Fabiani a Duna fratrum inquisitio (bonorum). Adriano Chybicz militi bona adjudicata. Adfertur bona sub arte Helmetense.—Albertus Fincty.—

Andreas Caucrio. — Ascheradensis nobilitatis inquisitio. — Assegal villa Cremonensis.—Arensborg bonorum revisio.—Babsel bonorum in districtu Cremonensi decretum.—Birringy bonorum revisio. Bialkowskj cum Fresen.—Bartoldus ab Ulsen cum Stabrowsky.—Baltazar Spenkhusen.—Burringariae hereditatis curatoribus responsum и нѣк. др.

Сказаннаго вполнѣ достаточно для уясненія точнаго значенія только что описаннаго рода документовъ для исторіи экономическаго быта Ливоніи. Достаточно въ данномъ случаѣ сослаться на то, что самый фактъ произведенной литовскимъ правительствомъ реформы въ Лифляндіи остается темнымъ до сихъ поръ въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ по исторіи Ливоніи: многіе изслѣдователи совсѣмъ не знаютъ о ней, а тѣмъ болѣе о результатахъ ревизіи. Исторія ливонскаго крестьянства все еще строится на описаніяхъ общаго характера со словъ очевидцевъ, а не на документальныхъ данныхъ. Тѣ же ревизіи представляютъ и еще особый интересъ для русскаго историка: въ Фелинѣ и Дерптѣ еще въ концѣ XVI в. стояли русскія церкви, окрестное крестьянство носитъ прозвища славянскія, среди него не малое количество бобылей.

Выяснивъ вопросъ о ревизіяхъ, надо еще указать на одно обстоятельство.

Такъ какъ въ Архивѣ Варшавской Казенной Палаты есть документы, аналогичные имѣющимся въ Метрикѣ, то слѣдовало бы выяснить ихъ взаимоотношеніе. Мнѣ приходилось знакомиться и съ Варшавскими документами, хотя и очень бѣгло. Впрочемъ подспорьемъ можетъ служить названная статья Н. Ф. Бѣляшевскаго.

По характеру своему, переписи замковъ обоихъ архивовъ сходны. Въ Варшавѣ находятся реестры провентовъ, т. е. перечень доходовъ, шедшихъ съ королевскихъ имѣній въ скарбъ. Эти реестры составлялись на основаніи инвентарей, представляемыхъ ревизорами, при чемъ текстъ инвентаря иногда повторялся буквально, но чаще въ сокращеніи. Въ Варшавскомъ архивѣ на ряду съ реестрами провентовъ есть несомнѣнно и полные инвентари (напр.: Дерпта 1582 г., Фелина, Люцына и др.), конечно, сходные (вѣроятно и тождественные) съ текстомъ ревизіи Литовской

Метрики. Однако, въ общемъ между документами обоихъ архивовъ есть существенное различіе, а именно: различіе количественное, хронологическое и качественное.

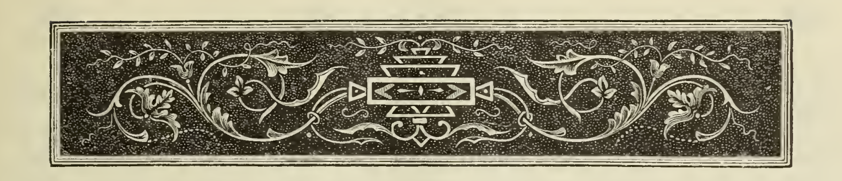
Количественная разница состоитъ въ томъ, что въ Варшавѣ находятся памятники ревизіи 1582 г., 1599 г., и реестры провентовъ за разные годы (1582—1599 г.г.) только относительно *нѣкоторыхъ* замковъ, притомъ для меньшинства ихъ. Такъ, въ Метрикѣ есть описанія 58 королевскихъ замковъ (не забудемъ, что это описаніе для каждаго замка двоякаго рода: королевскихъ имѣній и прилегающихъ къ нимъ дворянскихъ). Въ Варшавѣ же за разные годы и разнаго рода документы имѣются только относительно 14 (Дерптъ, Трейденъ, Кирхгольмъ, Helmef, Taurus, Фелинъ, Иберполь, Люцынъ, Рѣжица, Кокенгаузенъ, Ашкаратъ, Лаисъ, и Ванзель).

Хронологическое различіе документовъ обоихъ архивовъ сводится къ тому, что ревизіи Метрики относятся къ 1590 г., а части замковъ къ 1592 г. Ревизія 1590 г. есть продолженіе ревизіи 1582 г. Въ Варшавѣ же къ 1599 г. относятся описанія 10 замковъ, Дерпта за 1582 г., другіе—представляютъ собою реестры провентовъ за разные годы.

Наконецъ, третье различіе—качественное сводится къ тому, что при ревизіяхъ Метрики есть документы, характеризующіе дѣятельность ревизоровъ, документы, касающіеся дворянскихъ владѣній; наконецъ, инвентари полнѣе реестровъ провентовъ. При этомъ надо имѣть въ виду дополнительные документы Метрики, какъ свѣдѣнія о таможенныхъ сборахъ, цѣнахъ и пр.

Изъ сказаннаго вытекаетъ, что Варшавскій архивъ обладаетъ лишь частью, при томъ весьма незначительною по числу и менѣе полною по изложенію, той самой серіи описаній Ливоніи, которой обладаетъ Метрика; документы послѣдней даютъ возможность характеризовать всю страну во всей полнотѣ.

М. Довнаръ-Запольскій.

О деревянныхъ рѣзныхъ изображеніяхъ „путтовъ" въ южно-русскихъ церквахъ XVII—XVIII в.

Въ настоящее время весьма многіе древніе памятники южно-русскаго искусства, съ оригинальными, своеобразными формами, постепенно исчезаютъ. То, что было ранѣе сохранено предками отъ „рукъ вражескихъ", польскихъ и татарскихъ, теперь пропадаетъ безслѣдно отъ времени, сырости, отъ равнодушія къ произведеніямъ отечественнаго художественнаго творчества. Общую участь испытываетъ и церковная деревянная скульптура. Хотя христіанство и въ особенности восточная церковь не даетъ большого простора для развитія скульптуры, однако пластика не была совершенно изгнана изъ православныхъ храмовъ. Въ прежнее время было въ обычаѣ, какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ Россіи, ставить деревянныя статуи въ церквахъ и часовняхъ.

Когда и какъ возникла деревянная рѣзная скульптура на Руси, объ этомъ, за отсутствіемъ положительныхъ данныхъ, можно строить только болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія. Въ литературѣ по этому вопросу существуетъ разногласіе. По мнѣнію однихъ, происхожденіе деревянной скульптуры—то-же самое, какъ и эмали и другихъ производствъ—ими Русь обязана Ви-

зантіи. Отъ византійскихъ художниковъ Кіевъ получилъ первые образцы рѣзныхъ на деревѣ, кости и камняхъ иконъ, панагій и крестовъ. Въ XVI вѣкѣ Новгородъ уже славился рѣзными мастерами [1]). По мнѣнію другихъ, начало русской деревянной скульптуры слѣдуетъ отнести къ половинѣ XVI столѣтія. Основаніемъ для этого мнѣнія служитъ лѣтописное преданіе, изъ котораго видно, что въ столь передовомъ городѣ какъ Псковъ, бывшемъ въ сношеніи съ Ганзой и Ливоніей, не знали деревянныхъ статуй до 1540 года, [2]). Однако деревянный рѣзной образъ св. Николая Можайскаго явился въ Можайскѣ въ концѣ XIV вѣка; по мнѣнію проф. Н. И. Петрова, онъ былъ занесенъ сюда изъ сосѣдней съ Можайскомъ Литвы [3]). Не слѣдуетъ также забывать изображенія, высѣченныя обронно изъ камня, на постройкахъ Владиміра и Юрьева XII в.

Какъ бы то ни было, въ XVII ст. дерево дѣлается уже любимымъ матеріаломъ русской скульптуры. Въ Москвѣ, въ числѣ царскихъ художниковъ и ремесленниковъ Мастерской Палаты, появляются рѣзчики по дереву; по государеву указу они вырѣзываютъ кресты, образа, иконостасы, царскія врата въ церквахъ и т. п. Уцѣлѣвшіе до нашего времени памятники (а именно: царскія врата, надпрестольныя сѣни, троны и патріаршія мѣста) свидѣтельствуютъ о высокомъ состояніи рѣзнаго деревяннаго дѣла въ XVII вѣкѣ въ Ярославско-Ростовской области.

---

[1]) Древности Росс. Государства, изд. по Высоч. повелѣнію. Москва, 1849. Отд. I, стр. 54 и сл.

[2]) По словамъ Псковской лѣтописи, нѣкіе старцы «переходцы съ иные земли» привезли въ Псковъ два образа «нарѣзи въ храмцахъ» св. Николая и св. Пятницы. Псковичи были въ недоумѣніи, такъ какъ подобныхъ иконъ до того времени у нихъ не было. За разрѣшеніемъ недоразумѣнія они обратились къ Новгородскому архіепископу Макарію, который „самъ знаменовался тѣмъ святымъ иконамъ и молебенъ имъ соборне пѣлъ" и отослалъ обратно, приказавъ встрѣтить съ подобающими почестями. С. Яремичъ, Головы св. Іоанна Предтечи, въ «Худож. сокровищ. Россіи», изд. Импер. Общества поощренія художествъ, 1901 г. № 2, табл. 18. В. Курбатовъ, Деревянныя статуи святыхъ въ «Худ. сокр. Россіи», 1901 г., № 7, таб. 76.

[3]) Н. И. Петровъ, Рѣзныя изображенія св. Николая Можайскаго и историческая судьба ихъ, во второмъ томѣ Трудовъ XI Археологичеекаго съѣзда въ Кіевѣ.

Свѣтопечать С. В. Кульженко, Кіевъ.

Рѣзныя изображенія малютокъ-ангеловъ.

Южно-русская скульптура XVIII в.

Итакъ, деревянныхъ скульптурныхъ изображенiй въ былое время существовало не мало [1]). Главной причиной гибели деревянныхъ статуй слѣдуетъ считать указъ Петра I (1722 г.), воспрещавшiй дѣлать рѣзныя фигуры святыхъ и повелѣвавшiй удалить существующiя статуи изъ храмовъ. Послѣ этого указа много скульптурныхъ произведенiй было удалено изъ церквей и погибло. Образцы деревянной скульптуры можно теперь встрѣтить кое-гдѣ въ древнихъ церквахъ и въ музейныхъ собранiяхъ, между прочимъ въ музеѣ императора Александра III, въ Историческомъ музеѣ и въ музеѣ П. И. Щукина въ Москвѣ, въ Новгородскомъ музеѣ и проч.

Въ юго-западномъ краѣ такого рода произведенiя искусства были въ большомъ распространенiи какъ среди католиковъ, такъ и среди православныхъ. Немногочисленные остатки этого, теперь почти исчезнувшаго, искусства еще и до сихъ поръ встрѣчаются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссiи [2]). Въ малорусскихъ церквахъ уцѣлѣли кое-гдѣ рѣзныя фигуры ангеловъ на великолѣпныхъ иконостасахъ и кiотахъ. Намъ удалось собрать изъ нѣкоторыхъ мѣстъ Волынской и Подольской губ. нѣсколько экземпляровъ деревянныхъ статуй и головокъ малютокъ ангеловъ для музея изящныхъ искусствъ при университетѣ св. Владимiра. Прилагаемая таблица представляетъ рѣзныя изображенiя малютокъ-ангеловъ изъ церкви Спаса Преображенiя въ м. Полонномъ Новоградволынскаго уѣзда Волынской губ. (XVIII в.).

Указать происхожденiе этого типа малютки-ангела и роль, которую играютъ фигуры малютокъ ангеловъ въ церквахъ,—такова цѣль настоящей статьи. Слѣдуетъ полагать, что роль этихъ фигурокъ

---

[1]) Особенно распространены были статуи небольшой величины Николая Чудотворца и Параскевы Пятницы.

[2]) Можно, напримѣръ, указать три деревянныхъ фигуры апостоловъ и первосвященника въ Покровской церкви въ г. Ромнахъ Полтавской губ. (»Искусство и Худ. пром.» 1901 г. № 8, стр. 256), фигуры ангеловъ въ Успенской церкви м. Ични Черниговской губернiи, двѣ статуи святыхъ въ соборной Успенской церкви г. Канева Кiевской губернiи, статую арх. Михаила въ кладбищенской часовнѣ с. Ольшаницы Васильковскаго уѣзда Кiевской губ., статуи святителей въ Почаевской лаврѣ.

исключительно декоративная; онѣ возникли изъ декоративной потребности подъ вліяніемъ Запада и аналогичны тому, что въ западномъ искусствѣ извѣстно подъ именемъ „путтовъ“.

Характерная черта путта состоитъ въ томъ, что возрастъ его составляютъ полтора или два года и что онъ безыменный. Фигуры, рѣзко индивидуализированныя поэзіей или культомъ (какъ напр. малютка Плутосъ или Діонисъ античнаго міра), не могутъ быть названы путтами, такъ какъ путты не имѣютъ имени.

Путтовъ нельзя смѣшивать съ ангелами, которые играютъ роль въ христіанской иконографіи въ качествѣ почетной небесной стражи и вѣстниковъ вѣчнаго спасенія. Самое древнее изображеніе ангела мы встрѣчаемъ въ катакомбѣ Присциллы въ извѣстной сценѣ Благовѣщенія. Здѣсь уже созданъ типъ ангела, который остается неизмѣннымъ и въ послѣдующіе вѣка; три черты характеризуютъ его: первая черта—та, что ангелъ представляется въ юношескомъ возрастѣ, вторая черта состоитъ въ томъ что онъ взрослый, и третья—та, что онъ одѣтъ въ тунику и въ тогу. Эти особенности настолько присущи ангеламъ, что даже въ томъ случаѣ, когда они безкрылые, ихъ легко узнать рядомъ съ родственными имъ путтами, эротами, геніями и побѣдами. Такими мы встрѣчаемъ ангеловъ въ римскихъ мозаикахъ, въ Равенскомъ и Византійскомъ искусствѣ [1]). Путты, напротивъ,—голыя дѣти; только небольшая драпировка иногда отчасти прикрываетъ ихъ.

Путтъ ведетъ свое начало изъ античнаго искусства [2]). Въ первый разъ путты появляются въ эллинистическую эпоху, когда

---

[1]) См. Max Zimmermann, Giotto und die Kunst Italiens im Mittelalter. Erster Band. Leipz. 1899, S. 152 sq. Stuhlfauth, Die Engel in der altchristlichen Kunst. 1896.

[2]) Едвали можно сближать путтовъ съ херувимами Іерусалимскаго храма, которые были вышиною въ десять локтей, съ крыльями въ пять локтей длины, изъ оливковаго дерева и позолочены, такъ какъ неизвѣстно, имѣли-ли они человѣческій или звѣриный образъ, или представляли собою двупородныя существа, какъ херувимы въ видѣніи Іезекіиля; во всякомъ случаѣ это не были дѣти. См. Верманъ, Исторія искусства всѣхъ временъ и народовъ. Пер. А И. Сомова т. I. С.-Петерб. 1903. стр. 263.

греческое искусство утратило прежній общественный, оффиціальный характеръ и стало служить вкусамъ частныхъ лицъ. Въ это время въ греческой пластикѣ появляется цѣлая толпа эротовъ; этотъ фактъ яснѣе всего показываетъ, насколько угасающій эллинскій міръ склонялся къ шуточному элементу. Такъ какъ высшихъ боговъ нельзя было привлечь внизъ, то ихъ мѣсто заступаетъ эротъ: иногда онъ держитъ молнію Зевса, трезубецъ Посейдона, или аттрибуты другихъ боговъ, надѣваетъ львиную шкуру Геракла, беретъ въ руки его дубину. Эроты часто изображаются на рельефахъ вмѣстѣ съ Посейдономъ, Амфитритой,тритонами и другими морскими божествами. Такъ, напримѣръ, на красивомъ рельефѣ Мюнхенской Глиптотеки, представляющемъ свадебное шествіе Посейдона, эроты играютъ среди морскихъ божествъ и держатъ за узду морскихъ коней, быковъ, драконовъ, на которыхъ сидятъ нимфы (Brunn-Bruckmann, Denk. griech. u. röm. Sculptur. Taf. 124.).

Главная черта, характеризующая эрота, точно также какъ и путта,—игривая рѣзвость и дѣтская отвага. Характеръ этотъ, безъ сомнѣнія, лучше всего выраженъ въ знаменитомъ произведеніи эллинистической пластики—въ группѣ мальчика, борющагося съ гусемъ. Группа эта, сохранившаяся во многихъ экземплярахъ, считается воспроизведеніемъ бронзоваго оригинала работы Боэѳа, одного изъ немногихъ мастеровъ, имена которыхъ сохранились въ исторіи искусства временъ діадоховъ. Въ первый разъ особенности дѣтской натуры подмѣчены здѣсь съ удивительною наблюдательностью. За изображенія дѣтей брались и раньше, напримѣръ, въ V вѣкѣ; но въ этихъ изображеніяхъ зрители видѣли только дѣтскія фигуры, а не дѣтей. На вазахъ V столѣтія дѣти кажутся не дѣтьми, а уменьшенными мужчинами; такія кукольныя фигуры на рукахъ кормилицъ производятъ нерѣдко даже комическое впечатлѣніе. На одной изъ картинъ Полигнота, Iliupersis, маленькій Астіанаксъ стоя сосетъ материнскую грудь. Даже на фризѣ Эрехѳейона скульпторъ изобразилъ большого мальчика лежащимъ на колѣняхъ своей матери или кормилицы. Пракситель въ фигурѣ малютки Діониса впалъ въ противоположную ошибку и рядомъ съ самымъ совершеннымъ знаніемъ фигуры взрослаго человѣка показалъ полную неопытность въ изображеніи дѣтей.

Такимъ образомъ мальчикъ Боэθа является первымъ несомнѣннымъ представителемъ огромной семьи путтовъ. Насколько путты въ эллинистическую эпоху вошли въ моду, показываетъ одно идиллическое произведеніе Александрійской пластики, прекрасное мраморное олицетвореніе полулежащаго бога рѣки Нила, находящееся въ Ватиканѣ, можетъ быть, римская копія греческаго оригинала (Brunn-Bruckman, Taf. 196.). Держа въ лѣвой рукѣ рогъ изобилія и облокотившись ею на сфинкса, старецъ-Нилъ въ правой рукѣ, покоющейся на колѣнѣ, держитъ пучекъ колосьевъ. Шестнадцать малютокъ-геніевъ, изъ которыхъ нѣкоторые возятся съ крокодиломъ и ихневмономъ, взбираются вверхъ по фигурѣ бога, олицетворяя собою шестнадцать локтей періодическаго повышенія воды въ Нилѣ.

Къ этой же порѣ несомнѣнно относится вторженіе бытоваго элемента въ кругъ сюжетовъ, разработывавшихся коропластами. Подобно представителямъ высшаго искусства, лѣпщики мелкихъ терракотовыхъ статуэтокъ въ свою очередь охотно начали вовлекать миθологическіе персонажи въ область граціознаго и игриваго жанра: появились многочисленные Танагрійскіе эроты съ гусями, пѣтухами, собачками, борющіеся другъ съ другомъ, или катающіеся верхомъ на козлахъ, лебедяхъ или дельфинахъ.

Изъ античнаго міра путтъ переходитъ въ христіанское искусство. Однимъ изъ первыхъ и наиболѣе популярныхъ заимствованій у античной древности, сдѣланныхъ итальянской пластикой въ эпоху ранняго Возрожденія, были фигуры маленькихъ голыхъ дѣтей [1]). До XV столѣтія христіанское искусство употребляетъ дѣтскія формы только для того, чтобы представить младенца Іисуса въ изображеніяхъ Мадоннъ или въ сценахъ Рождества или поклоненія волхвовъ, причемъ до XIV вѣка младенецъ Іисусъ представляется одѣтымъ. Въ XV вѣкѣ изображеніе маленькихъ дѣтей неожиданно входитъ въ моду. Только подъ вліяніемъ изученія античнаго искусства, гдѣ такъ часто воспроизводятся малютки-

[1]) S. Weber, Die Entwicklung der Putto in der Plastik der Frührenaissance. 1898.

геніи или эроты, флорентинская скульптура заинтересовалась дѣтскими формами. Чаще всего она представляетъ малютокъ съ крыльями: маленькіе геніи античнаго искусства сдѣлались ангелами христіанскими. Но также часто они не имѣютъ религіознаго характера и употребляются какъ простой мотивъ орнаментаціи: они держатъ гирлянды, стѣнные часы или гербовые щиты. Первыя голыя дѣти, которыхъ мы встрѣчаемъ въ итальянской скульптурѣ, это—малютки съ гирляндами въ рукахъ, украшающія цоколь гробницы Ilaria del Caretto скульптора Якопо делла Кверчія (Jacopo della Quercia) въ Луккскомъ соборѣ, перваго десятилѣтія XV в. Съ этого момента мы встрѣчаемъ въ изобиліи фигуры путтовъ въ произведеніяхъ всѣхъ мастеровъ этой эпохи и особенно Michelozzo и Donatello. Это увлеченіе фигурами маленькихъ дѣтей соотвѣтствовало настроенію итальянскихъ художниковъ: здѣсь они могли вполнѣ выразить свое чувство нѣжности и любви,—только такимъ образомъ объясняется широкое распространеніе этого мотива; Флорентинская скульптура, вдохновляясь античными памятниками, создала здѣсь одну изъ прелестнѣйшихъ формъ своего искусства.

Въ послѣдующіе вѣка путты, благодаря обаянію своей свѣжей юности, увлекаютъ не только скульпторовъ, но и живописцевъ. Рафаэль, Тиціанъ, Корреджіо, Дюреръ, Мурильо, Ванъ-Дикъ и особенно Рубенсъ отводятъ имъ широкое мѣсто въ своихъ твореніяхъ. Успѣху путтовъ способствуютъ тѣ библейскіе сюжеты, въ которыхъ разсказъ ведется человѣчески трогательно и прежде всего Богоматерь съ младенцемъ Іисусомъ. Начиная съ XV вѣка, мотивъ Мадонны дѣлается однимъ изъ величайшихъ мотивовъ искусства благодаря тому, что въ немъ выразилось материнское чувство. Это была проблема долгое время неразрѣшимая. Византійцы смотрѣли на Богородицу какъ на строгую и важную царицу, безъ всякой радости и безъ улыбки; тоже было въ средніе вѣка на Западѣ. Только благодаря итальянскимъ скульпторамъ и живописцамъ XV вѣка типъ Мадонны очеловѣчивается, не унижаясь, но наполняясь самыми чистыми чувствами человѣческаго сердца. Флорентинскіе художники поняли, что пр. Дѣва Марія была матерью прежде, чѣмъ стать царицей; какъ искренніе христіане, они видѣли ее, сквозь евангеліе и преданіе, сосредоточенной и скром-

ной въ своемъ величіи, безъ сомнѣнія счастливой, но въ тоже время скорбной, чувствующей безпокойство передъ кровавымъ будущимъ своего Сына. Это выраженіе материнскаго чувства и придало мотиву Мадонны столь плѣнительную и всеобщую привлекательность. Возлѣ младенца Іисуса появляется маленькій Іоаннъ, товарищъ его дѣтскихъ игръ, а затѣмъ не замедлили выступить и путты, съ тихимъ благоговѣніемъ, нерѣшительнымъ любопытствомъ и наивной дѣтской ласковостью взирающіе на младенца, лежащаго на колѣняхъ матери.

Декоративный вкусъ художниковъ отводитъ путтамъ опредѣленное мѣсто въ картинахъ: красивыми группами они обыкновенно располагаются въ небесахъ, олицетворяя славу и интересно, въ смыслѣ красокъ и формъ, заполняя пустыя мѣста вокругъ лицъ, сидящихъ на тронѣ или возносящихся на небо. Съ тѣхъ поръ воздухъ и облака сдѣлались настоящей стихіей путтовъ. Въ эпоху барочной пластики путты и ангелы, какъ фигуры, удобныя для декоративнаго заполненія пространствъ, нашли самое широкое примѣненіе. Художники создали для церквей, дворцовъ, гробницъ, фонтановъ и рѣшетокъ цѣлые сонмы дѣтскихъ фигуръ съ выраженіемъ простодушной наивности, счастливаго самодовольства или юмора.

Западное вліяніе черезъ Польшу привело путтовъ и въ малорусскіе храмы. Въ томъ, что статуи эти мѣстной работы, не можетъ быть никакого сомнѣнія. Рѣзьба изъ дерева была любимою отраслью пластическаго искусства у малорусскаго народа. Широкое поле для развитія этого мастерства представляли иконостасы, кіоты, божницы, подсвѣчники и въ особенности царскія врата въ церквахъ. Изъ описанія малорусскихъ церквей и ихъ обстановки, оставленнаго намъ діакономъ Павломъ Алеппскимъ, можно составить себѣ представленіе о томъ, какого широкаго примѣненія достигло въ Малороссіи древорѣзное искусство уже въ половинѣ XVII вѣка. О роскоши отдѣлки рѣзныхъ иконостасовъ и церковной утвари, которая приводила въ изумленіе арабскаго туриста, мы можемъ судить по тѣмъ памятникамъ, которые пощадило время и которые дошли до насъ. Еще до недавняго времени въ Кіевѣ существовали остатки цеха *кресторизовъ*, т. е. рѣзчиковъ, исполнявшихъ изъ дерева рѣзные кресты и иконы.

Форма рѣзныхъ изображеній малютокъ-ангеловъ въ южно-рускихъ церквахъ остается совершенно западною. Подобно путтамъ Донателло или Веррокіо, фигуры малютокъ ангеловъ—красивые, полненькіе, живые и розовые ребятишки, съ жирными ручками, съ ямочками на кистяхъ рукъ, съ пухлыми щечками. Это—дѣти, которыхъ мы часто встрѣчаемъ въ жизни, любуясь ихъ красотой, шалостями и забавами. Реализмъ этихъ фигуръ усиливается еще отъ того, что дерево допускаетъ раскраску. Ярко раскрашенныя и позолоченныя, эти дѣтскія фигуры производятъ впечатлѣніе живой дѣйствительности. Техническая обработка, стиль драпировокъ съ сухими, ломанными складками, пріемъ живописца, состоящій въ томъ, что непокрытыя части, головы, руки, росписаны съ реалистическою вѣрностью, все-же остальное, особенно драпировки, покрыты позолотой, свидѣтельствуютъ о вліяніи нѣмецкихъ деревянныхъ рѣзныхъ работъ XV и XVI ст. Какъ извѣстно, съ половины XV вѣка рѣзьба по дереву получила въ Германіи такое развитіе, что рѣзныя работы того времени превосходятъ своимъ количествомъ и даже значеніемъ произведенія каменной скульптуры и литейнаго искусства.

Головы нашихъ малютокъ-ангеловъ надѣлены живымъ выраженіемъ чувства. Нѣкоторыя головки имѣютъ кудрявые, вьющіеся волосы, а другія—прическу мѣстнаго происхожденія.

Одинъ изъ путтовъ держитъ вѣнокъ, а другой перо; это—аттрибуты чисто ангельскіе. Главный аттрибутъ ангеловъ, какъ извѣстно, свитокъ. Ангелы сопровождаютъ каждый шагъ въ жизни человѣка; отъ колыбели и до смерти и даже за гробомъ имъ ввѣрено попеченіе о людяхъ; каждый поступокъ человѣка составляетъ предметъ ихъ наблюденія, и они записываютъ то, что видятъ [1]). Отсюда—свитокъ и перо.

Рѣзныя изображенія путтовъ въ южно-рускихъ церквахъ, подобно другимъ произведеніямъ барочной скульптуры, не всѣ одинаковаго достоинства. Рядомъ съ хорошими рѣзными работами стоятъ произведенія второстепенныя въ художественномъ

---

[1]) G. Stuhlfauth, Die Engel in der altchristlichen Kunst, S. 31.

отношеніи, очень грубаго ремесленнаго исполненія. Но каковы бы ни были художественныя достоинства этихъ статуй, всѣ онѣ очень интересны, какъ памятники народнаго искусства, какъ показатели нашей родной старины, культурныхъ интересовъ нашихъ предковъ.

Г. Павлуцкій

Объяснительные параграфы по исторіи западно-русской церкви.

§ 1.

Новыя данныя о Витебскомъ, Мстиславскомъ, Оршанскомъ и Могилевскомъ епископѣ Іосифѣ Кононовичѣ Горбацкомъ и вызываемыя ими замѣчанія о мнимомъ епископствѣ Игнатія Оксеновича Старушича.

Обращающіяся въ литературѣ свѣдѣнія объ этомъ епископѣ основываются главнымъ образомъ на «Краткомъ извѣстіи о началѣ Кіевской Академіи" et caet., помѣщенномъ преосвящ. Евгеніемъ въ его «Описаніи Кіево-Софійскаго собора и кіевской іерархіи» (Кіевъ, 1825 г.), гдѣ онъ, перечисляя лицъ, бывшихъ ректорами „Кіевскаго Богоявленскаго училища», о Горбацкомъ сообщаетъ слѣдующее:

«Іосифъ Кононовичъ Горбацкій (былъ ректоромъ) съ 1643 *по 1648 г.*, потомъ переведенъ въ Златоверхо-Михайловскій монастырь, а въ 1650 году посвященъ во епископа *Бѣлорусскаго* [1]), и тамъ скончался *неизвѣстно когда»* [2]).

---

[1]) Выраженіе неточное. Титулъ *Бѣлорусскаго* присвоенъ былъ позднѣйшимъ по времени епископамъ въ данной мѣстности, именно послѣ присоединенія Сѣверо-Западной Руси (Бѣлоруссіи) къ Московскому государству.

[2]) См. *прилож.* 41, стр. 226.

Позднѣйшіе изслѣдователи къ этимъ краткимъ біографическимъ свѣдѣніямъ объ Іосифѣ Кононовичѣ Горбацкомъ присовокупили нѣкоторыя дополненія, отчасти резонныя, отчасти не резонныя.

Къ резоннымъ должно отнести сокращеніе времени для ректуры Горбацкаго въ Кіево-Могилянской коллегіи, что дѣлалось постепенно, по мѣрѣ ознакомленія изслѣдователей съ новыми данными. Послѣдняя поправка по этому вопросу принадлежитъ проф. Н. И. Петрову. Въ своемъ изслѣдованіи—"Кіевская Академія во второй половинѣ XVII вѣка" (Кіевъ, 1895 г.), онъ говоритъ: „По принятому доселѣ мнѣнію, Горбацкій былъ игуменомъ и ректоромъ братскимъ съ 1642 и до 1646 года, т. е. въ теченіи четырехъ лѣтъ, и *въ 1646 году* назначенъ былъ игуменомъ Кіево-Михайловскаго монастыря. Но мы имѣемъ основаніе думать, что Горбацкій переведенъ въ игумены Кіево-Михайловскаго монастыря годомъ раньше, т. е. въ 1645 году, такъ какъ въ этомъ году онъ уже значится Кіево-Михайловскимъ игуменомъ (стр. 13—14; цитата: «Кіево-Михайловскій монастырь", Кіевъ, 1889 г., стр. 133).

Поправка Н. И. Петрова къ прежнимъ мнѣніямъ по данному вопросу вполнѣ основательна. Эту поправку можно подкрѣпить и тоговременными документами, изъ коихъ видно, *когда* оформлено было избраніе Горбацкаго въ игумены Кіево-Михайловскаго монастыря и *когда* состоялась оффиціальная передача ему сей обители. Документы эти (на нихъ мы имѣли уже случай указать печатно) суть слѣдующіе:

1) Привилегія польскаго короля Владислава IV, данная во время Варшавскаго сейма 5/15 *марта 1645 года* Іосифу Кононовичу Горбацкому на Кіево-Михайловское игуменство. Здѣсь говорится, что бывшій игуменъ Кіево-Михайловскаго монастыря Филоѳей Кизаревичъ добровольно отказался отъ управленія сею обителію. Поэтому король, имѣя хорошую рекомендацію о Горбацкомъ, какъ человѣкѣ ученомъ и добромъ инокѣ, и предоставляетъ ему игуменство въ означенномъ монастырѣ [1]).

---

[1]) „Władisław czwarty, z łaski Bożey krol Polski... oznaymuiemy.. iz maiąc sobie dobrze zaleconą Wielebnego w Bodze Josepha Kononowicza Horbackiego iak *w naukach biegłosc*, tac y poboźnosc żywota zakonnego..

2) Выпись изъ книгъ городскихъ воеводства Кіевскаго отъ *29 мая 1645 года,* заключающая въ себѣ сознаніе „вознаго енерала“ означеннаго воеводства шляхетнаго Мелентія Бабинца. Здѣсь говорится, что онъ, возный енералъ, «въ року теперешнемъ *тысяча шестьсотъ сорокъ пятомъ, мѣсяца мая пятаго дня....* былъ на справе велебного его милости отца Іосифа Кононовича Горбацкаго, *ректора и игумена еще на тотъ часъ монастыря братства Кіевскаго,..* (былъ) въ монастыру святого Михаила Златоверхого, при мѣстѣ Кіевскомъ будучимъ, и тамъ при бытности законниковъ всѣхъ и капитулы, въ томъ монастыру знайдучихся, подлугъ привилею, отъ его королевской милости.... даного, и згодное елецiи всее капитулы помененого монастыря, *Іосифа Кононовича Горбацкаго на игуменство вышереченого монастыря интромѣтовалъ“....*[1])

Разумѣется, едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что *добровольная* уступка Кизаревича Кіево-Михайловской обители (уступка, оформленная соотвѣтствующимъ актомъ) состоялась *вслѣдствіе желанія* митрополита Петра Могилы, съ которымъ Кизаревичъ (какъ свидѣтельствуютъ о томъ многочисленныя данныя) находился въ наилучшихъ отношеніяхъ. Кіево-Михайловское игуменство было какъ бы наградою Горбацкому за понесенные имъ труды для Кіево-Могилянской коллегіи (подобной системы П. Могила постоянно держался).

Но сдѣланы изслѣдователями и не резонныя добавленія къ біографическимъ свѣдѣніямъ объ Іосифѣ Кононовичѣ Горбацкомъ, сообщеннымъ преосв. Евгеніемъ. Сюда относятся: а) пріуроченіе посвященія Горбацкаго *къ концу* 1650-го года и б) отнесеніе его кончины *къ тому же 1650-му году.* [2])

---

umyslilismy mu manaster swiętego Michała Złotowierchego nazwany, przy miescie naszym Kiiowie leżący, *po dobrowolnym ustąpeniu y rezygnaciey wielebnego w Bogu Filateia Kizarewicza wakuiący*, dac y konferowac, iakoż nineyszym listem daiemy y konferuiemy“... et caet. (Архивъ Греко-уніат. митрополитовъ при Св. Синодѣ, связ. № 39).

[1]) Архивъ Греко-уніатскихъ митрополитовъ при св.Синодѣ, связ. № 39.

[2]) Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ Академіею, *В. Аскоченскаго*: Кіевъ 1856 г., ч. I, стр. 158 (безъ указанія на источникъ). Отсюда—*Н. Ѳ. Му-*

Надо полагать, что первое добавленіе сдѣлано какъ логическій выводъ изъ біографическихъ свѣдѣній о предшественникѣ Горбацкаго по ректурѣ въ Кіево-Могилянской коллегіи—*Игнатіи Оксеновичѣ Старушичѣ*,—который, по сообщенію преосв. Евгенія въ упомянутомъ трудѣ, якобы *12 іюля 1650 года* посвященъ былъ во епископа Бѣлорусскаго и въ семъ же году скончался. [1]) Что касается второго добавленія, то оно основаніемъ своимъ имѣетъ позднѣйшіе (и, какъ оказывается, изобилующіе ошибочными свѣдѣніями) „списки игуменовъ Кіево-Братскаго монастыря, ректоровъ, префектовъ и учителей Кіевской Академіи», помѣщенные *въ прилож.* къ сочиненію Н. И. Петрова: „Кіевская Академія во второй половинѣ XVII вѣка" [2]). Здѣсь о Горбацкомъ читается слѣдующее: „Іосифъ Кононовичъ Горбацкій ректоръ и игуменъ братскій Кіевскій, добро подвизавшійся о ученіи въ школахъ, иже потомъ бысть епископъ Витебскій, Мстиславскій, Оршанскій и Могилевскій, преставися же року 1650» [3]).

хинъ, Кіево-Братскій училищный монастырь. Кіевъ, 1893 г., стр. 76 и другія.—Преосв. Макарій (Исторія рус., церкви. XI, 532), *М. И. Лилеевъ* (Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII вв. Вып. I, Кіевъ, 1895 г., стр. 61), *К. Харламповичъ* (Западно-рус. православныя школы XVI и начала XVII вѣка. Казань, 1898 г., стр. 406) и другіе полагаютъ даже, что Горбацкій еще *въ 1644 году* назначенъ былъ коадъюторомъ Могилевской епархіи и назывался *Бѣлорусскимъ епископомъ*. Изслѣдователи введены въ заблужденіе документомъ, помѣщеннымъ въ *Актахъ Южной и Зап. Россіи* (т. V, № 19), съ датою отъ *9 декабря 1644 года*, подъ заглавіемъ: Мѣновая запись *кіевскаго митрополита Петра Могилы Бѣлорусскому епископу Іосифу Горбацкому* объ уступкѣ Кіево-Печерскихъ монастырскихъ селъ: Печерска и проч. Но это документъ *подложный*, о чемъ см. нашъ оффиціальный отзывъ объ упомянутомъ сочиненіи Лилеева (Отчетъ о четвертомъ присужденіи преміи Г. Ѳ. Карпова, Москва, 1898 г., стр. 13—15).

[1]) Описаніе Кіево-Софійскаго собора. Кіевъ, 1825 г. *Прилож.* стр. 226.

[2]) Критическое отношеніе къ симъ спискамъ рекомендуется и самимъ издателемъ ихъ (см. стр. 3 упомянутаго сочиненія Н. И. Петрова).—Списками, безъ сомнѣнія, пользовались нѣкоторые изслѣдователи (Аскоченскій) до ихъ обнародованія. При ошибкахъ и неточностяхъ списки въ извѣстныхъ частяхъ имѣютъ несомнѣнное историческое значеніе, такъ какъ у составителя были подъ руками подлинные документы, до нашего времени не сохранившіеся (см., наприм., свѣдѣнія объ избраніи на ректуру Варлаама Ясинскаго).

[3]) На сторонѣ списка замѣчено: «Памянникъ Братскаго монастыря.»

Кое-что по поводу означенныхъ добавленій можно возразить и на основаніи данныхъ, уже обнародованныхъ. Такъ нельзя пріурочить посвященіе Горбацкаго въ епископы *къ концу* 1650 года, имѣя въ виду его обязательство оказывать ежегодное вспомоществованіе Кіево-Могилянской коллегіи,—обязательство, данное имъ *12 іюля 1650 года уже въ санѣ епископа.* [1]) Нельзя не усумниться и въ достовѣрности сообщаемаго въ позднѣйшемъ документѣ свѣдѣнія о времени кончины Горбацкаго *въ томъ же 1650 году*, имѣя въ виду *Записки игумена Ореста*, гдѣ кончина эта пріурочивается къ *1653 году* [2]),—хотя слѣдуетъ замѣтить, что не всѣ числовыя данныя въ этихъ «запискахъ» отличаются безусловною точностію (Игуменъ Орестъ „наименованіе" Горбацкаго на епископію Могилевскую относитъ *къ 1644 году*; допускаетъ неточности и по отношенію къ другимъ лицамъ и событіямъ).

Мы имѣемъ въ виду хотя отчасти восполнить скудныя свѣдѣнія объ епископствѣ Іосифа Кононовича Горбацкаго, преимущественно, на основаніи данныхъ, доселѣ не обнародованныхъ.

Начнемъ рѣчь съ избранія Іосифа Кононовича Горбацкаго въ епископы.

Свѣдѣнія объ этомъ находятся въ слѣдующихъ двухъ документахъ: во 1-хъ, въ грамотѣ короля Яна Казиміра, данной Горбацкому на Мстиславскую епископію, и, во 2-хъ, въ универсалѣ того же короля къ митрополиту Сильвестру Коссову съ наказомъ о посвященіи въ епископы Горбацкаго [3]).

---

[5]) Памятники Кіев. Комм., изд. II. 1898 г. т. II, от. I, № XX

[8]) Археогр. сборн. документовъ сѣверо-зап. Руси, т. I. *Прилож.*, стр. XI.—Преосв. Макарій (Исторія рус. церкви, XII, 89) кончину Горбацкаго относитъ (какъ увидимъ, вѣрно) *къ первой четверти 1653 года*, но на основаніи документа (А. Ю. и Зап. Рос., т. X, № 7, ст. VII), гдѣ объ этомъ *опредѣленныхъ* свѣдѣній нѣтъ.

[9]) *Архивъ Министц. Юстиціи.* Записки Вел. Княж. Литов. № 124 докум. 351—352, л.л. 260 об. и слѣд. Срав. Архивъ греко-ун. митр. при Св. Синодѣ, № 531 (новый № 786).—Приводимъ извлеченіе изъ перваго документа: „Oznaymuiemy tym listem naszym..., iż za postąmpieniem Wielebnego w Bogu oyca Sylwestra Kossowa, Mscisławskiego, Orszanskiego y Mohilewskiego episkopa na mitropołią Kiiowską..., stan duchowny y swiecki relligiey Ruskiey, disunici, vigore Pactorum, przed szczęsliwą koronatią sw. pamięci krola jego M—ci Wladisława IV, pana brata naczego, zawartych...

Изъ этихъ двухъ документовъ видно, что елекція на Мстиславскую епископію происходила въ второй половинѣ *1649 года* (оба поименованные документа датированы 13-мъ января 1650 года, слѣдов. по старому стилю *3-го января*). Избирателями были, по тогдашнему обычаю, какъ духовныя, такъ и свѣтскія лица. Они избрали *четырехъ* кандидатовъ, въ числѣ коихъ былъ и Горбацкій. Имена остальныхъ трехъ остаются неизвѣстными, такъ какъ самый актъ елекціи до нашего времени не дошелъ (точнѣе, доселѣ не розысканъ). Въ обоихъ указанныхъ документахъ отмѣчается, что Мстиславская епископія, послѣ назначенія Коссова митрополитомъ Кіевскимъ, оставалась вакантною. Утвержденіе королемъ изъ представленныхъ ему кандидатовъ именно Іосифа Кононовича Горбацкаго мотивируется, по общепринятому обычаю, выдающимися достоинствами послѣдняго («pracami około chwały Bożyey“).

Мстиславская епископія оставалась вакантною долгое время, около трехъ лѣтъ [1]). Преосвященный Макарій объясняетъ это

---

iednostaynym consensem y głosem, per liberam electionem na ten urząd Episkopiey...: *czterech candidatow* nam proponowali. My miedzy innemi maiąc zaleconą Wielebnego oyca Iosepha Kononowicza Horbackiego, na ten czas ihumena monastera Michayłowskiego, w Kiiowie będącego, pobożnosc, mądrosc, życia przykladnosc, w służbie Bożey czułosc y żarliwosc, onemu ten urząd episkopiey Mscisławskiey, Orszanskiey y Mohilewskiey dac y konferowac umyslilismy, iakoż y nineyszym listem daiemy i conferuiemy. Ma pomieniony ociec Kononowicz Horbacki zwyż reczoną episkopią z cerkwią S. Spasa w miescie naszym Mohilewie y monastyrem, przy ney będącym, na Catbedrę episkopom Mscisławskim naznaczoną, y ze wszytkimi do ney przynależnosciami, od mała do welika, z dworem, z maietnoscią. Pieczersk miedzy inszemi iakokolwiek nazwanemi cerkwiami, wsiami, folwarki, poddanemi, z ich czynszami, powinnosciami, z gruntami, borami y ieziorami, mlynami, karczmami, z przewozem zdawna przy cerkwi S. Spasa w Mohilewie na rzece Dnieprze będącym, y z innemi wszystkiemi, in genere et specie zdawna do tey episkopiey należącemi, tudziez też praerogatiwami, władzą y iurisdictią, y ze wszystkiemi prowentami, do tey episkopiey służącemi, tak iako ich wielebny ociec Kossow dzierżał y używał, do żywota swego albo do stumpenia wysszey iakiey godnosci duchowney trzymac y używac, chwalę Bożą ze wszech miar pomnozaiąc y za szczęsliwie panowanie nasze Pana Boga prosząc“... и проч.

[1]) Сильвестръ Косовъ избранъ былъ на Кіевскую митрополію *25 февраля 1647 года* (Архивъ Юго-Зап. Рос., ч. II, т. 1, № XXVIII).

тѣмъ, что бывшій Мстиславскій епископъ Сильвестръ Коссовъ, избранный на Кіевскую митрополію, не получилъ въ свое управленіе богатой Кіево-Печерской обители, а потому и удерживалъ за собою прежнюю свою каѳедру съ ея имѣніями, о чемъ свидѣтельствуютъ его подписи подъ документами („Сильвестръ Коссовъ, милостіею Божіею, архіепископъ митрополитъ кіевскій, галицкій и вся Россіи, епископъ мстиславскій, оршанскій и могилевскій“ [1]).

Объясненіе это не можетъ быть принято. Митрополичья епархія была слишкомъ обширна и митрополиты управляли отдаленными ея частями (въ литовскихъ краяхъ) черезъ своихъ намѣстниковъ. Включеніе, хотя бы и временное, въ составъ ея еще цѣлой епархіи должно было вредно отзываться на интересахъ православной церкви. Поэтому Сильвестръ Коссовъ не могъ желать удерживать за собою Мстиславскую епархію изъ-за матеріальныхъ разсчетовъ, да если бы и пожелалъ, встрѣтилъ бы сильнѣйшее противодѣйствіе со стороны самихъ православныхъ. Долгое незамѣщеніе Мстиславской каѳедры обусловливалось другими причинами, именно, усилившимися послѣ смерти митрополита Петра Могилы притѣсненіями православныхъ со стороны латино-уніатской партіи, сильно вліявшей на правительственную власть, вслѣдствіе чего для православныхъ пользованіе предоставленными имъ при воцареніи Владислава IV правами было крайне затруднено. Затруднено было, между прочимъ, и замѣщеніе дѣлавшихся вакантными высшихъ іерархическихъ должностей, для чего требовалось утвержденіе (привилегія) короля.

Тяжкія пораженія, понесенныя польскими войсками отъ возставшаго на защиту своей вѣры и народности казачества, выну-

---

[1]) Исторія рус. церкви, т. XII, стр. 14.—Документъ, на который ссылается преосв. Макарій, имѣетъ дату: «12 сентября *1650 року*» (Архивъ Юго-Зап. Рос., ч. I, т. IV, № 2). Въ это время С. Коссовъ *не могъ* именовать себя епископомъ Мстиславскимъ. Очевидно, при изданіи документа произошла какая-то ошибка.—Кіево-Печерская архимандрія оставлена была въ завѣдываніи Петра Могилы по избраніи его на митрополію *пожизненно*: Сильвестръ Коссовъ *не могъ* ее получить (Это обусловлено было актомъ, которымъ *временно* соединялись въ однѣхъ рукахъ управленіе митрополіею и архимандріею).

дили польское правительство заключить съ послѣднимъ (9 августа 1649 года) Зборовскій договоръ. Въ договорѣ обѣщано было полное возстановленіе правъ православной церкви, что имѣло быть оформлено „на близко пришломъ сеймѣ", куда по этому поводу православный митрополитъ съ духовенствомъ и приглашался [1]). Вотъ къ этому-то времени, когда сдѣлалось возможнымъ осуществленіе назрѣвшихъ потребностей въ „справахъ церковныхъ", и относятся заботы православныхъ о замѣщеніи вакующихъ іерархическихъ должностей, въ томъ числѣ и епископіи Мстиславской (старанія о чемъ, безъ сомнѣнія, были и прежде, но по указаннымъ обстоятельствамъ не увѣнчивались успѣхомъ).

На сеймѣ, созванномъ въ Варшавѣ къ 22 ноября 1649 года, послѣ бурныхъ разсужденій по поводу обѣщаннаго въ Зборовскомъ договорѣ полнаго возстановленія правъ западно-русской церкви, королемъ выданъ былъ (2/12 генв. 1650 г.) благопріятствующій православнымъ (хотя и съ урѣзками обѣщаній) [2]) дипломъ[3]).

Въ дипломѣ, между прочимъ, говорится, что „вакующіе въ настоящее время епископіи Луцкая, Холмская и *Витебская, соединенная съ Мстиславскою*, съ принадлежащими къ нимъ церквами... отдаются („oddaiemy") въ вѣдѣніе Кіевскаго православнаго митрополита и тѣхъ лицъ, которыя на означенныя епископіи избраны и имъ, митрополитомъ, посвящены (будутъ посвящены). Въ дипломѣ подчеркивается, что дѣлается это королемъ *согласно его обѣщанію, данному при Зборовскомъ договорѣ.* Ясный знакъ, что епископіи оставались незанятыми отнюдь не по винѣ православныхъ.— На другой день по утвержденіи королемъ диплома выдана была Іосифу Кононовичу Горбацкому, *находившемуся во время сейма въ Варшавѣ* [4]), и упомянутая привилегія на Мстиславскую епископію.

---

[1]) Акты Юго-Зап. Рос., т. III № 303, стр. 415—416.

[2]) Въ договорѣ говорилось: «и мѣсце въ сенатѣ преосвященному его милости отцу митрополитѣ Кіевскому его королевская милость позволяетъ мѣти».

[3]) Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. II, т. I. № XXXII.

[4]) Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. II, т. I, стр. 376.

Относительно того, *когда* и *гдѣ* состоялось посвященіе Горбацкаго въ санъ епископа, прямыхъ свидѣтельствъ нѣтъ. Но имѣются косвенныя данныя, дающія право сдѣлать по сему вопросу *весьма вѣроятное* заключеніе, само собою напрашивающееся.

Мы выше упомянули, что *12 іюля 1650 года* Іосифомъ Кононовичемъ Горбацкимъ, *при томъ уже въ санѣ епископа*, дано было *въ Кіевѣ* письменное обязательство оказывать ежегодное вспомоществованіе Кіево-Братской коллегіи. Но *въ тоже время и въ томъ же Кіевѣ* даны были подобныя обязательства и другими южно-русскими іерархами, именно: *Діонисіемъ Балабаномъ*, епископомъ Холмскимъ и Бѣльскимъ, *Іосифомъ Чапличемъ Шпановскимъ*, епископомъ Луцкимъ и Острожскимъ, и *Антоніемъ Винницкимъ*, епископомъ Перемышльскимъ и Самборскимъ [1]). Покойный И. И. Малышевскій въ своемъ оффиціальномъ отзывѣ на упомянутое изслѣдованіе Н. И. Петрова („Кіевская Академія во второй половинѣ XVII вѣка") отмѣчаетъ этотъ фактъ, какъ очень важный въ исторіи нашей Академіи. «Мы имѣемъ здѣсь,—говоритъ онъ,—на лицо присутствіе цѣлаго собора іерарховъ въ коллегіи», оказавшихъ ей какъ матеріальную поддержку въ видѣ пожертвованій, такъ поддержку и нравственную, сказавшуюся въ частности на выраженныхъ въ записяхъ похвалахъ коллегіи и поощреніяхъ служенію ея на общую пользу всей западно-русской церкви. Замѣтивъ, что собраніе іерарховъ въ Кіево-Могилянскую коллегію, „совпавшее именно съ окончаніемъ учебнаго года, ведетъ къ предположенію о присутствіи ихъ на какомъ-либо обычномъ къ концу года актѣ въ коллегіи въ родѣ диспута и т. п.,"—почтенный рецензентъ уклоняется отъ рѣшенія вопроса: „*по какому поводу состоялся съѣздъ епископовъ въ Кіевѣ*" [1]). Мы думаемъ, что ближайшимъ поводомъ къ этому было посвященіе новоизбранныхъ на епископій лицъ въ санъ епископскій (о посвященіи *въ Кіевѣ* одного изъ сихъ лицъ, именно Антонія Винницкаго имѣется—какъ увидимъ—положительное свѣдѣніе). Разумѣется, этотъ главный поводъ не исключаетъ и другихъ побужденій къ съѣзду высшей іе-

---

[1]) Памятники Кіев. Комм., изд. 2. 1898 г., т. II, отд. I, № XIX—XX.

[1]) Труды Кіев. Дух. Акад. 1896 г. № 14, *Протоколы*, стр. 139—140.

рархіи, вызванныхъ необходимостію общаго совѣщанія о дѣлахъ церковныхъ, что отчасти усматривается и изъ упомянутыхъ нами обязательствъ западно-русскихъ епископовъ по отношенію къ Кіево-Могилянской коллегіи.

Эти обязательства даны были епископами,—какъ мы сказали,—*12 іюля 1650 года*. Такъ какъ неестественно предполагать, чтобы западно-русскіе іерархи на долгое время оставляли свои епархіи (т. е. долго загостились въ Кіевѣ), то, слѣдовательно, и посвященіе Горбацкаго нельзя отодвигать далеко назадъ отъ указаннаго числа. Впрочемъ, есть возможность опредѣлить время этого посвященія еще съ большею точностью. Въ одномъ изъ рукописныхъ сборниковъ, хранящихся въ Московской Синодальной Типографской библіотекѣ подъ *№ 390*, находится грамота митрополита Сильвестра Коссова ко всѣмъ духовнымъ и свѣтскимъ особамъ Великаго Княжества Литовскаго, датированная *5-мъ іюля 1650 года*.

Въ этой грамотѣ Коссовъ заявляетъ, что архипастырская обязанность («повинность») побуждаетъ его заботиться, дабы въ его митрополитанской епархіи „всякое исправленіе было, такъ въ житіи духовныхъ, яко и въ расширеніи хвалы Божія.“ Но такъ какъ епархія эта чрезвычайно обширна и онъ, митрополитъ, не имѣетъ возможности лично посѣщать отдаленныя „церкви Божіи и ихъ служителей“, непосредственно ему подчиненныхъ, то пришелъ къ мысли «лучшаго ради чину весь межи духовенствомъ дозоръ мужу того достойному вовѣрити и вручити», съ присвоеніемъ ему званія «митрополитанскаго и екзаршаго намѣстника». Выборъ митрополита палъ «на превелебнѣйшаго въ Богу господина отца Іосифа Горбацкаго, милостію Божіею *православнаго епископа* Витебского, Мстиславского, Оршанского и Могилевского, *игумена Михайловского, Кіевского*», который охотно и принялъ возлагаемыя на него обязанности («старати вмѣсто насъ не отмовилъ и зъ любви своей братерской то творити славы ради имени Господни изволилъ»). Довольно подробно перечисливъ права и обязанности Горбацкаго, какъ своего намѣстника въ краяхъ литовскихъ (исключая собственную епархію Горбацкаго, гдѣ онъ имѣетъ дѣйствовать какъ самостоятельный епископъ—«по своей ему воли»),—митрополитъ заканчиваетъ грамоту призывомъ ко всѣмъ «христо-

именитымъ духовнаго и свѣцкаго достоинства людямъ», приказывая имъ оказывать «превелебнѣйшему господину отцу епископу... достойную честь, и повинную, и послушенство» во всѣхъ духовныхъ справахъ, отнюдь не дерзая обнаруживать «ни едино знаменіе и образъ противленія и непослушанія: Дафановско бо и Авироновско жъ и иныхъ непокорныхъ дѣло сіе есть» [1]).

Далѣе. Мы сказали, что о посвященіи въ Кіевѣ Перемышльскаго епископа Антонія Винницкаго имѣется свѣдѣніе положительное. Это—занесенное въ рукопись митрополита Льва Кишки извлеченіе изъ грамоты о посвященіи Винницкаго, писанной въ городѣ Кіевѣ, въ храмѣ св. Софіи, мѣсяца *іюля 27*, року 1650, и скрѣпленной подписями участвовавшихъ при этомъ іерарховъ, именно Сильвестра Коссова, митрополита Кіевскаго, Іосифа Чаплича, епископа Галицкаго и Каменецъ-подольскаго, *Іосифа Горбацкаго, епископа Витебскаго, Мстиславскаго, Оршанскаго и Могилевскаго*, и Зосимы Прокоповича, епископа Черниговскаго [2]).

Очевидно, что дата грамоты прочтена не вѣрно: Антоній Винницкій не могъ быть посвященъ въ епископы *27 іюля* 1650 г., такъ какъ мы видимъ его въ семъ санѣ уже 12 іюля означеннаго года. Не трудно и возстановить дату. Безъ сомнѣнія вмѣсто *іюля* слѣдуетъ читать *іюня* (Отсутствіе подъ грамотою подписи Діонисія Балабана ведетъ къ предположенію, что самъ онъ въ это время еще не былъ ркоположенъ).

Такимъ образомъ *къ 27 іюня* 1650 года Горбацкій былъ уже полноправнымъ епископомъ (рукоположенъ). Съ его подписью (рукоприкладствомъ) какъ *номината* Витебской et caet. епископіи (т. е. еще *непосвященнаго* въ епископа) намъ извѣстенъ документъ *отъ 25 апрѣля 1650 года* („Компромѣсъ о перевозъ Либедскій чрезъ его милость пана Киселя, воеводу Кіевскаго, мижъ отцами Видубицкими до трехъ лѣтъ учиненный“) [3]). Въ предѣлахъ этого

---

[1]) См. означенной рукописи л. 26.

[2]) Сводная Галицко-русская лѣтопись съ 1600 по 1700 г. *Петрушевича*. Львовъ, 1874 г., стр. 110.

[3]) Рукопис. Сборникъ Кіево-Выдубицкаго монастыря, № подъ литерою Г, лл. 33—34.

двухмѣсячнаго промежутка посвященіе Горбацкаго въ епископы, по всѣмъ даннымъ и соображеніямъ, должно быть пріурочиваемо ко времени позднѣйшему, едва-ли ранѣе половины іюня.

Послѣ своего посвященія въ санъ епископа Іосифъ Кононовичъ Горбацкій не долго пробылъ въ Кіевѣ и вскорѣ послѣ 12 іюля выѣхалъ отсюда въ свою епархію. 4-го Августа (1650 г.) мы видимъ его уже *въ Могилевѣ*. Здѣсь ему устроена была торжественная встрѣча, причемъ ученики мѣстной братской школы привѣтствовали епископа стихами. Обо всемъ этомъ узнаемъ изъ рукописи Московской Синодальной Типографской Библіотеки, хранящейся здѣсь подъ № 1800, гдѣ на оборотѣ 85 л. читаемъ:"Въ року 1650, мѣсяца августа 4 дня, въ день недѣльный по обѣдѣ, при въѣздѣ до мѣста Могилевскаго и до церкви каѳедральной епископской ясне въ Богу превелебнаго его милости отца Горбацкаго, епископа Витебскаго, Мстиславскаго, Оршанскаго и Могилевскаго, з вежи, предъ монастыремъ Богоявленскимъ брацкимъ прибраной, отъ спудеовъ того же братства вѣрши (были) мовлены». Затѣмъ слѣдуютъ самыя вирши, произнесенныя учениками. Всѣхъ виршей произнесено *девять*; изъ нихъ на западно-русскомъ языкѣ—5, на польскомъ—3 и на латинскомъ—1. Въ заключеніе пропѣтъ былъ Cantus in adventum Reverendissimi Episcopi на польскомъ языкѣ.

Приведемъ для характеристики витійствованія въ Могилевской братской школѣ (о которой въ спеціальныхъ сочиненіяхъ имѣются свѣдѣнія самыя скудныя) по одному стихотворенію на каждомъ изъ поименованныхъ языковъ.

I.

Витай Бѣлорускогo оздобо Сіону,
Въ той край завиталой отъ музъ з Геликону.
Витай Могилеанскаго Колюмна Парнассу,
Вдячную отъ мѣстцъ святыхъ маючи окрасу,
На святительской, мовлю, головѣ корону,
Отъ Архипастыря намъ присланный Ѳрону.
Жый, пастырю, щасливе; жый долгіе лѣта,
Нѣхъ злосливе парки не зазрятъ ти свѣта!

II.

Przybądzcie Muzy plemie Jowisza wielkiego,
Dopomożcie nam witac pasterza naszego,
Ktorego nam wychował Kiiow wiekopomny
Na okrase tym kraiom naszym w wiek potomny.
Witaycie z Apołłonem nauk miłosnika,
Niechay przy lutni iego kożda z wul wykrzyka:
Żyy Josephie Horbacki w wieki nie przeżyte,
Paś owieczki swe, pastwie twoiey należyte.

III.

Fama tua Horbacki probitas spectata per urbes,
Nobilis et Felix, proemium utrinqne tenes,
Nobilitat virtus maiorum iuncta labori:
Felicem reddunt proemia digna tui.
Sudores vidit multos tibi vinea Christi,
Suscipe mercedem, proemia digna viro,
Qui.... nodos et coeca sophismata solvis.
Vive diu filix, sors faveat, voveo.

Сохранились, немногія впрочемъ, данныя и о дѣятельности Іосифа Кононовича Горбацкаго во время непродолжительнаго (около $2^1/_2$ лѣтъ) управленія его Могилевской епархіей.

Отмѣтимъ наиболѣе важное.

Лично получивъ королевскую привилегію на Мстиславскую епископію, Горбацкій нѣкоторое время оставался въ Варшавѣ, разумѣется, съ цѣлію заручиться оффиціальными распоряженіями для безпрепятственнаго пользованія правами, предоставленными православнымъ дипломомъ короля [1]. Думаемъ, что въ виду критическаго положенія, въ какомъ въ данное время находилась Рѣчь

[1] Дипломъ этотъ *29 января* 1650 года (Sabbato, post festum Agnetis virginis) занесенъ былъ въ гродскія Варшавскія книги Іосифомъ Кононовичемъ Горбацкимъ (Архивъ Юго-Зап. Рос, ч. II, т. I, стр. 376).

Посполитая, старанія Горбацкаго увѣнчались успѣхомъ и соотвѣтствующія распоряженія (королевскіе listy) имъ были получены, послѣ чего, еще до посвященія въ епископа, онъ поручилъ «намѣстнику епископіи Мстиславской, Могилевской и Оршанской“ (Іосифу Половку) «вводиться во владѣніе“ представленными епископіи церквами и угодьями. Намѣстникъ—сколько извѣстно—съ успѣхомъ исполнялъ это порученіе. 2 мая 1650 года состоялась передача уполномоченнымъ „упревилегированнаго епископа“ (кромѣ Половка при этомъ былъ *Константинъ Негребецкій*) каѳедральной церкви св. Спаса въ Могилевѣ съ принадлежащими къ ней угодьями (поручены намѣстнику „do pryiezdu iego mylosty», т. е. Горбацкаго, «w tyie kraie») [1]. Вслѣдъ за симъ приняты были мѣры къ отобранію церквей, захваченныхъ уніатами. Сохранилось въ копіи письмо хорунжаго Оршанскаго (Головчинскаго) «къ священникамъ церквей уніатскихъ въ епископіи Могилевской“ (отъ 4 мая 1650 года), гдѣ онъ извѣщаетъ сихъ священниковъ, что по распоряженію короля и Рѣчи Посполитой («stosuiąc się do woli iego korolewskiey m-sci y Rzeczy Pospolitey“) имъ передана Могилевскому православному епископу каѳедральная церковь св. Спаса въ Могилевѣ и что, согласно тому же распоряженію, они, уніатскіе священники, должны уступить православнымъ находящіяся въ ихъ вѣдѣніи церкви, не затрудняя своимъ противодѣйствіемъ Рѣчи Посполитой [2].

Вступивъ въ управленіе епархіею и, безъ сомнѣнія, встрѣтивъ со стороны латино-уніатской партіи «препоны» при своей дѣятельности, какъ православнаго архипастыря (это было въ то время явленіемъ обычнымъ), Горбацкій началъ борьбу съ этою партіей, причемъ въ интересахъ православія («pelny prac y starania dla cerkwi, matki naszey») предпринялъ поѣздку на общій (walny) съѣздъ въ Варшавѣ. Объ этой поѣздкѣ свидѣтельствуетъ сохранившаяся въ рукописной копіи «Mowa przy witaniu Jego M. oyca episkopa Josipha Kononowicza Horbackiego, episkopa Witebskiego, Mohilewskiego y Orszanskiego, ktory na ten czas z Warszaw-

---

[1]) Архивъ греко-уніат. митрополитовъ при св. Синодѣ № 791.
[2]) Ibid № 790.

skiego seymu przyiachał do Mohilewa, od oyca Jgnacego Jewliwicza namiesnika z inszem duchowenstwem". [1])

Рѣчь Іевлевича не датирована и въ ней *опредѣленно* не говорится, на какомъ именно сеймѣ былъ Горбацкій. Во время управленія послѣдняго Могилевскою епархіею въ Польшѣ было два общихъ сейма: одинъ *въ 1650 году*, начавшійся *5 декабря* и продолжавшійся двѣ недѣли, и другой *въ 1652 году*, начавшійся *23 іюля* и тоже продолжавшійся (по сокращеніи) двѣ недѣли. Оба сейма были въ Варшавѣ [2]). Полагаемъ, что Іосифъ Кононовичъ Горбацкій предпринялъ поѣздку въ Варшаву ко времени перваго изъ указанныхъ сеймовъ, бывшаго въ декабрѣ 1650 года. Мы сказали, что въ рѣчи Іевлевича—единственномъ источникѣ по данному вопросу—опредѣленныхъ свѣдѣній о времени поѣздки Горбацкаго въ Варшаву нѣтъ; но указанія косвенныя имѣются. Именно, въ рѣчи говорится, что, по случаю отъѣзда Горбацкаго изъ Могилева на сеймъ, Могилевское духовенство лишено было удовольствія привѣтствовать „гратуляціею» своего архипастыря во время *недавно прошедшаго торжественнаго праздника*, пѣснопѣніями котораго еще доселѣ утѣшается православная церковь; поэтому, пользуясь настоящимъ случаемъ—пріѣздомъ епископа съ сейма,—духовенство привѣтствуетъ его съ этимъ пріѣздомъ («A że się nam nie doszło pod triumfalny fest, niedawno odprawiony, z zwyczayną na ten czas do Przewelebnosci Waszey, dobrodzieia naszego, przychodzic gratulatyą, a tenże ieszcze swym sposobem continuat cerkiew, matka nasza, ciesząc duchowne z piesniey y hymnow, onemu należących, przy tey okazyi Waszey pasterskiey M-sci, Panu naszemu miłosciwemu, winszuią"... et caet.). Такъ какъ поздравительныя рѣчи (кромѣ нарочитыхъ случаевъ—имянинъ и т. п.)произносились предъ начальствующими іерархическими лицами ихъ подчиненными обыкновенно два раза въ годъ—на праздники *Рождества Христова* и *Пасхи*,—то, очевидно, въ привѣтственной рѣчи Іевлевича Горбацкому разумѣется первый изъ этихъ праздниковъ,

---

[1]) Рукопись Синодальной Типографской Библіотеки № 490, л. 8-

[2]) Prawa, konstytucye y przywileie krolewstwa Polskiego y W. X, Litewskiego..... na wałnych seymiech Koronnych.... uchwalone. Warszawa. 1737, t. IV, str. 331—361.

Рождество Христово, не задолго до котораго *въ 1650 году* состоялся двухнедѣльный общій сеймъ въ Варшавѣ [1]).

Ко времени епископствованія Іосифа Кононовича Горбацкаго относится учрежденіе въ подвѣдомомъ ему Полоцкѣ „Братства младенческаго при придѣлѣ Рождества Пречистой и Преблагословенной Дѣвы Маріи церкви православной братской полоцкой святыхъ Богоявленій.“ Уставъ этого братства составленъ былъ 2-го февраля 1650 года, слѣдовательно, еще до Посвященія въ епископскій санъ Горбацкаго; утвержденъ былъ послѣднимъ соотвѣтствующею грамотою 10 іюня 1651 года. Въ этой грамотѣ говорится, что съ просьбою о благословеніи „новозалагаемаго“ братства обратился къ епископу „старшій“ Полоцкаго братскаго Богоявленскаго монастыря превелебный отецъ Мелетій Кгейдроцъ. Епископъ же, «видячи эту прозбу слушную и душеспасительную», охотно даетъ свое «позволеніе и благословеніе» и подтверждаетъ «братскіе порядки» (братскій уставъ) „во всѣхъ пунктахъ ихъ“. При этомъ Горбацкій „пастырски приказуетъ, абы вси хотящіи въ тое братство вступовати не иншой вѣры были тылко православно-каѳолической церкви святой Восточной и въ оной ажъ до смерти неотмѣнне травали и другихъ тоей жъ вѣры спасительной научали; послушенство ему епископови, пастыреви своему правос-

---

[1]) Поѣздки епископовъ на сеймы требовали большихъ расходовъ (преимущественно на подарки вліятельнымъ при королевскомъ дворѣ лицамъ), но онѣ по условіямъ того времени были необходимы для достиженія благопріятныхъ результатовъ по тѣмъ или инымъ дѣламъ. Такъ смотрѣли на это и религіозные противники православныхъ—уніаты. На Виленскомъ уніатскомъ соборѣ *1647 года* отъ имени митрополита предложенъ былъ къ обсужденію, между прочими «пунктами», и слѣдующій: «Жебы *на кождомъ сейме вси* ихъ милость отцовое епископове бывалы вельце потребно есть, *гдижъ тамъ зыскъ и страта справъ нашихъ.* А ежели бы то здалося *тяжко* на каждомъ сейме бывать, теди тые, которіе по сей часъ хвалебне сеймовъ пилновали и церквы Божои услуговали, гди будутъ на сейме, аби и отъ ихъ милостей непрытомныхъ *певный поратунокъ мѣли*» («Пункта, которые на головномъ соборе въ Вильне въ семъ року 1647, м—ця сентября осмого дня отъ насъ митрополита господиномъ отцомъ епископомъ къ уваженю будутъ поданыи, которіе, предъ соборомъ выписавше, при универсале его милосты отцу Пахомію Войне Оранскому, епископу Пинскому и Торунъскому (sic), до вѣдомости подаются». Рукоп. копія, находящаяся въ библіотекѣ Кіев. дух. Академіи).

лавному, и сукцессоромъ его, отъ православнаго митрополиты Кiев ского, Галицкого и всей Россiи, рукоположенiе маючимъ, вѣчне отдавали».... и проч.

Уставъ Полоцкаго младенческаго братства состоитъ изъ 17-ти «артикуловъ». Приводимъ заглавiе каждаго изъ нихъ.

I. «О поступку вписованя до братства».
II. «О пристойномъ захованью учиненной Богу обѣтницы».
III. «О повинности захованя вѣрности».
IV. «О скромности на схажкахъ братскихъ».
V. «О днѣхъ обхоженя службы Божей и молебновъ».
VI. «О повинности отновенья внутреняго нашего человѣка».
VII. «О поважности дозорцовъ и ихъ повинности и писаря».
VIII. «О реестрахъ братскихъ».
IX. «О обираню дозорцовъ и писаря».
X. «Зъ скарбу братскаго найменшая речь не маетъ быти позычана никому безъ слушное зоставы».
XI. «Панове дозорцы, кромъ вѣдомости всее братiи, ничого чинить не маютъ, и постерегати, абыся шкода Братству ни в чомъ не дѣяла».
XII. «О вспомоганю сиротъ, вдовъ, вязневъ и брата знатнаго, зъ допущеня Божого упалого».
XIII. «О одлученъю брата невинно ходящаго, и о удающомся пред часомъ до суду».
XIV. «О даванью ялмужнъ общымъ на кождый рокъ зъ скрынки головной, што панове дозорцы рочныи одправовать маютъ»
XV. «О братѣ уписномъ хоробою обложенномъ».
XVI. «О обхоженъю погребу и памяти змерлой братiи».
XVII. «О повинности братiей вступующихъ до закону албо до малженства».

Предъ началомъ устава помѣщенъ (въ однородныхъ редакцiяхъ: для мужчинъ и женщинъ) „Способъ офярованя себе Пречистой Дѣвы Марiи, котораго уживаютъ до братства Ее вписуючiися“.... Приводимъ это „офярованe“, какъ имѣющее характеризующiя то время особенности, въ полномъ видѣ.

„Пресвятая Дѣво Марiе, Мати Божiя и Дѣво непорочная! Я смиренная и грѣшная (имя рекъ) и зрѣнiя пресвятаго лица твоего недостойная, хотечи служити тебѣ и уповаючи на великое мило-

сердіе твое, предъ лицемъ преблагословеннаго Сына твоего и всѣхъ небесныхъ силъ, отдаюся тебѣ нынѣ за слугу и неволницу вѣчную въ братствѣ *Непорочнаго Зачатія*, радостнаго отъ ангела Благовѣщенія и всеславнаго Успенія твоего, беручи тебе за особливую Матку, Госпожу и Заступницу и неотмѣнне у себе постановляючи никогды тебе не отпущати и чести завжды боронити, *а особливе шлюбую, яко по вси дни живота моего за непорочное и пречистое зачатіе твое заставлятися повиненамъ*, такъ тежъ въ вѣрѣ святой Благочестивой, Православной, Каѳолической трвати, и при церкви Восточной, Соборной, Апостолской при томъ собраніи зоставати ажъ до смерти маю. Тебѣ теды, Пресвятѣйшая Дѣво, страстей ради и крове за весь міръ и за мене окаянную и недостойную изліянной единороднаго Сына твоего, Господа нашего Іисусъ Христа, смиренно молю, абысь мене въ личбу вѣрныхъ слугъ твоихъ за вѣчную неволницу любовнѣ и милосердно приняла, во всѣхъ пригодахъ и потребахъ моихъ ласкавѣ ратовала, а наибарзѣй въ часъ смерти моей, яко Мати милосердія на помочь прибыти рачила. Аминь» [1].

„Офяроване“ это показываетъ, до какой степени въ разсматриваемое время въ юго-западной Руси укоренилось, разумѣется подъ вліяніемъ латино-польскимъ, католическое мнѣніе о непорочномъ зачатіи Пресвятой Богородицы, усиленно распространяемое и защищаемое высшимъ въ означенномъ краѣ учебнымъ заведеніемъ— Кіево-Могилянскою коллегіею, гдѣ мнѣніе это, несмотря на сильныя внушенія изъ Москвы, просуществовало до первыхъ десятилѣтій XVIII вѣка. [2])

---

[1]) Рукоп. Кіево-Михайл. монастыря, № 1749.

[2]) Когда Московскій патріархъ Іоакимъ прислалъ рѣзкое замѣчаніе архимандриту Кіево-Печерской лавры Варлааму Ясинскому за напечатаніе въ *Житіяхъ святыхъ* (Димитрія Ростовскаго) нѣкоторыхъ католическихъ мнѣній, между прочимъ, и о непорочномъ зачатіи Пресвятой Богородицы, съ приказаніемъ исправить ошибки,—Варлаамъ Ясинскій отвѣчалъ патріарху: «Наше убо недостоинство, падше до лица земного подъ святыя іераршескія Вашего Святѣйшества стопы, прощенія архипастырскаго *за таковыя вся прегрѣшенія, случившаяся отъ невѣжества нашего, всемиренно просимъ*, и всячески повинующеся Вашему Архипастырскому повелѣнію, напечатахомъ вновь оба тыи листы, да вмѣсто прежднихъ потребляемыхъ влаганы до тѣхъ книгъ будутъ»... и проч.

Кажется, также ко времени епископствованія Іосифа Кононовича Горбацкаго относится и появленіе въ томъ же братскомъ Полоцкомъ Богоявленскомъ монастырѣ устава для иноческаго общежитія, замѣчательнаго тѣмъ, что онъ составленъ былъ *по инициативѣ самихъ иноковъ* и, вѣроятно вслѣдствіе этого, отличается значительною снисходительностію къ потребностямъ житейскимъ (имѣемъ въ виду обѣты иноческіе) и мягкостію въ назначеніи наказаній за проступки. [1])

(Москов. Синод. Библ., отдѣлъ грамот. П. № 51). Но заявленіе В. Ясинскаго было неискреннее. Листы въ *Житіяхъ святыхъ* перепечатаны были *по приказанію* патріарха, *а не по убѣжденію* въ ошибочности помѣщенныхъ въ нихъ мнѣній. Тому же Ясинскому, въ бытность его Кіевскимъ митрополитомъ, Кіево-Могилянская коллегія въ 1695 году посвятила богословскія и философскія конклюзіи, между которыми находилась и слѣдующая: «Beatissima haec sponsa, et ante partum, in partu, et post partum est Virgo *sine labe Originali* concepta» (См. объ этомъ изданное въ 1696 г. въ Люблинѣ сочиненіе Ѳеофила Ръутки: „Herby albo znaki Kościoła Prawdziwego"... et caet).—О существованіи означеннаго мнѣнія въ Кіево-Могилянской коллегіи и въ началѣ XVIII стол. свидѣтельствуютъ сохранившіеся отъ того времени учебники.

[1]) Уставъ даты не имѣетъ. Въ рукоп. сборникѣ Москов. Синод. Типогр. Библіотеки (№ 390, л. 78 и слѣд.) помѣщенъ между актами половины XVII стол.—Заглавіе Устава: «Порядки описаные пожития нашего, самыхъ законниковъ монастыря Братского Полоцкого церкви Богоявленія Господня, на которые мы сами вси сгодне и добровольне позволили».—Уставъ состоитъ изъ 17 небольшихъ отдѣльцевъ. Для характеристики приведемъ 2-3 изъ нихъ.

Отд. 5. «Выходячы з монастыря и благословячыся кождый братъ повиненъ предъ старшимъ албо намѣстникомъ власную причину сказать до якой особы идетъ, въ якой потребе, чили тежъ для посеженя; если того правдиве не скажетъ, не повиненъ старшій з монастыря пустити; але если бы въ томъ скламалъ, потомъ довѣдалися: поклоновъ 100.»

Отд. 6. «Если бы который добродѣй, перенявши брата, з ведомости старшого идучого улицею, запросилъ до себе, тогды запрошоный братъ маетъ заразомъ дать знать до монастыря, же на томъ и на томъ мѣстцу седитъ, жебы часу потребы вѣдалъ, гдѣ его шукать. А если бы того не учинилъ, у трапези поклоновъ 100.»

Отд. 11. «Братъ кождый, который хочетъ послать по медъ албо по вино, повиненъ у старшого албо намѣстника благословитися, же по такъ и по такъ много шлю' и с тымъ и с тымъ братомъ, албо гостей хочу поседеть. А если бы который важилъ болей надъ позволене старшого посылать, волно старшому албо намѣстникови, постерегши, начыне збить и напой разлить, и хтобыся важилъ въ такой компаніи седедь, на каждаго въ трапезѣ поклоновъ 50».

А что проступки со стороны иноковъ и даже ихъ начальниковъ бывали въ подвѣдомыхъ Горбацкому монастыряхъ и онъ заботился объ ихъ искорененіи,—объ этомъ свидѣтельствуетъ сохранившійся (въ копіи) „листъ“ сего епископа «инокомъ въ монастырѣ Борисовскомъ, при храмѣ Успенія Пречистой Богородицы,» а также «и свѣцкимъ людемъ въ мѣстѣ самомъ Борисовѣ и прилеглыхъ до него селахъ мешкаючымъ», гдѣ Горбацкій, упоминая о смѣщеніи имъ съ «Борисовскаго игуменства» Ѳеодосія Комаревскаго (какъ человѣка—что видно изъ другихъ листовъ Горбацкаго—*нерадиваго*), извѣщаетъ о назначеніи на его мѣсто священно-инока монастыря Братскаго Могилевскаго Михаила Василевича, «мужа честнаго, въ иноческомъ житіи прикладного», которому даны пастырскія наставленія, дабы „со всякимъ опаствомъ постерегалъ помноженя хвалы Божое, цѣлости мѣстца и своего со всѣми общего душевнаго спасенія» [1]).

Кончина Іосифа Кононовича Горбацкаго *съ точностію* опредѣляется въ универсалѣ намѣстника епископіи Витебской et caet. Игнатія Іевлевича къ епархіальному духовенству *отъ 8 марта 1653 года*. «Значная утрата—говорится здѣсь—въ церкви православной Россійской сталася, кгды такъ великій филяръ зацне въ Богу превелебнѣйшій его милость господинъ отецъ Іосифъ Горбацкій, православный епископъ Витебскій, Мстиславскій, Оршанскій, Могилевкій, намѣстникъ митрополитанскій въ Великомъ княжествѣ Литовскомъ, подтятый смертельною косою, въ року нынѣшнемъ, *февруалія осемнадцатаго дня*, палъ. Згасла лампа, которая всей православной церкви, а особливе тымъ Бѣлорусскимъ краемъ, аки на свѣщницѣ яковомъ, побожностю, святобливостю, прикладнымъ житіемъ и всѣми належитыми пастыреви цнотами, свѣтила»....[2]) и проч.

Со стороны православныхъ память почившаго епископа почтена была изданіемъ, ко времени погребенія, панегирика въ честь

---

[1]) Рукопис. сборникъ Московской Синодал. Типогр. Библ. № 390.

[2]) Рукоп. Сборн. Москов. Синод. Типогр. Библ. № 390, л. 27 об. О Ѳеодосіи Комаревскомъ ibid. л. 28. «Листы» датированы начальными мѣсяцами 1652 года.

его. Панегирикъ до насъ не дошелъ [1]), но извѣстно, что онъ посвященъ былъ Кіевскому митрополиту Сильвестру Коссову,— обстоятельство, склоняющее къ предположенію объ участіи митрополита при погребеніи нашего епископа.

Со стороны латино-уніятовъ смерть Горбацкаго вызвала пасквильные безграмотные вирши „на лжеепископа Горбатаго".

Для характеристики пасквиля приводимъ изъ него нѣсколько виршей.

„На погребеніи высокомъ твоемъ
Лежи, любимый пастырю,
Отпочивай съ покоемъ,
А мы въ то время на погребеніи попляшемъ твоемъ".

„Напилемся пивца, винца, табаки,
Не рцыте, чтобъ худо нашъ Горбатый сконалъ,
Совершенность въ тѣхъ словахъ заключенную выконалъ" [2]).

Этотъ пасквиль враговъ православія придаетъ особое значеніе характеристикѣ Іевлевичемъ умершаго епископа, какъ *столба церковнаго*, какъ *свѣточа*, освѣщавшаго Бѣлорусскіе края.

Послѣ сообщенныхъ нами свѣдѣній объ Іосифѣ Кононовичѣ Горбацкомъ, относящихся ко времени его епископствованія, само собою падаетъ ошибочное, но доселѣ съ разными варіаціями повторяемое утвержденіе преосв. Евгенія, что ректоръ „Кіевскаго Богоявленскаго училища" *Игнатій Оксеновичъ Старушичъ*, въ 1642 году переведенный въ Выдубицкій монастырь, „*въ 1650 году іюля 12 посвященъ былъ въ епископа Бѣлорусскаго и въ семъ же году тамъ скончался*" [3]).

---

[1]) Упоминаніе о немъ см. въ X т. А. Ю. и З. Р. на столб. 747—748.

[2]) А. Ю. и З. Р., т. X, 751—752.

[3]) Описаніе Кіево-Софійскаго собора. Кіевъ, 1825 г. *прибавл.* стр. 226. Преосв. Евгеній, безъ сомнѣнія, пользовался упомянутыми рукописными списками «игуменовъ Кіево-Братскаго монастыря, ректоровъ, префектовъ и учителей Кіевской Академіи за XVII столѣтіе», напечатанными въ приложеніяхъ къ изслѣдованію Н. И. Петрова: «Кіевская Академія во второй половинѣ XVII вѣка». Въ этихъ спискахъ объ Оксеновичѣ Старушичѣ говорится слѣдующее:

Время кончины Игнатія Оксеновича Старушича († *30 октября 1651 года*) документально указано о. П. Троцкимъ въ его статьѣ о „Кіево-Выдубицкомъ монастырѣ“ [1]). Здѣсь же приведена эпитафія Оксеновичу Старушичу, находящаяся на мѣстѣ его погребенія, на одной изъ боковыхъ стѣнъ Михайловской церкви. Эпитафія содержитъ краткія біографическія свѣдѣнія объ умершемъ; но о. Троцкій, очевидно подъ вліяніемъ укоренившагося мнѣнія объ Оксеновичѣ Старушичѣ, какъ посвященномъ въ епископскій санъ,—не использовалъ ихъ, и по прежнему утверждаетъ, что Оксеновичъ Старушичъ „въ 1650 году былъ посвященъ въ санъ епископа“, и только „по причинѣ болѣзни не выѣзжалъ въ свою епархію изъ Выдубицкаго монастыря, гдѣ скончался (какъ сказано) 30 октября 1650 года“. Между тѣмъ эпитафія не усвояетъ умершему епископскаго сана (что было бы непремѣнно, если бы Оксеновичъ Старушичъ таковой санъ имѣлъ).

„Хочеши ли знати (читаемъ, между прочимъ, въ эпитафіи),кто былъ живый въ мірѣ?
Игнатій *монахъ священъ*, православный въ вѣрѣ,
Славы Божія въ церквѣ *бѣхъ азъ проповѣдникъ*
И на судахъ духовныхъ судьямъ сосѣдникъ;
Ректоръ бѣхъ братства, иже въ Кіевѣ градѣ,
Тежъ въ Видубицкой *игуменъ* оградѣ“...

И только... объ епископствѣ ни слова.

Но если Игнатій Оксеновичъ Старушичъ не былъ епископомъ, то какимъ образомъ вошло въ обращеніе мнѣніе объ его епископствѣ?

Предлагаемъ слѣдующее, какъ наиболѣе вѣроятное объясненіе.

«Третій ректоръ и игуменъ братскій Кіевскій іеромонахъ Игнатій Оксеновичъ Старушичъ богомудрый и многоболѣзненный. Опредѣленъ 1642 мая 11 дня, иже потомъ бысть игуменъ Видубицкій Кіевскій, а потомъ и Бѣлорусскій епископъ, преставися року 1650».

[1]) Вѣстникъ Западной Россіи, годъ IV; $18^{65}/_{66}$, кн. X, отд. II, стр. 17. Вѣрно обозначено время кончины Оксеновича-Старушича и В. Аскоченскимъ (Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіею, I. 158), но безъ указанія на источникъ.

Въ западно-русскихъ областяхъ было въ обычаѣ, и даже узаконено, на вакантныя архіерейскія каѳедры избирать по нѣскольку кандидатовъ, одного изъ коихъ король и утверждалъ. Избранные, но королемъ не утвержденые, обыкновенно назывались *електами*; утвержденный королемъ, но еще не посвященный именовался *номинатомъ*.

Мы видѣли, что на Мстиславскую et caet. епископію православными избрано было *четыре* кандидата, имена которыхъ, кромѣ Іосифа Кононовича Горбацкаго, остаются неизвѣстными. Горбацкій былъ игуменомъ заслуженнымъ—изъ ректоровъ Кіево-Могилянской коллегіи. Но не менѣе заслуженнымъ былъ и Оксеновичъ Старушичъ, бывшій ректоромъ означенной коллегіи еще ранѣе Горбацкаго (непосредственно передъ нимъ). Поэтому, избирая на вакантную каѳедру четырехъ кандидатовъ и включивъ въ число ихъ Горбацкаго, могли-ли православные не оказать этой чести и Оксеновичу Старушичу?

Мы съ увѣренностію полагаемъ, что если будетъ найденъ (что дѣло возможное) актъ елекціи на Мстиславскую епископію въ указанное время, то между четырьмя кандидатами, избранными [1]) на оную, встрѣтится имя и Старушича.

Если наше предположеніе вѣрно, то не трудно указать и источникъ, откуда вышло означенное ошибочное мнѣніе о посвященіи Оксеновича Старушича въ епископы. Источникъ этотъ— „елекція" (избирательный актъ) на Мстиславскую епископію, въ подлинникѣ или копіи бывшая подъ руками у лицъ, занятыхъ составленіемъ для той или иной цѣли (списки ректоровъ Кіево-Могилянской коллегіи, списки настоятелей монастырей и т. п.) краткихъ біографій духовныхъ дѣятелей XVII вѣка. Одинъ изъ этихъ составителей могъ (и справедливо) на основаніи упомянутой „елекціи" отмѣтить фактъ избранія Оксеновича Старушича на Мстиславскую епископію; другой, не имѣвшій подъ руками означеннаго акта, пользовавшійся только списками своего предшественника, могъ

---

[1]) Мы полагаемъ, что было *двѣ* елекціи, но объ этомъ рѣчь—въ другое время.

возвести сего дѣятеля въ епископскій санъ, что затѣмъ и вошло во всеобщее обращеніе. Дѣло обычное. Но такъ какъ у составителей подобныхъ біографій (равно и послѣдующихъ изслѣдователей) имѣлись отрывочныя, но точныя (документальныя) свѣдѣнія объ епископствованіи Іосифа Кононовича Горбацкаго въ той же Мстиславской епархіи и въ томъ же 1650 году, то почти одновременно и явились два Мстиславскихъ епископа, преемственное размѣщеніе которыхъ въ семъ году и произвело упомянутую путаницу.

Закончимъ свои разсужденія объ Игнатіи Оксеновичѣ Старушичѣ указаніемъ на нѣкоторыя точныя, но доселѣ неизвѣстныя о немъ свѣдѣнія. Въ спискѣ настоятелей Кіево-Выдубицкаго монастыря, составленнномъ въ концѣ 18 столѣтія, читаемъ: „Игнатій Оксеновичъ Старушичъ игуменъ сего (Кіево-Выдубицкаго) монастыря... *иже прежде бысть іеродіаконъ монастыря Братскаго Кіевскаго, и въ монастырѣ Печерскомъ въ церкви Успенія Пресвятыя Богородицы 1636 года, февраля 7, во пресвитера посвященъ отъ преосвященнаго Петра Могилы, митрополита Кіевскаго;* потомъ былъ онъ третій ректоръ Братскій, Кіевскій"... и проч., какъ и въ другихъ спискахъ. Противъ подчеркнутыхъ словъ на поляхъ рукописи рукою составителя списка замѣчено: „Тое собственноручно Могилою написано на Служебникѣ 1629 года, въ Печерской Лаврѣ печатанномъ, въ Видубицкомъ монастырѣ имѣющемся" [1]).

§ 2.

Два, повидимому, несогласныя между собою данныя о времени сооруженія „стараго" („Мазепина") корпуса, принадлежащаго Кіевской Духовной Академіи [2]).

Свѣдѣніе о времени сооруженія этого корпуса сообщаетъ, *безъ указанія на источникъ*, В. Аскоченскій въ своемъ „Кіевѣ

---

[1]) Означенный списокъ находится въ рукописномъ сборникѣ, подъ заглавіемъ: «Малороссійскіе акты XVII—XVIII», принадлежавшемъ покойному А. А. Лазаревскому и въ настоящее время находящемся у его наслѣдниковъ.

[2]) Это тотъ корпусъ, въ которомъ въ настоящее время помѣщаются Академическая библіотека и Церковно-Археологическій музей.—Мазепинъ корпусъ

съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіею". Именно онъ говоритъ, что при ректорѣ Гедеонѣ Одорскомъ *осенью 1703 года* „заложенъ былъ фундаментъ нынѣшняго стараго корпуса, *а весною* (1704 г.) выведены были стѣны подъ наблюденіемъ самаго гетмана Мазепы, часто посѣщавшаго работы" [1]). Источникъ, откуда могло быть почерпнуто означенное свѣдѣніе, въ настоящее время извѣстенъ. Это—находящаяся въ библіотекѣ Кіево-Софійскаго собора, по каталогу подъ № 219, рукопись, въ концѣ которой на ряду съ другими замѣтками современника, близко стоявшаго къ Академіи, находится и слѣдующая: *Eodem vere* (то есть—какъ видно изъ предшествующихъ замѣтокъ—*Anno 1704*) *coeperunt aedificari* lapideae scholae in Collegio, ipsa vero fundamenta adhuc avtumno iacta fuerunt." Значеніе этой замѣтки, *какъ факта вполнѣ достовѣрнаго, сомнѣнію подлежать не можетъ* [2]).

Но на ряду съ этимъ документальнымъ и вполнѣ опредѣленнымъ извѣстіемъ о времени сооруженія Мазепина корпуса, имѣется другое, если можно такъ выразиться, *гравюрное* указаніе

съ теченіемъ времени подвергался неоднократнымъ передѣлкамъ и утратилъ свой первоначальный видъ.

[1]) Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіею, Кіевъ, 1856 г., ч. I, стр. 292.

[2]) Рукопись представляетъ собою сборникъ академическихъ лекцій, читанныхъ въ 1698 и 1701 годахъ и, повидимому, тогда же, хотя и не въ хронологическомъ порядкѣ, переплетенныхъ. Всѣхъ замѣтокъ на концѣ рукописи четыре; всѣ онѣ писаны *одною рукою* и въ одномъ и томъ же году. Первая замѣтка начинается: «Anno 1704 Maii 20 dux Ioannes Mazepa adfuit Kiioviae... и проч. Вторая замѣтка, гласящая: „Elapsa hac die, profunda nocte, ante festum sancti Konstantini et Helenae, *quod tunc* contigit die Dominica s|ext|a (post Resurrectionem Christi caeconati. magnum fuit incendium prope collegium",—заключаетъ указаніе, *не оставляющее сомнѣнія*, что факты, сообщаемые въ ней и предыдущей замѣткѣ, а равно и послѣдующихъ („Eodem vere"... „Eodem Anno"...), имѣли мѣсто въ 1704 году: ибо въ этомъ году Пасха была 16 апрѣля и, слѣдовательно 21 мая—празднованіе свв. Константина и Елены—дѣйствительно (какъ значится въ замѣткѣ) совпадало съ шестою недѣлею по Пасхѣ (о слѣпомъ).—О близости къ Кіево-Могилянской коллегіи писавшаго замѣтки свидѣтельствуетъ послѣдняя изъ нихъ („Eodem anno junii 26 relinqui discipulos meos Bystriccios cum fuerim inspector apud illos 20 menses").

по данному вопросу,—указаніе, повидимому, стоящее въ противорѣчіи съ упомянутымъ документальнымъ извѣстіемъ.

Мы имѣемъ въ виду гравюру—панегирикъ, поднесенную „монахомъ ордена св. Василія Иннокентіемъ Щирскимъ высокоуважаемому отцу во Христѣ Прокопію Калачинскому, заслуженнѣйшему ректору православной Кіево-Могилянскои коллегіи“ въ день его рожденія. На этой довольно сложной по композиціи гравюрѣ [1]) находится, между прочимъ, изображеніе Мазепина корпуса. Къ сожалѣнію, гравюра не вполнѣ сохранилась; не уцѣлѣла и ея дата. Но такъ какъ время ректуры Калачинскаго въ Кіево-Могилянской коллегіи *приблизительно* [2]) было извѣстно,—именно, пріурочивалось къ 1697—1702 гг.,—то покойный протоіерей П. Г. Лебединцевъ, открывшій гравюру между книгами Кіево-Софійской библіотеки и издавшій фототипическій съ нея снимокъ съ объяснительнымъ къ нему текстомъ, къ этому періоду времени и отнесъ изданіе гравюры, а изображенное на ней зданіе (Мазепинъ корпусъ) назвалъ *только что отстроеннымъ*. Этого мнѣнія о времени построенія Мазепина корпуса держались и другіе изслѣдователи [3]). Противорѣчащая сему и уже обнародованная замѣтка на упомянутой рукописи игнорировалась. Впрочемъ болѣе опытные изслѣдователи придавали историческое значеніе только этой замѣткѣ и относили сооруженіе помянутаго корпуса къ 1703—1704 гг.. [4]);

---

[1]) Подробное описаніе гравюры сдѣдано въ объясненіи къ фототипному снимку ея въ февральской книжкѣ *Кіевской Старины* за 1882 г, стр. 437—440), а также въ трудахъ Д. А. Ровинскаго („*Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ*. Изданіе съ фототипіями и портретами. Спб. 1888 г., т. III, 465, и *Подробный словарь рус. граверовъ* XVI—XX вв. Посмертное изданіе съ фототипіями въ текстѣ. Спб. 1895 г., т. II. стол. 1236.—Разсматриваемая гравюра переиздана Д. А. Ровинскимъ въ его *Матеріалахъ для русской иконографіи*).

[2]) Оставленіе Калачинскимъ ректуры относили къ началу 1702 года или ко второй половинѣ предшествующаго. Точное указаніе по данному вопросу (Калачинскій избранъ былъ Кіево-Никольскимъ игуменомъ *29 марта 1701 года*) см. въ нашей статьѣ о *Гедеонѣ Одорскомъ* (Труды Кіев. Дух. Академіи 1900 г., № 12, стр. 568 и слѣд.).

[3]) Кіево-Братскій училищный монастырь. *Н. Мухина*, Кіевъ, 1893 г., стр. 134.

[4]) Кіевская Академія во второй половинѣ XVII вѣка, *Н. И. Петрова*, стр. 125.

но при этомъ игнорировалась гравюра Щирскаго, что во всякомъ случаѣ требовало объясненія, такъ какъ въ научномъ обращеніи были два, повидимому, между собою несогласныя данныя о времени сооруженія одного и того же зданія.

Такое объясненіе дано было нами въ статьѣ о *Гедеонѣ Одорскомъ*, ректорѣ Кіево-Могилянской коллегіи въ началѣ XVII столѣтія.

Съ одной стороны, не сомнѣваясь, что на гравюрѣ-панегирикѣ, поднесенномъ заслуженнѣйшему ректору Кіево-Могилянской коллегіи Прокопію Калачинскому, находится *изображеніе корпуса Мазепинскаго*. а съ другой, признавая замѣтку на Кіево-Софійской рукописи о времени построенія этого корпуса *въ 1703—1704 г.* (т. е. когда Калачинскій быдъ уже настоятелемъ Кіево-Никольскаго монастыря) имѣющею полную достовѣрность,—мы полагали, „что титло заслуженнѣйшаго ректора (... ac natales Reverendissimi in Christo Patris P. Procopii Kałaczynski eiusdem Almi Ortodoxi Collegii *Rectoris Emeretissimi*) усвояется здѣсь Калачинскому за его заслуги въ Академіи въ бытность здѣсь начальникомъ, что почти всегда дѣлается и въ настоящее время, съ нѣкоторымъ только, вызываемымъ существующимъ уставомъ измѣненіемъ въ титлѣ: разумѣемъ избраніе бывшихъ ректоровъ Академіи въ званіе *почетныхъ ея членовъ*.“

Профессоръ Московской Академіи А. П. Голубцовъ въ своемъ прекрасномъ рефератѣ, читанномъ на XI археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ („Къ вопросу о старыхъ Академическихъ тезисахъ и ихъ значеніи для археологіи“) [2]), призналъ наше объясненіе *находчивымъ, но фактическими данными не подтвержденнымъ*. „Прямой,—пишетъ онъ,—непосредственный смыслъ посвященія, изображенія святыхъ и подписи, находящіяся на гравюрѣ, скорѣе говорятъ объ обратномъ, т. е. что она появилась на свѣтъ во время управленія Академіей Калачинскаго и была презентована, ему, какъ дѣйствительному начальнику ея“.—Такъ какъ профессоръ Голубцевъ, подобно намъ, признаетъ историческое значеніе за обоими данными (гравюрою и замѣткою на Кіево-Соф.

---

[1]) Богословскій Вѣстникъ. іюль—августъ, стр. 414 и слѣд.

рукописи); то по затронутому вопросу приходитъ къ такому заключенію: на гравюрѣ-панегиринѣ, презентованной Калачинскому, изображено одно зданіе, а въ рукописной замѣткѣ говорится о другомъ, т. е. признаетъ сооруженіе въ Кіево-Могилянской коллегіи въ самомъ концѣ XVII и началѣ XVIII стол. двухъ большихъ зданій. „*Не могъ же*—говоритъ почтенный ученый—*быть изображенъ на гравюрѣ для Прокопія Калачинскаго, оставившаго въ маѣ—іюнѣ 1701 года ректорство въ Академіи, корпусъ начатый постройкою при его преемникѣ Гедеонѣ Одорскомъ*". Ознакомивъ читателя съ напечатанными тезисами философскаго диспута, происходившаго въ Кіево-Могилянской коллегіи въ іюнѣ 1713 года, гдѣ, между прочимъ, находится изображеніе Академическаго зданія, авторъ склоненъ видѣть въ немъ Мазепинскій корпусъ; о другомъ же зданіи свѣдѣній не сообщаетъ, да и не могъ сообщить, потому что его мнѣніе о *двухъ* корпусахъ, якобы почти одновременно построенныхъ въ Кіево-Могилянской коллегіи, есть недоразумѣніе, для знакомыхъ съ исторіей нашей Академіи того времени очевидное и въ опроверженіи не нуждающееся.

Но замѣчаніе почтеннаго ученаго о несостоятельности нашего объясненія, имѣвшаго въ виду примирить несогласныя между собою данныя о времени сооруженія стараго Академическаго (Мазепина) корпуса, справедливо; ибо если даже допустить, что Калачинскому презентована была гравюра-панегирикъ съ изображеніемъ Академическаго зданія, какъ бывшему ректору, въ благодарность за его труды при постройкѣ этого зданія, и при этомъ присвоено ему титло ректора *заслуженнѣйшаго* (по нашему—почетнаго члена), то можно-ли допустить, чтобы опущенъ былъ тотъ титулъ, который уже имѣлъ Калачинскій (настоятель Кіево-Никольскаго монастыря),—титулъ въ то время *болѣе почетный*, чѣмъ ректорскій?

Итакъ *не подлежитъ сомнѣнію*, что разсматриваемая гравюра-панегирикъ поднесена была Калачинскому *въ бытность его ректоромъ Кіево-Могилянской коллегіи* въ 1697—1701 гг. (за это говоритъ—скажемъ словами проф. Голубцова—прямой, непосредственный смыслъ надписей на гравюрѣ).

Но также *не подлежитъ сомнѣнію* и то, что зданіе, изображенное на ней, *есть корпусъ Мазепинъ* (за это говоритъ видъ зданія).

Далѣе, *не подлежитъ сомнѣнію* и то, что постройка этого корпуса началась осенью 1703 года (заложенъ фундаментъ) и продолжалась (выведены стѣны) весною слѣдующаго года (объ этомъ свидѣтельствуетъ современная замѣтка на рукописи очевидца и отсутствіе въ то время въ коллегіи другого подобнаго зданія).

Повидимому положенія эти противорѣчивы; но это только *повидимому*. Проф. Голубцевъ говоритъ: „Не могъ же быть изображенъ на гравюрѣ для Прокопія Калачинскаго, оставившаго въ маѣ—іюнѣ 1701 года ректорство въ Академіи, корпусъ, начатый постройкою при его премникѣ Гедеонѣ Одорскомъ".

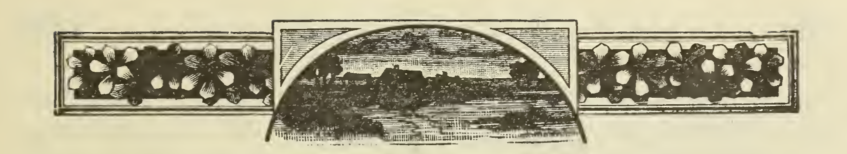
Спрашиваю: отъ чего же *не могъ*?

Я былъ на родинѣ и видѣлъ изображеніе (планъ) храма, постройка котораго начнется только года черезъ два-три. Въ нашей городской думѣ въ залѣ засѣданій развѣшено по стѣнамъ нѣсколько изображеній (плановъ) зданій, къ постройкѣ которыхъ будетъ приступлено въ нескоромъ будущемъ. Да и вообще, прежде чѣмъ приступаютъ къ сооруженію какого либо капитальнаго зданія предварительно составляютъ планъ. Такой порядокъ существуетъ теперь, таковъ онъ былъ и прежде. Тоже самое было и при сооруженіи Мазепина корпуса. Слѣдовательно, „ларчикъ открывается просто". Калачинскому поднесено было изображеніе будущаго, *проектированнаго* зданія,—поднесено, очевидно, потому, что онъ, какъ ректоръ, принималъ въ этомъ дѣлѣ (хотя бы ходатайствами предъ Мазепою) живое участіе. Зданіе еще не было заложено, но постройка его уже рѣшена; планъ составленъ; радость предощущается и находитъ выраженіе въ панегирикѣ.

При наличности указанныхъ данныхъ наше объясненіе по затронутому вопросу представляется *единственно удобопріемлемымъ*. Кромѣ того въ подкрѣпленіе его можно привести и нѣчто фактическое. Въ печатныхъ тезисахъ философскаго диспута, происходившаго въ Кіевской Академіи въ іюнѣ 1713 года, находится—какъ было упомянуто—изображеніе Академическаго зданія, т. е. Мазепина корпуса. Общій видъ корпуса тотъ же, какъ и на гра-

вюрѣ, поднесенной Калачинскому. Но есть и характерная особенность въ устройствѣ крыши. По проекту (гравюра, поднесенная Калачинскому) крыша на зданіи предполагалась, повидимому, черепичная, соотвѣтственно чему составлялся и чертежъ; но при постройкѣ (какъ это и теперь бываетъ зачастую) рѣшено было покрыть зданіе инымъ матеріаломъ, вслѣдствіе чего въ устройствѣ крыши и произошли измѣненія. Такъ какъ въ разсматриваемое время — повторяемъ — въ Академіи былъ только одинъ большой (каменный) корпусъ, то означенное обстоятельство, по нашему мнѣнію, служитъ нагляднымъ доказательствомъ, что въ одномъ случаѣ (гравюра, поднесенная Калачинскому) мы имѣемъ дѣло съ проектомъ (планомъ) Мазепина корпуса, а въ другомъ (философскіе тезисы) съ зданіемъ, уже выстроеннымъ.

С. Голубевъ.

Изъ стихотвореній Ярослава Верхлицкаго.

(*Переводъ и объясненія А. Степовича*).

I. Requiescat!

(Сборникъ „Z Hlubin“)

Огни погашены; въ свѣтлицѣ лишь твоей
Огонь блеснулъ среди растеній.
Такъ въ горести нѣмой слеза любви моей
Блеститъ въ очахъ, какъ плодъ волненій!
На небѣ звѣзды бдятъ. Спи дольше ты
Средь благовонія роскошныхъ розъ твоихъ.
Такъ много въ небѣ красоты,
А на землѣ такъ много горя!

II. Пѣснь о звѣздахъ.

Зелень луга, шопотъ моря,
Звуки, запахъ, краски свѣта
Все—языкъ для духа міра,
Вѣковѣчнаго поэта.
Но изъ звѣздъ въ пространство льется
Счастье, радость и гармонья,
И мнѣ кажется, что въ нихъ-то
Сердце Бога вѣчно бьется.

* *
*

Въ нихъ онъ свѣтитъ, говоритъ въ нихъ,
Къ жизни вѣчной призываетъ;

Зорьки эти—диѳирамбы
Духу: пусть чрезъ нихъ играетъ
Онъ надъ плотью гимнъ побѣдный;
Побѣжденный хаосъ темный
Окруженъ тепломъ и свѣтомъ,
Звѣздамъ покорился бѣдный.

* *
*

Днемъ прикрытъ лазурнымъ кровомъ,
По ночамъ горитъ звѣздами,
Разноцвѣтными огнями
Отливаетъ въ блескѣ новомъ.
Это море звѣздъ и свѣта,
Чую, миръ несетъ мнѣ въ сердце,
Душу перлами ласкаетъ,
Счастьемъ вся она согрѣта.

* *
*

Такъ пылайте жъ блескомъ вѣчнымъ
Звѣзды кроткія (въ подлин.: тихія) вселенной,
Что бы вы ни освѣщали:
Море ли съ прибоемъ встрѣчнымъ
Иль тоску слезы горючей!
Блескъ вашъ призываетъ къ жизни
И надеждѣ, силѣ вѣчной;
Онъ—что гимнъ въ борьбѣ кипучей!

Стихотвореніе „Пѣснь о звѣздахъ“ (Piseň o hvězdach) взято изъ извѣстнаго стихотворнаго сборника „Duch a svět“, написаннаго Яр. Верхлицкимъ въ пору полной зрѣлости его замѣчательнаго поэтическаго дарованія.

Трудно объяснить, почему произведенія этого поэта обращаютъ на себя такъ мало вниманія въ русской литературѣ, которая могла бы быть не мало обогащена многими цѣнными и замѣчательными по своеобразію или глубинѣ вещами изъ его многочисленныхъ поэтическихъ сборниковъ и отдѣльныхъ крупныхъ произведеній. Кромѣ нашихъ не-

большихъ этюдовъ о нѣкоторыхъ произведеніяхъ названнаго поэта, мы въ русской литературѣ не встрѣчали почти ничего, относящагося къ оцѣнкѣ или выясненію сущности и особенностей художественнаго творчества Верхлицкаго; въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ помѣщено было только нѣсколько случайныхъ и незначительныхъ переводовъ изъ его произведеній. (См. Славянскій Ежегодникъ, кн. 6-я Кіевъ; Разсвѣтъ, сборникъ статей по славяновѣдѣнію, Кіевъ 1893 г., а также мои „Очерки изъ исторіи славянск. литературъ“ Кіевъ 1893 г. изд. Іогансона, и „Ежегодникъ Коллегіи П. Галагана“ за 1897 г.).

Среди остальныхъ, въ значительной мѣрѣ безотрадныхъ стихотвореній поэтическаго сборника „Духъ и Свѣтъ“ приведенная нами вещица отличается замѣчательно бодрымъ настроеніемъ, живою энергіею чувства и мощнымъ призывомъ къ жизни, надеждѣ, силѣ, борьбѣ; въ ней геній міра какъ бы снизошелъ изъ звѣздныхъ пространствъ на бѣдную землю, чтобы ободрить ея обитателей и открыть имъ далекія и блестящія перспективы надежды на побѣду и возможность вѣчной жизни въ природѣ.

Чтобы читателя нѣсколько ближе ввести въ сущность міровоззрѣнія, разлитаго въ сборникѣ „Духъ и свѣтъ“, для лучшаго пониманія даннаго стихотворенія, мы вкратцѣ остановимся на слѣдующихъ важнѣйшихъ данныхъ его сложнаго содержанія. Сборникъ состоитъ изъ пролога („Вѣка“), эпилога (невѣдомымъ богамъ) и тридцати восьми стихотвореній, включенныхъ въ слѣдующія четыре рамки: I Отголоски правѣка (Ohlasy pravêku, 8 стих.), II Эллинскіе мотивы (Hellenske motivy, 9 стих.), III Восемь сказаній средневѣковыхъ (Osm legend strêdovêkych), IV Загадки бытія (Problemy, 13 стих.). Стихотворенія перваго отдѣла особенно тѣсно связаны между собою программою и составляютъ ярко выраженное идейное цѣлое. Это—какъ бы поэтическая библія въ маломъ видѣ: изначала представленъ хаосъ, затѣмъ поэтъ показываетъ намъ возникновеніе міра...

Въ „Гелленскихъ мотивахъ“ Эллада представлена уже умершей (жалобная пѣснь „Саркофагъ“).Слѣд. отмѣтить гимнъ

въ честь Гезіода (автора „Щита Гераклова“, основателя Беотійской поэтической школы, давшей Пиндара и Плутарха). Пѣсня о распутномъ Сатирѣ какъ бы указываетъ на причины разложенія и паденія Эллады, что вполнѣ выражено въ стих. „Актеонъ“ (внукъ Кадма, увидѣвшій Діану купавшеюся и зато превращенный ею въ оленя, коего потомъ разорвали собственные его, Актеоновы, псы, не узнавши его) и „Панѣ“: Греція, чувствуя приближающійся свой конецъ, содрагается, какъ преступникъ, при каждомъ шелестѣ листьевъ, шумѣ вѣтра и пр. Въ стих. 2-го отдѣла „Огласъ“ оплакивается это паденіе прекраснаго народа и его роскошныхъ царствъ...

Въ 3-мъ, средневѣковомъ отдѣлѣ изображено нарожденіе новаго, христіанскаго міра; люди, пытавшіеся уничтожить его въ зародышѣ, теперь блуждаютъ Агасверами. Пьеса „Выгнанцы“ относится къ порѣ гусситскихъ войнъ. Отдѣлъ замыкается хорошенькой вещицею „На прагу рае (я).“ Смыслъ 4-го отдѣла—глубокая вѣра поэта въ будущее счастье человѣчества, находящагося ныньче въ переходномъ состояніи, въ побѣду начало добра, свѣта и истины (См. предпослѣднюю пѣснь „Разсвѣтъ“). „Незнаемые боги“ эпилога—именно и суть эти имѣющіе еще прійти боги, которымъ поклонится человѣчество. И поэтъ призываетъ человѣчество терпѣливо стремиться все далѣе, впередъ, туда, гдѣ должна свершиться полная побѣда человѣческаго духа надъ грубою природою или, пожалуй, полное слитіе ихъ, полное овладѣніе человѣкомъ природы и ея силъ, которыми онъ распорядится по своему.

Этотъ 4-й отдѣлъ отличается значительнымъ глубокомысліемъ, но во внѣшнемъ отношеніи, быть можетъ, уступаетъ, наприм., второму. Поэтъ при посредствѣ міра внѣшняго, природы, не—я, забирается въ дебри жизни духа, я, причемъ встрѣчается съ различными загадками бытія, большую часть которыхъ оставляетъ однакоже на разрѣшеніе и усмотрѣніе читателей... болѣе опредѣленно самъ онъ высказывается лишь въ эпилогѣ.

А. Степовичъ.

Теорія волнообразнаго развитія языковъ.

Глубокое принципіальное значеніе въ наукѣ сравнительнаго языкознанія книги Іоганна Шмидта „Die Verwandtschaftsverhältnisse der indogermanischen Sprachen“ внушило намъ мысль изложить ее на русскомъ языкѣ съ возможной полнотой.

До 1872 г., т. е. до Лейпцигскаго съѣзда филологовъ, на которомъ Шмидтъ впервые поколебалъ родословную гипотезу и предложилъ свою теорію волнообразнаго развитія языковъ, въ наукѣ господствовало мнѣніе, по которому особенныя совпаденія двухъ или нѣсколькихъ языковъ объясняемы были только предположеніемъ, что существовалъ языкъ общій этой группѣ. При всемъ несходствѣ мнѣній относительно частныхъ вопросовъ науки, въ одномъ всѣ изслѣдователи были согласны: всѣ принимали, что существуетъ особенно близкое родство у иранскаго съ индійскимъ и что европейскіе языки восходятъ къ одной общей первооновѣ. Былъ собранъ рядъ доказательствъ грамматическаго и культурноисторическаго свойства, что первобытный индоевропейскій языкъ нѣкогда распался на два діалекта, арійскій (индоиранскій) и европейскій. Общій языкъ европейской отрасли даетъ начало сѣверному и южному отдѣлу языковъ; сѣверный отдѣлъ заключалъ въ себѣ—германскій съ литовскимъ и славянскимъ языками, южный—греческій съ латинскимъ и кельтскимъ. Мысль о единствѣ евро-

пейскихъ языковъ подкрѣплялась лингвистическими и культурноисторическими доводами. Вотъ именно это убѣжденіе ученыхъ въ ближайшемъ родствѣ всѣхъ европейскихъ языковъ и рѣзкомъ отличіи ихъ отъ языка азіатскихъ индоевропейцевъ и составляетъ предметъ критики Шмидта. „Изслѣдуемъ—говоритъ онъ въ началѣ своей книги—справедливо-ли предположеніе, будто внутри индоевропейскаго семейства всѣ европейскіе языки образуютъ болѣе тѣсное единство и, какъ таковые, настолько уклоняются отъ арійскихъ, что необходимо исходнымъ пунктомъ позднѣйшей дифференціаціи языковъ признать первоначальное распаденіе праязыка на арійскій и европейскій діалектъ“ (4.) Изъ европейскихъ группъ тѣснѣйшаго родства языковъ ни объ одной, кромѣ грекоиталійской, не говорили такъ много, какъ о литово-славяногерманской. Ея существованіе было признано и подтверждалось подробными доводами со стороны многихъ ученыхъ, преимущественно со стороны Шлейхера. Однако изъ собранныхъ Шлейхеромъ грамматическихъ аргументовъ (утрата въ обоихъ языкахъ ablativ'a и удвоенія, утрата сослагательнаго накл., двойное склоненіе прилагательныхъ, различіе глагольныхъ формъ perfect'a и imperfect'a), незыблемымъ послѣ критики Шмидта остается только одинъ, именно: во всѣхъ трехъ сѣверноевропейскихъ языкахъ *bh* индоевропейскаго падежнаго суффикса *—bhi, —bhis, —bhya(m)s* соотвѣтствуетъ *m.* Готское *vulfa-m*, старославянск. *влъко-мъ*, лит. *vilká-mus*, соотвѣтствуетъ греческому ϑεόφιν, латинскому *hostibus,* санскр. *sákhibhis.* Къ этимъ чертамъ единства языковъ сѣверноевропейской группы Шмидтъ добавляетъ еще нѣсколько данныхъ.

Всѣмъ имъ свойственно стяженіе *—ja* опредѣленныхъ именъ ж. р. въ им. п. ед. ч. въ долгое і, особенно въ жен. р. причастій: гот. frijondi, др.-болг. берѫшти, лит. auganti.

Числа отъ 4 до 10 въ готскомъ яз., отъ 4—9 въ литовскомъ, 4—въ славянскомъ яз. склоняются какъ основы на—і.

Очень важно далѣе отмѣченное Шлейхеромъ совпаденіе въ числительномъ имени „тысяча“ : гот. *thusundi*, др. болг. **тысѫшта**, лит. *tukstantis*.

Шмидтомъ, наконецъ, собраны 142 слова и корня, найденныхъ только въ языкахъ этой группы; изъ нихъ 59 встрѣчаются во всѣхъ трехъ языкахъ, 50-только въ славянскомъ и германскомъ, 33-только въ литовскомъ и германскомъ, причемъ весьма важныя въ культурноисторическомъ отношеніи названія для золота, серебра, ржи, пшеницы, пива, домашнихъ животныхъ и др. частью находятся во всѣхъ трехъ языкахъ, частью въ германскомъ и въ одномъ изъ двухъ другихъ языковъ. Такимъ образомъ, несомнѣнно, говоритъ Шмидтъ, что славянолитовскій яз. въ столь близкомъ родствѣ, какъ съ германскимъ, не находится ни съ однимъ изъ европейскихъ яз.

Но на юговостокѣ славяне соприкасались съ иранцами, такъ какъ, по Цейссу и Мюлленгофу, Понтійскіе скиѳы были иранцами. Въ какомъ отношеніи стоитъ славянская отрасль индоевропейцевъ къ восточнымъ своимъ сосѣдамъ? Могутъ-ли быть устойчивыми лигнвистическія границы между славянами и арійцами, если они соприкасаются географически? Для рѣшенія этого вопроса Шмидтъ пользуется данными Боппа. По мнѣнію этого ученаго, отдѣленіе леттославянской идіомы отъ азіатской случилось предъ распаденіемъ азіатскихъ арійцевъ на медоперсидскую и индійскую вѣтвь. Среди приведенныхъ имъ основаній родства славянолитовской вѣтви съ восточно-арійской особенное значеніе имѣетъ то указаніе, что арійскому палятальному свистящему только въ славянолитовскомъ соотвѣтсвуетъ шипящій, между тѣмъ остальные европейскіе языки не различаютъ этого звука отъ слабыхъ гортанныхъ. Слав. *съто*, лит. *szimtas* и санскр. *çatam*, зенд. *çatem* нужно противополагать гот. *hund,* лат. *centum*, греч. ἑκατόν. „Невозможно обозрѣть многочисленныя явленія“, говоритъ Шмидтъ, въ которыхъ славянолитовскій яз. совпадаетъ съ арійскимъ и отклоняется отъ германскаго“ (13) Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: въ склоненіи instr. sg. въ славянолитовскомъ на первонач.—*bhi*, plur. на

первонач. —*bhis*, мѣстный п. мн. ч. на первонач. —*sva*; въ спряженіи — простой и сложный аористы, будущ ее вр. на первон. —sjami, прич. прош. вр. д. з.—на первонач. —*vans* супинъ —на —tum. Славянскій яз., географически лежащій къ арійскому ближе, чѣмъ литовскій, и въ грамматическомъ отношеніи родственнѣе арійскому, чѣмъ литовскій : въ славянскомъ сохранились аористы, исчезнувшіе въ литовскомъ языкѣ. Опредѣленное склоненіе именъ прилагательныхъ въ славянолитовскомъ яз. имѣетъ самое тѣсное отношеніе къ подобному-же примѣненію древняго мѣстоименія *ja-* въ иранскихъ языкахъ. Поразительны совпаденія въ области мѣстоименій: род. ед. мѣст. 1-го л. др. перс. *mana*, лит. *mano*, дцсл. *мене*; только въ иранскомъ и славянскомъ яз. находятся мѣстоименіе —*ava* (тотъ), ц. сл. *овъ*. Предлогъ „ради"= древн. персид. *rādij* въ обоихъ языкахъ соединяется съ родит. пад. и болѣе нигдѣ не имѣется. Порядковое числит. *пръвъ* только въ арійскомъ находитъ себѣ соотвѣтствіе древнеперсид. *paruva*, санскр. *pūrva*; равнымъ образомъ совпаденіе въ имени „богъ" имѣетъ мѣсто между древнеперсид. и славянскимъ. Весьма важное культурноисторическое значеніе имѣютъ совпаденія славянолитовцевъ и арійцевъ въ названіяхъ брака и письма (у славянъ и персовъ): др слав. ВЕДЖ, *не-вѣста*, лит. *vedù*, др. бактр. *vadhjāti* (онъ ведетъ), санскр. *vadhù* (невѣста); д. слав. *писати*, др. персид. ni—pis, nij—apisam (я писалъ). Въ приложеніи II-мъ Шмидтъ сопоставилъ слова и корни, общіе славянолитовскому и арійскому языкамъ; изъ 61 слова 21 приходится на славянъ и литовцевъ совмѣстно, 23-только на славянъ и 17 исключительно на литовцевъ. Такимъ образомъ не только грамматически, но и лексически славянское племя ближе стоитъ къ арійцамъ, чѣмъ литовцы. Свой взглядъ на взаимоотношеніе славянолитовскаго къ арійскому языку Шмидтъ выражаетъ въ слѣдующемъ положеніи : географически смежные языки имѣютъ больше тождества, чѣмъ удаленные другъ отъ друга; нить родства идетъ отъ индійскихъ къ славянскимъ чрезъ иранскіе языки и чрезъ славянскіе къ литовскимъ; славянскій яз. содержитъ больше арійскихъ

чертъ, чѣмъ литовскій яз., а иранскій больше славянскихъ, чѣмъ санскритъ Припоминая теперь все, что объединяетъ въ области языка славянолитовцевъ съ германцами (*m* вм. *bh*, *tausend*=тысжшта, общеевропейское е вм. арійскаго а и др.), а также все общее въ славянолитовскомъ и арійскомъ языкахъ,—необходимо, по мнѣнію Шмидта, признать что, съ одной стороны, слявяне неразрывно связаны съ нѣмцами, съ другой—съ арійцами. Европейскія, нѣмецкія, и арійскія черты въ славянолитовскомъ проникаютъ другъ друга столь полно, что вызванъ былъ къ жизни цѣлый рядъ явленій, которыя понятны лишь какъ результатъ совокупнаго дѣйствія всѣхъ трехъ перекрещивающихся теченій. Возьмемъ, напр., дат. мн. ч. ж. р. *десьнамъ* : падежный суффиксъ исключительно сѣвероевропейскій —*мъ*, лит. *mus*, гот. —*m* ; корень европейскій : лит. deszinė, dexter, δεξιός; межъ тѣмъ основообразующій суффиксъ *ьнъ* исключительно арійскій: древнебактр. dašina, санскр. dakšina. Изъ этого примѣра видно, что славянолитовскій ни европейскій, ни арійскій яз.; это органическій посредникъ, звено между обѣими вѣтвями индогерманцевъ. Подобно тому какъ Европа не отдѣлена рѣзкой географической гранью отъ Азіи, такъ и между сѣверноевропейскими и арійскими яз. не существуетъ демаркаціонной линіи.

Такъ разрушаетъ Шмидтъ гипотезу европейскаго основного языка.

Посмотримъ теперь, устойчивы ли границы на югѣ Европы, между греческимъ и арійскимъ языками.

Курціусъ и Шлейхеръ въ своихъ работахъ провели тотъ взглядъ, что греческій яз., родственно близкій италійскому, вмѣстѣ съ нимъ произошли отъ общаго праязыка, греко-итало-кельтскаго.

Вотъ важнѣйшія изъ ихъ основаній: 1, только въ греческомъ и италійскомъ существуютъ основы ж. р. на—ŏ—=первонач. —ă— ; 2) греческій и лат. совпадаютъ въ ослабленіи а въ о и далѣе въ u (лат. яз.) тамъ, гдѣ остальные европейскіе яз. сохраняютъ а. Примѣры: ποσις, *potis*, но гот. *faths*, лит. *patis*; γενος, *genos*. 3) Грекоиталійскимъ ново-

образованіемъ является futurum exactum: τε-θνηκ-σω, πε-πρακ-σομαι, лат. *(ce)—capso*, *(fe)—fac-so*. Много соотвѣтствій обнаруживаетъ словарь обоихъ языковъ. Шмидтъ насчитываетъ 132 греческихъ слова, родственныя которымъ доказаны только въ латинскомъ языкѣ. Само собою разумѣется, что и греческому яз. свойственны важнѣйшія особенности европейскихъ языковъ.

Но, имѣя спеціальныя сходства съ областью южноевропейскихъ языковъ, греческій языкъ многими нитями связанъ и съ арійскимъ. Только въ греческомъ и арійскомъ спряженіяхъ наблюдаются приращеніе и удвоенный аористъ. За исключеніемъ futurum exactum, греч. и латин. спряженія совсѣмъ не напоминаютъ другъ друга, между тѣмъ къ арійскому спряженію греческое очень близко. Inf. на αι, —-εναι, —μεναι только въ арійскихъ яз. находятъ себѣ сотвѣтственныя формы: ἴδμεναι, δόμεναι=ведійскимъ *vid—manē*, *dā—manē*. „Подобно тому какъ общее имя для числительнаго 1000 имѣетъ цѣну вѣскаго доказательства въ пользу родства сѣверноевропейскихъ языковъ, такъ точно и тотъ же фактъ служитъ сведѣтельствомъ близости греческаго и арійскаго языковъ. Фикъ показалъ полную тождественность эолійскаго χέλλιοι (вм. χέσλιοι) и санскр. *sahasra* (*sa—hasra*). Имена греческо-италійскихъ божествъ (Гермесъ, Уранъ, Прометей, Кентавръ, Сатурнъ, Марсъ, Венера и др.) родственны индійскимъ. Наконецъ, греческій словарь такъ-же почти близокъ къ арійскому, какъ и къ италійскому, при этомъ, необходимо помнить, что въ латинскомъ яз. много словъ, заимствованныхъ изъ греческаго языка. Сопоставляя количество словъ общихъ италійскимъ и арійскимъ языкамъ съ количествомъ грекоаріискихъ, Шмидтъ получаетъ отношеніе 20:99. „Если поэтому принять грекоиталійскій праязыкъ, то мы должны приписать ему всѣ греко-итало-арійскія слова; но не покажется-ли тогда странной случайностью то обстоятельство, что изъ 123 греко-итало-арійскихъ словъ въ италійскомъ удержалось лишь 24, въ греческомъ-же 103“? Кто обратитъ вниманіе на географическое положеніе, тотъ не повѣритъ въ такую случайность.

Итакъ, и на югѣ Европы существуетъ такое-же отношеніе, какъ на сѣверѣ: нѣтъ рѣзкихъ границъ между арійскими и европейскими языками; греческій яз. также неразрывно связанъ съ арійскимъ, какъ и съ латинскимъ языкомъ. Что сказано о другихъ языкахъ, то же самое Шмидтъ утверждаетъ и относительно латинскаго языка: онъ является органическимъ посредникомъ между всѣми своими сосѣдями: греческимъ, кельтскимъ и нѣмецкимъ. Латинская грамматика, не обнаруживая особенно тѣснаго родства съ греческой, въ нѣскольких случаяхъ, напротивъ того, рѣшительно совпадаетъ съ сѣверными языками. Между латинскимъ и сѣверными языками гораздо болѣе общихъ словъ, чѣмъ между латинскимъ и греческимъ. Спеціальныя соотвѣтствія между латинскимъ и кельтскимъ указаны Шлейхеромъ; таковы, напр., новообразованія страд. залога на r, далѣе, образованіе будущаго вр. съ помощью наст. вр. корня bhu (*predchibid=praedicabit*) и сложнаго прошедшаго вр. при помощи корня as (*man-si-mus* образ., какъ (*ro*)—*gen*—*sa*—*m*). Въ свою очередь, какъ доказано Эбелемъ, и кельтскій языкъ служитъ посредствующимъ звеномъ между латинскимъ и нѣмецкимъ.

Объединимъ теперь всѣ частныя критическія замѣчанія Шмидта по поводу группировки индоевропейскихъ языковъ по степенямъ родства.

Такъ называемые „основные языки", европейскій, сѣверноевропейскій, славяногерманскій, южноевропейскій, италокельтскій или грекоиталійскій должны отойти въ область преданій. Можно, напр., общія особенности нѣсколькихъ языковъ обозначить коллективнымъ понятіемъ грекоиталійскихъ или славяногерманскихъ особенностей, но Шмидтъ считаетъ совершенно не доказаннымъ, чтобы имъ соотвѣтствовала историческая реальность въ видѣ грекоиталійскаго или славяногерманскаго праязыка, изъ котораго путемъ дѣленія произошли славянскій и германскій языкъ. Вообще въ семействѣ индоевропейскихъ языковъ невозможно выдѣлить изъ цѣлаго никакой группы, которая имѣла-бы особый общій первобытный языкъ, потому что для этого пришлось бы

разрѣзывать нити, соединяющіе эту группу родствомъ со всѣми другими группами. Если захотѣть предположить особый общій языкъ для славянолитовскихъ и вмѣстѣ для германскихъ языковъ, то пришлось бы оставить безъ вниманія связи родства славянолитовскихъ языковъ съ арійскими. А если бы кто возымѣлъ намѣреніе объединять съ арійскими всѣ сѣвероевропейскіе, то была бы порвана связь, охватывающая всѣ европейскіе языки.

Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія теоріи общихъ языковъ или иначе родословной теоріи нельзя справедливо оцѣнить всѣ частныя совпаденія между отдѣльными индоевропейскими языками. Устраняя старую точку зрѣнія, Шмидтъ предлагаетъ свою, которую можно назвать, слѣдуя введенному имъ термину, теоріей волнъ или теоріей „непрерывныхъ разностей“.

Окидывая однимъ взоромъ всю область индоевропейскихъ языковъ, Шмидтъ обращаетъ вниманіе, во-1-хъ, на то обстоятельство, что они тѣмъ менѣе сохраняютъ чертъ древности, чѣмъ далѣе продвигаются на западъ и, во-2-хъ, смежные языки всегда обнаруживаютъ характерныя черты сходства. Существуютъ такія грамматическія формы которыя, будучи употребительны въ арійскомъ языкѣ, на Западѣ удержались только въ славянскомъ и греческомъ, языкахъ, сопредѣльныхъ съ азіатскими индоевропейцами. Сюда относится, напр., сложный аористъ. На границѣ между Европой и Азіей находится также переходъ изъ s въ h (въ иранскомъ, греческомъ и славянскомъ языкахъ). Только въ арійскомъ, греческомъ и славянскомъ мѣстоименная основа—ja пріобрѣла относительное значеніе, что и играетъ большую роль для синтаксич. строя этихъ языковъ. Тотъ-же законъ постепеннаго исчезанія чертъ древности по направленію отъ востока къ западу подтверждается и изученіемъ особенностей индоевропейскаго ударенія. Свободное, не привязанное ни къ какому слогу повышеніе тона, каковое мы находимъ въ древнеиндійскомъ, въ полной мѣрѣ сохраняется только въ пограничныхъ съ арійскимъ языкахъ славянскомъ и греческомъ (внутри трехъ послѣднихъ слоговъ).

Ударенiе тѣмъ однообразнѣе, чѣмъ западнѣе языкъ. Латинскiй яз., утративъ свободу ударенія, ставитъ его въ зависимости отъ количества предпослѣдняго слога. Свободное удареніе въ славянскомъ мірѣ сохранилось только на востокѣ и югѣ у русскихъ, болгаръ и сербовъ; западные славяне, за исключеніемъ полабовъ, не измѣняютъ ударенія; чехи и серболужичане по нѣмецкому образцу ставятъ его на коренномъ слогѣ.

Наблюдая вымираніе древнихъ типическихъ особенностей въ семействѣ индоевропейскихъ языковъ по мѣрѣ удаленія ихъ къ западу, Шмидтъ представляетъ себѣ родственныя отношенія ихъ въ образѣ волны, которая разбѣгается концентрическими кругами, слабѣющими по мѣрѣ удаленія ихъ отъ центра. „Что языковая область образуетъ не кругъ, но весьма напоминаетъ круговой секторъ, что древнѣшій языкъ находится не въ центрѣ, а на концѣ этой области, это не мѣняетъ дѣла. Мнѣ также кажется весьма подходящимъ образъ наклонной плоскости, спускающейся безъ всякихъ переломовъ своего профиля отъ санскритскаго къ кельтскому“. Аналогіи „разбѣгающейся волны или „наклонной плоскости“ указываютъ намъ, что теорія Шмидта опирается на два предположенія: во-1-хъ, въ области индоевропейскихъ языковъ существовало и существуетъ стремленіе діалектически обособляться и, во-2-хъ, первоначально всѣ отдѣльные члены этого цѣлаго, отъ А до Х, были связаны между собой цѣпью „непрерывныхъ разностей“. Но непрерывность діалектическихъ переходовъ подъ вліяніемъ культурноисторическихъ условій, среди которыхъ жили индоевропейскія племена, стала исчезать, и внутри индоевропейскаго цѣлаго возникли не существовавшія первоначально языковыя границы, подобныя тѣмъ, напр., какія мы усматриваемъ между славянскимъ и нѣмецкимъ или между кельтскимъ и италійскимъ.

Возникновеніе языковыхъ границъ, или измѣненіе наклонной плоскости въ „лѣстницу“ Шмидтъ изображаетъ слѣдующимъ образомъ.

Предположимъ, что два удаленные другъ отъ друга діалекта A и X были первоначально связаны непрерывнымъ рядомъ варіацій b, c, d, e, f, g, hi... Могло случиться, что одинъ родъ или племя, говорившее варіацией f, пріобрѣло вслѣдствіе политическихъ, религіозныхъ, соціальныхъ или другихъ отношеній, перевѣсъ надъ сосѣдней средой. Чрезъ это были подавлены и замѣнены нарѣчіемъ f близлежащія варіации g, h, i, k съ одной стороны его и e, d, c, съ другой. Послѣ того какъ это случилось, f стало непосредственно граничить на одной сторонѣ съ b, а на другой непосредственно съ l. Такимъ образомъ, путемъ вымиранія посредствующихъ видовъ, между b и f, f и l получились рѣзкія границы, ступени вмѣсто покатости. Что въ этомъ мнѣніи есть живая, реальная подкладка, свидѣтельствуютъ приведенные Шмидтомъ историческіе примѣры. Аттическій діалектъ, постепенно развивая свое культурное вліяніе, вытѣснилъ всѣ другія греческія нарѣчія изъ употребленія въ литературномъ языкѣ. Такую-же подавляющую силу проявилъ римскій языкъ относительно другихъ италійскихъ нарѣчій, ново-верхне-нѣмецкій относительно остальныхъ нѣмецкихъ.

Раскрывая предъ нами съ большой убѣдительностью истинныя отношенія индоевропейскаго родства, Шмидтъ, кромѣ того, проливаетъ своей теоріей свѣтъ и на вопросъ о возсозданіи первобытнаго языка индоевропейцевъ. Его теорія прямо ведетъ къ тому, что общій языкъ уже въ первобытное время не былъ совершенно единымъ и имѣлъ діалектическія разности. Шмидтъ отрицаетъ математическую точность построеній индоевропейскаго яз. Въ самомъ дѣлѣ, существуютъ такія слова и грамматическія формы, доисторическіе прототипы которыхъ можно построить безошибочно. Но въ другихъ случаяхъ мы не въ состояніи взойти къ первоначальной формѣ. Напр., мѣстоименія 1-го л. въ европейскихъ языкахъ указываетъ на *agam*, въ арійскихъ на *agham*. Санскр. ēka указываетъ на *aika*; древне-бактр. *aēva*, οἶFο на *ai-va*; греч. ἕνη, лат. *unus*, гот. *ains*, лит. *vënas*,

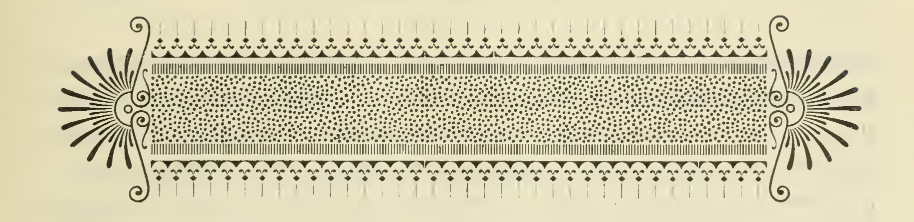
ц. сл. *и-нъ* — на *ai-na*. Было-бы чистымъ произволомъ принимать какую-либо изъ двухъ формъ, *agam* или *agham*, за исходную; еще менѣе возможна подобная попытка, когда предъ нами три различныхъ формы.

Другая трудность при построеніи общаго языка, по мнѣнію Шмидта, возникаетъ изъ распространенія словъ въ историческое время. Въ скольких языкахъ должно встрѣчаться слово, чтобы предъявлять право на индоевропейскую древность? Для приверженца генеалогической теоріи, признававшей первоначальное распаденіе индоевропейцевъ на западную и восточную половины, позволительно было считать какое-либо понятіе существовавшимъ въ первобытное время, коль скоро одно и тоже слово, выражающее это понятіе нашлось-бы хоть въ одномъ европейскомъ и въ одномъ изъ азіатскихъ языковъ: напр., латин. *ensis* и санскр. *asi* мечъ. Въ этомъ случаѣ всѣ тѣ языки, въ которыхъ нѣтъ словъ, одинаковыхъ съ *ensis*, *asi*, предполагаются потерявшими ихъ. Между тѣмъ, съ точки зрѣнія Шмидта, слова, находящіяся не во всѣхъ, а лишь въ нѣкоторыхъ языкахъ, могутъ быть и уцѣлѣвшими старыми словами и съ одинаковымъ основаніемъ признаваться новосоставленными, скорѣе—послѣднее. Такимъ образомъ, употребленіе одного и того-же слова у славяно-лито-арійцевъ для передачи понятія „жениться“ есть діалектическая особенность въ языкѣ этихъ народовъ, доказываетъ особенно тѣсную культурную связь между ними, но не служитъ свидѣтельствомъ того, что подобное слово случайно утрачено германскимъ, италійскимъ, кельтскимъ и греч. языками. При построеніи общаго языка совершенно не принимали въ разсчетъ ни того, что уже въ доисторическомъ языкѣ существовали діалектическія разновидности, ни того, что внутри матеріала, возводимаго къ формамъ общаго языка, различные элементы могутъ относиться къ различнымъ эпохамъ. Если бъ составить фразу изъ словъ „общаго языка“, то получилась-бы мозаика лингвистическихъ анахронизмовъ, и въ цѣломъ фраза была-бы не лучше такого перевода евангельскаго стиха, „гдѣ отдѣльныя слова отчасти

взяты изъ Ульфилы, отчасти изъ Татіана, отчасти изъ Лютера".

При настоящемъ состояніи науки, индоевропейскій общій языкъ есть фикція, а не историческій „индивидуумъ",—заканчиваетъ Шмидтъ свою книгу.

И. Кожинъ.

ДУХОВНЫЙ СТИХЪ о ГРѢШНОЙ ДѢВѢ

и

ЛЕГЕНДА О НЕРОЖДЕННЫХЪ ДѢТЯХЪ.

I.

Литературный характеръ и составъ русскихъ духовныхъ стиховъ опредѣлился уже въ общемъ, въ главныхъ чертахъ по крайней мѣрѣ, съ достаточной ясностью и точностью. Благодаря изслѣдованіямъ Буслаева, Кирпичникова и въ особенности А. Н. Веселовскаго [1]), не только приведены въ извѣстность и установлены какъ общій фонъ и характеръ ихъ литературнаго объема, такъ и кругъ охваченныхъ ими сюжетовъ и мотивовъ, но болѣе или менѣе обслѣдованы и выяснены также ихъ литературные источники и связи, ихъ роль и значеніе въ русской народной словесности.

Возникнувъ несомнѣнно подъ непосредственнымъ вліяніемъ христіанства и внесеннаго имъ новаго круга идей и образовъ, русскій духовный стихъ, порожденный вмѣстѣ съ тѣмъ народнымъ творчествомъ и обусловленный духовно-

---

[1]) Ср. его *Опыты* по ист. развитія христ. легенды (въ „Журн. М. Н. П." за 1875–77 гг.) и *Разысканія* въ обл. рус. духовн. стиха, I—XXIV, Спб. 1870—1891 гг.

поэтическими запросами и вкусами „двоевѣрной“ и пытливой народной души, не могъ все-таки, въ угоду новому и болѣе или менѣе отвлеченному міровоззрѣнію, отказаться совершенно отъ преданій старины глубокой, отъ вѣчно-живого родника народной вѣры, символики, поэзіи [2]). Замѣняя своей благочестивой аудиторіи прежнія, проклятыя церковью, „бѣсовскія игрища и пѣсни“, духовный стихъ все-таки долженъ былъ черпать свою киноварь и позолоту изъ одного съ ними источника, долженъ былъ оживлять и разукрашивать свои новыя книжныя темы излюбленными образами и мотивами народной поэтики и традиціи.

По своему общему содержанію духовные стихи оставались всецѣло въ кругу повѣствовательнаго и дидактическаго матеріала христіанской письменности, причемъ, рядомъ съ каноническими темами, заимствованными изъ евангелія, житій святыхъ и т. п., особенной излюбленностью пользовались апокрифическія и эсхатологическія сказанія и представленія, которыя своимъ яркимъ поэтическимъ колоритомъ болѣе всего отвѣчали народному вкусу и любопытству.

Заимствуя, однако, свою основную тему изъ какого-либо благочестиваго источника, народный стихъ придавалъ ей, въ большинствѣ случаевъ, своеобразную народно-поэтическую окраску, уснащалъ ее излюбленными поэтическими или бытовыми чертами и подробностями, измѣнялъ или даже совсѣмъ отбрасывалъ лишніе или непонятные и вставлялъ новые, болѣе яркіе и цѣлесообразные мотивы,—однимъ словомъ, примирялъ и сливалъ въ одно гармоничное цѣлое назидательную, но отвлеченную и скучную тему духовно-книжнаго писанія съ живымъ и интереснымъ, хотя и отверженнымъ церковью, народно-поэтическимъ преданіемъ. Не нуждались въ такой перелицовкѣ развѣ только апокрифи-

[2]) Оговоримся, что мы имѣемъ здѣсь въ виду только *народный* стихъ, возникшій въ народѣ и сохранившійся въ его репертуарѣ, происходящій, такъ сказать, *снизу*, - а не касаемся вовсе образовавшейся параллельно съ нимъ *книжной* духовной поэзіи, которою церковь *сверху* старалась удовлетворять духовно-поэтическимъ потребностямъ и запросамъ своей паствы.

ческіе сюжеты, которые въ иныхъ случаяхъ превосходятъ своей яркой фантазіей и поэтическими измышленіями самое буйное народно-поэтическое воображеніе.

Такимъ образомъ, въ духовномъ стихѣ слились воедино книжные, болѣе или менѣе отвлеченные и безкровные притчи и гимны христіанской письменности—съ „бѣсовскими" пѣснями и преданіями живой народной старины, принимая отъ послѣднихъ кровь и соки народнаго міросозерцанія и быта, нанизывая на свою однообразно-сѣрую канву причудливые и яркіе узоры народной традиціи и поэзіи.

Произошло ли это сліяніе обоихъ началъ въ основѣ стиха, во время самого процесса его созданія, или же образовалось только впослѣдствіи, благодаря позднѣйшимъ вставкамъ и наслоеніямъ, по мѣрѣ его обращенія въ народной средѣ,—сущности вопроса это уже не измѣняетъ нисколько и принципіальнаго значенія для него имѣть не можетъ.

И, за очень немногими исключеніями, все сказанное можетъ быть отнесено ко всему наличному составу русскихъ духовныхъ стиховъ, поскольку они дѣйствительно народны, съ той развѣ оговоркой, что въ однихъ сильнѣе выступаетъ духовный, въ другихъ народный элементъ, что въ однихъ болѣе, въ другихъ же менѣе явны и замѣтны безыскусственные рубцы ихъ литературной спайки.

Но это уже частный, второстепенный вопросъ, не имѣющій прямого отношенія къ историко-литературной основѣ духовныхъ стиховъ и обусловленный какъ общими пріемами народнаго творчества, такъ еще въ большей степени частными и случайными условіями ихъ внутренняго образованія и развитія.

II.

Двойственность внутренняго склада и характера русскихъ духовныхъ стиховъ, обнаруживающаяся подъ историко-литературнымъ анализомъ болѣе или менѣе почти въ каждомъ изъ нихъ, доходитъ въ иномъ случаѣ до такой степени, что въ читателѣ возникаетъ сильное недоумѣніе, можно-ли во-

обще причислять данный стихъ къ разряду духовныхъ стиховъ, или-же слѣдуетъ считать его просто стихотворной легендой или даже испорченной балладой?

Мы имѣемъ здѣсь, главнымъ образомъ, въ виду небольшой, но въ многихъ отношеніяхъ замѣчательный стихъ о *блудницѣ* или *грѣшной дѣвѣ*, который почему-то не обратилъ на себя до сихъ поръ должнаго вниманія изслѣдователей, и если затрогивался ими, то только случайно и вскользь [3]).

Принадлежа несомнѣнно, какъ по своему содержанію и духу, такъ и по обстоятельствамъ своего обращенія въ народной словесности, къ циклу духовныхъ стиховъ, распѣваемыхъ въ назиданіе благочестивымъ слушателямъ прохожими „каликами" и лирниками, стихъ о грѣшной дѣвѣ вмѣстѣ съ тѣмъ сильно отличается отъ нихъ своимъ сжатымъ эпическимъ изложеніемъ и яркимъ бытовымъ колоритомъ, болѣе свойственными живой, повѣствующей балладѣ, чѣмъ тягучему и морализующему духовному стиху. Очевидно, народно-поэтическій элементъ получилъ въ немъ такой значительный перевѣсъ надъ духовно-назидательнымъ началомъ, что не только расписалъ по немъ обильнѣе, чѣмъ этого можно-бы ожидать, свой разноцвѣтный узоръ, но подчинилъ себѣ и сообразовалъ со своими творческими пріемами даже его общее изложеніе и внѣшнюю форму.

Первую по времени запись стиха о грѣшной дѣвѣ или блудницѣ встрѣчаемъ въ собраніи духовныхъ стиховъ П. В. Кирѣевскаго [4]). Издатель не указалъ даже приблизительно мѣста происхожденія этой записи, но судя по языку и по текстуальной близости ея къ бѣлорусскимъ варіантамъ, придется отнести ее, по всей вѣроятности, къ бѣлорусской, или къ смежной съ ней полосѣ южно-великорусской территоріи.

---

[3]) А. Н. Веселовскій, *Опыты*, „Ж. М. Н. П.", 1877, февр., 237—38; А. А. Потебня, *Объясненія* малорусскихъ и сродныхъ нар. пѣсень, 1887, II, 582.

[4]) *Русскіе народные стихи*, № 51,—„Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Росс.", 1848, IX, 223.

Приведемъ ее, въ виду ея небольшого объема, сполна:

Исъ пятинки до суботы
ишелъ Господь дорогою,
дорогою широкою.
Пришелъ Господь къ колодезь-с,—
изъ колодезя дѣвка воду беретъ.
— „Дай мнѣ, дѣвка, воды пить!"—
Дѣвка кажетъ: „эта вода не чиста,
съ дуба трестка налетала,
съ клену листья нападали".
– „Стой, дѣвка, уликайся!
ты сама нечиста;
семихъ сыновъ породила,
въ сей колодезь потопила.
Ходи, дѣвка, до церки сповѣдайся,
да въ церкву не вступай!"—
Дѣвка Бога не услышала
и въ церкву вступила:
на семь саженъ земли убила.
Покуль той (?) души встали зъ мертвыхъ,
взяли матку подъ руки,
укинули матку въ пекло глубоко.
„Якое намъ, матка, порожденье,
такое тебѣ пcredованье,
похованье и поминанье!"

Приведенный изводъ стиха, по своей эпической сжатости и простотѣ, представляется намъ не только первымъ по времени записи, но также по своему существу и составу древнѣйшимъ изъ извѣстныхъ нынѣ варіантовъ, сохранившимъ, повидимому, вѣрнѣе всѣхъ другихъ первоначальный, основной текстъ стиха. Весь объемъ содержанія стиха, поскольку можно судить о немъ по наличнымъ варіантамъ, охваченъ имъ полностью, но сжатъ въ изложеніи до крайней возможности, какъ это обыкновенно наблюдается въ древнѣйшихъ, основныхъ текстахъ, между тѣмъ какъ позднѣйшіе варіанты все болѣе и шире развиваютъ и разу-

крашиваютъ какъ основную схему сюжета, такъ и его отдѣльные черты и мотивы. Правда, подобной же сжатостью изложенія отличаются до нѣкоторой степени, какъ увидимъ ниже, также и малорусскіе варіанты, но они, особенно во второй, главной части, болѣе или менѣе скомканы и неполны, такъ что въ нихъ можно предполагать скорѣе блѣдность и порчу производнаго отраженія, чѣмъ изначальную эпическую основу стиха.

Обратимся къ другимъ варіантамъ. Ближе всего къ тексту Кирѣевскаго стоятъ, какъ о томъ уже было упомянуто выше, бѣлорусскіе варіанты, распѣваемые Велижскими „братчиками“ и изданные въ два пріема П. В. Шейномъ. По началу стиха отвѣчаетъ ему болѣе всѣхъ тотъ варіантъ, который почему-то поставленъ А. Н. Веселовскимъ, въ его попутной замѣткѣ [5]), во главу угла:

Ишоу Господзь дорогою,
дорогою широкаю,
пришоу Господзь къ колодзисю,
къ колодзисю глубокому.
А тамъ дзѣука воду брала,
грѣшны души пробовала.

Господь проситъ у дѣвки воды, но она „грубо отказала“, подъ предлогомъ, что

„гэта вода нячистая,—
зъ дуба стрила вылитала,
у колодзись попадала“.

Тогда Господь говоритъ ей, что она сама нечиста, такъ какъ

„симъ сыноу породзила,
усихъ сюды потопила“.

5) *Опыты*, ук. м.

Дальнѣйшее изложеніе нѣсколько отступаетъ отъ текста Кирѣевскаго:

Дзѣука Бога спужалася,
пирадъ Богамъ крыжамъ пала.
„А устань, дзѣука, не пужайся,
идзи домоу прибирайся,
съ отцомъ, зъ мацій распрощайся,
идзи у церкву сповидайся"!
Стала дзѣука сповидацьца,
стала цѣла распадацьца,
„Вотъ табѣ, мамка, нахуваннійка,
якъ намъ была годуваннійка!" [6])

Послѣднія слова говорятъ, очевидно, ея погубленныя дѣти, но въ варіантѣ не упоминается объ этомъ, равно какъ и объ участіи ихъ въ наказаніи грѣшной матери.

Другой варіантъ тѣхъ-же Велижскихъ „братчиковъ" развиваетъ нѣсколько шире и подробнѣе нѣкоторыя частныя черты стиха, причемъ вводитъ также новое начало, въ родѣ типичнаго запѣва, которое повторяется затѣмъ, съ небольшими измѣненіями, въ большинствѣ остальныхъ варіантовъ:

Якъ у недзѣльку раненько
ходзиу Богъ слѣдуючи,
насъ грѣшныхъ спробуючи.

Встрѣтивъ дѣвку, которая несла воду, Богъ проситъ у нея воды, чтобы „руки, ноги умыць". Но дѣвка, не узнавъ Бога, отказала:

„Моя вода нячистая,
древомъ, листомъ западала".

[6]) П. В. Шейнъ, *Бѣлорусскія нар. пѣсни*, 1874, № 718, стр. 387 - 88.

Мотивъ объ уличеніи дѣвки въ ея тяжеломъ грѣхѣ спутанъ и ослабленъ здѣсь до простого (или аллегорическаго?) укора въ неряшливости:

„Сама, дзѣука, нячистая!
Чаму воду ня очищала?“

Дѣвка послѣ этого бросается Богу въ ноги, а Онъ наставляетъ ее:

„Полно, дзѣука, ня уклоняйся,
идзи къ усимъ ксендзамъ сповѣдайся,
въ усихъ грѣхахъ признавайся!“

Варіантъ ничего не говоритъ объ исповѣди и покаяніи грѣшницы, только переходитъ непосредственно къ заключительному мотиву—наказанію:

Душа въ цѣлѣ завихацься,
косци съ цѣломъ разставацься.
Уси святые зъ мертвыхъ устали,
косци съ цѣломъ собирали,
до гроба складали.
„Мацъ наша родзима!
На што ты насъ породзила,
на Дунаѣ утопила,
сабѣ грѣху прикупила?“ [7])

„Всѣ святые“—повидимому дѣти грѣшной дѣвы, которыя, вмѣсто злораднаго осужденія и мести, какъ въ предыдущихъ и вообще въ большинствѣ варіантовъ, несутъ своей матери жалость и прощеніе.

Слѣдующіе бѣлорусскіе варіанты также болѣе или менѣе измѣняютъ и разнообразятъ основную схему стиха. Въ варіантѣ изъ Гродненскаго у. шелъ Господь „въ недзѣлю по обѣдзѣ“, „цёмнымъ лѣсомъ“, „жабруючи“. Онъ обличаетъ дѣвку въ томъ, что она

„дзевять сыноу породзила,
ни одного не хрысцила,
да у гэтуй водзѣ потопила“.

---

7) Шейнъ, *Бѣлор. нар. п.*, № 717, стр. 387

Дѣвка поражена, что нищій странникъ знаетъ ея страшную тайну:

„Муси ты, дзѣду, вельки пророкъ,
што усё грахе ты вызнаешъ“.
— „Охъ, я, дзѣвка, да не пророкъ,
я зъ неба да самъ Панъ Бохъ“.

Затѣмъ Господь посылаетъ дѣвку въ церковь, къ исповѣди.

Якъ только дзѣука у церкви стала,
на семъ саженъ земля упала,
жоуты свѣчки погасила,
усѣ святые посмуцила,
да усѣ прастолы повалила.

Церковь содрогнулась отъ ея ужасныхъ грѣховъ, но, послѣ ея раскаянія и очищенія въ исповѣди, не отказала ей въ прощеніи:

Якъ только дзѣука сповѣць мѣла,
на семъ сажонъ земля устала,
усѣ свѣчки загоралися,
усѣ сбятые звеселилися,
чистымъ серцамъ Богу помолилися. [8])

О дѣтяхъ грѣшницы, если не считать ими, по аналогіи съ вторымъ Велижскимъ варіантомъ, „всѣхъ святыхъ“, не упоминается здѣсь вовсе.

Варіантъ изъ Могилевской губ. распространяетъ запѣвъ стиха двумя общими эпическими мѣстами:

И въ нядѣльку вельми рано,
ранѣй того звоны били.
Й въ крыницы выда грала,
вой тамъ дѣвка выду брала.

[8]) П. В. Шейнъ, *Матеріалы* для изученія быта и языка русскаго населенія сѣв.-зап. края, 1893, II, 607—608, № 12.

Но, съ другой стороны, въ немъ сильно сбиты и спутаны нѣкоторые существенные мотивы. Такъ напр. грозное обличеніе грѣха дѣвы ограничено здѣсь блѣдными, общими словами: „сама, дѣвка, ты нячиста". Дѣвка пошла къ „ксендзамъ" исповѣдаться и

усимъ грѣхомъ ускрывалась,
й яднымъ гряхомъ не призналась.

Почему она затаила на исповѣди этотъ одинъ грѣхъ и какой это былъ грѣхъ, въ стихѣ не сказано. Въ наказаніе грѣшница „цѣла макымъ разсыпалась". Дѣти ея, которыхъ, надо полагать, она призываетъ себѣ въ помощь:

„й встывайте сынки зъ воды,
прикыпайте маткины кости",—

поютъ матери злорадную отходную:

„Наша матка была ямна,
пышла душа яе къ дьяблу.
Наша матка была пекна,
пышла душа яе въ пекла". [9])

Въ Витебскомъ варіантѣ извиняется дѣвка передъ Богомъ, что вода потому нечиста, что

„древомъ, листомъ западала,
жоутымъ пяскомъ заношало".

Богъ обличаетъ ее, что она

„дзевяць сыноу спородзила,
на Дунаи потопила".

Послѣ исповѣди она „распалась", а ея дѣти,

анёлочки зъ мертвыхъ встали,
тыи косьци позбирали [10]).

---

[9]) *Тамъ же*, стр. 608—609, № 13.
[10]) *Тамъ-же*, стр. 610—611, № 14.

Въ варіантѣ изъ Минской губ. дѣва также утопила своихъ девять сыновъ, „ни жаднаго не хрисьцила". Въ церкви, послѣ исповѣди, ея тѣло распалось въ прахъ. Дѣти злорадствуютъ:

„якое намъ было похованьне,
такое табѣ помираньне!" [11])

Въ другомъ Минскомъ варіантѣ, именно во второй части его, встрѣчаемся опять съ близкимъ отраженіемъ той редакціи стиха, которая легла въ основу варіанта Кирѣевскаго. Богъ, посылая грѣшницу въ церковь къ исповѣди, предостерегаетъ ее, чтобы не входила въ церковь одна, а только въ сопровожденіи священниковъ. Но она не послушалась и пошла одна. Тогда

на семъ саженъ земля упала.
Дзевяць сыноу зъ мартвыхъ устали,
ее цяло подобрали,
да зняли его высоко,
да кинули его да глыбоко.
„Отожъ табѣ, наша матка!
якое намъ было годованьне,
такое табѣ похованьне!" [12])

Посредствующее мѣсто между бѣлорусскими и малорусскими варіантами занимаетъ Пинскій, сильно полонизованный, варіантъ изъ сборника Зенькевича [13]). Господь встрѣчаетъ въ лѣсу „панну", несущую воду. На ея извиненіе, что вода нечиста, Господь возражаетъ:

„Моя вода вся свенцона;
есть ты, панно, зогришона:
мялась соби седымъ сынувъ,

[11]) *Тамъ-же*, стр. 611, № 15.

[12]) *Тамъ-же*, стр. 611—12, № 16.

[13]) *Piosenki ludu Pińskiego*, 1851, стр. 254—56; перепечатано у В. Варенцова, *Сборникъ* русскихъ духовныхъ стиховъ, 1860, стр. 241—42.

не жадного не хрыстила,
уси марне погубила,
древомъ, листомъ притрусила“.

Раскаявшаяся грѣшница отправляется къ исповѣди, но

только панна на прогъ ступила,
на симъ сажонъ земля впала,
на судъ вичный панна пропала.

Заключеніе очевидно испорчено и скомкано.

Переходя къ малорусскимъ варіантамъ, мы остановимся прежде всего на неполномъ и вообще неудовлетворительномъ Волынскомъ варіантѣ, записанномъ Костомаровымъ, который, однако, важенъ тѣмъ, что онъ—единственный слѣдъ существованія интересующаго насъ стиха въ народной словесности малорусскаго населенія въ предѣлахъ Россіи.

Эта Волынская версія стиха до такой степени кратка и безцвѣтна, что, несмотря на пѣсенный складъ, производитъ впечатлѣніе простого прозаическаго пересказа.

Ишовъ Божокъ дорогою,
зострівъ дівку изъ водою.

Вода, по словамъ дѣвки, нечиста оттого, что въ нее

„зъ клёна листа нападало,
зъ горы піску налетіло“.

Далѣе стихъ сбивается уже совершенно, забываетъ даже о грѣхѣ дѣвки и только называетъ ее „нечистой“, а покаяніе и наказаніе грѣшницы заключаетъ въ двухъ безцвѣтныхъ строкахъ:

скоро дівка въ церкву войшла,
на сімъ саженъ въ землю пойшла. [14])

Судя по приведенному, единственному варіанту изъ Малороссіи, слѣдуетъ полагать, что стихъ о грѣшной дѣвѣ,

---

[14]) Варенцовъ, *Сборникъ* рус. духовн. стиховъ, стр. 240—41.

хотя и былъ здѣсь, повидимому, извѣстенъ и даже, можетъ быть, входилъ въ кругъ „лирницкихъ“ пѣсенъ, но со временемъ почему-то затерялся и выпалъ изъ народной памяти почти совершенно.

Всѣ остальные малорусскіе варіанты происходятъ изъ Галичины, гдѣ нашъ стихъ сохранился, повидимому, болѣе живо и цѣльно, чѣмъ въ Малороссіи.

Два лемковскіе, очень близкіе между собою варіанта сообщилъ Головацкій. [15]).

Ей въ недѣлю по обѣдѣ
ходилъ Панъ Бôгъ по Бескидѣ.

Дѣвка не хочетъ дать воды,

„кедь то вода барзъ нечиста,
зъ верху листомъ припадена,
зъ споду муломъ примулена“,

или, по другому варіанту, „зъ верха листокъ, въ сподѣ пѣсокъ“. Господь укоряетъ ее, что она сама нечиста, такъ какъ

„сêмдесятъ мужôвъ мала,
а зъ еднимъ шлюбъ не брала“.

Мотивъ дѣтоубійства въ этомъ варіантѣ пропущенъ, но за то возстановленъ нѣкоторымъ образомъ въ другомъ:

„Южъ лесь сêмь мужôвъ мала,
а зо жаднымъ шлюбъ не брала;
сêмь лесь хлопцêвъ породила,
ни едному ксту не дала“.

Сандецкій варіантъ приводитъ также слова сомнѣвающейся еще дѣвы, обращенныя къ Богу:

---

[15]) *Народныя пѣсни* Галицкой и Угорской Руси, 1878, I, 235, № 68, IV, 522, № 2 —Головацкій поставилъ почему-то надъ вторымъ, Сандецкимъ варіантомъ надпись: „О св. Еленѣ“. Насколько намъ извѣстно, однако, данный стихъ нигдѣ болѣе не пріуроченъ къ имени св. Елены и не имѣетъ къ ней никакого отношенія

„Кедъ лесь хлопъ, то не гварь ми то,
кедъ лесь Богъ, отпусть ми то!“

Богъ велитъ грѣшницѣ идти въ церковь исповѣдаться, послѣ чего она распадается въ прахъ, обращаясь притомъ— новая черта—къ вѣтру съ мольбой о той послѣдней услугѣ, которую въ нѣкоторыхъ бѣло-русскихъ варіантахъ оказываютъ ей ея дѣти:

„Подуй, вѣтре, барзъ тихôцькій,
заберъ порохъ мôй легôцькій“...

Третій галицко-русскій варіантъ, записанный въ новѣйшее время въ Старомѣстскомъ повѣтѣ, примыкая многими чертами къ лемковской версіи, принадлежитъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ той-же самой текстуальной редакціи, что и Волынскій варіантъ Костомарова, съ той только разницей, что онъ не только въ общемъ сохранился гораздо полнѣе и лучше, чѣмъ послѣдній, но также, повидимому самостоятельно, значительно расширилъ и развилъ начало—запѣвъ стиха:

Въ живний читвирь [16]) по вечери
ходитъ Господь по всій земли;
ходитъ, ходитъ, походжае,
всімъ намъ хліба догаджае.
Вибравъ собі керничийку,
въ чистімъ полю студничийку.
Ой тамъ дівча воду брало,
въ чистімъ полю спочивало.
Иде Господь дорогою,
стрітивъ дівча изъ водою.

Послѣдніе два стиха восходятъ ужъ почти буквально къ Волынскому варіанту. Далѣе оба текста идутъ уже болѣе

---

[16]) „Живный“—страстный четвергъ интерполированъ здѣсь, надо полагать, изъ желанія пріурочить стихъ къ страстной недѣлѣ, въ которую, какъ и вообще въ теченіе всего великаго поста, по замѣчанію записывателя, онъ распѣвается благочестивыми крестьянами этой окрестности.

или менѣе параллельно, съ нѣкоторыми отступленіями въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ галицко-русскій текстъ возстановляетъ и восполняетъ выцвѣтшія мѣста и пропуски испорченнаго Волынскаго варіанта. Немногія и незначительныя разночтенія самыхъ текстовъ объясняются въ достаточной степени значительнымъ разстояніемъ мѣста и времени обѣихъ записей.

Такъ напр. „нечистоту" воды объясняетъ дѣва тѣмъ, что

„нападало зъ клиня листя,
зъ пальця кровця нацяпкала",

между тѣмъ, какъ этой интересной подробности объ окровавленной водѣ мы ни въ одномъ изъ остальныхъ варіантовъ не встрѣчаемъ.

Пропускъ Волынскаго варіанта относительно грѣха, совершеннаго дѣвой, возстановляется здѣсь по лемковской версіи:

„Ты сімь мужівъ мала,
и съ еднимъ-исъ слюбъ не брала;
сімь-исъ хлопций породила,
и едного-съ не хрестила,
и въ тій воді потопила".

По той-же редакціи возстановлено также испорченное и сбитое заключеніе Волынской версіи, хотя, впрочемъ, и здѣсь оно, въ сравненіи съ яркими красками бѣлорусскихъ текстовъ, разработано слишкомъ кратко и блѣдно:

„Цитъ, дівча, не влякайся,
йди до цирькви, сповідайся".
Якъ ся дівча сповідало,
ажъ ся на макъ розсыпало. [17])

Ни мотива о покаянныхъ мытарствахъ грѣшницы въ церкви, ни эффектнаго заключительнаго аккорда объ явленіи, для мщенія или прощенія, ея погубленныхъ дѣтей, послѣд-

---

[17]) *Материяли* до укр.-рус. етнольогії, изд. Товариствомъ им. Шевченка во Львовѣ, 1900, III, 41—42.

ній, какъ и вообще всѣ малорусскіе варіанты, не развиваетъ и, повидимому, даже не знаетъ вовсе.

Послѣднимъ галицко-русскимъ варіантомъ исчерпывается наличный, извѣстный намъ, составъ русскихъ текстовъ духовнаго стиха о грѣшной дѣвѣ, который состоитъ, такимъ образомъ, изъ четырехъ малорусскихъ, восьми бѣлорусскихъ и одного смѣшаннаго бѣло-великорусскаго текстовъ.

На основаніи сравнительной критики всѣхъ этихъ текстовъ, произведенной выше, можетъ быть, даже шире и подробнѣе, чѣмъ это нужно для нашихъ ближайшихъ цѣлей, мы можемъ теперь сдѣлать нѣкоторые общіе выводы, представляющіе существенный интересъ также для слѣдующаго далѣе историко-литературнаго изслѣдованія происхожденія и состава стиха.

Древнѣйшимъ и ближайшимъ къ изначальному, основному типу стиха слѣдуетъ, повидимому, по изложеннымъ выше соображеніямъ, считать первый по времени записи, входящій нѣкоторымъ образомъ въ область великорусскаго языка, текстъ Кирѣевскаго, который, какъ по своему внутреннему характеру, такъ и по внѣшнему складу, представляетъ наиболѣе архаичную, первичную редакцію стиха. Этимъ мы, однако, не утверждаемъ нимало, что отъ этого именно текста произошли, прямо или косвенно, остальные, болѣе новые варіанты. Напротивъ, въ виду его очевидной обособленности по языку, такое предположеніе, кажется, даже совсѣмъ должно быть оставлено. Представляя, за совершеннымъ отсутствіемъ какихъ-бы то ни было другихъ слѣдовъ его существованія въ богатой, впрочемъ, области великорусскихъ духовныхъ стиховъ, только случайный и единичный отпрыскъ бѣлорусскаго репертуара, къ текстамъ котораго онъ и примыкаетъ всецѣло, — данный изводъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, считаться источникомъ и основой другихъ варіантовъ, распространившихся и утвердившихся въ родной области такъ широко и прочно. Остается предположить только одно, именно, что какъ этотъ старѣйшій, такъ и всѣ остальные, бѣло-и малорусскіе варіанты восходятъ къ какому-то,

неизвѣстному нынѣ, общему и основному изводу, причемъ первый варіантъ образовался, повидимому, ранѣе и непосредственнѣе, прочіе же представляютъ уже болѣе или менѣе позднія и далекія отраженія, измѣненныя и подкрашенныя позднѣйшими подмѣнами и наслоеніями. Такимъ образомъ, этотъ безродный, отскочившій случайно отъ основного извода, но затѣмъ почему-то остановившійся и застывшій въ своемъ развитіи, бѣло-великорусскій варіантъ сохранилъ въ наиболѣе вѣрномъ и непосредственномъ видѣ изначальный типъ стиха, который со временемъ, въ свою очередь, постепенно затерялся въ извращеніяхъ и наслоеніяхъ другихъ варіантовъ.

Что касается взаимныхъ отношеній этихъ послѣднихъ, то изъ ихъ сравнительнаго обзора выяснилось въ достаточной мѣрѣ, что они, по составу и разработкѣ подробностей, распадаются до нѣкоторой степени на двѣ, болѣе или менѣе цѣльныя группы, раздѣленныя вмѣстѣ съ тѣмъ также діалектической чертою: бѣлорусскіе, болѣе полные и развитые варіанты составляютъ одну, малорусскіе же, отличающіеся, особенно во второй части, своеобразной краткостью и блѣдностью изложенія, другую группу. Это распаденіе обѣихъ группъ, однако, не настолько значительно и существенно, чтобы можно было относить его къ двумъ разнымъ редакціямъ основного типа стиха. Оно—болѣе случайное и внѣшнее, чѣмъ внутреннее и основное, такъ что, по всей вѣроятности, возникло только впослѣдствіи и постепенно, подъ воздѣйствіемъ мѣстныхъ условій или прихотей народной словесности.

Въ связи съ этимъ находится, наконецъ, вопросъ о томъ, которой изъ обѣихъ группъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе относительно большей древности и, такъ сказать, литературнаго первородства, слѣдовательно, куда, къ бѣлорусской-ли, или малорусской области слѣдуетъ отнести изначальное зарожденіе русскаго стиха о грѣшной дѣвѣ, безразлично, возникъ-ли онъ самостоятельно и оригинально изъ нѣдръ русскаго народнаго преданія и творчества, поскольку это въ духовномъ стихѣ вообще можетъ имѣть мѣсто, или-же заимствованъ, въ основѣ своей, извнѣ, изъ какого-нибудь чужого источника?

Намъ кажется, что этотъ существенный вопросъ разрѣшился уже, въ теченіе произведеннаго выше обзора варіантовъ, самъ собою. Малорусская группа, не смотря на странную устойчивость внутренняго единства и однообразія своихъ варіантовъ, не можетъ считаться болѣе древней и основной уже потому, что ея неполные и сильно попорченные тексты не могли вѣдь произвести изъ себя болѣе полные и исправные, какъ отрывокъ или извлеченіе не можетъ произвести цѣлое. А такое цѣлое, судя по критерію древнѣйшаго извода, представляютъ именно, въ совокупности своей, бѣлорусскіе тексты, содержащіе полностью всѣ его составные мотивы и черты и ближайшіе къ нему также по своему внѣшнему складу и характеру.

Изъ всего этого вытекаетъ, кажется, съ достаточной ясностью, что первый, основной изводъ интересующаго насъ стиха могъ возникнуть только на бѣлорусской почвѣ, гдѣ онъ и распространился затѣмъ наиболѣе широко и привольно. Отъ него произошелъ, съ одной стороны, ушедшій въ великорусское нарѣчіе, но почему-то не принявшійся въ немъ, варіантъ Кирѣевскаго, съ другой-же—какой-нибудь болѣе или менѣе отдаленный предокъ (или нѣсколько предковъ) нынѣшнихъ бѣлорусскихъ варіантовъ. Одинъ изъ этихъ бѣлорусскихъ предковъ проникъ, въ свою очередь, также въ малорусскую народную словесность и образовалъ малорусскую версію стиха.

III.

Вопросъ объ областной родинѣ и объ историко-литературной роли нашего стиха въ русской народной словесности осложняется въ нѣкоторой степени тѣмъ обстоятельствомъ, что кругъ распространенія его варіантовъ не ограничивается предѣлами русскихъ нарѣчій, но раздвигается шире и захватываетъ также область нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ народностей.

Итакъ, обращаясь прежде всего къ ближайшей къ намъ, какъ географически, такъ и по продолжительнымъ культурно-литературнымъ взаимоотношеніямъ, польской народ-

ности, мы находимъ слѣдующую, очень близкую, но, къ сожалѣнію, утратившую начало, параллель нашего стиха:

„Dziwcze moje daj my wody,
wszystkim duszom na ochłodę!“
— „A ta woda nie jest czysta,
napadło w nią trawy, liścia.“—

Господь обличаетъ дѣву, подобно какъ въ русскихъ варіантахъ, что не вода, только она сама нечиста:

„Sidmiu'ś synów porodziła
i w ty wodzie potopiła“.

Видя испугъ и раскаяніе грѣшницы, Господь милостиво наставляетъ ее:

„Wstoń, dziwko, nie lękaj sie,
bież do kościoła, spowiadaj sie“!

Окончаніе стиха, совпадая въ двухъ первыхъ, существенныхъ строкахъ, съ текстомъ большинства русскихъ, особенно малорусскихъ варіантовъ, расширяется затѣмъ поэтическимъ мотивомъ, присущимъ, въ болѣе полномъ и цѣльномъ видѣ, только одному бѣлорусскому, именно Гродненскому варіанту:

Tak sie długo spowiadała,
że j'aż sie w proch (r)ozsypała.
Same zwony zazwoniły,
i świce sie zaświciły,
obrazy sie ukłoniły:
radość wialka sie zrobiła,
do nieba dusza ji poszła. [18])

Этотъ единственный, насколько намъ извѣстно, польскій варіантъ стиха, записанный въ окрестности Піотркова,

---

[18]) О. Кольбергъ, *Lud*, (Kujawy cz. II), 1867, IV, стр. 68, № 267.

представляетъ такое близкое и полное, мѣстами даже буквальное, сходство съ русскими текстами, что его непосредственная генетическая связь съ ними не можетъ подлежать сомнѣнію. Вопросъ только въ томъ, образовался-ли этотъ польскій текстъ изъ русскихъ, или же, наоборотъ, послѣдніе произошли отъ него, или отъ другого подобнаго, неизвѣстнаго нынѣ, польскаго извода? Чтобы, однако, отвѣтить на этотъ, существенный для исторіи стиха, вопросъ вполнѣ удовлетворительно, необходимо установить и обслѣдовать раньше какъ дальнѣйшее распространеніе параллелей, такъ и другія, относящіяся сюда, историко-литературныя данныя. Поэтому, не предрѣшая вопроса, мы можемъ отмѣтить здѣсь, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ сопоставленнаго уже матеріала, только тѣ соображенія и выводы, которые вытекаютъ непосредственно и самостоятельно изъ сравненія русскихъ и польскаго текстовъ.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что въ то время, какъ въ русской народной словесности стихъ о грѣшной дѣвѣ получилъ, повидимому, широкое и популярное распространеніе—на всемъ протяженіи малорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій, въ польской словесности сохранился только одинъ, да и то неполный, Куявскій варіантъ; если даже допустить возможность скрытаго существованія еще другихъ польскихъ версій, оставшихся почему-либо неизвѣстными какъ записывателямъ, такъ и намъ, то все-таки нельзя не видѣть въ этомъ обстоятельствѣ вѣскаго доказательства тому, что у поляковъ нашъ стихъ далеко не имѣетъ такого широкаго и устойчиваго распространенія, какъ у мало-и бѣлоруссовъ. Уже одна эта странная обособленность польскаго текста, въ виду обилія и разнообразія русскихъ варіантовъ, позволяетъ до нѣкоторой степени заключать о томъ, что Польша не могла быть первоначальной родиной стиха и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не могла передать его Руси.

Что касается самого текста польскаго варіанта, то онъ, какъ мы уже отмѣтили выше, совпадаетъ вполнѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже буквально, съ русскими, главнымъ образомъ галицко-русскими текстами. Замѣчательно, однако,

что это совпаденіе съ галицко-русскими варіантами особенно близко и полно именно во второй части стиха, которая въ нихъ сильно и своеобразно сокращена и скомкана, такъ что ею именно они, главнымъ образомъ, и отличаются отъ болѣе полныхъ и цѣльныхъ бѣло-русскихъ варіантовъ.

Съ послѣдними же польскій текстъ соприкасается, въ свою очередь, двумя характерными подробностями, отсутствующими или утраченными въ малорусскихъ текстахъ. Господь проситъ у дѣвы воды—„wszystkim duszom na ochłodę". Эти слова, сами по себѣ неясныя, а въ данномъ сочетаніи и совсѣмъ неумѣстныя и лишнія, представляютъ, повидимому, спутанное и искаженное отраженіе слѣдующаго мѣста бѣлорусскаго текста:

„ходзіу Панъ Бохъ жабруючи,
грѣшныхъ людзей пробуючи", [19])—

подобно тому, какъ исказили это мѣсто также нѣкоторые русскіе же варіанты, напр. Пинскій: „своихъ людей требуючи", [20]) а первый Велижскій пристегнулъ его даже совсѣмъ безсмысленно къ дѣвѣ:

„а тамъ дзѣука воду брала,
грѣшны души пробовала". [21])

Переходъ отъ этихъ „грѣшныхъ душъ", которыя „пробовала" (?), черпая изъ колодца воду, дѣва, къ водѣ, испрашиваемой Богомъ „wszystkim duszom na ochłodę",—уже очень близокъ и, можетъ быть, даже непосредственъ.

Подобное же отношеніе замѣчается также въ сходствѣ заключительнаго мотива польскаго и бѣлорусско-гродненскаго варіантовъ. Въ то время, какъ въ послѣднемъ этотъ поэтическій мотивъ разработанъ послѣдовательно и цѣльно и раздѣленъ логично на двѣ картины, до и послѣ очищенія

---

19) Шейнъ, *Матеріалы*, II, 607, 612; *Бѣлор. н. п.*, 387: „насъ грѣшныхъ спробуючи".

20) Варенцовъ, указ. изд., 241.

21) *Бѣлор. н. п.*, 387.

грѣшницы на исповѣди отъ грѣховъ, въ польскомъ варіантѣ онъ ограничивается только второй частью, только картиной „радости“ земли и неба по поводу спасенія грѣшной души, причемъ и сама эта „радость“ выражена и развита гораздо слабѣе и блѣднѣе.

Такимъ образомъ, судя по установленному выше отношенію польскаго текста къ русскимъ, какъ въ цѣломъ, такъ и въ отдѣльныхъ чертахъ, невозможно, кажется, и сомнѣваться въ томъ, что русскій стихъ, опредѣлившійся уже въ своемъ древнѣйшемъ изводѣ вполнѣ отчетливо и цѣльно, не можетъ находиться ни въ какой производной зависимости отъ неполнаго и искаженнаго польскаго варіанта, который поэтому не только не могъ быть его прямымъ источникомъ, но даже не могъ играть въ отношеніи къ нему роль какого-нибудь передаточнаго этапа. Напротивъ, всѣ данныя, представляемыя сравнительной критикой текстовъ, говорятъ въ пользу обратнаго предположенія, что именно польскій варіантъ произошелъ непосредственно отъ какого-то русскаго, по всей вѣроятности бѣлорусскаго извода. Въ виду очень близкаго сходства текстовъ, его можно даже считать просто переводомъ съ русскаго оригинала.

Перешедши, надо думать, случайно, въ репертуарѣ какого-нибудь „калики перехожаго“, изъ Руси въ Польшу, стихъ о грѣшной дѣвѣ, повидимому, не принялся и не утвердился здѣсь достаточно широко и прочно, можетъ быть, потому, что въ польской народной словесности существовалъ уже, какъ увидимъ ниже, другой стихъ на подобную-же тему, въ болѣе обычной и излюбленной въ польской народной словесности балладно-сказочной формѣ.

Кромѣ польской, встрѣчаемъ нашъ стихъ еще въ чешско-моравской и сербо-лужицкой народной словесности. Въ виду отсутствія какихъ-либо данныхъ о прямыхъ этнографическихъ связяхъ между Русью и этими славянскими народностями, остается предположить, что посредникомъ между ними явился въ данномъ случаѣ польскій переводъ стиха, несмотря на то, что у себя-же дома онъ не нашелъ достаточнаго распространенія и уваженія. Этому общему историко - этнографическому предположенію не противо-

рѣчитъ нисколько и внутреннее, текстуальное отношеніе польскаго и другихъ славянскихъ варіантовъ. Послѣдніе вмѣщаютъ весь составъ польскаго варіанта и отвѣчаютъ ему вполнѣ также по своему складу. Если же они, сверхъ того, имѣютъ еще нѣкоторые новые черты и мотивы, неизвѣстные ни польскому, ни русскимъ варіантамъ, то это, очевидно, только позднѣйшія новообразованія и наслоенія, возникнувшія уже на мѣстной почвѣ.

Первый чешско-моравскій варіантъ, изъ прусской Силезіи, былъ напечатанъ, на шесть лѣтъ раньше перваго русскаго текста Кирѣевскаго, извѣстнымъ славистомъ А. В. Шемберою:

Jak w nědělu po obědě
chodił Pan Bůh po swětě,
se dwěma apoštolama,
s třema učedlnikama.
Nadešli tam jednu diwku,
ona něse wodu čistu.

Дѣва не хочетъ дать странникамъ воды, говоря:

„Ta wodička neni čista,
napadlo do ni lisťa,
teho lisťa wrboweho,
teho prachu cestoweho".

Обличенная Богомъ, что она сама нечиста, причемъ, однако, ея вина не опредѣлена ближе, грѣшница

se hnedaj ulekla,
před nim na kolena klekla.

Господь посылаетъ ее къ исповѣди:

„Staň, děwucho, nelekaj se,
do kostela zpowědaj se".

Дѣва пошла въ церковь и исповѣдалась:

„Kněze otče, zpowědaj mě,
lepši na Božim mistě je.

S dětmi mořo'ch zastawiła,
s mužmi peklo zahuštiła".

Окончаніе неясное и спутанное, оставляющее подъ сомнѣніемъ вопросъ объ избавленіи грѣшной дѣвы:

Jak se zpowěd' dokonała,
hned' se w kameń obratiła.
Zwony same zazwoniły...
obrazy ze štěn padały...
stolice se wywracały...
že w kostele wraha měły.[22]

Болѣе полны и обстоятельны два другіе варіанта—въ сборникѣ Сушиля.[23]

Господь съ 12 апостолами встрѣчаетъ дѣву, которая отказываетъ имъ въ водѣ, подъ предлогомъ, что она загрязнена листьями и дорожной пылью. Богъ открываетъ ея грѣхи:

„Devět mužů jsi ty měla,
s žadným zdávána nebyla,
s každým's ditky zmordovala",—

или, по другому варіанту, болѣе обстоятельно и рѣзко:

„Padesáte's mužů měla,
s každým dité zahubila.
Mužma's peklo zahustila,
dětma's moře zaplavila.
Pannú si se udělala,
knězi se nespovidala".

Заключительный мотивъ въ обоихъ варіантахъ Сушиля, совпадая по существу съ варіантомъ Шемберы, подчеркиваетъ болѣе опредѣленно и ясно идею неумолимаго возмездія:

A jak do kostela vešla,
hned před obraz Krista klekla.

---

22) Časopis Českého Museum, 1842, III, 401—402.
23) *Moravské národni pisně*, 1853—59, стр. 2—4, № 3.

Obrazy se zobracaly,
na sebe hledět' nedaly,
oltaře se poklonily,
svičky z vosku zhasinaly.
A jak dale pokleknula,
na tom mistě zkameňala.

Въ другомъ варіантѣ начинаются эти чудесныя знаменія еще при вступленіи грѣшницы въ церковную ограду:

Jak na krchovo vkročila,
samy zvony zazvonily...
Jak do kostela vkročila,
obrazy se potrhaly,
naopak se obracaly...
Jak v kostele pokleknula,
v solny slup se obrátila.

Первый варіантъ добавляетъ, кромѣ этого, еще общее морализующее заключеніе, которое произноситъ, въ назиданіе другимъ дѣвицамъ, окаменѣвшая грѣшница:

„To učinil Pán Bůh milý
všem panenkám na znameni.
Kerá je múdrá panenka,
nedá rozvit' svého vinka.
Jako sem ja rozvit' dala,
do pekla sem se dostala“.

Приведенныя чешско-моравскія параллели совпадаютъ, такимъ образомъ, вполнѣ съ польскимъ текстомъ, причемъ въ нихъ только возстановлено утраченное послѣднимъ начало стиха, а также прибавлена, должно быть, самостоятельно, новая черта—о сопровождающихъ Господа апостолахъ. Все же остальное содержаніе этихъ варіантовъ отвѣчаетъ полностью составу польскаго стиха, съ той только разницей, что нѣкоторые отдѣльные мотивы, напр. объ исповѣди грѣшной дѣвы, о знаменіяхъ въ церкви и о превращеніи грѣшницы въ камень или въ соляной столбъ, измѣнены и раз-

виты въ нихъ, надо полагать, подъ вліяніемъ мѣстныхъ народно-поэтическихъ условій, болѣе или менѣе отлично и оригинально.

Нѣсколько далѣе ушелъ въ этомъ направленіи третій варіантъ Сушиля, въ которомъ, съ одной стороны, сильно стерлись нѣкоторыя существенныя черты стиха и даже Господь названъ просто „нѣкимъ старцемъ", съ другой же, прибавлены подробности дѣтоубійства и вставленъ совсѣмъ посторонній мотивъ о неисполнимыхъ задачахъ.

Šla děvečka, šla pro vodu,
potkal ju tě jeden stařec.

Этотъ старецъ говоритъ ей объ ея тяжеломъ грѣхѣ:

„A tys měla devět mužů,
devět mužů nezdávaných.
S každým's měla pacholátko,
pacholátko, nemluvňátko.
Hned's ho každé zmordovala,
a pod pécku zakopala,
nehašené vapno dala,
černú hlinú zašlapala".

Затѣмъ Господь, не внемля ея мольбамъ, отказываетъ ей совершенно въ прощеніи:

„Ja ti hřichy neodpustim,
až spočitáš v moři pisek,
v moři pisek, (v) stromě listek...
až spočitáš v nebi hvězdy,
v nebi hvězdy, po světě cesty".
V nebi hvězdy—заключаетъ варіантъ—vysoko sú,
v světě cesty široko sú.
Než jích ona spočitala,
celá v prach se rozsypala. [24])

Замѣчательно, что именно этотъ, самый отдаленный чешско-моравскій варіантъ сохранилъ вѣрно заключитель-

[24]) Сушиль, ук. изд., стр. 774.

ный мотивъ польскаго и русскихъ варіантовъ о распаденіи грѣшницы въ прахъ, между тѣмъ какъ всѣ другіе замѣнили его превращеніемъ въ камень или въ соляной столбъ.

Что касается вставленныхъ въ этомъ блѣдномъ варіантѣ двухъ новыхъ чертъ, то первая изъ нихъ, содержащая ужасныя подробности дѣтоубійства, проникла сюда, по всей вѣроятности, изъ упомянутой выше баллады о дѣтоубійцѣ, извѣстной, какъ увидимъ далѣе, также въ чешско-моравской народной словесности,—вторая-же, о неисполнимыхъ задачахъ, поставленныхъ Богомъ въ условіе прощенія и замѣняющихъ въ народной поэтикѣ жестокое слово „никогда", пристегнута здѣсь, очевидно, бѣлыми нитями и заимствована совершенно случайно и произвольно изъ другихъ, преимущественно любовныхъ, народныхъ пѣсенъ. [25])

Наиболѣе отдалился отъ основного типа стиха и, слѣдовательно, отъ его польскаго отраженія, сербо-лужицкій варіантъ, который мы, въ виду неудобопонятности текста, приведемъ въ прозаическомъ изложеніи:

Красивая дѣвушка черпала воду изъ колодца. Къ ней пришелъ старый, сѣдой дѣдушка (собственно, дядя: stary hujko) и просилъ воды, но она отказала, извиняясь, что вода нечиста, полна дубоваго листья. Въ отвѣтъ на обличеніе со стороны старца („ты сама нечиста"), дѣва высказываетъ желаніе, чтобы Богъ, который есть надъ нею, простилъ ей ея тяжелые грѣхи. Старецъ велитъ грѣшницѣ идти въ воскресеніе утромъ въ церковь (na mšu), тогда грѣхи будутъ ей прощены. Но, немотря на это обѣщаніе, грѣшная дѣва, повидимому, не удостоивается прощенія. Уже на пути въ церковь ей являются зловѣщія знаменія: за ней сохнетъ трава, впереди нея камни истекаютъ кровью. На кладбищѣ

---

[25]) См. объ этомъ международномъ поэтическомъ мотивѣ: наши *Очерки* по ист. рус. нар. словесности, 1901, I, 24—25; Потебня, *Объясненія*, II, 599—602; П. В. Владиміровъ, *Введеніе* въ ист. рус. словесн., 1896, 118, 129—130, 180; I. Карловичъ, *Systematyka* pieśni polskich, „Wisła", III, 254—59 531—35, IV, 156—162; Р. Кэлеръ, *Kleinere Schriften*, 1900, III, 515; I. Чайльдъ, The english and scottish popular ballads, I, 1—6, 167—170, II, 437, VI, 507, и мн. др.

открылись при ея приближеніи девять могилъ, изъ которыхъ вышли ея девять погубленныхъ дѣтей. Они вошли вслѣдъ за ней въ церковь, причемъ самое старшее вскочило ей на шею и разбило ей голову, говоря:

„Tož maš myto, matka naša!
sy nas źeweś husmerśiła,
hyšćer pśece wjenku chożiś,
a tom' grješnem' swjetu służyś,
tomu źłemu, nédobremu“ [26]).

Въ общемъ этотъ сербо-лужицкій варіантъ примыкаетъ къ чешско-моравскимъ текстамъ, отъ которыхъ онъ, по всей вѣроятности, непосредственно и происходитъ. На это послѣднее обстоятельство указываютъ, между прочимъ, такія характерныя подробности, какъ истекающіе кровью камни, въ чемъ, можетъ быть, отразился моравскій мотивъ объ окаменѣніи грѣшницы, или бросаемый ей дѣтьми упрекъ въ томъ, что она все-таки ходитъ въ дѣвичьемъ вѣнкѣ. Впрочемъ, какъ мотивъ о сохнущей травѣ и кровоточивыхъ камняхъ на пути грѣшницы въ церковь, такъ и мотивъ о раскрытыхъ могилахъ на кладбищѣ могли образоваться подъ вліяніемъ поэтическаго образа о чудесныхъ знаменіяхъ при вступленіи грѣшницы въ церковь, неустойчиваго и измѣняющагося также въ моравскихъ варіантахъ. Совершенно новымъ, въ виду посредствующихъ чешско-моравскихъ и польскаго варіантовъ, является здѣсь въ сущности только заключительный, присущій однимъ лишь русскимъ текстамъ, мотивъ о появленіи и участіи въ наказаніи грѣшной дѣвы убитыхъ ею дѣтей. Но откуда и какъ этотъ важный русскій мотивъ взялся здѣсь, за тридевять земель отъ русскаго стиха, сказать довольно трудно. Предположеніе, что онъ могъ перейти сюда прямо, вмѣстѣ съ какимъ-нибудь, неизвѣстнымъ намъ, передаточнымъ варіантомъ, отъ котораго, въ такомъ случаѣ, происходилъ-бы и цѣлый сербо-лужиц-

[26]) Л. Гауптъ и І. Смолеръ, *Volkslieder der Wenden* in der Ober-und Nieder-Lausitz, 1843, II, 149—150, № 197.

кій варіантъ, мало вѣроятно. Вѣрнѣе всего, кажется, будетъ предположить, что онъ прибавленъ здѣсь независимо отъ русскаго стиха и заимствованъ изъ мѣстнаго поэтическаго матеріала. Исходя отъ образа послѣдняго знаменія—раскрытыхъ могилъ на кладбищѣ, варіантъ, можетъ быть, вспомнилъ объ убитыхъ дѣтяхъ грѣшной дѣвы и логично интерполировалъ на мѣсто ея превращенія въ камень или соляной столбъ—болѣе подходящій мотивъ о появленіи и мести дѣтей, заимствуя послѣдній, повидимому, изъ той-же баллады о дѣтоубійцѣ, которая, какъ увидимъ ниже, родственна нашему стиху по содержанію и неоднократно переплетается съ нимъ. Если допустить такую интерполяцію мотива о дѣтяхъ въ сербо-лужицкомъ варіантѣ, то этимъ устраняется послѣднее противорѣчіе признанію его непосредственной зависимости отъ чешско-моравскихъ звеньевъ нашего стиха.

Сербо-лужицкій варіантъ—послѣдній изъ извѣстныхъ намъ параллелей стиха о грѣшной дѣвѣ. Что же касается привлекаемыхъ къ нему-же акад. Веселовскимъ другихъ, какъ русскихъ, такъ и иноязычныхъ параллелей [27]), то онѣ, ни одна, ни другая группа, по нашему мнѣнію, вовсе не входятъ въ кругъ нашего стиха и не имѣютъ къ нему никакого прямого отношенія.

Пѣсни Божіихъ людей о дѣвицѣ, угадывающей молодцу загадки, встрѣтясь съ нимъ случайно у колодца, въ которыхъ акад. Веселовскій узнаетъ „передѣлку“ стиха о грѣшной дѣвѣ, „осложненную посторонними мотивами“, — не имѣютъ съ послѣднимъ, по словамъ Потебни, „ничего общаго, кромѣ того случайнаго обстоятельства, что въ нѣкоторыхъ варіантахъ мѣсто дѣйствія—тоже у воды“ [28]). Еслибы, однако, добавимъ отъ себя, пришлось сообразоваться съ такимъ случайнымъ и общимъ совпаденіемъ внѣшней обстановки, то слѣдовало-бы привлечь сюда-же цѣлый рядъ разныхъ другихъ народныхъ пѣсенъ, въ которыхъ дѣвица встрѣчается съ молодцомъ у колодца или надъ рѣкою,

---

27) *Опыты*, указ. м.

28) *Объясненія*, II, 582.

поитъ его коня, стираетъ платокъ и т. п. Такъ какъ, однако, кромѣ общаго мѣста дѣйствія, данная пѣсня ни одной чертой болѣе не примыкаетъ къ нашему стиху, то слѣдуетъ, очевидно, признать ее совершенно посторонней и чуждой послѣднему и оставить ее безъ вниманія тамъ, куда она по существу принадлежитъ, т. е. въ кругу широко распространенныхъ пѣсенъ-загадокъ [29]).

Другая группа параллелей, привлекаемыхъ акад. Веселовскимъ къ разсматриваемому стиху, именно, Ферейская пѣсня о Магдалинѣ и Каталонская о Самарянкѣ, хотя по своему общему содержанію и въ самомъ дѣлѣ сходны съ нимъ, но сходство это такъ всецѣло укладывается въ рамки евангельскаго разсказа, что исключаетъ всякую возможность какой-либо генетической зависимости одного стиха отъ другого. Признавая сущность русскаго стиха не въ общей евангельской канвѣ, но именно въ тѣхъ народно-поэтическихъ узорахъ, которые онъ расписалъ по ней и которые одни только составляютъ его народно-литературное ядро и достояніе, нельзя, на нашъ взглядъ, ставить его ни въ какое генетическое отношеніе къ простымъ стихотворнымъ пересказамъ той-же евангельской темы, возникшимъ, конечно, совсѣмъ самостоятельно и отдѣльно, какъ могли возникнуть и въ другихъ, самыхъ противоположныхъ мѣстахъ земного шара, гдѣ только читается или слушается общій и непосредственный источникъ ихъ—св. писаніе.

Такимъ образомъ, отказываясь признать состоятельность проведеннаго А. Н. Веселовскимъ параллелизма, мы тѣмъ самимъ замыкаемъ кругъ распространенія стиха о грѣшной дѣвѣ послѣднимъ, сербо-лужицкимъ варіантомъ.

IV.

Выше было уже нѣсколько разъ упомянуто о томъ, что рядомъ съ интересующимъ насъ духовнымъ стихомъ о

[29]) См. объ этихъ пѣсняхъ: Потебня, *Объясненія*, II, 575—94; Владиміровъ, *Введеніе*, 129—30; Карловичъ, *Systematyka*, ук. м. и мн. др.

грѣшной дѣвѣ, существуетъ въ славянской народной словесности также другой стихъ о дѣвѣ-дѣтоубійцѣ, сходный съ нимъ по общему содержанію, но несомнѣнно посторонній и чуждый ему, какъ по внутреннему составу, такъ и по внѣшнему складу. Такъ какъ этотъ стихъ, или собственно легендарная баллада, благодаря этому случайному сходству основного мотива, часто смѣшивается и переплетается съ нашимъ стихомъ въ его славянскихъ отраженіяхъ и, повидимому, имѣлъ на образованіе послѣднихъ нѣкоторое вліяніе,—мы остановимся здѣсь на немъ нѣсколько подробнѣе, чтобы выяснить и установить степень и характеръ этого вліянія и смѣшенія.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить интересное обстоятельство, что упомянутая пѣсня-баллада о дѣвѣ-дѣтоубійцѣ распадается, въ свою очередь, на двѣ разныя редакціи или группы, значительно и рѣзко отличающіяся другъ отъ друга; одна встрѣчается у словенцевъ и сербо-лужичанъ и уходитъ въ нѣмецкую народную словесность, другая-же обращается у моравскихъ чеховъ, поляковъ, словаковъ и угроороссовъ, а также у непосредственно примыкающихъ къ этимъ послѣднимъ галицкихъ лемковъ.

Начнемъ съ обзора первой редакціи.

Въ сербо-лужицкомъ варіантѣ овчаръ слышитъ на лугу голосъ плачущаго ребенка и находитъ его въ дуплѣ старой вербы, прикрытаго сухими вѣтвями. Ребенокъ называетъ его дядей и проситъ занести его на свадьбу его матери:

„Moja mać ma džensa kwas,
a je wjencu zelenym“.

Овчаръ занесъ его въ домъ, гдѣ была свадьба. Тамъ ребенокъ обличаетъ свою грѣшную мать:

„Dobry wečor, kwasni hosćo!
Newesta je moja mać:
dževeć je nas porodžiła,
džesate ma pod wutrobi“.

Невѣста отрицаетъ это, причемъ клянется, чтобы сейчасъ забралъ ее дiяволъ, если обвиненiе ребенка вѣрно. Дiяволъ влетаетъ въ окно и уноситъ грѣшницу съ собою [30]).

Значительно шире и разнообразнѣе составъ словенскихъ варiантовъ этой пѣсни. Мы встрѣчаемъ здѣсь цѣлыхъ 11 варiантовъ, которые болѣе или менѣе измѣняютъ или развиваютъ отдѣльныя черты пѣсни [31]).

Пастухъ—въ двухъ варiантахъ „svet Zidorjus"—пасетъ овцы или козы. Вдругъ онъ слышитъ голосъ ребенка, или же тотъ самъ приходитъ къ нему, называетъ его дядей и открываетъ ему свою страшную тайну: сестра пастуха, которая сегодня играетъ свадьбу и носитъ зеленый вѣнокъ,—его мать, но убила его, равно какъ и другихъ дѣтей:

„je imela že sinke tri:
enga je bla vrgla v morje,
drugega je bla v koprivije,
mene je bla vrgla v kladije"; (№ 171)

„devat sinov meła,
mene žě desetega,
vsih pod kłado zděvała,
ko si listje grabiła,
nan nisi světa voščiła"; (№ 175)

„pa nas je deno mela troje male dece:
to prvo je zanesla v to morje globoko,
to drugo je zanesla v te hude puščage,
mene tretjo siroto med te hude svinje"; (№ 177)

„enega si vergla v morje,
v sivo, globoko morjé,
drugega si vergla med svinje,
mene pa med špičasto ternje"; (№ 178)

„četvero si nas rodila,
oddojila nijednega ne:
pervo si vergla v kropive majhene,

30) Гауптъ и Смолеръ, *Volkslieder der Wenden*, I, 290, № 292.

31) К. Штрекель, *Slovenske narodne pesmi*, 1895—98, I, 238—47, № 161—181.

drugo si pa vérgla med hude svinje,
tretjo si pak v vodo gliboko,
mene si pak vteknola pod klado bukowo"; (№ 179)

„saj niste meli samo mé,
saj bili smo ja mi trijé:
enga vergli ste v vodo,
da se je potonilo;
druga vergli ste med svinje,
da so ga raztergale;
mene djal ste taj pod njo,
pod to klado bukovo". (№ 181)—

Въ нѣкоторыхъ варіантахъ, впрочемъ, ребенокъ говоритъ только о себѣ одномъ:

„pod murvo me rodila je,
pustila me ko dujo živaû"; (№ 172)

или:

„me je bila le zavrgla
pod to korenino muravo"; (№ 173)

или-же:

„ona je mene v'ledik stan imela,
pa me je v'pelnice povila
ino v'bukev položila". (№ 174).

Мы нѣсколько дольше остановились на этихъ подробностяхъ дѣтоубійства, такъ какъ онѣ, повидимому, имѣютъ нѣкоторое отношеніе къ такимъ-же подробностямъ чешско-моравскихъ варіантовъ стиха о грѣшной дѣвѣ и, можетъ быть, представляютъ непосредственный источникъ этихъ позднѣйшихъ наслоеній.

Въ двухъ варіантахъ (№ 180 и 181) ребенокъ припоминаетъ даже слова матери, съ которыми она оставила его подъ „буковымъ пнемъ":

„Hladni veter te piha naj,
moker dežek pa kopljc naj,
Marija pa te špiža naj".

И въ самомъ дѣлѣ, въ большинствѣ варіантовъ, о ребенкѣ заботится и холитъ его сама природа и Дѣва Марія:

„Mene so oblaki pokrivali,
ti hladni vetri zibali,
rane rosy nadajale,
te drobne kačice povijale“; (№ 178)
„Marija k meni pršla je.
trikratov me povila je,
tri leta me redila je,
pa me poslala je sedaj
k moj' mami na ženitni raj“. (№ 172).

Послѣдняя черта, впрочемъ, оправдывающая появленіе ребенка на свадьбѣ матери велѣніемъ Дѣвы Маріи, встрѣчается только въ двухъ (№ 172 и 173) варіантахъ.

Мать упорно отрицаетъ свой грѣхъ и произноситъ при этомъ заклинаніе, чтобы, въ случаѣ если она виновна, явилось столько чертей, сколько листьевъ и травы на свѣтѣ. Черти являются и уносятъ ее въ адъ. Въ нѣкоторыхъ варіантахъ (№ 179—181) заклинаніе и, сообразно съ этимъ, также наказаніе дѣтоубійцы—другое:

„Če sem bla kdaj tvoja mati,
naj mi krancel v plamen zgori“!
Komaj to je zgovorila,
ji je krancel z plam zgorel,—

а вмѣстѣ съ вѣнкомъ, должно быть, сгораетъ и сама грѣшница.

Наибольшій интересъ, однако, представляетъ для нашихъ цѣлей окончаніе 177-го н-ра, въ которомъ самъ ребенокъ является мстителемъ: онъ „разноситъ“ мать-убійцу на „солнечный прахъ“ и говоритъ при этомъ:

„To naj bo vsem na peldo,
takšim, kak si nam ti,
ki si nas porodila
troje male dece,
ki si že porodila,
pa zelen venček maš“.

Это возмущеніе ребенка „зеленымъ вѣнкомъ“ матери-невѣсты, повторяющееся во всѣхъ варіантахъ, особенно-же

способъ возмездія и сопровождающія его слова ребенка, сохранившіеся только въ этомъ одномъ словенскомъ варіантѣ, но входившіе, вѣроятно, также въ составъ сербо-лужицкихъ варіантовъ, — напоминаютъ очень близко заключительный мотивъ сербо-лужицкаго же варіанта стиха о грѣшной дѣвѣ, въ которомъ ребенокъ разбиваетъ грѣшной матери голову и произноситъ притомъ подобныя-же обличительныя слова, содержащія, между прочимъ, также единственный въ исторіи стиха упрекъ въ томъ, что она „все еще ходитъ въ вѣнкѣ". Происхожденіе этого, совсѣмъ неожиданнаго въ сербо-лужицкомъ стихѣ, мотива о появленіи и мести дѣтей, который, какъ мы уже замѣтили выше, едва-ли могъ проникнуть сюда прямо изъ русскаго стиха, объясняется теперь съ большой вѣроятностью этимъ близкимъ параллелизмомъ съ соотвѣтствующими чертами пѣсни о дѣтоубійцѣ: онъ заимствованъ имъ, по всей вѣроятности, именно изъ этой пѣсни и пристегнутъ къ нему, какъ логичное развитіе предыдущаго мотива—знаменія раскрытыхъ могилъ на кладбищѣ. Такимъ образомъ, кажется, устраняется всякое сомнѣніе въ правильности нашего предположенія о томъ, что сербо-лужицкій варіантъ произошелъ непосредственно отъ чешско-моравскихъ и, слѣдовательно, составляетъ послѣднее звено въ прямой цѣпи распространенія русскаго стиха о грѣшной дѣвѣ въ народной словесности славянъ.

Другая редакція пѣсни о дѣвѣ-дѣтоубійцѣ значительно отличается отъ разсмотрѣнной выше сербо-лужицкой и словенской пѣсни.

Мотива о ребенкѣ, являющемся съ обличеніемъ и мщеніемъ на свадьбу матери-убійцы, нѣтъ здѣсь вовсе. За грѣшницей приходитъ прямо діяволъ, чаще всего подъ видомъ юноши-жениха, и уноситъ ее съ собою въ адъ.

Въ чешско-моравскомъ варіантѣ возвратилась „Rychtarova Kačenka" изъ обѣдни, такъ какъ не имѣла вѣнка.

Do zahradky skočiła,
tri ruóžičky utrhła,
tri pérenka uwiła.
Ked'to jedno dovija,

do kostěła zvonija;
ked'to druhe dovija,
kněz hostiju podviha;
ked'to treti dovija,
už k ńej d'ábeł dobieha.

Діаволъ несетъ ее въ адъ, причемъ дѣва обращается съ предостереженіемъ къ своей матери, чтобы лучше берегла остальныхъ двухъ дочерей [32]).

О грѣхѣ дѣвы, кромѣ намека на вѣнокъ, не упоминается здѣсь ничего.

Этотъ существенный мотивъ о грѣхѣ дѣвы, утраченный въ предыдущемъ, забытъ и спутанъ также въ словацкомъ варіантѣ, гдѣ онъ заключается въ томъ, что дѣва отреклась Бога и предалась сама діаволу:

„Nechcem Bohu služiti,
ale pane twa byti".

Тѣмъ не менѣе она тоже посылаетъ изъ ада предостереженіе матери:

„Esztje jednu dceru ma,
nech ju lepszje naucza" [33]).

Болѣе полны и свѣжи польскіе варіанты, сохранившіе, между прочимъ, также ядро пѣсни—мотивъ о дѣтоубійствѣ.

W niedzielę, w niedzielę,
poszła panna na ziele;
i przyjechał do niej pan,
z piekła rodem sam szatan.

Онъ уноситъ ее въ адъ, причемъ выясняется, что она

dwoje dzieci straciła
i o trzecim myślała:

---

[32]) Фр. Бартошъ, *Národni pisně moravské*, 1889, стр. 55, № 67.
[33]) П. І. Шафаржикъ, *Pjsně swětské* lidu slow. w Uhřjch, 1827, II, 105–107, № 69.

jedno w piecu spaliła,
drugie leży pod miedzą,
ludzie o niem nie wiedzą. [34])

Въ другихъ варіантахъ начало болѣе или менѣе измѣняется.

И такъ, въ Сандецкомъ варіантѣ:

Szła dziewczyna po wodę,
miała piękną urodę.
Znalazła złotą nić,
wzięła sobie wianek wić.
Przyszedł do niej młodzieniec,
pytał się jej o wieniec. [35])

Или въ другомъ варіантѣ:

W niedzielę z porania
szła dziewczyna z kazania.

Она стала вить вѣнокъ изъ золотой нити, какъ вдругъ пришелъ къ ней діаволъ, который унесъ ее въ адъ, говоря:

„Nie jesteś ty panienka,
dwojga dzieci mateńka:
jedno leży pod progiem,
przytrząśnięte barłogiem,
drugie płynie po wodzie,—
już po twojej swobodzie“. [36])

Подробности дѣтоубійства наростаютъ въ слѣдующихъ варіантахъ.

„Troje's dzieci schowała,
żadnemu's chrztu nie dała:
jedno's schowała pod miedzą,
co ludzie o nim nie wiedzą;

---

[34]) К. В. Войцицкій, *Pieśni ludu* Biało-Chrobatów, Mazurów i Rusi z nad Bugu, 1836, I, 99—101.

[35]) *Тамъ-же*, I, 291—92.

[36]) *Тамъ-же*, I, 101—102.

drugie'ś schowała pod śliwą,
chodziłaś panną sczęśliwą;
trzecie'ś schowała w ogródku,
nasiałaś na nie lelije". [37])

Въ другомъ варіантѣ дѣва погубила даже семеро дѣтей:

„A coś ty za panienka?
siedmior dzieciom mateńka:
jedno leży pod ławą,
przyrośnięte murawą;
drugie leży pod progiem,
przytrząśnięte barłogiem;
trzecie leży pod łóżkiem,
przykryłaś je fartuszkiem;
czwarte leży w oborze
i wyrzeka: mój Boże!
piąte'ś świńmy skarmiła,
szóste w piecu spaliła,
siódme leży w czyrzeńku;—
nieszczęśliwy wianeczku!" [38])

Послѣдними подробностями дѣтоубійства этотъ польскій варіантъ уже совсѣмъ близко подходитъ къ нѣкоторымъ словенскимъ варіантамъ другой редакціи пѣсни.

Въ заключеніе, во всѣхъ польскихъ варіантахъ діаволъ уноситъ грѣшницу въ адъ и подвергаетъ ее тамъ разнымъ мученіямъ, причемъ она обращается къ своей матери съ укоромъ за плохое воспитаніе и съ предостереженіемъ относительно остальныхъ дочерей. При этомъ встрѣчаемъ въ одномъ варіантѣ интересную подробность о томъ, что во время мученій матери въ аду

dzieci stoją za drzwiami,
oblewają się łzami [39]).

---

[37]) Жегота Паули, *Pieśni* ludu polskiego w Galicyi, 1838, стр. 76—8.
[38]) Кольбергъ, *Lud*, IV, 52-3, № 220.
[39]) Войцицкій, *Pieśni ludu*, II, 301—304.

Не образовалась-ли эта черта жалости, столь неожиданная въ этой жестокой пѣснѣ, подъ вліяніемъ образа „ангелочковъ“, которые, въ нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ варіантахъ стиха о грѣшной дѣвѣ, прощаютъ матери ея вину и погребаютъ ея кости?

Малорусскихъ варіантовъ пѣсни имѣемъ шесть: пять угро-русскихъ и одинъ лемковскій. Замѣчательно, что во всѣхъ нихъ, за исключеніемъ одного изъ Угоцкаго комитата, мѣсто дѣйствія отнесено къ водѣ, какъ въ одномъ только польскомъ Сандецкомъ варіантѣ.

Въ лемковскомъ варіантѣ:

Пôшло дѣвча на воду,
до зеленого огороду,
нашло собѣ барвêнецъ,
зачало вити вѣнецъ.
Пришелъ къ нему младенецъ:
„дѣвче, дѣвче, дай вѣнецъ!“
—„Не дамъ я ти тотъ вѣнецъ,
бо ты съ пекла отмѣнецъ“.

Это былъ діаволъ. Онъ схватилъ дѣву за волосы и унесъ въ адъ, причемъ сообщилъ „старшимъ“ діаволамъ ея вину:

„Несу душу и тѣло,
двѣ душечки сронило,
двѣ душечки спалило,
а и третью мыслѣло,
все въ вѣночку ходило“.

На мученіяхъ дѣва жалѣетъ, что нѣтъ никого „изъ Моравы“, кѣмъ она могла-бы переслать предостереженіе матери и сестрамъ [40]).

На Моравію же, какъ на родину пѣсни, указываютъ также нѣкоторые угро-русскіе варіанты, называя грѣшную дѣву, подобно какъ моравскій, „Рихтаровой Ганушей“ или „Катушей“.

---

[40]) Головацкій, *Народныя пѣсни*, II, 727—28, № 13.

Ишло дѣвче на воду,
презъ попову заграду,
нашло оно златонецъ,
почало виць свой вѣнецъ.

Діаволъ уноситъ ее въ адъ и представляетъ ея грѣхи:

„Несу тѣло и душу,
Рихтарову Ганушу...
Едно съ псома скормила,
друге въ водѣ втопила,
трете вергла подъ меджу,
што го люде не виджу“. [41]

Въ другомъ варіантѣ грѣшница называется „Рихтаровой Катушей“. Діяволъ обличаетъ ее:

„Яка же ті дзіучіна,
тройо дзеці зродзела,
долу воду пушчела“. [42]

Въ Угоцкомъ варіантѣ, въ свою очередь, совпадаетъ вводный мотивъ съ чешско-моравскимъ:

Загрѣло сонѐчько на стѣну,
на заграду зелену.
Тамъ Аннѝчька сѣдѣла,
три вѣночьки увила:
еденъ вѣнокъ увила,
пушовъ пупъ до коштела;
другій вѣнокъ увила,
ужъ пламуномъ станула.

О третьемъ вѣнкѣ варіантъ, очевидно, забылъ. Вина дѣвы состояла въ томъ, что она

трое дѣтокъ згубила:
едно въ пецу спалила,

---

[41]) *Тамъ-же*, III, 225—26, № 95.

[42]) В. Гнатюкъ, *Етнографічні матеріяли* зъ Угорськоі Руси, 1900, III, 126—27, № 16. Ср. еще отрывокъ № 17.

друге псома скормила,
трете въ межу закопала,
тамъ го люде не видять;
ище мала за пасомъ,
хцела го скрыць за лясомъ. [43])

Земненскій варіантъ, наконецъ, совсѣмъ потерялъ мотивъ о дѣтоубійствѣ. Діаволъ приноситъ въ адъ „душу и тѣло" дѣвы потому только,

„бо тѣло зле творило". [44])

Кромѣ указанныхъ угро-русскихъ и одного лемковскаго варіантовъ, пѣсня, кажется, не проникла дальше въ глубь русскихъ нарѣчій. Что же касается ея характера и роли въ самомъ этомъ, затерянномъ между поляками, съ одной, и словаками, съ другой стороны, уголкѣ русской народной словесности, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что она прибрела сюда уже въ готовомъ видѣ извнѣ и была только очень незначительно и поверхностно привлечена и приспособлена къ мѣстнымъ условіямъ народнаго творчества, быта и даже языка. Непосредственнымъ источникомъ этихъ русскихъ отраженій пѣсни слѣдуетъ считать, повидимому, польскіе варіанты, о чемъ съ достаточной убѣдительностью свидѣтельствуетъ не только полное внутреннее сходство текстовъ, но также несомнѣнная близость языка, доходящая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до простой транскрипціи, а даже до безсмысленнаго искаженія (какъ напр. złota nić—златонецъ) польскаго текста.

Не противорѣчатъ этому въ сущности нимало и отмѣченныя выше чешско-моравскія черты въ русскихъ варіантахъ, которыя на первый взглядъ какъ-будто отодвигаютъ ихъ отъ польскаго посредничества и указываютъ на Моравію, какъ на ихъ непосредственный источникъ. Но ларчикъ открывается, кажется, совсѣмъ просто. Возникнувъ, по всей вѣроятности, въ самомъ дѣлѣ въ Мо-

---

[43]) Головацкій, *Нар. п.*, I, 211, № 37.
[44]) *Тамъ-же*, I, 210—11, № 36.

равіи, пѣсня перешла затѣмъ, съ одной стороны, къ словакамъ, съ другой-же, къ полякамъ, отъ которыхъ заимствовали ее, въ свою очередь, лемки и угроруссы. Но въ то время, когда у поляковъ пѣсня, повидимому, принялась и усвоилась широко и прочно, вслѣдствіе чего въ ней, со временемъ, по мѣрѣ ея постепенной національизаціи, стерлись и отпали совсѣмъ всѣ чуждыя и постороннія черты моравскаго извода,—въ русскихъ варіантахъ, воспринявшихъ польскій текстъ, должно быть, еще до этой національизаціи его и отнесшихся къ нему вообще довольно механически и безучастно, сохранились всѣ эти чуждыя и непонятныя, не только основныя—чешско-моравскія, но также и позднѣйшія—польскія черты, болѣе устойчиво и цѣпко.

Интересную, но единичную черту мѣстнаго вліянія и приспособленія въ русскихъ варіантахъ пѣсни представляетъ ихъ оригинальный запѣвъ, занесенный случайной обратной волной также въ ближайшій къ нимъ польско-сандецкій варіантъ. Въ этомъ своеобразномъ перенесеніи мѣста дѣйствія изъ сада или луга—совершенно некстати къ водѣ, нельзя не видѣть, конечно, прямого отраженія вводнаго мотива нашего стиха о грѣшной дѣвѣ, который, такимъ образомъ, соприкасается съ данной пѣсней еще однимъ угломъ болѣе и къ тому-же, что для насъ особенно интересно, на русской же почвѣ.

Кромѣ разсмотрѣнныхъ выше двухъ группъ, а можетъ быть, даже двухъ совсѣмъ отдѣльныхъ пѣсенъ о дѣвѣ-дѣтоубійцѣ, сходныхъ съ нашимъ стихомъ по общему содержанію и, вслѣдствіе этого, неоднократно переплетающихся съ нимъ,—существуетъ еще въ славянской, между прочимъ, также въ малорусской народной словесности, цѣлый рядъ бытовыхъ пѣсенъ, повидимому, новой формаціи, въ которыхъ та-же самая, менѣе или болѣе общая всему человѣчеству и всѣмъ временамъ тема разрабатывается въ рамкахъ бытовыхъ и правовыхъ отношеній, внѣ всякаго чудеснаго и легендарнаго элемента. Дѣвица бросаетъ своего внѣбрачнаго ребенка въ воду, но преступленіе ея тѣмъ или другимъ образомъ выходитъ наружу. Ее казнятъ, или, какъ въ малорусскихъ варіантахъ, отправляютъ „на Сибирь“

или топятъ „въ Дунаѣ“, причемъ она напоминаетъ плачущей матери, чтобы лучше берегла оставшихся еще дочерей.[45]) Послѣдній мотивъ прицѣпленъ сюда, очевидно, изъ второй пѣсни-баллады о дѣтоубійцѣ.

Такимъ образомъ, разсмотрѣвъ весь наличный кругъ аналогичныхъ и болѣе или менѣе сходныхъ съ духовнымъ стихомъ о грѣшной дѣвѣ народныхъ пѣсенъ, мы убѣждаемся прежде всего въ томъ, что все это сходство совершенно случайно и внѣшне и ограничивается только естественной общностью общечеловѣческой темы дѣтоубійства. По крайней мѣрѣ, для обратнаго предположенія, о какой-нибудь генетической связи этихъ пѣсенъ съ русскимъ стихомъ, мы никакихъ данныхъ въ имѣвшемся въ нашемъ распоряженіи сравнительномъ матеріалѣ не нашли. Тѣмъ не менѣе, благодаря этому внѣшнему сходству основной темы, данныя пѣсни неоднократно соприкасаются и смѣшиваются нѣкоторыми своими подробностями, какъ между собою, такъ и съ отдѣльными, преимущественно славянскими варіантами русскаго стиха. Въ этихъ случайныхъ и болѣе или менѣе произвольныхъ сплетеніяхъ и подмѣнахъ отдѣльныхъ чертъ и мотивовъ — и заключается все историко-литературное значеніе данныхъ пѣсенъ для русскаго стиха о грѣшной дѣвѣ.

V.

Обслѣдовавъ, такимъ образомъ, болѣе или менѣе подробно и внимательно, внѣшнюю исторію русскаго духовнаго стиха о грѣшной дѣвѣ, какъ въ образованіи и взаимныхъ отношеніяхъ его варіантовъ, такъ и въ распространеніи и судьбахъ его у другихъ славянъ, въ связи съ параллельными теченіями другихъ подобныхъ, сходныхъ по основной

---

[45]) Ср. Головацкій, *Нар. пѣсни*, I, 54—5, III, 26—7, 245—46; Чубинскій, *Труды* этногр.-стат. экспедиціи, V, 890—91, 1191; Гринченко, *Этногр. матеріалы*, III, 272—75; *Кіевская Старина*, 1897, IX, 315—16; Колесса, *Гал.-рус. нар. пісни*, 293—94; Войцицкій, *Pieśni ludu*, I, 91—5; Бартошъ, *Nár. pisně morav.*, 10—11; Штрекель, *Slov. nar. pesmi*, I, 247—52, и др.

темѣ, народныхъ пѣсенъ,—мы можемъ теперь разсмотрѣть и установить тѣ историко-литературныя данныя, которыя представляетъ намъ русская народная словесность для изслѣдованія и опредѣленія внутренняго характера и состава стиха.

Подобно многимъ другимъ русскимъ духовнымъ стихамъ, также и разсматриваемый стихъ о грѣшной дѣвѣ заимствовалъ свою основную канву непосредственно изъ св. писанія. Это—разсказъ о встрѣчѣ Спасителя съ Самарянкой (Іоан., IV, 5—29), который здѣсь вкратцѣ припомнимъ:

Іисусъ пришелъ въ городъ Самарійскій Сихарь и отдыхалъ у колодезя. Когда нѣкая женщина изъ Самаріи пришла почерпнуть воды, Іисусъ попросилъ ее: „Дай мнѣ пить“. Но женщина отвѣтила: „Какъ Ты, будучи Іудеемъ, просишь пить у меня, Самарянки? вѣдь Іудеи съ Самарянами не сообщаются“. Іисусъ сказалъ ей тогда, что еслибы она знала, кто проситъ у нея воды, то сама просила бы у Него и Онъ далъ бы ей воду живую. Но Самарянка не поняла словъ Іисуса о живой водѣ и просила: „Господинъ! дай мнѣ этой воды, чтобы мнѣ не имѣть жажды и не приходить сюда черпать“. Послѣ этого Іисусъ велѣлъ женщинѣ позвать своего мужа и прійти съ нимъ, но она отвѣтила, что у нея нѣтъ мужа. Тогда Іисусъ обличилъ ея грѣхъ: „Правду ты сказала, что у тебя нѣтъ мужа; ибо у тебя было пять мужей, и тотъ, котораго нынѣ имѣешь, не мужъ тебѣ“. Самарянка въ удивленіи воскликнула: „Господи, вижу, что Ты пророкъ!“ И не только сама увѣровала, но и другихъ согражданъ убѣдила увѣровать въ Него.

Сопоставляя этотъ евангельскій разсказъ съ нашимъ духовнымъ стихомъ, мы видимъ, что только общая схема его легла въ основу послѣдняго, и то только въ первой части его: Господь встрѣчаетъ у колодца дѣву и проситъ у нея воды, когда же она отказываетъ Ему въ этомъ, Онъ обличаетъ ее въ грѣхѣ и заставляетъ ее каяться и искупать этотъ грѣхъ. Все же остальное содержаніе стиха, составляющее именно народно-литературное ядро его, не имѣетъ никакого отношенія къ евангельскому разсказу и образовалось совершенно независимо отъ него.

Это ядро стиха, заключающееся въ характерѣ грѣха дѣвы и въ ея покаянныхъ мытарствахъ, образовалось несомнѣнно изъ бытового и поэтическаго матеріала русской народной словесности.

Приведемъ прежде всего прозаическую бѣлорусскую легенду, въ которой евангельскій разсказъ о Самарянкѣ получилъ уже, подобно какъ въ духовномъ стихѣ, народно-поэтическую форму и окраску.

Жена Самарянка, будучи дѣвицей, родила восемь сыновей, которыхъ она, тотчасъ по рожденіи, все бросала въ рѣку. Съ тѣхъ поръ совѣсть ее неотступно мучила, и вода постоянно казалась ей кровью. Разъ, мучимая жаждой, она зашла въ лѣсъ, отыскала тамъ колодезь съ чистой водой и зачерпнула изъ него воды. Но перейдя черезъ ту рѣку, въ которой она топила своихъ дѣтей, Самарянка вдругъ увидѣла, что набранная ею вода обратилась въ кровь. Въ это же самое время встрѣтилъ ее Спаситель и приказалъ ей исповѣдаться въ своихъ грѣхахъ. Самарянка повиновалась, но, исповѣдуясь, не открыла именно главнаго своего грѣха—дѣтоубійства. Тогда тѣло ея стало разсыпаться въ мелкій порошекъ, и она начала просить своихъ сынковъ выйти изъ воды и закопать ея кости. Но напрасно,—дѣти не простили ея и не сжалились надъ ней. [46]).

Если эта легенда и не представляетъ прямого и непосредственнаго оригинала нашего стиха, что, впрочемъ, вполнѣ возможно и вѣроятно, то во всякомъ случаѣ она является однимъ изъ древнѣйшихъ, только прозаическихъ, варіантовъ его, который важенъ и интересенъ тѣмъ, что сохранилъ нѣкоторыя, повидимому, архаичныя черты стиха, страннымъ образомъ стершіяся и выцвѣтшія въ его прямыхъ, стихотворныхъ варіантахъ. Не рѣшаясь считать такой архаичной чертой самое имя грѣшной дѣвы—Самарянки, которое могло проникнуть въ легенду и позже, благодаря замѣченной впослѣдствіи зависимости ея отъ евангельскаго разсказа,—мы остановимся только на двухъ, несомнѣнно народныхъ и древнихъ моти-

[46]) Шейнъ, *Матеріалы*, II, 609—10, прим. 2

вахъ ея, которые дадутъ намъ возможность объяснить и возстановить аналогичныя неясныя и стертыя мѣста самого стиха.

Это, во первыхъ, чудесное знаменіе воды, превращающейся въ рукахъ грѣшницы въ кровь и напоминающей ей такимъ образомъ постоянно объ ея грѣхѣ. Этотъ замѣчательный мотивъ, слабое отраженіе котораго встрѣчаемъ также въ одномъ галицко-русскомъ варіантѣ стиха, объясняющемъ „нечистоту“ воды у грѣшной дѣвы тѣмъ, что въ нее „зъ пальця кровця нацяпкала“,—представляетъ, по всей вѣроятности, изначальный, подлинный смыслъ всѣхъ тѣхъ блѣдныхъ и незначительныхъ опредѣленій „нечистоты“ воды у грѣшницы, какъ напр. нападавшіе листья, пыль или даже стрѣла, которыя находятся во всѣхъ остальныхъ варіантахъ стиха. Въ виду этого яснаго свидѣтельства легенды, подтверждаемаго также упомянутымъ выше галицко-русскимъ варіантомъ, едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что въ первоначальной редакціи стиха вода въ рукахъ грѣшной дѣвы превращалась въ кровь и что вырожденіе этого яркаго мотива до степени простого загрязненія листьями или пылью произошло только впослѣдствіи и постепенно.

Второй мотивъ легенды, приводящій совершенное осужденіе грѣшницы въ связь съ затаеніемъ ею на исповѣди главнаго грѣха дѣтоубійства, разъясняетъ опять, въ свою очередь, странное противорѣчіе нѣкоторыхъ варіантовъ стиха, въ которыхъ грѣшница, несмотря на свое искреннее раскаяніе и исповѣдь и даже на прямое обѣщаніе Господа, все-таки не получаетъ прощенія и гибнетъ на-вѣки. Только одинъ Могилевскій варіантъ смутно и безъ всякой связи упоминаетъ о томъ, что грѣшница

усимъ грѣхомъ ускрывалась,
й яднымъ гряхомъ не призналась.

Очевидно, первоначальный стихъ вполнѣ естественно обусловливалъ прощеніе грѣшницы ея полнымъ раскаяніемъ и исповѣдью, но такъ какъ она затаила самый главный грѣхъ, предалъ ее совершенному осужденію. Послѣ этого становится понятнымъ также жестокій заключительный мо-

тивъ нѣкоторыхъ варіантовъ—о мести и издѣвательствахъ надъ грѣшницей ея погубленныхъ дѣтей.

Разсматривая бѣлорусскую легенду о Самарянкѣ въ связи съ прочими варіантами стиха о грѣшной дѣвѣ, какъ древнѣйшій, прозаическій изводъ его, обратимся теперь къ сокровищницѣ народной словесности, ища въ ней тѣ мозаичные каменья, изъ которыхъ, должно быть, составился на общей евангельской канвѣ этотъ живой и яркій стихъ.

Первый такой, возстановленный выше по прозаической легендѣ, составной мотивъ стиха, именно, превращеніе воды въ рукахъ дѣтоубійцы въ кровь, принадлежитъ къ широко распространеннымъ и излюбленнымъ бродячимъ мотивамъ и извѣстенъ хорошо также въ русской народной словесности. Нераскаявшемуся убійцѣ является окровавленная голова его жертвы, или-же разные предметы истекаютъ въ его рукахъ кровью [47].

Что касается самого грѣха дѣвы—дѣтоубійства, то онъ, будучи по существу общечеловѣческою бытовою чертою, не можетъ, конечно, считаться народно-поэтическимъ измышленіемъ и принадлежать какой-нибудь опредѣленной территоріи и эпохѣ. Но, тѣмъ не менѣе, способъ его поэтическаго воспріятія и характеръ его разработки и окраски могутъ быть болѣе или менѣе новы и оригинальны, вслѣдствіе чего и самъ мотивъ уже получаетъ литературное значеніе и входитъ въ составъ народной словесности.

Выше, въ славянскихъ варіантахъ нашего стиха и параллельныхъ ему пѣсенъ, мы имѣли случай наблюдать интересное явленіе, какъ разнообразно и оригинально отнеслось къ этому обще-бытовому мотиву мѣстное народно-поэтическое творчество, какими различными и яркими чертами и красками оно обставило и разукрасило его. Въ русскомъ духовномъ стихѣ онъ разработанъ значительно блѣднѣе, хотя, въ связи съ живымъ и яркимъ мотивомъ появленія самихъ дѣтей, слѣдовало-бы ожидать болѣе внимательнаго

---

[47]) Ср. наши *Очерки* по ист. рус. нар. словесн., I, 5 и 23. Тамъ-же указана литература этого мотива.

и оригинальнаго отношенія также къ мотиву ихъ убійства. Объясненія этой странной краткости и блѣдности даннаго мотива въ русскомъ духовномъ стихѣ слѣдуетъ, повидимому, искать въ томъ, какъ восприняла его и какъ относится къ нему русская народная словесность вообще.

Здѣсь, прежде всего, обращаетъ на себя вниманіе то замѣчательное и, повидимому, не случайное обстоятельство, что само понятіе дѣтоубійства заключается только въ двухъ видахъ его: въ „запарчиваніи“ или вытравленіи плода во чревѣ и въ случайномъ „засыпываніи“—удушеніи грудного ребенка спящей матерью.

Умышленное-же убійство матерью живого, рожденнаго уже ребенка не встрѣчается нигдѣ въ русской народной словесности, кромѣ нашего стиха и упомянутой выше новой бытовой пѣсни, и, повидимому, какъ слишкомъ чудовищный и отталкивающій мотивъ, даже вовсе не было воспринято ею.

Отмѣтимъ прежде всего два книжныя, апокрифическія мѣста, относящіяся къ этому грѣху и, по всей вѣроятности, заимствованныя изъ народной словесности, на которую они впослѣдствіи, въ свою очередь, могли также производить извѣстное вліяніе.

Въ апокрифическомъ „Хожденіи Апостола Павла по мукамъ“, изданномъ Тихонравовымъ по рукописи XV вѣка, находимъ слѣдующее интересное мѣсто:

„Видихъ дрꙋгыѧ мꙋжа и жены. надъ остенъ огненый звѣрь истерзахꙋть а. непооустимо понѣ рещи не полꙋи ны и видихъ анг҃ла сꙋщаго надъ мꙋкою. велми претаща и гл҃юща. познаите сн҃а бж҃ьѧ... си сꙋть жены. ꙗже растлиша тварь бж҃ью нꙋждею и побѣдѣ износѧщии ѡт оутробы. и си сꙋть мꙋжи бывше с ними. дѣти же ихъ молиша б҃а. и анг҃ла сꙋща надъ мꙋкою. гл҃ще ѡтмести намъ ѡт обидивъшихъ насъ. си бо растлїша тварь бж҃ью и имѧ оубо бж҃ье имахꙋ. заповѣдьи же бж҃ии

не схраниша. нъ даша ны псомъ на кормлю свиньамъ на попранье. ово ввергоша ны в рѣку. дѣти же тыи предани быша англу тимѣлѣху. иже есть надъ муками. на приношенье пространьна мѣста мати. оца и мтрь ввергши в вѣчьную муку. [48])

Въ этомъ замѣчательномъ апокрифическомъ сказаніи обращаетъ на себя вниманіе прежде всего образное и ясное опредѣленіе грѣха дѣтоубійства, который заключается здѣсь въ „растлѣніи" т. е. вытравленіи плода и обставленъ яркими бытовыми подробностями о томъ, что одинъ ребенокъ (или его зародышъ) былъ брошенъ „псомъ на кормлю", другой—„свиньямъ на попранье", третій-же—въ рѣку. Замѣчательно, что тѣ-же самыя подробности встрѣчаются также въ словенскихъ и угро-русскихъ варіантахъ пѣсни о дѣтоубійцѣ, напр. въ послѣднихъ:

трое дѣтокъ згубила:
едно въ пецу спалила,
друге псома скормила,
трете въ межу закопала; [49])

или:

едно съ псома скормила,
друге въ водѣ втопила,
третье вергла подъ меджу. [50])

Кромѣ того, очень интересно въ этомъ сказаніи другое обстоятельство, именно то, что погубленныя дѣти сами просятъ Бога, отомстить за нихъ обидѣвшимъ ихъ матерямъ. Этотъ мотивъ напоминаетъ очень близко появленіе и злорадство или месть дѣтей въ нашемъ стихѣ и, вѣроятно, находится съ нимъ въ какой-то генетической связи.

---

[48]) Н. С. Тихонравовъ, *Памятники* отреченной русской литературы, 1863, II, 53.

[49]) Головацкій, *Нар. пѣсни*, I, 211.

[50]) *Тамъ-же*, III, 226.

Второе апокрифическое упоминаніе объ убійствѣ плода находимъ въ изображеніи загробныхъ мытарствъ души въ народной картинкѣ первой половины XVIII вѣка:

„Змиеви перьси моя сосутъ за прелюбодеяние и злотравление дѣтѣи своихъ во утробѣ своеи“. [51])

Подобное-же загробное мытарство женщины, не родившей вовсе дѣтей, очевидно, потому, что она „запарчивала“ ихъ, предотвращая ихъ зачатіе, встрѣчается въ одной угро-русской легендѣ: „Видитъ, же една собака изъ валоуа хлепчетъ кроу. Ибо то така жена, што дити не родитъ, та по смерти свою кроу хлептати муситъ“. [52])

Особенно часто, однако, упоминается объ этомъ женскомъ грѣхѣ въ духовныхъ стихахъ о грѣшныхъ душахъ, исповѣдующихъ свои грѣхи на Божьемъ судѣ:

„Еще душа Богу согрѣшила:
смалешеньку дитя своего проклинывала,
во бѣлыхъ во грудяхъ его засыпывала,
въ утробѣ младенца запарчивала“; [53])

„У чревы я дзяцей замаривала“; [54])

„У вутроби младзенца поѣдала,
своимъ злымъ помысломъ души тыя погубила“; [55])

„Въ утробѣ младенца проклинала“; [56])

---

[51]) Д. А. Ровинскій, *Русскія народныя картинки*, 1881, III, 46.

[52]) В. Гнатюкъ, *Етногр. материяли* зъ Угор. Руси, III, 5.—Ср. еще: *Етнографічний Збірникъ* Товариства им. Шевченка, 1898, V, 179; Строгаль, *Hrvatskih nar. pripoviedaka* kn. I, 151.

[53]) Варенцовъ, *Сборникъ* рус. дух. ст., 145.

[54]) Шейнъ, *Бѣлор. н. п.*, 390; Романовъ, *Бѣлорусскій Сборникъ*, 1891, V, 385, 404.

[55]) Романовъ, *Тамъ-же*, 409.

[56]) Кирѣевскій, *Рус. нар. стихи*, 221; Романовъ, *тамъ-же*, 402, 406.

„Я въ утроби младзенцавъ спагубливала,
я на сей бѣлай свѣтъ ни выпускивала,
я горячую кровь разливывала,—
а мнѣ въ етыхъ гряхахъ пращенья нѣтъ". [57])

Приведенныя выдержки съ достаточной ясностью свидѣтельствуютъ о томъ, что мотивъ дѣтоубійства въ русской народной словесности усвоенъ глубоко и разработанъ оригинально и ярко, но притомъ, какъ мы уже замѣтили выше, нѣсколько узко и односторонне. Дѣтоубійства въ прямомъ смыслѣ, т. е. сознательнаго убійства живыхъ дѣтей, какъ въ западно-славянской народной поэзіи, здѣсь собственно нѣтъ вовсе. Оно понимается только, съ одной стороны, какъ предотвращеніе зачатія или вытравленіе зачатаго уже плода, съ другой-же, какъ случайное и неумышленное „засыпываніе" ребенка у груди. Составляющая въ этомъ отношеніи исключеніе малорусская бытовая пѣсня о дѣвѣ, утопившей своего ребенка, въ разсчетъ тутъ не идетъ, такъ какъ она представляетъ, очевидно, произведеніе новѣйшаго времени. Точно также не могутъ оспаривать это и угро-русскіе варіанты пѣсни о дѣвѣ-дѣтоубійцѣ, такъ какъ они заимствованы полностью отъ западныхъ славянъ,—тѣмъ болѣе, что даже одинъ изъ нихъ, именно лемковскій варіантъ, измѣнилъ мотивъ о дѣтоубійствѣ согласно съ этимъ взглядомъ русской народной поэзіи:

„двѣ душечки сронило,
двѣ душечки спалило,
а и третью мыслѣло". [58])

Остается, такимъ образомъ, только нашъ стихъ о грѣшной дѣвѣ, который, единственный въ русской народной словесности, выдвигаетъ мотивъ умышленнаго убійства, именно утопленія живого ребенка его грѣшной матерью. Въ виду такого разногласія стиха съ общимъ воззрѣніемъ народной

[57]) Варенцовъ, указ. изд., 238.
[58]) Головацкій, II, 728.

словесности, изъ которой онъ именно и почерпнулъ всю свою народно-поэтическую оболочку, само собой возникаетъ сомнѣніе въ томъ, подлинно и изначально ли въ немъ такое исключительное опредѣленіе грѣха дѣвы, или же оно представляетъ только позднѣйшую и случайную подмѣну? Послѣднее предположеніе подтверждается, на нашъ взглядъ, одной незначительной, но важной чертою древнѣйшаго варіанта стиха въ сборникѣ Кирѣевскаго. Дѣти, мстя матери-убійцѣ, говорятъ ей:

„якое намъ, матка, *порожденье*,
такое тебѣ пованье".

Эти темныя слова о „порожденіи" допускаютъ только одно толкованіе, именно, что грѣхъ дѣвы и обида ея дѣтей заключаются не въ утопленіи послѣднихъ, какъ утверждаетъ нѣсколькими строками выше тотъ же самый, а за нимъ и всѣ остальные варіанты стиха, но имѣютъ какое-то прямое отношеніе къ самому дѣторожденію. Это, очевидно, *нерожденныя* дѣти укоряютъ свою, предназначенную имъ мать въ томъ, что она не родила ихъ, но предотвратила или испортила ихъ рожденіе. Сообразно съ этимъ они мстятъ ей „похованьемъ",—не только не погребаютъ ея костей, но бросаютъ ее даже „въ пекло глубоко".

Такимъ образомъ, въ этомъ древнѣйшемъ варіантѣ стиха мы находимъ незначительный, но отчетливый и прямой слѣдъ, свидѣтельствующій, кажется, достаточно ясно о томъ, что въ его первоначальномъ текстѣ, согласно съ общимъ опредѣленіемъ даннаго мотива въ русской народной словесности, грѣхъ дѣвы заключался не въ убійствѣ живыхъ дѣтей, но именно въ нерожденіи ихъ, въ „запарчиваніи" или „злотравленіи" плода въ утробѣ.

Въ связи съ этимъ и по аналогіи съ нѣкоторыми другими данными, какъ напр. съ угро-русской легендой о женщинѣ, которая за нерожденіе дѣтей должна по смерти пить свою собственную кровь, или съ духовнымъ стихомъ, въ которомъ вытравленіе плода тоже приводится въ связь съ кровью: „горячую кровь разливывала",—является вполнѣ

естественнымъ и понятнымъ также включеніе въ составъ стиха мотива о знаменіи превращенія въ кровь воды въ рукахъ грѣшницы, который мы въ немъ тоже возстановили выше.

Но оба эти яркіе народно-поэтическіе мотива почему-то не сохранились въ стихѣ, а надо полагать, со временемъ и постепенно стерлись и затерялись въ немъ совсѣмъ; затѣмъ на мѣсто нерожденія или вытравленія плода явилось утопленіе дѣтей, на мѣстѣ же знаменія крови, которое при потопленіи уже не столь умѣстно и ясно, осталось только простое загрязненіе воды листьями и пылью.

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, вытекающихъ изъ подробнаго обслѣдованія внутренняго состава стиха, мы можемъ, наконецъ, возстановить и выдѣлить полностью народно-поэтическое ядро его, какимъ оно представлялось, по всей вѣроятности, въ изначальномъ, основномъ видѣ стиха:

Дѣва, не желая родить дѣтей, сдѣлала себя безплодной, [59]) или же, забеременѣвъ, вытравляла свой плодъ. Послѣ этого ей является чудесное знаменіе, именно, вода въ ея рукахъ превращается въ кровь. Однажды, неся такую кровавую воду, она встрѣчаетъ Господа, который обличаетъ ее въ ея тяжкомъ грѣхѣ и велитъ ей идти къ исповѣди, причемъ обѣщаетъ ей прощеніе, если ея раскаяніе и исповѣдь будутъ вполнѣ искренни и полны. Вмѣстѣ съ тѣмъ Господь предостерегаетъ грѣшницу, чтобы не входила въ церковь одна, только въ сопровожденіи священниковъ. Дѣва идетъ къ исповѣди, но не исполняетъ велѣнія Господа. Входитъ въ церковь одна, и церковь содрогается отъ присутствія страшной грѣшницы, сама же она проваливается въ землю на семь саженей. Затѣмъ, выведенная изъ-подъ земли, надо думать, священникомъ, она приступаетъ къ исповѣди, но затаиваетъ

---

[59]) Это дѣлается—въ народномъ обиходѣ—или при помощи какихъ-нибудь натуральныхъ средствъ, или же посредствомъ колдовства. Два галицко-русскіе народные рецепта такого колдовства сообщены нами въ *Живой Старинѣ*, 1897, I, 110—111, и въ *Zeitschrift* für österr. Volkskunde, 1898, I, 47.

свой главный грѣхъ. За это она окончательно осуждена. Ея тѣло тутъ-же распадается въ мелкій прахъ. Являются ея нерожденныя дѣти, которыя схватываютъ ея кости и забрасываютъ глубоко въ адъ, злорадно говоря притомъ: „какое намъ было рожденіе, такое тебѣ погребеніе и поминаніе“.

Такимъ или приблизительно такимъ представляется намъ составъ и объемъ первоначальнаго извода духовнаго стиха о грѣшной дѣвѣ, который затѣмъ, по мѣрѣ обращенія въ народной словесности и распаденія на отдѣльные варіанты, подвергаясь попутно разнымъ случайностямъ и вліяніямъ, стерся и спутался постепенно до того вида, который представляютъ нынѣ, въ своей совокупности, его варіанты.

VI.

Возстановленный, такимъ образомъ, первоначальный изводъ стиха о грѣшной дѣвѣ даетъ намъ возможность сблизить и сопоставить его, въ заключеніе, съ одной замѣчательной прозаической легендой, которая, не будучи, подобно бѣлорусской легендѣ о Самарянкѣ, его варіантомъ или отраженіемъ, удивительно совпадаетъ съ нимъ какъ по общему содержанію и складу, такъ и въ разработкѣ и окраскѣ подробностей. Это—легенда *о нерожденныхъ дѣтяхъ*, записанная нами въ Скольскихъ горахъ въ Галичинѣ и изданная въ 1899 г. въ нашемъ изданіи „Живое Слово“. Приведемъ ее, въ виду ея выдающагося значенія, полностью:

Зачынила сы баба диты, ходыла по ксёндзахъ по штыры разы на-рикъ до сповиды. Не хотилы йій нигдэ ксендзы розгришеня даты, ажь свій ксёндзъ давъ йій розгришенье. И казавъ йій на покуту тры ночы въ цырквы ночуваты. „Якъ-ты, каже, не будэ третои ночы нычь, то гриху вже жадного не маешъ!“ Прыйшла вже баба до паламаря, кобы йшоу йій цырковь розимкнувъ, абы вже йшла першу ничь ночуваты. Выйшовъ паламарь, розимокъ цырковь, запалывъ йій дви сьвички коло престола, потому замокъ цырковь, и баба сыдила цалу ничь. Рано розимокъ цырковь и выпу-

стывъ йі. Прыйшла она до ксёндза, пытаеся йі ксёндзъ, чы не було йій тамъ що въ цырквы? Она каже: „нычь-имъ не выдила“! Зробывся вычиръ, пишла она до паламаря, абы йій йшовъ розимкнуты цырковь. Выйшовъ винъ, йій цырковь розимокъ, запалывъ йій дви сьвички коло престола; она соби сила, а винъ замокъ цырковь и пишовъ доми. Вже она сыдытъ. Выйшла гуска зъ-пидъ мосту исъ гусяты, походыла коло нэи, походыла, нычь йій не казала и спряталася. Вчынывся дэнь, пишла она до ксёндза. Пытае йі ся кзёндзъ: „ну що-жъ, бабо, выдила ты що“? Она ему вже повила, якъ було, а ксёндзъ йій каже: „ну, добре! ще маешъ одну ничь спаты; якъ-ты нычь не будэ, то не маешъ гриху“! Вже зробывся вычиръ, вже идэ она на трету ничь ночуваты въ цырковь. Выйшовъ паламарь, розимокъ йій цырковь, запалывъ йій дви сьвички коло престола, потимъ замокъ и пишовъ доми. Сыдытъ она, сыдытъ, дывытся: идэ гуска зъ-пидъ мосту, така вэлыка, била, съ гусяты. Ходятъ коло нэи, ходятъ, якъ ялы йі дзюбаты дзюбкамы, ялы йій прыповидаты: „я-бы бывъ соби замолотывъ, закосывъ, я-бы бывъ у сьвити жывъ“! а гуски: „я-бы была соби запряла, я-бы была соби зашыла, я-бы соби въ сьвити жыла!“ Тай якъ ялы йі скубсты, рваты, то такъ йі розтырмалы, що нычь ся нэ лышыло, лышь голи косты. Зробывся дэнь, выйшлы вже йі выпускаты зъ цырквы, а тамъ нэма нычь, лышь голи косты зъ бабы. [60])

Въ русской народной словесности этотъ галицко-русскій текстъ представляетъ единственный изводъ данной легенды, по крайней мѣрѣ, въ такомъ полномъ и свѣжемъ видѣ. Только одно великорусское преданіе, записанное въ г. Симбирскѣ, можно до нѣкоторой степени считать прямымъ отраженіемъ этой легенды.

Въ прежнія времена, сказано тамъ, мать, заспавшая своего ребенка, заключалась вмѣстѣ съ мужемъ на цѣлую ночь въ церковь. Священникъ обводилъ мѣломъ вокругъ нихъ на полу священный кругъ, запиралъ церковь, утромъ

---

[60]) *Живое Слово*, 1899, I, 47.

же, на разсвѣтѣ, выпускалъ. Однажды такъ заперли въ церковь двоихъ—жену съ мужемъ. Нечистые всякими способами пытались достать ихъ, но не могли, потому что они стояли за священнымъ кругомъ. Тогда нечистые добились этой цѣли хитростью, именно сдѣлали на дворѣ свѣтлый день, одинъ же изъ нихъ принялъ видъ священника, пришелъ къ супругамъ и велѣлъ имъ выходить изъ круга. Они вышли, но сейчасъ же опять стала ночь, нечистые же схватили и разорвали ихъ. [61])

Можетъ быть, что первоначально преданіе имѣло въ виду не мать, заспавшую своего ребенка, но именно женщину, дѣлавшую себя безплодною или вытравлявшую свой плодъ. Нѣкоторымъ образомъ на такую именно замѣну опредѣленія вины женщины указываетъ то обстоятельство, что вмѣстѣ съ нею закрывался въ церковь и несъ наказаніе также ея, въ данномъ случаѣ ни въ чемъ неповинный, мужъ, между тѣмъ, какъ привлеченіе къ отвѣтственности сообщника женщины, убившей свой плодъ, становится вполнѣ яснымъ и справедливымъ, не только по самой сущности дѣла, но также по аналогіи съ нѣкоторыми другими историко-литературными данными. Такъ, напр., чешско-моравскіе варіанты стиха о грѣшной дѣвѣ упоминаютъ о томъ, что она „mužma peklo zahustila", въ русскомъ же „Хожденіи Ап. Павла", рядомъ съ женщинами, „яже растлиша тварь божью", несутъ вѣчныя муки въ аду также „мужи, бывше с ними".

Кромѣ приведенныхъ двухъ варіантовъ, данная легенда не встрѣчается болѣе въ русской народной словесности, но обстоятельство, что эти варіанты сохранились въ двухъ разныхъ и отдаленныхъ нарѣчіяхъ и на такомъ значительномъ разстояніи другъ отъ друга, позволяетъ заключать о томъ, что она когда-то была здѣсь распространена гораздо шире и пользовалась значительно большею извѣстностью.

Въ другихъ славянскихъ литературахъ легенда не извѣстна вовсе, за исключеніемъ развѣ одного блѣднаго чеш-

[61]) Д. Н. Садовниковъ, *Сказки и преданія* Самарскаго края, 1884, 247.

скаго варіанта, который, однако, нѣсколько сомнителенъ въ томъ отношеніи, что въ немъ слишкомъ преобладаютъ бытовыя и, повидимому, новыя черты.

Дѣвушка, служившая у господъ въ городѣ, родила нѣсколько дѣтей, но всѣхъ ихъ сейчасъ по рожденіи убивала. Подъ вліяніемъ чудеснаго знаменія, заключавшагося въ томъ, что въ домѣ, гдѣ она служила, раздавался ночью плачъ какихъ-то дѣтей, преступница созналась людямъ въ своемъ грѣхѣ. Когда ее вели на казнь—на висѣлицу, шли за ней также души семи убитыхъ ею дѣтей и все время горько плакали. Послѣ казни дѣти вознеслись вверхъ—на небеса. [62])

Значительно болѣе и шире, чѣмъ у славянъ, распространена легенда о нерожденныхъ дѣтяхъ въ остальной Европѣ, у германскихъ и романскихъ народовъ.

Въ нѣмецкомъ варіантѣ изъ западной Чехіи разсказывается о дочери графа, которая, боясь родовъ, не хотѣла выходить замужъ. Случилось, однако, что она влюбилась и поэтому согласилась стать женою любимаго человѣка. Чтобы, однако, все-таки обойти роковой законъ природы и не родить, она, слѣдуя совѣту цыганки-ворожеи, совершила колдовство, въ силу котораго сдѣлалась навсегда безплодной. Послѣ этого она вышла замужъ и жила съ мужемъ много лѣтъ счастливо и беззаботно. Со временемъ, однако, подъ вліяніемъ упрековъ мужа, она стала тяготиться своей безплодностью, а затѣмъ заговорила въ ней и совѣсть и стала терзать ее за совершенный въ юности грѣхъ. Она созналась въ немъ мужу, вмѣстѣ съ которымъ затѣмъ, по совѣту отшельника, отправилась въ паломничество въ Римъ, просить у папы отпущенія своего грѣха. Выслушавъ исповѣдь грѣшницы, папа велѣлъ ей отправиться на всю ночь въ церковь и молиться. Въ полночь зажглись вдругъ на алтарѣ всѣ свѣчи и открылась дверь, въ которую вошли епископъ въ полномъ облаченіи, двое одѣтыхъ въ черное господъ и, наконецъ, монахиня, но всѣ они были безъ головы. Епископъ приступилъ къ алтарю и сталъ служить обѣдню, причемъ

[62]) *Česky Lid*, 1900, IX, 258.

одинъ изъ пришедшихъ съ нимъ мужчинъ игралъ на хорахъ на органѣ, другой же вмѣстѣ съ монахиней сидѣлъ на скамьѣ и слушалъ. Черезъ часъ свѣчи потухли, и видѣніе исчезло. Утромъ объяснилъ ей папа, что безголовыя привидѣнія были ея дѣти, которыхъ она должна была родить: одинъ сынъ сталъ бы епископомъ, второй знаменитымъ музыкантомъ, третій продолжателемъ ихъ рода (Stammhalter), дочь же была-бы игуменьей монастыря. На слѣдующую ночь грѣшница опять пошла молиться въ церковь, но въ полночь явились ея дѣти и растерзали ее; утромъ нашли въ церкви только ея одежду, а подъ потолкомъ леталъ бѣлый голубь, который улетѣлъ въ открытую дверь [63]).

Другія нѣмецкія параллели легенды, а также двѣ ея литературныя обработки въ балладахъ Ленау'а „Anna“ и Франкля „Die Kinderlose“, указаны въ интересной, посвященной этому бродячему легендарному сюжету, статьѣ проф. Іоганнеса Больтэ [64]).

Въ швейцарскомъ варіантѣ папа велитъ грѣшницѣ поцѣловать змѣю, которую она по пути встрѣтитъ. Она поцѣловала змѣю, но та обвилась ей вокругъ шеи и ночью задавила ее. Подобное же происходитъ въ Оберпфальцскомъ и Гессенскомъ варіантахъ. Въ легендѣ альпійскихъ нѣмцевъ папа велитъ грѣшницѣ возвращаться домой и искать искупленія въ родной церкви. По пути домой грѣшница превращается въ лягушку, но въ церкви дѣти прощаютъ ее и возвращаютъ ей прежній, человѣческій видъ. Въ Эрфуртскомъ варіантѣ являются нерожденныя дѣти на трупѣ матери въ видѣ восьми мышей. Тирольскій варіантъ разсказываетъ о невинной старой дѣвѣ, которой являются въ церкви ея дѣти и внуки, которыхъ она имѣла бы, еслибы была вышла замужъ [65]).

Очень популярна данная легенда также у скандинавскихъ народовъ.

---

[63]) *Zeitschrift* des Vereins für Volkskunde, 1900, X, 436—38.

[64]) *Lenaus Gedicht Anna* въ *Euphorion*, Zeitschr. f. Litteraturgeschichte, 1897, IV, 323—33.

[65]) Больтэ, указ. ст., 332—33.

Датскій варіантъ вводитъ новую черту, именно, грѣшница лишается своей тѣни. Подъ впечатлѣніемъ этого знаменія она раскаивается и отправляется въ свѣтъ искать отпущенія своего дѣвичьяго грѣха. Долго ходитъ она и исповѣдывается передъ многими священниками, но напрасно, отпущенія не даетъ ей никто. Наконецъ одинъ старичокъ наложилъ на нее слѣдующую эпитимію: завелъ ее на ночь въ церковь, зажегъ на алтарѣ свѣчи, далъ ей въ руки святую книгу и велѣлъ ей стоять на колѣняхъ до утра, не произнося ни звука и не трогаясь изъ круга, который онъ сдѣлалъ на полу священнымъ мѣломъ. Послѣ этого онъ ушелъ и закрылъ церковь. Тогда начали къ грѣшницѣ приставать разныя привидѣнія: мужъ звалъ и манилъ ее къ себѣ; семеро ея нерожденныхъ дѣтей махали къ ней привѣтливо ручками, когда же она не отвѣчала имъ, плевали на нее; наконецъ, разныя чудовища бросались на нее и пугали ее. Но она не двигалась съ своего мѣста и все время молилась. Тогда злые духи употребили такую же хитрость, какъ въ Симбирскомъ разсказѣ: они сдѣлали бѣлый день и подъ видомъ священника вызывали ее изъ священнаго круга. Но она все-таки не подалась на обманъ до утра. Вина ея была ей отпущена. Она получила назадъ свою тѣнь и возвратилась къ мужу [66]).

Въ другомъ датскомъ варіантѣ дѣвушка совершаетъ колдовство, предотвращающее дѣторожденіе, только случайно и безсознательно, но, тѣмъ не менѣе, тоже теряетъ тѣнь. Она родила впослѣдствіи 12 дѣтей, но всѣ были мертвыя. На 13-мъ году супружества она пошла съ мужемъ на кладбище, гдѣ росли на могилахъ ихъ дѣтей 12 красныхъ розъ. Тамъ она созналась мужу въ своемъ невольномъ грѣхѣ, а затѣмъ отправилась на покаяніе въ свѣтъ. Когда она однажды зашла по пути въ церковь и молилась, явились ей ея дѣти въ бѣлыхъ одеждахъ. Она пошла затѣмъ дальше въ свѣтъ, но, не замѣчая этого, пришла въ свой собственный домъ. Тамъ она, неузнанная никѣмъ, легла въ печь и

---

[66]) С. Грундтвигъ, *Dänische Volksmärchen*, 1879, II, 258—70.

сгорѣла. Красныя розы на могилахъ ея дѣтей сдѣлались бѣлыми. [67])

Въ шведской легендѣ грѣшница, заколдовавшая рожденіе суженныхъ ей 12 дѣтей, тоже теряетъ тѣнь. Она отправляется на ночь въ церковь, гдѣ являются ей дѣти. Она проситъ у нихъ прощенія, получаетъ его и тутъ же умираетъ. [68])

Въ норвежскомъ варіантѣ Ользена грѣшница ходила всегда ночью въ церковь и молилась о прощеніи ея грѣха, но голосъ изъ стѣны отвѣчалъ ей всегда: для тебя нѣтъ спасенія! Узнавшій объ этомъ священникъ завелъ ее на церковную башню, далъ ей въ руки евангеліе и не велѣлъ сходить внизъ, пока онъ не придетъ и не возьметъ отъ нея книгу. Всю ночь являлись ей разныя привидѣнія: родители, сродники, друзья, мужъ—приходили и звали ее, злые духи пугали ее и зажгли даже башню,—но какъ только она заслонялась евангеліемъ, все исчезало. Наконецъ, изъ-подъ алтаря истекла вода и разлилась по церкви, а на ней выплыли семь мальчиковъ и звали ее: мама! Она опять подняла евангеліе и видѣніе исчезло. Утромъ пришелъ священникъ и сказалъ, что ея грѣхъ отпущенъ, но если она хочетъ жить, то должна добѣжать домой до захода солнца. Она не успѣла исполнить этого и по дорогѣ умерла. [69])

Варіантъ Асбьернсена говоритъ о женщинѣ, которая убила трехъ сыновей. Она ходила три четверговыя ночи подъ рядъ въ церковь и вымаливала прощеніе у каждаго сына отдѣльно. Первые два плюнули на нее и сказали ей: стыдись! Только младшій сынъ простилъ ее. Несмотря на то, она пошла въ свѣтъ, ходила такъ много лѣтъ и умерла—спасенная. [70])

---

[67]) *Zeitschrift* des Ver. f. Volksk., 1904, XIV, 114—15.—Тамъ-же, стр. 115—16, указываетъ проф. Больтэ на датскія литературныя обработки легенды въ балладахъ Шакъ-Штаффельдта, Гауха и Фибигера.

[68]) Больтэ, *Euphorion*, IV, 326—27.

[69]) *Тамъ-же*, 327—28.

[70]) *Тамъ-же*, 329.

Въ третьемъ норвежскомъ варіантѣ, изъ сборника Моэ, грѣшница отправляется въ Римъ къ папѣ. Папа завелъ ее въ церковь и оставилъ ее тамъ въ священномъ кругѣ на всю ночь. Ее пугали разныя чудовища, дѣти укоряли и ругали ее, но она все молилась до утра. Утромъ пришелъ папа и отпустилъ ей ея вину. [71])

Южно-итальянская легенда повѣствуетъ о женщинѣ, которая согрѣшила тѣмъ, что изъ боязни передъ родами рѣшила выйти замужъ только въ старости. Священникъ послѣ исповѣди послалъ ее за отпущеніемъ этого грѣха къ папѣ, послѣдній же посадилъ ее на ночь въ тюрьму. Тамъ она видѣла молодого священника, монаха и монахиню, которые пытались, но не могли молиться. Это были ея нерожденныя дѣти. Младшій изъ нихъ, монахъ, схватилъ ее за волосы и утащилъ въ адъ. [72])

Въ Корсиканскомъ варіантѣ женщина троекратно убивала свой плодъ. Священникъ велѣлъ ей принести тѣ рубашки, въ которыхъ она совершила преступленіе, а затѣмъ повелъ ее въ церковь. Здѣсь онъ потрясъ рубашки и изъ нихъ выпали три лягушки, которыя начали бѣгать по церкви. Затѣмъ одна изъ нихъ вспрыгнула на алтарь, вторая на стѣну, а третья въ боковую часовню. Это были три сына грѣшницы: одинъ сталъ бы епископомъ, второй знаменитымъ художникомъ, третій ученымъ священникомъ. Послѣ этого священникъ далъ женщинѣ мечъ и чашу и велѣлъ принести воды изъ священнаго колодца, оберегаемаго дракономъ о семи головахъ. Если она успѣетъ достать воды и отрубитъ дракону по крайней мѣрѣ одну голову, то будетъ спасена. Она пошла къ колодцу и защищалась изо всѣхъ силъ мечомъ, но напрасно, не могла дракону ничего сдѣлать, такъ какъ ему помогали три лягушки—ея дѣти. Наконецъ, она зарубила всѣхъ трехъ лягушекъ, но тогда драконъ бросился на нее и разорвалъ ее въ куски. [73])

---

[71]) *Тамъ-же*, 329—30.—Ср. еще дальнѣйшія скандинавскія параллели по указаніямъ Либрехта въ *Germania*, 1883, XXVIII, 114.

[72]) *Тамъ-же*, 331.

[73]) Ортоли, *Les contes populaires* de l'ile de Corse, 1883, стр. 5—8.

Въ бретонскомъ разсказѣ женщина, сдѣлавшаяся при помощи врача безплодною, должна ходить три ночи совершенно голой на берегъ рѣки и держать надъ головой дубовую вѣтку, которую ей далъ для этой цѣли священникъ. Разныя чудовища являлись и угрожали ей, но она не упустила вѣтки. Возвращаясь утромъ домой, она встрѣтила монаха,священника и монахиню (une religieuse). Это были ея дѣти. Всѣ они ей привѣтливо кланялись, въ знакъ того, что простили ей ея грѣхъ. Черезъ три дня она умерла, а душа ея пошла на небеса. [74])

Другой бретонскій варіантъ опредѣляетъ грѣхъ женщины такимъ образомъ, что она, вслѣдствіе неосторожности, но безъ злого умысла, родила троихъ дѣтей мертвыми. Священникъ велѣлъ ей отправиться въ ближайшую ночь, въ полночь, на кладбище и обойти девять разъ вокругъ церкви, произнося при этомъ молитву покаянія. Тамъ ей явились ея дѣти, которыя были очень блѣдны и печальны: старшій сынъ сдѣлался бы офицеромъ, второй адвокатомъ, а дочь монахиней. Всѣ они укоряли мать въ томъ, что она сдѣлала изъ нихъ мертвыя тѣни. Мать лишилась чувствъ и упала, а вскорѣ послѣ этого умерла. [75])

Слѣдующій бретонскій варіантъ говоритъ о дѣвушкѣ‘ которая, боясь родильныхъ болей, рѣшила не выходить замужъ. Такъ она и умерла старой дѣвой. Ночью послѣ ея похоронъ явилась она, однако, назадъ въ домъ родителей, а вслѣдъ за нею вбѣжали семь поросятъ, которыя съ визгомъ бросились на нее и разорвали ее въ куски. Затѣмъ они превратились въ семь красивыхъ мальчиковъ и улетѣли на небеса. [76])

Въ другомъ подобномъ-же варіантѣ нерожденныя дѣти должны, подъ видомъ поросятъ, преслѣдовать свою умершую мать до тѣхъ поръ, пока каждое изъ нихъ не съѣстъ кусокъ ея тѣла и не достигнетъ, такимъ образомъ, креще-

---

[74]) Люзэль, *Légendes chrétiennes* de la Basse-Bretagne, 1881, II, 207—10.
[75]) *Revue* des traditions populaires, 1891, VI, 751—52.
[76]) Ролландъ, *Faune populaire* de la France, 1882, V, 251.

нія кровью. По заклинанію священника они объѣдаютъ ей ноги, послѣ чего превращаются въ семь мальчиковъ. [77])

Въ связи съ этой легендой существуетъ въ Бретани также слѣдующее общее повѣріе: Замужняя женщина, которая умышленно дѣлаетъ себя безплодной, возвращается по смерти на землю подъ видомъ свиньи, преслѣдуемой маленькими поросятами, въ количествѣ, равномъ числу дѣтей, которыхъ она имѣла бы, повинуясь естественному закону. [78])

Въ послѣднемъ, извѣстномъ намъ, бретонскомъ варіантѣ женщина удушила своихъ дѣтей уже послѣ рожденія ихъ. Однажды, когда она молилась на ихъ могилѣ, они явились подъ видомъ бѣлокъ и растерзали грѣшную мать. [79])

Въ заключеніе укажемъ еще на интересное обстоятельство, что та же легенда извѣстна также индѣйцамъ сѣверной Америки. Дѣти являются здѣсь въ видѣ рыбокъ. [80])

Такимъ образомъ, изъ подробнаго обзора иностранныхъ параллелей легенды о нерожденныхъ дѣтяхъ мы въ достаточной степени убѣдились въ томъ, что она не можетъ никакъ считаться литературной собственностью русскаго народа, но представляетъ одинъ изъ такихъ международныхъ, бродячихъ сюжетовъ, первоначальную родину и послѣдовательность распространенія которыхъ уловить нынѣ совсѣмъ невозможно. По недостатку посредствующихъ звеньевъ и какихъ бы то ни было другихъ историко-литературныхъ указаній, мы не имѣемъ также возможности опредѣлить даже приблизительно ближайшій передаточный этапъ ея, съ котораго она перешла когда-то и въ русскую народную словесность, что, впрочемъ, для нащего настоящаго изслѣдованія не столь существенно и важно. Важно то, что данная легенда, какъ мы уже имѣли случай замѣтить выше, была когда-то, повидимому, распространена въ русской словесности довольно

---

77) *Revue* des trad. pop., VII, 86—7.

78) *Revue Celtique*, 1870, I, 421, примѣч. 1-е.

79) *Zeitschrift* d. Ver. f. Volksk., XIV, 117. — Ср. еще *Mélusine*, IX, 61, 184.

80) Больтэ, *Euphorion*, IV, 332.

широко и усвоена ею давно и устойчиво, о чемъ достаточно убѣдительно свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что она сохранилась здѣсь въ варіантахъ, раздѣленныхъ разными нарѣчіями и значительнымъ, лишеннымъ какихъ бы то ни было посредствующихъ этаповъ, разстояніемъ.

Будучи же давно и широко извѣстной въ русской народной словесности, данная легенда могла имѣть также нѣкоторую долю вліянія на образованіе такого сроднаго и близкаго ей по сюжету и духу литературнаго явленія, какимъ представляется интересующій насъ духовный стихъ о грѣшной дѣвѣ. Это относится, главнымъ образомъ, ко второй части стиха, повѣствующей о покаянныхъ мытарствахъ грѣшницы въ церкви, а также о ея смерти и явленіи ея нерожденныхъ или умерщвленныхъ дѣтей,—которая именно близко совпадаетъ съ легендой, не только въ общихъ чертахъ, но также и въ нѣкоторыхъ подробностяхъ. Такъ, напр., раскаяніе грѣшницы начинается въ стихѣ только послѣ бывшаго ей чудеснаго знаменія, какъ и въ западноевропейскихъ варіантахъ легенды, что русскіе варіанты, повидимому, вмѣстѣ съ цѣлымъ вводнымъ разсказомъ, утеряли. Далѣе, предостереженіе грѣшницы Господомъ о томъ, чтобы не входила въ церковь одна, безъ священника, очень напоминаетъ легендарный мотивъ о томъ, что именно священникъ (въ гал.-рус. варіантѣ „паламарь“) сопровождаетъ женщину въ церковь и даетъ ей тамъ разные священные обереги отъ злой силы. Впрочемъ, и сама эта эпитимія легенды, заключающаяся въ пребываніи грѣшницы ночью въ церкви, совсѣмъ отвѣчаетъ стиху, въ которомъ Господь посылаетъ грѣшную дѣву къ исповѣди въ церковь. Точно такъ-же мотивъ легенды о явленіи женщинѣ въ церкви разныхъ привидѣній отвѣчаетъ чудеснымъ знаменіямъ въ церкви при вступленіи въ нее грѣшной дѣвы, которая даже, можетъ быть, въ первоначальной редакціи стиха оставалась въ церкви всю ночь на испытаніи. Остается, наконецъ, послѣдній, существенный мотивъ—появленіе дѣтей грѣшницы и ихъ участіе въ ея наказаніи. Этотъ мотивъ наиболѣе сближаетъ нашъ стихъ съ легендой и почти тожественъ въ обоихъ: и въ томъ и въ

другой обиженныя дѣти являются въ церковь, чтобы отомстить матери свою обиду, горько укоряютъ, а затѣмъ убиваютъ ее. Если же въ стихѣ грѣшница распадается въ прахъ раньше, чѣмъ появляются ея дѣти, такъ что тѣ издѣваются только надъ ея костьми, то въ этомъ нельзя не видѣть явной несообразности, не вяжущейся съ цѣлымъ содержаніемъ и характеромъ стиха и возникшей, очевидно, только впослѣдствіи, вмѣстѣ съ другими испорченными и выцвѣтшими чертами его варіантовъ.

Намъ кажется, такимъ образомъ, что производная зависимость стиха о грѣшной дѣвѣ отъ указанной нами странствующей легенды представляется вполнѣ возможной и вѣроятной, тѣмъ болѣе, что другого такого цѣльнаго и близкаго источника для его народно-поэтическаго состава, за исключеніемъ нѣсколькихъ, отмѣченныхъ выше, подробностей, русская народная словесность не имѣетъ вовсе.

Подведемъ итоги нашимъ разысканіямъ.

Духовный стихъ о грѣшной дѣвѣ образовался на бѣлорусской территоріи, гдѣ онъ и нынѣ еще пользуется наибольшимъ распространеніемъ и вниманіемъ. Отсюда онъ проникъ однимъ случайнымъ отпрыскомъ въ великорусское нарѣчіе, другая же, позднѣйшая струя занесла его въ малорусскую словесность. Непосредственно отъ бѣлоруссовъ перешелъ стихъ въ Польшу, оттуда же въ Моравію и въ Лужицу.

Рядомъ съ духовнымъ стихомъ существуютъ въ славянскихъ литературахъ также двѣ балладныя пѣсни на ту-же тему, проникшія также къ угро-россамъ и галицкимъ лемкамъ. Однако, эти пѣсни, кромѣ общей темы, не имѣютъ никакого прямого отношенія къ стиху и только случайно и поверхностно соприкасаются и переплетаются иногда съ его западно-славянскими варіантами. То-же самое, только еще въ большей степени, можно сказать о бытовыхъ пѣсняхъ новѣйшаго времени, распространенныхъ также въ малорусской словесности.

Что касается внутренняго состава и характера стиха, то прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что въ немъ тѣсно сочетались и слились воедино духовно-книжный и народно-поэтическій элементы, причемъ, однако, послѣдній получилъ такое рѣшительное преобладаніе надъ первымъ, что почти совсѣмъ поработилъ и заслонилъ его. Правда, основная схема или канва заимствована стихомъ въ общихъ чертахъ изъ евангельскаго разсказа о встрѣчѣ Спасителя съ Самарянкой, но на эту канву наложила народная поэзія такую густую и яркую оболочку, что послѣдняя именно и составляетъ въ немъ главное и самое интересное литературное ядро.

Это ядро воспринято стихомъ, главнымъ образомъ, изъ русскаго извода странствующей легенды о нерожденныхъ дѣтяхъ, причемъ въ составъ его вошли также, точно самоцвѣтные каменья мозаики, нѣкоторые мелкіе мотивы и черты народной поэзіи.

Въ общемъ—это уже, собственно, не духовный стихъ, а вѣрнѣе – *духовная, легендарная баллада.*

Ю. Яворскій.

Опечатки.

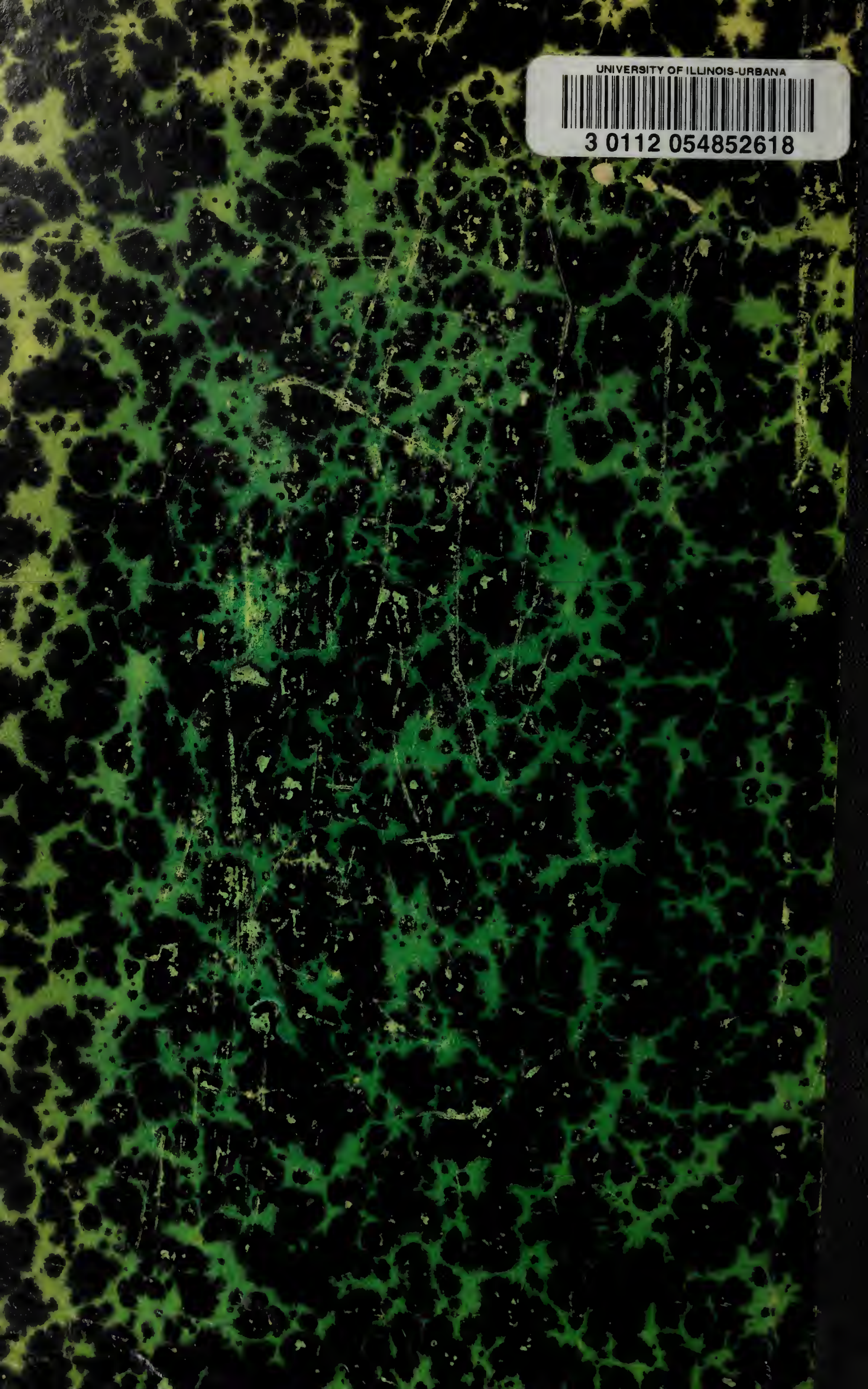
Въ статьѣ Е. Ѳ. Карскаго:

на стран.:	въ строкѣ:	напечатано:	слѣдуетъ читать:
85	18 сверху.	Лекціи, 2	Лекціи [2]
—	21 „	умягчитальные	умягчительные
86	1 снизу	зъ	съ
90	20 сверху	лежитъ, читаютъ	лежытъ, чытаютъ.

Въ статьѣ А. М. Лукьяненка:

96	6 снизу	*У* является вм. *в* въ глагольныхъ формахъ и т. д.	*У* является вм. *о;* явленіе это основано на аналогіи; здѣсь возобладала основа настоящаго времени.

Содержаніе.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 054852618